
Министерство образования и науки Российской Федерации
ГОУ ВПО «Кемеровский государственный университет»

Учебное пособие
для вузов

В.В. Желтов

СРАВНИТЕЛЬНАЯ ПОЛИТОЛОГИЯ

*Допущено Минобрнауки России в качестве учебного пособия для
студентов высших учебных заведений, обучающихся
по направлению подготовки 030200
и специальности 030201 ВПО «Политология»*

**«Академический проект»
Москва, 2020**

УДК 32.001
ББК 66.0
Ж 52

Издано при финансовой поддержке Федерального агентства по печати
и массовым коммуникациям в рамках Федеральной целевой программы
«Культура России»

РЕЦЕНЗЕНТЫ:

Доктор политических наук, профессор **И.Н. Гомеров** (г. Новосибирск)
Доктор политических наук, профессор **О.В. Омеличкин** (г. Кемерово)
Кафедра политологии Томского государственного университета (зав.
кафедрой доктор политических наук, профессор **А.И. Щербинин**)

Желтов В.В.

Ж 52 Сравнительная политология: учебное пособие для
вузов / В.В. Желтов. — М.: Академический проект,
2020. — 648 с. — (Gaudeamus).

ISBN 978-5-8291-3155-5

В учебном пособии освещены происхождение и характер
сравнительной политологии. Особое внимание уделено методоло-
гическим и методическим вопросам сравнительного анализа в по-
литологии. Показаны основные сферы их применения: государство,
политическая власть, политические режимы, политические партии
и заинтересованные группы, исполнительная власть, парламенты,
администрации. Работа содержит обширный эмпирический мате-
риал.

Учебное пособие предназначено для студентов высших учеб-
ных заведений, обучающихся по специальностям «Политология»
и «Социология», аспирантов, преподавателей и исследователей, а
также для всех интересующихся проблемами политической жизни
общества.

УДК 32.001
ББК 66.0

ISBN 978-5-8291-3155-5

© Желтов В.В., 2007
© Оригинал-макет, оформление.
Академический проект, 2020

ПРЕДИСЛОВИЕ

Сравнительная политология является одной из ведущих отраслей научного политического знания. Она вооружена своими собственными методами исследования, применяемыми для анализа целого ряда привилегированных объектов изучения. Это позволяет компаративистам, как нередко называют тех, кто занимается проведением сравнительного анализа, выявлять специфику каждого из объектов изучения, что достигается путем сопоставления того или иного национального политического явления или процесса с аналогичными явлениями и процессами в иных странах. Такое сопоставление позволяет глубже понять тот или иной исследуемый феномен.

Не случайно американские политологи Г. Алмонд и Г. Пауэлл в своей работе «Сравнительная политика» заявили об «интеллектуальной революции» в деле сравнительного подхода к политической науке. Согласно их представлениям, в 60-е гг. утверждались четыре главных инновации. К ним относятся: лучшее знание мирового политического опыта; утверждение менее формального и менее институционализированного подхода; большая строгость в описании и анализе политических объектов; более адекватные рамки теоретической интерпретации¹. В последующем, в частности в 70–80-е гг. прошлого столетия, численность сравнительных научных исследований, а также научных публикаций, основанных на таких исследованиях, во всем мире существенно возросла. Причем сравнительным исследованиям подвергались как западные страны, так и страны «третьего мира», а также бывшие социалистические страны.

Исследования, проводившиеся в 60–80-е гг., как считают видные французские компаративисты², отмечены двумя

¹ *Almond G., Powell G. Comparative Politics. Boston, 1966.*

² *Mény Y., Surel Y. Politique comparée. Les démocraties Allemagne, États-Unis, France, Grande-Bretagne, Italie. P., 2001. P. 5–6.*

главными чертами: отказ, хотя бы частичный, от прежних подходов в проведении сравнения, а также развитие на этой основе новых подходов в компаративистике.

Поясним это положение. Компаративисты исходили, в частности, из того, что сравнительный анализ опирался на идею, согласно которой развитие любого общества основывается на динамике его индустриализации и урбанизации. В сочетании с функционалистским подходом это означало, что в большей или меньшей степени каждому этапу экономического и социального развития общества и государства должно было, по определению, соответствовать то или иное состояние политической системы. И второй основной постулат тех времен, который использовался при проведении сравнительного анализа, заключался в том, что многие компаративисты и политологи были убеждены, что общества движутся к формированию некой единой универсальной модели политической организации общества, которая очень сильно напоминает американскую модель. Это выражалось, к примеру, в теории конвергенции, которая широко обсуждалась во многих странах.

Как такие подходы сказывались на сравнительном анализе? Компаративисты тех лет в своем большинстве признавали, что политическое развитие носит детерминированный характер, с одной стороны, а с другой — за пределами сравнительного анализа оказывались социальные и культурные различия разных стран, которые были связаны с особенностями исторического развития той или иной конкретной страны.

Как будет нами показано ниже, сравнительная политология в последние полтора-два десятилетия решительно отказалась от универсализма и девелопментализма, весьма популярных среди политологов концепций прежних лет. На передний план вышли в итоге вопросы исторической и географической специфики той или иной страны. Правда, в таком подходе сам процесс сравнения сталкивался с новыми трудностями: выдвигание на передний план культурных различий между политическими режимами вносило дополнительные трудности в сравнение, например политических режимов. Возникла опасность того, что общества могли толковаться как не подлежащие сравнению.

Однако, несмотря на трудности, с которыми сталкиваются компаративисты при проведении сравнения, сравни-

тельная политология остается весьма полезной и необходимой для проведения политических исследований.

Что скрывается за сравнением тех или иных политических объектов? Осуществление сравнения, как считают видные французские политологи Бертран Бади и Ги Эрме, означает прежде всего *получение знания* об исследуемой политической реальности и *осмысление* этой реальности. *Получение знания* предполагает отказ от стереотипов, которые нередко связаны с тем, что социологи и политологи называют здравым смыслом, как, впрочем, и отказ от разного рода мистических или эзотерических формул, получивших определенное распространение в последние годы в общественном сознании. *Осмысление конкретной политической реальности*, используя возможности сравнительного анализа, позволяет исследователю увидеть не только то общее, что характерно, к примеру, для политических систем, но и то особенное, что проявляется в организации и деятельности конкретной политической системы в условиях данной страны.

Сравнительный анализ позволяет *понять*, т. е. интерпретировать политические явления или процессы, как, впрочем, и саму политику, выходя за пределы универсалистских или этноцентрических представлений о них. Это означает, что любой объект сравнения (парламент, политическая партия, администрация и т. д.) несут на себе печать исторического развития, культуры той или иной страны, что придает этим феноменам особенные черты. Незнание таких, как мы сказали, особенных черт ограничивает, а то и просто делает невозможным познание объекта.

Сравнительный анализ позволяет также *релятивизировать* знание, выйти за пределы привычной политической лексики, теорий, детерминант, предположений. Как известно, в политической науке не существует универсальной политической лексики, т. к. любая концепция не является *a priori* универсальной. Еще в меньшей степени политическая лексика является универсальной, если она основывается на строгих и ограниченных дефинициях. Скажем и о том, что не существует и универсальных детерминизмов¹, т. к. историческое развитие является комплексным и многовариантным. А если это так, то не существует и полностью универсальных политических теорий: любая теория испыты-

¹ Детерминизм (лат. *determinare* — определять) — философская концепция, признающая объективную закономерность и причинную обусловленность всех явлений природы и общества.

вает на себе влияние воззрений и культуры политолога или социолога, который разрабатывает некую теоретическую конструкцию или интерпретацию. К тому же, сравнительный анализ предполагает своеобразное расчленение, уточнение, исправление прежних парадигм и подходов, которые использовались при изучении одной и той же политической реальности. К сказанному добавим: используемый в разных странах политический словарь одним и тем же понятиям, как мы увидим ниже, придает расходящийся, подчас весьма существенно, смысл. Так, понятия «государство», «гражданство», «суверенитет» и т. д. различным образом трактуются в странах Европы, например и в странах Ближнего Востока. И с этим нельзя не считаться при проведении сравнительного анализа.

Понимание изучаемого на основе сравнительного метода политического феномена предполагает *освобождение* исследователя от инерции этноцентризма, а также от универсальности и однозначности. Сравнительный метод делает возможным на основе учета плюральности и разнообразия явлений и процессов выявлять влияние на них действий тех или иных политических сил, обнаруживать разрывы в развитии процессов и соответствующим образом оценивать значение мобилизации социальных актеров. Именно сравнительный анализ позволяет выявить и показать различия в траекториях политического развития, что во многом объясняется различиями в реакции населения на различные события. Реакция населения, восприятие им каких-либо политических событий и процессов определяется спецификой национальной культуры и традициями народа, что тоже является неотъемлемой частью сравнительного анализа.

Как отмечают компаративисты, теоретические размышления в рамках сравнительного анализа должны строиться таким образом, чтобы они позволяли доказывать свою способность не только в том, чтобы трактовать эмпирические данные, но и подвергать их верификации. При этом необходимо при проведении сравнения учитывать тот факт, что специфику любого явления или процесса можно осмыслить лишь при опоре на данные исторического развития¹.

Предлагаемое читателю учебное пособие не решает всех проблем сравнительной политологии. Он не претендует на то, чтобы подвести некий итог развития сравнительной

¹ Cf. Mény Y., Surel Y. Op. cit. P. 1 – 3.

политологии в нашей стране. Более того, автор стремился максимально использовать наработки и подходы, которые получили освещение в работах таких политологов, как В.А. Ачкасов¹, Г.В. Голосов², Л.В. Сморгунов³, внесших немалый вклад в разработку вопросов сравнительной политологии, а также во введении в учебный процесс вузов новейших достижений данного направления политической науки.

Автор стремился освещать все вопросы сравнительной политологии с учетом достижений и мировой политической мысли. В предложенном читателю пособии использовались работы ряда зарубежных, прежде всего французских, политологов. Особенно ценными в этом отношении были работы профессоров Института политических наук Парижа Б. Бади и Г. Эрме⁴, социологов П. Лecomта и Б. Денни⁵, И. Мени и И. Сюреля⁶ и некоторых других.

Предложенное читателю учебное пособие состоит из трех частей.

Первая часть пособия «Теоретические основы сравнительных политических исследований» посвящена освещению сравнительного метода, который используется в политической науке.

Вторая часть учебного пособия «Сравнительная политическая власть» сосредоточивает внимание читателя на сравнительном анализе комплекса вопросов политической власти как ключевого понятия политической науки. Вниманию читателя в этой части представляется достаточно развернутая характеристика динамики политического развития в разных странах. В частности, в этой части пособия освещается динамика политического развития в западных странах, а также в таких странах, как Китай, Индия, Россия и странах мусульманского мира.

Во второй части пособия внимание читателя наверняка привлечет освещение динамики политического развития в странах Латинской Америки, отличительная черта которой заключается в том, что политическая организация в этом

¹ Ачкасов В.А. Сравнительная политология: курс лекций. СПб., 2002.

² Голосов Г.В. Сравнительная политология: учебник. СПб., 2001.

³ Сморгунов Л.В. Современная сравнительная политология: учебник. М., 2002.

⁴ Badie B., Hermet G. La politique comparée. P., 2001.

⁵ Lecomte P., Dennie B. Sociologie du politique. P., 1999.

⁶ Mény Y., Surel Y. Politique comparée. Les démocraties Allemagne, États-Unis, France, Grande-Bretagne, Italie. P., 2001.

регионе испытывает на себе влияние явления заимствования политических моделей в западных странах, в частности в странах Западной Европы. В итоге заимствованные политические институты натолкнулись на трудности их адаптации к местным условиям, которые, конечно же, существенно отличаются от социально-политического и культурного контекста исторического развития стран Старого континента. Как результат, появляется то, что политологи называют «сиротской» политической динамикой.

И наконец, в третьей части пособия раскрываются вопросы компаративистского анализа политического выражения. Здесь читатель сможет ознакомиться с различными вариантами политического выражения. В их числе — институциональное выражение; надзираемое выражение; а также различные проявления внесистемного политического выражения.

Данное пособие продолжает активную работу ряда преподавателей факультета политических наук и социологии Кемеровского государственного университета по обеспечению учебной литературой студентов, обучающихся по специальностям «Политология» и «Социология». Пособие может использоваться при изучении курсов «Политология», Новой и Новейшей истории на исторических факультетах, а также на отделениях журналистики. Пособие рассчитано не только на студентов, но и на широкий круг читателей, т. е. всех, кто интересуется проблемами политики и политических наук.

ЧАСТЬ I

**ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ ОСНОВЫ
СРАВНИТЕЛЬНЫХ ПОЛИТИЧЕСКИХ
ИССЛЕДОВАНИЙ**

ГЛАВА 1

СРАВНИТЕЛЬНЫЙ МЕТОД

Политическая наука сформировалась в значительной мере на основе использования сравнительного метода. Возникновение этого метода во многом было связано с тем, что он стал своеобразным заменителем эксперимента: не имея возможности оперировать социальными объектами в лаборатории, политолог вынужден был идти по пути сравнения социальных фактов, тех или иных политических явлений, которые относятся к одной и той же категории, но находятся в разных социальных, экономических, политических и культурных контекстах. Сравнение позволяет объяснять их генезис и различия в их конфигурации и устройстве. Так, нередко сравнивают, например, французские и английские конституционно определенные институты, а также партийные системы стран Европы, профсоюзные организации или группы давления различных стран. В рамках политической науки такой подход способствовал появлению специальной области сравнительных политических институтов, начало которой с конца XIX в. было положено американским политологом и социологом А. Лоуэллом, а потом продолжено Дж. Брайсом. Позднее объектом сравнения стало политическое поведение. Причем сравнение в данном случае не ограничивалось межнациональным уровнем. В последние десятилетия электоральная социология широко использует межрегиональное сравнение, например голосование избирателей.

Сказанное позволяет утверждать, что сравнение в большей мере является методом, нежели объектом. При всем значении теории метод и его проблемы являются центральными в сравнительной политологии. И задача этого метода заключается в том, чтобы не только выявлять сходство и различия тех или иных социальных фактов в зависимости от национальной принадлежности, но и выявлять *объяснительный вектор* развития социальных процессов. А это означает, что далеко не главной является принадлежность того или иного феномена к той или иной

стране. Важнее другое. Встают, в частности, такие вопросы: имеется ли реальная основа для сравнения? Принадлежат ли объекты, которые сравнивают между собой, к одной и той же категории, без чего не может быть валидности сравнения?

Сравнение выступает общей установкой познания. Сравнивая некоторые (по меньшей мере два) процессы, факты, элементы структуры, качества явлений, понятия, человек обнаруживает нечто общее или различное между ними. И потому есть основания полагать, что *сравнение как метод познания представляет собой способ выявления общего и особенного в изучаемых феноменах.*

Сравнительный метод опирается на совпадающие изменения. На это указывал еще английский философ, экономист и политический деятель Дж.С. Милль (1806 – 1873). Он, в частности, писал о том, что при сравнении исторических фактов исследователь пытается найти некоторые обобщающие эмпирические законы, касающиеся либо сосуществования, либо последовательности условий и явлений, т. е., на современном языке, — отыскать корреляционные или каузальные зависимости. Априорно вывести их из законов человеческой природы невозможно. Эти зависимости выявляются при изучении исторических фактов и событий. Однако и эмпирические законы не всегда верны, поэтому они требуют постоянной проверки эмпирическим сравнением.

Дж.С. Милль впервые разработал разнообразные схемы логического доказательства наличия или отсутствия причинно-следственных связей явлений. Трудно переоценить значение вклада Дж.С. Милля в индуктивный метод сравнения наиболее похожих систем. Эти подходы используются до сегодняшнего дня в социальном эксперименте на основе принципа сравнения двух и более групп. Он сформулировал «четыре метода опытного исследования» — это методы *единственного сходства, единственного различия, сопутствующих изменений и остатков.* Задача, согласно Дж.С. Миллю, заключается в том, чтобы дать интерпретацию тех изменений, которые воздействуют на данный социальный объект, сводя их к различным констатациям образа действия того или иного фактора. Сравнительная область политического исследования лежит между эмпирическими данными и политической теорией и философией, черпая из последней гипотезы и проверяя их серийными

наблюдениями. Как справедливо отмечает Дэвид Аптер, «сравнение явилось особым способом связывания идей, проистекающих из политической философии и теории, с эмпирическими событиями и феноменами»¹.

Так, электоральная география породила ряд сравнительных исследований и гипотез. Известно, что каноник² Булар предпринял попытку объяснить различие политической окраски тех или иных географических регионов во Франции на основе религиозной переменной. Это позволило ему создать карту проникновения христианства во Францию.

Ранее, в XIX в., А. де Токвиль использовал сравнительный метод при изучении американской демократии. Он, в частности, рассказывал своему другу о том, какую роль в написании «Демократии в Америке» сыграли его мысли о французских институтах и культуре. Токвиль утверждал: «Хотя в своей книге я крайне редко говорил о Франции, я не писал ни одной страницы, не имея ее, так сказать, перед глазами»³. А. де Токвиль использовал сравнительный метод и в своей работе «Старый режим и революция», где он сравнивает Францию и Англию. Он стремился объяснить некоторые различия объекта своего исследования: важность революционного процесса, развитие государства и демократии по обе стороны Ламанша. Токвиль обращает внимание на значительную социальную изоляцию во Франции, связанную, в частности, с сохранением феодальных отношений и прав. В более общем плане, рассуждая о сравнительном (компаративном) методе, Токвиль высказал следующее замечание: «Не имея объекта для сравнения, разум не знает, в каком направлении ему двигаться»⁴.

¹ Apter D. Comparative Politics, Old and New // A New Handbook of Political Science / Ed. By R. Goodin and H.-D. Klingman. New York, 1996. P. 372.

² Каноник (ср. — лат. *canonicus*) — член капитула двух католических англиканских церквей. Капитул (лат. *capitulum*) — коллегия священников, состоящих при епископе или кафедральном соборе в католической англиканской церкви.

³ A. de Tocqueville to E. de Chabtol. Oct. 7. 1831. And L. De Kergolay. Oct. 18. 1847 // Tocqueville A. de. Selected Letters on Politics and Society. Berkeley, 1985. P. 59, 191.

⁴ Цит. по: Алмонг Г., Пауэлл Дж., Стром К., Далтон Э. Сравнительная политология сегодня: мировой обзор: учебное пособие / Сокр. пер. с англ. А.С. Богдановского, Л.А. Галкиной; под ред. М.В. Ильина, А.Ю. Мельвиля. М., 2002. С. 69.

Развитие сравнительного метода в политической науке и возникновение на этой основе сравнительной политологии связано с рядом обстоятельств. Едва ли не важнейшим стимулом к возникновению сравнительной политологии стала потребность в расширении географического кругозора политической науки. Это положение в полной мере справедливо для США, которые после Второй мировой войны оказались «лидером свободного мира», одной из двух сверхдержав. А это заставило политическое руководство страны сосредоточить свое внимание в том числе и на вопросах политического развития в различных странах. К тому же, уроки политического развития межвоенного периода, когда возникли фашистские режимы, требовали осмысления всего комплекса вопросов, связанных с появлением того, что получило наименование «тоталитаризм».

Во-вторых, после Второй мировой войны стали появляться в итоге национально-освободительной борьбы народов все новые и новые независимые государства — бывшие колонии. Острой политической проблемой в этой связи стал выбор пути развития. Одни из освободившихся стран развивались в рамках утверждения демократических форм правления и становились союзниками США и других западных стран, другие, при поддержке Советского Союза и стран мировой социалистической системы, избирали социалистическую ориентацию в своем развитии. Борьба между двумя сверхдержавами в условиях «холодной войны» порождала потребность научного осмысления всего того, что связано с политической организацией общества. Эта потребность была тем более острой потому, что создававшиеся в освободившихся странах демократические политические институты чаще всего играли совсем другие роли, нежели в США и странах Западной Европы.

1.1. Становление сравнительной политологии

В 1923 г. американский политолог Чарльз Мэрриам, анализируя основные этапы развития политической науки, утверждал, что можно выделить четыре стадии:

- априорно-дедуктивная стадия — до 1859 г.;
- историческая и сравнительная стадия — между 1850 — 1900 гг.;
- тенденция к наблюдению, обзору и измерению — с 1900 г. по настоящее время (т. е. по 1923 г. — В.Ж.);

- а далее (в качестве прогноза) — развитие «психологической обработки политики»¹.

Как справедливо отмечает профессор Л.В. Сморгунов, вторая половина XIX в. проходила под знаком внимания к сравнительному политическому исследованию, и основы методологии сравнения, заложенные тогда, оказывали влияние на данную отрасль науки вплоть до середины 40-х гг. XX в. Это время может быть охарактеризовано как этап *становления сравнительной политологии в качестве самостоятельной отрасли в рамках политической науки*. На данном этапе не только формируется понимание значимости сравнительного метода, разрабатываются его теоретические основы, но и создаются условия для осознания особенности этой отрасли политического знания. Хотя сравнительные политические исследования не являются в это время редкостью и для Европы, но именно такого рода исследования, проводившиеся в США в рамках получавшей распространение политической науки, стали источником ее дальнейшего развития. В этой связи следует заметить, что, во-первых, американская политическая наука и сравнительная политология развивались, опираясь на исследовательские традиции Европы, и во-вторых, именно в США сравнительная политология оформилась и в дальнейшем стала оказывать все возрастающее влияние уже на европейские исследования².

Основы сравнительного изучения политики были изложены в книге оксфордского профессора Эдварда Фримена «Сравнительная политика»³. Она включает курс из шести лекций, прочитанных в начале 1873 г. в Королевском институте, а также лекцию об единстве истории, прочитанную в Кембридже. Предметом данного курса было «сравнительное изучение политических институтов и форм правления», прежде всего и преимущественно «принадлежащих к временам и странам в высшей степени удаленных друг от друга»⁴. «Нужно только немного размышления, — считает оксфордский профессор, — подкрепленного некоторой практикой исследований соответствующего рода, чтобы

¹ Merriam Ch. Progress Report of the Committee on Political Research // American Political Science Review. 1923. Vol. 17. P. 286.

² См.: Сморгунов Л.В. Современная сравнительная политология. М., 2002. С. 14–17.

³ Freeman E. Comparative Politics. London, 1873.

⁴ Freeman E. Op. cit. P. 19.

легко усмотреть действительное сходство, скрытое поверхностным различием»¹. Для того, чтобы установить не лежащее на поверхности сходство, «политический строй должен исследоваться, классифицироваться и маркироваться так же, как исследуется строение здания или животного»².

Сравнительное исследование, по мысли Фримена, может касаться трех типов сходства. Первые объясняются прямыми заимствованиями, вторые — подобием условий среды, а третьи и наиболее интересные для Э. Фримена — генетической общностью³. Основной задачей сравнительной лингвистики Э. Фримен считает эволюционную реконструкцию по типу языковой реконструкции, предложенной сравнительно-историческим языкознанием. Именно эта отрасль знания, как отмечает Э. Фримен, «полностью утвердилась в качестве науки». «Другие приложения сравнительного метода являются более поздними и пока не завоевали столь сильных и неуязвимых позиций»⁴.

Почему столь важное значение Э. Фримен придавал филологии в процессе сравнительного исследования? «Сравнительная филология поистине открыла нам несколько стадий доисторического роста человека, о которых у нас нет письменных свидетельств, но которые она делает гораздо более надежными, чем многое из того, что мы имеем в письменных свидетельствах. Она учит нас фактам, для которых не находится внешнего доказательства, но есть доказательство внутреннее, которое при должном установлении становится абсолютно неопровержимым»⁵.

Сходные методологические позиции намечены в работе видного российского социолога, историка, юриста М.М. Ковалевского «Историко-сравнительный метод в юриспруденции и приемы изучения истории права». Подобно Э. Фримену, М.М. Ковалевский убежден, что «из факта случайного сходства или не менее возможного различия нельзя выводить ровно никаких научных заключений»⁶. Ковалевский различает два способа сравнений — поверхностные сопоставления и строгое научное исследование.

¹ Freeman E. Op. cit. P. 20.

² Ibid. P. 23.

³ Ibid. P. 24–36.

⁴ Ibid. P. 3.

⁵ Ibid. P. 5–6.

⁶ Ковалевский М.М. Историко-сравнительный метод в юриспруденции и приемы изучения истории права. СПб., 1880.

«При сравнительном методе, который для меня то же, что метод сопоставительный, — отмечает М.М. Ковалевский, — просто сравнение делается между двумя или более произвольно взятыми законодательствами»¹. Методу произвольных сопоставлений Ковалевский противопоставляет две разновидности историко-сравнительного метода. Первая — *генетическая разновидность*, включает ставшие уже традиционными сравнительно-исторические исследования политических систем и народов, которые «происходят от одного общего ствола, а следовательно, и способны... вынести из общей родины общие юридические убеждения и институты». Другая, *стадиальная разновидность* метода предполагает сравнение институтов и норм, отвечающих одинаковым ступеням общественного развития. Этот метод «находит применение в трудах тех, преимущественно английских и немецких историков и юристов, совокупными усилиями которых удастся, как я думаю, одарить еще XIX век естественной историей общества»².

М.М. Ковалевский выделяет несколько конкретных методологических принципов или «приемов». Первый составляет «изучение фактов переживаний». «Основание себе он находит в том соображении, что позднейшие по времени появления форм общежития не вытесняют собою сразу всех следов предшествующего им по времени порядка»³. Особое значение этот «прием» имеет для отечественных исследователей, т. к. «после Индии Россия представляет, по всей вероятности, ту страну, которая заключает в себе наибольшее число обычаев, обрядов, юридических поговорок, пословиц и т. п., в которых, как в зеркале, отражаются по крайней мере некоторые черты ранних форм общежития, древних, если не древнейших, норм частного и публичного права»⁴. Ковалевский также выделяет «прием филологический», основанный на том, «что язык есть та часть народного достояния, которое вправе претендовать на самую глубокую древность»⁵. Третьим идет изучение сказок и других памятников фольклора. Завершает череду специальных «приемов» исследование археологических памятников.

¹ Ковалевский М.М. Указ. соч. С. 8.

² Там же. С. 10.

³ Там же. С. 27.

⁴ Там же. С. 28.

⁵ Там же. С. 38.

К числу научных достижений М.М. Ковалевского относится установление функции компаративистики как посредницы между теорией и эмпирическими изысканиями. «Значение сравнительного метода вовсе не состоит в открытии новых фактов, а в научном объяснении уже найденных»¹.

Описательный подход был характерен для политологов, воспитанных на образцах изучения юридических и исторических фактов. Именно этот подход Ковалевский характеризовал как метод сопоставительный, или просто сравнительный метод². Его, например, успешно использовал Фрэнсис Лебер, ставший первым профессором истории и политической науки в Колумбийском колледже (впоследствии университете) в 1857 г. Именно с его научной деятельностью обычно связывают внедрение в политические исследования историко-сравнительного подхода. В таком подходе, согласно Ф. Леберу, необходимо использовать *исторические обзоры* всех правительств и систем права; всю *политическую литературу* — от Платона и Аристотеля до Калхуна; *модели государства*, которые изображались политическими философами под названием утопий³.

Существенный вклад в сравнительные политические исследования внесли труды Вудро Вильсона «Государство. Элементы исторической и практической политики»⁴ и Джона Берджеса «Политическая наука и сравнительное конституционное право»⁵. Методология работ В. Вильсона и Д. Берджеса в наши дни относится к так называемому «традиционному подходу» в сравнительной политологии. Суть его заключается в формально-легальном описании, идущем от юридической науки. В таком подходе политика описывается как институциональная сфера, опирающаяся на формализованные нормы и принципы. Однако все то, что связано с сутью сравнительного метода, не оставалось без внимания указанных американских авторов. Так, Д. Берд-

¹ Ковалевский М.М. Указ. соч. С. 23.

² См. также: Шпак Л.Л. История отечественной социологии. Кемерово, 2004. С. 181 – 192.

³ Lieber F. History and Political Science, Necessary Studies in Free Countries // Discipline and History. Political Science in the United States / Ed. By J. Farr, R. Seidelman. Ann Arbor: The University of Michigan Press, 1993. P. 29.

⁴ Wilson W. The State: Elements of Historical and Practical Politics. Boston, 1889.

⁵ Burgess J.W. Political Science and Comparative Constitutional Law. Boston, 1891.

жес писал: «Если моя книга имеет какую-либо особенность, то это — ее метод. Она представляет собой сравнительное изучение. Это попытка применить метод, который считается таким продуктивным в области естественной науки, к политической науке и юриспруденции»¹. Однако, как отмечает профессор Л.В. Сморгунов, применение указанного метода к сравнительным исследованиям политики по образцу естественных наук, иначе говоря, в духе позитивистского эмпиризма, привело к скрупулезному описанию фактов и данных, к их индуктивному обобщению с помощью довольно незамысловатых процедур *ad hoc* сравнения.

В позитивистско-описательном духе выдержаны труды британцев Джона Сили, Фредерика Поллока, их американского коллеги Теодора Дуайта Вулси, а также Джеймса Брайса. Однако самой крупной работой подобного рода стала книга М.Я. Острогорского «Демократия и организация политических партий» о политических партиях, демонстрирующая возможность получения масштабных обобщений путем скрупулезного индуктивного собирания и сравнения фактов политической практики.

При анализе опыта формирующейся дисциплины обращает на себя внимание закономерность, которую, с большей или меньшей отчетливостью, можно отметить и в последующие периоды: всплеск теоретических дискуссий сопровождается последующим падением уровня методологической четкости исследований, когда новые крупные достижения обеспечиваются виртуальным использованием интуиции и индивидуального искусства².

1.1.1. «Традиционная» сравнительная политология

К началу XX в. сравнительная политология (под названием «сравнительное правление» либо «сравнительная политика») стала одной из основных отраслей политической науки. Такой вывод был сделан Американской ассоциацией политической науки в 1912 г. Есть и такая точка зрения, согласно которой традиционная сравнительная политология сложилась к началу Первой мировой войны, т. е. в преддверии 1914 г.

С такими утверждениями вполне можно соглашаться. Однако следует учесть, что инструменты для сравнения

¹ Burgess J.W. Op. cit. P. V.

² См.: Сморгунов Л.В. Указ. соч. С. 17.

были выработаны ранее французским социологом Эмилем Дюркгеймом и немецким политологом и социологом Максом Вебером.

Так, уже в 90-е гг. XIX в. Э. Дюркгейм ввел понятие «социального вида» как некоего особого исследовательского инструмента, который позволял исследователям преодолевать как крайнюю описательность, так и крайнюю абстрагированность научного анализа. «Понятие о социальном виде, — писал Э. Дюркгейм, — имеет то огромное преимущество, что занимает среднее место между двумя противоположными представлениями о коллективной жизни, долгое время разделявших мыслителей; я имею в виду номинализм историков и крайний реализм философов. Для историков общества представляют собой равное их числу количество несравнимых гетерогенных индивидуальностей. У каждого народа своя физиономия, свое особое устройство, свое право, своя нравственность, своя экономическая организация, пригодные лишь для него; и всякое обобщение здесь почти невозможно. Для философа, наоборот, все эти отдельные группы, называемые племенами, городами, нациями, являются лишь случайными и временными комбинациями, не имеющими собственной реальности. Реально лишь человечество, и из общих свойств человеческой природы вытекает вся социальная эволюция. Следовательно, для первых история является лишь рядом связанных между собой, но неповторяющихся событий; для вторых эти же самые события представляют ценность и интерес лишь как иллюстрация общих законов, начертанных в природе человека и управляющих всем ходом исторического развития»¹. И далее Э. Дюркгейм утверждает: «Казалось, что социальная реальность может быть только предметом или абстрактной и туманной философии, или чисто описательных монографий. Но можно избегнуть этой альтернативы, если признать, что между беспорядочным множеством исторических обществ и единственным, но идеальным понятием о человечестве, существуют посредники — социальные виды»².

Таким образом, социальный вид, по Дюркгейму, выполняет своеобразную посредническую роль между абстрагированием и описательностью научного исследования.

¹ Дюркгейм Э. Социология. Ее предмет, метод, предназначение. М., 1995. С. 95.

² Там же. С. 96.

Это — социальная морфология, что фактически относится к компаративистике¹.

Согласно Э. Дюркгейму, существует только одно средство научного доказательства, что тот или иной феномен является причиной другого феномена, что французский социолог определяет как *метод косвенного эксперимента*. Для того, чтобы его осуществлять на практике, Э. Дюркгейм опирается на принцип каузальности, который может быть применен и к истории: «Одному и тому же следствию всегда соответствует одна и та же причина»².

Опираясь на данный принцип, Э. Дюркгейм как бы отказывается от принципа множественной причинности, с позиций которого выступал Дж.С. Милль. Данный принцип открыл для Э. Дюркгейма перспективу более всестороннего учета исторической комплексности и разнообразия каузальных цепей в развитии социального мира. Отдавая предпочтение каузальному объяснению перед пониманием, Э. Дюркгейм открывает возможность понимания исторического развития на основе анализа реальных фактов: «Социальный факт можно объяснить только другим социальным фактом»³. Эта подозрительность к иным объяснениям наглядно проявляется в позиции Э. Дюркгейма к тому, что можно назвать «постоянство прошлого». Правда, он признает, что объяснение социального факта может корениться в понимании «процесса его развития во всех социальных видах»⁴. Однако необходимо исключить фактор «различий в возрасте». «Сравнение может быть доказательным, — утверждает Э. Дюркгейм, — только в том случае, если исключен искажающий его фактор различий в возрасте. Чтобы этого достигнуть, достаточно рассматривать сравниваемые общества в один и тот же период их развития»⁵. Тем самым Э. Дюркгейм отдает предпочтение «совпадению перед лицом предшествования»⁶. И хотя такой подход утрачивает в чем-то историческую и интерпретативную

¹ См.: Сморгунув А.В. Указ. соч. С. 18–19.

² Дюркгейм Э. Указ. соч. С. 142.

³ Там же. С. 156.

⁴ Там же. С. 151.

⁵ Там же. С. 152.

⁶ Davy G. L'explication sociologique et le recours à l'histoire d'après Comte, Mill et Durkheim // Revue de métaphysique et de morale. Juillet-octobre 1949. P. 347.

глубину, но приобретает большие возможности для проведения сравнения и объяснения¹.

Новый шаг в направлении дальнейшего развития сравнительного метода был сделан в начале XX в. Максом Вебером. Он, в частности, в статье «Объективность социально-научного и социально-политического сознания» (1904) выдвинул концепцию идеального типа, который он характеризовал следующим образом: «Это — мысленный образ, не являющийся (здесь и далее курсив М. Вебера. — В.Ж.) ни исторической, ни тем более "подлинной" реальностью. Еще менее он пригоден для того, чтобы служить схемой, в которую явление действительности может быть введено в качестве частного случая. По своему значению это чисто идеальное пограничное понятие, с которым действительность сопоставляется, сравнивается для того, чтобы сделать отчетливыми определенные значимые компоненты ее эмпирического содержания»².

К сожалению, исследовательские инструменты для сравнительного анализа, предложенные Э. Дюркгеймом и М. Вебером, не были сразу же восприняты политологами. В то время в сравнительных исследованиях преобладал институционально-юридический подход с его преувеличенной нормативностью «эмпирических» сравнительных построений. Особенно полно указанный подход получил свое выражение в трудах Джеймса Брайса. Это наглядно проявилось в завершающем труде его научной деятельности — «Современные демократии». Задачу исследователя Брайс видит не в том, чтобы «предлагать теории», а в обобщении данных. «То, что нам необходимо, — утверждал Дж. Брайс, — это факты, факты и еще раз факты»³. Брайс подчеркивает: «Существует два метода рассмотрения предмета. Один, использовавшийся моими предшественниками, заключается в систематическом описании черт демократического правления в целом, используя факты отдельных демократий в качестве иллюстраций предложенных принципов. Другой метод, прославленный Ш. Монтескье и А. де Токвилем, непосредственно связывает его с ключевыми компонентами человеческого общества, позволяя ему следовать за аргументами и оценивать критику, поскольку последние теснее связываются в нашей памяти с фактами,

¹ Déloy Y. Sociologie historique du politique. P., 1997. P. 10–11.

² Вебер М. Избранные произведения. М., 1990. С. 393.

³ Цит. по: Сморгунюв Л.В. Указ. соч. С. 19.

которые их породили»¹. Важность указанного понимания и подхода определяется тем, что это был один из очень немногих примеров обсуждения методологии сравнительных исследований.

Отметим и то, что Дж. Брайс оказался очень близок к тому, чтобы указать на главную проблему «традиционного этапа» сравнительной политологии с его упором на универсализацию и даже мифологизацию частных образцов. Результатом этого, как отмечает профессор Л.В. Сморгунов, становится создание в межвоенный период идеологически мотивированных «мифотипов» демократии, нации, социализма, фашизма, тоталитаризма и т. п., в сравнении с которыми все остальные политические практики заведомо оказывались ущербными или даже подлежащими искоренению.

Что отличало традиционный сравнительный анализ? Его основными чертами, по мнению Роя Макридиса, были следующие:

- по сути несравнивающий;
- по сути описательный;
- по сути ограниченный, паройкиальный;
- по сути статичный;
- по сути монографический².

Труды в области сравнительной политологии указанного периода, как правило, ограничивались рассмотрением сравнительного правления. Компаративисты описывали основные политические институты ведущих стран. В то же время из поля зрения исследователей выпадали многие другие страны. Теоретический уровень исследований был невысоким. Это было следствием, во-первых, отсутствия у компаративистов интереса к теории в силу недоверия к так называемой нормативной политической теории, т. е. политической философии. Среди исследователей преобладало стремление осуществлять наблюдение и проводить эмпирическое обобщение на его основе. Во-вторых, считалось, что высокий уровень теоретической абстракции не дает возможности осуществить эмпирическую проверку, и наоборот, теоретические абстракции в принципе не

¹ Сморгунов Л.В. Указ. соч. С. 19–20.

² Macridis R. The Study of Comparative Government. New York, 1955; Macridis R. Survey of the Field of Comparative Government // Comparative Government: A Reader / Ed. By J. Blondel. London; Basingstoke, 1969; Сморгунов Л.В. Указ. соч. С. 20.

наблюдаемы. Существующие политические институты и нормы легко описывались уже сложившимся языком норм. В-третьих, существовало убеждение о проблематичности формирования науки о политике, которая была подвержена колебаниям и сильному влиянию субъективного фактора.

Несмотря на сложившуюся ситуацию в рамках традиционного подхода, уже в 30-е гг. прошлого столетия ситуация начинает меняться. Начало изменениям положило фундаментальное 120-томное произведение Арнольда Тойнби «Постижение истории». Это произведение, выход в свет которого охватил период с 1934 по 1961 г., стало образцом компаративистики. В первом томе своего труда А. Тойнби освещает свое понимание сравнительного метода. Откликаясь на известную проблему «уникальности» политических явлений и, шире, на «полуправду тезиса о неповторяемости истории», Тойнби пишет: «Наш ответ состоит в том, что хотя каждый факт, как и каждый индивид, уникален и тем самым в некоторых отношениях несравним, в других отношениях он может оказаться элементом своего класса и потому сопоставимым с другими элементами данного класса, насколько это позволяет классификация»¹. Британский компаративист выделяет три метода: «Первый состоит в установлении и фиксации «фактов», второй — в выявлении посредством сравнительного анализа установленных фактов общих «законов», третий — в художественном воссоздании (недостающих. — В.Ж.) фактов в форме «фантазии»².

В 30-е и в 40-е гг. прошлого века публикуется ряд работ, которые вносили свой вклад в дальнейшее развитие сравнительных исследований. В их числе труд Германа Файнера «Теория и практика современного сравнения» (1932), книга Карла Фридриха «Конституционное правление и политика» (1937), сочинение Кеннета Уинера «Федеративное правление» (1945). Заметное влияние на развитие сравнительного метода оказала и книга французского политолога Мориса Дюверже «Политические партии», увидевшая свет еще в 1951 г. и с тех пор выдержавшая около 20 переизданий. Она была издана и в нашей стране на русском языке в 2002 г.

В 30-е гг. прошлого столетия значительное внимание развитию сравнительного метода и сравнительных иссле-

¹ Цит. по: Сморгунюв А.В. Указ. соч. С. 22.

² Там же.

дований уделялось в США. Так, в Чикагском университете в те годы уже читался ряд курсов по сравнительным исследованиям. Среди таких курсов можно выделить общий курс по сравнительному правлению (Л. Уайт), курс по сравнительному анализу политических партий (Г. Госнелл), по общественному мнению с привлечением материалов из Европы (Г. Лассуэлл).

Дальнейшему развитию сравнительной политологии в США содействовала политическая экспансия этой страны после Второй мировой войны. При этом американские политики и политологи, как мы уже отмечали, исходили из того, что воспринимали собственную политическую систему едва ли не идеальной, а политическое развитие в других странах осмысливалось с позиций соответствия или несоответствия американской политической практике. Такая практически-политическая ситуация предполагала создание специальной дисциплины с собственной методологической базой и набором соответствующих методик.

Существенным фактором развития сравнительной политологии в межвоенный период и в первые годы после Второй мировой войны стал мощный приток в США интеллектуальных сил из Европы в лице эмигрантов из числа ученых из Германии, Австрии, а затем и других стран, ставших жертвами гитлеровской агрессии.

В эти же годы происходит институционализация компаративистики. В годы Второй мировой войны в рамках Американской ассоциации политической науки был создан специальный комитет по компаративистике. В ряде американских университетов проводятся специальные сравнительные исследования. Все это вместе взятое поднимало компаративистику на новый, более высокий научный уровень.

1.1.2. «Новая» сравнительная политология

Центром движения за сравнительную политологию стал Эванстонский семинар в Северо-западном университете (США), председателем и идейным лидером которого был Рой Макридис. Участниками указанного семинара были Самуэль Биер, Джордж Блэнкстен, Ричард Кокс, Кард Дойч, Гарри Экстейн, Кеннет Томсон, Роберт Уорд. В своем заявлении, опубликованном в 1953 г. в «Американском обозрении политической науки» (*American Political Science*

Review), члены семинара обвинили современную политологию в провинциализме, отрыве от реального политического процесса, а также в преимущественно дескриптивном (описательном) характере и впервые сформулировали специфическое для движения представление о том, как можно покончить с этими недостаткам: *путем развития сравнительного научного метода*.

Участники Эванстонского семинара сформулировали восемь методологических тезисов. Они могут быть представлены следующим образом.

1. Сопоставление предполагает абстракцию, и конкретные ситуации или процессы как таковые никогда не могут сравниваться. Каждый феномен уникален, каждое проявление уникально, каждый процесс, каждая нация, каждый индивид в определенном смысле уникальны. Сравнить их значит подбирать определенные (их можно назвать идеальные) типы или понятия, тем самым «искажая» уникальное конкретное.

2. Перед любым сопоставлением необходимо не только установить категории и понятия, но также определить критерии релевантности отдельных компонентов социальной или политической ситуации анализируемой проблеме, например, релевантность социальной стратификации семейной системе или пятен на солнце — политической нестабильности.

3. Необходимо установить критерии для адекватной репрезентации отдельных компонентов, которые подвергаются общему или проблемному анализу.

4. При попытке построить в конечном счете политическую теорию необходимо сформулировать гипотезы, вытекающие либо из контекста концептуальной схемы или из формулировки проблемы.

5. Формулировка гипотетических отношений и их проверка эмпирическими данными никогда не сможет получить доказательности. Гипотеза или серия гипотетических отношений будет доказана, т. е. верифицирована только при условии одновременной фальсификации.

6. Предпочтительней формулировать серии гипотез, чем единичные гипотезы.

7. Компаративные исследования, даже если они не приводят к появлению некой общей теории политики, могут проложить путь постепенному и кумулятивному развитию теории с помощью: а) обогащения нашего воображения и способности формулировать гипотезы в том же смысле, в

каком «внешнеположенность» расширяет нашу способность понимать общественную систему; b) выявления средств для проверки гипотез, а также c) уяснения того, что нечто для нас очевидное нуждается в объяснении.

8. Одна из величайших опасностей при формулировании гипотез в рамках компаративных исследований заключается в проекции возможных отношений *ad infinitum*. Этого можно избежать с помощью последовательного сбора данных еще до формулирования гипотез. Подобный сбор сам по себе может вести к признанию иррелевантных отношений (климат и избирательная система, язык и промышленная технология). Такое признание дает возможность более управляемого сбора данных. Отсюда вытекает важность, придаваемая участниками семинара развитию предварительных классификационных схем еще до формулирования гипотез¹.

Воздействие семинара и предложенного им методологического подхода к сравнительной политологии было велико. С начала 50-х гг. прошлого века интерес к сравнительным исследованиям заметно вырос, особенно в США. Сама сравнительная политология получает свое организационное и институциональное выражение: в 1954 г. в рамках Совета по обществоведческим исследованиям в США был создан Комитет по сравнительной политологии, который возглавил Габриэль Алмонд. В деятельности этого Комитета принимали участие 245 человек, из которых 199 были американцами, а 46 — иностранцами, в основном европейцами.

Как справедливо отмечает профессор Г.В. Голосов, идея широкого использования сравнения в политических исследованиях не была слишком революционной. Элементы сравнения использовались, как мы уже показали, в традиционном институциональном анализе. Новаторский характер движения за сравнительную политологию выразился в том, что теперь объектами сравнения должны были стать не институты, а поддающиеся изучению с помощью бихевиористских методов политические явления. Необходимой предпосылкой для реализации такого подхода была разработка оснований, по которым в принципиально различных политических системах выделялись бы сопоставимые элементы. Эта задача была решена в результате

¹ Macridis R. The Study of Comparative Government. New York, 1955. P. 18–19; Сморгунюв Л.В. Указ. соч. С. 24–25.

восприятия политической наукой достижений *структурного функционализма*.

Структурный функционализм пришел в политическую науку извне — из социологии, в рамках которой он прошел достаточно длительный и сложный путь развития. Его становление было связано с именами Альфреда Радклифф-Брауна, Роберта Мертона и в особенности Толкотта Парсонса. Структурному функционализму в социологии было свойственно понимание общества как бесконечного множества и переплетение взаимодействий людей. В этой социальной системе можно, однако, обнаружить относительно устойчивые элементы. Они и образуют структуру. Единицы структуры не связаны однозначно с конкретными индивидами, но являются позициями индивидов в системе. Функции же — это то, что исполняется структурными элементами. Есть все основания утверждать, что структурно-функциональный анализ — это выявление структуры общества (или любой его сферы) и последующее изучение функций, выполняемых ее элементами. Не трудно понять, что «постановка» политики на место «любой сферы» выглядела вполне оправданной. Тем самым решалась та задача, с которой не мог справиться бихевиоризм, — видение политики как целостности, как системы. Это позволило различать системные и средовые факторы в политике, осуществлять моделирование политических институтов и процессов, выявлять граничные, а тем самым нормальные и аномальные условия функционирования различных политических образований¹.

Своеобразным прорывом в политической науке стал подход к анализу политических систем, предложенный в 1957 г. американским политологом Дэвидом Истоном. Он определил политическую систему как «взаимодействия, посредством которых в обществе авторитетно распределяются ценности». Выдвигая в качестве первоочередной задачи *анализ условий, необходимых для выживания политической системы*, он полагал, что следует рассматривать четыре основных категории: собственно политическую систему, окружающую ее среду, реакцию и обратную связь.

Исходный момент в подходе Д. Истона к анализу политической системы состоит в признании ее открытой системой. Он полагает, что политическая система тесно

¹ См.: Желтов В.В., Желтов М.В. История западной социологии: этапы, идеи, школы. Кемерово, 2004. С. 658–696.

связана со своим окружением и функционирует в режиме постоянного взаимодействия с ним. Д. Истон, значит, сосредоточивает свое внимание на вопросах отношений политической системы с ее окружением.

Традиционный анализ политических систем был нацелен на изучение внутренних структур и механизмов принятия политических решений. Выяснялось, например, как влияет та или иная система выборов на политические партии, какова роль министерств в принятии решений и т. п. Д. Истон же предложил рассматривать политическую систему как *черный ящик*. Он объявил, что его не интересует все то, что происходит внутри этого ящика. Анализ нацеливается на изучение отношений между *черным ящиком* (политической системой) и его окружением. Исследователь задался такими вопросами: какова природа влияний окружения (общества) на политическую систему? Как осуществляется это влияние? Как система поддерживает свое равновесие под воздействием влияния окружающей среды?

Отношения между *черным ящиком* и окружающей средой (обществом) Д. Истон представил в виде кибернетической схемы. Эта схема выглядела следующим образом (схема 1).

Схема 1

Как видим, представленная кибернетическая система не имеет ни начала, ни конца. Ее действие нельзя представить цепочкой «требования – решения – обратное действие». Любое изначальное требование включает в себя предшествующее ему обратное действие. Этот принцип кибернетического кругооборота, порывающий с традиционным статическим анализом, был объявлен некоторыми специалистами как *самый важный теоретический прорыв после открытия аристотелевской логики*.

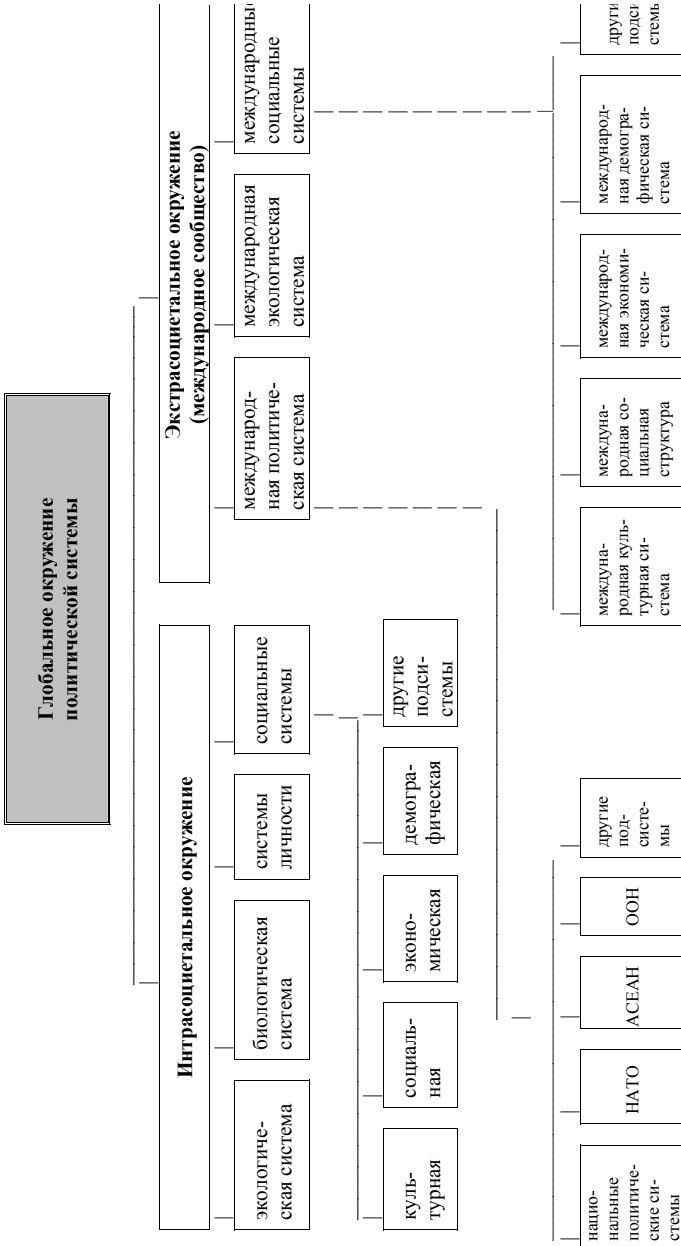
Согласно Д. Истону, политика не присутствует вне *черного ящика*. В нее не входят, к примеру, требования. А вот ответы на требования общества являются политическими. И потому политическая система охватывает и значительную часть своего окружения (общества).

Политическая система (*черный ящик*) получает импульсы от своего окружения как на «входе», так и на «выходе». На «входе» различают, как видим на схеме, *требования* и *поддержки*. *Требования* вызывают неравновесие системы, *поддержки* способствуют поддержанию и укреплению устойчивости политической системы. На «выходе» политической системы представлены *решения* или *действия*, которые осуществляются с учетом требований и поддержек. С помощью петли обратной связи *требования* и *поддержки* могут возрастать или уменьшаться.

Окружение рассматриваемой системы представляется в виде двух элементов. Один из них — *интрасоциетальное окружение*, представленное совокупностью других систем, входящих в глобальное общество. Другой — *экстрасоциетальное*, включающее внешние по отношению к данному глобальному обществу системы. Это *окружение* посылает определенные импульсы на «вход» политической системы. В свою очередь, политическая система своими решениями и действиями оказывает воздействие на *окружение* и, взаимодействуя с ним, через петлю «обратной связи» оказывает воздействие на «вход».

Такова общая конструкция теоретической модели Д. Истона. Теперь рассмотрим ее отдельные составляющие.

Требования. Это совокупность запросов к политической системе, запросов, политически выраженных. Дело в том, что наличие некоего недовольства в социальном организме общества не является требованием. Требование не всегда выражается в точных формулах и вовсе не обязательно должно быть реализованным. Так, к примеру, весьма распространенным является требование «социальной справедливости». Но сам этот термин имеет разные, а иногда и полярные интерпретации. К тому же это не застывшее понятие. Его содержание в различные периоды различно. И потому его осуществить весьма не просто. Существуют и точно выраженные конкретные требования: возмещение ущерба сельским труженикам в итоге природной катастрофы, изменение законодательства, например, о призыве в армию, здравоохранении и т. п.

Требования, поступающие на «вход» политической системы подвергаются *структурной* и *культурной* регулировке.

Структурная регулировка отвечает на вопрос: кем она осуществляется? Она осуществляется соответствующими политическими структурами «черного ящика». Лица, осуществляющие такую регулировку, не только принимают требования, или отказываются от них, но придают им соответствующую форму для последующего принятия политических решений.

Формулирование политически выраженных требований выполняется в обществе политическими деятелями, например депутатами, лидерами общественного мнения, профессиональными политиками. Эту функцию выполняют специализированные организации: политические партии, профсоюзы, различные ассоциации. Наконец, не следует забывать о властях, которые, в свою очередь, призваны выдвигать и осуществлять политические требования. В этом, в частности, проявляется то, что называется «самоподпиткой» политической системы¹.

Структурная регулировка далеко не всегда является резульативной. Об этом могут свидетельствовать массовые выступления граждан, недовольные теми или иными решениями властей. Их можно рассматривать как спонтанное или организованное проявление «голоса народа». Не удивительно, что власть, как правило, стремится до минимума ограничить требования, выходящие за рамки нормального цикла общественного развития. Для этого используются ограничители правового и административного характера.

Культурная регулировка является своеобразным механизмом торможения, используемым политической системой для *преотвращения* превращения *потребностей* в *требования*. Культура в данном случае выступает как регулятор. О чем идет речь? Всякая политическая система запрещает выдвижение тех требований, которые покушаются на основные ценности данной системы. Классический пример тому — знаменитая формула Сен-Жюста: «Никакой свободы врагам свободы», выражающая неприкосновенность ценности «свобода». Демократическая политическая культура ставит жесткие ограничения для насилия и требованиям, связанным с насилием, для пропаганды войны и т. п.

¹ См.: Желтов В.В. Основы политологии: учебное пособие. Ростов н/Д, 2004. С. 278–286.

Функционирование политической системы осуществляется не без трудностей. Нередки случаи ее *перегрузки* (stress). Д. Истон рассматривает перегрузку с точки зрения кибернетики и теории связи. Например, непомерное для данного состояния политической системы увеличение требований приводит к заторам, или пробкам, во взаимодействии этой системы с окружением. Если эту связь уподобить телефонной, то администрация может преодолеть заторы двумя способами: или создать новые линии связи, или добиваться уменьшения масштаба требований. Иногда пробки являются следствием стремления администрации сохранить и даже усилить монополию на информацию, что может быть эффективным средством борьбы с политическими противниками.

Улучшению связи политической системы с окружением служит дальнейшая специализация политического персонала и профессионализация политической жизни вообще.

Ограничение требований

Уменьшение политических требований является главным инструментом регулирования их масштабов. В процессе ограничения или уменьшения политических требований последние канализируются, согласовываются и сводятся к некоторым ограниченным альтернативам. Требования могут сводиться к некоей общей совокупности. Так, скажем, предложения по вопросам пенсионного возраста, исходящие от работников различных отраслей, могут быть обобщены, например, профсоюзами и предложены ими правительству на рассмотрение в национальном масштабе. Единое решение по данному вопросу может снять множество частных предложений от каждой отдельной отрасли или даже профессии.

Ограничение требований не сводится только к объединению их в единую систему. Может быть и обратное явление. Так, создание, к примеру, общенациональной службы социального страхования как бы предвосхищает учет самых разных требований пенсионного обеспечения, страхования на случай болезни и т. д. Программы политических партий также выражают самые разные требования трудящихся.

Обобщение разнообразных требований имеет важное значение, т. к. позволяет выработать оптимальное реше-

ние. При этом открывается возможность сформулировать приоритеты.

Политическая система включает структуры уменьшения требований. К ним относятся, например, политические партии. Представляя различные социальные силы и выражая их, подчас расходящиеся требования, политические партии предоставляют правительству возможность выбора и учета различных позиций. При этом ряд институтов (профсоюзы, политические партии, группы давления и т. п.) выполняет роль своеобразных фильтров требований.

Поддержка политической системы

Д. Истон уделяет большое внимание понятию «поддержка», которую он рассматривает как важный элемент связи политической системы и ее окружения. Без поддержки любая политическая система разрушается при первой же сколько-нибудь существенной перегрузке.

Мера поддержки, необходимой для нормального функционирования политической системы, зависит от степени перегрузки требованиями. Поддержка выполняет роль своеобразного компенсатора перегрузки. Так, например, австро-венгерская монархия уже в XIX в. располагала весьма ограниченной поддержкой со стороны населения. Режим Габсбургов был непопулярен и на значительной части территории империи был дискредитирован. Однако режим просуществовал достаточно долго, т. к. давление на политическую систему в целом было невысоким. Взрыв национальных движений во второй половине XIX в. изменил ситуацию, а Первая мировая война привела к крушению режима.

Нечто подобное можно сказать о политических системах развивающихся стран. Поддержка в них и в прежние годы, и в наши дни была небольшой, но в целом достаточной для нормального функционирования политической системы. Так, по некоторым оценкам, в первой половине XX в. в Индии политическая жизнь в той или иной мере затрагивала лишь 3 процента населения, в своем большинстве поддерживавшего политическую систему. Но этого для ее устойчивого функционирования было достаточно, т. к. требования к политической системе со стороны общества предъявлялись редко. Нестабильность политической системы в развивающихся странах возникала как следствие

возрастания масштаба требований к ней со стороны общества при сохранении примерного того же самого размера поддержки.

Поддержка со стороны политического сообщества чрезвычайно важна. Политическая система основывается на такой организации, для которой характерно разделение политического труда. Подчеркнем: **политическое сообщество не совпадает с социальным**. Оно является основанием политической системы. Именно на это политическое сообщество система и опирается. Высшая опасность для политической системы заключена в распаде политического сообщества.

Всякое политическое сообщество стремится избежать такой опасности. Это достигается различными средствами. Так, например, с помощью политической социализации с детских лет гражданам прививается любовь к Родине, т. е. к национальному сообществу. Целью этого является культурная интеграция общества. Это очень не простая и требующая много времени в своей реализации задача. Опыт СССР показал, что решение проблемы культурной интеграции не является раз и навсегда данным. Распад СССР и последующее политическое развитие на всем постсоветском пространстве продемонстрировали, что культурные связи между народами Советского Союза оказались недостаточными, и страна перестала существовать.

Поддержка политической системы понимается Д. Истомом и как совокупность «правил игры», на основании которых она функционирует. Эти правила игры вырабатываются с учетом *ценностей*, лежащих в основании политической системы. Разрушение этих ценностей неизбежно ведет к разрушению политической системы.

Не меньшее, чем ценности, значение имеют и *политические нормы* (конституционные, например), а также *привычки и ожидания*. Так, после смерти И.В. Сталина советский политический режим отказался от физического уничтожения оппозиции и во многом от ее политического преследования. Это было изменением нормы, оказавшим значительное влияние на политическое развитие страны и усиление устойчивости политической системы.

Главным элементом поддержки политической системы является *легитимность власти*. Признание легитимности власти, ее авторитета означает в глазах населения согласие с существующей системой властных отношений, организуемых политической системой.

Д. Истон вводит также понятие *эрозии поддержки*. Ее появление — признак износа власти. Однако эрозия в определенных пределах не угрожает существованию политической системы. На нее можно воздействовать с помощью регулировки требований и увеличения масштабов поддержки власти.

История знает немало примеров масштабного и даже полного разрушения поддержки. Пример тому — события мая 1968 г. во Франции, когда массовые выступления студентов, поддержанные другими социальными силами, обескровили режим, лишили его, да и всю политическую систему былой поддержки. Полное разрушение поддержки мы видим и на примере крушения политических режимов в странах бывшего социалистического содружества в Восточной Европе, когда в одночасье рухнули тоталитарные режимы. Резкое падение поддержки политического режима со стороны общества наглядно проявилось в ходе «революции роз» в Грузии, «оранжевой революции» на Украине. То же самое обнаружили и события 2005 г. в Киргизии.

«Выход» и влияние «обратной связи»

Требования и поддержки действуют на «входе» политической системы. Но они дают о себе знать и на «выходе» этой системы. Именно здесь, на выходе решения и действия, предпринимаемые политической системой, имеют (должны иметь!) целью удовлетворение некоторых из требований с тем, чтобы сохранить или даже увеличить поддержку.

Особое внимание Д. Истон уделяет механизму обратной связи, с помощью которого обеспечивается непрерывный характер функционирования политической системы. *Решение — это не конечный результат*, ибо оно, пройдя по линии обратной связи, порождает новые требования и новые поддержки. Понятно, что удовлетворение требований способно увеличить масштаб поддержки, и наоборот, игнорирование требований способно вести к эрозии поддержки и ослаблению позиций политической системы в обществе¹.

Какой смысл представлять политику в столь абстрактном и схематичном виде? Предложенная Д. Истоном модель по меньшей мере дает нам своего рода рамки для организа-

¹ Голосов Г.В. Сравнительная политология: учебник. СПб., 2001. С. 20–21.

ции мышления. Кроме того, Д. Истон и другие представители структурного функционализма широко открыли двери политической науки для использования естественно-научной терминологии, в особенности для языка системного анализа. Скажем и о том, что весьма важным был сам поворот к изучению неформальных механизмов функционирования государства, принятия политических решений. В продолжение подхода Д. Истона Г. Алмонд и Дж. Пауэлл расширили «список» функций, выделяемых внутри политической системы. К ним относятся политическое рекрутирование, политическая социализация, политическая коммуникация, выражение интересов, сплачивание по интересам, «делание» политики, исполнение решений¹.

Структурный функционализм позволил включить в поле сравнительного анализа большую группу стран Азии, Африки и Латинской Америки — «третий мир», ранее не избалованный вниманием политологов. Председатель комитета Г. Алмонд открыто ратовал за перестройку политологии на структурно-функционалистских основаниях, а главную задачу компаративистов усматривал в изучении «третьего мира». В связи со смещением фокуса исследовательской активности в ряд аналитических средств сравнительной политологии выдвинулась **теория модернизации**.

Теория модернизации сформировалась в процессе описания политических судеб стран, получивших освобождение от колониальной зависимости в 50–60-х гг. XX в. и поставивших в практическую плоскость вопрос о путях своей дальнейшей трансформации.

В этот период термин «модернизация» означал одновременно и *стадию* (состояние) общественных преобразований, и *процесс* перехода к современным обществам. Модернизация понималась как *вестернизация*, т. е. копирование западных устоев во всех областях жизни.

Нужно сказать, что в этот период господствовала идея однолинейного развития: одни страны отстают от других, но в целом они движутся по одному и тому же пути модернизации. Политическая модернизация воспринималась, во-первых, как демократизация развивающихся стран по западному образцу, во-вторых, как условие и следствие успешного социально-экономического роста стран «третьего мира» и, в третьих, как результат их активного

¹ Badie B., Hermet G. Op. cit. P. 10.

сотрудничества с развитыми государствами Западной Европы и США.

При истолковании модернизации как последовательного движения к заданному состоянию через ряд промежуточных этапов признавалась единственная форма — *«гогопяющего развития»*. Главным средством осуществления преобразований рассматривалась экономическая помощь западных стран. Капитал, значит, признавался основным фактором модернизации. Сторонники такого подхода были убеждены, что капитал сам по себе способен трансформировать социальные технологии, ценности, демократические институты и тем самым победить низкие стандарты потребления, нарушения права человека, деградацию культуры и т. д.

Представления о модернизации как линейном движении, однако, не смогли выдержать испытания практикой развития целого ряда афро-азиатских и латиноамериканских стран. Институционализация либеральных ценностей, установление парламентских систем, разделение властей и прочих стандартов западной организации власти обернулись не повышением эффективности государственного управления, а коррупцией и произволом бюрократии, катастрофическим расслоением населения, ростом социальной напряженности и конфликтности в обществе.

И тем не менее, как справедливо отмечает профессор Г.В. Голосов, синтез структурного функционализма с теориями модернизации позволил осуществить настоящий прорыв в изучении «третьего мира». В «золотой фонд» сравнительной политологии вошли работы Люсьена Пая «Коммуникации и политическое развитие» (1963), Джозефа Ла Паломбары «Бюрократия и политическое развитие» (1963), сборник под редакцией Л. Пая и С. Вербы «Политическая культура и политическое развитие» (1965), а также ряд других публикаций.

Однако, как показало последующее развитие политологии, сравнительный метод в социальных науках имеет свои границы. Они определяются тем, что окружение того или иного социального объекта является комплексным. В его рамках оказывают свое воздействие целый ряд переменных, каждая из которых может являться объяснительной переменной. При этом чаще всего бывает так, что далеко не всегда удается отделить (изолировать) одну из этих переменных с таким расчетом, чтобы другие переменные

сохраняли бы нейтралитет. Использование приема совпадающих изменений не всегда оказывается эффективным. На основе такого приема можно выдвигать гипотезы. Однако они далеко не всегда в полной мере обеспечивают надлежащий научный анализ объекта исследований. Так, французские исследователи Б. Бади и Г. Эрме приводят пример анализа вопросов развития коммунистических партий в Западной Европе. На первый взгляд общей чертой коммунистических партий в Европе является то, что они действуют в рамках сильного государства. Получается так, что чем сильнее государство, тем сильнее должна быть коммунистическая партия. Однако такое совпадение не является абсолютным. Пример тому — Финляндия и Германия. Нет оснований сомневаться в том, что в этих странах достаточно сильное государство. Однако на протяжении ряда десятилетий компартии не обладали здесь значительным влиянием. Рассматриваемая нами гипотеза в силу происходящих в мире изменений не получает ныне подтверждения и во многих других странах. Это позволяет говорить, что при сравнительном анализе нужно учитывать и другие переменные.

При всей важности и эффективности сравнительного метода для политической науки, его значение не следует преувеличивать. Тем более что сам этот метод в 60–70-е гг. прошлого столетия пережил серию кризисов, что позволило позднее открыть возможность для обновления компаративизма.

2.1. Кризис классической компаративистики

Кризис классического компаративизма в 60-е гг. был связан не столько с методологической слабостью, сколько с трудностями адаптации к тем трансформациям, которыми был отмечен в те годы объект политического анализа. В эти годы претерпел существенные изменения сам контекст общественного развития. Так, развитие процесса деколонизации привело к тому, что на международной арене возникло немалое число новых независимых государств. Жизнь показала, что революционные движения в странах «третьего мира» нередко приводили к власти политиков, отвергавших западную модель развития. Следствием этого явилось то, что сравнение, например, парламентов, политических партий и политической жизни вообще между

США, Францией и Великобританией и такими же объектами анализа в новых государствах не имело смысла. Почему? Различие контекста делало бессмысленным бинарные сравнения. Более того, сравнения подобного типа акцентировали бы внимание на *формы* в ущерб оценке реальных способов функционирования, что затушевывало бы специфику и реальные пружины политики в незападных государствах.

Вторая половина 60-х гг. — это, по общему признанию, не лучший период в развитии США и Западной Европы. США, как известно, в эти годы глубоко увязли в бесперспективной вьетнамской войне, что породило внутри страны массовое антивоенное движение. В эти же годы был отмечен подъем политической борьбы чернокожих американцев за свои гражданские права. На старом континенте в конце 60-х гг. начались массовые молодежные волнения: «красный май» 1968 г. во Франции, а потом «жаркая осень» того же года в Италии стали индикаторами зарождения новых политических настроений в странах зоны развитого капитализма.

Сравнительная политология оказалась особенно чувствительной к происходящим сдвигам в общественном сознании. Под огонь критики попали ее теоретические основания: структурный функционализм и теория модернизации.

Наиболее сильный тезис критиков структурного функционализма состоял в том, что процессы изменения и развития сводятся приверженцами этого подхода либо к возвращению данной системы в прежнее состояние, либо к установлению нового равновесия. Получалось так, что главное внимание компаративистов в рамках структурного функционализма сосредоточивалось на проблеме стабильности, выживания системы.

В 60-е гг. в США активно заявили о себе леворадикальные социологи. Их критика была направлена, прежде всего против функционализма как течения в социологии, которое исходило из согласия с существующим социальным порядком. Не удивительно, что именно социологи этого направления сыграли значительную роль в подъеме студенческого и феминистского движений не только в США, но и в ряде других западных стран. Леворадикальные социологи приняли активное участие в движениях за гражданские права, а также в антивоенном движении, выступавшим против войны во Вьетнаме.

Особое место в этой критике принадлежит Ч.Р. Миллсу (1916 – 1962), который придал своему отказу от функционализма остро радикальный характер еще и тем, что противопоставил идее «интегрированного общества» анализ американского среднего класса, вставшего на путь «погони за престижем» на «рынке личности»:

«В обществе служащих, в котором господствует рыночный дух, неизбежно возникает рынок личности. Так как в ходе этой капитальной трансформации, которая заменяет сноровку искусством использовать людей, их продавать и их обслуживать, личные черты служащих, даже самые интимные, попадают в сферу обмена и становятся коммерческими факторами потребления благ на рынке труда. Всякий раз, когда индивид передает свою власть над своей собственной личностью другому индивиду на основе финансов, всякий раз, когда свои существенные черты характера — мнению, которое другие формируют о нем, он создает тем самым рынок личности... Социальный ранг служащих является одним из наиболее ценных элементов, на которых его (ранг. — В.Ж.) можно основывать для того, чтобы определять служащих как класс, и это весьма существенный момент в любой попытке, нацеленной на то, чтобы определить их место в современной социальной структуре... Фактически, тем самым можно их психологию определить как погоня за престижем»¹.

Ч.Р. Миллс подвергает критике структурно-функционалистскую социологию, иронически называя это направление «Высокой Теорией». Он критикует эту социологию за легитимацию ею установленного социального порядка, т. к. структурно-функционалистская социология по своей сути имеет целью поддержание сложившейся модели общества. И действительно, Т. Парсонс в центр своих размышлений ставит социологию ценностей. И его не беспокоит ни происхождение этих ценностей, ни идеологические функции, которые они выполняют в обществе. Он их воспринимает как данность.

Ч.Р. Миллс подчеркивает, что книга Т. Парсонса «Социальная система» уделяет основное внимание проблемам легитимации порядка, власти, институтов.

«В предлагаемых Парсонсом терминах, — пишет он, — мы не можем толком поставить эмпирически вопрос о том,

¹ Mills C.W. Les cols blancs. Essai sur les classes moyennes américaines. P., 1966. P. 191, 244 – 245.

насколько легитимны те или иные социальные институты, и каким образом достигается в каждом случае их легитимность. Идея нормативного порядка в том виде, в каком ее используют сторонники «Высокой теории», приводит нас к выводу о том, что всякая власть фактически легитимна»¹.

Миллс подвергает критике неспособность теории Т. Парсонса осмысливать социальное изменение иначе как форму интеграции, адаптации или институционализации. В определенном смысле теория структурного функционализма позволяет анализировать социальную эволюцию, однако она оказывается неспособной анализировать конфликты, а тем более революции.

«Магическое устранение конфликта и чудесное достижение гармонии, — пишет Миллс, — лишают «систематическую» и «общую» теорию возможности иметь дело с социальными изменениями, то есть с историей...

Думаю, не будет большим преувеличением сказать, что, когда представители "Высокой теории" реалистично подходят к проблемам, они используют терминологию, которой не только нет места в их теории, но которая часто противоречит ей»².

А далее в подтверждение этого положения Миллс приводит слова представителя альтернативной социологии в США А. Гоулднера: «В самом деле, то, что стремление к теоретическому и эмпирическому анализу социальных изменений вынуждает Парсонса прибегнуть к целому корпусу марксистских терминов и базовых допущений, просто ставит в тупик... Складывается впечатление, что Парсонс имел под рукой сразу две подборки книг: одну для анализа равновесия, другую для исследования изменений»³.

Критический подход леворадикальных социологов США к «Высокой теории» открывал перспективу для исследований в области конфликтов и для формирования целого направления в социологии — конфликтологии. Именно в этом направлении будут позднее работать Ральф Дарендорф в Германии и Льюис Козер в США.

Перед лицом такой ситуации сложились два подхода. Согласно одному из них, утверждалась невозможность проведения сравнительного анализа применительно к очень различающимся между собой обществам. Другой

¹ Миллс Ч.Р. Социологическое воображение. М., 2001. С. 55.

² Миллс Ч.Р. Указ. соч. С. 56, 57.

³ Там же. С. 57.

же подход основывался на стремлении внести изменения в постулат сравнения на новой основе, более адаптированной к новым реалиям политической жизни.

В соответствии с первым подходом его сторонники отказывались анализировать незападные общества в области *areas studies*: специфика африканских, ближневосточных, латиноамериканских обществ была настолько сильной, что, с одной стороны, их изучение приводило не к сравнительному, а к монографическому анализу, в рамках которого исключалось сравнение с другими обществами. А если бы такое сравнение делалось бы, то оно имело бы лишь формальное значение.

Нужно сказать, что такая позиция имеет и в наши дни немало сторонников. Это связано, в частности, с тем, что указанный подход позволяет проводить эмпирические исследования на основе прежде всего антропологического метода. Однако такой подход имеет и свои границы. С одной стороны, отказ от сравнения может вести (и ведет!) к усилению этноцентрического характера анализа; сравнение побуждает обращать внимание на различия и способствует выработке осторожной позиции в использовании концепций; монографическое исследование, в свою очередь, подвергает анализ риску основывать положения концепций на предположениях, на бесконтрольном использовании категорий и методов, что связано с отсутствием сравнительного знания в отношении изучаемого объекта или ситуации. С другой стороны, монографический анализ имеет тенденцию накопления близлежащих знаний, которые не артикулируются между собой и которые наносят вред знанию о политике. *Политическая наука становится в таком случае неструктурированным пространством знания и подвергается тем самым опасности превращения в искусство описания.*

Второй выбор — девелопментализм, который в начале 60-х гг. предстал как спаситель компаративизма. Аргумент для этого был прост: если сравнение между незападными и западными обществами могли сбить с толку, то более эффективным и законным было бы постулировать, что современные условия функционирования незападных обществ имеют аналогию с прежним периодом развития западных обществ. В конечном счете европейские общества на ранних этапах своего развития сталкивались с тем же самым вызовом, что и африканские или азиатские страны сегодня: абсолютная монархия напоминает авторитарную

природу режимов, взяточничество получает выражение в коррупции, неустойчивость границ, во всяком случае, в XIX — начале XX в. в Европе напоминает трудности национального государственного строительства. На основе такого подхода приходится выдвигать идею о том, что все политические порядки служат основанием для политического развития и что *сравнение означает измерение разрыва, т. е. опоздания в развитии одних политических систем от других*. При этом открывается возможность выработки на основе прежнего практического опыта необходимых рецептов для преодоления этого опоздания. Нет необходимости доказывать, что такой метод становится практичным только тогда, когда понимается, что все общества должны прийти к единственной модели политической современности, контуры которой *a priori* известны.

Такой подход способствовал появлению целого ряда типов сравнения. Некоторые аналитики стремились отыскать *причины* политического развития на основе объяснения неравенства условий его осуществления в разных обществах. Так, уподобляя политическое развитие и построение полиархии (системы, отмеченной свободной конкуренцией в борьбе за политическую власть), Р. Даль сравнивал общества по уровню их валового внутреннего продукта (ВВП), приходящегося на одного жителя. Он полагал, что политическая устойчивость тем выше, чем больше высоким является этот показатель в расчете на одного жителя страны. К. Дойч или Д. Лернер исходили, в свою очередь, из сравнения уровней социальной мобилизации в каждом обществе, т. е. степени отхода (упадка преданности) от традиционных сообществ. Другие аналитики стремились выявить синдром политического развития на основе оценки неравенства в этом развитии между различными обществами. Так, Г. Алмонд указал на критерии *секуляризации и дифференциации политики*; Л. Пай — на *политическую способность или политическое равенство* с тем, чтобы иметь возможность оценить, как и в какой мере каждое общество смогло преодолеть шесть кризисов процесса развития. Речь у него идет о следующих кризисах: *идентичности, легитимности, проникновения, участия, интеграции и распределения*.

Как справедливо отмечают французские компаративисты, немного концепций и теорий в политической науке имели столь сильное идеологическое насыщение как **девелопментализм**. Это находит свое выражение в

приверженности его сторонников к эволюционистской традиции, которая исходит из того, что существует некий *универсальный закон политического изменения*: все общества изменяются, переходя от множественности в традиции к единой модернизации, отождествляемой с современным порядком западных обществ.

Идеологическая направленность такого подхода находит свое выражение в *концепции развития*, которая ориентируется на постепенное уменьшение различий, существующими между западными и незападными обществами. Обращает на себя внимание и тот факт, что антропологическая составляющая в таком подходе либо не учитывается, либо является второстепенной. В соответствии с таким пониманием *традиция является вторичной по отношению к прогрессивной модернизации*.

Другое идеологическое проявление девелопменталистской концепции выражается в легитимации политики сотрудничества, а также в утверждении практики зависимости стран «третьего мира» от материальной помощи им со стороны развитых стран. Не без известного цинизма сторонники девелопментализма полагают, что материальная помощь странам «третьего мира» должна служить не только экономическому прогрессу, но и приобщению этих стран к модели либерального и плюралистического правления. Это означает, что в развивающиеся страны должны быть импортированы западные формы правления.

Наконец, девелопментализм способствует легитимации единоличной власти правителей в незападных обществах. В самом деле. В силу незаконченного характера политического развития в этих странах, в соответствии с постулатами девелопментализма, оказывается не только приемлемым, но даже и объяснимым авторитарный режим. Это определяется тем, что такие режимы обладают достаточными ресурсами для преодоления отставания в экономической, социальной и политической областях.

Получалось так, что на первый взгляд девелопменталистский подход как бы реабилитировал сравнительный метод. Однако он неизбежно приводил к смешению *различий и отсталости*. Все то, что сторонники такого подхода воспринимают как различие между теми или иными политическими порядками, не может сводиться только к незаконченности (незавершенности) политического развития. И тем более указанные различия не могут быть устранены только

на основе заимствования техники правления, используемой в западных странах. Современная политическая практика демонстрирует это со всей определенностью: политическая организация исламского мира, режимы правления в Африке или в Индии весьма существенно отличаются от политического порядка в западных странах. То же можно сказать и о различиях между самими демократическими странами. И не удивительно, что рассматриваемый метод столкнулся с кризисом. Кризис развивался по трем направлениям: кризис универсализма, кризис объяснения и кризис в отношениях компаративистского анализа с историей. Рассмотрим это несколько подробнее.

2.1.1. Кризис универсализма

Классический компаративистский анализ, а еще более девелопментализм основываются на двойном постулате: *универсальность концепций* и *универсальность практик*. Такой универсалистский подход неизбежно приводит к следующему эпистемологическому утверждению: политическая наука не может не опираться на концепции, применимые ко всей совокупности политических ситуаций. В рамках универсалистского подхода оказывается возможным также и следующее предположение: культура не оказывает существенного влияния на выработку категорий анализа, на определенность политического порядка, который был создан или создается во времени и пространстве.

Последнее утверждение является наиболее парадоксальным и шатким. Утверждая *транскультурность (иначе говоря: универсальность) политических концепций и практик*, классический компартивизм находит себе опору только в девелопменталистской аксиоме, согласно которой *культурные различия, когда они выявлены, имеют только остаточную ценность, и они обречены на исчезновение по мере осуществления процесса политической модернизации*.

Следует сказать, что рассматриваемый подход строился на основе веберовского метода идеальных типов. Этот метод, как известно, предполагает осуществление некой утопической рационализации, которая выделяет наиболее значимый аспект того или иного явления или процесса и позволяет интерпретировать разрыв, который отделяет эту интерпретацию от реальных ситуаций, связанных со

сложившейся традицией. Это особенно важно подчеркнуть потому, что в рамках политической модернизации как бы предполагается возможность постепенного исчезновения традиций. Так, скажем, идеальный тип легально-рациональной бюрократии отличается от камерунской или китайской бюрократии только остатками наследственных практик, которые, как таковые, ничего не меняют в универсальной сущности бюрократического феномена.

Однако такое, несколько упрощенное понимание деволюментализмом вопросов политического развития было подвергнуто двойной критике. Прежде всего установки деволюментализма не выдержали испытания политической практикой. Политическое развитие многих стран показало, что вместо сближения национальной модели развития с универсальной моделью в реальности первая из них (национальная) лишь отдалялась от второй (универсальной). Даже в демократических странах политическая практика и политическое воображение существенно отличаются между собой. Так, Вестминстерская система, основанная на монархической форме правления, например, в Великобритании, и республиканская модель демократического правления имеют мало общего между собой.

Позднее африканские государства, получившие независимость, пытались копировать западные политические модели. Однако по мере «обустройства» своей политической жизни, эти государства порождали политические процессы, которые вступали в противоречие с теми моделями, которые копировались. Это выражалось и в том, что появлялись *гибридные механизмы*. Их проявление на практике лишней раз убеждали в том, что политические изменения не соответствовали так называемой универсальной матрице. В итоге во многих развивающихся странах возникали разнообразные движения протеста, которые выступали с позиций отстаивания и сохранения специфики своего развития. В конечном счете эти движения осуществляли мобилизацию населения в поддержку сложившихся традиций и, значит, против насаждавшихся западных моделей.

Такое развитие событий в политической жизни развивающихся стран не могло не наложить отпечаток и на содержание самого научного анализа феномена политического развития.

О чем идет речь? Прежде всего повсеместно вызывался к жизни интерес к собственным национальным традициям,

что, к слову сказать, отказывались учитывать сторонники девелопментализма. В таком подходе берет начало новое открытие политической антропологии, выявляющей большое разнообразие явлений и процессов на национальной политической сцене. А это, в свою очередь, приводит к новому пониманию концепции культуры и культурного анализа, которые, по инициативе Клиффорда Гирца¹, вновь включаются в сравнительный анализ с начала 70-х гг.

Во-вторых, национально ориентированный подход к совокупности вопросов политического развития привел к переоценке исторических условий создания того, что получило наименование *западной политической современности*. Перед политиками и политологами со всей остротой встал вопрос: если *западная политическая современность* встречает столько трудностей, как следствие ее универсализации, и если она даже терпит поражение на пути ее переноса в развивающиеся общества, возможно, встает необходимость использовать новый подход, который учитывал бы особые условия возникновения этой современности?

В поисках ответа на такие вопросы в западных странах сформировалась новая *историческая социология* государства и западной политики. Такого рода исследования получили развитие в Европе с середины 60-х гг. прошлого столетия. Именно тогда стали осуществляться многочисленные научные программы с тем, чтобы понять социальные и политические изменения в неразрывной связи с формами организации политической власти. Так, в 1962 г. по инициативе ЮНЕСКО было проведено крупное сравнительное исследование по вопросу «формирования государства и национального строительства». Это получило свое отражение в обстоятельной работе Н. Эйзенштадта и С. Роккана². В начале 70-х гг. Комитет по сравнительной политике Исследовательского комитета социальных наук поручил Ч. Тилли проведение социологического исследования по вопросам «формирования национального государства в Западной Европе». Подобные исследования проводились и в ряде других стран, например, во Франции, где Национальный центр научных исследований стремился утвердить новые подходы к изучению политики в своей стране. В 1988 г.

¹ Geertz C. The Interpretation of Cultures. New York, 1973; Гирц К. Интерпретация культур. М., 2004.

² Eisenstadt S.N., Rokkan S. (sous la dir. de) Building States and Nations, vol. 2. Londres, 1973.

Европейский научный фонд также организовал проведение исследования по вопросам «происхождения современного государства».

Эти и другие исследования в области государственного строительства способствовали тому, что политическая наука отказалась от юридической иллюзии, согласно которой государство рассматривалось как естественная рамка для политической деятельности. Благодаря усилиям целого ряда исследователей разных отраслей знания, *государство стало рассматриваться как социальное и историческое создание*, которое вовсе не ограничивается юридическими представлениями и интерпретациями. На вооружение политической науки был взят целый ряд концептуальных инструментов: централизация, монополизация, концентрация ресурсов, дифференциация, институционализация и т. д. В итоге сформировалась историческая социология, которая расширила границы для компаративистики.

Одним из создателей современной версии исторической социологии по праву считается Баррингтон Мур¹, который сосредоточивает свое внимание на вопросах зарождения демократии. В дальнейшем историческая социология получила свое развитие в работах Перри Андерсона², связанных с абсолютистским государством, Чарльза Тилли³, который проанализировал генезис государства-нации, Р. Бендикса⁴ — по проблемам народной легитимности.

Общим моментом в подходе сторонников исторической социологии было стремление отыскать, в том числе и на основе сравнения, объяснение феноменам исторического развития. Прежде всего историческая социология порывала с искусственным разделением прошлого с современностью, что было характерно для предшествующего периода развития сравнительных исследований. С утверждением нового подхода к анализу общественного развития политологи и социологи обращали внимание на специфику исторического процесса и, в частности, на влияние прошлого на этот процесс. Об этом, к стати сказать, писал в свое время К. Маркс: «Люди сами делают свою историю, но они ее делают не так,

¹ Moore B. Les origines sociales de la dictature et de la démocratie. P., 1969.

² Anderson P. L'État absolutiste. P., 1978.

³ Tilly C. (sous dir. de) The Formation of National States in Western Europe. Princeton, 1975.

⁴ Bendix R. Nation-building and Citizenship. Studies of our Changing Social Order. Berkeley, 1977.

как им вздумается, при обстоятельствах, которые не сами они выбрали, а которые непосредственно имеются налицо, даны им и перешли от прошлого. Традиции всех мертвых поколений тяготят, как кошмар над умами живых»¹.

Эта простая формула выражает специфику названного нами исторического подхода. Она заключается в том, чтобы учитывать прошлое, оценивать влияние на действие современности социальных действий и конфигураций этого исторического прошлого. Об этом со всей определенностью заявил, например, Ч. Тилли: «прошлое социальных отношений и их побочных продуктов — материальных, идеологических и других — оказывают принудительное воздействие на настоящее социальных отношений»².

В таком подходе не ставится задача отыскания эволюционистских схем, которые связывали бы механически прошлое и настоящее. Это так потому, что никакая «инстанция» не обладает абсолютным приоритетом. Опираясь на исторические данные, политологи и социологи стремились выявить глубинные основы политики. Словом, диалог между прошлым и современностью оказался в самом центре подлинного научного анализа и понимания общественного развития. Это стали называть «историческим поворотом» в политической науке³.

Этот поворот открыл несколько направлений в политических исследованиях. Так, в американских сравнительных исследованиях утвердился так называемый объяснительный подход. Речь идет о том, что американские компаративисты, сравнивая коллективные траектории развития, стремились выявить черты сходства и на основе этого отыскать объяснения политическому развитию. К примеру, в макросоциологическом подходе Т. Скокпол и Б. Мур стремились выявить разнообразие национальных ситуаций в политическом развитии различных стран, опираясь на учет влияния переменных, которые, по сути, являются универсальными. Такой подход позволяет учитывать разнообразие конкретных исторических и национальных ситуаций, не отказываясь от генерализирующих принципов. Не удивительно, что эти работы строились на основе широкого использования данных исторической науки.

¹ Маркс К., Энгельс Ф. Сочинения. Т. 8. С. 119.

² Tilly Ch. *Future History* // Kendrick S. *Et al. (sous dir. de) Interpreting the Past, Understanding the Present*. Londres, 1989. P. 16.

³ Déloye Y. *Sociologie historique du politique*. P., 1997. P. 25.

Обращаясь к анализу собственной истории, западные политологи выявили, что лексика (терминология), которую они рассматривали как универсальную, сформировалась таким образом, что фактически она учитывает только одну траекторию политического развития. Государство, нация, представительная демократия, публичное пространство, гражданское общество являются категориями, связанными с историей Запада. Однако они используются историками как универсальные концепции. И потому Ч. Тилли заметил, что «социологи усиливают ошибки историков, данные которых они используют»¹.

Итак, кризис классического компаративизма состоит в следующем: полагая, что они оперируют терминами универсальной политической науки, его сторонники строили свой сравнительный анализ на лексике западной политической науки. Получалось так, что компаративисты проводили сравнение и измеряли дистанцию, отделяющую политический порядок, развивающихся стран по отношению к западному политическому порядку, который рассматривался как однородный. На этой основе развивалось осознание кризиса классического компаративизма и его истоков.

Вывод о необходимости учета специфики политического развития оказал существенное влияние и на понимание самой политики. Эта последняя не могла больше рассматриваться в качестве некоей универсально дифференцированной сущности, связанной с определенной территорией, или с позиции веберовской гипотезы о монополии государства на легитимное физическое насилие. В итоге политику невозможно было далее связывать только с определенной изолированной областью действий, с неким ограниченным пространством, с формированием монополии на физическое насилие, с осуществлением некоей формулы легитимности. А если это так, то утрачивает право на существование тезис об универсальности политики.

Возникали и другие вопросы. Могли ли политологи того времени, когда господствовали бихевиоризм и девелопментализм, не прислушиваться к такой критике универсальности? Можно ли рассматривать политику вне связи с культурой и историей? Может ли сравнительная политическая наука применяться ко всем обществам?

¹ Tilly C. *Clio and Minerva* // McKinney J.C., Tiryakian E.A. (sous dir.de) *Theoretical Sociology: Perspectives and Development*. New York, 1970. P. 466.

Кризис универсализма поставил под вопрос разделение политического объекта, его изоляцию внутри социального, связывая и политический, и социальные объекты с различиями в культурах. Это побуждало компаративистов действовать в рамках интегрированного *социологического* подхода.

Другое направление сравнительных исследований сформировалось на основе поворота от преимущественно объяснительного подхода к интерпретативному. В противовес макросоциологическому видению в интерпретативном подходе упор в исследовании делается на культурные, социальные и стратегические ситуации.

Опора на культуру, антропологию и историю предполагает использование *индивидуализированного* знания в *универсализированном* знании, обращение к тому, что Р. Нисбет называет «множественной конкретностью», противопоставляемой «абстрактной универсальности». Однако такой подход несет в себе определенную опасность. *Множественная конкретность* поднимает ряд вопросов: можно ли говорить о существовании социальных наук, если исчезает универсальность знания? Что будет представлять собой язык политической науки, если он будет использовать язык, присущий каждой из культур? Что будет представлять собой сравнение, если оно будет ограничиваться простым соединением различных несводимых типов?

Вот почему критика универсализма не может быть тотальной. Она по определению должна быть умеренной. И это понятно. Многие социальные и политические процессы, особенно те из них, которые воспринимаются на уровне определенного абстрагирования, сохраняют свое универсальное измерение. Так, концепция социального действия в понимании М. Вебера, а также концепции норм, закона, центра и периферии, политического обязательства, мобилизации и другие не утрачивают полностью своего права на жизнь. Они не могут быть отнесены к полностью релятивному (относительному) знанию. А потому они могут использоваться и в сравнительном анализе. Правда, при проведении сравнения необходимо различать концепции *монокультурные* и *транскультурные*. Первые связаны с историей, и они не могут применяться в тех случаях, когда речь идет об универсальных и трансцендентных культурах. Справедливости ради, нужно сказать, что различие между монокультурной и транскультурной концепциями не лишено определенной двусмысленности.

Встает вопрос: как отличить транскультурную концепцию? Есть два способа определения транскультурности той или иной концепции. В соответствии с первым из них, такого рода концепция разрабатывается в рамках претендующих на универсальность теории и модели анализа. Примером могут быть концепции социального действия или политического обязательства.

Транскультурный характер той или иной концепции может быть и следствием ее разработки на уровне абстракции, однако на практике она приобретает универсальную ценность. Следует обратить при этом внимание на следующее обстоятельство. Если очевидным является то, что тот или иной политический объект, связанный с данной культурой, может приобрести универсальное измерение, то необходимо определить тот *порог*, до которого денатурализация или гибридизация объекта сохраняет свою идентичность и может представляться в рамках одной и той же концепции. Это можно отнести к таким концепциям, как бюрократия, идеология, требование, которые имеют свою собственную историю и способ своего введения на политическую сцену. Однако указанный факт не лишает их права называться более или менее универсальными концепциями. Напротив, государство, представительное правление, нация, суверенитет являются концепциями, которые прямо связаны с историей, из которой их нельзя вывести, не изменив ее (истории) содержания. Решение становится неопределенным, когда речь идет о концепциях, эволюция которых также является неопределенной, — тоталитаризм, демократия или народная легитимность. Главное, что обращает на себя внимание, связано с определением, т. е. с изложением характеристик концепции. А потому *при сравнительном анализе нужно учитывать культуру и историю и только потом восходить на уровень абстракции, и при этом, не колеблясь, использовать различные термины для определения каждого из уровней этой абстракции*. Наиболее абстрактными и универсальными являются такие понятия, как политический порядок и политическая сцена, например. При этом государство использует свои специфические способы структурирования этого порядка и сцены.

Вторая трудность в определении транскультурного характера концепции связана с определением компаративистом места той или иной концепции среди множества концепций политической науки. Сравнительный метод, как отмечают

компаративисты, предполагает предварительное сокращение многозначности понятий, которая отягощает различие между монокультурой и транскulturой. В зависимости от определения государства, оно может представлять как универсальное понятие (если оно используется как синоним политической сцены) или как понятие специфическое (если оно определяется через осмысление его возникновения в рамках исторического процесса). А это, в свою очередь, предполагает такое определение, которое учитывало бы историческое развитие данного объекта: если исследуемый политический объект не определен с точки зрения концепции, а значит, он не получил специфического определения, то сравнение становится невозможным или иллюзорным. *Тот, кто проводит сравнение, должен иметь возможность на каждом этапе анализа учитывать и представлять специфику, анализировать ее собственную динамику, процесс ее возможного перенесения и возможный эффект гибридизации, а значит и трансформации, которая осуществляется в обществе, куда та или иная концепция переносится*¹.

Третья трудность связана с использованием данной концепции на языке страны, на которую она переносится. Перевод понятия на язык страны, которая подвергается сравнению, создает иллюзию транскulturности. А это изменяет тем самым ее изначальный смысл. И наоборот, использование концепции на родном языке несет опасность преувеличения ее специфичности. Фактически, *перевод представляет собой опасность для сравнительного анализа*. Это следует учитывать при проведении сравнения, с тем, чтобы не путать универсальные и специфические концепции. Так, концепция радикализма во Франции значительно отличается от концепции радикального в Англии. Концепция *либерального* во Франции связана обычно с экономическим либерализмом и ограничением вмешательства государства в экономику, тогда как в американской культуре она характеризует систему левых позиций, которые связаны с распределительным вмешательством политической власти.

Таким же образом арабское слово *Umma* (умма) в арабском мире рассматривается как единая семья, община верующих. Оно характеризует специфический способ социального строительства, указывая на сообщество, образованное совокупностью верующих. Этот термин и все то, что связано с его пониманием, бросает вызов территориальной

¹ Badie B., Hermet G. Op. cit. P. 15–16.

концепции социально-политического порядка, получившей распространение в западной политической традиции. В своем политическом выражении эта категория отличается от категории церкви или религиозного сообщества.

Другой пример, слово *dawla*, которое переводится обычно как государство, концептуализирует политический порядок, несводимый к концепции западной политической социологии, переводимой как длинная перифраза. Оно должно быть сохранено, как таковое, и превращено в специфическую концепцию культуры.

Кризис универсализма может быть преодолен только при помощи приведения в порядок лексики политической социологии, и прежде всего на основе отказа от иллюзии лексической универсальности, которую исповедует политическая наука. Это связано, значит, с развитием теоретической критики, а также с утверждением некоего логического порядка. Этот последний предполагает также изменение ориентации эмпирических исследований, заключающейся в том, что, с одной стороны, нужно рассматривать концепции политических объектов обозначаемых политической социологией в ее языковом поле, а с другой стороны, — сравнивать характеристики, которые определяют их дефиницию с теми реальными объектами, которым они стремятся соответствовать.

2.1.2. Кризис объяснения

Кризис универсализма, который нашел свое выражение в классическом сравнительном методе, проявился и в кризисе его объяснительных способностей. Если исходить из того, что политические процессы обладают определенной спецификой, то это ставит под вопрос объяснительные парадигмы, обычно используемые сравнительным методом, и особенно в таком его проявлении, как девелопментализм. В итоге неизбежно встает вопрос отыскания некоего нового объяснительного видения; иными словами — некоего нового, более валидного способа объяснения.

Нужно сказать, что объяснение политических феноменов или явлений не может строиться только на универсальном основании, которое коренится в культуре и истории той или иной страны. Добавим. Как известно, сравнение строится на основе определенной гипотезы. Гипотезы же нередко выдвигаются на основе экономического детерми-

низма. Экономика, значит, в таком случае рассматривается как универсальный феномен.

Упор на экономику был свойственен не только марксистской традиции. А как такой подход сказывался на сравнительном анализе? Использование в сравнительном анализе только такого подхода приводило и приводит к тому, что к различным историческим реальностям применялся один и тот же объяснительный подход, что порождало иллюзию аналогичной трансформации различных обществ. Однако, как это ни парадоксально, такой же подход встречается и в девелопменталистской литературе, которая трактует политическое развитие на основе учета того, что мы называем экономическим развитием.

В том случае, когда экономический фактор, или, говоря иначе, экономический детерминизм оказывается в центре сравнительного подхода, компаративиста подстерегает двойной риск. Риск прежде всего коренится в предположении о том, что экономическое (проще говоря, все то, что связано с экономикой) воспринимается во всех культурах одинаково. Более того, сказав «А», компаративист вынужден формулировать и «Б»: артикуляция экономического с социальным и политическим наделяет их одной и той же универсальной природой. В итоге частью сравнительного метода становится и значительная часть самого изучаемого объекта. А это неверно. Компаративист призван сравнивать различные способы артикуляции экономического, социального и политического, взаимодействие между которыми образует то, что в политической науке называется социальной игрой.

Указанный подход оказывается неприемлемым и для антропологов. Эти последние, как известно, обращают в своих работах пристальное внимание на вопросы разнообразия способов построения экономических отношений и их взаимодействия с отношениями социальными. Карл Поляный¹, а потом Луи Дюмон² показали, что в контексте истории Запада экономика обладает известной автономией и рациональностью. Во многих других странах экономика прочно встроена в социальный порядок, присущий иным культурам и иным историческим процессам. Анализируя

¹ Polanyi K. La grande transformation. P., 1983.

² Dumont L. Homo aequalis. Genèse et épanouissement de l'idéologie économique. P., 1977.

развитие Танзании, Горан Хайден¹ показал, как в среде крестьянства экономическая игра неразрывно связана с социальными отношениями. А это исключает саму возможность ее автономизации в виде рынка, а также вмешательство в экономические отношения извне политических актеров, которые являются чужеродными для экономической и социальной среды.

Кроме того, опора на экономический детерминизм приводит к выводу о том, что сама стратегия развития той или иной страны, складывающаяся исторически и учитывающая в большей или меньшей мере специфику этой страны, тоже приобретает (должна приобретать) универсальный характер.

И тем не менее, несмотря на указанную ловушку, экономический детерминизм получил довольно широкое распространение в странах Запада. Возникает вопрос: чем объяснить успех экономического детерминизма на Западе? Как справедливо отмечают Б. Бади и Г. Эрме, вероятно, это связано с тем, что объяснение развития страны на основе экономической аргументации превратилось в важное измерение западной истории. Убедительность такой аргументации определялась, в частности, успехом в реализации стратегии «побеждающей буржуазии». Нужно учитывать и то, что и буржуазия связывала свой экономический успех с утверждением контроля над функционированием политических институтов и тем самым — с процессом демократизации. Однако такая связь между экономикой и политикой, присущая западному миру, не является в современных условиях ни универсальной, ни объяснительной для других факторов. Экстраполяция сложившейся на Западе связи между экономикой и политикой на историю других стран неизбежно ведет к унификации, к утверждению единообразия стратегий, которые используются актерами социально-политического развития. Получается так, что саудовский или индонезийский, китайский или иракский предприниматель ведут себя аналогично европейским предпринимателям. Так ли это? Есть все основания полагать: нет, не так.

Проведенное подобным образом сравнение указывает на то, что объяснительная парадигма не является *нейтральной в культурном отношении*. Не вызывает сомнения тот факт, что *различный культурный контекст меняет*

¹ Hyden G. Beyond Ujamaa in Tanzania, under-development and uncaptured peasantry. London, 1980.

понимание и объяснение одного и того же фактора общественного развития. Любой фактор, оказывающий влияние на тот или иной образ развития страны, различными социальными актерами не воспринимается универсально одинаково. Это означает, что принудительная роль любого фактора развития в разных культурных аспектах не является одинаковой. Не является одинаковой и включенность индивидов и групп индивидов в социальные процессы. Так, например, в контексте индивидуализации социальных отношений соответствие и объяснительное значение экономического фактора вовсе не является таким, каким оно предстает в контексте общественной солидарности. Фактически, концепция экономического детерминизма культурно коннотирована, т. к. она описывает преимущество определенного типа фактора в системе данных значений.

Следует сказать, что далеко не во всех культурах предпочтение отдавалось экономическому фактору. Так, например, в османской империи военный детерминизм обладал предпочтением перед экономическим детерминизмом. Это определялось ролью завоеваний и военных ресурсов в истории тюркского мира.

В конечном счете компаративист волен включать в объект своего анализа эту известную плюральность способов построения социальных детерминаций. И наоборот, если его целью является сравнение социальных фактов, то он может отказаться добровольно от модели монокультурного объяснения.

Взаимосвязь и взаимовлияние различных факторов является далеко неодинаковым в различных обществах. А потому не может быть совершенно одинакового объяснения различных процессов развития. Компаративисты в этой связи выделяют по крайней мере два способа объяснения. Один из них можно назвать последовательным, а другой — элективным, делающим упор на культурный анализ и открытие в эпистемологии М. Вебера.

Последовательное объяснение строится на строгом учете исторического развития. Суть его заключается в том, что сравнение различных исторических траекторий развития осуществляется на основе учета различий в историческом развитии. Анализ «последовательного» типа был использован Баррингтоном Муром, потом был уточнен Стейном Рокканом и Перри Андерсоном.

Б. Мур, проводя последовательный анализ, стремился учесть глобальные изменения в экономике в период XVII – XX вв. и найти объяснение, почему европейские общества развивались на разных путях. В своей работе «Социальное происхождение диктатуры и демократии» он показывает три пути перехода от «преиндустриального мира» к «современному миру»¹. При этом, согласно его представлениям, все три пути являются революционными. «Капиталистический реакционный» путь отмечен революцией «сверху». Он осуществляется в рамках сохранения союза между слабо развитой буржуазией как классом и классом земельных собственников. Другим революционным путем является путь «коммунистический». Он осуществляется в условиях определяющего влияния крестьянства. Б. Мур указывает и на третий «буржуазный» революционный путь. Именно с эти путем Б. Мур связывает появление в первой половине XIX в. в Европе современных государств. На этом пути велось государственное строительство в Англии, Франции, США, где, как утверждает Б. Мур, «социальная группа, обладающая независимой экономической базой, развивается и штурмует препятствия, доставшиеся от прошлого и стоящие на пути демократического капитализма».

Отметим, что при анализе вопросов строительства государства Б. Мур особо выделяет роль коммерческой буржуазии, а также подчеркивает первостепенную важность «реакции, которую противопоставила земельная аристократия и крестьянство как класс на вызов, брошенный им коммерческим сельским хозяйством, реакции, которая сыграла решающую роль в конечном политическом решении». Технические преобразования сельскохозяйственного производства и скотоводства, результаты которых дали о себе знать в Англии в конце XVII в., и массовый переход земли к латифундистской аристократии в Соединенных Провинциях, использовавшей интенсификацию и коммерциализацию и за пределами указанными нами областей сельскохозяйственного производства, стали основными элементами этой «агрокоммерческой революции». Другие страны Европы встали на этот путь значительно позднее, а в некоторых из них (Франция) было оказано сильное сопротивление. Главное различие между этими группами стран состоит в следующем: в первом случае коммерциализацию производ-

¹ Moore B. Les origines sociales de la dictature et de la démocratie. P., 1979. P. 10, 12, 24, 335, 337.

ства осуществляет аристократическая элита, объединяющая торговую буржуазию и группы традиционной знати; во втором случае — коммерческая буржуазия встречает сопротивление земельной аристократии, не способной включиться в процесс коммерциализации. И потому Б. Мур различает относительно единую аристократию в Англии, начиная с XVII в., и разделенные и борющиеся между собой господствующие группы вплоть до конца XVIII в. во Франции.

Специфическая социальная ситуация в Англии способствовала утверждению завершенной формы буржуазной революции, что предопределило в последующем утверждение *современного государства*, а вместе с ним и *современного политического режима*. Гражданская война XVII в. в Англии, называемая в исторической науке Славной революцией, утвердила с помощью насилия и ценой социальных потрясений такую форму государства, которая оказалась, по сути дела, противоположной абсолютизму, исповедовавшемуся Стюартами, и отличавшейся от французской абсолютистской и бюрократической монархии.

Б. Мур обращает особое внимание на рост коммерческой буржуазии, увеличение спроса на землю и распространение меркантилистского (читай «капиталистического») сознания, охватившего как крестьян, выращивавших овец (йоменов — «амбициозных мелких капиталистов»), так и часть знати. Революция будет использовать возможности всей комплексной аристократии, которая объединила буржуазных собственников и часть знати, вовлеченной в коммерческое развитие. Революция не могла не вызвать сопротивление монархии, пытавшейся покровительствовать мелкому крестьянству и обедневшим джентри (мелкой знати).

Иными словами, сама «королевская политика объединила против себя на селе и в городе меркантильные умы, уже объединенные по другим линиям». Эта капиталистическая аристократия победила, т. к. сумела преодолеть то, что ее прежде разъединяло. Она овладела в некотором смысле и государством в силу своего превосходства в парламенте, администрации и органах юстиции, особенно на местном уровне. Такая расстановка сил характерна и для современного государства, в котором правящий класс сохраняет контроль над деятельностью специализированной администрации. К тому же до наших дней сохранился парламент и получила дальнейшее развитие бюрократ-

тия¹. Коммерциализация сельского хозяйства, усиленная интересами и практической деятельностью буржуазии, является, по Б. Муру, необратимым условием появления современного государства и политического режима.

Следует сказать, что Б. Мур обращает внимание и на другие факторы, несводимые к преобразованию экономических структур. Речь идет о дифференциации господствующих социальных групп и разнообразии межгрупповых отношений до «буржуазной революции»; о могуществе или закабалении церкви, которая в Англии была лишена земель и обслуживания Тюдоров; о наследии западного феодализма, который обосновал принцип «свободно принятых обязательств между равными в правах людьми»; о воздействии войн, которые велись не только по экономическим причинам, и т. д. И если после всего этого Б. Мур выдвигает теоретический постулат о превосходстве экономических факторов, то тем самым он признает важность *социальных структур* и форм *политической организации*, унаследованных от прошлого². Черты социальных формирований Б. Мур уточняет при помощи трех теоретических критериев: относительный вес аристократии и буржуазии; тип сельской экономики, который определяется через характеристику отношений с государством; более или менее революционная ориентация крестьянства.

Следует сказать, что такой анализ не является каузальным: ни одна из этих переменных не создана *по причине* возникновения режима; напротив, их комбинация позволяет описать природу каждого из этих формирований. Подход Б. Мура ограничивается показом *последовательного соответствия* между типом формирования и типом режима. Он показывает, например, что предшествующая коммунистическому режиму крестьянская революция *предшествовала* и последовательности, в которой характерной является относительная слабость буржуазии, существование репрессивного сельского хозяйства и крестьянской революционной традиции. Осознавая реальность исторической индивидуальности, автор приходит к выводу о том, что

¹ Именно поэтому Б. Мур отождествляет буржуазную революцию и парламентскую демократию как форму государства, которое: 1) противостоит произволу власти; 2) утверждает «справедливые и рациональные власти»; 3) завершается в итоге длинного и трудного процесса участием народа образованием властей (Moore B. Op. cit. P. 334).

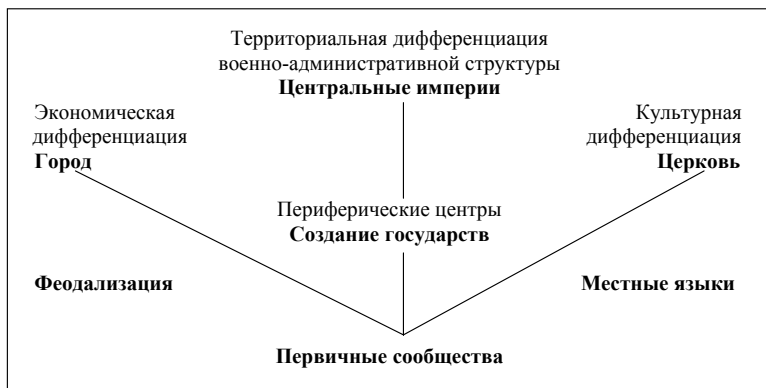
² Lagroye J. Sociologie politique. P., 1991. P. 63–65.

преддемократическая буржуазная революция берет начало в двух возможных типах последовательностей: английский тип, который характеризуется открытостью аристократии в отношении торговой буржуазии, утверждением коммерческих основ в сельском хозяйстве и слабостью революционной крестьянской традиции; французский тип — более репрессивным сельским хозяйством и революционной крестьянской традицией.

Подобный подход использует и Стейн Роккан. Он, в частности, предложил социоисторическую модель этатической дифференциации в Западной Европе. Динамическая модель социальной и политической дифференциации С. Роккана основана на учете трех измерений: территория, экономика и культура. Она может быть представлена следующим образом.

Схема 2

Три оси дифференциации крупных территориальных систем

Источник: *Rokkan S. Cities, states and nations: a dimensional model for the study of contrast in development // Building states and nations: models and data resources, Londres, Sage Publications, 1973. Vol. 1.*

Прежде всего уточним, что термином «дифференциация» Роккан обозначает историческое развитие общества, для которого характерным является прогрессивная специализация его структур и функций. В таком обществе индивиды постепенно отделяются от прямых межличностных связей между собой, которые характерны для первичных местных сообществ. В итоге формируется глобальная организация коллектива, в рамках которой происходит инте-

грация индивидов в более широкие социальные системы, которые, в свою очередь, структурируют и координируют специализированные роли, возникающие вследствие дальнейшего разделения общественного труда. Можно утверждать, что переход от аграрной экономики, построенной вокруг клана или племени, к экономике, в основании которой находится коммерческий обмен между городами, являет собой пример дифференциации в экономической области. В самом деле. Экономические актеры уже в рамках такого перехода испытывают все меньшую зависимость от связей внутри традиционного сообщества и все больше вписываются в специализированные структуры и роли. При этом у них формируется осознание своей принадлежности к более широкой и более комплексной социоэкономической системы, которая характерна для городов.

Невозможно объяснить этатическую дифференциацию в Европе, если не учитывать того простого факта, что родоначальником многих европейских государств была Римская империя. При этом Римская империя являла собой весьма дифференцированную систему территориальной организации. Народы Римской империи обладали собственными национальными институтами и культурами, которые различались между собой. Наконец, не составляет труда увидеть значительные различия между странами Запада и Востока этой же империи.

Нужно, видимо, сказать и о том, что утверждение власти центра империи над периферийными государствами, как правило, происходило вследствие военных завоеваний. Однако объединение различных народов в рамках единой империи было не только следствием физического принуждения. Не меньшее значение в этом объединении имел факт развития городов, в чем сказалось влияние торговых отношений. Рим, опираясь на поддержку богатых и влиятельных граждан, повсеместно создавал систему клиентелистских отношений между центром и местными властями. Значительную роль в объединении разных народов в составе единой империи сыграла и религия. Религия являла собой еще один вектор социальной и политической интеграции в Европе. Католическая церковь, навязывая свои ценности, лингвистические нормы (греческий и латинский языки) и способствуя распространению письменности, по крайней мере среди элит, способствовала утверждению социальной и культурной однородности в Европе, а также формиро-

ванию унифицированных коллективных представлений на различных территориях империи.

Римская империя пала под напором варваров в V в. Однако во многих своих проявлениях (городские сети, римское право и католическая религия) империя давала о себе знать, оказывая сопротивление многим политическим трансформациям. При этом периферийные страны империи получили возможность для автономного развития, которое характеризовалось формированием партикуляристских начал в утверждавшейся местной идентичности. Это открывало путь для утверждения феодальной Европы. С падением Римской империи начинает свое развитие процесс территориальной, культурной и экономической дифференциации, что открывало путь для становления европейских государств-наций.

Такой поворот происходит в XV в., когда на пространствах бывшей Римской империи утверждаются новые формы централизованной территориальной организации и политических отношений, которые приходят на смену личной зависимости населения от феодалов. Однако темпы таких изменений весьма различаются в разных странах. Так, в Англии, Испании или Франции процесс элитического строительства завершился созданием монархического государства, тогда как в Австрии или Пруссии он получил свое выражение в создании авторитарных империй. Указанный процесс растянулся вплоть до XIX в. в **Германии и Италии**. Такая неравномерность в государственном строительстве испытывало влияние, в свою очередь, развития процесса становления национальной идентичности. А потому С. Роккан считает, что определяющее влияние на процесс государственного строительства в Европе оказывали экономика и культура.

В социально-экономическом плане С. Роккан отмечает контраст между Востоком и Западом Европы. Экономика Восточной Европы оставалась аграрной и ремесленной. А социальное развитие в этом регионе, не испытывая сильного влияния городов, определялось сохранением земельной аристократии и рабства. Западная же Европа испытывала на себе влияние становления капитализма и развития торговли, для чего были созданы благоприятные условия еще в период Римской империи. А потому, по С. Роккану, построение государств-наций в Западной Европе осуществлялось в ином, нежели в Восточной Европе, социально-экономическом контексте.

В культурном плане изменения происходили значительно медленнее. Известное культурное сходство различных стран в Западной Европе определялось влиянием католической церкви. Однако это сходство было подорвано, с одной стороны, появлением печати, а с другой — возникновением протестантизма. Появление письменных текстов способствовало развитию национальных языков, а это приводило к фрагментации единых прежде лингвистических норм, а также к автономизации дифференцированных местных культур.

Реформация, помимо теологических изменений, вызвала к жизни политические последствия, среди которых можно назвать необходимость подчинения граждан мирской власти, что укрепляло ее политические позиции. А кроме того, Реформация привела к появлению национальных церквей. Произошло разделение некогда единой Европы на католическую и протестантскую, первая утвердилась на Юге, а вторая — на Севере Европы.

Культурная инновация, связанная с появлением печати и Реформацией привела к изменению кодов коммуникации и системы общих ценностей, сложившихся еще в Римской империи. Это привело к возникновению географически структурированного культурного партикуляризма, в частности, к развитию местных языков, что стало предпосылкой для утверждения независимости от католической церкви.

Опираясь на учет влияния экономической и культурной детерминант, С. Роккан выдвинул двухмерную типологию политической целостности Европы, которая учитывает разнообразие условий ее формирования, а также особенности взаимодействия с механизмами ее структурирования.

«Концептуальная карта» Европы государств-наций

Эта карта (с. 67) позволяет идентифицировать ретроспективную природу и ситуацию европейских политических систем между XV — XVIII вв. Она имеет две оси: ось Восток — Запад, которая учитывает различия в социально-экономических контекстах формирования государств, и ось Север — Юг, в которой находит свое выражение разнообразие культурных условий, определивших формирование наций.

Горизонтальная ось указанной карты освещает существенные различия между сильными государствами-нациями монархического типа, которые сложились на Западе (Анг-

лия, Франция, Испания) и авторитарными государствами-нациями имперского типа, которые сформировались на Востоке Европы (в частности, Пруссия и Австрия). Опираясь на работы Б. Мура и П. Андерсона, С. Роккан подчеркивает, что указанное различие является результатом того контраста между экономическими структурами двух Европ, а также его влияния на природу тех ресурсов, которыми власти обладали на момент территориального объединения в каждой из стран. Так, в Англии и Франции, начиная с XVI в., рыночная экономика обеспечивала власть достаточными для объединения страны финансовыми ресурсами. Это нельзя сказать о странах Восточной Европы. В этом регионе именно земельные собственники содействовали тому, чтобы в странах данного региона в XVII–XVIII вв. возник военно-административный центр, который был бы способен противостоять, с одной стороны, выступлениям крестьянства против собственников земли и против власти, а с другой — противостоять военной угрозе Запада.

Как отмечает С. Роккан, именно социально-экономические различия объясняют различия в западных и восточных политических системах, а также различия в последующей эволюции этих стран, особенно в том, что касается участия масс в политике.

Учет влияния второй социально-экономической переменной (интенсивность городских сетей) позволяет со всей очевидностью демонстрировать «парадокс развития Европы». Он выражается в том, что западные государства формировались на базе развития коммерческих и денежного обменов, однако наиболее сильные из них образовывались вовсе не вокруг наиболее урбанизированных¹ территорий. Как отмечал в свое время крупный французский историк Ф. Бродель, «ни Италия, ни Франция, и даже ни Германия, имевшие столько свободных, активных и богатых городов, не стали территориями, на которых происходило бы становление нового типа правления. Современная монархия утверждается прежде всего в Испании, Франции, Англии»².

С. Роккан объясняет этот парадокс соперничеством между многочисленными городами-государствами, бывшими своеобразным «спинным хребтом» Европы. Это приводило к тому, что отношения между ними строились на принципах взаимной нейтрализации. В итоге складывалась

¹ Cf. Denni B., Lecomte P. Op. cit. T. 1. P. 113.

² Ibid. P. 116.

Концептуальная карта Западной Европы между XV–XVIII вв.
(территории, название которых подчеркнуто, были в этот период суверенными)

	Измерение «Государство—экономика»: ось Запад—Восток			
	Слабые	Сильные	Слабые	Сильные
Территориально-альные центры				
Городские сети	Слабые Морской периферии	Сильные Имперские морские нации	Сильные Европа государств-городов	Слабые Имперские континентальные нации
Протестантская государственная церковь	Далекие Исландия Норвегия Шотландия Галлия	Ближкие Дания	Общественные формирования Интегрированные в большую систему	Ближкие Фрагментированные до XIX в.
Смешанные территории	Англия		Ганзейская Германия	<u>Пруссия</u>
Национальный католический лицизм	Ирландия Британия	Франция	Нидерланды	Рейнские страны
Конгрессная реформа	Италия Португалия	Каталония	Бельгия	Бавария
				Финляндия
				Польша
				Венгрия
				Территории Балтики и Богемии

Источники: *Rokkan S. Cities, states, and nations: a dimensional model for the study of contrast in development // Building states and nations: models and data resources*, Londres, Sage Publications, 1973, vol. 1.

такая ситуация, когда ни один из центральных регионов не являлся естественно предрасположенным к тому, чтобы стать центром политической власти. Исторически получалось так, что центры контроля над территориями государств легче было образовать на периферии свободных городов, т. е. там, где не существовало серьезных сил сопротивления процессу формирования новой политической структуры. Так, во Франции утверждения монархии как централизованной власти происходило в Бургундии. Подобным же образом Испания, Англия и Франция предпринимали ряд попыток с тем, чтобы подчинить себе Голландию и Соединенные провинции. В итоге в этих странах удалось не только сохранить независимости, но и сформировать гибкие политические институты правления, которые отвечали интересам крупных торговых городов. Происходило, говоря современным языком, формирование минимального либерального государства, продолжавшее традицию ганзейских городов с учетом новых политических реалий Европы. В Германии и Италии государственное строительство запоздало. Оно развернулось в начале XIX в., в чем сказалось влияние крупных городов, которые уступили только под воздействием требований национального объединения.

Если обратиться к вертикальной оси карты С. Роккана, то здесь на передний план в государственном строительстве выходят вопросы национальной идентичности. Отчетливо можно видеть по этой оси разделение Европы на протестантскую и католическую. В странах, где была осуществлена Реформация, Церковь становится важной структурой, при помощи которой утверждался национальный язык и осуществлялась социализация масс в объединенные в культурном отношении группы. В странах преимущественного влияния католической церкви формировались новые этактические центры, подчинявшие население двойному влиянию. И тем не менее потребовалось немало времени для того, чтобы утвердить, например, единый язык. Так, во Франции этот процесс завершился лишь к началу XIX в. Еще более сложно этот процесс осуществлялся в Испании. В этой стране сказалось, например, то, что Испания тратила немало сил и средств для создания своей империи, в частности, на пути колонизации ряда стран Латинской Америки. И до сегодняшнего дня подлинного национального единения страна не обрела, о чем свидетельствуют события в Каталонии и в баскской провинции.

Европа коммерческих городов являет собой третью модель политического развития, в рамках которой противоположность Севера и Юга представляется вторичной. Так, протестантская Германия и католическая Италия объединились в культурном отношении на основе утверждения языкового единства и утверждения национального чувства, которые сформировались до возникновения государства. Наконец, в регионах, примыкающих, например, к Франции (Бельгия и Эльзас – Лотарингия) так и не сложилось языковое единство. И до сегодняшнего дня сохраняется разделение Бельгии на валлонцев и фламандцев, говорящих на разных языках, а в Эльзасе и Лотарингии сохраняется германский диалект¹.

Такой подход позволяет С. Роккану построить сравнительное объяснение, отличное от детерминизма. Он стремится показать, что не существует какого-то одного фактора, который *a priori* являлся бы причиной возникновения и развития политических процессов. Так, экономическая переменная во многом объясняет процесс построения этатического центра в будущих государствах Европы. Это действительно так. Однако эта переменная проявляет свое воздействие в комбинации с территориальной переменной. При этом даже в такой комбинации экономическая переменная не может в полной мере объяснить особенности национального строительства в европейских государствах, если не учитывается религиозная переменная. Выбор каждой из этих переменных и определение степени их влияния не определяется причинной (каузальной) обусловленностью. Он определяется на основании эмпирически выявленных различий, при помощи которых интерпретируются специфика и закономерности исторического развития на основе строгого учета последовательности этого развития.

Таким образом, различия между странами Севера и Юга Европы не связаны с влиянием только экономического феномена. Они в значительной мере определяются тем, что их можно определить как религиозный ренессанс, а также различием между странами Реформации и контр-Реформации. А это значит, что разнообразие и месторасположение этатических моделей не объясняется только тем или иным типом экономики, которые сложились до вступления той или иной страны в политическую современность. Если бы

¹ Cf. Badie B., Hermet G. Op. cit. P. 18 – 20.

трасса политического развития определялась только экономикой, то мы вели бы речь об экономической истории государств. Нужно со всей определенностью сказать, что историческое развитие государств не может быть осмыслено без учета территориального развития, без того, что можно было бы назвать территориальной историей. Это хорошо понимает С. Роккан, когда разрабатывает «концептуальную карту Европы». Однако подход С. Роккана поднимает ряд проблем.

Первая из них — *природа* объяснения. Эта природа ограничивается простым выявлением *исторической последовательности*: Реформация *предшествует* осторожному и консенсусному национальному строительству; Контр-Реформация *предшествует* запаздывающему и затрудненному национальному строительству. С. Роккан не говорит о причине такого развития событий. Он стремится идти дальше и *рационализировать* это соответствие в объяснении исторической последовательности, указывая, например, на то, что строительство национальной церкви, отделенной от Рима, в период Реформации является важным *фактором* национальной социализации и интеграции. Такая постановка проблемы поднимает неизбежно вопрос: почему такое совпадение по времени Реформации и национального строительства позволяет делать вывод о том, что формирование национальных церквей является причиной национальной интеграции? Однако С. Роккан, надо полагать, понимая известную шаткость такого объяснения, признает, что возникновение национальных церквей является не единственной причиной национальной интеграции, хотя и является характерной чертой *европейской истории*, и оно не может быть генерализировано для объяснения процессов формирования всех типов политического порядка.

Другая проблема связана со *способом построения этого множественного объекта*, который испытывает на себе влияние процесса дифференциации траекторий европейской истории. Определение этого объекта является эмпирическим, опирающимся на учет географического местонахождения того или иного государства.

Но является ли географическое местонахождение того или иного государства достаточным основанием для всесторонней характеристики государства? Такой вопрос не имеет однозначного ответа: нет оснований утверждать о постоянстве влияния географического фактора. Так, скажем,

территориальная близость не может *a priori* рассматриваться как фактор сходства, способный классифицировать близкие страны в качестве стран, относящихся к одной и той же категории. С. Роккан на основе географического описания стремится выявить различия между государствами и последовательность исторических событий, которые определяют эти различия. Такой способ классификации позволяет С. Роккану построить *различающиеся географически типы государств*, а это создает возможность для него отойти от простого соединения европейских государств по территориальному принципу. Каждое отдельное государство рассматривается С. Рокканом как частный случай, сопоставление которого с другими государствами оправдывает использование большего числа переменных. На этом пути С. Роккан стремится преодолеть ограниченность географического подхода¹.

Нечто подобное можно наблюдать у Перри Андерсона. В «Абсолютистском государстве» он показывает, как построение абсолютистского государства было подготовлено сильной феодализацией, порождавшей кризис политического авторитета. Эмпирическая констатация этого положения приводит к выводу о том, что сила государства является функцией кризиса авторитета и, значит, степени феодализации общества.

Можно полагать, что использование последовательного метода позволяет на основе сравнительного анализа выявлять исторические совпадения, а также, благодаря им, — «тяжелые переменные» (Реформация и контр-Реформация, степень коммерциализации, феодализации и т. д.). Это, в свою очередь, предполагает проведение некоторых дополнительных, более тонких исследований, в которых учитывалась бы множественность процессов политической

¹ Номинализм (от лат. *nominatum* — назвать по имени) — 1. Направление средневековой схоластической философии (XI – XV вв.), согласно которому реально существуют единичные предметы, а общие понятия являются лишь их именами. 2. В социологии — теоретико-методологическая ориентация, согласно которой реально существуют лишь отдельные индивиды и их социальные действия. В соответствии с этим отрицается самостоятельное бытие общества и социальной системы, которые рассматриваются как совокупность индивидуальных действий; основное внимание обращается не на социологические системы и структуры, а на реализацию целей, намерений, установок индивида, осмысление им значения ролей статусов. (Социологический энциклопедический словарь. На русском, английском, немецком, французском и чешском языках. М., 1998. С. 203).

организации обществ. Это позволяет расширять фронт сравнительных исследований и выдвигать дополнительные объяснительные гипотезы, по крайней мере частичные.

Второй способ объяснения, который использует сравнительный метод, это *элективное сходство*. Этот способ был использован М. Вебером в «Протестантской этике». Он порывает с каузальностью еще более явно и не стремится ответить на вопрос «*что определяет что?*»: капитализм определяет протестантизм или, наоборот, протестантизм определяет капитализм. М. Вебер стремится выявить элементы сходства, на основе которых протестантизм и капитализм солидаризируются друг с другом. Это позволило немецкому социологу показать, как протестантизм, обновляя теологические конструкции христианства и выводя Церковь за пределы посредничества в отпускании грехов, помещает то, что называется Спасением, в центр забот индивида. Тем самым этот последний оказывается в положении избранного на Земле и может добиваться улучшения своего положения и рационализации своего действия. В итоге оказывается возможным *соединение духа капитализма и солидарности индивидов друг с другом*.

Такой подход позволяет компаративисту выстроить логическую связь между типом культуры и типом политического строительства. Таковым является, например, проект, изучающий связь римской христианской культуры с западной этатической моделью. На основе сравнительного анализа открывается возможность создания такой типологии, которая позволяет показать, как различные типы религии приводят к различным типам политического порядка. Так, Самуэль Эйзенштадт различает три типа артикуляции на этом и на том свете, приводящих к трем типам политического порядка. Политический порядок во многом определяется религиозным типом. Например, китайский политический порядок ориентирован на маргинализированный этот свет, который не получает серьезной легитимации в таких религиях, как буддизм и индуизм, ориентированных на тот свет. В юдохристианских религиях, наоборот, полагается, что человек призван действовать на Земле для того, чтобы получить спасение в загробном мире, что определяет напряжение в духовном основании общества и не может не накладывать отпечаток на специфику политического порядка.

Как и в последовательном методе, метод селективных уточнений позволяет использовать феномен множествен-

ности, не ограниваясь рамками метода, основанного на использовании объяснительных переменных. Метод селективных уточнений, в свою очередь, ставит и ряд проблем, связанных с самим принципом корреляции, например, между развитием капитализма и распространением протестантизма. Эта корреляция определяется стремлением к Спасению или — более широко — несопоставимостью капитализма и контр-Реформации? Если есть сходство между типами религии и типами политического порядка, то встает вопрос: можно ли это объяснить только ссылкой на способ артикуляции на этом и на том свете?

Нужно сказать, что объяснительное значение сравнительного метода утрачивается, как только начинают соединять его с универсализмом, простой каузальностью или эволюционизмом.

2.1.3. Кризис связи с историей

Классический компаративизм в те же 60-е и 70-е гг. столкнулся с неспособностью опираться на историю, т. е. неспособностью интегрировать в своем анализе историческое измерение сравниваемых между собой социальных объектов. *Отсутствие исторического измерения делает всякое сравнение искусственным и иллюзорным*, т. к. учитывает только сегодняшние проявления, и не обращает внимания на историческую глубину событий, отличающихся одновременно и исключительностью, и множественностью.

Недооценка роли и значения исторического измерения в традиции классического компаративизма проявлялась двояко. С одной стороны, сказывалось влияние бихевиористской эпистемологии, получившей широкое распространение сначала в США, а потом и в Западной Европе. Эта эпистемология исходит из того, что политическая наука и история являются двумя различными, независимыми друг от друга дисциплинами. С другой стороны, компаративисты послевоенных лет в Европе нередко исходили из постулата, утверждающего, что история *a priori* разделена неким самостоятельным смыслом и потому подчинена теории общества.

Первая точка зрения была господствующей в 60-е гг. Она определяет и роль исследователя, который наделяется функцией *наблюдения* за функционированием политической системы, выявляя в ней регулярность и используя

технику измерения. Такой подход мог применяться к анализу механизмов политической жизни, а также для анализа политического поведения. С точки зрения компаративизма этот подход был неэффективен.

Бихевиористский анализ механизмов политической жизни породил системный анализ, выявляя совокупность политических ролей, присущих данному обществу и конституирующую систему, т. е. совокупность взаимозависимых элементов, образующих целое. С компаративной точки зрения этот подход вел к трем опасностям. Системный подход предполагает прежде всего определение *a priori* политики, ценностей, на что указывает подход Д. Истона (это было нами показано выше). Такое понимание как бы не имеет ограничения как во времени, так и в пространстве. Для него характерным является предположение о том, что ни временная длительность, ни культура не воздействуют на сам системный подход, который связан с сущностной и даже номиналистской¹ концепциями политики. Сравнение в этом случае утрачивает свою значимость: постулат об универсальной значимости политики приводит к чисто формальной отысканию в каждом культурном пространстве элементов, которые способны противостоять определению *a priori* политики. В стороне же остаются многие значимые проявления политики, которые присущи каждой культуре.

Вторая опасность бихевиористского подхода, к сравнению, связана с сущностным определением политики, откуда берет начало постулат об ее устойчивости. На переднем плане оказываются трансисторические политические практики, а это значит, что не учитываются или недооцениваются трансформации. Системный анализ Д. Истона представляет политику как историческую последовательность, связанную с состоянием окружения, которое он не анализирует. Это означает, что, согласно Д. Истону, трансформации политики берут начало в историческом анализе. В итоге получается так, что системный анализ политики, в понимании его Д. Истоном, а также взаимодействие политики с социальным окружением происходят в определенный момент, т. е. в определенных контекстах и на основе определенных ставок. Авторитарный подход

¹ Bois P. Paysans de l'Ouest: des structures économiques et sociales aux options politiques depuis l'époque révolutionnaire dans la Sarthe. P., 1984.

к ценностям и «пара» *требование—ответ*, которые лежат в основе кибернетической аналогии политики, присущей модели Д. Истона, описывают в конечном счете реализацию политики в фазе благосостояния государства. Такое государство предполагает централизацию политических функций, учет требований, выдвигаемых обществом, существование особого «поведения требований», что вводит необходимость преобразования в требования неудовлетворенности, связанной с жизнью индивидов. При этом необходимо учитывать дифференциацию пространств частного и публичного запросов. Такая модель в компаративистском подходе приводит к ложному описанию, которое не имеет никакой связи с реальностью.

Наконец, можно говорить о третьей опасности, которая подстерегает сторонников бихевиористского подхода. *Системный подход может затушевывать или лишать оригинальности и специфичности кризисы политического порядка.* К слову сказать, специфичность кризисов обуславливает множественность траекторий их развития. Об этом свидетельствуют многочисленные исторические примеры. Так, кризисы политического порядка, которыми отмечена история Китая, как правило, были связаны со сменой императорских династий. Эти кризисы радикально отличаются от тех кризисов, которые имели место в истории мусульманского мира. И те и другие кризисы политического порядка весьма далеки от универсальной модели саморегулирования, как это предписывает системный подход.

Из такой констатации вытекает следующий вывод. При проведении сравнительного анализа необходимо учитывать не только сущностные характеристики политики, проводимой в каждой из сравниваемых стран, не только разнообразие отношений политики с социальными структурами указанных обществ. Эти социальные структуры, в свою очередь, могут быть как дифференцированными, так и недифференцированными. И вне зависимости от этого компаративист призван выявлять специфику политических кризисов, поражающих сравниваемые страны, а также способы, при помощи которых указанные кризисы преодолеваются.

Бихевиористский анализ политического поведения приводит к тем же неопределенностям и подвергается тем же самым опасностям. Он завершается, как правило, ути-

литарным описанием электорального поведения, которое коррелируется совокупностью социологических переменных (религиозная практика, классовая принадлежность, в меньшей степени — пол, возраст или уровень образования). Такая конфигурация может порождать иллюзию возможности сравнения, например между регионами или странами. А это предполагает тщательный учет того, что мы называем историей.

О чем идет речь? Прежде всего многомерный анализ электорального поведения является обоснованным, или, говоря иначе — валидным, тогда, когда он учитывает социальный и политический контекст. Введение контекстуальной переменной заключается, в частности, в том, что необходимо учитывать политические традиции, присущие каждой географической единице, т. е. учитывать ее историю, объясняя корреляции и придавая смысл проводимому сравнению. Можно утверждать следующее: *только исторический анализ позволяет преодолеть иллюзии, порождаемые корреляцией, выдвигать гипотезы о природе той связи, которая соединяет переменные*. Поль Буа¹ в своем знаменитом анализе политического поведения в департаменте Сарт во Франции на основе исторического анализа показал, как политическое поведение предшествовало поведению религиозному, подобно тому, как фундаментальное событие — Французская революция, порождало политические позиции жителей данного департамента. Это же событие на основе религиозных предпочтений, в свою очередь, порождало враждебность к революции.

В других ситуациях религиозное поведение первенствует по отношению к политическому поведению — сначала республиканское голосование, потом голосование за левых из протестантских меньшинств департамента От Луар. Есть все основания полагать, что проведение анализа поведения без учета исторического контекста подвергает этот анализ риску ограничиться только объяснением; при сравнении такое объяснение может даже приобретать противоположный смысл. Как отмечают французские социологи Б. Бади и Г. Эрме, в приведенном только что примере это может найти свое выражение в том, что в указанных департаментах возникновение политики определяется разными социальными процессами².

¹ Cf. Badie B., Hermet G. Op. cit. P. 25–28.

² Thompson E.P. The Making of English Working Class. New York, 1963.

Другое проявление пренебрежения к истории заложено в традиции компаративизма, которая придает *a priori* смысл истории при помощи социологической теории. Это характерно для марксизма и эволюционистской социологии. Марксизм, как известно, постулирует последовательную смену способов производства, а эволюционистская социология — дает рождение известной множественности социологий модернизации, которые основываются на точном, финализированном и универсальном определении современности, в направлении к которой движутся все общества. Как мы уже видели на примере девелопментализма, такое видение не может обеспечить подлинное сравнение, оценка которого происходит с опозданием.

Марксистская социология сама по себе вводит ограничение в сравнение. Это ограничение связано с тем, что, во-первых, марксизм *a priori* рассматривает развитие истории на основе экономической каузальности, что приводит в итоге к трактовке исторического развития через этапы, связанные с универсальными способами производства. Первый из этих постулатов особенно опасен, т. к. предполагает, что экономика может быть всюду и всегда изолирована как категория мысли и действия, и что она иерархически так выстроена, что определяет совокупность всех иных инстанций. Второй постулат связан *a priori* с недооценкой различий, которые культура, политика или иная инстанция могли бы ввести в способ производства или в траекторию исторического развития. Попытка учесть «азиатский способ производства», что было предназначено для анализа, в частности, китайского и индийского обществ, выявило значительные затруднения в преодолении этноцентризма в сравнительном подходе. И наоборот, современные эволюции обществ связаны с утверждением плюральности в истории и культурах. Пример тому «культурный марксизм», который стремится примирить, в частности, британскую историографию, которая соединяет учет социоэкономических условий и культурные характеристики, присущие каждому классу и определяющие способ формирования их классового сознания. Е. Томпсон¹ освещает тем самым способ, при помощи которого социальный опыт, жизненный путь каждого коллектива и, в частности, каждого социального класса, проявляют свою особенность и объясня-

¹ Hether M., Bruste W. Regional Modes of Production and patterns of state formation in Western Europe // American Journal of Sociology. Mars. 1980.

ют различия между ними. В таком подходе вместо объяснения *общего*, присущего рабочему классу, социология призвана выявлять особенности формирования каждого из классов и слоев общества. На основе такого же подхода П. Андерсон при анализе абсолютистского государства, стремясь скорректировать марксистскую теорию, сторонником которой он себя объявляет, предпринимает попытку установить, каким образом каждый способ производства проявляется в частностях политического строительства и каким образом специфика закладывается в основание истории. В таком строительстве участвуют политический порядок, идеологии, право, и они же становятся носителями объяснения и поддержкой в сравнении. Этот подход был применен автором для анализа различия способов феодального производства в средневековой европейской истории, из чего он извлекает объяснение множественности способов построения государства. Такой тип анализа был развит М. Гектором и У. Брастейном¹, которые еще более свободно обращаются с теорией марксизма, стремясь показать, каким образом история является носителем множественности способов производства. Они пришли к выводу о том, что феодальный способ производства не является универсальным этапом. Он рассматривается как частное проявление истории. Указанные нами авторы полагают также, что феодальный способ производства является объяснительным феноменом для формирования социальных классов и построения современного государства, не будучи общим этапом европейской истории в целом. Показательно, что некоторые государства на Севере Европы выросли из оседлого пастушества, другие же, в Средиземноморье, — из мануфактуры.

В каждом из этих подходов марксистской теории отказывается в праве на универсальную трактовку ее категорий. Так, рабочий класс рассматривается названными выше авторами как участник классовой борьбы, но упор делается на учет специфики его образования в истории той или иной страны; способы производства изучаются с учетом их отношений с политикой, но учитывается разнообразие способов производства и тем самым плюральность в их идентичности. В каждом случае история учитывается не как данное *a priori*, но как загадка и как рамка исследования, придавая сравнению функцию выявления различий, берущих начало

¹ Cf. Badie B., Hermet G. Op. cit. P. 24.

в множественности типов исторического развития. Такое обновление марксизма способствует использованию возможностей сравнительного метода в работах, построенных на основе исторического материализма. Однако результат такого сравнения является только частичным, т. к. позволяет исправить постулат об универсальности *этапов* развития, хотя, похоже, не ставит под вопрос другой постулат — об универсальности экономического детерминизма, а вместе с ним — и об универсальности типа культуры, который его предполагает¹.

Попытки выхода за пределы бихевиоризма и марксизма расширяют возможности использования сравнения на основе учета исторического развития. *Сравнение, проводимое без учета исторического развития, подвергает риску стать на путь недоучета того, что мы называем различиями: сравнивать политические порядки без учета специфики их исторического развития, а значит, без учета присущей им мобильности, может вести к ошибочному выводу о том, что политика оказывается неизменной в своей сущности в различных обществах. И наоборот, учет исторического фактора позволяет выявить разрывы, воздействия на развитие общества извне и кризисы. Это означает, что политический порядок анализируется не с точки зрения его организации, а в как выражение процесса его строительства.*

Нет необходимости доказывать, что анализ таких процессов является центральным элементом познания. Он позволяет лучше познать специфику, присущую каждому типу западного государства, а значит, множественность условий его формирования, что получает свое выражение и в особенности его институтов. Это позволяет также освободиться от иллюзии универсальности. Социоисторический анализ построения государства позволяет видеть события, стратегии, выборы, которые оказали решающее влияние на структурирование политических отношений. Такие пара-

¹ Фрустрация (от лат. frustratio — самообман, неудача, тщетная надежда): 1. Состояние психической дезорганизации, возникающее у человека в результате осознания крушения надежд, невозможности достижения поставленных целей и проявляющееся сочетанием подавленности с напряжением и тревогой. 2. Сама ситуация, обстоятельства, вызвавшие такое состояние (*Социологический энциклопедический словарь*. На русском, английском, немецком, французском и чешском языках. М., 1998. С. 396.).

метры позволяют оценить игру актеров в данный момент времени через учет ожиданий, особых интересов, фрустраций¹ и поражений под воздействием того исторического контекста, который образуется в итоге взаимодействия властных отношений и социальных отношений между актерами, а также культурных моделей. *Анализ процесса политического созидания предполагает учет множественности путей политического созидания и неустойчивости этого процесса, в чем сказывается воздействием неизбежно возникающих социальных напряжений в обществе, а также процессов социальной адаптации по мере течения времени.* В итоге изначальные параметры политического созидания претерпевают изменения, подчас весьма радикальные.

Нужно сказать, что недоучет феномена исторического развития, его воздействия на политическое строительство и созидание подвергает сравнительный анализ опасности иллюзорного видения. Рассмотрение политического порядка как неизменного в данный момент приводит, по мнению Ч. Тилли, к признанию привилегированного отношения власти к протестным движениям и их акциям. А это значит, что такое рассмотрение поднимает проблему соотношения легитимности и нелегитимности в социальном действии.

Поясним. Статическое представление о политическом порядке позволяет выявить структуру, определить те или иные формы социальной организации как гарантов эффективности власти. А что же являет собой то, что мы называем протестом? Протест, как известно, никак не характеризуется такого рода постоянством. Рассмотрение политического порядка без учета тех его изменений, что связаны, в частности, с протестными действиями оппозиции, превращает формулу легитимности социального порядка, к которой апеллирует власть, в весьма ограниченную. Это связано, например, с тем, что власти затушевывают, или, точнее, стремятся не подчеркивать феномен социального неравенства в обществе, а также разнообразные проявления делегитимации власти, а тем более проявления контрлегитимности, набирающей силу в тех или иных исторических условиях.

¹ Система ценностей — модель ценностей общества или группы, в которой индивидуальные ценности взаимосвязаны таким образом, чтобы каждая из них усиливала другую и тем самым образовывалось бы согласованное целое (*Социологический энциклопедический словарь на русском, английском, немецком, французском и чешском языках.* С. 402).

Наконец, статическое видение социального и политического порядка не только как бы увековечивает сложившиеся в данном обществе социальные отношения, но и исключает преобразование этих порядков, а также появление новых типов действия, ставящих под вопрос неизменность социальных отношений.

Наконец, история является самой надежной защитой от негативных последствий макросоциологического подхода. Сравнение, которое игнорирует историю, может вести к принятию предположения о реальности существования больших совокупностей, таких, например, как «мусульманский мир» или «западный мир». Опора на историю выявляет наличие значительного множества единиц анализа, политических пространств, которые могут быть подвергнуты изоляции и сравнимости. Такое разнообразие применимо к каждому политическому пространству, претендующему на суверенитет и тем самым на создание собственной политической сцены. Внутри каждого из этих пространств суверенитета выявляется собственная история, производящая собственную политическую традицию, выстраивающая свои собственные отношения с политикой. Говоря, например, о структурирующем эффекте Французской революции на построение французской политической сцены и политической «игры», социоисторический анализ показывает, что структурирующий эффект был различен для Сарта, который изучал П. Буа, Вандеи, которую анализировал Ч. Тилли, а также для Парижа и Верхней Луары. Обращение к истории приводит к уменьшению единиц анализа и позволяет проводить сравнение на различных уровнях. Любой из уровней анализа является легитимным, но выбор уровня анализа возможен только в результате предварительного определения объекта исследования.

Сравнительная политическая социология перед лицом истории, казалось бы, должна уступить место методу сравнительной политики. Однако историческая социология нацелена на другое. Сравнительная политика остается социологической в том, что она не подвергает сомнению *a priori* социологическую концептуализацию, а также методы или парадигмы социологии. Она лишь претендует на выбор между универсальным (общим) и частным (особенным), между материалами, отмеченными историей, и теми, что принадлежат истории. Тем самым она стремится сохранить

свою автономию по отношению к способу исторического объяснения. При этом полагается, что объяснение социальных феноменов не требует выявления *непрерывности*, а предполагает включение, интерпретацию и критику ее на основе достижений социологической теории. Формирование государств связано не только с наличием длительного периода феодального прошлого как объяснительной переменной, но также и с воздействием стратегий, кризисов, социальных взаимодействий, которые освещаются и определяются с точки зрения непрерывности.

На основе такого подхода в 70-е гг. прошлого века сложилась историческая социология политики. Примечательно, что она появилась как внутри марксистского течения, так и внутри девелопменталистского течения. В первом случае начало было положено в 1967 г. Б. Муром, а потом оно было поддержано П. Андерсоном, И. Валлерстейном, М. Хектером и Т. Скокполом. Во втором случае решающую роль сыграли С. Эйзенштадт, С. Роккан, Р. Бендикс. Опираясь на некоторые аспекты марксистской социологии, а также социологию Э. Дюркгейма, Ч. Тилли сделал еще один шаг на пути соединения истории и социологии. Показательно, что главное внимание этих исследователей привлекает тема формирования западного государства с учетом его исторической специфики. Остается, правда, сожалеть, как отмечают некоторые политологи, что исследование государства этими авторами не выходило за пределы Запада, не учитывало, например, процессы формирования государств в Африке и Азии.

Историческая социология политики, скорее, проект, нежели метод. Использование истории для освещения специфики и более точного сравнения, само по себе, не порождает дебатов. Названные нами выше аналитики стремились определить стратегию исследования, а также способ построения объекта для анализа. Они стремились артикулировать методы истории и социологии, при этом задавались вопросом о природе документальных ресурсов, которые нужно использовать для проведения анализа. И конечно же, не оставляли вне поля своего внимания и вопросы эмпирической верификации своих выводов.

Отметим, что подходы у каждого из представителей указанного направления исторической политической социологии существенно различались. Так, подход к исследованиям Ч. Тилли, по сути дела, совпадал с подходом историков. Сто-

ронников марксизма отличает более социологическое изучение исторических феноменов. С. Роккан ограничивается изучением исторических процессов в Европе, а подход таких авторов, как С. Эйзенштадт, Р. Бендикс и П. Андерсон не ограничивается рамками определенного пространства или времени. Б. Мур и Т. Скокпол опираются в своем анализе на первичные переменные, а Р. Бендикс и С. Эйзенштадт ориентируются на описательное и интерпретативное представление различных исторических траекторий. В целом, как отмечают Б. Бади и Г. Эрме, исторической социологии, вероятно, не достает методологических оснований, правил метода, которыми бы пользовались исследователи.

3.1. Новые ориентации компаративистики

Кризис универсализма, неопределенность классических способов объяснения тех или иных политических явлений или процессов, необходимость опираться в проведении сравнения на историю привели компаративистов к необходимости обновления метода. Обновленный метод сравнения, фактически, возникает на основе новых парадигм политической науки, связанных с культурным анализом и перестройкой социологии действия, основанной на стратегическом анализе. Такой поворот сравнительной политологии связан с возвратом к веберовской социологии и использованием его парадигмы. Как известно, М. Вебер строил свою социологическую теорию не на *обществе*, а на *социальном действии*. Это последнее представлялось как действие одного актера в отношении другого актера на основе разделяемого ими обоими смысла. Добавим, что М. Вебер полагал, что социальное взаимодействие является интерактивным и культурно обоснованным.

3.1.1. Возвращение культурного анализа

Культурный анализ существует уже более века. Он появился во второй половине XIX в. благодаря усилиям англосаксонских антропологов. Такой анализ использовался для изучения небольших примитивных обществ, отмеченных сильной интеграцией. А потому в чистом виде он не может использоваться для анализа современных обществ. Это связано с тем, что культурный анализ сталкивается, по крайней мере с тремя препятствиями.

Первое препятствие коренится в *нормативном* определении культуры, которая рассматривается как совокупность разделяемых обществом ценностей. Если понимать ценность как значимость явлений и предметов реальной действительности с точки зрения их соответствия или несоответствия потребностям общества, социальной группы, личности, то, вряд ли возможно полагать, что современные индустриальные, постиндустриальные комплексные, дифференцированные и конфликтные общества могли бы быть адекватно охарактеризованы на основе системы ценностей¹. Подобное можно сказать и об историческом определении культуры. Такое определение трудно применимо, т. к. оно основывается на восприятии культуры как передаваемого из поколения в поколения наследия на основе строго определенного социального воспроизводства.

Понятие «культуры» достаточно эффективно применимо для традиционных обществ, в которых порядок считается легитимным только на основе его соответствия традиции, находящей свое отражение и в культуре. Однако такой подход может иметь только ограниченное применение к современным обществам, которые опираются не на традицию, а на *социальное изменение на основе инновации*, которая, к слову сказать, нередко *противопоставляется* культуре. Но ведь и сама культура также подвержена обновлению и инновации. Этого отрицать никак нельзя. В таком случае сравнение, основанное на исторической концепции и на культуре, оказывается как бы статичным, т. к. исходит из признания неизменности культур и тем самым политических моделей, с которыми они связаны.

Иная картина складывается, когда анализ и сравнение строятся на основе *бихевиористского* понимания культуры. Последняя в таком подходе отождествляется с некой моделью поведения если не всех членов общества, то по крайней мере его большинства. В итоге получается так, что культура сводится к набору типов поведения и связывается с текущей конъюнктурой. Именно такой подход был использован американцами Г. Алмондом и А. Вербой при проведении сравнительного анализа «гражданской культуры» пяти стран (Великобритания, США, Германия,

¹ Almond G., Verba S. The Civic culture. Boston, 1965.

Италия, Мексика)¹. Американские исследователи исходили из того, что регулярно наблюдаемое социальное поведение является, по своей сути, культурой. При этом они оставляли без внимания как социальные взаимодействия, так и способ восприятия институтов и ситуаций, в которых осуществляется поведение. Принципы сравнения нарушаются в таком подходе на всех уровнях. В частности, не учитывается специфика способов политической организации, присущей каждому обществу. Кроме того, универсальность поведения преувеличивается вследствие использования единого опросного листа, применяемого к гражданам различных изучаемых обществ.

Использование семиотической² перспективы в культурном анализе позволило преодолеть многие из этих трудностей и использовать его для проведения сравнительного анализа. Опираясь на подход М. Вебера, Клиффорд Гирц уточнил концепцию культуры как системы значений, которые известны членам группы и используются ими во взаимодействии. «Концепция культуры, которой я придерживаюсь и полезность которой пытаюсь показать в собранной в этой книге очерках, — пишет К. Гирц, — является по существу семиотической. Разделяя точку зрения Макса Вебера, согласно которой человек — это животное, висящее на сотканной им самим паутине смыслов, я принимаю культуру за эту паутину, а ее анализ — за дело науки не экспериментальной, занятой поисками законов, но интерпретативной, занятой поисками значений. Выявление и разъяснение значения — именно та цель, которую я преследую, когда разбираю внешне загадочные выражения социального»³.

Такая конструкция является менее ограниченной, чем конструкция, связанная с нормативным определением. К. Гирц исходит из того, что социальное взаимодействие не предполагает того, чтобы социальные актеры разделяли одни и те же ценности. Важно, чтобы они понимали друг друга. При этом необходимо учитывать тот факт, что культура связана с кодом значений, которые позволяют, как полагал Вебер,

¹ Семиотика (греч. *semeiotike* — учение о знаках) — общее название комплекса научных теорий, изучающих различные свойства знаковых систем (естественный, разговорный язык, языки программирования, физическая и химическая символика, логические и математические исчисления и т. п.). (*Современный словарь иностранных слов*. С. 550.)

² Гирц К. Интерпретация культур. С. 11.

³ Badie V., Hermet G. Op. cit. P. 32.

действию приобретать социальную ориентацию. В таком подходе ловушка историцизма оказывается обойденной: код связан с достаточно абстрактной конструкцией, чтобы быть сопоставимым с учетом социального изменения, с эффектами инновации и разрыва. Отодвигается и поведенческая опасность.

Семиотическая конструкция позволяет различать культуру и поведение. При этом культура предстает в качестве своеобразной грамматики, структурного принципа, определяющего поведение людей. Уточним: поведение связано с неотложно наблюдаемой абстракцией, культура же исходит из разделяемого смысла. А потому поведение является плюральным и конфликтным.

Опираясь на метафору Вебера, понимавшего человека как животное, находящегося в поле значений, которые он сам создал, К. Гирц строит свой подход на основе именно семиотического построения культуры: индивид-актер для того, чтобы действовать, должен, в частности, производить смысл; этот смысл организует затем социальную игру, определяя ее специфическую конфигурацию, и участвует в структурировании поведения совокупности социальных актеров.

Культурный анализ, таким образом обновленный, предоставляет компаративному анализу возможность выстраивать на перспективу различные данные *смыслы* во времени и в пространстве для различных коллективов, участвующих в политике и для различных политических конструкций, которые из этого смысла вытекают. Глобальный учет этого смысла позволяет понимать, каким образом разнообразие политических конструкций соединяется с конструкциями, связанными с другими пространствами социальной игры. Это позволяет, в частности, придавать особое значение религиям, организующим ритуалы и верования, которые, в свою очередь, связаны с коллективным священным, на что обращал внимание Э. Дюркгейм в «Формах религиозной жизни». Священное, по Дюркгейму, является выражением всей коллективной жизни и тем самым средством кристаллизации системы значений, принятых в обществе и произведенных ритмом исторического развития.

Такая конструкция не разрешает всех проблем сравнительного анализа. И не удивительно, что обращение к культурному анализу породило многочисленные дебаты.

Некоторые критики такого подхода акцентировали внимание на трудностях метода, которые усложняли операционализацию подхода в рамках семиотической перспективы. Другие опирались на теоретические основания, ставя под вопрос валидность аналитической конструкции и построенных на ней проектов. Первые, которых можно назвать «методологами», поднимают проблему знания и построения на его основе культур. Эта проблема порождает трудность, получающая свое выражение в кризисе универсализма, о чем речь мы вели выше. Сказывается и влияние традиции, заложенной в собственном контексте семиотического анализа как системы значений, основывающей культуру и получающей свое выражение в языке исследователя, т. е. в предпочтениях его собственной системы значений. Проблема, с которой мы уже встречались при рассмотрении универсализма, приобретает системное выражение, т. к. позволяет расширять представления о всех конститутивных элементах системы, исходя из смысла, использованного *другими*.

Для того чтобы разрешить эту трудность, культурный анализ обращается к *лингвистике*. Использование ее методов позволяет избежать утраты смысла, что происходит при отождествлении или плохом осмыслении системы значений, придаваемых *другими*, по отношению к собственному культурному коду. Анализ политического словаря позволяет лучше выяснить различия и специфику культур. Он открывает тем самым новое поле исследований для сравнительного анализа. В рамках этого поля анализируются слова каждого из языков. При помощи языка обозначаются институты и практики на основе этимологии слов, а затем исследуется смысл, который придается этим словам в языке, а также оцениваются те политические ожидания индивидов, которые в них получают выражение.

Другой проблемой этого метода является *измерение* культур, а значит, и особенность его проведения исследователем. Встает, в частности, вопрос: какой величиной оценивается порог культуры того или иного сообщества, который позволил бы утверждать, что данное сообщество имеет собственную культуру? И второй вопрос: на основе каких критериев можно сделать вывод о том, что тот или иной социальный коллектив обладает собственной культурой, т. е. системой значений, которые его отличают от других коллективов?

Концепция «культуры» может характеризовать очень широкие совокупности («исламская культура», «западная культура»), и она в таком случае может применяться и к малым социальным образованиям, например к деревне или поселку. Можно ли дать характеристику определенной культуры на основе использования объективных критериев? Наверное, можно, если учесть, что обладание тем или иным коллективом собственной культурой должно получить выражение в достаточно интенсивном и автономном социальном взаимодействии.

Что в таком случае следует понимать под «достаточно интенсивным» взаимодействием? К такого рода взаимодействиям относятся взаимодействия, которые являются производителями смысла и которые, значит, порождают культурные модели. А что означает понятие «достаточно автономные» взаимодействия? Оно означает, что культурные модели данного коллектива отличаются от культурных моделей других коллективов. Так, в обществах, для которых характерна сильная социальная мобилизация, возможности сохранения партикуляристских культурных моделей, присущих той или иной социальной группе, уменьшаются. В них постепенно утверждается культура национального измерения.

Зададимся вопросом: на чем основывается стратегия сравнительного исследования, которое опирается на культуру? Прежде всего необходимо учитывать природу и масштаб объектов, подлежащих сравнению. В случае проведения сравнения политических объектов культурная переменная должна соответствовать измерению указанных объектов. Так, например, анализ устройства власти в деревне или поселке предполагает масштаб культурного измерения соответствующий, как мы сказали, деревне или поселку; анализ политической системы той или иной страны проводится на основе ее культуры как системы значений, которая дает соответствующее объяснение для выводов из анализа; анализ вопросов создания государства в Западной Европе на выходе из Средних веков вызывает к жизни гипотезу о первостепенном значении христианской культуры в обществах, в которых формировалось государство.

Иными словами: *при проведении сравнительного анализа объяснения тех или иных объектов на основе культурной переменной предполагает соблюдение принципа их соответствия измерениям объектов.* К примеру, сравнение

процессов политической трансформации в странах Запада и мусульманском мире позволяет сравнивать соответствующие культуры через их проявление в конкретных странах. Культура в таком подходе позволяет описывать сети значений, которыми руководствуются люди изучаемого коллектива или страны. При этом исследователь должен выявить эти сети значений как таковые, а затем определить степень их соответствия культурному основанию. Оценить, например, культурную совокупность исламского мира можно только в том случае, если учесть исторические основания и глубину этой совокупности, которая связана со вполне определенными интенсивными и автономными социальными взаимодействиями. И потому следует осторожно пользоваться, например, понятиями «славянская», «азиатская» или «средиземноморская» культуры.

Еще одной методологической слабостью культурного анализа является трудность учета изменений в культуре. Странники культурного анализа неизбежно подвергают себя риску объявления культурных моделей неизменными, если не вечными. Получается так, что эти модели как бы приобретают высшую юрисдикцию, создавая впечатление некоего неизменного с их стороны, внеисторического контроля над социальными трансформациями. В итоге, если вернуться, к примеру, к политическим трансформациям в исламском мире, в рамках такого подхода становятся, что называется, второстепенными изменения, происходящие в исламе с момента его возникновения и вплоть до наших дней. А это не более чем утопия. Необходимо со всей определенностью подчеркнуть, что сама культура является результатом социальных практик, которые не являются неизменными. *Культура в любой стране изменяется, эволюционирует, трансформируется в зависимости от исторических и политических событий, а также в зависимости от стратегических установок и выборов социальных актеров*¹.

Использование культуры как объяснительной переменной означает необходимость точного учета *данного момента во времени*. Культура подвергается ограничению тем самым возможность выдвижения гипотез, применимых для анализа прошлого и будущего на основе их сопоставления с настоящим. Так, историческое прошлое в понимании политического порядка в исламском мире

¹ Гириц К. Указ. соч. С. 362.

или на Старом континенте далеко не всегда применимо к анализу современности. *Сравнительный анализ в рамках длительной ретроспективы может осуществляться только на основе тщательного учета исторического развития.* Иначе возникает опасность смешения прошлого культуры с политическим порядком современности.

Как избежать этой опасности? Необходимо вооружиться некими средствами понимания культуры с учетом ее трансформации. С этой целью исследователями предпринимались несколько попыток. Одной из первых такого рода попыток стало стремление сторонников культурного анализа показать *эволюцию в самой культуре*. С этой целью на передний план выдвигались вопросы секуляризации, рационализации или, как потом стало модно говорить, конца идеологий.

Другой попыткой в учете изменений в культуре стало использование понятия «*диффузия*» применительно к культуре. Речь в данном случае идет об учете внешних влияний на ту или иную национальную культуру, что в современных условиях получило масштабное выражение. В последние десятилетия культуры становятся все менее закрытыми. Они испытывают растущее влияние того, что в социальных науках получило наименование транскультурных приливов. Эти приливы в условиях глобализации, развивающейся в современном мире, становятся все более значимыми по своим последствиям. В итоге культурные интерпретации, в том числе и политических процессов и явлений, становятся все более активными и интернациональными. Любая национальная культура в большей или меньшей степени испытывает на себе влияние другой, а может быть, точнее — других культур.

Любой компаративист при проведении анализа неизбежно сталкивается с таким вопросом: какое влияние воздействия другой или других культур оказывают на проведение сравнительного анализа в той или иной стране или в том или ином регионе? Сравнение политических изменений в мусульманском мире, происходивших в последние десятилетия, с теми изменениями, которые имели место в этот же период в западном мире, не может осуществляться без учета взаимодействия между двумя культурами и, значит, без учета процесса известной «западнизации» исламской культуры. Требуется, значит, учет того, что выше мы назвали культурной диффузией.

Но только ли влияние механизмов диффузии испытывает на себе культура? Культуры изменяются и под воздействием инноваций, т. е. под воздействием самих социальных актеров внутри каждого культурного пространства. В таком случае встает проблема установить, в какой мере эта культурная инновация является полностью свободной или, наоборот, находится под контролем, говоря иначе — под воздействием культурных инвариантов.

Постановка такого вопроса присутствует в каждой культуралистской конструкции. Это означает, что каждая культура характеризуется если не своим собственным принципом трансформации, то по крайней мере «ограничением поля возможностей». Такой подход определяется тем, что человек рассматривается как существо, которое подчиняется некой первичной культурной модели. А это означает, что все его действия опираются на созданные им самим в процессе исторического развития «*сети значений*». Можно ли в таком случае полагать, что указанные значения, сотканые самим человеком, могут быть им изменены на основе некой абстракции? Слов нет, социальное взаимодействие в обществе осуществляется на основе исторически сложившегося общего смысла, который постигается в процессе социализации и адаптации к нему людей. А потому важной проблемой, в том числе и сравнительного анализа, является проблема *соотношения социального актера и смысла его действий и поведения*.

Поясним. Культура со всеми ее моделями не является концепцией некоего тотального иммобилизма. Социальный актер, индивид не является в своих действиях простым производным культуры. Он обладает известной автономией в своем поведении. К тому же он является и производителем смысла, на основе чего происходит обновление системы значений. Это справедливо как для пророка, так и для создателя государства. Именно *социальный актер как активный участник общественной жизни способствует своими действиями формированию социальных и политических институтов, а также обновлению сложившейся системы значений*.

Рассмотрим соотношение божественного по происхождению социального порядка с ролью священного в построении системы значений. Отношение между социальным актером и смыслом, который он порождает своими действиями, определяется тем центральным значением, которое *священное* играет в системе значений, принятых

в обществе, где религия занимает достойное и присущее ей место. Отношение между актером и смыслом может строиться и на основе того, что мы можем назвать «манипуляцией смысла», т. е. осознанными усилиями для получения некоей связной системы значений, которые способствовали бы утверждению нового политического порядка.

Такой, например, была смысловая ориентация в деятельности английского парламента во время революции 1640 г., когда он стремился использовать себе на пользу пуританскую теологию для оправдания своих действий в борьбе с монархическим государством и добивался реализации своего требования по утверждению власти парламента. Пуританство, вопреки, может быть, своему содержанию, было призвано оправдать уменьшение власти государства, утверждение представительной роли национальной воли, которая оказывалась бы выше короля потому, что выражает закон, который Бог довел до сердца каждого верующего.

Такой же смысл заложен в исламском протесте, который находит свое выражение в превращении ислама в политическую идеологию для того, чтобы на этой основе добиваться высшей легитимности тех, кто находится у власти. Ясно, что ислам *в себе* не является протестной идеологией. Исламизм как религиозное течение не является *единственным* и обязательным выражением всех разновидностей ислама. Он был образован как таковой под воздействием манипуляции смыслом. Очевидным, однако, является также тот факт, что подобная манипуляция возможна только в контексте, который *a priori* придает смысл такому типу конструкции, которая осуществляла бы артикуляцию религиозных смыслов и формулы легитимности. В таком понимании это не связано ни с феноменом универсальности, ни с феноменом зависимости только от актеров.

Социальный или политический актер является не только производителем и манипулятором смысла. Он является одновременно *потребителем* смысла, под воздействием которого происходит его социализация. Социализация носит неизбежно политический характер в результате взаимодействия индивида с политическими институтами и под воздействием политической практики, т. е. непосредственного участия в политической жизни. В политической сфере действует своя система значений, которая может существенно отличаться от культуры данного общества.

И если это имеет место, то индивид (социальный актер) может оказываться отчужденным, хотя и частично, от культуры общества.

Приведем пример. Феномен отчуждения, а в определенных ситуациях даже разрыва с национальной культурой, можно наблюдать в мусульманском мире в отношениях между управляющими и управляемыми. Управляющие нередко заимствуют основы и приемы (технику) управления из опыта развитых, например, европейских стран. Культурные основания такой техники не совпадают с принятой в данном обществе культурой. Они не производят приемлемого для мусульманина смысла. А это становится предпосылкой для отчуждения рядовых граждан от навязываемой культурной модели, что, в свою очередь, порождает требования «возврата» к привычной системе смысла.

Что из такой постановки вопроса вытекает для сравнительного анализа? На основе комбинации процессов производства, манипулирования и запроса смысла культурный анализ может и должен осуществляться в рамках исторической социологии. Именно историческая социология вооружает компаративиста ориентирами в определении пути исследования, а также позволяет увидеть те трудности, которые возникают при использовании культуры как объяснительной переменной. Это так потому, что культура неразрывно связана со взаимодействием. И в то же время она является не только производителем социального действия, но и его продуктом.

При проведении сравнительного анализа, значит, необходимо тщательно учитывать присущую культуре двойственность, которая неизбежно накладывает отпечаток на все то, что связано с объяснением политического. К тому же следует учитывать и то, что культурная переменная является весьма комплексной. А это ограничивает ее возможности для использования в сравнительном анализе.

Нельзя не сказать и еще об одной трудности, с которой сталкивается сравнительный анализ, проводящийся на основе культурной переменной. Эта трудность связана с тем, что политологи называют *верификацией выводов сравнения*. Как известно, научный характер любого научного предположения или вывода подтверждается только на основе конкретного опыта или эксперимента. Между тем культура как некая комплексная реальность, теснейшим образом связанная со многими другими данными социологического

анализа, чаще всего не может подвергаться эксперименту. Если же культуру рассматривать как неизменный феномен, то и в этом случае она не может заменить эксперимент.

Какой бы привлекательной и на первый взгляд обоснованной ни была критика сравнительного анализа, проводимого на основе культурной переменной, неизбежно встает вопрос: есть ли достаточные основания для отказа от такого типа анализа? И это не риторический вопрос. Дело доходит до того, что некоторые из социологов ставят под вопрос само использование концепции «культура» в теоретическом плане. Это, в частности, присуще сторонникам методологического индивидуализма. Они полагают, что использование концепции «культура» несет в себе некое регулирующее воздействие «невидимой руки», или «высшей юрисдикции» в организации социального взаимодействия (иногда говорят «социальной игры») и в социальном изменении.

Концепция «культура» подвергается критике и со стороны марксистов. Для них неприемлемым является положение о том, что общество в своем развитии руководствуется тем, что получило выражение в концепции «священное», принципы которого являются неизменными и находятся вне социального действия.

Для школ, исповедующих свою привязанность к эмпирическим исследованиям, слабость концепции «культура» заключена в невозможности ее наблюдения и верификации, и потому она не может служить объективной переменной для проведения анализа, в том числе и сравнительного.

Вот почему в контексте компаративистского анализа противники концепции «культура» рассматривают ее, скорее, предпонятием, нежели научным феноменом.

Вряд ли с такой постановкой вопроса можно согласиться в полной мере. Однако нельзя не видеть некоторые трудности, а также известную неопределенность анализа на основе культурной переменной. Так, *выделение в качестве независимой культурной переменной* оставляет в стороне вопрос об интерактивном отношении между действием и смыслом, что в свое время выявил немецкий социолог М. Вебер. Вряд ли можно однозначно определить, какая из этих двух инстанций (действие и смысл) является первичной: не существует действия, полностью свободного от предварительно выработанного смысла, как, впрочем, никакой смысл не является неизменным и неприкосновенным. Это непосредственно связано со сравнительным анализом. В контексте сравнения,

проводимого в *определенный момент времени*, превращение культуры в интерпретативную переменную различий позволяет выдвигать гипотезы, которые не являются постоянными и которые не претендуют на производство *генетического* объяснения изучаемых и сравниваемых феноменов.

Сущностный подход применительно к культурному анализу не является более убедительным. Прежде всего построение культурной переменной не требует в обязательном порядке абстрагировать социальные практики, в которых она, вероятно, берет начало и под влиянием которых она претерпевает изменения. В силу этого социологи и политологи уже давно пришли к выводу о том, что культура должна быть отделена от теологии, иммобилизма и эзотеризма с тем, чтобы определить системы значений в том виде, как они образуются и обновляются в процессе ежедневного действия. Однако в таком подходе можно оказаться в ловушке экзистенциалистских преувеличений, которые при проведении анализа и сравнения, в частности, пренебрегают контрольными эффектами систем смысла и требованиями наводимого смысла.

Такого рода критика во многом совпадает с подходом сторонников эмпирической социологии, которые указывают на трудности, связанные с операционализацией концепта «культура». В этой связи есть все основания утверждать, что если аналитик-компаративист не умеет построить удовлетворительным образом эту переменную, то отказ от ее использования искажает анализ и возвращает его к предположениям универсализма.

Эта дискуссия нацелила культурный анализ на уточнение своих целей и на «пересмотр» его объяснительных способностей. Как полагает К. Гирц, культурный анализ берет начало в «глубинном описании» социальных феноменов, обходя таким образом ловушки универсализма и стремясь тем самым понять те или иные политические институты и практики не через выявление того смысла, который им придают социальные актеры.

«То, что политика страны отражает конструктивные особенности ее культуры, знает каждый, — пишет К. Гирц, — но никто точно не знает, как это обосновать. На первый взгляд это утверждение бесспорно — где, кроме Франции, может существовать французская политика? Но при более пристальном рассмотрении начинают появляться сомнения. Индонезия с 1945 г. видела революцию, парла-

ментскую демократию, гражданскую войну, президентскую автократию, массовую резню и военное правление. Где во всем этом конструктивные особенности культуры?»¹.

На примере очерков, собранных в книгу «Культура и политика в Индонезии», авторы которой (Б. Андерсон, Т. Абдулла, Д. Лев, Дж. Лиддл и С. Картодирджо) предприняли попытку утверждения нового подхода к политическому анализу на основе использования возможностей культуры, К. Гирц делает следующий вывод: «Культура здесь — это не культы и обычаи, а структуры смысла, с помощью которых люди придают форму своему опыту, а политика — не перевороты и конституции, а одно из основных поприщ, на котором такие структуры публично раскрываются. Когда политика и культура раскрываются с такой точки зрения, установление связи между ними становится вполне осуществимой, хотя едва ли простой задачей»².

Это придало особое значение исследованиям, с помощью которых стремятся определить, что означает политика в той или иной траектории развития, а точнее — что означает слово политика в том или ином культурном пространстве. Откуда возникает необходимость задаться вопросом о значении в каждой культуре артикуляции политики с другими категориями социального действия. Встает вопрос, например: имеет ли универсальный смысл понятие гражданского общества? Можно задаться и таким вопросом: не оказывает ли влияние характер отношения к экономике на разнообразие траекторий исторического развития той или иной страны?

Такого рода вопросы могут казаться на первый взгляд риторическими. Однако объективный научный анализ предполагает тщательное описание смысла, который присущ каждому данному элементу политического пространства. Конечно, следует избегать произвольного использования тех или иных элементов. Так, понятие «нация» нередко отождествляется с государством. Однако в разных культурах государство имеет разный смысл, а в исламской культуре используется понятие «*Umma*» — сообщество верующих. Оно существенно отличается от понятия «государство-нация», которое утвердилось во многих странах Запада, и представляет собой территориально выстроенную кон-

¹ Гирц К. Указ. соч. С. 363.

² Birnbaum P. Dimension du pouvoir. P., 1984; Dirnbaum P., Leca J. Sur l'individualisme. P., 1986.

цепцию сообщества, которое наводит территориальный порядок и строится на положениях ислама. Поэтому нет ничего удивительного в том, что понятие «*Умма*» никак не согласуется с культурными основаниями современного международного сообщества. К сказанному добавим, что формирование нации, а также описание ее глубинных основ связано со всеми известными объектами политического анализа — законом, правом, политическим режимом, выборами, бюрократией, политической партией и т. д., что тоже весьма отличается от реалий мусульманского мира.

Дескриптивная функция культуры (в данный момент времени) позволяет опираться на интерпретативную функцию. Использование смысла, как показал Вебер, приводит к пониманию взаимодействий и игры социальных актеров. Выяснение подлинного значения термина «нация» в мусульманском мире позволяет понять, что означает речь и стратегия того или иного руководителя в арабском мире, выступающего за объединение своей страны с другими соседними странами. Это понимание оказывается возможным распространить на всю совокупность социальных актеров, и, в частности, на управляемых, на их ожидания и производство «требований смысла», о чем уже говорилось. Эта *понимающая способность культурного анализа* придает ему интерпретативное свойство при описании социального взаимодействия и социальной игры, т. е., с одной стороны, отношений между социальными и политическими актерами, а с другой — реального функционирования институтов.

Интерпретативный анализ не отказывается от каузального анализа и не претендует на всестороннее исследование *генезиса* изучаемого феномена. Использование смысла при проведении анализа позволяет понимать объект, его элементы, которые, в свою очередь, объясняют его множественность и интерпретируют поведение, которое из нее вытекают. Причина поведения связана с *генезисом смысла и системы значений*, которые этот генезис сопровождают, и, напротив, не связана с культурным анализом.

Следует сказать, что в сравнительном исследовании эпистемология не изменяется. Она остается той же самой — культурная переменная позволяет выявить специфику смысла, на основе которого различаются сравниваемые объекты, поверх их сходства по форме, и интерпретируются, таким образом, различия с учетом их включенности в социальную игру и взаимодействия. При этом нет необ-

ходимости задаваться вопросами генетического характера или каузальности.

Возможности культурного анализа особенно велики при проведении сравнительного исследования в области политики, где решающим является символическое измерение. Это относится, например, к процессам легитимации, т. е. выработке формул, при помощи которых управляющие представляют политический порядок в качестве понятного и приемлемого для управляемых. Соответствие формул легитимности *разделяемому управляемыми смыслу* является существенным условием эффективности указанных формул. Кризисы авторитета, которые время от времени поражают развивающиеся общества, могут быть интерпретированы и поняты на основе оценки ситуации, в которой оказались управляющие, действующие на основе заимствованных на Западе техник и моделей правления, которые, как правило, вызывают неприятие их населением. На этой основе могут вырабатываться формулы контрлегитимности, которая отвечает запросам населения, тому смыслу легитимности, который населению данной страны приемлем. На этом фоне как бы показывается контрпродуктивность навязываемых формул легитимности. Такую конфронтацию лучше всего и точнее всего может выявить только культурный анализ. Только на его основе открывается возможность сравнивать устойчивость политических систем.

Анализ процесса легитимации и делегитимации является существенным элементом познания, а культурный анализ позволяет выявить различие в способах построения политического в социальной истории. Сравнительный анализ возникновения политического является привилегированным объектом подхода, использующего концепцию культуры. Сравнительное изучение *особенностей* такого возникновения приводит к стратегическому анализу.

3.1.2. Использование стратегического анализа

Выход за пределы интерпретативного анализа и выдвижения гипотез генезиса и трансформации анализируемых и сравниваемых объектов осуществляется на *пути* некоего *нового осмысления* социального действия и социальных практик. Необходимость этого, как мы сказали, пути нового осмысления, связана с тем, что в рамках культурализма, а также органицистских и неподвижных конструкций

общества, таких, например, как системная, системно-функциональная или структуралистская, социальные действия и социальные практики не учитываются.

Нужно сказать, что чрезмерная априорная моделизация социального порядка при проведении сравнительного анализа чревата опасностью риска сведения его к простому измерению различий конкретных ситуаций идеального типа, построенных на основе реалий современных западных обществ. С этой точки зрения недавнее «возвращение актера» представляет собой несомненный выигрыш, т. к. отделяет этноцентрическую моделизацию и позволяет тем самым представить все возможное разнообразие построений политики. Это пристрастие к действию несет опасность путаницы и может стать источником новой двусмысленности, как об этом свидетельствуют недавние дебаты, порожденные парадигмой методологического индивидуализма, которые навязываются как основной вектор этого открытия актера в социологии.

Французский политолог П. Бирнбом¹ показал различие, которое существует между двумя возможными моделями построения такой парадигмы. Первая связана с *теорией социальной игры*, т. к. она возвращается к универсальному и исчерпывающему объяснительному принципу модели расчетливого и рационального индивида. Вторая — определяется строго *методологической природой*, т. к. она ограничивается открытием исследователем, «за спиной» социальных процессов, *индивидуалистских стратегий*, которые не обязательно связаны с *a priori* известной моделью. И эти индивидуалистские стратегии претендуют на то, чтобы быть исчерпывающим объяснением.

Соперничество между этими двумя конструкциями особенно ощутимо в области сравнительной политики. Признавая методологический индивидуализм в качестве объяснительной социологической теории, компаративист получает возможность выдвигать гипотезы, в которых социальные актеры предстают как *универсальные расчетливые индивиды*. А это приводит к отрицанию как культурной переменной, так и переменной разнообразия социальных формирований. Многие представители компаративизма, анализируя, к примеру, политику, выявили первостепенное значение коллективного сопротивления, которое некоторым

¹ Wolf E. Les guerres paysannes du XX siècle. P., 1974.

образом корректирует постулат универсального индивидуализма. Истории известно немало примеров того, когда в жизни той или иной страны бывают периоды активного сопротивления со стороны населения социальным и политическим изменениям. Так, Эрик Вольф¹ показывает, например, как успехи революций приводят к мобилизациям, которые основываются на общественной солидарности; Мак Фарлэйн², наоборот, указывает на укорененность индивидуализации социальных отношений, что характерно для английского общества; Э. Обершэлл³, со своей стороны, в своей социологии коллективного действия рассматривает оппозицию сообщество – индивид в качестве переменной, которая учитывает разнообразие моделей мобилизации.

Если верить этим авторам, индивид не относится к числу универсальных категорий политической науки. Он представляет собой такую историческую конструкцию, которая должна быть объектом анализа, а не объяснительным принципом. Индивидуализм появляется, как известно, на выходе из Средних веков, а потому процесс индивидуализации нельзя рассматривать как абсолютно внеисторический универсальный процесс.

Однако индивидуалистическая теория перед лицом такой постановки вопроса выдвигает свои аргументы. Так, Самуэль Попкин⁴, анализируя китайское крестьянство, не приемлет жесткого противопоставления индивида и сообщества. Он относит к проявлениям романтизма использование концепций солидарности и сопротивлений сообщества, которые в некоторых обществах приводили в движение революционные течения. С. Попкин указывает, в частности, на то, что китайский крестьянин является таким же индивидуалистом, что и английский крестьянин, и в то же время он является расчетливым лицом, наделенным элементами экономической и политической рациональности. Исходя из универсальной концепции человека, С. Попкин, как и Д. Элстер⁵ или М. Хектер⁶, рассматривает в качестве

¹ *MacFarlane A.* The Origins of English Individualism. Cambridge, 1979.

² *Oberschall A.R.* Social Conflicts and Social Movements. Englewood Cliffs, Prentice Hall, 1973.

³ *Popkin S.* The Rational Peasant. The Political Economy of Rural Society in Vietnam. Berkeley, 1979.

⁴ *Elster J.* Ulysses and the Sirens. Cambridge, 1979.

⁵ *Hechter M.* (ed.) The Microfoundations of Macrodociology. Philadelphia, 1983.

⁶ *Gellner E.* Muslim Society. Cambridge, 1981.

предпоятия разделение индивидов в ткани социального сообщества, что связано с историей или моментами истории. Сравнительный анализ строится на основе сравнения результатов реализации стратегий, которые осуществляются на основе индивидуальных оценок.

Вслед за П. Бирнбомом, можно полагать, что каждая из этих версий по-своему верна. Верно и то, что существует двойственная природа индивидуализма. Она связана, с одной стороны, с универсальным измерением, которое характеризуется тем, что идентификация индивида со своим сообществом принадлежности не является абсолютной, а с другой — историческое измерение веса соответствующих структур сообщества не являются *a priori* идентичным: они испытывают влияние истории и культуры.

Задачей сравнительного анализа является установление неравенства конструкции этих общественных характеристик и разнообразия способа их реализации. Было бы излишним отрицать правильность работ Ибн Хальдума, а позднее Э. Геллнера¹, когда они показывают важность духа тела в племенных структурах и агропастушеских обществах Магриба, а также нельзя пренебрегать взаимодействием между всем тем, что было связано с построением государства на Западе и индивидуализацией социальных отношений. Методологический индивидуализм призван строго сыграть свою роль в методе: помочь исследователю выявить за построением социального основания общества роль социального актера.

Парадоксально, но факт. Выявив роль социального актера, компаративист оказывается в рамках веберовской социологии, в основе которой заложена концепция «социальное действие», т. е. действие, ориентированное на другого и на носителя смысла. Социология действия напоминает, что если индивиды испытывают принуждения со стороны культуры, системы смыслов, то они не ограничиваются только ролью пассивного участника действия, его воспроизводства; они, в известном смысле подчиняясь указанному принуждению, предпринимают такие действия, которые превращают их в производителей смысла.

Таким же образом анализ С. Попкина основывается, по крайней мере в одном из элементов своего анализа, на том, что общественный порядок, если он обуславливает действие, если он придает ему определенную ориентацию,

¹ Гирц К. Интерпретация культур. М., 2004.

отличную от той, что могла бы иметь место в других социальных формированиях, то и он (общественный порядок) не устраняет принцип индивидуального действия. И тогда генезис, увековечивание или трансформация политического объекта, какими бы они ни были, могут анализироваться только на основе учета индивидуальных и коллективных действий и поведений социальных актеров, для которых компаративист должен постулировать минимум связанности для того, чтобы они стали понятыми. Это понимание не должно быть связанным только с рациональностью, которая присуща исследователю. Оно должно служить цели познания реального поведения индивидов в рамках заданной игры и учитывать систему смыслов, которые сопровождают эту игру. Отношение *поведение—ставка* позволяет наблюдателю реконструировать стратегии актеров, выражающих, хотя бы частично, траектории политического развития и потому значимых для понимания и сравнения. В таком методологическом подходе социология действия не противоречит ни истории, ни культурному анализу. И даже наоборот, она неразрывно связана с обеими.

Для компаративиста использование парадигм действия позволяет рассматривать ключевую проблему, но оставляет в стороне то, что связано с *изобретением политики*. Последнее отрицалось в классическом сравнительном анализе: для девелопментализма, а более широко — для эволюционизма, который оказал значительное влияние на основные течения компаративизма, *политика, как и всякий социальный факт, образуется на основе логики, определяемой социальным порядком*. Перед лицом такого воздействия системы человеческого действие не имеет возможности вмешиваться в дело выработки политики, а если оно и вмешивается, то выступает в качестве генератора опоздания или ускорения. Отказ от детерминизма, присущего всем эволюционистским течениям, позволил пересмотреть роль и значение действия, значение вмешательства и превратить их в важный элемент сравнительного подхода.

Здесь же встает деликатная проблема метода *изобретения политики*, что связано, в частности, с микросоциологическим анализом. Этот подход предполагает следующее: индивид не обладает особой политической квалификацией, а процесс изобретения политики осуществляется на уровне самых элементарных взаимодействий политических специализированных актеров, обладающих властными ресурсами,

и акт изобретения политики осуществляется внутри его институционализованного окружения и предполагает получение неотложного результата. Это означает, что такой подход связан с макроанализом.

В таком подходе изобретение политики легче анализировать, т. к. он легче и полнее наблюдаем и понятен в большей мере для исследователя: значительно легче анализировать стратегию профессионального политического актера, чем стратегию индивида без особой политической квалификации.

Однако роль индивида в изобретении политики нельзя отрицать. А это предполагает дальнейшее исследование такой роли социологами. История и историческая социология показали, например, что западное государство не было построено на выходе из Средних веков только на основе инициативы династических центров. Оно является ответом и на многочисленные индивидуальные ожидания, даже требования, рожденные внутри самой буржуазии. И те и другие совпадали в желании создать централизованную политическую власть. Буржуазия выстраивала свою классовую стратегию в деле создания современного государства, в том числе и на основе тщательного учета микростратегий. Эти микростратегии, которые трудно определить, предполагают более комплексный сравнительный подход.

О чем идет речь? Необходимость проведения более комплексного сравнительного анализа связана с тем, что этот последний позволяет выявлять различия между политическими системами в их основании. Проведенные в последние годы сравнительные исследования по «народным способам политического действия» позволили проанализировать процессы так называемой «детотализации». Речь идет об исследовании того, каким образом действия (игра) индивидуальных актеров способствовали постановке под вопрос тоталитарной техники правления, применявшейся в разных странах. Насмешки, «укрытие» в семье, пассивность, использование сакральности и т. п. — все это не просто проявление индивидуального поведения. Такое поведение направлено против «тотальности» в правлении, и его, конечно же, нужно учитывать при проведении сравнительного анализа процессов трансформации не только в тоталитарных, но и в авторитарных режимах. Такой тип исследования предполагает использование методов интенсивного наблюдения, например, антропологическо-

го опроса, монографического анализа, что делает работу компаративиста еще более деликатной. Эта деликатность связана с тем, что компаративист должен оценить на основе сравнения природу коллективов, которые он выделяет внутри различных культур.

Анализ политических изобретений, связанный с учетом стратегий политических актеров, вызывает меньше трудностей. Эти изобретения легче обозначить, если они связаны с разрывом или кризисом в политическом развитии. Так, например, создание пророком города Медины как центра мусульманской империи знаменовало приход к власти новой династии. Военный переворот, или создание новой политической системы, вслед за принятием Декларации независимости, определяют стратегию «государственного строительства».

Однако изобретение политики может происходить и вне разрыва, в результате «холодного» выбора политических актеров в целях разрешения проблемы. Можно также рассматривать в качестве универсальных попытки управляющих по консолидации власти и достижения оптимума легитимности. В таком случае анализ позволяет определить стратегии легитимации, используемые руководителем государства. Одновременно оказывается возможным сравнивать *на основе определения эффективности, или под углом зрения соответствия принципов легитимности культуре страны и ожиданий управляемых.*

Можно осуществлять анализ и по линии соответствия политики ставкам, встающим перед руководителем государства и его окружением. Нет необходимости доказывать, что в таком подходе открывается возможность сравнивать процесс формирования исполнительной власти в развивающихся обществах. Это позволяет учесть множество стратегий внутри определенной географической совокупности, где исповедуется один и тот же тип культуры. В рамках такого подхода в полной мере выявляется различие между легитимацией по-туниски в лице Бургибы и арабской легитимностью *baath*, например в Саудовской Аравии, между легитимностью власти марокканского шерифа, политических руководителей Пакистана или исламской республики Ирана. Легитимность указанных властных структур и руководителей основана, по сути дела, на единых ценностях, в том числе и в вопросах прихода к власти.

Опыт властвования неизбежно приводит властителей к эмпирической перестройке своей легитимности с учетом

условий и императивов момента, среди которых выделяются национальные, племенные, религиозные и т. п. моменты. Король Марокко опирается на религиозную легитимность; в Тунисе Бургибы — сочетается религиозность и элементы светскости; в Саудовской Аравии — религиозность сочетается с учетом межплеменных отношений; в Иране стремятся на основе ислама учитывать национальный фактор. В таком подходе открыто проявляются элементы стратегии в утверждении легитимации, а также способы ее осуществления, что можно рассматривать как основу для сравнения.

Учет политических изобретений позволяет выйти за пределы простой интерпретации политики. Именно это позволяет делать культурный анализ. Анализ феномена изобретения политики приводит исследователя к осмыслению генезиса политических систем и обновлению тем самым условий их сравнения. Так, стратегия западных династических центров в конце Средних веков способствовала приданию определенной и конкретной конфигурации соотношению мирского и духовного начал власти и превращению этой двойственности в мотор европейского политического развития. Культура секуляризации, присутствующая, например, европейскому государству, вероятно, не имела бы столь большого значения для Запада, если бы она не была связана с эмансипацией от опеки понтифика. Таким же образом, *учет стратегий безопасности, которые осуществлялись на выходе из Средних веков как со стороны социальных актеров, так и со стороны династических центров, позволяет объяснить существенный аспект генезиса западного государства, его идентичности и способа функционирования. Такой учет позволяет, в частности, видеть расширение статических функций, связанных с обеспечением физической безопасности граждан, а также их экономической и социальной безопасности.*

Можно со всей определенностью утверждать, именно действия и практики позволяют объяснять генезис политических феноменов в большей мере, чем это позволяют делать долговечные культуры. Так, устойчивость религиозной легитимации и номократическая ориентация, присущие мусульманскому миру, порождены, по крайней мере частично, стремлением политических актеров отыскать формулы, которые позволяли бы преодолеть сегментированную структуру общества, межплеменную вражду и сопротив-

ления некоторых из сообществ. В итоге на основе религиозного универсализма формируется общество, свободное от партикуляристов. Речь не идет о некоей абстрактной конструкции исламской «культурной модели». Речь идет об элементах, позволяющих определить ставку, связанную с созданием могущественной империи, в обществе, для которого характерно межплеменное соперничество. При этом указанная ставка не является исключительной или приоритетной. Она возникает в ходе исторического развития мусульманского мира как основание его политики. *Обращение к проблемам политического изобретения позволяет объяснять, по крайней мере частично, разнообразие и формулы легитимации, которые существуют в арабском мире, а также роль религии и сообщества верующих в этом мире и в проводимой в нем политике.*

Генезис политических формул и процессы изобретения политики отличаются между собой. Прежде всего может появляться процесс *активации традиции*. Пример тому — новое открытие, пусть даже и частичное, римского права легистами, которые входили в окружение западных государей в конце Средних веков и которые оказали существенное влияние на построение публичного пространства на основе права. То же самое можно сказать об использовании государями своих феодальных прерогатив в поддержке хороших традиций и отвержении плохих традиций, в поддержке деньгами и военной силой вассалов как конститутивных элементов государства того исторического периода. К такого рода прерогативам относятся право, фискальная функция, монополия на силу. Нечто подобное характерно для политической мобилизации крестьянства в процессе построения социалистической Китайской Народной Республики. Эта мобилизация опиралась в том числе и на многовековой опыт социальных отношений в этой стране. Подобный процесс можно наблюдать и в СССР при формировании политического порядка после Октябрьской революции. Даже в случае радикальных политических изменений всегда, хотя бы частично, используется опора на традиции в утверждении политического господства и легитимации его. Не является исключением и современный период, для которого характерно проведение глубоких преобразований в России. Можно привести немало примеров обращения нынешнего политического руководства нашей страны к традициям как царской России, так и СССР.

Изобретение политики предполагает *имитацию*. Имитация может осуществляться внутри социальных пространств, относящихся к одному и тому же коллективу. Государственное созидание было своеобразным копированием эклексиастической модели: идет ли речь о заимствовании современным правом права канонического, территориальном администрировании государства и Церкви, фискальном или судебном администрировании, теории монархического суверенитета или понтификального суверенитета, выборной и представительной техники в Римской церкви и в политическом пространстве современных государств. Тот же феномен наблюдается в обществах, где господствуют коммунитарные отношения, в которых концепция нормы, недифференциации (или слабой дифференциации) ролей, а также способов определения власти внутри племенных структур, проявляются и используются на политической сцене. К. Гирц¹ показывает, как на острове Бали политический порядок основывается на символической системе народного театра, на «игривой театральности», «если при этом подразумевается, что "игривость" не веселая, но почти печальная, и что театральность не произвольная, но почти навязанная. Балийские социальные отношения — одновременно и серьезная игра, и подготовленная драма.

Эти особенно ясно видно в их ритуалах и (что то же самое) в их художественной жизни, большая часть которой фактически отражает общественную жизнь и служит ей моделью, — пишет К. Гирц. — Ежедневное взаимодействие настолько ритуалистично, а религиозная деятельность настолько гражданственна по характеру, что трудно определить, где кончается одно и начинается другое; однако обе эти сферы являются выражением того, что справедливо составляет самую яркую особенность балийской культуры, — ее артистический дух»².

Однако имитация особенно ориентируется на иностранные модели. Примеров тому множество: Византия во многом была примером для Киева, а затем и для России. В настоящее время данный феномен приобретает иное измерение: претензии западной политической модели на

¹ Гирц К. Указ. соч. С. 452–453.

² Танзимат (тур. *tanzimat*) — принятое в литературе название реформ в Османской империи в 1839 — нач. 70-х гг. XIX в., способствовавших некоторому ускорению разложения феодального строя в Турции и зарождению капиталистических отношений.

универсальность, опирающиеся на экономическое и военное господство США и западного мира, предполагает не только включение незападных элит в западную культуру, но и установление такого порядка, который соответствовал бы по своим основаниям и целям со странами Запада. В итоге формирование государственности в развивающихся странах предполагает копирование если не всего, то очень многого, в том числе и способов, и форм правления, которые сложились на Западе.

При этом компаративист должен учитывать разнообразие *стратегий* имитации. Они могут быть результатом простого *принуждения* или *расчета*, построенного на принуждении: османский танзимат¹ (*tanzimat*) импортировал западные политические модели в целях примирения в дипломатическом плане с либеральными европейскими державами; использования голосования нередко является средством придания «респектабельности» тому или иному государству в рамках мирового сообщества.

Импорт может отвечать целям *консервативной стратегии* консолидации власти: политические и институционные преобразования в ряде стран, например, Востока (Иран, Египет и др.), использовались с расчетом на удержание власти в этих странах.

Импорт может осуществляться и в целях *завоевания новых позиций* на политической сцене. Процесс либерализации в консервативных монархиях часто инициируется лицами из числа окружения государя, и они выступают с позиций не полного, а селективного заимствования западного опыта в целях укрепления своих позиций во властных отношениях.

Наконец, инициатива импорта может исходить из числа людей, представляющих этнические или конфессиональные сообщества, которые стремятся укрепить свои позиции перед лицом власти (еврейские сообщества на Западе, копты, армяне или марониты в Египте и на Ближнем Востоке).

Для компаративиста анализ процесса имитации вдвойне значим. Прежде всего потому, что он позволяет лучше познать генезис политических систем, и, в частности, объяснительные элементы их разнообразия и несходства. Он помогает также избежать ловушки формального сходства, которое подвергается критике, когда имитация особенно

¹ Cf. Badie B., Hermet G. Op. cit. P. 43–44.

сильна. За спиной ошибочных аналогий компаративист может задаться вопросом о возможности политического изобретения в обществах и выявить тем самым влияние исторического разнообразия, напряжений, кризисов, а также протестных действий.

Изобретение не обязательно является разрывом, оно может происходить на основе *инноваций*. Реактивация традиций, имитация, импорт предполагают *приспособление*, т. е. активное и добровольное включение известной и заимствованной практики в новый и специфический контекст развития. Африканские или мусульманские государства не являются простыми *копиями* других государств. Это вновь созданные государства, подобно тому, как западные государства не были простым переносом еkkлeсиастической модели на политическое пространство. Это подводит к осознанию *необходимости учета символического измерения*, которое делает возможным трансферт, институциональное созидание, изобретение новых практик. И этот особенно важен при проведении сравнительного анализа.

В указанных практиках изобретения, используемые властью центра, отзываются эхом протестных мобилизаций, которые порождают возможные кризисы легитимности, вытекающие из процессов инновации. Но не только это предполагает необходимость того, чтобы сравнительный политический анализ учитывал как перспективы форм власти, так и форм протеста. Политический протест должен изучаться как в своем культурном основании, так и в стратегическом отношении. Стратегия протеста должна оцениваться на основе учета стратегий консолидации власти и в соответствии с техниками инноваций, предпринимаемых ею, и возможной реакции населения, привязанного к своим национальным традициям. Так, протестные действия рабочего движения на Западе в рамках такого подхода анализируются как реактивация традиций крестьянского бунта, как имитация ассоциативной буржуазной модели и как импорт соседних революционных моделей. То же самое можно сказать об исламском протесте, который функционирует на основе традиции, а также на основе заимствования некоторых моделей и идеологий, свойственных для западной истории.

В то же время сравнение западных и исламских практик протеста позволяет выявить различия как результата различного состава элементов. В частности, сказывается

различие культур и ставок политического развития, которые еще недостаточно учтены компаративистами.

Таким образом, вклад социологии действия в сравнительный анализ значителен. Он позволяет, в частности, избежать культуралистских иллюзий, которые неизбежно вели бы к объяснению множественности смыслов политики на основе культур как независимых переменных. Учет действия обновляет объяснительные возможности, помогая компаративисту выходить за пределы описания, не впадая в ловушку девелопментализма. Обращаясь к проблеме политического изобретения, социология позволяет анализировать процесс обновления дифференциации, развивающейся внутри траекторий политического развития. Стратегический анализ политического изобретения дает *тройную выгоду в понимании различий, в изучении артикуляции в глубинах культуры и в социологическом объяснении процессов, которые способствовали ее изобретению*. Это способствует утверждению сравнительного метода в пространстве исторической социологии: обращение к истории и обращение к действию являются солидарными и взаимно дополняют друг друга. Социология действия в чистом виде становится союзницей историцизма, а обращение к истории может вести к заблуждениям методологического индивидуализма¹.

3.1.3. Формализация сравнительного метода

Вклад перекрестного сочетания культурного анализа и социологии действия способствует уточнению сравнительного метода и большей его операционной способности. На основе такого обновленного подхода Теод Скотт выделил три основных ориентации современных компаративистских исследований: использование общей модели в истории, изучение каузальной регулярности и интерпретативная историческая социология.

Общая модель истории может рассматриваться как актуализация общих теорий, которые обосновывали девелопментализм в 60-е гг. Примером такого подхода являются работы И. Валлерстейна² о зарождении, подъеме

¹ Wallerstein I. Le système du monde, du XX siècle à nos jours. Vol. 2. P., 1985.

² Moore B. Les origines sociales de la dictature et de la démocratie. P., 1969.

и дифференциации международной капиталистической системы в Европе эпохи Возрождения. Сравнение, которое проводит Валлерстейн по эволюции европейских обществ, основано на капиталистической экономике, ее природе и универсальных воздействиях на социальные и политические структуры. Правда, такой подход еще не связан с новизной в сравнительном анализе, он оставляет в стороне критику универсализма и монодетерминизма классического исследования.

Вторая ориентация (*каузальная регулярность*) была представлена Б. Муром¹, но ее можно встретить и в работах Т. Скокпола², посвященных возникновению современных социальных революций. Согласно этой ориентации, исследователи стремятся выявить каузальные основания истории. Такого типа работы не опираются на крупные теории. Они стремятся найти адекватное объяснение совокупности конститутивных данных крупной исторической проблемы, затрагивающей многие общества вне зависимости от того, о чем идет речь, — о демократии или революционном процессе. И в том и в другом случае речь не идет о применении к истории общей и универсальной модели, которая должна была бы объяснить различие исторических конфигураций. Речь идет о нахождении на основе индуктивного метода и сопоставления различных последовательных исторических событий каузальных переменных *ad hoc*, позволяющих объяснить почему одни общества перешли к демократии, а другие — к авторитаризму; почему в одних обществах произошли социальные революции, в других — политические революции, а в третьих — революций не было.

Сравнительный анализ в таком случае основывается на индукции, опирающейся на крупные теории, но учитывающей плюральность и различия. Границы такой концепции менее очевидны: индукция является опасным методом, т. к. стремится ввести каузальность в эмпирическое наблюдение ограниченного числа случаев; мало что позволяет подкрепить и сделать бесспорным выбор переменных; ничто не позволяет *a priori* установить, что одни и те же

¹ Skocpol T. *Vision and Method in Historical Sociology*. Cambridge, 1984; Skocpol T. *États et Révolutions sociales. La révolution en France, en Russie et en Chine*. P., 1985.

² Bendix R. *Kings or people. Power and the Mandate to Rule*. Berkeley, 1978.

переменные имеют одно и то же соответствие и один и тот же объяснительный статус в истории различных стран, подвергающихся сравнению. Когда Т. Скокпол сравнивает французскую, русскую и китайскую революции с тем, чтобы выявить каузальную регулярность, то он вынужден постулировать, не имея возможности это подтвердить, что эти три революции могут получить одно и то же объяснение, испытывают воздействие одних и тех же переменных и являются собой один и тот же объект. Когда такой постулат принят, то нужно полагать, что его переменные (аграрная природа монархического государства, кризис в отношениях государства и господствующего класса, международный кризис государства) позволяют построить полное и логичное объяснение.

Интерпретативная историческая социология используется в работах К. Гирца, Р. Бендикса¹, а также Ч. Тилли² и С. Эйзенштадта³. Она порывает с крупными социологическими теориями универсального толка и сравнивает исторические траектории на основе учета множественности и различий. Такой подход артикулирует фактически культурный анализ и социологию действия. Социология в веберовском понимании стремится понять и интерпретировать поведение социальных актеров в изучаемом контексте, а также значение политических институтов и практик. На этом основании сравнение обретает ряд функций. Оно предполагает учет выявленных различий истории той или иной страны в концепции и построении определенного политического объекта. Сравнение предполагает интерпретацию этих различий на основе пары *действие—значение*, т. е. на основе культурного кода и используемых стратегий. Необходимо также показать, в какой мере эти различия могут проявляться в общем концептуальном пространстве и представлять как выражение универсального абстрактного объекта, и в силу этого способного, значит, быть подвергнутым концептуализации. И наконец, нужно определить, как выявление

¹ Tilly Ch. The Formation of National States in Western Europe. Princeton, 1975; Tilly Ch. Big structures, Large Processes, Huge Comparison. Russel Sage Foundation, 1974; Tilly Ch. La Vendée. Révolution et contre-révolution. P., 1970.

² Eisenstadt S., Rokkan S. (eds.). Building States and Nations. Vol. 2. Beverly Hills, 1977.

³ Cf. Badie B., Hermet G. Op. cit. P. 45–46.

различий позволяет интерпретировать способ развития сравниваемых обществ и быть значимыми для понимания специфических проблем, которые встречаются в каждой из этих моделей развития¹.

В работе «Короли или народ» Р. Бендикс² предлагает сравнение различных формул легитимности во Франции, Англии, Германии, Японии и России. Прежде всего он стремится установить, что означает легитимность в каждом из этих обществ, далее он стремится интерпретировать различия на основе культуры и на основе анализа стратегий легитимации, осуществлявшейся государями в определенном историческом контексте. Это ставит перед политической наукой два вопроса: в какой мере концепция легитимности является универсальной, и значит, применимой к любой истории и культуре? Каким образом различные способы построения легитимности учитывают различия способов структурирования, развития и функционирования политических систем?

Такой подход предполагает введение в сравнительный метод *эффекта множественности*, говоря иначе — того, что оказывает воздействие на объект анализа, а также и того, что воздействует на природу объяснительных переменных и способ их построения. Этот эффект нередко приводит исследователей к тому, чтобы ограничиваться описанием и интерпретацией смысла. Отсюда вытекает и использование метода *грамматических контрастов*. Этот метод приводит исследователей к противопоставлению всей или части политических систем, имеющих различающиеся историю и культуру с таким расчетом, чтобы выявить множественность в их основании, и тем самым — основу и для интерпретации. Этот метод обладает несомненной эвристической ценностью, т. к. позволяет видеть множественные проявления, присущие каждой модели политического развития, что, например, монографическое исследование не позволяет сделать.

Эвристическая ценность указанного метода зависит от выбора единиц сравнения. Отметим, что множественность, присущая той или иной политической конструкции, является функцией качества изучаемого контраста. Чем сильнее контраст, тем больше различий выявляется в са-

¹ Bendix R. Kings or people. Power and Mandate to Rule. Berkeley, 1978.

² Badie B., Hermet G. Op. cit. P. 47.

мой концепции политического порядка, а это позволяет ставить проблему определения политики внутри общества, которое подвергается сравнению. Если, напротив, контраст в политических конструкциях незначителен (а это бывает всегда, когда анализируются общества, близкие в культурном отношении), то сравнение позволяет выявить различия, касающиеся способа функционирования политических систем и идентичности различных составляющих. Так, сравнение западного и мусульманского миров предполагает анализ различий, связанных с понятиями закона, авторитета, легитимности, нации или политики, но не позволяет познать функционирование политических систем, как это можно было бы сделать на основе сравнения однородных объектов: английской и французской политических систем, или политических систем Туниса и Алжира. Изучение способа функционирования парламентских институтов предполагает сравнение с учетом истории возникновения представительного режима, например во Франции и Великобритании. Изучение способов артикуляции социального и политического или способов принятия законов предполагает сравнение различных политических систем, организованных вокруг различных институциональных принципов как результата выработки различной политики. Изучение демократии возможно при сравнении демократических режимов с недемократическими. Так, изучение коммунистических партий в Европе следует строить с учетом того, что в некоторых странах были сильные коммунистические партии (Франция и Испания), а в других — слабые (Бельгия, Великобритания).

Опора на контраст позволяет описывать различные политические ситуации, выявлять воздействия присутствия или отсутствия изучаемого феномена на глобальное функционирование политической сцены. Контраст позволяет выйти за пределы дескриптивной или интерпретативной стадии с тем, чтобы построить переменные, способные учесть эти различия.

Метод контраста имеет разное воздействие. Если контраст бинарный, ограничивающийся сравнением двух политических систем, его выводы являются, скорее, описательными, чем объяснительными: наличие только двух объектов не позволяет выявить объяснительные переменные. Если контраст касается одного политического объекта (партия, институт), то в таком случае

расширяются возможности для объяснения: если объект более комплексный и широкий (государство, отношения управляющие — управляемые), объяснительная цель является ограниченной, а анализ — дескриптивным и интерпретативным. Можно полагать: чем больше сравнительный анализ связан с контрастом, с противоположностью политических систем в значении, которое они придают политике, тем больше его объект понимания в силу этого становится глобальным, а объяснительная способность изолированных переменных остается слабой. Отсюда сравнение будет больше интерпретативным, чем объяснительным¹.

¹ Таксономия (греч. *taxis* — расположение по порядку + *nomos* — закон) — теория классификации и систематизации сложноорганизованных областей действительности, имеющих обычно иерархическое строение (органический мир, объекты географии, геологии, языкознания, этнографии и т. д.). (Словарь иностранных слов. С. 593.)

ГЛАВА 2

ТЕОРИИ И ПЕРЕМЕННЫЕ СРАВНИТЕЛЬНОГО АНАЛИЗА

Сравнительный подход предполагает учет исторической глубины каждого объекта изучения, а также идентификацию границ и политической переменной в каждом месте и в каждую историческую эпоху. Кроме того, компаративист должен стремиться организовать и систематизировать те вопросы, которые позволили бы ему наблюдать различия и сходства в политических феноменах. При этом он должен опираться на формализованное знание, т. е. на теорию. И опираясь на теорию, он должен идентифицировать инструменты познания, иначе говоря, переменные своего анализа. Без этого сравнение просто утрачивает право на существование.

2.1. Теоретики сравнительного метода

Любая теория всегда опирается на прошлое знание. Незнание «научного прошлого» в лучшем случае приводит к замедлению процесса исследований, если не закрывает перед ним дверь. Это связано с тем, что научное сообщество, по мере развития научного знания, вооружается определенными семантическими кодами и знаками познания, которые не относятся к эзотерической области. Эти знаки определяют вехи изучения политики. Пренебрежение этими знаками приводит политолога на другой путь исследования, а сам исследователь оказывается на другом регистре. Например, на пути простого сбора информации или на пути создания псевдотеории. Короче говоря, *прошлое знание есть необходимая основа для современного исследования*. Однако и оно не является достаточным. Это в полной мере относится к области сравнения. Незнание уже апробированных концепций сравнения не способствует углублению знания и определению специфики объекта изучения. Из этого следует исходить еще до начала сравнения.

Понятно, никто не может претендовать на полное владение сравнительными теориями и парадигмами, тем более что сравнение может осуществляться там, где его даже не ожидают. Однако нужно учесть и специфику теоретических амбиций компаративистов. Последние стремятся выявлять механизмы власти или конкретные проявления политического выражения, а не движение мысли, принадлежащей тем или иным авторам. Идеи, которыми руководствовались те или иные авторы, обладают ценностью только в силу той роли, которую они могут сыграть в качестве своеобразных помощников исследователя.

Такая постановка вопроса связана с тем, что чистая или абстрактная теория занимает незначительное место в области политики, за исключением, может быть, институциональной области. Для политического анализа едва ли не первостепенное значение имеют теории среднего уровня, связанные с наблюдаемыми реальностями. Эти теории информируют исследователя по ряду направлений, которые могут быть известны или неизвестны для исследователя.

С другой стороны, системный анализ политического феномена, возможностями которого зачастую пользуются политологи, предполагает учет нескольких переменных, а именно таких переменных, что оказывают на него существенное влияние или даже определяют то, что называется его каузальной перспективой. Иначе говоря, теория во многом совпадает с определением вех исследования, с использованием и иерархизацией сгруппированных по трем направлениям переменных: в области культуры, экономики и собственной политической игры политических актеров или их национального или международного окружения. Более того, теоретики сравнения должны строить свое сравнение с учетом культуралистской, экономической и еще более политологической ориентации, учитывающей конфликты и их разрешение. Короче говоря, именно теория определяет переменные анализа, их идентификацию.

В таком понимании не составляет труда увидеть представителей политического сравнения вплоть до середины XIX в. Начиная с Платона и вплоть до А. де Токвиля их было немного. Однако при проведении сравнительного анализа невозможно ориентироваться на наследие только этого, ограниченного числа авторов. Есть немало работ, которые в той или иной мере вносили вклад в разработку

методологии сравнения. Правда, после К. Маркса и М. Вебера можно говорить о формировании господствующего течения сравнительного политического анализа.

2.1.1. От Платона до Токвиля: от институтов к нравам

До Монтескье, или по крайней мере у предшественников сравнения, которыми в XV—XVI вв. были англичане Фортеस्कью и Томас Смит, теоретики политики были нормативистами. Сравнение использовалось применительно к институтам или способам правления относительно однородной среды. Возможности сравнения использовали в некотором смысле для идентификации лучшего из миров или лучшего политического правления. В основе сравнительного метода на его ранней стадии лежали абстрактные и философские представления. Они являлись также таксономическими¹. *Предписания лучшего режима* основывается на предварительной классификации форм правления в пространстве, известном для наблюдателя.

В свою очередь, эта типология режимов указывала на ориентиры, позволявшие идентификацию процессов образования режимов или коррупции в них, что в этом последнем случае связано с тиранией или анархией. Классификация оказывается в конечном счете нормативной. Более того, исключительные намеки на чуждые политические основания выявляли этноцентрические предубеждения автора и его стремление подчеркнуть достоинства или редкие качества систем, которые ему близки. Сравнение не было нацелено на понимание различий или родства различных областей.

Такой подход был присущ Платону и Аристотелю. Оба они были заигнотезированы греческим городом-государством (полисом). Все политические явления и феномены рассматривались ими через призму полиса. Нужно сказать, что у Платона сравнение является организационным, что находит свое выражение в том, что он отождествляет игру в городе с игрой в человеческом организме. Для Платона сравнение не является пространственным. Со своей стороны, определение различных форм политической организации — аристократической или тимократической, олигархической, демократической или тиранической — строится на основе учета механизмов коррупции в них. Такой подход открывал

¹ Hintze O. Historical essays. New York, 1975.

путь, согласно Платону, для утверждения идеального режима, который будет служить для счастья всего города.

Аристотель, в свою очередь, показал образец проведения сравнительного анализа на основе конституционного права, что позволило ему показать характерные черты монархии, аристократии и умеренной демократии (*политея*). Однако для выявления этих характерных черт он сопоставляет указанные режимы с их отклонениями — тиранией, олигархией и плебейской демократией — с таким расчетом, чтобы указать на хороший режим, который отвечал бы общему интересу.

Позднее, на рубеже XIV – XV вв. арабский историк Ибн Хаддун на основе такого же подхода анализировал факторы подъема и упадка исламских империй. Его подход к сравнению является системным, как и у Платона. Притом подход Хаддуна был, скорее, субстанционным, чем институционным. Это наглядно видно, в частности, на примере его анализа каузальности законов. В то же время Хаддун занимает совсем иную, можно сказать оппозиционную позицию, когда сопоставляет племя и город, разум, кровные связи племенной интеграции и интеграции в сообщество и/или городскую цивилизацию. Он стремится установить свою модель идеального города: на примере Медины времен Пророка. Понятно, что такой подход является предписывающим.

Потребуется еще три столетия для того, чтобы аналитическое сравнение, основанное на знании, а не на нормативности, проявилось в полной мере у Ш. Монтескье. Т. Гоббс продолжил линию поиска хорошего режима. Д. Локк стремился такой режим создать в практическом плане, объявляя новые, недеспотические правила правления.

Нужно сказать, что Монтескье выступает как философ, когда исследует, как и его предшественники, вопросы коррупции и упадка политических форм и когда он освещает в прагматическом подходе антидеспотические меры, связанные с разделением властей. В то же время его подход становится одновременно подходом системного аналитика, когда он размышляет о движущих принципах процессов формирования и механизмах регулирования различных способов правления. В большей мере чем Хаддун, Монтескье задается вопросами каузальности функционирования юридических систем и законов. На первом плане его анализа оказываются вопросы сравнения. Автор «О духе законов»

предстает как изобретатель сравнительной политики. Он изучает не только институты как таковые, но стремится осмыслить те переменные, которые на них влияют. Тем самым Ш. Монтескье кладет начало научному осмыслению и экспериментальной верификации формализованных гипотез.

Конечно, его теория климата, холодного воздуха, который увеличивает силу, и теплого воздуха, который ведет к ее ослаблению, может вызывать сегодня только улыбку. И наоборот, первостепенное внимание Монтескье в отношении «нравов» общества как субстракта политического поведения и политической устройства как бы предшествует современному культуралистскому подходу. Сравнение у Ш. Монтескье не основывается более на фантазиях и красочных преувеличениях, что было характерно для многих его предшественников. Оно основывается на личном опыте или по крайней мере на документальном изучении тех сред, которые подлежат сравнению. А потому Монтескье является едва ли не первым исследователем в области политики. Он хорошо знал политическую жизнь Англии, а также и Европы, чему способствовали его путешествия с 1728 по 1732 г. Он был хорошо информирован о Китае, Японии, Индии, мусульманских странах. Параллельное сравнение Монтескье является одновременно синхронным и диахронным. При этом оно основывается на глубоком знании истории. В работе «О духе законов», помимо индуктивного метода, он использует гипотетическо-дедуктивный метод. Он сосредоточивает свое внимание как исследователя на Франции, но рассматривает все, что связано с ней на основе сопоставления с опытом Англии. Однако он не оставляет без своего внимания и то, что происходит в странах, находящихся за пределами Европы. Как создатель концепции восточного деспотизма с его вседесущностью, сакральной политической и социальной властью, Монтескье является отдаленным предшественником Отто Хайнца¹ и Карла Виттфогеля², а более широко — политического анализа обществ, относящихся ныне по классификации к странам «третьего мира».

После Монтескье Руссо опирается на предписанное и этноцентрическое видение, присущее философии, особенно тогда, когда он описывает Корсику или пишет

¹ Wittfogel K. Le despotisme oriental. P., 1964.

² Cardoso F.H. Dependencia y desarrollo en America Latina. Mexico: Siglo XXI, 1979.

«Рассуждения о правлении в Польше». Новая традиция в сравнении, начатая Ш. Монтескье, была продолжена А. де Токвилем. Подобно своему предшественнику, Токвиль сосредоточивает внимание на изучении Франции периода после революции 1840 г. Но его мысль сконцентрирована на анализе содержания и будущего современного ему режиму правления, который он первым охарактеризовал «демократическим» (вместо привычного в то время республиканского или представительного режима). И ответ, который он стремится дать на этот вопрос, основывается на сравнительном анализе англо-саксонских обществ и французского общества, которые в то время были своеобразным образцом политической современности.

«Американская демократия» является результатом сравнительного исследования. Эта работа не вписывается в философский или институционный подходы. Она является социологической работой. Внимание исследователя в ней сосредоточивается на изучении условий возникновения демократического смысла, который основывается, по Токвилю, на чувстве равенства членов политического коллектива. Иными словами: подход Токвиля связан с освещением того, что потом получит наименование политической культуры. А. де Токвиль, значит, кладет начало культурному анализу политики.

Такой подход позволяет ему выявить различия в двух концепциях, или, точнее, в двух традициях демократии — англо-американской демолиберальной и французской демодеспотической. Более того, Токвиль кладет начало сравнительному анализу демократических режимов. Он в работе «Старый режим и революция» предстает как пионер сравнительного анализа государства. Через непрерывность централизации на примере Франции, особенно после революции, А. де Токвиль освещает одновременно глобальный феномен, лежащий в основе революционных изменений. Он выдвигает такие рабочие гипотезы, которые делают сравнение полезным и понятным.

2.1.2. Школы сравнительных исследований: от М. Вебера к эволюционным теориям и парадигме зависимости

А. де Токвиль был не единственным представителем сравнительного анализа в свое время. У него были и конкуренты. В частности, к их числу можно отнести Уолтера

Беджехота в Англии. Он, например, относил демократический темперамент своих сограждан на счет их «глупости» (т. е. естественных различий как культурной черты). Кроме него, К. Маркс, который был, можно сказать, современником А. де Токвиля, открыл новые подходы в понимании политики, которые основывались не на культуре, а на *детерминизме способа экономического производства*.

Справедливости ради нужно сказать, что К. Маркс не является компаративистом в чистом виде. Для него модель британского парламентского режима является выражением или инструментом капиталистической динамики производительных сил. Такое понимание парламента было связано с предубеждением, присущим К. Марксу при оценке демократии и сути капиталистического правления. Известно, что Маркс проявлял немалый интерес к тому, что происходило в Англии, Индии, России или Испании. Однако различия в политическом правлении, например в Великобритании и Франции, его интересовали в меньшей мере, нежели сходство между ними. Но, даже признавая различия, на примере Франции Маркс видел исключение, которое подтверждает правило нормальной политической организации капиталистических обществ. Оно состоит в том, что господство буржуазии осуществляется под прикрытием парламентского правления.

Иногда в незрелых обществах, запаздывающих с капиталистическим развитием, как это имело место в случае Франции того исторического периода, возникают, по убеждению К. Маркса, квазипатологические исключительные буржуазные государства. Это авторитарное, а не парламентское государство. Оно выражает отказ правящего класса идти на прямое столкновение с рабочим классом, сила которого не равна буржуазии. И Маркс пишет по этому поводу, что буржуазия уступает жезл, чтобы сохранить биржу. Однако он не учитывает, что авторитарная динамика Второй империи или *бонапартизм*, или динамика немецкой империи, созданной Бисмарком, представляет, скорее, одну из характеристических особенностей, а не случайность в политической модернизации Европы. Ф. Энгельс это признал, когда утверждал, что замысел буржуазии состоит не в прямом правлении, и что бонапартизм является его политической религией. Но он не настаивает на этом положении, которое нарушает марксистскую схему, построенную на критике парламентской иллюзии и тщетности всеобщего

голосования в большей мере, чем на реальном изучении политических процессов.

В основном сравнительный анализ после А. де Токвиля осуществляется на иных направлениях, чем это предлагали теоретики экономического детерминизма. С одной стороны, в лице М. Вебера он встречает последнего крупного мыслителя. А с другой — он становится одним из течений новой дисциплины в рамках социальных наук — *политической науки*, которая дает рождение, скорее, школам, нежели индивидуальным мыслителям.

Перед Первой мировой войной М. Вебер подхватил факел *культурного подхода*. Он придал ему научную конфигурацию в самом широком макросоциологическом видении. Однако его подход нельзя сводить только к культурологическому. Особое значение для компаративиста приобретает его утверждение о множественности и несводимости его к предопределенной модели того, что можно было бы назвать историческими моделями производства политики в каждом из мест власти. Вебер считает, что специфика процессов, которые определяют организацию господствующих интересов, получает выражение в многочисленных формах морального авторитета во времени и пространстве. Это во-первых. Во-вторых, он впервые заявляет принцип аксиологического авторитета. Иначе говоря, он формулирует для того времени новую идею, состоящую в том, что исследователь не должен оценивать ценности, на которых основываются изучаемые им системы и которые к нему не имеют отношения.

Вебер борется с этноцентрическим предубеждением. Он основывает свой подход на оценке глубинных ценностей конфигурации форм власти. Этот принцип представляется ему существенным, что нашло свое выражение в методологических концепциях в «Экономике и обществе», а также в «Протестантской этике и духе капитализма». В первой из них Вебер осуществляет анализ возникновения *бюрократической рациональности*, присущей современному государству. Он использует и эволюционистскую концепцию, благодаря которой современность рождается параллельно с територизацией бюрократического государства, тогда как это не превращалось еще в традицию. В «Протестантской этике» он развивает свое «понимающее объяснение» социального процесса — капитализма — на основе анализа системы ценностей: кальвинизма пуританского происхож-

дения. Таким является и метод, который он использует при анализе античного иудаизма или индийской религии.

Несмотря на импульс, приданный Вебером сравнительным исследованиям, нацеленным на анализ специфики власти и тяжелых переменных, которые позволяют ее понять, *постепенная профессионализация социологического анализа* в большей мере в его время, как, впрочем, и после его ухода из жизни, ориентируется на сравнение, которое Ж. Блондель называет промежуточным. Такое сравнение нацелено на *частичное описание классических мест политики*. Долгое время сравнительный анализ права и конституций занимал центральное место, что нашло выражение в работах от Альфреда Посада до Леона Дюги и Ж. Бурдо, включая Ганса Кельзена и его науку о государстве или Карла Шмитта. Таким же образом М. Острогорски или Р. Михельс рассматривали политические партии и их олигархические механизмы, оказав сильное влияние на развитие исследований в США и Европе. Другие исследователи изучали на основе сравнения электоральные механизмы: Андре Зигфрид в «Политической картине Западной Франции» осуществляет, по сути дела, этнографический анализ, а американские бихевиористы осуществляли психосоциологические исследования.

В большинстве случаев электоральные исследования представляли собой сочетание изолированных наблюдений, за исключением исследований влияния способов голосования на структурирование системы партий, проведенные Морисом Дюверже или Жоржем Лаво. Эти исследования были основаны на данных многих стран. Они были нацелены на изучение механизмов, определяющих различие и сходство между ними. Независимые, но решающие для понимания изучаемого феномена переменные не учитывались, кроме психологических факторов голосования и социопрофессиональной принадлежности. А если это было так, то в «электоральной экологии» утвердилось господство «психологизма». В общем плане стремление проводить сравнение оказывается в таком случае благим намерением: накапливались данные, которые не использовались.

Учет переменных внешней интерпретации стал осуществляться, начиная с 60-х гг. прошлого столетия. Сказалось влияние американской социологической школы модернизации. Это показали в своих работах Д. Аптер, С. Эйзенштадт, Г. Алмонд, Д. Кулеман или Г. Пауэлл,

которые провели изучение политической динамики «третьего мира». Эта динамика оценивалась на сравнении с современным евро-североамериканским эталоном. Вслед за Э. Дюркгеймом вышеназванные авторы делали акцент на процесс дифференциации и специализации политики, или на институционализацию и усиление стабильности и способности проникновения государства. Более того, этот подход, еще больше чем подход Вебера, отмечен верой в валидность универсальности легальной и бюрократической рациональности. Преувеличенный абстрактный схематизм приводит в тупик культурное, экономическое, историческое или окружающей среды измерения рассматриваемых обществ.

Со своей стороны, *теоретики политического развития* рождаются с теоретиками модернизации, полагая, что возвратное движение между двумя течениями бывает. Под влиянием У. Ростоу и создателей антимарксистского диалектического материализма сторонники теории политического развития устанавливают отношения каузальности между ростом диверсифицированной и конкурентной экономики и политическим изменением. Но эта банальная констатация, которая характеризует прежде всего западные индустриальные общества, основана в конечном счете на авантюрном (С. Липсет) предварительном и обусловленном возникновении современных эффективных и недеспотических правлений, построенных на индивидуальном богатстве, индустриализации, урбанизации, определенном санитарном состоянии, замедлении демографического роста, всеобщей грамотности. Как бы подтверждается идея о том, что Индия не может быть демократической, тогда как Аргентина, наоборот, должна быть демократической на протяжении ряда десятилетий.

Политическое развитие, предопределенное в основном экономическими переменными, по сути дела, воспроизводит западную иерархию. В таком понимании политический прогресс отсталых народов (развивающихся стран) вписывается в постепенное движение, в котором *архаический деспотизм* уступает свое место *модернизированным диктатурам* по мере экономического развития этих стран и народов. Эти диктатуры заменяются постепенно при благоприятных условиях полиархическо-демократическими правлениями, близкими к западным образцам. Когда в такое видение вмешивается культурное измерение, то оно находит свое

выражение в дихотомии, противопоставляющей *обскурантистское сопротивление традиции освободительному движению современности*, заимствованному у индустриальных обществ, или обращается к «гражданской культуре», освещенной на основе данных сравнительных опросов.

Правда, критика научных школ сама превращается в школу, когда она их объявляет недействительными, и особенно, если она выражает свое согласие с последним модным течением, как это имело место в 90-е гг. прошлого века, когда политическая наука обратилась к методологическому индивидуализму. Нужно признать, что модернизация освещает особенность политического изменения. Эта особенность заключается в дальнейшем развитии бюрократической дифференциации, которая определяет статическую выраженность западной модели.

Со своей стороны, теоретики развития иллюстрируют ретроспективным образом один из первичных механизмов западной же политической динамики или отношения, которое проявляется в индустриализации, росте уровня жизни и сдерживании потенциально разрушительных политических давлений со стороны средних классов, а потом рабочего населения. Но в обоих случаях анализ не учитывает множественную специфику «третьего мира», за исключением может быть «третьего мира Европы», каким является Латинская Америка или новые индустриальные страны Юго-Восточной Азии. Отсюда берет начало реакция отрицания излишнего схематизма евро-североамериканского исторического прецедента, которая характерна, в частности, для *теоретиков зависимости* или сторонников *парадигмы отношений центра и периферии*.

Интеллектуально близкие между собой эти два течения заставляют ориентировать в различной и политически радикальной перспективе этноцентричность тех, кого они критикуют. Разработанная в Латинской Америке Фердинандом Энрике Кардозо¹ (в дальнейшем был избран президентом Бразилии — довольно редкий случай, когда видный политолог становится и удачливым политиком), потом примененная в Африке С. Амином², *концепция зависимости* исходит из того, что экономическая, культурная и политическая выгода

¹ Amin S. L'accumulation capitaliste à l'échelle mondiale. P., 1972; Amin S. Le développement inégale. Essai sur les formations sociales du capitalisme périphérique. P., 1973.

² Голосов Г.В. Сравнительная политология. С. 24–25.

развитых обществ Севера механически определяет подчиненном им обществ Юга. Эти последние рассматривают свою систему производства, а также способы правления на основе влияния богатых стран, которые это влияние оказывают в собственных интересах. В этих условиях элиты стран Юга оказываются в подчинении элитам индустриальных стран. А их этатические образования являются своеобразной трансмиссией западного господства вне зависимости от их формы — авторитарной или ложно демократической. В политическом плане такая зависимость имеет своим следствием не демократизацию, а установление крайне реакционных политических режимов. Как справедливо отмечает Г.В. Голосов, данный вывод вполне согласовывался с латиноамериканской политической практикой 60–70-х гг. В дальнейшем, впрочем, выяснилось, что многие выводы теории «зависимости» были преувеличением.

Со своей стороны, парадигма «центр — периферия» уточняет это хронологическое видение, делая их более абстрактными и менее определенными только послевоенной ситуацией. В таком подходе Э. Шиллз, а потом Д. Истон дали новую интерпретацию *органицистскому или кибернетическому принципу* в том, что любая социальная система, в частности экономическая и политическая, характеризуется процессом образования центра, господствующего над подчиненной ему периферией. Затем Раджи Котари и особенно И. Валлерстейн применили этот принцип к современным и прошлым национальным и международным реальностям и выявили, что господство не является фактом одного или нескольких сильных государств, а фактом многообразного и многоместного «центра», обладающего вплоть до наших дней экономическим превосходством. Так появилась новая детерминистская модель, в которой формы власти и подчинения должны пониматься с точки зрения их центральной, посреднической или периферической позиции в «системе-мир» или в ее национальных выражениях. В силу этого страны «третьего мира» обречены на авторитарное правление или, наоборот, на утверждение абстрактных, но слабых властей, или нестабильных и конвульсивных властей. В силу этого они размещаются на полупериферии или на самой периферии мировой капиталистической системы.

Эти интеллектуальные конструкции могут быть трансформированы в универсальные догмы. Однако они могут быть отнесены только к Европе XVIII в. или к странам Ла-

тинской Америки наших дней. Что касается иного времени и иных мест, такие конструкции не учитывают механизмов гибридизации или изменений, которые характеризуют африканские или азиатские общества, где «функции», которые центральные общества могли бы предписывать периферическим обществам, нарушаются. Они вместо периферии могут оказываться если не в центре, то на полупериферии.

2.2. Культурные переменные

Культурная переменная обладает приоритетом, который не имеет ничего общего с дебатами о порядке каузальности. В действительности, как мы видели, культура самим своим присутствием ставит прежде всего другой капитальный вопрос для сравнения, который вписан в *оппозицию универсальность—партикуляризм*. Или, скорее, она приносит ответ более операционной природы, т. е. не только субстанционный, но и методологический. В своей субстанции культурное содержание, присущее каждому социоисторическому виду, его специфицирует при помощи большого числа факторов идентичности, среди которых субстанция и взаимодействия являются единственными. На этом уровне культурная перспектива, повторим вслед за уже на раз упоминавшимися нами французскими политологами Б. Бади и Г. Эрме, может быть только «описательной», в том числе и тогда, когда она оценивает взаимодействия с близким или отдаленным окружением во времени. Это же можно сказать и в отношении описания на основе культурной переменной определенной территории, когда культурная переменная предоставляет доказательства значительного влияния механизмов гибридизации политических институтов. Такой подход ориентирует сравнение на констатацию различий и даже на единичность субстратов, которые питают каждый политический генотип. С этой точки зрения недостаточно признания того, что конфигурация властей и политических выражений опирается на культурные основания, которые почти ничего не имеют общего в Африке, Азии и Европе. Нужно признать, что культура подчиняется различным процессам — генотипам — во Франции и Англии, в Германии и немецкой Швейцарии, в фламандской и валлонской Бельгии, в Восточной и Западной, Северной и Южной Франции. Универсальность, так же как западность, восточность или

среднеземноморскость являются только литературными метафорами идеологизированных теоретиков.

Однако подобный взгляд претерпевает изменения в том, что культуралистский подход приносит свой ответ методологического содержания в области сравнения. Сравнение является только сбором данных, если оно ограничивается подсчетом сходства и различия схожих или различных мест. И только если сравнение не ограничивается сбором информации, а нацелено на постепенное понимание — объяснительное понимание М. Вебера — механизмов сходства и несходства, что является результатом сравнения эвристического содержания по своей сути, придает научное значение такому анализу. Механизмы познания могут быть выявлены при учете культурной специфики. Иначе говоря, *первичный учет культурной переменной становится методологическим императивом универсального измерения*. Универсальность культурного фактора является процедурой исследования, а не чертами, которые его определяют.

Такое же наблюдение выявляется при рассмотрении различных *составляющих культурной переменной*. Или, как указывают на это антропологи культуралистской школы, эта переменная перекрывает материальные и нематериальные черты, определяющие данную социальную совокупность, техники производства, в религии — моральные ценности и политические концепции или то, что в них содержится. Культурная составляющая воспринимается как объект, построенный в целях анализа, а точнее, для освещения того, что Вебер называл моральным порядком авторитета в каждом обществе. В первом случае культурный фактор как независимая переменная растворяется среди других переменных. Он характеризует общества через множественность, без учета возможности выявить факт того — обладают или нет некоторые из них капиталом. Во втором случае (построения культурной переменной в целях анализа) культурная переменная основывается на предварительной идентификации в виде гипотез факторов, способных прямо воздействовать на построение этого морального порядка авторитета и подчинения. И потому универсальность вписывается не только в содержание каждой категории анализа, но и в селекцию и разграничение этих категорий. Они должны быть универсально тестированы для того, чтобы научное понимание развивалось кумулятивным образом, понимая, что их обозначение не является универсальным

и что сравнительная процедура оправдывается в силу их многозначности.

Теперь остается построить *культурный объект-переменную*. Этот объект не имеет ничего общего с тем, что некоторые психосоциологи назвали «политической культурой». Если она существует иначе, чем неясная ориентация или гражданский *габитус*, признанный господствующим в данной среде, то такая политическая культура являет собой наблюдаемую результирующую, лежащую в данный момент на поверхности. Она не открывает путь для понимания механизмов длительного действия. Она даже их скрывает в меру того, что это понятие предполагает некое самоудовлетворение синхронической природой. В лучшем случае она отражает воздействие различных составляющих культурной переменной в данный момент, не стремясь их локализовать.

Концепция культурной переменной фактически противостоит понятию политической культуры. Она объединяет в длительной перспективе элементы, структурирующие моральный порядок в политике, субстанция которой изменяется в каждом социальном виде и модифицируется во времени. Но изменение содержания этих элементов не мешает им соответствовать в каждом случае сформулированным категориям в классических рамках выработки и «вдалбливания» в голову ценностей; рамки эти одновременно идеологические и материальные, но они связаны различным образом с теологическими, метафизическими, нормативными или легальными аспектами легитимации власти и обязательством подчинения. Религия и сверхъестественное занимают первое место в области, понимаемой как юридическая традиция, а также как центр тяжести системы семейного авторитета, влияния иерархии престижа или социального различия, а также воздействия моделей образования в наши дни.

2.2.1. Религия

Католическое по своему происхождению *разделение двух сфер на священную и мирскую* является ферментом западной специфики. Оно проявляется как начало течения секуляризации, которое, с одной стороны, приводит к автономии современного государства, а с другой — к индивидуалистической концепции демократического гражданства

евро-американского типа. Это утверждение не вызывает сомнения с точки зрения исторической множественности западных обществ по отношению к иным, незападным обществам. Следует сказать и о том, что отношения религии и политики повсюду в разных формах были изначальной решающей составляющей способов осуществления легитимной власти и практик подчинения.

Это наблюдение не предполагает тем самым того, что *дохристианский Запад* не встречался с разрывом политического и религиозного авторитета, или с постановкой под вопрос священного характера подчинения управляющим. Таким же образом, было бы ошибочным полагать, что *религиозные пространства вне Запада* не испытывали на себе влияния секуляризации. Этот фактор мог там получить свое полное выражение, или, в частности, выход на простор различного выражения автономии политики. Так, вплоть до наших дней исламский мир дает нам пример связанности и неподвижности своей организации на основе единой веры. Мир, воспринимаемый в идеале как город Бога на Земле, примером чего может быть город Медина с 622 по 632 г., в котором не существовало легитимных различий между авторитетом веры, мирской властью и другими сферами человеческой деятельности. Превратившись в *Umma* конструкция, которую Мухаммед определил для верующих Медины, остается высшей нормой, которой подчиняются все виды деятельности в божественной перспективе.

Эту исламскую конструкцию мы встречаем сегодня в Иране и Саудовской Аравии. Она является *табула раша*¹ для модернистской и либеральной ревизии мусульманской мысли, начатой в начале века Мохаммедом Абдо². Она не приемлет секуляризации Турции, которую предпринял Ататюрк³, или меры подобного толка в Ираке, Тунисе и Алжире первых лет независимости. Указанная исламская

¹ Табула раша (лат. *tabula rasa* — чистая доска) — термин сенсуализма, означающий первоначальное состояние сознания человека, не обладающего в силу отсутствия внешнего чувственного опыта какими-либо знаниями (например, новорожденный).

² Абдо Мухаммед (1849–1905) — египетский реформатор ислама, муфтий Египта с 1899 г. Пытался приспособить ислам к современным буржуазным отношениям.

³ Ататюрк (*Atatürk*, букв. — отец турок) — Мустафа Кемаль (1881–1938), руководитель национально-освободительной революции в Турции 1918–1923 гг. Первый президент (1923–1938) Турецкой республики.

конструкция сомневается в способности некоторых исламских стран интегрировать религиозные течения в плюралистическую систему. Это практика современной Турции. Такого же подхода придерживаются в Индонезии, Сенегале, где две легальных партии опираются на два различных мусульманских братства. Эта практика привлекает внимание реформаторов Магриба¹. Такая практика не кажется более странной, чем решающая роль протестантских и католических партий в демократической модернизации Голландии в прошлом веке. Избегая упрощений, тем не менее можно сказать, что здесь много общего с политическим развитием Великобритании, где говорили об англиканской официальной церкви как о «молящейся партии тори», и где либеральная партия объединяла вокруг себя протестантские, неконформистские и католические массы.

Особенно важно напомнить, что фрагменты секуляризации и автономии от Пророка рано вводились в пространство ислама. Признание независимости суждения по мирским вопросам принадлежит самому Пророку. К этому относится и принцип джихада². Означая литературно «усилие», он вводит идею учета внерелигиозного легального и политического основания, не нарушающего веру. Правда, позднее, в XII в. утвердилась противоположная точка зрения. Однако открытое мусульманское общество эпохи времен сказки о Синдбаде-мореходе существовало, а западные общества того периода были закрытыми и монолитными. И ничто не позволяет не предполагать, что мусульманские общества могут стать открытыми. Однако пока, в наши дни, узловым является контраст между мусульманским Востоком и христианским Западом.

Использование религиозной переменной приводит не только к классификации обществ секуляризованных или нет, но и позволяет показать роль религии в той или иной политической конфигурации. Как показали М. Вебер и Л. Дюмон³, пример Индии подтверждает это. С одной стороны,

¹ Магриб (араб. — запад) — регион в Африке, включающий Тунис, Алжир, Марокко, а также Ливию, Мавританию, Западную Сахару, образующих вместе Большой Магриб, или Арабский Запад.

² Джихад (араб. — священная война, война за веру; букв. — усердие, рвение) — одно из предписаний ислама всем способным носить оружие мусульманам вести священную войну против «неверных» (немусульман).

³ Dumont L. La civilisation indienne et nous. P., 1975.

идея личного спасения, в которой берет начало европейский индивидуализм, не была порождением христианства или протестантизма. Ее истоки лежат в *индуизме* или *буддизме*. С другой стороны, личное спасение и индивидуалистская религия в Индии соответствуют идеалу *отказывающегося*, т. е. такого человека, который избегает мирских дел и, в частности, политики. В этом случае индуистский или буддистский индивидуализм примиряет усиление господства религиозного фактора с параллельным признанием автономии политики. А потому не является препятствием то, что верующие Индии подчиняются управляющим и сеньорам, относящимся к другой вере, например, мусульманину, являющемуся принцем, или христианину, бывшему европейским колонизатором. Однако, понимая что их действия являются нечистыми, верующие недовольны подчинением в моральном плане. Власть же в таком случае оказывается сведенной до своего мирского выражения. И вместо дифференциации на манер западного государства она становится безразличной в отношении индивида, который должен самореализоваться вне ее. Добавляясь к иерархизации, присущей системе каст, такое понимание ценности делает духовный индивидуализм сопоставимым с социетальным холизмом, изменяя его остаточное политическое измерение вне связи с западной концепцией гражданства.

Иудаизм, более близкий к христианской динамике, являет другой пример комплексных и парадоксальных отношений веры и политики. Изначально, как и в Исламе, это отношение определялось подчинением *избранного народа*, его руководителей, а потом и царей воле единого Бога. Это предопределило религиозную идентичность еврейского народа и наложило отпечаток на его культурную и этническую идентичность. В иудаизме управление людьми и вещами подчиняется божественному закону, который передается пророками, обладающими высшим авторитетом, даже если они не обладают атрибутами власти. Трансцендентное величие веры цементирует еврейское общество еще до разрушения Иерусалима. Вера является связующим началом — без посредничества политики — и в диаспорах. Позднее это нашло отражение в сионизме, сформулированном Теодором Херцлем в 1895 г. Создатель еврейского государства избегает рекламы иудаизма и древнееврейской традиции. Эта традиция определяется библейской концепцией общества, отмеченного судьбой. И хотя он предлагает открыть новый

Иерусалим нееврейским иммигрантам, Херцл не может скрыть слабосекуляризованный мессианизм.

Это не мешает иудейскому подчинению политики божественному предначертанию, наделенному специфическими и противоречивыми чертами в отношении примата религиозного феномена. С одной стороны, древнееврейская модель первенства религии не основана на монистском слиянии ислама, где власть получает легитимность только при соответствии божественному закону. С другой стороны, эта модель предвосхищает евангелическое презрение управляющих в виде иронического «Воздайте Цезарю». Действительно, библия полна примеров прямой критики мирского авторитета и ошибок, почти неизбежных, глав сообществ. Короче, иудаизм исповедует скептицизм в отношении человеческой власти, хотя из практических соображений относится к ней уважительно. Так, еврейские цари, а позднее римский Цезарь или русский царь, за которых раввин рекомендовал молиться потому, что их последователи были бы, вероятнее всего, хуже, чем действующий царь. В этом факте находит отражение обожение религии и политики в иудаистской культуре, отмеченной дистанцией по отношению управляющих, чего нет в иных культурных средах.

Еврейская религия не является бегством в загробный мир, как христианство. Связывая судьбу души и тела, она рассматривает их как смертные, призванные вместе выйти из ничего, благодаря Богу. Чуждая иудаизму *идея бессмертия души как компенсации за страдания*, — в частности, политические, — берет начало в греческой философии, а потом проникает в христианство. Иудаистская традиция избегает христианского отчуждения перед лицом земных дел. В нем иная форма, нежели в христианстве, автономизации политики, смягчающая его презрение к власти через легитимацию мирской активности — и политики — во имя жизни. Христианство же, наоборот, трансформирует подчинение государю, вводя утверждения о благой загробной жизни на фоне грустной реальности обычной жизни. Иудаизму не введома, пользуясь метафорой К. Маркса, религия как «опиум для народа», тогда как христианство усиливает его репрессивное начало.

Африка южнее Сахары является плюриконфессиональной. Здесь господство веры в меньшей мере осуществляется на уровне доктрин, нежели оккультных практик и сетей

коммуникации или сектантских солидарностей. Колдуны и в наши дни здесь продолжают прямо оказывать влияние на глав государств. В то же время колдовство может в определенных обстоятельствах выступать и как ресурс руководителей или, наоборот, как угроза им.

В конечном счете религия является одной из очень важных поддержек, морального порядка авторитета, который основан на собственной рациональности, т. е. рациональности, соответствующей своему социоисторическому контексту. Пространство западного христианства является только одним из вариантов этой феноменологии, которая, опираясь на теологическую рациональность, основывается на метафизической рациональности, а затем — на легально-бюрократической рациональности, опирающейся на свои собственные ценности. Знание социологами этого контекста дает основание полагать, что анализ воздействия религиозного фактора на политику был достаточно развит и позволяет оценивать подходы из него вытекающие.

Отношение религиозного и политического, как мы уже отмечали, в свое время были глубоко проанализированы М. Вебером в его «Протестантской этике», где показана его (религиозного) связь с духом капитализма. Это позволило осознать роль и значение механизма «толчка» индивиду-гражданина в Европе и на Севере Америки. Отвечая на запрос класса торговцев и финансистов в период Реформации, новые кальвинистские ценности придали запросам, о которых идет речь, оттенок секуляризации, т. к. усилили горизонтальные связи в ущерб вертикальным и иерархизированным связям, свойственным для католицизма. С тех пор профессия священника и духовная область не связывается с другими профессиями или с другими областями человеческой деятельности. То же самое можно сказать и о политике, которая подчиняется с тех пор экзману свободного арбитра как в деле интерпретации Священных Писаний, так и в оценке управляющих управляемыми. Кальвинизм, по Веберу, представляет собой «элективную утонченность», связанную с самоуправлением общества самим собой. Она охватывает традиционные религиозные иерархии, а также наследственные политические и социальные иерархии с тем, чтобы их заменить отношениями, основанными на базе электорального решения. И потому легитимизируется парламентский и представительный механизм, подтверждая, в частности, и правомерность

прямой и народной демократии, что нашло отражение в деятельности швейцарских кантонов, например.

Еще более противоречивым образом кальвинистская этика признает законными цензovou практику и отказ в праве голоса большому числу управляемых. Банализируя священность, кальвинистская этика как бы реабилитирует торгово-промышленную деятельность, что осуждается как католицизмом, так и исламом. Обогащение тем самым приобретает оттенок святости, а индивидуальный успех — одобрения. Более широко — процветание одних перестает быть результатом бедности других. В то же время милосердие является уделом каждого индивидуально, а не коллективным долгом. Короче, кальвинизм не является только моральным основанием капитализма. Фактически, он оправдывает неравенство, противостоя евангелическому эгалитаризму Римской церкви. Он является религиозной порукой либерального принципа абстрактного равенства людей в условиях реального неравенства, что неизбежно порождает в реальной жизни определенную напряженность.

Правда, вне внимания Вебера остались два проявления отношения религии и политики. Первое из них связано с *некальвинистским измерением протестантизма*, или с неосвободительным или секуляризаторским протестантизмом, а с деспотическим и монистским течением. Второе связано с недооценкой воздействия католицизма, в частности, его религиозного аппарата. Эта логика, которая прямо участвует в политике, имеет мало общего с теологией или доктриной. Она не связана с культурой, в силу природы самой организации.

На первом уровне, и говоря прежде всего об авторитарном и монистском тяготении, кальвинизм служит основанием стремления к консенсусу. Свободный арбитр действует только в границах общего конформизма, а те, кто выходят за его пределы, сами исключают себя из политического и социального тела общества. Женева Кальвина проявляет тоталитарные черты. Позднее американская демократия выстроит свое *Крего*, согласно которому гражданское и священное неразделимы. Скажем и о том, что лютеранство основано на извращенной легитимации примата государства, что является противоположным по отношению к либеральному и антиэтатическому протестантизму.

Со своей стороны влияние *католицизма* на западную политическую динамику является многообразным, особен-

но, если учесть его доктринальное противостояние самому духу Просвещения, либерализму, а потом и социализму. Другими словами, католическая церковь дает пример такого культурного агента, который воздействует своим весом своей организации, или идеологическим аппаратом, пользуясь термином Антонио Грамши. Этот аппарат осуществляет свою собственную политику как мирской силы и не может быть сведен к государственному идеологическому аппарату или к «органическому интеллектуалу», зависящему от капиталистической логики, как это полагал А. Грамши. При этом обнаруживается, что роль, которую он играет на этом уровне, является, скорее, новаторской, чем консервативной в длительной перспективе, в противовес тому, что связано с его доктриной.

Пример тому — выдвижение в 1000 г. новой для своего времени идеи о том, что супружество должно основываться на добровольном индивидуальном и свободном согласии верующих. И в то же время, согласно такой идее, изменяется статус вдов и сирот, которые не должны более подчиняться семье с тем, чтобы иметь возможность претендовать на наследие. Католический авторитет здесь был подчинен интересу организации, состоящему в том, чтобы преодолеть ограничения семейных запретов или запретов сообществ, которые стремились прибрать к рукам наследие вдов. Но текущий политический расчет такого решения оказался значительно меньшим, чем не предполагавшийся освободительный результат. С этого момента в Европе была разорвана патриархальная или родственная связь, которая исключала добровольный выход из авторитарной семейной структуры. В силу отсутствия такого же организованного аппарата ислам не смог осуществлять подобного типа решения.

Позднее, начиная с XII в., второе решение папства привело невольно к современности. Речь идет о разделении религиозного и политического. Стремясь ослабить территориальные суверенитеты, Церковь разделила божественное и мирское. Стремясь освободить гражданскую власть от своих религиозных амбиций, Церковь способствовала тем самым рождению автономии секуляризированного государства. Позднее Церковь вынуждена была приспособиться (XIX — XX вв.) к политическому либерализму, объединяя верующих своей конфессии в политические партии. Тем самым она способствовала демократической

социализации консервативных сельских и городских масс населения, которые она ранее изолированно держала под своим влиянием.

Можно утверждать, что религиозная переменная указывает на разнообразие и непредсказуемость ее влияний. Она открывает возможность для проведения сравнения на основе выявления различий. Эта переменная показывает, что культура не является эфирной, неуловимой, не связанной только с ценностями. Она основана на аппаратах и структурах действия.

2.2.2. Нерелигиозные аспекты культуры

То же самое можно сказать и о других составляющих культурной переменной. Внутри нее религия обладает частичным хронологическим приоритетом. Но, в том числе и в обществах, называемых несекуляризованными, существуют и другие рамки выработки и «вдалбливания» политической нормативности, которые иногда ее вытесняют. Подчас бывает не просто отделить области божественного, или сверхъестественного от других областей, например, от юстиции или уважения авторитета. Но необходимость проведения сравнительного анализа требует учитывать эти различия, связанные с взаимодействием различных порядков культуры. Более того, взаимозависимость этих порядков не всегда является правилом в силу их автономности или превосходства одного над другими, что придает определенную специфику политической динамике, и что может привести к выводу о том, что первенство религиозного фактора не всегда является определенным. А потому следует выявлять роль права, формы социального отношения, способы авторитета внутри семьи или сообщества, иерархии престижа или систем образования и т. д., что выходит за рамки религиозного и определяет культурную нормативность.

Особое значение в этой связи приобретают *право и отправление юстиции*, которые в некоторых обществах предшествовали религиозным верованиям. Это характерно для исламских стран, где гражданская легальность подчинена правилам священности. В Африке южнее Сахары юстиция и представления о легитимности смещены по фазе по отношению к этике веры, как об этом свидетельствует сопротивление полигамии или устойчивость колдовства как

политического ресурса. Таким же образом негро-американское население, где сосуществуют юстиция и параллельные иерархии, а также практика кровавых жертв и, особенно Европа, являют собой пример первенства и относительной автономии юридического по отношению к религиозному.

Известный факт. В Европе христианство развивалось совместно с поддержкой дохристианской юридической культуры: прежде всего римского права, а затем германских и кельтских судебных обычаев, которые пришли на смену Риму в VII—XII вв. Позднее римское право используется монархиями как государственный закон, а потом и послехристианскими национальными версиями права. Церковное каноническое право представляет собой не столь влиятельную фигуру, как могло бы казаться в свете того, что естественное право теологов Средних веков испытывало его влияние. Но что чрезвычайно важно — это отношение между юридической переменной и судебной независимостью религиозного, дающие о себе знать в динамике западной политики. На этом уровне выявляется, что разделение Запада на страны европейского континента, сильно этатизированные, и англосаксонские страны, которые сопротивлялись государству и которые выступали с позиций примата общества перед лицом государством. В итоге в англосаксонских странах сложилась иная концепция права и его применения.

Претендуя на наследование римского права, континентальные юридические системы восстановили различие между привилегированными правами государства по отношению к самому себе (*Jus*, ставший публичным правом) и семейным или домашним правом, которое применялось к частным лицам и занимало подчиненное положение (*Fas*, или частное право). Напротив, англосаксонский закон — *Common Law* — не делал такого иерархизированного разделения. В духе коммунитарных германских и кельтских традиций государство оставалось подчиненным принципу как общих, так и частных норм. Право стало прецедентным, основанным, значит, на прежних решениях судей по аналогичным делам в англосаксонском мире, тогда как на континенте, в условиях, когда, чаще всего, центральная власть диктует свой «закон» законодателю, законы стали простым дополнением к государству. В англосаксонских странах судебная власть оказалась независимой, в чем-то даже более престижной, чем исполнительная власть. При

этом она оказалась защитником общества от публичной силы, тогда как на Старом континенте судебная власть стала только судебной администрацией и уважаемой лишь постольку, поскольку превратилась в государственный аппарат. А потому идея правового государства родилась не в англо-саксонских странах, а в лютеранской Германии, где юристы были вассалами власти.

Но есть и другие судебные и религиозные конфигурации. Так, в Индии, где в прошлом веке на основе синтеза кодифицированного права с множеством духовных традиций, обычаев и политики, возник гибридный код, учитывающий в том числе и религиозный фактор. Но его западная рациональность ставила более общую проблему: уважение норм и особенно легитимную иерархизацию в различных культурных пространствах. Действительно, примат легально-рационального и легитимности как ценности выражает европейско-американскую специфику, даже если он претендует на универсальность. Этот примат представляет собой один из вариантов легитимных нормативных порядков. И тогда встает вопрос культурного характера социальных отношений и поведения людей в соответствии со временем, пространством и типом деятельности в перспективе индивидуализма или, наоборот, холизма человеческих групп. То, что нам представляется как разложение или отклонение, связано, зачастую, с *легитимной иерархизацией нормативных лестниц*. Тот, кто нарушает закон, совершает ошибку и обещивает себя в глазах американца. Но тот, кто не глумится над ним (законом) в интересах своих близких, обещивает себя в глазах африканца, бразильца или корсиканца еще больше. Таким же образом понятие бюрократии в Европе прямо связано с рациональностью и легальностью, в то время как в глазах китайца оно связано с силой. Таким же образом, самосуд для представителя Северной Европы является скандальным, чего не скажешь о практике средиземноморья.

Короче говоря, существуют трансцендентные ценности, такие как подчинение Богу и поиск спасения; социальные ценности, как честь и контрценности, подобно стыду; наконец, инструментальные ценности легального или регламентного типа. И логический порядок возникает тогда, когда они с самого верха оказываются в подчинении одних другим. Но этот порядок изменяется в зависимости от общества таким образом, что легальные ценности могут вести и к

неправильным формам, в том числе и в странах с высокой культурой. Одно только наблюдение: здесь проявляется не только ошибка, но специфика легитимного устройства (соотношения) различных категорий норм. Пересекая улицу, свободную от автомобилей, недисциплинированный швейцарец нарушает все моральные права одновременно, от муниципальных регламентов до кальвинистских правил, проходящих через гражданское приличие.

Объединение всех этих проявлений осуществляется не настолько полно в других культурных пространствах. С одной стороны, чувство вины не включается во многие религиозные традиции, которые пересекаются с законом, и, скорее, стыд публичного бесчестья регулирует социальное поведение. Иначе говоря, категория основных социальных ценностей превагирует в этих ситуациях, сглаживая легальные ценности. С другой стороны, такое соотношение не исключает реализма в тех случаях, когда легальная нормативность существует и применяется к вторичным вопросам, которые не могут ставить под вопрос честь. Результирующая такого взаимодействия в Африке является следствием взаимодействия легальности и высших ценностей семейной или клановой солидарности. Оно выражается в невежливости, или анонимности и эгалитаризма закона, который исключает «врагов» или безразличных, тогда как союзники, друзья и родители рассматриваются с позиций общественных ценностей. Это присуще и для средиземноморских обществ, где «семейный аморализм» подталкивает добиваться от государства всего, чего возможно достичь более или менее легальным способом, а в остальном — руководствоваться ценностями.

В конечном счете соотношение нормативных категорий подчиняется двойной логике представлений социальных отношений: одна — коммунитарная, или *холистская*, другая — *индивидуалистская*. Правда, такое разделение не является абсолютным, т. к. и индивидуализм, и холизм перемешаны между собой в разной мере. И эвристическая правомерность такого различия верифицируется в различных культурных и исторических контекстах. Действительно, как представляется, превосходство в определенной среде социальной идентичности, основанной на утверждении индивида, не является в обязательном порядке чертой современности, тогда как холистская идентичность, вписанная в сообщество, не обязательно связана с традиционным

порядком. В реальности экономический индивидуализм проявляется в различных местах и в различные эпохи. Э. Мак Фарлэйн отмечает это уже у английских крестьян в XI—XII вв. С. Попкин, в свою очередь, отмечает существование независимых и «рациональных» крестьянских масс в колониальном Тонкине. Однако эти крестьяне сохраняли верность древним верованиям. Наоборот, холизм может быть присущ обществам, которые определяют как передовые. Такая устойчивость выражается как в политическом смысле их членов, так и в форме организации или действия систем правления. Примером тому может быть Япония.

Граница моделей подчинения или протеста становится в таком понимании неопределенной, но холистская и индивидуалистская модели не теряют своей валидности. Конечно, общее существует. Так, африканские общества, не имеющие в своем большинстве политической традиции, основываются на примате коммунитарной идентичности, достаточно холистской, с учетом вмешательства государства, воспринимаемого как экзогенное; члены такого сообщества, не понимая механизма решения большинства, и даже простого представительства, отдают предпочтение дебатам как методу выработки консенсуса. Таким же образом равнение системы партий в Индии на кастовое разделение являет собой холистскую форму сопротивления. Однако антагонизмы между коммунитарной и индивидуалистской идентичностью нередко дают о себе знать в странах «третьего мира». Так, в Анголе, где управляющие из числа революционеров партии МПЛА, чаще всего, относятся к метисам, которые унаследовали от колонизаторов западные ценности, а представители Униты являют собой холистские массы крестьянства. В Никарагуа, где герильяс из числа *Contra* рекрутированы из представителей сельского населения, возмущение которого вызывает левый индивидуализм сандинистских лидеров, находящийся под сильным влиянием Запада (который их привел к пренебрежению крестьянскими традициями при проведении аграрной реформы).

Можно утверждать, что в обществах, где сильно влияние модерна, сильны и недовольства *эгалитарной абстракцией* индивидуализма, несмотря на наружный блеск институтов. Пример тому — Бразилия и, по сути дела, вся Латинская Америка. Различные касты в Индии также свидетельствуют об этом. Они делают фиктивной легальную анонимность и опираются на этническое сознание, которое является едва

ли не основным цементирующим элементом общества. Это проявляется как в солидарности внутреннее однородных групп, так и в иерархиях престижа и влияния нижестоящих. Более того, используя терминологию Роберто Да Матта¹, система ценностей и позиционирования значительной части плюриэтнических латиноамериканских обществ акцентирует внимание на реальных лицах, включенных в местное или социальное сообщество (в последнем случае национального измерения). Он оценивает индивида платоническим образом — как выражение идеологических принципов, присущих легальным структурам. Но в глубине и на практике, прямые и утонченные связи статуса только и важны, тогда как абстрактный индивид является только темой обсуждения, а сам индивид, лишенный кожи и крови, не является личностью. Если он дистанцируется от сообщества, то последнее пренебрегает ценностями и выходит за его пределы. Это побуждает осмыслить заново средиземноморскую Европу и все западное пространство. Холизм и индивидуализм в нем были всегда, только в разном соотношении в разных странах.

Другой подход определяется границами антропологии. Так, Эмануэль Тодд², который рассматривает *семейные структуры* как матрицу соотношения свободы и авторитета, использует такой подход не только для анализа родовых или клановых обществ, но и для западных обществ. На основе такого подхода он стремится опрокинуть веберовские тезисы о влиянии протестантизма на развитие капитализма и возникновение либерального правления. Для него решающее различие связано не с протестантами и католиками, а с географическими зонами, где, с одной стороны, получил распространение патриархальный и авторитарный стиль (Восток Германии), а с другой — нуклеарная семья (Запад Европы). Политический авторитаризм утвердился позже в первых зонах, тогда как во вторых — получил распространение либерализм. Более того, абсолютно нуклеарная семья в Англии способствовала социальной пластичности, благосклонно относящейся к инициативе и географической мобильности, а также религиозности и идеологичности индивида. Во Франции, наоборот, нукле-

¹ *Da Matta R.* Carnival, bandits et héros. Ambiguités de la société brésilienne. P., 1983.

² *Todd E.* La troisième planète. Structures familiales et systèmes politiques. P., 1983; *Todd E.* L'invention de l'Europe. P., 1990.

арная семья способствовала эгалитарному распределению и передаче наследства детям. Это был нивелирующий принцип. И он был связан с идеей свободы, подчиняя ее идее гарантированного равенства со стороны государства и власти. И хотя такое видение не является в полной мере научным и убедительным, здесь есть место для изучения и размышления.

Кроме того, анализы содержания и воздействия современных культурных моделей политического модерна также должны учитываться. Этот подход исповедовал Н. Элиас. Он использовал как «приходскую» переменную — существование или нет двора, так и переменную политического центра, способного навязать новые нормы населению. Он, в частности, рассматривает, каким образом во Франции политическая централизация опиралась на культуру, в то время как смысл британской политики сохранял аристократический дух, независимый от государства, а немецкая культура, выработанная под влиянием университетов, оказалась, в силу этого, недоступной для универсальных и либеральных принципов Просвещения. Здесь, как справедливо отмечают Б. Бади и Г. Эрме, открывается широкое поле для исследователей не только в ретроспективном плане, но и при изучении новых государств XX в.

2.2.3. Вопрос социального капитала

Некоторые новые повороты в политической теории побуждают иногда возвращаться назад для того, чтобы заново рассмотреть проблему комбинации политической культуры и культурной переменной. Будучи родственными по терминологии, эти концепции противостоят друг другу в своем реальном значении: понятие культуры связано с некой статикой, тогда как культурная переменная связана с идеей изменения. Интерес к данному феномену был вызван к жизни несколько лет назад концепцией социального капитала, предложенной Робертом Патнэмом¹, что активизировало проведение сравнительного анализа, который перед этим оказался в тупике культурного детерминизма в политической области. Предложение Патнэма может быть интерпретировано как попытка преодоления трудности, возникшей на пути использования более приспособленных интеллектуальных и практических инструментов.

¹ Putnam R. The Comparative Study of Political Elites. New Jersey, 1976.

Концепция социального капитала обладает немалой историей. Еще в 1899 г. Т. Веблен использовал ее при характеристике «праздного класса», который в те годы был господствующим в американском обществе. Класс, который, согласно Веблену, использовал этот капитал, вышел из общества для того, чтобы жить за счет труда других¹. После него П. Бурдье вновь обратился к понятию праздности. Он сделал из нее индивидуальный и коллективный атрибут различия, и тем самым — господства членов привилегированной категории. Этот атрибут основан на экономическом (материальная безопасность) капитале, на культурном капитале (качество языка, в частности) и рациональном или социальном капитале (очень тесных отношений), которыми каждый обладает в отличие от обычных людей, эти «капиталы» являются родовыми признаками в символическом капитале, на основе которого элиты обеспечивают свое превосходство.

Кроме того, работы П. Бурдье вдохновили некоторых северо-американских социологов, например, Джеймса Кулемана, который, правда, ориентировался в большей мере на экономику. Экономисты определяют капитал как некое богатство, позволяющее добиваться определенного результата. Д. Кулеман, в свою очередь, интерпретирует социальный капитал как ресурс способа организации экономической и социальной жизни населения или, скорее, как «коллективное благо» (*Public Good*). Никто не может жить изолированно. Индивид вмешивает в практику социальной жизни в форме уважения взаимных обязательств и норм социальной жизни и порождает тем самым отношения доверия, которые выходят за пределы интереса с тем, чтобы создать моральную рамку той или иной группы. Этот капитал стимулирует накопление других видов капитала; так школьный и университетский капитал более высок у детей тех социальных категорий, которые лучше вписаны в общество. Добавим, капитал рационального типа отличается от человеческого капитала, основанного на способностях, знаниях или чисто индивидуальной деятельности.

Но это не вопрос для Р. Патнэма. Он ведет речь о коммунитарном социальном капитале, который он раскрыл в своих исследованиях по сравнительным характеристикам региональных институтов в Италии. Управление регионами

¹ См.: Веблен Т. Теория праздного класса. М., 1984; Желтов В.В., Желтов М.В. Указ соч. С. 499–505.

в Италии является удовлетворительным там, где оно отвечает требованиям коллективного блага. А там, где управление этому требованию не отвечает, оно является неудовлетворительным. Для Р. Патнэма понятие социального капитала обозначает качество институтов гражданского солидарного сообщества, члены которого сотрудничают без задней мысли на основе, с одной стороны, горизонтального доверия, порождающего согласие одних и других, а с другой — на основе вертикального доверия, которое заложено в тех, кто ими руководит на всех уровнях.

Не составляет труда увидеть, что эта концепция в конечном счете не отличается от концепции «гражданской культуры», которая в 60-е гг. рассматривалась как необходимая для демократии поддержка. То есть то, что называлось раньше гражданской добродетелью, которая характеризовала, в частности, демократические общества, близкие к англосаксонской и протестантской модели в идеализированном понимании самих представителей англосаксонцев; или код поведения, основанного на обязательствах граждан в публичных делах, установление связей сотрудничества и взаимности между собой, а также доверия и толерантности. В этих условиях не сводится ли оригинальность вклада Р. Патнэма лишь только к инновации? Или признание такого типа гражданского сообщества может быть только протестантским, т. к. положение Севера и Юга Италии резко отличается в области гражданства. На Юге оно почти отсутствует. Но автор не исключает возможности «огражданствления» жителей Юга Италии¹.

В свое время Дж.С. Милль утверждал, что, они подчинены «двойному обучению деспотизмом и католицизмом», «близкие уроженцам Востока по желаниям и бездействию некоторых жителей Юга Европы». Это суждение, применительно к нашим дням в отношении Восточной Европы, Латинской Америки и Африке было использовано Патнэмом. И тем не менее в остальной концепция социального капитала остается культуралистской и западной. Она постулирует, что этот капитал является неизменным принуждением в обозримом времени. Она подразумевает, что «хороший» социальный капитал соответствует культуре консенсусного гражданского обязательства западноевропейского и северо-американского типа. Исходя из такого

¹ Cf. Badie B., Hermet G. Op. cit. P. 72.

видения, можно полагать, что «негативные» принуждения будут сдерживаться хорошим правлением и самим сообществом. Но это еще нужно доказать.

2.3. Экономические переменные

Учет культурной переменной приводит к выявлению специфики каждого политического пространства. И наоборот, экономическая переменная проявляется, скорее, как параметр их сходства или воспроизводства социальных и политических процессов. И хотя культурное воздействие остается, экономика, способ производства, или уровень развития, похоже, демонстрируют частичную каузальность.

Однако, как отмечают многие компаративисты, нужно избегать научной самоуверенности. В реальности развитие индустриального капитализма и представительного правления наложило отпечаток на демократические представления в Западной Европе. Нарастало понимание того, что экономический детерминизм, или экономическое принуждение, управляет судьбой человека до свершения аграрной революции и решительного развития промышленности. Господство политической экономии тысячелетнего голода после этого сходит на нет в передовых обществах. И ставшая дифференцированной экономика преобразуется в этих условиях в политический ресурс вместо того, чтобы быть первичной детерминантой политики. Относительное изобилие доступных для большинства населения товаров и услуг в наши дни делает осуществление власти менее зависимым от способа производства.

2.3.1. Политическая экономия тысячелетнего голода

До момента, когда технологическая и коммерческая революция в сельском хозяйстве позволила некоторым западным странам накормить, наконец-то, население, нехватка «продовольствия» обуславливала повсюду существование людей и обществ. Эта нехватка определяла социальное и политическое неравенство, а также задавала ритм народного протеста против этой иерархии и против экономического захвата, который ей предшествовал. До наших дней *материальный фатализм* активно воздействует на политику стран «третьего мира» или в бывших социалистических странах Европы, т. е. в тех странах, которые

в послевоенные годы так и не смогли преодолеть нехватку продовольствия и товаров массового спроса.

Доколумбова Мексика представляет чудовищный пример политики постоянного недостатка продовольствия. У ацтеков человеческие жертвы имели не только религиозное значение, но они вызывались к жизни в силу нехватки протеина в рационе питания населения. Жертвоприношение являлось религиозной или ритуальной нормой, оправданием чему основывалось на уровне моральной легитимности. Эта сакрализация как бы оправдывала массовые жертвы. О масштабах указанного явления свидетельствует такая цифра: 15 000 жертв в год в конце XV в. было недостаточным для удовлетворения потребностей в протеине свободного населения. Потребление человечины — удел полусимволический, полудиетический священников и знатных военных. Социальный статус давал возможность получать такое питание, которое обеспечивало превосходство над другими людьми. Иначе говоря, доступ к такому потреблению определял социальный ранг и возможность попадания в аристократию и власть. Захват узников для сакральной бойни определяет захватнический характер политики, а поставщики человечины, наряду со знатными людьми, ощущали себя участниками пиршеств, находящимися в одном ранге с управляющими.

Этот пример представляет собой *ideal-type* детерминизма в развитии общества, неспособного защититься от материального принуждения традиционной нищеты. В таком обществе религия, этические нормы, социальная стратификация и в конечном счете формы правления испытывают на себе давление контекста постоянной нехватки продовольствия. Такой детерминизм смягчается в зависимости от растущей комплексности элит, сопротивления производителей и технологического уровня рассматриваемой территории. Такой пример приводит Карл Виттфогель¹, говоря о «гидравлических обществах» крайнего Востока, в частности Китая. Согласно К. Виттфогелю, деспотизм соответствует политическому устройству способа производства, навязанного естественным субстратом и плотностью народонаселения. Продовольственные культуры отвечают потребностям элит, а также масс населения при условии регулируемой до мельчайших деталей системы

¹ Wittfogel K. Le despotisme orientale. P., 1964.

ирригации. Отсюда вытекает необходимость строгой дисциплины крестьянства, которая обеспечивается сильно централизованным бюрократическим аппаратом. Отсюда же вытекает механизм подчинения, при помощи которого массы соглашаются с господством бюрократии как условия выживания общества. В силу экономической необходимости политическая власть должна быть сильнее общества. И все члены общества вынуждены структурировать социальные группы в соответствии с ней, на базе легитимности, которая является функциональной, даже если обладатели власти получили ее на основе конфуцианства.

Изучавшийся М. Вебером и С. Эйзенштадтом *наследственный геспотизм* Ближнего Востока или Юго-Восточной Азии иллюстрирует тот же феномен и такую же его градацию. Эти формы власти получают развитие в среде малоимущих и технологически отсталых слоев, например ацтеков. Они, правда, не испытывали давления перенаселенности, как в Китае, и его коммерческой изоляции. Отсюда нехватка продовольствия в меньшей степени структурирует социальную жизнь. Еще в меньшей степени она влияет на иерархизацию общества. В таких обществах утверждается более мягкая бюрократическая дисциплина и менее тиранические правила для производителей. Для элит главная проблема не сводится к питанию или к удовлетворению минимальных физических потребностей мусульман. Удовлетворение потребностей населения предполагает в этих странах наличие диверсифицированного, открытого и достаточно инициативного экономического аппарата. Так, если наследственная система власти поддерживает принудительный труд рабов, она должна основываться параллельно на контроле свободных ремесленников, коммерсантов, финансистов, христианских или еврейских меньшинств. Более того, такая система становится эффективной на основе строгого налогообложения, а в остальном — производитель свободен в организации своего труда.

И влияние экономики в этих условиях на политику остается традиционным по сути. Но было бы ошибочным полагать, что экономический детерминизм в этой точке преобразуется в наследственную власть. Она изменяется в среде интересов. Такой была ситуация в Европе до XVIII в., политические формы которой отвечали интересам феодалов, абсолютной монархии и меркантилистов. Однако позднее, в течение двух-трех столетий, власть претерпевает измене-

ние под влиянием технологической революции в сельском хозяйстве и получения излишка продуктов в некоторых странах. В этих условиях экономический детерминизм впервые дает трещину, особенно, если учесть, что в некоторых странах, например, во Франции и Англии, перестают вести бесконечные войны. А потом приходит время, когда получает развитие промышленный капитализм.

Крутой перелом с этой точки зрения происходит в Англии в 1840 г. До этого момента аграрный протекционизм, который определяли *Corn Laws*, гарантировал процветание традиционной земельной элиты, связанной с дороговизной хлеба и нехваткой продовольствия для населения. Однако эта система, порождая нищету, становилась все менее устойчивой, что находило выражение в массовом недовольстве по поводу таможенных тарифов и чартистском движении в 1837 – 1848 гг. В новом историческом контексте, созданном индустриализацией, британский политический класс начинает использовать экономический ресурс в политических целях, освобождаясь от массового давления, которое отражалось в итогах голосования. Жертвуя крупными земельными владениями, влияние которых падало, политический класс отменяет указанные законы. По мере получения доступа к продовольствию обездоленных масс быстро забываются уравнилельного толка идеалы чартизма.

Четырьмя десятилетиями позднее Бисмарк по-своему использовал этот подход. В рамках авторитарного подхода он использовал темы из социалистической программы и создал в 1890-е гг. систему социальной защиты, которая предвосхитила современные подходы в скандинавских странах. Нужно сказать и о том, что он выбил почву из-под ног экстремистских лидеров, отвлекая от революционных действий рабочих, беря их под крыло государства. Такое изменение отношений политики и экономики потом получило повсеместное развитие в индустриальных обществах, приведя к двум следствиям. С одной стороны, это привело к росту ресурса обольщения руководителей, которые стали способными распределять блага, вместо того, чтобы их монополизировать, уменьшая свое господство над ними. С другой стороны, это разрушило фатальные основания народного бунта, т. к. освобождало от угрозы физической и моральной нищеты. Однако экономическая редкость сказывается на власти: «хлебные бунты» нередко дают о себе знать в странах «третьего мира» и оказывают воздействие на политическое

поведение масс. «Политика живота»¹, используя формулу Жан-Франсуа Байара, характерна не только для Африки Южнее Сахары, но и для многих бедных стран, где правительства решают задачу выживания населения.

2.3.2. Воздействие аграрной и промышленной революций

При проведении сравнительного анализа нужно обращать внимание на интенсивность экономической детерминации политики. Экономика почти абсолютно детерминирует развитие в нищенских обществах. В этом случае экономический фактор образует глобальный материальный и обезличенный контекст, подчиняющийся как природным и демографическим, так и технологическим условиям. В то же время политический элемент является менее обезличенным, т. к. власть стремится присвоить редкие блага населения. В обществах, преодолевших голод на основе сначала аграрных революций, а потом и индустриальных, экономика перестает обуславливать политику в виде своего рода автономизации, позволяющей ей приобретать более ясные контуры и статусы, вписанные в организацию и контроль за производством или в том, что Маркс называл способом производства. В свою очередь, как зеркальное отражение этого феномена, политика вписывается в режим правления в его техническом смысле.

Более того, *марксистский подход* предполагает учет генезиса современных форм правления под углом зрения изменений, вызванных способом капиталистического производства, что мало содействует сравнительному подходу. Нацеленный на анализ новых классовых отношений, вызванных экономическими изменениями, марксизм не способен проводить сравнения. Он принижает значение политики, а ее парламентское выражение признается как проявление социальной гегемонии буржуазии, подчиненной интересам способа производства и капиталистического господства. Марксизм игнорирует реальные политические процессы или отказывается признавать их специфическую динамику. С таких позиций, например, он рассматривает либеральную диктатуру, в частности, во Второй империи или фашистские режимы, которые, как известно, порывают с парламентскими традициями власти буржуазии.

¹ Bayart J.-F. L'État en Afrique. La politique du ventre. P., 1989.

Что характерно для подхода сторонников марксизма в оценке фашизма? Во-первых, марксизм ограничивается констатацией аномалии фашистских диктатур по отношению к модели представительной демократии, а деятельность главы фашистского государства интерпретируется не иначе, как обслуживание интересов господствующего класса — буржуазии. Таким же образом ортодоксальные продолжатели дела Маркса рассматривали фашистские режимы как результат заговора «крупного международного капитала» в период падения прибыли и роста социальной неустойчивости.

А. Грамши позднее придет к выводу о том, что детерминизм производственной модели социально-политического развития может приводить в определенных ситуациях к утверждению или представительного политического режима, или авторитарного политического режима. Эта политическая логика развивается в относительно длительной перспективе. И только в 60-е гг. прошлого столетия американские неомарксисты предприняли попытку применения марксистских предположений к генезису современных политических систем не на основе глобальных представлений, а на основе гипотез, подвергаемых неотложной верификации.

Таков подход Б. Мура, чей анализ основан на учете воздействия *английской коммерческой революции* в Англии в начале XVIII в. По Б. Муру, эта революция, как технологическая, так и аграрная, позволила впервые произвести с избытком продовольствие. С этого времени политическая гегемония характеризуется тенденцией перехода в руки независимых социальных групп или, напротив, элитических актеров, которые господствуют в процессе коммерциализации и располагают материальными ресурсами, полученными в итоге своего социального и политического превосходства. В таком видении буржуазная революция и представительные европейские режимы отражают такую ситуацию, в которой новая гражданская элита приобретает эти ресурсы и лишает ресурсов абсолютные монархии.

Иначе дело обстояло с немецким или японским авторитаризмом, где государство долго сохраняло контроль над излишками продовольствия, что служило делу модернизации и поддержания его (государства) господства над обществом. С другой стороны, крестьянские революции произошли в России и Китае прежде всего потому, что буржуазия не смогла обеспечить устойчивый экономический рост для утверждения современного политического господства. А позднее сельские

массы в бывших социалистических странах повернулись спиной к опустошительной коммунистической системе.

В таком же интеллектуальном подходе (*парадигма Экономика—Мир*) И. Валлерстейн уточнил политическое воздействие на начальное капиталистическое развитие. Он ставит в центр своего размышления отношения Центр — Периферия, что близко к представлениям теоретиков зависимости, по бою Ф. Кардозо или С. Амину.

Согласно И. Валлерстейну, современная форма капиталистической Экономики — Мира, появившаяся в XV в. и укрепившаяся в XVIII в., устанавливает такое господство и способы правления, которые являются преимущественно косвенными, т. к. основаны на экономическом превосходстве стран Центра по отношению к странам Периферии, а не на военной силе. В таких условиях подвергаются эрозии статические барьеры, которые мешают движению товаров и денег. Это ведет к ослаблению авторитета в странах Центра и утверждению либерального и представительного правления, а в странах Периферии — к утверждению вассальных и полностью зависимых правительств. Между ними — страны Полупериферии. В них утвердилась амбициозная власть, которая стремится достигнуть экономического могущества, а на его основе — прийти в Центр мировой системы. Правительства в них приобретают, как правило, авторитарную форму, а их военная сила может играть роль «жандарма» глобальной системы по отношению к слаборазвитым странам Периферии. Так это было в Пруссии и России в XVIII — XIX вв. Так сегодня смотрят Бразилия и Иран (шах в Иране).

Аналитики *политических измерений индустриальной революции* в меньшей степени привержены марксизму. Такой подход исповедует, к примеру, историк экономики Дэвид Лэндс¹, когда заявляет: если индустриальное развитие осуществлялось правящим режимом, то оно является запаздывающим изначально и проводится во все более дорогостоящем технологическом режиме, что требует вмешательства государства и усиления его авторитета. Говоря о западной политической динамике, Александер Гершенкрон² и Карл де Швейниц³ применяют такое утверждение к Западной Ев-

¹ *Landes D.* L'Europe technicienne ou le Prométhée libre. P., 1975; *Landes D.* Richesse et pauvreté des nations. P., 2000.

² *Gerschenkron A.* Economic Backwardness in Historical Perspective. Cambridge, 1962.

³ *De Schweinirz K.* Industrialisation and Democracy. New York, 1964.

ропе и показывают, что в Великобритании указанные выше преобразования сопровождались парламентским либерализмом, тогда как в Германии и во Франции — авторитаризмом Бисмарка и Второй империей. То же самое можно сказать о Японии эпохи Мэйдзи¹, а также о царской и советской России. Нечто подобное имело место в странах народной демократии после Второй мировой войны. Эти страны были вынуждены встать на путь индустриального развития, что требовало интенсификации влияния государства на общество.

Размышления указанных двух авторов продолжают Дэвид Коллье², Джеймс Курт³ и, правда, несколько иначе, Гильермо О'Доннел⁴. Они сосредоточивают свое внимание на *политических последствиях современной фазы индустриализации* в наиболее передовых странах «третьего мира». На основе изучения испанского прецедента в индустриальном развитии в 60-е гг. прошлого столетия они приходят к выводу о том, что быстрые экономические изменения предполагают активное правительственное действие и способность власти в случае необходимости прибегать к социальным репрессиям. А это легитимизирует более или менее диктаторские действия государства и власти в руководстве обществом.

Бразилия, а также Южная Корея, Тайвань и даже Алжир в проведении преобразований использовали механизм принуждения по отношению не только эксплуатируемых рабочих, но также и по отношению к местным элитам, которые опасались утраты прибыли и влияние в стране. Подобный анализ Г. О'Доннел делает применительно к Латинской Америке, в частности, к Бразилии, где использовался опыт Китая, Северной Кореи и даже СССР начальных лет проведения политики индустриализации.

Д. Коллье⁵ и Д. Курт, опять же на примере Испании, показывают, что индустриализаторский авторитаризм, проводя

¹ Мэйдзи (яп., букв. — просвещенное правление) — официальное название периода правления (с 1868) японского императора Муцухито.

² Collier D. (ed.) *The New Authoritarianism in Latin America*. Prinstone, 1979; Collier D., Norden D. Strategic choice models of political change in Latin America // *Comparative Politics*. № 24 (2), janvier 1992.

³ Kurth J. Political consequences of the product cycle: industrial history and political outcomes // *International Organization*. № 33 (1), hiver 1979.

⁴ O'Donnell G. *Modernisation and Bureaucratic Authoritarianism*. Studies in South American Politics. Berkeley, 1973; O'Donnell G., Schmitter Ph. (eds.) *Transitions from Authoritarian Rule*. Baltimore, 1986.

⁵ Collier D. (ed.) *The New Authoritarianism in Latin America*. Prinstone, 1979.

социальные и идеологические трансформации, подрывает собственную основу. «Консервативная авторитарная модернизация», в частности, изменяет равновесие господствующих групп, ослабляет традиционные элиты перед лицом новых, политически более открытых элит. Таким же образом большинство населения стремится выразить более качественные надежды (политические), начиная с того момента, когда материальные потребности получают большее удовлетворение. Более широко, строгость диктатур, их открыто принудительный характер все меньше отвечают потребностям индустриальных обществ, ставшим более комплексными. Эти общества основываются на процедурах переговоров в большей мере, чем на репрессиях. Таким образом, потребности индустриального развития почти естественно выявляет неприспособленность авторитаризма к новой ситуации, что не могут не осознавать и сами политические руководители стран, вступивших на путь индустриального развития.

2.4. Политические переменные политики

На первый взгляд такой подзаголовок может показаться неправомерным, т. к. *переменная анализа не должна совпадать с изучаемым объектом и что важно, напротив, чтобы она имела бы возможность влиять на политику, отличаясь от нее*. Но названный нами подход подчеркивает тот факт, что категории культуры и экономики не являются единственными в детерминации политики, да к тому они сами испытывают ее влияние на себе.

При проведении сравнительного анализа необходимо учитывать и многие другие элементы, например, демографию, этнический фактор, особенно в странах с неоднородным этническим составом населения. Очевидным является тот факт, что сказывается влияние разных политик, которые пересекаются между собой иногда независимо друг от друга, иногда в зависимости от времени происхождения, иногда в силу различия их логики. Именно в этом последнем случае необходимо признавать существование *политических переменных политики*.

Нельзя не видеть и того, что существуют также принуждения, физические в некотором смысле, управление которыми может быть только политическим. Речь, например, идет об измерении политического пространства, которое может быть изолированным или соседствующим с другими пространства-

ми. В последнем случае многое зависит от того, каковы отношения между соседствующими пространствами: подвержены ли они, к примеру, взаимопроникновению или нет.

Другие переменные коренятся в мировом времени, т. к. каждая эпоха характеризуется политической похожестью. Наконец, действия самих политических агентов образуют переменную анализа и сравнительно независимое сравнение, в меру того, как эти актеры преодолевают структурные или культурные принуждения, которые довлеют над ними с тем, чтобы создать политику в соответствии с их рисунком, тогда как некоторые социальные или политические актеры уступают указанным принуждениям под давлением среды. Короче, *политическая воля может образовывать независимую переменную.*

2.4.1. Принуждения пространства

Островное положение способствует развитию общей идентичности населения: оно предлагает также, в большинстве случаев, преимущество для тех, кто образует пространство объединенной власти. Едва ли здесь нужна аргументация. Острова, особенно небольшие, имеют ограниченную территорию. Это способствует контактам между жителями, а также создает предпосылки для установления эффективного контроля над людьми со стороны правителей и способствуют естественному объединению населения против внешнего врага. Политическое господство на островах менее дорогостоящее, т. к. требуется меньшая военная сила для защиты территории. К тому же сама власть потребляет меньше денег и нуждается в меньшем числе людей для управления, чем в странах с открытыми пространствами, где политическое единство приобретает силу, а само развитие также предполагает опору на силу.

Примеры Великобритании, Австралии или Японии подтверждают это. В Африке, на Мадагаскаре уже в XIX в. образовалась единая политическая совокупность, первая южнее Сахары. Короче говоря, раннее развитие государства оказывается следствием преимуществ островного характера общества. И наоборот, государственное строительство на широком и открытом континенте происходит в обстановке соперничества и конфликтов, которые задерживают это строительство. Такая закономерность активно заявила о себе в период, начиная со Средних веков до начала XX в. Это подтверждается на

Среднем Востоке (Индия, Магриб, Африка южнее Сахары). Козыри островного положения следует понимать и в широком смысле. Изолированность и удаленность политического пространства от конфликтов облегчает решение многих вопросов, что наглядно подтверждает пример США.

Вне зависимости от того, используются или нет выгоды от островного положения, политическое ядро на пути объединения испытывает принуждение изначального измерения. В самом общем виде «создатели государства» имеют возможность создать прочное основание, если с самого начала знают о своих территориальных притязаниях. Они, в частности, имеют возможность в меньшей степени использовать внутреннее принуждение и устанавливать более гармоничные отношения с подвластными. И наоборот, те, кто стремится контролировать большие территории, или те, кто не может избежать действий своих соперников, вынуждены утверждать деспотическое правление и утверждать более тяжелые налоговые и человеческие условия для населения. Распыленные политические пространства в Европе и концентрированное пространство в Китае являются в этом отношении контрастными, на что указывают сначала Отто Хинц¹, а потом Пол Кеннеди². Вместе с тем вмешивается и технологическая переменная в этой области. До конца XVIII в. политическое пространство определялось способностью контроля вооруженных всадников или пеших людей. Позднее это определяется возможностями коммуникации, которая радикально отличается в индустриальных и не индустриальных странах.

Можно утверждать, что, начиная с XIX в., роль измерения государства радикально меняется. С этого момента расширение политического пространства определяется военно-экономическим могуществом и внутренним единством. В этих условиях весьма трудным становится выявление различия политической переменной от экономической. Это становится фактом с начала промышленной революции. Данный феномен формализуется в США, где федералист А. Гамильтон выдвинул тезис объединения нации, государства и экономики в перспективе развития сильной национальной власти и даже контроля над пространством производства и рынком для того, чтобы обеспечить независимость и способность вмешательства страны. В то время эта цель

¹ Hintze O. Historical essays. New York, 1975.

² Kennedy P. The Rise and Fall of the Great Powers. Economic Change and Military Conflict from 1500 to 2000. New York, 1987.

предполагала таможенный протекционизм в большей мере, чем экономический волюнтаризм государства. Современное понятие национальной экономики не установлено тем не менее. Оно было раскрыто экономистом Фридрихом Листом¹ в Германии. Лист опирался на концепцию Гамильтона, с которой ознакомился в течение своего пребывания в США в 1820 г. Он ее отразил в понятиях национальной экономики (*Nationalökonomie*) и народной экономики (*Volkswirtschaft*), которые он рассматривал в качестве инструмента развития немецкой нации для вхождения в общество будущего. По Листу, выживание государства является императивом: императивом минимального или оптимального измерения как пространства производства и рынка, способных гарантировать рост экономики в интересах реализации политического проекта. По Листу, «население и территория, обладающая естественными ресурсами, являются важными условиями нормального существования нации... Малое государство никогда не сможет внутри своей территории обеспечить разные отрасли производства». Иными словами, невозможно основать государство-нацию, достойное этого термина. Более того, малые нации не могут независимо существовать. Начиная с 1850 г. увеличение малых государств получило осуждение, т. к. стало ясно, что необходимо создавать большое государство. Эту логику в современных условиях воплощает стратегия региональной и европейской интеграции².

Пространственные принуждения вытекают и из международного окружения стран. Так, в XV—XVII вв. отдаленность стран от Ватикана способствовала возникновению современной политики в обществах Севера Европы. Это же самое можно видеть в Марокко, где близость к Европе сказывается во влиянии последней, и наоборот, отдаленность от центра мусульманской веры ослабляет его влияние.

2.4.2. Мировое время

Понятие окружения проявляется и через хронологическое измерение геополитической логики, или того, что Заки Лаиди называет «мировым временем». Вслед за Тедом Скокполом, он отмечает, что существует временная артикуляция в виде мирового идеологического рынка, вследствие

¹ List F. *Système national d'économie politique*. P., 1998.

² Badie B., Hermet G. *Op. cit.* P. 81.

воздействий которого революционные изменения в одни периоды проявляются, а в другие — нет. В этой перспективе Рейнхарт Бендикс напоминает, что Англия не была менее зависимой от внешних рынков, чем Испания в XVII в., но она в транснациональном идеологическом окружении следующего века испытывала ферменты своей технологической, экономической и политической революции. Поднимаясь выше по времени, Отто Хинц отмечает, что возникновение государства в Европе в меньшей степени подчинялось функциональной необходимости, чем *имитационному действию*, вызванному воспоминаниями о больших политических пространствах античного мира, в частности, Римской империи. В XX в. развитие государственности в Африке представляет собой в значительной мере феномен того же порядка, но с ориентацией на Европу. Подобным же образом фазы авторитаризма и демократии достаточно регулярно сменяют друг друга, в том числе и в западном мире, таким образом, что можно полагать, что существует циклическое чередование времен политической закрытости и позволительности. Особенно если речь вести о Латинской Америке. Это же можно сказать и об азиатских исламских странах.

Этот же механизм вмешивается в *область международных отношений* и в *осуществление власти*. XVII в. и начало XVIII в. характеризовались формами господства и отношениями, основанными прежде всего на военном превосходстве. В последующем, и вплоть до 1914 г., международное равновесие основывалось на экономическом могуществе нескольких европейских стран, а потом, с 1914 до 1980 г., — вновь на военной силе. Но потом вновь, с прекращением конфликта Восток — Запад, на передний план вышли экономические факторы. Понятно, что временные параметры такого развития событий затрудняют проведение систематизированного сравнения. Более того, оно оказывается неприемлемым, т. к. подвергает исследователей опасности впадения в догматизм классических детерминистских теорий.

2.4.3. Основные институты и политическое действие

Остается выявить воздействие самого политического действия как переменной сравнения. Тяжелые элементы (культурные, материальные и продуктивные, пространственные или временные), которые определяют динамику

власти и ее оспаривания, воздействуют при помощи двух политических посредничеств: с одной стороны, того, которое основывается на прежних исторических или институциональных завоеваниях, а с другой стороны — того, что коренится в личных или коллективных действиях управляющих и политических агентов.

В первом приближении Р. Бендикс, а также С. Роккан обратили внимание на *последовательную природу политических процессов*. Изначальная конфигурация территориально определенной или неопределенной власти, власти более или менее централизованной, влияет на форму, которую приобретает в последующем государство или система господства. В свою очередь, эта последовательность процесса этатизации определяет территориальные, административные, человеческие и даже ментальные рамки последующих шагов формирования правящих групп, потом расширения или ограничения народного участия.

Форма государства имеет особое значение. Вплоть до наших дней она определяет контуры политического движения в обществах, которые осуществляют модернизацию, например, в Индии или Африке, включая и Индонезию. Она создает основание для осуществления стратегии имитации или отказа от нее в странах «третьего мира», позволяя правящим группам использовать идеологические или материальные ресурсы общества. Так, П. Бирнбаум и П. Андерсон показывают, как формы возникновения централизованной власти в Европе определили последующее политическое развитие стран, которое находилось под их контролем. Абсолютизм определил судьбы Франции и Германии. Наоборот, его поражение в Англии определило иную судьбу этой страны. Таким образом определилась граница между обществами Старого континента, модернизация которого осуществлялась под эгидой государства, и обществами так называемого «Центра» (П. Бирнбаум), понимаемого как более широкие внегосударственные, в том числе, проявления национальной легитимности. Этот раздел остается фундаментальным в западном мире.

Обращаясь к воздействию институциональных структур на артикуляцию в длительной перспективе политических систем, а также на их «производство» в области публичной политики, сравнительный анализ вписывается в рамки *теории неинституционализма*. Речь идет о парадигмах Дж. Марча и М. Олсона, опирающихся на теории рационального вы-

бора или исторического анализа, которые основываются на том принципе, что созданные политические институты страны или международный политический режим самой своей логикой порождают определенные способы действия. В этом смысле институты превращаются в некотором смысле в независимые переменные. Переменные, которые определяют то, что политические актеры предпринимают такие действия, которые власть не позволяет избежать. Они оказываются как бы предписанными.

Сторонники такого подхода полагают, что институты структурируют политический выбор политических актеров. Своей пионерской работой об американском конгрессе Кеннет Шепсл¹ в 1979 г. заявил о своей позиции, которая оказала значительное влияние на политологов и социологов. В последующем специалисты публичной политики или государства всеобщего благоденствия использовали эту методологическую ориентацию (Фрэнсис Кастелс, Кристофер Пирсон, Коста Эспин-Андерсен, Питер Холл, Питер Флора, Бруно Палие, Уолтер Корпи, Гарольд Виленски).

Сторонники исторического измерения опираются на *исторический институционализм*. Структурируемый в теоретическом плане Стивенем Стейнмо², он опирается на историческую социологию Теда Скокпола или Питера Флора, Питера Катценштейна или Питер Холла, а также сторонников *Рационального выбора* в лице С. Попкина, Д. Норта и других. Их подход отличается изучением отдаленного генезиса политических институтов, а также опирается на эмпирическую и сравнительную оценку их влияния в длительной перспективе на политические траектории рассматриваемых политических систем. В этом случае вновь сравнение фискальной или социальной политики занимало центральное место в их работах по скандинавским и англо-саксонским странам.

В то же время качества политических элит, а также действия крупных руководителей при сравнении не могут не учитываться. Они иногда являются существенным мо-

¹ Shepsle K.A. Institutional arrangement and equilibrium in multidimensional voting models // *American Journal of Political Science*. № 23. 1979.

² Steinmo S. *Taxation and Democracy: Swedish, British and American approaches to financing the modern state*. New Haven, 1993; Steinmo S., Thelen K., Longstreth F. (eds.) *Structuring Politics: Historical Institutionalism in Comparative Analysis*. Cambridge, 1992; Steinmo S., Tolbert C.P. Do institutions really matter? Taxation in industrial democracies // *Comparative Political Studies*. № 31 (2). 1998.

ментом анализа. *Индивидуальные или коллективные актеры* реальных процессов могут оказывать существенное влияние на их решения. Тяжелые «предварительные условия» политической игры ощущаются через их посредничество, т. е., говоря иначе, через их способность извлекать выгоду из обстоятельств или преодолевать их. Осуществление авторитета изменяется при появлении новых институтов (здесь уместно вспомнить о демократическом транзите). В краткосрочной и среднесрочной перспективе решающие политические актеры могут преодолевать выгоды данной среды или подчиняться ей. Волонтаризм руководителей процесса изменения или стабилизации является одной из осей сравнительного анализа с точки зрения их способности адаптироваться к принуждениям окружения.

Действия В.И. Ленина в большевистской партии являются во многом определяющим фактором политического процесса России начала XX в. То же самое можно сказать о Бисмарке в Германии, А. Тьера во Франции в 1871 г., короля Хуана Карлоса и Адольфо Суареса после 1975 г. в Испании. Эта переменная действия влияет в краткосрочной перспективе, но она может оказывать решающее влияние и среднесрочной, и в долгосрочной перспективе. Британская модель во многом была определена либеральной элитой в 1830 – 1850 гг. Во Франции сказалось влияние революции. В свою очередь, современный авторитаризм в странах Латинской Америки является результатом неспособности к активному и результативному действию демократических лидеров.

Встает, однако, фундаментальный вопрос. Какова роль решающих актеров в стратегиях как выражения намерений? Или они действуют в соответствии с возникающими условиями, как считают сторонники теории политических кризисов (Г. Алмонд, С. Флэнаган, Д. Кулеман, М. Добри)? Они исходят из того, что стратегия актеров в условиях кризисов вырастает под влиянием серии разнообразных воздействий. Ясно одно: сравнительный анализ должен быть свободен от догматизма, основанного на признании того, что кризис является следствием воздействия одной единственной причины. Монокаузальность, или признание кризиса как порождения только одной, пусть даже и очень важной причины, не существует в политической области. Правилom является содетерминация, иначе говоря — параллельное воздействие целого ряда причин.

ЧАСТЬ II

ПОЛИТИЧЕСКАЯ ВЛАСТЬ КАК ОБЪЕКТ СРАВНЕНИЯ

Одним из ключевых объектов сравнения в политической науке является власть, ее распределение в различных обществах. Власть являет собой уникальный социокультурный феномен, являющийся порождением и созданием человека и общества в целом. Она выступает едва ли главным в политике, т. к. в понятии «власть» выражается способность воздействовать на людей определенным образом.

В понятии «власть» находит выражение вероятность тех или иных социальных событий и условия их реализации, ресурсы и их использование, возможности достижения определенных социальных целей и их границы, т. е. важные стороны общественной жизни, связанные со сферой социального контроля и управления. Выражая относительно устойчивую способность индивидов и групп реализовать свою волю по отношению к другим индивидам или группам, «власть» незаменима при объяснении социальной стратификации и политического неравенства; она позволяет понять, почему люди вынуждены мириться с несправедливым социальным устройством, дискриминацией и угнетением, будучи не в силах что-либо изменить.

Во-вторых, указывая на социального субъекта, ответственного за определенный результат в отношениях с другими социальными субъектами, «власть» играет важную роль в моральных оценках человеческих действий и событий. «Когда мы говорим о выборах, социальных конфликтах и государственной политике, — отмечает Дж. Исаак, — мы стремимся объяснить события и процессы в политическом мире, возлагая ответственность за них на определенных людей и социальные институты»¹.

¹ *Isaac J. Power // Encyclopedia of Government and Politics / ed. By Mary Hawkesworth and Maurice Kogan. Vol. 1. London, 1992. P. 56.*

В-третьих, понятие власти играет важную роль в анализе социальных изменений, источников трансформации и развития общества. «Власть» указывает на связь между социальными событиями и индивидуальными или групповыми действиями, способствуя тем самым объяснению эволюции социальных процессов, например, эволюции политических режимов, бюрократизации государственной организации или движения к демократии. Как справедливо отмечает В.Г. Ледяев, «власть» не только подразумевает возможность изменений в социальной системе, она делает понятным, почему те или иные политические события происходят или не происходят¹.

Сравнение по линии власти и властных отношений предполагает выяснение компаративистом самого понятия власти. Феномен власти является многомерным, а подчас даже трудно уловимым понятием. Даже в повседневном обиходе это слово употребляется во многих различных значениях. Судьба властна над человеком. Привычка властна над курильщиком. Отец властен над детьми, государство — над подданными.

В политической науке говорят о власти классов, социальных групп, техноструктур, элит. Сравнительный анализ общественных отношений предполагает учет власти групп давления, политических партий, профсоюзов. Анализ властных отношений в той или иной мере связан с властью знания, средств массовой информации, рекламы и опросов общественного мнения. Феномен власти предполагает учет компаративистом власти идеологий и философии, власти религии и магии².

Даже столь беглый обзор различных проявлений власти свидетельствует о том, что проведение сравнения в поле властных отношений оказывается непростой задачей, особенно, если учесть, что в настоящее время существует множество политических теорий и парадигм, в которых с той или иной мерой полноты освещается этот феномен. Добавим к этому и то, что власть отличается известным разнообразием форм, которые она приобретает во времени и пространстве. Сравнение политолога предполагает ограничение в использовании подходов и учет различных типов власти.

И тем не менее в политической науке утвердился подход, в котором власть рассматривается как отношение.

¹ Ледяев В.Г. Власть: концептуальный анализ. М., 2001. С. 12–13.

² См.: Желтов В.В. Теории власти. Кемерово, 2005.

Впервые он был изложен американским политологом Робертом Далем в 1957 г.

Даль интерпретировал **власть** в терминах причинности. Звучит это следующим образом: «**А** располагает властью над **В** тогда, когда **А** является причиной определенного поведения **В** при условии, что без воздействия со стороны **А** тот вел бы себя иначе».

Первое и самое главное, что заложено в определении Даля, — это понимание власти как отношения. Не имеет никакого смысла говорить о власти, не уточняя, по отношению к кому эта власть может быть применена. Более того, каждому типу взаимоотношений свойственны особые, только ему присущие характеристики власти. Власть может выступать как результат относительного равновесия самых разных ресурсов, находящихся в распоряжении властвующего и подвластного индивидов, — денег, времени, знаний, оружия, связей, социального статуса и т. д. **А** властен над **В** именно в силу того, что он располагает большим объемом какого-то из этих ресурсов (или сразу нескольких), а иногда — если он превосходит **В** по способности эти ресурсы использовать. К тому же нередко находится некий **С**, власть которого простирается и над **А**, и над **В**. Разумеется было бы грубым упрощением относить сказанное только к отдельным индивидам. Такой подход вполне применим и к политической системе, например. Так, не имеет смысла говорить о власти американского президента вообще: по отношению к Конгрессу — это одна власть, по отношению к Верховному суду — другая, по отношению к средствам массовой информации — третья.

Вторая особенность определения Р. Даля состоит в том, что оно не учитывает средства осуществления власти. А они, как известно, очень разные: это и насилие (или угроза его использования), и подкуп, и манипуляция, и убеждение, и переговоры, и т. д. Другой важный источник власти — авторитет, когда **А** подчиняется **В** в силу признания за **В** права отдавать распоряжения или, допустим, полагая, что это в его собственных интересах. В большинстве случаев власть представляет собой комбинацию насилия и авторитета, хотя соотношение ингредиентов этой смеси может сильно варьироваться в разных обществах.

И последнее. Из определения Р. Даля вытекает, что одного намерения **А** оказывать влияния на взгляды и поведение **В** явно недостаточно. Должно также существовать

обоснованное убеждение, что приказание будет выполнено, что оно встретит повиновение. Таким образом, далеко не каждый, кто притязает на власть, реально ее имеет: нередко бывает так, что власть превращается в фикцию в связи с массовым повсеместным невыполнением ее распоряжений. В то же время не так уж редки случаи, когда подчинение **В** предшествует явному волеизъявлению **А**, ибо подвластный индивид знает, какое его поведение устроило бы властвующего. Иными словами: *правильное понимание власти невозможно без учета позиции подвластного индивида*. То же самое относится и к каждому элементу политической системы. Так, в демократическом обществе правительство всегда стремятся избегать шагов, которые настраивали бы избирателей против него¹.

При проведении сравнительного исследования далеко не все концепции власти оказываются одинаково полезными. Как отмечают французские компаративисты, предпочтение при проведении сравнения предпочтительнее отдавать более широким и экстенсивным определениям власти. Примером такого рода концепции является, в частности, определение власти, которое использовал в своих работах американский социолог Т. Парсонс. Он понимал власть как способность добиваться того, чтобы элементы системы коллективной организации выполняли свои обязательства в достижении определенных целей или результатов.

Это ставит ряд ключевых вопросов в рамках сравнительной политологии: каким образом политический порядок навязывается, т. е. каким образом он обязывает управляемых подчиняться и каким образом следит за исполнением этих обязанностей? Как утверждается политический порядок, кем и на основе чего он устанавливается?

Сравнение предполагает, значит, проведение анализа *динамики*, т. е. способов образования и трансформации политического порядка. Эти способы никогда не являются заданными заранее, неизменными. Они образуются исторически, через те или иные социальные события, даже случайности, а также через устойчивые и нередко предсказуемые принципы, учитывающие социальную структуру и культуру данного общества.

Прежде всего обратим свое внимание на то, что можно назвать *западной политической динамикой*.

¹ См.: *Голосов Г.В.* Указ. соч. С. 36–38.

ГЛАВА 3

ЗАПАДНАЯ ПОЛИТИЧЕСКАЯ ДИНАМИКА

Механизм, вследствие воздействия которого появилось то, что французы, немцы, бельгийцы или итальянцы называют государством, не является единственным в процессе возникновения централизованной власти, даже в ее современной версии. В качестве автономного и специализированного политического авторитета государство получило и другие названия в англосаксонских странах: правление, корона, федеральное агентство или департамент. В Испании термин «государство» вступал в противоречие с общепринятым смыслом: им обозначалась старая деспотическая версия правителей из числа коронованных особ в Мадриде.

Следует, правда, сказать о том, что в Европе европейцами государство рассматривается как универсальная необходимость. В странах Евросоюза, объединяющего ныне большинство стран Западной, а теперь еще и некоторые страны Восточной Европы, в последние годы государство по-разному характеризуется в разных странах. В других политических пространствах, где до сих пор в большей или меньшей степени сказывается еще наследие колониализма, также сформировались и действуют государства, что может создавать впечатление о том, что в государственности будто бы находит свое выражение политическая судьба всего человечества. Фактически, как отмечают Б. Бади и Г. Эрме, такое понимание напоминает собой некую абстрактную модель, оправдывающую любые интерпретации¹.

В то же время нельзя не видеть и того, что возникновение централизованной власти (власти центра) получило исторически наиболее полное выражение в государствах Западной Европы. Это и объясняет первостепенное внимание к власти Центра, к условиям ее формирования в изучаемом нами курсе. С одной стороны, такой подход позволяет исследовать изначальные моменты, связанные с возникновением госу-

¹ *Badie B., Hermet G. Op. cit. P. 93.*

дарства, а с другой — позволяет провести сравнение властной организации в государствах Европы с политической властью и ее организацией в странах Северной Америки. Это тем более важно подчеркнуть, что государства в Европе, обеспечивающие подчинение управляемых, стали единой, хотя и разнообразной формой политической организации общества. На этом пути открывается возможность анализировать и учитывать динамику политического строительства.

Справедливости ради нужно сказать, что государство в странах Западной Европы и Северной Америки не единственный фактор, определяющий их политическую специфику. Они отражают только первую фазу этого процесса. С XII до XIX в. процесс создания государства как автономного центра авторитета заложил только основу незаконченного акта; государство формировалось как структура монопольного командования на данной территории. И нужно было обеспечить легитимность государства и власти в глазах населения на основе новых отношений государства с прежними субъектами власти — королями или принцами. В XVIII в. с **крушением королевского абсолютизма** с его теологической и наследственной легитимностью абсолютистское государство в Англии, Северной Америке, Франции и Нидерландах провалилось. И только современная версия этатической организации, созданная позднее, спасла государство от полного крушения. Это стало следствием того, что в целом ряде стран утвердился новый способ легитимации власти. Отныне *власть стала* не теологической по сути, т. е. связанной с личностью суверена, а *абстрактной и метафизической*.

Инструментом легитимации власти стала идея национальной идентичности. В соответствии с этой идеей государство-нация, пришедшее на смену государству-администрации, получает свое оправдание. Однако речь шла и идет в наши дни не только об идентификации управляемых (населения) перед лицом авторитета, что, конечно же, важно. Задача власти состоит и в том, чтобы заставить население признать правомерность и, повторим, легитимность этой власти. Население, или, говоря иначе, субъекты властных отношений, включая и носителей власти, отныне подчинялись власти на основах новой легитимности. Иначе говоря, постепенно складывались новые взаимоотношения с властью, в рамках которых происходило становление гражданства, которое распространялось и на новых управ-

ляющих, которые строили свои отношения с населением без прямой связи с религиозной или иерархической легитимностью. Выходило так, что политик, ставший автономным, предстает легитимным в политическом смысле. И этот смысл не основывается на трансцендентном основании. Он опирается на народный суверенитет. Так родилась новая легитимность, получившая наименование «демократия», а ее триумфальное идеологическое и институционное шествие в лице демократической политической организации завершается в современном политическом модерне на Западе. И этот политический модерн выражает и характеризует режимы правления, а не только центральный аппарат¹.

Политическая динамика

Что следует понимать под современной политической динамикой? Она предстает как механизм разделения труда, на основе которого возникло государство, а также как консолидация демократических отношений между управляющими и управляемыми (эти отношения увековечивают легитимность государства, одновременно изменяя демократию).

Что это означает? Современная западная политическая динамика учитывает и отклонения от демократии, и все то, что связано с ее торжеством. В этой связи для анализа политической динамики необходим учет авторитарных проявлений в Европе. И эти проявления имеют интерес для компаративиста, хотя бы потому, что авторитаризм существовал достаточно долго как некий этап на пути к современному пониманию суверенитета. Как известно, современные демократические правления появились в процессе государственного строительства в 1945 — 1975 гг. А до того демократические правления были распространенной формой в период с 1920 по 1940 г. Но в эти годы заявили о себе сразу две формы тоталитарного правления. Речь идет о фашизме и социализме.

3.1. Предварительное условие для возникновения государства

М. Вебер использует широкое и в чем-то, может быть, даже спорное определение пространства суверенитета, т. е. государства в широком смысле слова, когда пишет, что

¹ Cf. Badie B., Hermet G. Op. cit. P. 94.

«ассоциация на основе авторитета будет называться политической ассоциацией, если осуществление присущего ей порядка обеспечено непрерывным образом внутри данной территории использованием или угрозой использования физической силы со стороны ответственных административных лиц»¹. Бесспорно, понятия авторитета, навязанного порядка с возможным использованием физической силы и непрерывности, по крайней мере относительной, администрирования достаточно полно и определенно характеризуют государство или его первичные элементы.

В итоге таким образом понимаемая идея ассоциации является определенным упрощением. Конечно, договор о взаимной поддержке, скрытой или открытой, которую он предполагает, может существовать изначально, как и при феодальной власти. Но такой договор подвержен риску при обычном *фактическом* суверенитете. Термин «ассоциация» связан с равенством партнеров, или управляющих и управляемых, что не подтверждается практикой даже в швейцарских кантонах.

В этих условиях связывается, с одной стороны, осуществление принудительного авторитета в рамках определенной территории, а с другой — стремление авторитета утвердить собственный, т. е. политический порядок, отделенный от порядка религиозного. В этом случае понятия приобретают известную определенность. Власти, которые не стремятся вписаться или не могут вписаться в фиксированное, политически определенное пространство, не образуют государства в классическом смысле. Они им не становятся и тогда, когда им не удастся утвердить первенство политического порядка по отношению ко всем иным порядкам, прежде всего на уровне практики, если не в принципах. Кроме того, нужно учитывать то большое значение, которое М. Вебер, а потом Р. Бендикс уделяют феномену наследственности. Наследственность власти позволяет выявить решающий момент на пути к государству. Государство образуется тогда, когда государь или управляющие перестают рассматривать власть, ее материальные атрибуты и моральные или статусные выгоды как личный приоритет; точнее, образование государства начинается с момента, когда наследственная практика вписывается в бюрократическое устройство как выражение рационального централизованного авторитета. Оба указанных нами меха-

¹ Weber M. The Theory of Social and Economic Organization. New York, 1954. P. 154.

низма — приобретение политическим порядком автономии и его последующая бюрократизация — реализуются не на параллельных курсах. Именно соединение этих механизмов закладывает основу государства западного типа.

Осмысление *этактической динамики* (или становления государственности) позволяет ее рассматривать, скорее, как продукт, нежели как генезис. С точки зрения генезиса процесс формирования западного государства опирается на процесс становления последовательных элементов государственности, которые, по Ч. Тилли, представляют собой: образование вооруженной силы; создание налоговых органов; формирование полиции; контроль за продовольственными запасами; образование специализированного административного персонала, позднее — регулирование экономической деятельности; утверждение определенной идеологии и преследование имперских целей. Понятно, что указанный процесс становления государственности охватывает длительный период времени и не учитывает взаимозависимости различных составляющих. Фактически, создание армии и налогообложение идут на параллельных курсах, т. к. власть нуждается в ресурсах для содержания постоянной армии. Стремление очертить границы территориального пространства суверенитета также вписывается в это возникающее, но еще пока примитивное государство. Потребность в политической организации диктуется необходимостью определения области налогообложения и набора солдат. Изначально все остальное не так уж и важно, тем более что юстиция в большей мере, чем полиция, утверждает суверенитет тех, кто правит, конечно же, при помощи силы, но удовлетворяющей в то же время потребность высшего арбитража со стороны населения. На этой изначальной стадии западная динамика не отличается от всех иных.

3.1.1. Управление продовольственными запасами и мобилизация ресурсов

Н. Элиас¹ и особенно О. Хинц² показали в своих работах воздействие пространства и окружения на государственное строительство на первом этапе формирования европейских политических совокупностей. Когда говорят о государстве,

¹ Elias N. La dynamique de l'Occident. P., 1975.

² Hintze O. Historical essays. New York, 1975.

предполагают наличие контроля со стороны авторитета над определенной территорией. Этот авторитет может существовать лишь в случае наличия силы, способной навязать его одновременно как подданным, так и соперничающим с ним внешним авторитетам. Такое понимание авторитета помогает объяснить успех или поражение создателей государств в истории Европы.

Немалое значение имеет вопрос *интенсивности предпринимавшихся усилий* в деле государственного строительства с тем, чтобы противостоять воздействиям, или принуждениям, который испытывают на себе создатели государств. Имеет значение и природа давлений, которые они (государи) должны были оказывать на подданных в интересах достижения своих целей. С многих точек зрения, успех или неудача в деле возникновения государства в Европе отражают относительную легкость или трудность начального периода их формирования. Позднее определенное число глубинных черт различных западных политических традиций накладывают отпечаток на этот генезис в условиях продолжения пространства *Path Dependency*.

Прежде всего привлекает внимание воздействие *изменения* (размеров) создающегося государства. В Средние века носитель суверенитета изначально должен был обладать некой объединительной способностью в подчинении себе оптимального территориального пространства.

Каким должно было быть это пространство? Оно должно было быть *достаточным* для мобилизации человеческих и материальных ресурсов в интересах военной экспансии и обороны. Пространство, на основе которого формировалось будущее государство, не должно было в те времена быть слишком протяженным: *требовалось обеспечивать эффективный политический контроль над ним на основе имевшихся в этот период средств и чтобы цена этого контроля не превышала выгоды от его утверждения*. Такому территориальному оптимуму соответствовала Англия XI – XIV вв. Как известно, изначально английские монархи контролировали 15 000 кв. км. Английские монархи довольствовались этим скромным основанием и делали все от них зависящее для того, чтобы обеспечивать укрепление этого ядра, и, опираясь на него, они присоединяли Галлию, Шотландию и Ирландию.

Ограниченная изначально территория позволяет понять те основания, которые необходимы для утверждения эф-

фективного политического центра Англии. Исследователи справедливо отмечают, что фиксированная территориальная ограниченность оптимизирует осуществление прямого авторитета, рекрутирования солдат и сбор налогов. В этих условиях фактическая цена суверенитета не является слишком тяжелой для населения и не требует применения открытого насилия. Наконец, указанная ограниченность территории способствует установлению прямых контактов монарха с военными структурами и городскими порядками, утверждению контрактных отношений и ограничению сложившихся феодальных отношений. Указанные обстоятельства способствовали раннему утверждению английской политической идентичности. Она определялась не усилением подчинения периферии центральной власти, опирающейся на силу, а на основе утверждения добровольного и свободно принятого авторитета.

В других случаях, например во Франции, дело обстояло иначе. На основе, может быть даже в чем-то непомерных амбиций, усиленных конкуренцией с другими создателями государств на старом континенте, короли Франции стремились быстро установить контроль над территорией в 4–5 раз превышающей Англию. Это предопределило более дорогостоящую консолидацию страны. Создававшееся французское государство было вынуждено опираться на сильное налоговое давление, что вызывало к жизни необходимость применения репрессивных действий по отношению к населению, а также к тем представительным инстанциям, которые были созданы в Средние века. Получалось так, что монархический авторитет как бы сам себя наделял такой властью, которую монархи не могли осуществлять. Здесь коренятся истоки развития феодализма во Франции, который нес в себе зародыши последующего абсолютизма.

Нужно сказать, что централизованное правление почти одновременно появляется по обе стороны Ла Манша, но профиль этатического формирования во Франции отмечен более высокой ценой осуществления авторитета, более высоким удельным весом военного и налогового аппарата, т. е. первенством силового начала государства, а не добровольного подчинения ему.

Как и Франция, Португалия, Дания или Швеция с точки зрения территориального аспекта развивались подобным образом. Это означает, что раннее этатическое объединение проходило в условиях постоянной опоры на принуждение.

Более того, использование силы и пренебрежение к компромиссам затрудняло обеспечение стабильного политического единства в Центральной и Южной Европе. В этой зоне экспансионистские настроения подогревались мечтой о воссоздании Римской империи. При этом не уделялось должного внимания созданию прочного ядра государства, вооруженного необходимыми для этого средствами. Образованные под эгидой определенной династии крупные имперские европейские ансамбли обрели в этой связи тенденцию, скорее, к исчезновению или территориальному ограничению, чем к укреплению. Территориальный прирост получил свое практическое выражение только в Германии, которая осуществляла объединение немецких земель вплоть до XIX в. Зато Австро-Венгерская монархия просто пала.

Эти примеры показывают, что аспект *измерения*, или, говоря иначе — масштабов территории, не является единственным. Осмыслить формирование государственности без учета того, что получило наименование *международного окружения*, без учета принуждений или прямых вмешательств извне, просто не представляется возможным. Можно со всей определенностью утверждать, что выгоды от островного расположения Великобритании облегчили возникновение государства. Напротив, этатическое строительство стран Старого континента, являющихся открытыми и не имеющими естественных границ, осложнялось соперничеством государей, войнами и постоянными угрозами извне. И государство в таком случае возникает как ответ на эти угрозы. Более того, оно испытывает влияние соперничающих с ним этатических амбиций государей, а потом получает выражение в необходимости осуществления постоянной экспансии для сохранения своего политического господства над территориальным пространством. Таков пример России и Пруссии. Россия родилась под давлением Швеции или татаро-монгольского нашествия. То же самое можно сказать и о многих европейских государствах в период их становления. И хотя государство олицетворяет в глазах населения *господство права*, на первых порах люди воспринимают государство прежде всего как *вооруженного защитника*. Рождение государств совпадает с рождением армии. А точнее, армия, более или менее преданная государю, становящемуся сувереном, преобразуется в государство с тем, чтобы прочно обеспечить себя человеческими и матери-

альными ресурсами данной территории. Когда эти ресурсы в силу демографического фактора достаточно большие, как во Франции, территория, подлежащая контролю, может быть достаточно ограниченной с тем, чтобы дать шанс созданию государства. И наоборот, пространство должно быть более обширным, если оно менее населено и менее богато, хотя и подвержено опасности нападения врагов.

Во всех случаях, образование государства соединяет защиту подданных с их подчинением и милитаризацией крестьянского населения, превращая их в солдат или моряков. Это совпадает также с насильственным извлечением у крестьянского населения продуктов, денег и благ для обеспечения военных. Однако степень насильственных действий со стороны власти различна во Франции, с одной стороны, и в России и Пруссии — с другой. Во Франции государство стало централизованным и повсеместным, тогда как в Германии и в России — бюрократическим, военизированным и деспотическим¹.

3.1.2. Победа политического над религиозным

На первом этапе становления западного государства опыт римской империи определял деятельность императоров, который натолкнулся на политическое действие Церкви. Папство стремилось утвердить верховную власть, одновременно духовную и мирскую. Однако по иронии судьбы комплексные стратегии, которые оно использовало в интересах достижения этой цели, обернулись против него самого, способствуя десакрализации политического могущества, чего папство стремилось избежать. С многих точек зрения, возникновение западного государства обернулось обратным эффектом препятствий, которые церковь в Средние века стремилась установить для него.

О. Хинц² показывает как папство, начиная с XII в., противодействовало росту могущества территориальных суверенитетов, борясь против их претензий на осуществление одновременно власти гражданской и религиозной, скорее отнятой у папства, нежели переданной им. Святой император римско-германский стал его основной мишенью в силу того, что он объявил о своем стремлении соединить две власти.

¹ Cf. Badie B., Hermet G. Op. cit. P. 97–98.

² Hintze O. Historical essays. New York, 1975.

В эпоху церепапизма тысячелетний принцип «Воздать Цезарю» и «Воздать Богу» обернулся против него. Это различие позволяет религиозному авторитету обладать монополией на священное. Но на практике Средних веков обладание религиозной площадкой равноценно было легитимации целого. В первую очередь это было так потому, что в силу его первичного выражения, монополия на священное получало свое выражение в священном характере суверенов.

Эти последние уступали церкви монополию на управление мирскими делами. Это было связано с тем, что Рим обладал ключом их легитимации. Церковь рассматривала суверена в качестве лица, которое превосходило сначала территориальное, а потом и национальное измерение. Суверен, который, подтверждая *разделение двух сфер* — мирской и духовной, — вполне естественно сопротивлялся возникновению в Европе обширного политического пространства, которое угрожало бы его гегемонии. Святые императоры не могли в таком случае отвечать за деяния новых Цезарей Европы и не могли также опустить понтифика до роли главного капеллана. Папство же торжествовало, установив вплоть до XIX в. непреодолимое препятствие для этатического объединения центральной области христианства того времени, образованного в Германии и Северной Италии. В то же время раскол христианства, проявившийся в период существования Византии, позволил римскому императору Востока утвердиться над папой и над патриархом Константинополя. В Византии было обеспечено соединение духовного и мирского, что определило политическую траекторию восточного христианства.

Однако тактика «разделяй и властвуй», которая исповедовалась Церковью, привела к попустительству периферийным королевствам, что способствовало их укреплению, — Франции, Англии и некоторых других. В этом была главная ошибка римской стратегии. Ее толерантность перед лицом монархий способствовала возникновению государств. Доброжелательность папы в отношении королей Франции и Англии способствовала возникновению в этих странах ядра национальной идентичности, чему Церковь не противодействовала. Особая политика в отношении королевств европейской периферии завершилась тем, что Церковь им помогла, даже не желая того, укреплять легитимность и консолидировать будущее современное государство. *Ставшее светским, государство рождается из разделения, установ-*

ленного Церковью в Средние века, на мирское и духовное, и тем самым на религиозное и политическое.

Рассматриваемые как неопасные периферийные суверены использовали разделение указанных двух сфер в своих интересах. Политическая монополия превращала их во владельцев принудительной силой в пространстве их суверенитета. Этот козырь появлялся как продолжение специальных привилегий, которые Церковь им предоставляла для укрепления своего могущества перед лицом святого императора. Тем самым Церковь даровала суверенам глобальную легитимность. В Англии и во Франции папы попали в ловушку своих собственных антиимперских действий. В итоге таких действий папство утратило в конечном счете свое влияние на власть в итоге своего стремления подчинить себе королей. Вне зависимости от начального соглашения с Римом создатели государств в Европе утверждали контроль над религиозными аппаратами, что не могло не испортить их отношения с Ватиканом. Короли приобретают тем самым первичный авторитет. Более того, этот авторитет постепенно становится структурой постоянного суверенитета, частично отделенного от физической личности короля в силу своей бюрократической логики в условиях наследственной и династической власти. Европейское государство, как известно, возникает в условиях наследственного характера власти, в силу чего чиновник является служителем королевского дома. Опираясь на это, Генрих IV поставил Церковь в положение вассала. Во Франции утверждение абсолютистского государства сравнимо с протокольным уважением фигуры папы.

Этот процесс сопровождается, кроме того, разделением внутри мирского пространства. Политика приобретает первенство перед религией, государство первенствует перед лицом интересов частных физических или моральных лиц. Бином *духовное—мирское* постепенно превращается в бином *публичное—частное*, что обеспечивает первенство более высокой легитимности публичного — государству — перед лицом частного, или, иными словами: перед лицом общества. Используя монополию на священное или магическое, Церковь невольно устранила препятствия на пути утверждения «рациональности и интенсификации экономической и социальной деятельности»¹. Она способствовала тому, что

¹ Hintze O. Historical essays. New York, 1975. P. 431.

«государство навязывается в католических обществах не как завершение универсальной логики дифференциации, а как особый способ последней, которая, стремясь отделить духовное от мирского, гражданское от политического, переоценило это последнее, передав ему автономную и суверенную легитимность»¹.

3.1.3. Две разновидности западного права перед лицом центральной власти

Это превосходство государства выявляет характеристическую черту определенного типа западной современности, в которой центральная власть получает свою легитимность из факта существования самого государства в большей мере, чем из верховенства высшего принципа внеполитической природы. Речь идет только об особенностях европейской специфики, которая вписана в неравновесное отношение государство – общество. И эта специфика связана с католической традицией. Однако такая традиция характерна вовсе не для всей Европы. На определенной и немалой ее части утвердилась протестантская традиция, которая является своеобразным противовесом католицизму.

Вот почему учета *только одного религиозного фактора недостаточно для проведения сравнительного анализа*. Не меньшее значение в формировании государственности имеет юридическая переменная, которая вмешивается в процесс диверсификации отношений между управляющими и управляемыми и которая разделила Европу еще до Реформации.

Главное разделение права и судебных практик в континентальной Европе и в англосаксонском мире возникает до протестантизма, обозначив раздел между двумя противоположными концепциями абсолютного величия или, наоборот, функционального характера центральной власти. Более того, в итоге это разделение между двумя концепциями современного суверенитета не воспроизводит ни коим образом границ протестантизма и католицизма. Континент, в частности Германия, был подвержен проникновению того, что можно назвать «римским комплексом». В этом комплексе находит выражение отвращение управляющих в отношении всякого реального, а не только вербального разделения властей, что соответствовало традиции Рима. За исключением периода IX – XI вв. римское право уступало позиции логике

¹ Badie B., Birnbaum P. *Sociologie de l'État*. P., 1979. P. 164.

судебных привычек, немецких или шотландских, например: суверенная власть и частные лица подчинялись различным правилам и юрисдикциям и были не равны. Континентальное судебное пространство, по сути дела, подчинялось политической воле, прежде всего на уровне разделения публичного и частного права и компетентных юрисдикций. Это же проявлялось также и на менее явных уровнях, на уровнях выражения юридических норм и независимости судей. При таком видении, новое субъективное право, выработанное, начиная с XII в. на основе христианизации римского права, заключает в себе индивидуалистическое содержание перед лицом традиции права привычек, которую оно замещает постепенно за пределами англосаксонского ареала. Не удивительно, что возрождение в Италии торговых городов осуществлялось на основе абстрактных и универсального значения принципах, отвечавших потребностям алчной буржуазии, которая стремится обогатиться и избежать уз крестьянских традиций.

В это же время происходит возрождение *высшей легитимности индивиды* с двух точек зрения: с точки зрения предпочтений законодательной монархии, а также и с точки зрения ее применения. В итоге легитимность индивида выходит за пределы местных сообществ или вотчин. Еще в 1158 г. итальянский юрист Мартинус Госсия объявил императору Фридерiku Барберуссу, что он является господином мира, а в итоге чего — источником права перед лицом юстиции обычаев или Церкви и ее канонического права. Начиная с этого времени *изложение права на континенте* обходится без независимых судей, сентенции которых до того обладали силой закона в форме юриспруденции. На передний план выходит право, действующее на базе свода законов, единообразного и централизованного. С тех пор новая континентальная юстиция все более подчиняется абстрактной логике писанных норм.

На передний план выходит так называемый *универсальный индивид*, который был придуман новым судебным аппаратом. В этом факте сказала заинтересованность централизованного государства. Однако реальная личность в этом случае растворяется в множественности людей, в *праве*, в котором «ничто не является искусственным или абстрактным», которое «в каждом месте и во всех обстоятельствах выработано исходя из фактической ситуации»¹.

¹ Ourliac P., Gazzaniga J.L. Histoire du droit privé français. P., 1987. P. 9.

Такое право становится носителем, одновременно, принципиального равенства частных лиц перед единым законом, и их фактического подчинения государству, ставшего обладателем этого закона.

Затем в континентальных странах, с утверждением представительного механизма, законодатель становится независимым перед исполнительной властью в формальном плане. Но превосходящая легитимность принципа представительства превращает законодателя в высшего судью. Судья лишается в известном смысле своей судебной роли, а тем самым и реальной независимости.

Вместе с тем подчинение судебной власти законодательной тем не менее *не превращает в фиктивное* разделение властей. Это разделение еще более укрепляется благодаря практическому слиянию в представительных режимах управляющих и представителей народа, ставших независимыми. Они представляют собой большинство, которое подтверждается тем, что исполнительная власть издает 90–95 % норм юстиции. Таким образом, право в западных странах становится делом государства, а судья-чиновник становится только оператором юстиции, которая, в свою очередь, определяется и администрируется центральной властью. Как видим, высший разум публичного права определяется теми судьями, которые подчинены государству. В итоге, престиж континентального судьи сводится до престижа агента государства высшего ранга, который призван лишать свободы и даже жизни сограждан во имя суверенной власти.

Иное дело — *британское юридическое пространство*, а потом англосаксонское. Оно характеризуется поддержанием *Common Law*, относящегося ко всем. Отсутствие разделения между правом и публичной, и частной юрисдикцией отражает и питает одновременно менее различающееся отношение между центральной властью и обществом. Англосаксонская концепция свободы и гражданства коренится в правах и автономности индивида или групп перед лицом монархической власти — Короны, а потом — правления (то, что мы называем государством). В XIII в. *Magna Carta*, которую английские бароны связывают с Иоанном Безземельным¹,

¹ Иоанн Безземельный (John Lackland) (1167–1216) — английский король с 1199 г., из династии Плантагенетов. В 1202–1204 гг. потерял значительную часть английских владений во Франции. Под давлением баронов, поддержанных рыцарством и городами, подписал в 1215 г. Великую хартию вольностей.

скрепляет независимость права и юстиции перед лицом королевского авторитета и его претензий на выражение законов. Если эта хартия в последующем совпадает с тем, что знать Кастилии навязывает своему королю, ее заслуга состоит в том, что она противостояла давлению абсолютистских монархов, начиная с XV в. Независимость права и судей от государства обрушивается на континенте, как и в Великобритании, в XVII в. и побеждает абсолютизм ценой гражданской войны, вызванной ослабевшей центральной властью, подчиненной нормам, определенным вне ее.

Единственный писанный элемент конституции обычаев Англии — *Билль о правах* 1688 г. подтверждает победу общества над государством. Этот текст, составленный юристами, выражает тот факт, что «правление необходимо для того, чтобы оказывать услуги, которые общество и государство не могут выполнить», что, столетие спустя, скажет Томас Пейн. Согласно ему же, «все главные законы общества являются законами природы», а законы торговли (понимаемые как законы отношения между людьми и группами) «являются законами естественного и взаимного интереса»¹. В обоих случаях центральная власть не при чем.

Эта концепция оставляет мало места для признания роли государства, даже в лице его представительной власти, как автономного обладателя права. Она не оставляет и большего места для иерархизированного различения частной и публичной юрисдикций. Она не может приспособиться к ограниченной *судебной администрации* как бюрократического и функционализированного добавления к центральной власти. Юстиция и судьи в англосаксонской традиции должны восприниматься как нечто отдаленное от общества, а не как агенты суверенного авторитета. В конечном счете эти судьи наделяются высоким престижем гражданства, которые предшествуют государству и как бы находятся над ним. Англосаксонский судья не является администратором, призванным осуществлять судебные функции. По крайней мере в идеале он является профессиональным гарантом свободы в обществе, заслуженно уважаемым членом которого этот судья является. В таком подходе он становится *судьей государства, а не судьей в государстве*. Судья так же, как и вся судебная власть, обладает легитимностью перед лицом других властей в той мере, в какой он сохраняет

¹ Paine T. Rights of Man. Harmondsworth, 1982. P. 186 – 187.

независимость от центральной власти, как законодательной, так и исполнительной. Высшим же авторитетом общества становится индивид.

Понятно, что речь в таком случае идет о ментальном представлении. Англосаксонское право может быть сильно юриспрудентным, как в Великобритании, или сильно кодифицированным, как в США. Оно может также содержать большое число привилегированных диспозиций для администрации. Оно может, наконец, давать место частичной справедливости для английских мировых судей, которые закрепляли на земле крестьян в XVIII в., или для американских судей, которые преследовали синдикалистов. Однако концепция государства, подчиненного общим, а не судебным правилам, присутствует в англосаксонском мире, в то время как концепция государства, действующего как управляющий обществом, получает развитие только на континенте.

Словарь свидетельствует о таком различии. Макиавелли, вероятно, первым стал говорить о государстве в современном смысле слова, употребляя слово во множественном числе как синоним *dominium*, или господства, осуществляемого правлением, — государство, республика, принципат — над людьми. В итоге французский абсолютизм использует такое выражение для характеристики режимов, которые придут потом. Однако, например, Ж. Боден использует термин республика. Англосаксонская позиция нашла свое выражение в «Левифане» Т. Гоббса. Т. Гоббс использует латинский термин *civitas*, которому соответствует британская концепция *Commonwealth* (или *Commonweal*), которую использовал Кромвель, а позднее австралийцы для обозначения политической совокупности. Потом этот термин стал использоваться в Северной Америке, в США в виде *Community* как выражение политической легитимности, вписанной в местные условия. Государство не упоминается. А если упоминается, то, скорее, в смысле осуждения — для обозначения иностранных способов организации власти или как простой составляющей федеральной совокупности, называемой то правлением, то администрацией.

В конечном счете эти языковые различия приводят к бинарной оппозиции, которую П. Бирнбаум устанавливает между двумя идеальными типами структурирования современной власти на Западе: с одной стороны, идеал-тип государства французской модели, который как первичный

агент вмешивается в поведение и переустройство общества; с другой стороны, как «Центр» в его британском выражении, действующий как главная инстанция, созданная обществом и находящаяся над государством. Французская, или континентальная модель государства, отражает образование, ставшее гегемоническим. Оно наделено независимой и постоянной структурой режимов правления, которая навязывается социальному окружению и получает от него легитимность в управлении обществом. «Политический Центр», по-английски, отличается от институционализированной власти. Он присущ странам, где привилегированные обладатели национальной легитимности не являются этатическим полюсом, а характеризуются совокупностью дисперсных специализированных элит, не обязательно связанных с публичными институтами — партии и Церкви, например, — а также собственными ценностями, присущими обществу, а не власти. Англосаксонская модель отражает опыт обществ, в которых политика не имеет первенства над другими уровнями социальной жизни, в которых ни одна из групп не претендует на захват государства, а само государство подчинено этому «Центру». В таком контексте социальные актеры сохраняют способность слышать друг друга вне рамок суверенного авторитета, что можно видеть на примере отношений профсоюзов и служащих в Великобритании и США.

3.2. Утверждение плюрализма

Западная политическая специфика берет начало в многообразной дифференциации структуры специализированного правления, которая получила наименование «государство». Однако такое восприятие государства, оторванного от религиозного и коммунитарного измерения, является только одним из элементов движения Запада к Модерну. Возможно, что возникновение этого суверенного аппарата, более или менее автономного и секуляризированного, не представляет собой начальную или предварительную фазу такого развития. Западная динамика характеризуется не только конфигурацией центральной структуры правления, освободившегося от наследования и оправдывающего себя во имя метафизики, ставшей рациональной. Государство испытывает влияние постепенного установления *новых и эволюционирующих отношений между управляющими*

и управляемыми. Эти отношения вписываются в режим правления, который все более и более отличается от статического аппарата и который придает ему, вплоть до наших дней, единственную легитимность — внешнюю по отношению к нему — *демократическую легитимность*. Это развитие берет начало в старых механизмах, даже если недавно оно стало опираться в большей мере на режимы по отношению к государству на уровне интеллектуальной легитимации власти.

Эта переориентация в пользу управляемых стала результатом, возможно, территориального деления во времена Средних веков. В рамках такой политики правления оно испытывало влияние индивидуального гражданства, которое не способно возникнуть в рамках больших империй. Но в силу разнообразия экономической и социальной динамики, развивавшихся начиная с XVII в., становление современных политических режимов осуществлялось различным и даже конкурентным образом как выражение особых черт политической памяти, присущей каждой из евро-американских стран. Развитие процесса становления демократических режимов правления наложило свой отпечаток и на становление государства, обладающего высшей легитимностью.

3.2.1. Территориальное дробление: матрица плюрализма?

Европа является, пользуясь метафорой Б. Бади и Г. Эрмье, неудавшимся Китаем или засидевшейся в девушках Швейцарией¹. Представляя собой достаточно однородное и относительно небольшое с точки зрения мирового измерения пространство, Европа так и не смогла политически объединиться. В силу этого европейцы избежали принудительной власти, примеры которой дают азиатские деспотические империи. В силу этого же плюральность соперничающих между собой суверенитетов, а не имперское единство являло собой европейскую реальность, предопределяя определенным образом религиозный, идеологический и стороннический плюрализм.

Уже могущественная Римская империя не могла утвердиться за пределами Дуная или немецких лесов. Она вынуждена была искать компенсацию, почти колониальную, за пределами Средиземноморья или в направлении Востока.

¹ Badie B., Hermet G. Op. cit. P. 104.

Позднее, на выходе из Средних веков, она потерпела поражение в Германии перед лицом сопротивления, а потом и наступления периферийных княжеств континента. Таким же образом в XVI—XVII вв. Австро-Испанская империя Габсбургов погрязла в проблемах в силу своей материальной и политической неспособности осуществить объединение. Отметим, что это объединение к тому же велось без твердой убежденности в необходимости сохранения такого имперского формирования. Чарльз Кинт даже не верил в необходимость этого и явил собой пример ушедшего в отставку императора. Позднее авантюры Наполеона или Гитлера были выражением кризиса, вызванного к жизни действиями разделенных государств. Равновесие стало правилом политического структурирования Европы со времен Людовика XIV. И это правило позднее продолжает действовать, а все попытки иного развития событий являли собой лишь нереалистические амбиции римского прошлого.

Разновидность *фундаментального препятствия*, которое Европа установила на пути имперского геспотизма, может на первых взгляд показаться парадоксальным. Этот континент занимает ограниченное пространство, а коммуникации в нем были достаточно развиты, даже во времена доиндустриальной эры. Вместе с тем народы Западной Европы не так уж сильно отличаются друг от друга. Они близки с точки зрения языков (и их относительно немного), разделяют однородные ценности, в культурном плане коренящиеся в христианстве. Более этого, эти народы находятся на близких уровнях экономического и технологического развития, в том числе и в военном отношении. Этот последний фактор предопределил логику политического разделения Европы.

Несмотря на *территориальные разделения*, Западная Европа была достаточно богатой и технической развитой, что позволяло ей противостоять внешним агрессивным проявлениям: мусульманской угрозе, начиная с VIII в.; османской — до XVII в.; русскому давлению в XX в. Западная Европа избежала участия в процессе объединения, навязываемого извне. Да и изнутри не нашлось силы, которая смогла бы изменить политическую плюральность Европы. Решающий поворот произошел в период с 1470 по 1660 г., когда исчезла способность к господству Испании в Европе. Это иллюстрирует количество вооруженных людей в странах Европы.

Тот же механизм дал о себе знать применительно к Франции в 1790—1815 гг. Однако период с конца XV в. до се-

Таблица 1

Рост количества военных в Европе в 1470–1660 гг.

Дата	Испания	Нидерланды	Франция	Англия	Швеция
1470	20 000		40 000	25 000	
1550	150 000		50 000	20 000	
1600	200 000	20 000	80 000	30 000	15 000
1640	300 000	50 000	150 000		45 000
1660	100 000		100 000	70 000	70 000

Источник: *Parker G. Spain and Netherlands. London, 1979. P. 96.*

редины XVII в. был решающим в стабилизации европейской плюральности. Именно тогда утверждаются абсолютистские монархии, которые обеспечивали направление огромных расходов на военные цели. И именно в этот период укрепляется и государство в разных странах, делая необратимым политическое разнообразие Европы. Это последнее, правда, проявляется противоречивым образом.

С одной стороны, укрепление абсолютистского государства связано с ростом его обязательств в подчинении субъектов. Существенно значимые понятия *границы* и *территориальности статусов* или *юридических обычаев* уточняются в таком случае. Долгое время каждый субъект сохранял свой юридический статус в любом месте. Начиная с XV столетия человек все более и более подчиняется государству на определенной территории, на которой он проживает. Физические границы этой территории определяются управляющими. Это предопределило национальное разделение современного гражданства, основанного на универсалистских предположениях. Параллельно утверждался суверенитет государства, свободного от конкурирующего авторитета в той области, в которой он господствует. А индивиды, которые там находились, обязаны были ему подчиняться. Но если народ становится позднее «суверенным», он утрачивает способность к независимости индивидов, которые теперь связаны с обязательствами. По мере развития абсолютизма, а потом и режимов современных правлений этот суверенитет преобразуется в объединительную абстракцию в своем этактическом выражении в рамках определенной территории.

Формирование *концепции границы* рассматривается в этой же перспективе. Прежде, как, например, в Китае

или на Востоке вообще, это понятие было связано с определенной зоной. С зоной, оспариваемой и пористой, разделяющей неведомые друг для друга миры, как, например, христианство и ислам, или цивилизацию и варварство, или полюсов авторитета в римском смысле *Limes* или в принятии английского термина *Frontier*. В Европе XV в. это понятие приобретает точное топографическое значение, и отличное от предыдущего периода. Терпимость, как результат естественного перехода между определенными комплексными пространствами, включающих множество политических, а также культурных, социальных и экономических элементов, уступает место требованию нахождения людей в предписанном политическом пространстве только на основе политического критерия. С этого момента границы приобретают современный смысл, тогда как немецкий термин *Grenze* или английские термины *Border* или *Boundary* в XVII в. перестают обозначать границы суверенитета только государства. То же самое происходит и в Италии, где выражение *Confine di Stato* возвращается к старой идее границ, отражающих физические и юридические ограничения для управляемых.

С другой стороны, конкурентная множественность этих этакических ограничений не является тотальным закрытием. Европа — не Китай. Ни одно из государств здесь не могло превратиться в Срединную империю, отрезанную от своего окружения. Какими бы ни были средства действия и аргументы их легитимации, Государство-администрация при абсолютизме, а также современное государство-нация не могут достичь идеала закрытости. С одной стороны, европейские политические объединения являются *схожими в основных чертах* и *различными одновременно в своей ситуации*. В силу этого некоторых из них остаются более пермиссивными (терпимыми, дозволяющими) и открытыми новым доктринам или практикам, чем другие, склонные в большей мере к попыткам наступления на личную независимость своих граждан.

С другой стороны, близкое географическое соседство стран Западной Европы способствует перемещению граждан, товаров, денег, образов жизни, идей, чему государства решительно помешать не могут. Это позволяет существовать и действовать разнообразным меньшинствам. То, что может быть запрещено в одной стране, может иметь право на жизнь в другой. Это отмечено на протяжении

ряда столетий. Тем самым обеспечивается *плюральностью европейских политических пространств*, что позволяет понимать *культурный* и *идеологический плюрализм*, а также фермент автономии обществ перед лицом центрального авторитета.

Нужно сказать, что через фракционирование политического единства Западная Европа и Северная Америка сформировали перmissive пространство, в рамках которого происходит взаимодействие освободительных факторов гражданства. Как и везде, власть в нем стремилась обеспечить лояльность управляемых. Но она никогда не могла избежать физического или духовного бегства, того, что Альберт Хиршман называет их «выходом» из навязываемой системы гомогенизаторских¹ требований управляющих. Западная концепция политики, как и контрактные отношения, рассматриваемые как добровольные, выросли из этого. Вплоть до наших дней освобождение Центральной и Восточной Европы питалось этим же самым побуждением — западнизацией континента².

3.2.2. Возникновение индивидуалистического гражданства

Этот вопрос осветил в своих работах Стейн Роккан. Составляя «концептуальную картографию» Европы в период Реформации и контр-Реформации и возникновения рыночной экономики, он напоминает как две различных среды, хотя и соседствующих друг с другом, определили современную политическую идентичность.

Прежде всего он обращает внимание на *истоки разделения Западной Европы на две зоны*. Первая — *Север—Северо-Запад* характеризуется ранним утверждением национальной идентичности консенсусной природы, а также утверждением устойчивых представительных режимов, рожденных процедурами политических изменений, производившихся на основе достижения компромисса. Параллельно развивалась и вторая зона — *в центре и на Юге континента*. Здесь национальная идентичность образовывалась более трудно в силу слабости консенсуса из-за сложившихся традиций конфликтного столкновения и сопротивления изменению.

¹ Гомогенизация (греч. *homogenès*) — однородный по составу (противоположный гетерогенному).

² Cf. *Badie B., Hermet G. Op. cit. P. 107.*

С. Роккан указывает на пружину этой дифференциации, выделяя две территориально определенных переменных: переменная «двух Европ» — католической и протестантской, с одной стороны, и переменная «двух экономических Европ» — с другой, одна из которых характеризовалась с XVI по XVIII в. подъемом рыночного капитализма и восхождением буржуазии, а другая — сопротивлением этой экономической и социальной модернизации. Отсюда выявляются две оси, вокруг которых формируется дихотомия. В направлении *Север—Юг* действует культурная и религиозная ось, которая отражает дистанцию различных стран от центра духовной власти в Риме как центра католической церкви. Ось *Восток—Запад* располагает те же самые страны по отношению к торговым и финансовым центрам — от Балтики и Голландии до Севера Италии через Рейн.

По С. Роккану, изначальная дифференциация западных политических систем подчиняется *топографической логике*. В первую очередь он напоминает, что наиболее прочные и старые государства рождаются на периферии Европы: во Франции, Англии, Швеции, а также в Испании и Португалии. Иначе говоря, на достаточной дистанции от торговых центров, в странах, верных средневековой автономии и враждебных абсолютизму. В то же время они отдалены от центра католической власти и Рима, враждебно относившегося к укреплению национальной власти, особенно в Германии и Италии.

Во-вторых, парадигма С. Роккана показывает также, что интенсивность чувства *национальной идентичности*, присущая жителям периферийных государств, например, Англии или Скандинавским странам, тем выше, чем дальше от Ватикана они находятся. И наоборот, страны, близкие расположенные к Риму, в частности, Германия и Испания, в силу этой близости к Ватикану образовывали базу католической контр-Реформации перед лицом протестантизма. Легкость и сила этого движения основывалась на превосходстве идеологии не только религиозной, но и транснациональной, свободной от контроля местных политических руководителей и расходящейся с национальным сознанием. Конфликт Церковь — государство в этой зоне является результатом именно такой ситуации.

Наконец, в-третьих, отношение устанавливается между степенью авторитаризма, или перmissивности национальных государств, и их позицией по отношению к торговым

портовыми городам, определявшим капиталистическую динамику (эта позиция определяется по оси Восток – Запад). Пример процветающих буржуазных сообществ, связанных с открытостью и управляемых ими самими, был опасным для централизованной монархии, в частности, для французской монархии. Напротив, государства, которые отдалены от ядра свободы, в частности, английская монархия, в меньшей степени подвержены риску «политической заразы», которую она представляла для них. Отсюда берет начало вынужденное отрицание местных или социальных автономий со стороны французского абсолютистского государства как наследника якобинства, и наоборот, большая толерантность правительств Северной Европы к различным формам автономной организации обществ.

На этой арене, находившейся в стороне духовной власти Рима, а также от экономической контрвласти буржуазии по оси Рейна, Англия получила максимальную выгоду. Как и Скандинавские страны, она смогла оспорить религиозную монополию папства и выстроить национальный протестантизм. В свою очередь, новая автокефальная Церковь вооружила ее дифференцированным идеологическим ресурсом — национальным, чего были лишены страны Центра и Юга континента. С тех пор Англия располагала средством развития системы гомогенных и консенсусных позиций, что потом будет предшествовать развитию парламентаризма и прагматической политики компромисса.

Иная ситуация складывалась в Германии и Италии, где получила развитие репрессивная контр-Реформация, которая лишила их возможности обращаться к специфическим идеологиям, в то же время Испания укрепляла свое государство на основах «транснациональной католической» природы ее идеологических ресурсов. Франция же являет нечто среднее. Достаточно удаленная от Рима для того, чтобы утвердить автономию своего государства перед лицом религиозной власти, она является одновременно соседствующей с ядром католицизма, и потому она не могла радикально порвать с ним. А также она располагалась на близком расстоянии к оси долиберального капитализма торговых городов, что способствовало формированию нерепрессивного государства.

Различие, которое создает в большей мере пространство относительной свободы, нежели пространство репрессивной деятельности, предшествует появлению политического

Модерна в Европе. Однако плюрализм интересов, идей, а потом партий, который его характеризуют начиная с XVIII в., не являются результатом только этого фактора, связанного с множественностью зон суверенитета и форм правления. Объединительный субстрат культурной природы сосуществует с различными политическими изменениями. Этот инвариант почти везде действует в противовес холистской или коммунитарной концепции социальной жизни и политического господства. Его индивидуализирующее значение берет начало в процессе религиозного порядка.

Источник этого *прорыва индивидуализма* берет начало одновременно в стратегии главных епископальных актеров, в движении общества и в эволюции религиозных доктрин. Начиная с V в., когда церковь приобретет мирскую силу, она становится агентом первого освобождения индивида. Она это делает, навязывая новую концепцию брака, родства и наследования в противовес библейской традиции, а также греко-латинской или германской европейской традиции. Все эти традиции основывались на патриархальном или родовом принципе, который исключал возможность выхода по своему желанию из семьи, как в смысле материальном, так и в религиозном. Церковь же навязывает идею, странную для того времени: брачный выбор должен основываться на согласии свободных и индивидуальных воле верующих. Брак должен быть решением супругов, а не семьи. Параллельно Церковь вводит не менее революционное изменение в статусы вдов и сирот, которые перестают быть подчиненными семьям и должны располагать правом наследования, которое помогало бы им существовать в дальнейшем. Это в долговременном плане имело освободительное значение.

В ряде стран такому развитию событий оказывалось значительное сопротивление, а в других же — это способствовало утверждению того, что потом становится базой *западного характера* развития страны. Моральная легитимность нуклеарной семьи формируется на основе ее широкого распространения. Она несет в себе черты как экономические, так и политические. Прежде всего речь в данном случае нужно вести о материальной самодостаточности семьи, а еще больше об ее процветании, связанном с инициативностью каждого индивида, со способом производства, выходящим за пределы необходимости и самодостаточности. Эта самодостаточность была нацелена

на получение коммерциализированной прибыли. Согласно Алену МакФарлейну¹, практически, индивидуализм берет начало в XII в. в крестьянской среде, по крайней мере в Великобритании. В меньшей мере это проявляется в Нормандии и Северной Франции, в фламандской и нидерландской зонах. Во-вторых, Церковь закрепляет это изменение почти одновременно с формированием *политического образа* в форме средневековых ассамблей, которые она стремилась противопоставить воле государей. Генеральные штаты, кортесы, палаты общин вписываются в концепцию плюральности интересов и являют тем самым выражение плюрализма позиций их членов — сеньоров, а также обогатившихся крестьян, ставших буржуа. Городские корпуса и деревенские ассамблеи указанное явление еще более усиливают, в меру того, что они объединяют различных людей из народа, которые в массе своей отказывались, хотя бы частично, от коммунитарного конформизма. В этот период возникает неразрешимое противоречие между свободой и равенством. Оно дает о себе знать, как считают некоторые политологи, вплоть до наших дней.

Потребовалось более двух столетий для того, чтобы такой индивидуализм вошел в общественные нравы и получил свое доктринальное закрепление в религиозном плане. Начиная с XIII в. теология Фомы Аквинского в полной мере признала дуализм мирского и духовного. Но она ставит вопрос таким образом, что если политика существует сама по себе, то это происходит только потому, что Бог позволяет это существование, которое не связано с волей индивидов. Божественный рисунок не предполагает согласия людей. Он находит свое выражение в естественном законе, который навязывается как управляемым, так и управляющим. Арбитраж власти имеет свои границы, которые определяются господством законов — сверхъестественных по своему источнику, — а не законами абстрактно равных и суверенных лиц. Политическая модель остается органической. Она сводит множество к единству для того, чтобы постулировать, поверх тривиального разнообразия реальных лиц, первичное единство, образованное телом множества. Государство является материальным телом сообщества подобно тому, как Церковь является его мистическим телом.

¹ MacFarlane A. The Origins of English Individualism. Cambridge, 1979.

И только в XIV в. францисканцы, английские, в частности, откажутся от этой трансцендентной легитимации политического господства. Для них осознание всемогущества Бога исключает навязывание естественного и универсального права, которое отвечало бы его рисунку. Божественный рисунок остается по своей сути непознаваемым в соединении множественности отношений с каждым верующим, рассматриваемым индивидуально. В итоге признается особенность каждого индивида перед лицом универсальности сообщества. Таким образом утверждаетя то, что позднее стали называть «путем Модерна» в вере; этот путь объявляет первенство индивида как источника легитимной религиозной, социальной и политической организации. С одной стороны, сама Церковь рассматривается как добровольное объединение верующих индивидов. С другой — частная собственность оправдывается на основе приоритета реальной личности, тогда как авторитет оправдывается с позиции признания плюральности индивидов, групп, языков, норм и способов правления.

Это доктринальное изменение выражается в поддержке францисканцами германской Римской империи в ее борьбе против папы. Но в длительном плане его смысл заключается в том, что утверждается античная идея *civitas*, указывающая на двусмысленность базы современного государства, основанного на гражданстве. Несмотря на свое либертарианское значение, францисканская теология подчиняет понятие гражданства концепции государства. Основывая свою легитимность, скорее, на согласии индивидов в большей мере, чем на естественном праве божественного начала, это государство является независимым создателем законов, а не результатом трансцендентного законодательства, желаемого Богом. Определяя свободу человека через источник ее легитимации, государство может превратиться в притеснителя как по имени, так и по месту, с точки зрения делегирования власти с согласия индивидов, хотя на самом деле это делегирование осуществляется без согласия индивидов. Таким образом, проявляется вторая апория западной политической специфики, в которой воспевание индивидуальной свободы несет в себе ее отрицание. *Западная динамика власти основывается на экзальтации индивидуализма, используемого в интересах управляющих*¹.

¹ Cf. Badie B., Hermet G. Op. cit. P. 110–111.

В XVI в. Реформация обращается к этой проблеме. К 1520 г. проповедь Лютера, казалось, придает этому вопросу освободительную и адресованную в пользу управляемых тональность. Выдвигая принцип свободного арбитра в интерпретацию Писания, эта тональность ставит под вопрос религиозный авторитет. Лютеранство объявляет свободу мысли и мнения, выступая против необходимости подчинения наследственной иерархии. Проповедь Лютера оказалась уместной для использования крестьянского восстания. Однако в 1524 г. он осуждает это восстание. И уже с 1529 г. лютеранство превращается в аристократическую доктрину. Лютер защищает неизбежно деспотический принцип *Cujus regio, ejus religio* (каков принц, такова религия). Этот принцип утверждал право монархов навязывать подданным свои религиозные убеждения, увеличивая свой авторитет тем, что превращал монархов в обладателей существовавшего тогда идеологического ресурса — веры. Если до того таким ресурсом обладала Римская церковь, то теперь государи монополизировали этот ресурс в рамках новых конфессий государств в Центральной и Северной Европе.

Поддержка *абсолютизма* этим своеобразным даром правителям в лице *национальных религий-идеологий* была дополнена еще одним более значимым дополнением лютеранства — *всемогуществом государства*. Не довольствуясь забвением принципа «воздайте Цезарю цезарево, а Богу — божье», лютеранская теология наделяет обладателей власти принуждениями религиозной морали. По Лютеру, излишек авторитета не является только формой искупления для народа. Власть как таковая является необходимым моральным злом. Она свободна в силу этого от этических обязательств. Признаваемая как осуществление силы, отвечающей непознаваемому божественному рисунку во всех обстоятельствах, даже при тирании, она является легитимной и находится вне евангельских и христианского естественного права императивов.

Такое понимание основывается на сверхъестественном видении злого могущества управляющих, но это является только тенденцией принципа, не обязательно ведущего к тирании. Однако долгое существование деспотизма старого режима в лютеранских странах Скандинавии, а потом их легкое превращение в демократические режимы, для которых характерно повсеместное присутствие социал-демократического государства, сопровождалось отторжением инди-

видуализма как принципа действия. Более того, немецкий пример находит выражение в недоверии к взаимодействию статуса власти в лютеранской культуре и длительного подчинения немецкой концепции гражданства авторитарным дисциплинарным ценностям. Государство-казарма Фредерика Гийома, а также гегелевская концепция государства как «мира, в котором разум возникает из самого себя», которому следует «поклоняться... как божественно-земному существу»¹, находят выражение на практике, в которой подчинение является областью веры как в гитлеровской Германии, так и в немецкой демократической республике, в которой также присутствуют основы лютеранства. Если индивид может быть свободным в своей совести, общество не может быть таковым.

Этика, а также политическое воздействие кальвинизма оказываются различными. Безусловно, они лежат в основе англо-саксонского, швейцарского или голландского вариантов демократической гражданственности. Но в отличие от Лютера, Кальвин не ограничивается прямо значением принципа свободного арбитра, который он провозглашает. В отличие от католического использования морали для всех форм деятельности и всех профессий, он производит революционное изменение в ценностях. Если до него они были иерархизированными, то теперь стали горизонтальными и равными перед лицом рисунка Бога. Религиозные элементы и роль священника не находятся более на вершине. Они смягчаются во всех аспектах человеческого существования, все становятся священными в равной мере. Политика не вписывается в мирскую жизнь. Она занимает тот же горизонтальный уровень, как и другие проявления социальной жизни. Она более не может претендовать на некое превосходство.

Это подрывало традиционный гражданский авторитет наследственного типа, а также еkkлезиастический авторитет. Однако зерно современного классического духа предполагает естественным образом использование избирательной процедуры как источник легитимности руководителей, сначала религиозных — с пресвитерианским механизмом, потом и политических. На этом поле все «демократы» в настоящее время продолжают кальвинистскую традицию, даже если они этого не знают и полагают, что вышли из католической традиции.

¹ *Hegel F. Principes de la philosophie du droit. P., 1975. P. 258, 270.*

Кальвинистское наследие оказало воздействие на две другие черты западной современности. Одна из них вытекает из отношения между *государством, или суверенной властью, и обществом* в зависимости от горизонтального расположения ценностей. Государство, не имея первенства перед обществом, по сути дела, оказалось в зависимости от общества. Ставшее привычным в католических или лютеранских странах, само выражение гражданского общества становится неприемлемым в кальвинистских странах. Определитель «гражданское» кажется недостаточным и не свойственным для общества, т. к. отражает первенство государства. В странах кальвинистской традиции государство является только элементом общества, и оно ему подчиняется. Политик при этом не обладает суверенным авторитетом. Он является только выразителем осуществления минимальной функции правления. Декларация независимости 1776 г. свидетельствует об этом, когда заявляет «Создатель наделил людей неотчуждаемыми правами» и «управляющие призваны гарантировать эти права». В отличие от государства, созданного в католических или лютеранских странах, правящий аппарат кальвинистского государства оспаривает этические претензии на гегемонию над обществом. Вот почему парламентаризм рождается в среде сменяющегося консенсуса; в противном случае он становится инструментом контроля остаточной и ограниченной власти государства. В идеале общество должно управляться самим собой.

Вторая черта политического воображения, присущего кальвинизму, противоречит одновременно его *абстрактному принципу равенства и реальности поглотного плюрализма*. Утверждая, что все формы активности обладают достоинством, и отдавая предпочтение индивидуальным свободам в их практическом выражении, кальвинизм поддерживает идею того, что экономика является игрой с нулевым результатом и что богатство одних не ведет к бедности других. Как и у францисканцев, эта концепция подтверждает легитимность реального неравенства между людьми. Народный бунт против неравенства оказывается неприемлемым, т. к. противоречит использованию свободы. В своей элитистской версии, осуществленной в Англии в XVIII в., кальвинизм содержит ядро цензорной реакции в отношении гражданства простых людей.

В то же время, растворяя религиозное в формах социальной жизни, кальвинистская традиция плохо согласуется

с аутентичным плюрализмом. Конфессиональная, или политическая плюральность признается, но выбор той или иной из них не предполагает обязательного равенства на ценности сообщества. Обязательность консенсуса преобразуется в гражданскую религию, прежде связанную с Богом. Приведем пример политического катехизиса Т. Джефферсона, когда он пишет: «Бог привел американский народ к установлению нового социального порядка, который будет установлен во всех нациях». На первый взгляд — это универсалистское намерение. На практике оно отказывается от принципа идентичности сообщества, наподобие иудаизма, в котором принцип индивидуализма признается, если он является прагматическим и используется, скорее, для вспомогательных дел, нежели для универсальных.

3.2.3. Бифуркация западной политической концепции

Политическая специфика кальвинизма находит свое выражение в *англосаксонском демократическом чувстве*, а также и в других демократических концепциях. Тем самым она напоминает, что не существует единой или господствующей модели *западного гражданства*, а тем более — единой формы отношений между западными обществами и политической властью. Дистанции, разделяющие указанные концепции, невелики, но факторы дифференциации в западных обществах достаточно сильны, и они нередко развиваются на параллельных курсах. В конечном счете общие основания западного политического чувства сводятся к двум элементам. Первый из них связан с принципом автономии индивида и его свободой, по крайней мере ментальной. Второй — постулирует, что легитимность управляющих вытекает из согласия управляемых, получаемого свое выражение на основе согласия с итогами выборов. Другие векторы дифференциации связаны с отношением, которое складывается между государством и обществом, или с концепцией обязанности подчиняться.

В таком подходе демократическое чувство в Британии характеризуется индивидуалистическим прагматическим смыслом. В ходе Английской революции (1640–1660) эгалитаристское требование, говоря иначе — ожидания равенства, из религии было перенесено в область политики. Особенно это касается тех, кого называли *левеллерами*

(«уравнителями»). Они довольно быстро были повержены, но им хватило времени для того, чтобы полностью извлечь политические выводы из христианской идеи равенства. Сама эта революция, как отмечает Луи Дюмон, дает пример движения, которое собирается приложить сверхъестественную истину к земным институтам¹.

В подтверждение сказанному Л. Дюмон приводит высказывание одного из английских исследователей: «От веры в то, что все *христиане* заново рождаются свободными и равными, *левеллеры* перешли к утверждению о том, что вначале все *англичане*, а затем и все *люди* рождаются свободными и равными»².

Признавая правомерность такой постановки вопроса, тем не менее нужно сказать, что люди, равные между собой, согласно доктрине, на практике таковыми не являются. Это в полной мере относится не только к Великобритании. Люди не равны между собой и в других странах. Различаются и их восприятия проводимой политики. Так, европейцы Старого континента не могут, по убеждению англо-американцев, понять политику по-английски как результат соединения иерархической традиции — близкой к авторитаризму — со способностью постепенного и контролируемого изменения.

Равенство не признается и в одной и той же национальной среде, к примеру, самой Великобритании. Гражданин Великобритании ощущает себя прежде всего как лицо, принадлежащее к сообществу шотландцев, уэльсцев, англичан и т. д. Он ощущает некое титульное превосходство или, наоборот, уважения, основанного на осознании своего социального статуса и культурного профиля. И несмотря на некоторые языковые различия разных слоев населения, всех англичан характеризует уважение к институту монархии, элитизму престижных университетов и рекрутированию руководителей из числа членов различных партий. Британская концепция свободы и демократии по своей сути является аристократической. Массы верны жесткости, которая исповедуется в демократии. Они доверяют правление собой просвещенным людям, способным более чем они сами, к *самоконтролю*.

¹ См.: Дюмон Л. Эссе об индивидуализме. Изд. центр «Феникс», г. Дубна, 1997. С. 101.

² Там же. С. 102; Macpherson C.B. The Political Theory of Possessive Individualism, Hobbs to Locke. Oxford, 1962.

В то же время британское политическое чувство включает в себя антиэтатическое предубеждение об опасности, каких бы ни было, реальных вмешательств государства в дела общества. Великобритания, как отмечают Б. Бади и Г. Эрме, «придумала» национализацию предприятий и полностью этатизированную систему здравоохранения, но англичане не хотят с этим соглашаться. Они сохраняют убежденность в том, что реверансы в адрес государства, присущие странам континентальной Европе, открывают путь к деспотизму и революциям. Англичане воспринимают юстицию независимой, забывая, что отсутствие писаной конституции мешает им противостоять покушениям на их права со стороны собственного правления. Более широко, англичане убеждены в своем политическом превосходстве, а это чувство придает им комфортность в их демократическом ощущении.

Американцы также разделяют такое ощущение. И это почитание демократии является объектом американского трансферта в другие страны. С одной стороны, в США существует почти сакральный культ американской политической системы, а в основе этого культа лежит идея особой судьбы народа США как избранного Богом народа. С другой стороны, это выражается в обостренном осознании обязательности достижения консенсуса на основе господствующих ценностей общества. Харизма и выборы президента США подтверждают открытое коллективное стремление двигаться в этом направлении. В то же время федералистский и местнический дух, столь характерный для США, противодействует тоталитарным тенденциям, что связано с недоверием к центральной власти, а также с утверждением принципа самоуправления общества перед лицом государства.

Республиканское чувство французов иное. После революции 1789 г., которая определила форму этого республиканского чувства, республиканское чувство французов вписывается в верование в универсальность человеческой природы при условии, что эта природа отражает природу жителей Франции, а также эгалитаристскую концепцию абстрактных прав индивида и гражданина. Декларация прав человека и гражданина, принятая летом 1789 г. Учредительным собранием, знаменует в определенном смысле триумф Индивида. Эта Декларация в последующем окажет немалое воздействие на политическое развитие многих стран.

Показательно, что Декларация прав человека и гражданина открывается вслед за преамбулой следующими статьями:

Статья 1. Люди рождаются и остаются свободными и равными в правах. Общественные различия могут быть основаны только на общей пользе.

Статья 2. Цель всякого политического союза (association) есть сохранение естественных и неотчуждаемых прав человека. Права эти суть: свобода, собственность, безопасность и сопротивление угнетению.

«Декларация была воспринята как основа писаной Конституции, сама по себе оцениваемая и ощущаемая, как необходимая с точки зрения искусственной рациональности, — отмечает Л. Дюмон. — Требовалось создать на основе одного только гражданского консенсуса новое Государство, и сделать его недоступным для посягательств со стороны самой политической власти. Декларация провозгласила величественные принципы, которые Конституция должна была привести в действие»¹.

В таком понимании современное политическое чувство французов-республиканцев в своей массе ограничивается их национальными границами. По крайней мере в доктринальном выражении это чувство не превращает французов в избранный народ, как это имеет место в США. Республиканское чувство французов убеждает их в том, что они образуют своеобразную группу, действующую в направлении глобального политического искупления человечества как носителя послания, адресованного ко всем. Есть только одна проблема: для того, чтобы проникнуть в суть этого послания, нужно стать французом. По этому поводу Ф. Фюре в книге «Осмыслить Французскую революцию»² утверждает, что демократическое воображение во Франции якобинской традиции является чисто политическим продуктом. Это воображение левого толка, которое находит отражение в речах революционеров, хотя в их, абстрактных во многом, представлениях не учитывается реальное неравенство. Французские революционеры создали универсалистскую гражданственность по-французски. Она в большей мере связана с экзальтацией принципов и идеологических постулатов, чем с учетом объективной реальности, или различий, существующих в реальном обществе. Эта искусственность гражданственности по-французски оказывается незамеченной. Она не щадит ни тех, кому она адресована, ни тех, кто является ее авторами. Последние, как правило, действуют,

¹ Дюмон Л. Указ. соч. С. 116–117.

² Furet F. Penser la Révolution française. P., 1978.

исходя из лучших намерений, но не понимают того, что эти добрые намерения представляют собой иллюзию, присущую всем управляющим.

Формирование универсалистского республиканского чувства французов не означает, однако, что они полностью порвали со старым режимом. Несмотря на то, что А. де Токвиль в «Старом режиме и революции» обнажает только часть политической траектории Франции, он тем не менее напоминает, что революция мало что изменила в вопросе первенства государства перед лицом общества. Поворот в политическом развитии Франции, осуществленный после 1789 г., лишь только усилил позицию государства по отношению к обществу. Он придал государству еще больший вес, ограничив соперничества религиозного или местного измерения и освободив индивида для обложения его налогами или обязательствами военной службы. Параллельно новая власть, образовавшаяся в итоге революции, закрепила первенство государства в менталитете как чудотворца свободы и гаранта равенства. Отныне жители Франции должны рождаться республиканцами, почти забывая о том, что они французы, и что существуют культурные переменные наряду с якобинской доктриной. Государство должно стать их родиной¹.

Универсалистское и этатическое республиканское чувство являет собой только один из двух вариантов французской политической современности. Как отмечает Луи Дюмон, оно характеризует левых с их идеологическим мифом. Но существует и иная Франция, Франция правых. Она является собой иной мир менее универсалистский в идеалах, но более универсальный в своей позиции, т. к. правые убеждены, что индивид-гражданин в меньшей степени определяется абстрактными принципами. Куда как большее значение, с позиции правых, имеет реальная включенность граждан в национальную, а также локальную культурную и социальную среду. Хорошо известен тот факт, что в либеральном обществе свобода первенствует перед равенством. В обществе более эгалитарном, или народном, оно с точки зрения национального измерения (чего желали бы правые) должно быть в меньшей степени отчуждено от универсалистского и республиканского обаяния.

Идентичность правых является в большей мере культурной, а не политической, и то же самое можно сказать об

¹ Badie B., Hermet G. Op. cit. P. 115.

их концепции индивида и общества. Одна из особенностей французских правых заключается в том, что она организовалась по партийному признаку с запозданием, лишь после того, как в стране утвердился на основе всеобщего голосования парламентский режим. И потому в глазах граждан XIX в., да и позднее, правые идентифицировались не столько с партиями, сколько с некой совокупностью ценностей, к числу которых относятся повышенный клерикализм, привязанность к определенной территории, экзальтация местного партикуляризма, шовинизма, антисемитизма и открытая тоска по монархии¹.

Когда указанная идентичность включается в классический представительный механизм и сочетается с верой в добродетель плюрализма, она становится просто орлеанистской², или занимает место между либерализмом и стыдливым консерватизмом. Когда правые на основе своей идентичности подвергают осуждению политические партии, разделяющие общество на части, осуждают раздел страны, вызванный революцией, и восхваляет объединение двух Франций, эта идентичность обретает лицо бонапартизма³, буланжизма⁴, вишизма⁵ или голлизма. Обращает на себя внимание тот факт, что эти течения являются не менее эгатическими, чем левые течения. За исключением, может быть, режима Виши, ни одно из них не отрицает революционного наследия в том, что касается добровольного отказа от старого режима или

¹ Cf. *Calderon D.* La droite française. Formation et projet. P., 1985. P. 16–17.

² Орлеанисты в XIX в. — монархическая группировка во Франции, возведшая на престол в 1830 г. Луи Филиппа, в дальнейшем поддерживавшая притязания других представителей Орлеанского дома на корону. Орлеанисты выражали в основном интересы финансовой аристократии.

³ Бонапартизм — контрреволюционная диктатура крупной буржуазии, опирающаяся на армию и реакционно настроенные слои крестьянства и лавирующая между борющимися классами в условиях неустойчивого равновесия классовых сил; сочетает демагогию с политикой наступления на демократию.

⁴ Буланжизм — шовинистическое движение во Франции в конце 80-х гг. XIX в. под лозунгами реваншистской войны против Германии, пересмотра республиканской конституции (1875) и роспуска парламента. Движение возглавлялось генералом Ж. Буланже.

⁵ Виши — название французского коллаборационистского режима во Франции (июль 1940 — август 1944) в период оккупации страны немецкими войсками.

признания народного суверенитета. Но все они в той или иной мере являются плебисцитарными движениями. Речь идет о том, что эти движения единогласны в том, что революционное наследие не может быть источником публичного духа. Этот публичный дух, являясь эгалитарным в идеале, превращается в неэгалитарный дух на практике: он получает свое выражение в двух разновидностях гражданства. Политическая современность французов разделяется на универсализм левых и плебисцитарный рефлекс правых. И только V-й Республике удалось смягчить это напряжение, превратив народ левой ориентации в плебисцитарный¹.

Культурные основания немецкой политической чувствительности в некоторых аспектах схожи с тем, что характерно для французской правой. Немцы воспринимают индивида в большей мере через укоренение его в реальность, нежели через абстрактную универсальность человеческой природы. Германия, как таковая, воспринимается как некий гражданин в его политической целостности, или как «демократ». Однако запоздалое национальное объединение, незаконченный характер которого неизбежно ставит его под вопрос, способствовало тому, что идентичность утверждалась не благодаря государству и не вопреки ему. Отсюда — эффект культурной сверхкомпенсации. Это сказывалось до 1945 г. в опоре на особенность немцев, которая изначально основывалась на романтизме самосозерцания и отказе от духа Просвещения, который рассматривался как чужеродный.

Этот феномен берет начало в XVIII в. Он проявляется как реакция на распространенность в малых дворах французского или английского языков, а немецкий рассматривался как язык крестьянства. Знать малых дворов не была способна обеспечить распространение во всей стране централизованной культурной модели и ценностей, как это было, например, во Франции. Параллельно, как отмечает Н. Элиас, отсутствие «куриальной системы» не компенсировалось, как в Англии, внедрением земельной знатю и буржуазией однородных норм поведения для всех слоев общества. Немецкая элита не была единой, и к тому же она была особенно воинственной на Востоке. В этих условиях культивировалась любовь к националь-

¹ Denie B., Hermet G. Op. cit. P.116.

ному чувству, способствующему развитию ксенофобии. Несмотря на колебания Гете в эпоху французской революции, универсализм опаздывал со своим появлением в Германии. Он тогда в глазах многих немцев казался антинациональным.

Эта сконцентрированность на себе в середине прошлого века была усилена в ходе процесса осуществления политического объединения. Романтизм *Volksgeist* — дух немецкого народа — стран Запада соединился с военизированными и бюрократическими ценностями Пруссии. В то же время заботы по этатической, культурной, экономической и социальной интеграции новой Империи отразились и на режиме правления, который следовало создать для ее осуществления. Государство Бисмарка стремилось имитировать либеральный парламентаризм, заводя в тупик вопрос гражданства. В своем большинстве немцы соглашались с авторитарной стратегией Бисмарка, оправдывавшейся необходимостью осуществления национальной консолидации. Кто мог в этих условиях изменить предубеждение Лютера или Гегеля, заключающееся в том, что человек может быть свободен, а общество свободным быть не может? Показательно, что национал-социализм, а потом гитлеровский режим ничего не делали для того, чтобы изменить такое убеждение.

В свою очередь, *средиземноморская Европа* характеризуется специфическими конфигурациями современного политического чувства. Италия, например, несет следы запоздалого национального объединения. Вопрос расширения политического участия масс ставится здесь в терминах сочувствия как проблема, значение которой менее значило в конце прошлого века, чем проблема укрепления государства и национальной идентичности. В силу этого создание либерального конституционного режима приобрело в Италии форму манипуляции правящим классом на верху на основе клиентелистского господства сельского населения Юга, электоральных подтасовок, а вплоть до 1912 г., законодательства, ущемлявшего северные провинции, где большинство рабочих были лишены права голоса. А потому пьемонтское объединительное государство в других районах рассматривалось как иностранный орган, напоминающий австрийскую администрацию, которая ему предшествовала в некоторых северных провинциях.

Эти относительно недавние факторы наложились на старые элементы, что во многом определило итальянское политическое чувство. С одной стороны, отсутствие подлинно национальной религиозной традиции, наподобие французского галликанства¹ и северного протестантства привело к тому, что транснациональная католическая идеология еще в 70-е гг. прошлого столетия выражалась в том, что многие итальянцы ощущали себя не итальянцами, а католиками-итальянцами. С другой стороны, слабая эффективность государства объясняет тот факт, что вне Церкви другие социальные институты могли соперничать с ней в силу того, что представляли собой своеобразную матрицу гражданской идентичности. Так было в 1944 г. в случае с Итальянской коммунистической партией. Так было и так есть в случае с мафией и другими подпольными контрвластями на Юге страны. Демократическое чувство итальянцев распределилось между многими и противоречивыми очагами, а центральная власть не являлась для них объективным приоритетом.

Испания также характеризуется отсутствием национальной идентичности и этатических оснований, причины чего восходят к далекому прошлому. Будучи «граничной» землей между исламом и христианством, потеряв много населения в Реконките², Испании был неведом «ошейник», в котором в период феодализма оказались народы большей части Европы. В силу этого вплоть до XV в. для испанского общества был характерен эгалитаризм, и он продолжает давать о себе знать и позднее. Однако эта традиция личной независимости была раздавлена в XVI в., по крайней мере в качестве фермента докапиталистической буржуазной

¹ Галликанство (от лат. *gallicanus* — галльский, т. е. французский) — религиозно-политическое движение (с XIII в.), сторонники которого добивались автономии французской католической церкви от папства. Идеи галликанства нашли отражение в выступлениях французских епископов на II Ватиканском соборе 1962 — 1963 гг.

² Реконкиста (исп. *Reconquista*, от *reconquistar* — отвоевывать) — отвоевание коренным населением Пиренейского полуострова в VIII — XV вв. территорий, захваченных арабами (точнее — маврами). Реконкиста началась битвой 718 г. Решающее значение имело сражение в 1212 г. при Лас-Навас-де-Толоса. К середине XIII в. в руках арабов остался лишь Гранадский эмират (пал в 1492 г.). Отвоевание сопровождалось заселением и экономическим освоением опустошенных войной земель. Реконкиста оказала большое влияние на экономическое и политическое развитие государств Пиренейского полуострова.

свободы. Габсбурги¹ разрушили экономический рост в ходе модернизации страны (текстильная индустрия, переведя ее в Голландию) с единственной целью специализации Кастилии на подготовке солдат и чиновников.

Позднее, это кастильское государство² оставалось бюрократически отсталой базой армии и конфедерации вассалов. Даже Бурбоны французского происхождения не изменили этой ситуации. Они оказались неспособными распространить объединительную культуру, как это сделал Версаль. А потому Испания долгое время испытывала господство транснациональной католической культуры, как это имело место в Италии. Страна испытывала воздействие множества региональных культур, для которых кастильское государство представляло собой хищный и паразитический аппарат. В таком контексте в конце XIX в. необходимо было утверждать национальное единство в умах испанцев, несмотря на то, что в букве оно было достигнуто. Сказывалось и противоречие между авторитарной фракцией общества, для которой демократия означала средство достижения единства и либеральной или прогрессистской фракцией, без участия басков и каталонцев. Республика 1936 — 1939 гг. споткнулась именно на этом, что, впрочем, сказывается и сегодня.

3.3. Формирование современных режимов

Несмотря на то, что общей чертой евро-американского культурного пространства является христианство, не существует единой модели политического чувства, присущего странам, которые это пространство составляют. Если «продукты» политического смысла имеют сходство на уровне языков, то значение слов и ценностей различается почти в каждой национальной среде. Множество субстратов западного плюрализма не исчерпывает анализа множества путей к современности.

¹ Габсбурги (Habsburger) — династия, правившая в Австрии (с 1282 — герцоги, с 1453 — эрцгерцоги, с 1804 — австрийские императоры). Присоединив в 1526 г. Чехию и Венгрию (где титуловались королями) и др. территории, стали монархами многонационального государства (в 1867 — 1918 гг. — Австро-Венгрии). Габсбурги были императорами «Священной римской империи» (постоянно в 1438 — 1806, кроме 1742 — 1745 гг.), а также королями Испании (1516 — 1700).

² Кастилия (Castilla) — королевство в XI — XV вв. в центральной части Пиренейского полуострова. Образовалось в 1035 г.

Если это множественность даже проявляется как фактор глобального освобождения в длительной перспективе, она это делает, вводя в игру переменные, которые не являются только культурными или геостратегическими. В таком подходе экономическое измерение западной динамики остается в стороне от анализа, в то время как оно дает понимание и других форм плюральности. При этом оказывается, что плюральность не является началом плюрализма и освобождения гражданства. Напротив, в ней отражается длительное колебание политических моделей Запада между додемократическим либерализмом и либеральным авторитаризмом, с одной стороны, а с другой — существованием двух конкурирующих друг с другом путей институциональной организации политических режимов — один основан на принципе представительства и допустимого плюрализма, другой — на плебисцитарном объединении или диктатуре. Авторитаризм также представляет собой черту, присущую западной динамике, не говоря уже о проявлениях тоталитаризма последних десятилетий.

3.3.1. Интерпретация Баррингтона Мура

В своем произведении «Социальное происхождение диктатуры и демократии» Б. Мур показывает роль экономических переменных в генезисе современных политических систем. Он это показывает на примере первых додемократических шагов, а также и на примере их авторитарного развития. Б. Мур утверждает, что различное устройство этих систем определилось изначально воздействием первичного фактора. Речь идет о способе обеспечения производства и контроля за прибылью от реализации продуктов, появившейся в итоге осуществления аграрной революции. Испытывая на себе влияние марксизма, Б. Мур развивает аргументацию, связанную с тем, что возникновение и дифференциация форм правления в евро-американском пространстве не испытывали сильного влияния культурных или политических составляющих.

Аграрная революция является прелюдией промышленной революции. С самого начала она предстает, с одной стороны, как запоздалое следствие изменения характера присвоения и эксплуатации земли, что проявилось в Англии в XVI в., расширения частной собственности на землю и прогресса в извлечении дохода крупными собственниками. С другой стороны, она предшествует технологическим

изменениям, которые, начавшись в Голландии, получают распространение в Великобритании в следующем столетии, прежде чем получить распространение в других странах Европы. Впервые в истории человечества и только в некоторых районах стало возможным производство продуктов за пределами самообеспечения. Впервые в некоторых городах возник саморегулируемый рынок вместо механизма сбора податей с крестьян в пользу королевского двора, армии и столиц. Вследствие этого *удовлетворение потребности городов в сельскохозяйственной прокуссии перестало быть средством разорения крестьян.*

На основе этого наблюдения Б. Мур защищает идею, согласно которой *парламентские или представительные режимы* нашли питательную почву в тех странах, где новая капиталистическая элита, буржуазная, или буржуазная и аристократическая одновременно, оказалась способной обеспечить перед лицом абсолютистского государства господство коммерциализации прибыли, а также провести аграрную революцию. И наоборот, он усматривает в слабости или зависимости этих элит от государства, в их способности собственными силами обеспечивать прибыль от производства фермент западного авторитаризма. Вследствие этого он выдвигает следующее положение: чем теснее связи кооперации между городскими и сельскими элитами, или между буржуазией и аристократией при зарождении современных политических режимов, тем больше шансов для утверждения перехода к представительной демократии. И наоборот, опасность появления множества кризисов в процессе демократизации возрастает, согласно ему, в зависимости от дистанции, разделяющей элиты. Б. Мур, как было отмечено выше, выделяет три пути политического перехода от доиндустриального мира к миру капиталистическому и либеральному.

Демократический путь характеризуется автономией гражданских элит от государства. Он ведет к парламентаризму. «Буржуазный революционный» путь характеризуется наличием «социальной группы, обладающей независимым экономическим основанием для развития» и преодолевающей препятствия в виде наследия прошлого, которые встают на пути становления экономического капитализма. Существует и «реакционный капиталистический путь», возникающий при проведении «революции сверху». Он характеризуется зависимостью элит от государства, осу-

шествовавшего модернизацию авторитарного правления в целях сохранения господства над процессом материального производства, что определяет ее политическую волю. Наконец, третий путь — это крестьянская революция, или коммунистический путь, когда народный бунт наносит поражение предшествующей форме господства. Он характерен для России и Китая.

В таком трояственном подходе динамика буржуазной революции представлена Великобританией, где развитие парламентской системы связано с игрой двух элементов. Первый из них связан с подъемом новой экономической элиты из числа представителей аристократии и крупной буржуазии, которая стремится превратиться в *политическую элиту, обладающую суверенитетом перед лицом королевской короны*. Второй связан с относительно мирным развитием начальной фазы капиталистического изменения в условиях, когда крестьянство не было затронуто идеологией рабочих, что возникнет столетие спустя.

Во Франции и США события развивались иначе. Для них характерен «буржуазный и либеральный путь». Однако во Франции медленное развитие аграрной революции вело к тому, что элиты оставались в материальной зависимости от государства, которое выполняло роль мотора развития до и после революции 1789 г. Меркантилизм абсолютистской монархии, как и революционные беспорядки, и наполеоновский дирижизм способствовали гегемонии центральной власти. Более того, антагонизм знати и буржуазии в отношении государства затруднял достижение согласия между ними, порождая нестабильность политического развития, в котором демократическое развитие испытывало анархичное влияние массового недовольства. В Великобритании же такое недовольство канализировалось правящими кругами, что предохраняло от появления непредсказуемых событий.

В США развитие событий не отличается от Великобритании в том, что касается отношений между гражданскими элитами и монархией. Отличие заключается в том, что эти элиты были разделены по географическому принципу на *буржуазную северную и южную и парааристократическую*. Такое разделение оказалось непреодолимым, о чем свидетельствует факт возникновения гражданской войны. Она оказалась весьма кровопролитной. В войне за независимость погибло около 700 000 человек. Это была самая жестокая

западная гражданская война. Есть все основания утверждать: британский путь к демократии был постепенным и мирным, американский — насильственным, что получило дальнейшее продолжение в борьбе против рабочего движения в конце XIX в., а также в современных условиях в борьбе за гражданские права.

В Германии на основе прусского опыта была осуществлена «капиталистическая революция сверху». Этим выражением Б. Мур обозначает процессы экономических и политических изменений, осуществляемых под эгидой государства, изначально в перспективе военной мощи. Эта волюнтаристская, этатическая и авторитарная стратегия используется в странах с меньшим уровнем экономического развития, чем тот, что был в свое время в Англии и Франции. Такое развитие событий также вписывается в либеральную традицию и тоже является неотъемлемой частью европейского пространства.

Согласно Б. Муру, этот *авторитарный путь* берет начало в «агро-коммерческой» революции, в том, как Пруссия разрешала вопрос присвоения сельскохозяйственных излишков. В XVIII и в начале XIX в. это приобрело политико-экономическую форму «репрессивного сельского хозяйства», осуществлявшегося бюрократизированной абсолютистской монархией, действовавшей одновременно как инициатор и получатель выгод от нового способа производства. Перед лицом внешней угрозы и в силу потребностей военного аппарата государство конфискует и монополизует излишки сельского производства. Жесткое государство и казарма в XVII — XVIII вв. строились на основе развития бюрократии и тщательной регламентации, подчиненных интересам армии. В своих отношениях с обществом государство Восточной Германии подчинялось юнкерам не меньше, чем крестьянам. Аристократия была приводным ремнем центральной власти, призванным контролировать трудящихся областей, за которые она отвечала, а не собственность. Это затрудняло становление капитализма. Более того, указанный процесс совпадает с авторитарными настроениями системы господствующих политических ценностей, основанных на лютеранском принципе абсолютного подчинения управляющим. Прусский деспотизм освещался только в салонах двора Потсдама. В остальном дух Просвещения был запрещен.

3.3.2. Воздействие индустриализации

Западный авторитаризм должен интерпретироваться и с точки зрения элементов более недавних, связанных прежде всего с *индустриализацией*, произошедшей в XIX в., и с изменением равновесия европейских держав, что происходило в то же самое время. От Возрождения до наполеоновской эры цена года войны превзошла обычные и даже чрезвычайные годовые налоги того времени, когда абсолютизм выполнял в отношении экономики только функцию контроля. В течение трех столетий королевское могущество основывалось на финансах, а точнее на способности получать займы у банкиров Северной Италии, Амстердама, а потом Лондона в период глубокого и длительного конфликта. Меркантилистская политика получения иностранных займов и собственные платежные средства выражали эту экономическую неустойчивость, но не устраняли ее.

Иммануэль Валлерстейн полагает, что, начиная с XVI в., и особенно в течение двух следующих столетий, новая логика, которую он определяет как *Экономика—Мир*, начинает изменять старую логику, основанную на военной силе, опиравшуюся на банковские займы. И начиная с этого момента, превосходство политических объединений все меньше зависит от армии, а все больше — от технологического, производительного, а потом коммерческого и финансового потенциала. Порядок элементов обретает обратное выражение.

В первую очередь навязывается внутренний экономический потенциал, который ставится в зависимость от динамики роста, нежели от наличия ресурсов. Во-вторых, военный инструмент и его финансовый субстракт являются в большей мере следствием или продуктом внутренней экономической динамики, что преобразует основания правления, позволяя в лучшем случае зарубежным банкирам делать ставку только на национальные обычные или чрезвычайные бюджеты.

Эта новая конфигурация могущества подрывает позицию государства. Государство перестает быть единственным агентом мобилизации средств, которые оно изымало у граждан или занимало за рубежом. Наоборот, именно торговля и мануфактура и развитие рынка создают богатство общества, обеспечивая основу для его могущества. Такое изменение неизбежно выдвигает на передний план общественного

развития буржуазию и делает войны опасными для нее. Поверх отношений могущества, основанных на экономическом превосходстве тех или иных стран, отмечается отступление с прежних господствующих позиций государства и военной силы как эталонов международной иерархизации. Сила «дезэтиатируется». Согласно И. Валлерстейну, она становится свойством «центра» капиталистической сети относительно атерриторизированного и аполитичного.

В реальности, если только такое понимание очерчивает контур перехода от одного типа превосходства к другому, то оно оставляет в стороне политический аспект. Однако такая схема применима только к Великобритании и США. Добавим, она отражает реалии в основном XIX в. На европейском континенте, который отставал в экономическом развитии от Великобритании, такое понимание перехода получило в большей мере воплощение в волюнтаристских правлениях некоторых государств, нежели в стихийном развитии рынка и частного предпринимательства. Короче говоря, государство, как организатор индустриализации, преобразует общество в странах Западной Европы, в том числе и в политической области, тогда как в англосаксонском пространстве государство во многом было подчинено обществу. Это различие породило две разных ситуации в политических изменениях. Однако после 1850 г. массовые демократические требования и индустриализация совпадают в своем развитии.

В «Технической Европе, или освобожденном Прометее» Дэвид Ланд¹ резюмирует эту дифференциацию, отмечая, что чем больше запаздывает индустриализация страны, тем больше *вмешательство государства и его укрепление* являются решающим моментом развития. Индустриализация текстильной промышленности в Великобритании не требовала больших капиталов, что позволило использовать вложения частных предпринимателей. Иная ситуация была в странах, которые позднее встали на путь индустриализации. Технологический контекст индустриализации здесь был более дорогостоящим и конкурентным. Это характерно для становления металлургической промышленности. Ее развитие нуждалось в больших капиталовложениях и сопровождалось ростом пролетариата, а также распространением социалистических идей. Финансовая мобилизация и социальное регулирование требовали не только содействия банков, но и активной деятельности государства.

¹ Landes D. L'Europe technicienne ou le Prométhée libre. P., 1975.

Если к сказанному добавить процесс *национального объединения* в таких странах? как Германия и Италия, то станет понятно, что все основные факторы для формирования западного авторитаризма во второй половине XIX в. оказались налицо. Систематизируя *различие двух фаз начала индустриализации* и сравнивая их политические последствия, Александр Гершенкрон¹ и Карл де Швейниц², как и Б. Мур, показывают два пути — парламентский и авторитарный — к западной современности.

А. Гершенкрон показывает две различные фазы европейской индустриализации. Первая определяется им как «либерально-текстильная». Она связана с развитием легкой промышленности на основе деятельности мелких и средних предпринимателей. В рамках открытого и фракционированного рынка их действия не были связаны с государством. Более того, государство не вмешивалось в финансовую, коммерческую или социальную деятельность. Это все лежало на плечах предпринимателей. А потому в Великобритании и США на параллельном курсе развивалась парламентская структура, не менее либеральная, чем экономический контекст общества. При этом указанный курс не опирался на идеологический проект расширения участия масс в публичных делах, не опирался он и на умозрительно построенный экономический проект. Политика, на английский лад, была призвана гарантировать свободу рынка и свободу предпринимателей. Более того, расширение политического рынка осуществлялось идентичным образом, прагматично, постепенно и не на основе универсалистского принципа.

В свою очередь, де Швейниц характеризует процесс индустриализации на второй фазе, которую можно назвать «этактично-металлургической». В таких странах, как Германия, Италия и даже Франция, в силу нехватки финансовых ресурсов у частных предпринимателей возникла зависимость от государства. Такой контекст не способствует стабилизации парламентского правления, а диалог экономических элит и элит административных осуществлялся без посредников. Выборная и представительная процедуры становятся в таком случае стеснительными, особенно если они дают возможность влиять на принимаемые решения. Согласно либеральной логике, не подвергается

¹ Gershenkron A. Economic Backwardness in Historical Perspective. Cambridge, 1962.

² De Schweinitz K. Industrialisation and Democracy. New York, 1964.

сомнению легитимность тех депутатов, которые не озабочены процессами индустриализации. Эти депутаты в своем большинстве оказывались на стороне мелких и средних предпринимателей, связанных с текстильной индустриализацией. И именно этим предпринимателям угрожало развитие тяжелой индустрии.

В немецкой империи времен Бисмарка (конца 1860-х гг.) сказывалось влияние необходимости национального объединения, что еще больше усиливало авторитарную и централизаторскую природу режима поверх фасада парламентаризма всеобщего голосования. Небольшие объединяемые государства сохраняли свои декоративные атрибуты элитического института. И суверенитет, как отмечает К. Шмитт¹, оказывается разобренным этими государствами. Он принадлежит высшей целостности, которая недостаточно точно определена: императору, канцлеру или немецкому народу в его совокупности? И так было вплоть до 1945 г.

Иначе события развивались в Италии. Но они коренятся в том же самом источнике и подчиняются идентичной пара-авторитарной логике. Под названием *Trasformismo* режим в 1880—1890 гг. укреплялся в парламентских одеждах. Однако под их прикрытием на практике реальные процессы определялись, особенно в экономической области, решениями элит Севера и Центра.

Во Франции раннее развитие легкой промышленности и уже сформировавшееся национальное единство не препятствовали развитию тяжелой промышленности и развитию плебисцитарного авторитаризма.

В таком же контексте развивалась и вторая империя. К. Маркс это заметил, показав на примере полудиктатуры Наполеона III, отразившей панику после революции 1848 г. тех, кто верил в либеральные принципы всеобщего голосования, но кто желал сразу же их отменить на основе утверждения иной концепции свободы индивида перед лицом количественного большинства. Императору, правда, удалось сохранить видимость массовой демократии, сохраняя логику либеральной власти. Он сумел также использовать авторитаризм как средство удушения протеста, по крайней мере потенциального, мелких предпринимателей против развития тяжелой промышленности и банков в 1850—1870 гг. В этом случае молчаливый и эффективный

¹ Schmitt K. *Parlementarisme et démocratie*. P., 1988.

технократический диалог в пользу развития индустрии и роста пролетариата оказался предпочтительнее парламентского механизма. В этих условиях бонапартизм приобрел комплексные и двойственные черты. Он использовал всеобщее голосование, которое не является менее демократическим, чем представительство. Но одновременно он создал современное государство, всепроникающее, рациональное, позитивистское, технократическое, управляющее обществом вопреки демократическому идеалу¹.

3.3.3. От оттеснения опасного класса к социальной демократии

Парадоксальный характер продвижения стран Западной Европы к демократической современности проявляется в этом пункте. Движение в этом направлении изначально опирается на *цензурную логику представительного правления*, сложившегося в Великобритании с XVIII в. Если эта логика характеризуется тем, что государство является только одним из социальных институтов, подчиненных обществу, то она предполагает и то, что гражданство может быть предоставлено только тем пуританам из англичан, которых называли *well affected*, т. е. тем из граждан, кто был обеспеченным и обладал определенной этикой. Что же касается всех других, особенно представителей опасных классов, они должны быть исключены из гражданства. Иначе говоря, нарождавшаяся демократия требовала от политического корпуса конформизма, называемого гражданской добродетелью, которую далеко не все разделяют.

Фактически, такая демократия является во многом антидемократической. Это противоречие будет отличать все стратегии, при помощи которых либералы стремились разрешить противоречие между идеалом эгалитарной свободы и пессимистическим видением человеческой природы. Отношение к *опасному классу* определяло рисунок этих стратегий, начиная с американской революции и французской революции 1789 г. Этот класс достаточно долго стремились отдалить от власти. И разрешить это противоречие удалось только тогда, когда утвердилась идея демократии на основе всеобщего голосования.

Американские конституционалисты в 1786 г. сформулировали идею президентского режима. Она выражала

¹ Cf. Badie B., Hermet G. Op. cit. P. 124–125.

высшую легитимность избираемого президента, личность которого выражала национальную или народную идентичность, при помощи чего удавалось ограничивать конфликты в обществе. Конфликтность ограничивалась фракционной, а потом и межпартийной борьбой в период избрания государственного руководителя.

Французские революционеры не смогли использовать такой же подход в силу неудавшихся попыток конституционной монархии. Поясним. В революционной Франции был сформирован парламентаризм в чистом виде, т. е. на основе прямого подчинения исполнительной и судебной властей законодательной власти. Но в то же время революционная Франция сохраняла верность цензовому исключению из выборов значительной части общества. Такая ситуация типична для стран, в которой капиталистическая революция буксует, а материальные интересы населения не защищаются перед лицом государства. В таком случае *опасный класс* становится в положение, когда он не является обладателем собственности, а в политическом отношении — оказывается просто беспомощным. Такая ситуация имела место во Франции в течение всего периода — с 1795 по 1814 г. Нельзя не сказать и о выборах указанного исторического периода. Известно, что избирателей в революционной Франции было только около 6000 человек.

Такое положение содержит два подводных камня. В условиях отсутствия политических партий парламентского типа, чередований правителей и политических тенденций осуществлялось не с точки зрения выборов, а на основе арбитража политиков, опиравшихся на силу хронических парижских восстаний. Однако достаточно быстро французское население устало от господства собраний, связанных с улицей, и стало осознавать необходимость в наличии сильной власти, не связанной с уличными бунтами. В итоге в процессе демократической модернизации возникают, по определению Жоржа Бурдо, конвенционные фазы — или парламентское господство, и директориальные фазы — на основе господства исполнительной власти.

С 1791 по 1848 г. бунтующие толпы Парижа, казалось, покончили с чередованием правителей и режимов. Некоторые исследователи небезосновательно полагают, что эти толпы были использованы для достижения политическим классом именно такой цели. Лишенные права голоса на основе цензов, рабочие оказались в подчиненной ситуации,

однако их энергия выходила на улицах в революционные дни. И тогда они определяли судьбу страны на основе своей поддержки новых управляющих.

Наполеон I ввел директориальное¹ республиканское правление. Не случайно на монетах, выпускавшихся до 1808 г., изображен император, и имеется надпись «Французская республика», т. к. для большинства французов не существует противоречия между фигурой провиденциального человека, воплощающего идентичность нации, и республиканским суверенитетом. Народ узнавал себя, скорее, в могущественном руководителе, чем в болтающих депутатах. Однако требование всеобщего голосования станет своеобразным примирителем конфликта между конвенционными и директориальными проявлениями республиканской динамики в период с 1848 по 1871 г. Это происходило под воздействием парламентариев, стремившихся исправить свои ошибки и ошибки Наполеона.

В 1848 г. французский политический класс освободился от своего страха перед лицом опасного класса. Он открывает для себя значение *консервативной составляющей всеобщего голосования*, что особенно сильно сказывалось в стране с преимущественно сельским населением. И потому легитимисты уже в 1815 г. поставили вопрос расширения права голоса для крестьян. Значение своего превосходства с точки зрения образования республиканцы осознают позднее. Однако, несмотря на изначальные колебания, результат расширения права голоса оказался бесспорным. Сельская Франция 1848 г. проголосовала против улиц Парижа. А президентские выборы в декабре принесут победу Луи Наполеону, а законодательные выборы 1849 г. обеспечат консервативное большинство в 500 человек из 750. Оказалось, что *с расширением права голоса был найден рецепт контрреволюции и средство борьбы с опасным классом городов*. Этот рецепт был связан с расширением права голоса и электоральной демократией. К сожалению, кровавый ужас восстания в июне 1849 г. показал, что пролетарии не приемлют логику урн и остаются приверженцами эфемерного суверенитета баррикад. Демократы, недавно избранные, уже в 1850 г. вновь

¹ Директория (фр. *directoire* < ср.-лат. *directorium* — управление, руководство) — коллегиальный орган исполнительной власти во Франции (1795 — 1799); директориями назывались также некоторые контрреволюционные правительства (в Уфе и на Украине) во время гражданской войны и иностранной интервенции в Советском государстве.

ограничили право голоса. Однако Наполеон III после государственного переворота 2 декабря 1851 г. восстанавливает всеобщее голосование. В силу этого был осуществлен отказ от директориальной традиции и переход к плебисцитарной и авторитарной республиканской традиции. И в период второй Империи французы учатся голосовать с тем, чтобы восхвалять императора и смещать нотаблей на местных выборах. И это укрепляло республиканское чувство в массе населения. Массовое чувство, не ведая того, становится постепенно республиканским.

Для того чтобы население стало полностью республиканским, необходимо будет ждать 1871 г., когда сформированный парламентский режим продемонстрирует населению свою силу перед лицом парижских волнений. Об этом свидетельствует факт кровавого подавления Парижской коммуны Адольфом Тьером¹. Тьер раздавил коммунаров, вместо того, чтобы, как это было прежде, им уступить. Он показал всему населению решимость неплебисцитарной власти, подчиненной законодательной власти. Тем самым было на 30 лет остановлено дальнейшее развитие рабочего движения. Республика же предстала перед лицом средних классов и элиты как режим порядка, которого ожидали. Более того, голосование перестало ощущать радикальные требования городского пролетариата. В III-й Республике превосходство голосования провинции предопределило французский демократический темперамент до такой степени, что и столица во многом стала консервативной. Да и политика проводилась консервативная по своей сути.

Пролетарии в силу этого не признавались политическим режимом. Социалистическая партия была сельской или мелкобуржуазной, а рабочие долгое время предпочитали идентифицироваться с анархо-синдикализмом. В итоге пришествие V-й Республики и возвращение к ней директориальной или плебисцитарной политической современности обеспечили реальную интеграцию политического корпуса. Что касается массовой демократии и ее государства всеоб-

¹ Тьер Адольф (1797 – 1877) — французский государственный деятель. Глава исполнительной власти с февраля 1871 г. В 1871 (сентябрь) – 1873 гг. президент Франции. В феврале 1871 г. заключил унизительный для Франции прелиминарный договор с Пруссией; пытался разоружить парижских рабочих, что вызвало революционное восстание 18 марта 1871 г. После провозглашения Парижской коммуны возглавил версальцев. С исключительной жестокостью подавил коммуну.

щего благоденствия, они стали результатом усилий в большей мере умеренных партий, перед лицом левых, которые управляли только в 1926, 1936 и после 1981 г.

Осознание консервативной добродетели всеобщего голосования помимо Франции имело место и в Швейцарии, где универсализация голосования произошла в 1848 г. В Великобритании, наоборот, происходило постепенное расширение масштабов голосования. Законы 1832, 1867 и 1880 гг. сохраняли избирательные цензы вплоть до 1918 г. А в 1948 г. был осуществлен отказ от двойного голосования университетской элиты и руководителей предприятий.

В более широком плане создание «партийных машин» предшествует массовой демократии в англосаксонских странах. Речь идет о британских *registration societies* и явлении *боссизма*¹ в демократической партии в США. То же самое можно сказать и об экономическом ресурсе власти, возможности которого выросли в условиях индустриализации.

Нужно сказать, что воздействие на уровень жизни масс представляет собой главный ингредиент демократической тактики. Однако этот ресурс использовался в Великобритании с 40-х гг. XIX в. благодаря внедрению свободного обмена, который позволил наполнить рынок продуктами питания. Это привело к известному умиротворению, ослабило прямые политические требования и привело к решительному ослаблению революционного движения, насчитывавшего в XIX в. 2 млн членов. Речь в данном случае идет о чартистском движении. В США нечто подобное произошло после голосования во время Гражданской войны.

Со своей стороны, *воздействие Первой мировой войны* способствовало признанию в Великобритании всеобщего голосования в 1918 г. Это оказало воздействие и на страны Центральной Европы. По мнению Горана Терборна², Первая мировая война стала решающим фактором в возникновении массовой демократии. В том же 1918 г. Германия и Австрия снимают последние ограничения для всеобщего голосования. В тот момент казалось, что осуществление «военного гражданства», обязательного для большинства населения, вступало в противоречие с полным электоральным гражданством.

¹ См.: Желтов В.В. Введение в политическую науку. Кемерово, 2003. С. 224–228.

² Therborn G. The Rule of Capital and the rise of Democracy // New Left Review (103), may–june, 1977.

Однако параллельно существовал и оригинальный немецкий путь интеграции масс в политическую систему. Этот путь не являлся действием по английскому или американскому образцу в отношении общего уровня жизни. Он определялся социальной поддержкой, начатой в 1880 – 1890-х гг. полуавторитарным режимом Бисмарка. Предваряя государство всеобщего благоденствия, социальная стратегия Бисмарка учитывала влияние социал-демократической партии Германии. Стратегия Бисмарка интегрировала профсоюзы, связанные с социал-демократической партией, в систему управления, наряду с патронатом, под эгидой государства с тем, чтобы придать немецкому рабочему движению реформистский характер и озабоченность экономическими реалиями. В такой ситуации подъем коммунистической партии в 1918 – 1932 гг. представлял собой периферический протест такого компромисса, который не противоречил интересам бюрократии. Позднее Р. Михельс назовет это «железным законом олигархии», который в разное время дал о себе знать не только в Германии, но и во многих других социалистических и коммунистических партиях.

Страны *Южной Европы* являют собой еще одну особенность трудового класса, проявившуюся в самом начале становления массовой демократии. В Испании и Италии эта особенность выражалась в господстве клиентелизма в сельской местности вплоть до Первой мировой войны. Клиентелизм опирался на официальный обман двойной избирательной системы, различной для городов и сел. В Италии ценз в городах сохраняется вплоть до установления всеобщего голосования в 1912 г., в то время как, практически, он не использовался на селе, где политические патроны имели своих избирателей. В Испании ту же роль играла практика навязывания единственных кандидатур на селе. Ответом на такую практику стал массовый абсентеизм и дискредитация выборов в глазах населения, что способствовало утверждению авторитаризма и фашизма, получивших развитие в 20-е гг. прошлого столетия.

Потом дадут о себе знать парадоксы и противоречия. Бисмарковская модель государства всеобщего благоденствия была относительно либеральной, основываясь на объединении патроната и рабочих, а также в большей мере на паях, чем на налогах. Позднее такой подход был заложен в основу социальной политики многих государств Европы. В то же время Великобритания и США, будучи в

принципе либеральными странами, развивали структуры социальной защиты и, в частности, медицину на основе прямого участия государства. Скажем и о том, что британские трудящиеся стали «чемпионами» в деле национализации предприятий.

Нужно сказать, что по примеру *New Labor* все социалистические формирования континента в противовес либеральной логике рынка шли по пути демонтажа социальной демократии. Некоторые прежние тенденции возрождаются и в наши дни. Речь идет о немецком федералистском темпераменте, в чем сказалось воздействием долгого отделения от Западной Германии ее Восточной части; о возвращении к директориальному режиму и плебисцитарному переходу в галльской республике; о демократизации Испании ценой ее отказа от того государства, которое никогда не было легитимным и которое никогда не признавали «националисты»; о недавнем развале первой итальянской республики, основанной на якобинской модели, которая ей не соответствовала. Таковы лишь некоторые из результатов европейской интеграции¹.

3.3.4. Европейский тоталитаризм

Обратимся к тоталитарным проявлениям в Европе в первой половине XX в., что является собой специфический феномен, в меньшей степени связанный с путем к политической современности, чем с движением к тупику гражданственности. Тоталитарные течения и диктатуры являются европейскими явлениями. В Европе начала прошлого века утвердился, как известно, примат индивидуальной идентичности, что способствовало появлению эрозии коллективных настроений. В то же время в Европе повсеместно утвердилась легитимная суверенная власть не лица или трансцендентной воли, а принципом — легальных, по Д. Локку и Х. Кельзену. По крайней мере в течение 150 лет суверенитет на Западе опирался на универалистские, но индивидуализированные основания. В результате государство как бы основывалось не на аппарате командования, легитимизированного своей центральной ролью в данном обществе.

Однако *тоталитарные проявления* дали о себе знать в Европе и нельзя исключать их появления вновь. Такое

¹ Cf. Badie B., Hermet G. Op. cit. P. 128—129.

предположение имеет право на существование, если учесть, что тоталитарные тенденции в прошлом веке стали своеобразной реакцией на реальный и особенно вербальный либеральный индивидуализм. Сторонники тоталитаризма отрицали плюралистическую массовую демократию во всех ее проявлениях. После Второй мировой войны такой тоталитаризм утвердился в странах Восточной Европы.

Нельзя рассматривать тоталитаризм с позиции *внешних признаков*, как это делали З. Бжезинский и К. Фридрих¹. Тоталитарные режимы Италии и Германии характеризуются диктаторским характером власти, господством партии над государством, презрением к праву, полицейским террором, националистической идеологией, воинственностью, расизмом. Однако большинство указанных черт, за исключением расизма, характерны и для других режимов — Второй империи во Франции, режимов канцлера Бисмарка в Германии или генерала Франко в Испании. Однако эти диктатуры не ставили под вопрос либеральный принцип. Они даже стали фазой движения к западной современности, в то время как нацистский режим Германии и фашистский режим Италии преследовали иные цели, нежели авторитаризм.

Анализ *социального генезиса* тоталитарных проявлений также представляет интерес. Лев Троцкий и Отто Бауэр² первыми указали на то, что фашизм и нацизм были массовыми движениями; в них выражался антагонизм средних классов и элит, их требование получения определенного политического статуса, их стремления самим прийти к власти в обществе в обход парламентских возможностей, где господствовали аристократы от нотаблей.

Вне всякого сомнения, и фашизм, и нацизм были антиолигархическими движениями. В длительной перспективе они отразили устремления средних слоев в условиях индустриализирующихся обществ. В краткосрочной перспективе они отражали опасения этих слоев в возможном

¹ Friedrich C.J., Brzezinski Z. Totalitarian Dictatorship and Autocracy. New York, 1956.

² Бауэр Отто (1882 – 1938) — один из лидеров австрийской социал-демократии и II Интернационала, идеолог австромарксизма. В 1918 – 1919 гг., будучи министром иностранных дел, выступал за присоединение Австрии к Германии. Один из организаторов и лидеров II Интернационала (1921 – 1923) и Социалистического рабочего Интернационала (1923 – 1940). С 1934 г. находился в эмиграции.

союзе управляющих с рабочим классом за их счет на период экономического кризиса и социальных и культурных изменений.

Однако тоталитарная амбиция объединения общества не получает в таком подходе объяснения: в ней говорится больше о языке управляющих, чем о реальных попытках их поддержки. Утверждение тоталитаризма предполагает абсолютное разрушение не только моральной, но и материальной поддержки общества и индивидов перед лицом государства, в частности, на основе устранения частной собственности на средства производства и запрета всякой автономной экономической деятельности. Именно по такому пути шло развитие тоталитаризма в СССР и других странах Восточной Европы. В Западной Европе государственное управление осуществлялось преимущественно в военной экономике.

Психологические или психоаналитические интерпретации тоталитаризма Х. Арендт, Э. Фромма, В. Рейха или Т. Адорно обращают внимание на нетолерантные фрустрации и авторитарную предрасположенность индивидов, которые проявляются в обществе. И нужно сказать, что западный тоталитаризм утвердился только в некоторых странах, в других же он оказался на обочине политической жизни. Существует в итоге *топография*¹ феномена, которая скрывает его самые дискриминирующие переменные.

От Скандинавии до Франции, в том числе и в Великобритании, не было тоталитаризма. Даже во Франции Виши тоталитаризм не получил своего полного выражения. Португальская диктатура Салазара не была тоталитарной в полном смысле этого слова, а фашистские проявления режима Франко в Испании в большей мере были связаны со стремлением получить поддержку Гитлера и Муссолини, нежели с приверженностью испанского каудильо² к фашизму. Даже в странах Центральной Европы (Австрия, Словакия, Хорватия) тоталитарные проявления не имели

¹ Топография (от греч. *topos* — место и ...графия) — географическое и геометрическое изучение местности путем проведения съемочных работ (наземных, с воздуха, из космоса) и создания на их основе топографической карты.

² Каудильо (исп. *caudillo* — предводитель) — 1. В Испании (1939–1975) официальный титул главы государства Ф. Франко. 2. В ряде стран Латинской Америки диктатор.

массовой поддержки. Это были тоталитарные правления. Словом, тоталитарная зона совпадает с римско-германской Святой империей Средних веков. Речь идет о регионе, где политическое объединение было запоздалым (происходило только в XIX в.), а национальная идентичность в силу этого утверждалась во многом насильственными средствами. А потому в этих странах демократическое чувство оказалось слабым, а системы ценностей не вписывались в универсалистскую и абстрактную концепцию гражданства, рожденную духом Просвещения. А это создавало благоприятную почву для отказа от парламентаризма вплоть до Первой мировой войны, а позднее — для отказа и от принципов демократии вплоть до окончания Второй мировой войны.

ГЛАВА 4

НЕЗАПАДНАЯ ПОЛИТИЧЕСКАЯ ДИНАМИКА

Политический порядок, утвердившийся в странах за пределами Европы, отличался в прежние годы и отличается в наши дни куда как большим разнообразием. А это предполагает использование и иных способов сравнения.

Прежде всего при проведении сравнительного анализа требуется учитывать *различия*, которыми отмечен каждый из политических порядков. Для этого требуется учет политической траектории развития той или иной страны во всей ее комплексности в сопоставлении с такой же траекторией другой или других стран. При этом, конечно же, необходимо учитывать тот факт, что власть, легитимность или политика не имеют одного и того же значения в разных странах, да к тому же они могут осуществляться различным образом.

В нашем пособии мы рассмотрим четыре культурных ареала: китайский, индийский, мусульманский и русский миры. Употребляя, вслед за известными нам уже компаративистами Б. Бади и Г. Эрме, понятие *мир*, мы указываем тем самым на его внутреннее разнообразие, полагая при этом, что историческая и культурная практика, сложившаяся в его рамках, обеспечивают минимум единства. Для того чтобы понять конструкцию власти, мы будем рассматривать три уровня анализа: политическое обязательство, которое символически определяет отношения между управляющими и управляемыми; политическую организацию, которая определяет структуры власти; дестабилизирующую динамику, которая ставит под вопрос и переустраивает властные отношения.

4.1. Политическое обязательство

Разнообразие политических режимов делает невозможным или искусственным все попытки типологии. Внезападная политическая динамика имеет в качестве общего момента то, что она отличается от западной этактической

модели. А осмысление политики за географическими пределами Запада предполагает использование совсем иных категорий анализа, чем в западных обществах. Так, невозможно говорить о китайской или индийской моделях, если не учитывать специфики их развития, т. е. смысла, традиций, практик и институтов, а также контуров политической сцены, сложившихся исторически. Все это вместе взятое и предопределяют действия и инновации в данных обществах.

С учетом такого подхода политическое обязательство связывается с самыми разными конфигурациями. Китайская модель «государство — этика» характеризуется тесным взаимодействием социального и политического порядков, осуществлением социальной гармонии, легитимирующей производство политических структур, которые обеспечивают прямое подчинение субъектов. Такая прочная и легитимная конструкция политического порядка значительно отличается от политического пространства, сложившегося исторически в Индии. Здесь политика атомизируется, растворяется в социальной структуре, подчиняясь кастовому порядку и превосходству закона. В таком случае политика становится дополнительным и неустойчивым моментом, она кристаллизуется только в специальных местах, а обязательность ее, как правило, не бывает очень жесткой.

Пространство политики является неопределенным и в мусульманском мире, внутри которого оно (пространство политики) не является автономным легитимным и не является одновременно и местом обязательного принуждения. Пример России демонстрирует иную ситуацию: политика в социальном порядке, существующем в стране, является высшей инстанцией, производителем и организатором этого порядка, обладая при этом правом принуждения.

4.1.1. Китайский этический порядок

Этика гармонии является не только философской категорией учения Конфуция (551 — 479) и его школы. Она связана с историей, для которой характерен распад социально-политического порядка. Связана она и с социологией крестьянского общества с его экологией ирригации. Воззрения Конфуция были реакцией на кризис китайского общества, которое сползло к анархии, выразившейся в борьбе сражающихся царств и которые шли на смену мо-

нархии Чжоу, в которой царственная особа опиралась на всемогущую аристократию и организованные семейные структуры. Порядок, который сложился в Китае в VIII в. до н. э., был семейной, моральной и космогонической¹ природы. И Конфуций стремится вернуться к нему. Он предложил концепцию политики, которая берет начало в более раннем времени и которая определяет политическое развитие Китая.

Сущность этической концепции политики получила свое выражение в наследии Конфуция. Он был благородного происхождения, хотя и не из высшей знати, и весь проникнут моральными принципами, некогда свойственными его сословию; умеренностью, почитанием ритуалов, верностью древним традициям, которые ревниво хранили старые княжества Великой Китайской равнины. Конфуций твердо стоит на страже традиции. Пренебрежение вельмож ритуалами, их любовь к роскоши, рождение новой ментальности, несовместимой с древним чувством меры, заставляют Конфуция заново обозначить идеал порядочного человека — по воспитанию не столько воина, сколько книжника, почти «интеллигента», но на деле преимущественно озабоченного правильностью поведения, ритуальных жестов и поз. Конфуцианская мораль не признает компромиссов (прежде всего в деликатном вопросе отношений между Мудрецом и власть имущими) и вместе с тем чрезвычайно гибка, начисто лишена ригоризма².

Значительное место в наследии Конфуция занимает идея *политического порядка*. Она получила у него выражение в том смысле управления людьми, который предполагает увековечение социальной гармонии, утверждение социального контроля, основанного на соблюдении обычаев. В итоге власть не является принудительным отношением. Она совпадает с субстанцией культурного социального порядка, основанного на образований и социализации каждого на базе сложившихся кодов социальной жизни. А потому сила государства коренится не в руководителях, ни в институтах, ни в инструментах, а в конформизме, который оно исповедует и который становится средством укрепления его.

¹ Космогония (греч. *kosmogonia* — происхождение мира) — раздел астрономии, посвященный происхождению и развитию небесных тел и их систем.

² См.: Жерне Ж. Древний Китай. М., 2004. С. 125–126.

Конфуцианская конструкция управления людьми оказывает воздействие и на конструкцию политики. Она исключает прежде всего индивидуализацию политической игры: город существует только в силу конформизма; индивидуальное действие не имеет смысла; дух соперничества отрицается и исключается; поиск социального изменения является нелегитимным, а концепция гражданского подчинения на основе контракта лишена всякого основания. Вместо уважения контракта индивид должен подчиняться трансцендентным правилам. Вместо того, чтобы действовать в политике на основе правил индивидуальной рациональности, человек, по Конфуцию, должен руководствоваться альтруизмом. Получается так, что в процессе подчинения отсутствует индивидуальный расчет. А подчинение основано *a priori* на уважении порядка, который навязывается обществу.

Этика для Конфуция — это умелая администрация, а администрация — высшая этика, так как одно у него тесно связано с другим. Главное в управлении, по Конфуцию, — социальный порядок, основанный на принципах морали; устойчивая стабильность, базирующаяся на строгих distinctions; и наконец, личный пример добродетельного правителя¹.

Этическая концепция политики неизбежно ведет к элитизму: если политический порядок зависит от подчинения правилам, то знание этих правил представляет собой привилегированный ресурс власти. Не удивительно, что китайское общество основано на различии между просвещенной элитой и массой, что отмечал еще М. Вебер.

Такое понимание политики наложило отпечаток на все политическое развитие Китая. Оно способствовало появлению вне рамок просвещенного меньшинства народных религий, которые стали источником политической нестабильности. В истории Китая такую роль играли буддизм и даосизм, придававшие мессианическую ориентацию политическому протесту и революционным движениям.

С точки зрения сравнительного анализа это очень важный феномен: в христианском и исламском мире политический порядок наводится народной религией, для которой политическая власть не обладает ни центральностью, ни легитимностью, что свойственно китайской культуре.

¹ История политических и правовых учений. Древний мир. М., 1985. С. 171.

Модель «государство — этика» является солидарной с культурой, которая маргинализирует трансцендентное и отдает предпочтение наземному порядку. Политическая власть в таком порядке занимает центральное место, однако не обладает «внечеловеческой» легитимностью.

В то же время политическое действие в китайском обществе оказывается подчиненным моральным правилам, лежащим в его основании. Власть не производит: она воспроизводит как правила добродетели, так и правила природы. Она не структурирует социальный порядок, а следит за его неизменностью, поддерживая местные сообщества, группы родства, семью. Стремление укрепить политический порядок, стерилизованный в его способности *изобретения*, объясняет рост легизма, слава которого пришла на династию Цинь в III в. до н. э. Это течение делало упор на могущество государства в его способности *вырабатывать* закон, а не на подчинении ему, не на способности нарушать обычаи, перед которыми предпочтение отдавалось более эффективным законам.

Концепция политического порядка Конфуция коренится в социальной истории Китая. Она была подтверждена в контексте гражданской войны, вела к атомизации и милитаризации китайского мира, временным союзам и постоянному соперничеству между городами. Конфуций напоминает о превосходстве старинного порядка перед лицом индивидуальных инициатив, которые могут быть только конфликтными. Социальные условия создания правил «государство — этика» напоминают о том, что они стали реакцией на беспорядок феодального общества, на построение западного государства, на что обратил внимание Н. Элиас¹ в своем классическом анализе: и в том и в другом случае порядок рождается из беспорядка, что сопровождается рождением или возрождением могущественного центра. В китайской истории центр образуется в ответ на активизацию социальной структуры; в западной истории — в ответ на закрепление могущества государя, основанного на авторитете договора с индивидами, составляющими общество.

Социальная структура Китая характеризуется господством порядка сообщества, который лежит в основе построения «государство — этика». Западное общество в конце Средних веков характеризовалось активной дифференциацией на

¹ *Elias N. La dynamique de l'Occident. P., 1975.*

социальные классы, а также индивидуализацией социальных отношений. Для западного общества были характерны оппозиция между аристократией, переживавшей кризис авторитета, и бунтующим крестьянством, а также бегство в города, в которых буржуазия участвовала в классовой борьбе. Кроме того, переустройство, сначала в Англии, а потом и на континенте индивидуальной земельной собственности вокруг нуклеарной семьи, способствовало политическому, экономическому и социальному рождению индивида.

Китайское общество со времен Конфуция было крестьянским, структурированным в зависимости от концепции общинного социального порядка, утверждение которого облегчалось как в силу того, что было социальным основанием имперского порядка, так и в силу экологических потребностей, связанных с ирригацией. Функциональный обмен между империей и крестьянством можно видеть на каждом этапе китайской истории: династия Тан (618 – 907) построила имперский порядок на том, что каждый мужчина в возрасте с 18 до 60 лет должен был получить 100 му земли (немного больше 6 га по сегодняшним меркам, т. е. му составляло 1/15 га). 80 му предназначались для выращивания зерновых и должны были быть возвращены государству, когда мужчина достигал 60-летия. Оставшиеся 20 му предписывалось засадить туковыми деревьями для разведения шелковичных червей. Их можно было передавать по наследству. Каждые три года земли, возвращенные государству, переспределялись. Крестьяне, получавшие одинаковые наделы, облагались и одинаковым налогом. При династии Сун (960 – 1279) по закону Ван Аньши (1021 – 1086) были предприняты меры по облегчению положения крестьян в целях улучшения собираемости налогов: «Если производство продуктов слабо, народ беден. Если народ беден, государство тоже бедно». Как средство достижения этой цели Ван Аньши предлагал, например, не продавать на месте зерно, предназначенное для выплаты налога, а везти его в столичные зернохранилища; ссужать под небольшие проценты семенное зерно; открывать государственные ломбарды; провести ревизию и переоценку земельной собственности, чтобы оптимизировать налогообложение. Династия Мин (1368 – 1644) реконструкцию империи сопровождала перераспределением земель, более справедливым взиманием налогов¹.

¹ См.: Ломбар Д. Императорский Китай. М., 2004. С. 90 – 91, 125 – 127, 162 – 163.

Солидарность между семьей как основой налогообложения, военной организации, производственной единицы и империей, как крупным земельным организатором, определяет построение политического порядка, который характеризуется наличием обычаев и конформизмом.

4.1.2. Кастовый порядок

Политическое развитие Индии породило иную, нежели китайская, модель. В Индии сложился атомизированный политический порядок, который сочетается с непрочным имперским порядком империи Маурьев (321 – 185 до н. э.) и империи Гуптов (320 – 535). Многие социологи стремились объяснить основания такого различия. Оно заключается в том, что в Китае исторически сложились устойчивые имперские структуры, а в Индии нет. Да и в наши дни политическая система Китая не испытывала столько трудностей в поддержании единства общества и в осуществлении политическим центром своих функций, как в Индии. Ответы на загадку, связанную с таким различием, относятся к культурной природе: С. Эйзенштадт указывает на противоположность между конфуцианской культурой, ориентированной на вещи этого мира и придающей большое значение политической функции, и индуистской культурой, ориентированной на потусторонний мир, связанной в большей мере с созерцанием, чем с действием, что обесценивает политический порядок. Содержательная и приемлемая гипотеза: важно, однако, нюансировать и связывать социальную историю индийского мира, который постепенно создал концепцию политического обязательства, которая включает в себя многие из этих элементов.

Социальная история Индии определяется господством каст. Французский социолог Селестен Бугле (1870 – 1940) в исследовании, посвященном индийским кастам («Эссе о режиме каст», 1908), убедительно показал, насколько сильно система определяет все аспекты социальной жизни (право, экономика, потребление) в пользу привилегированного класса брахманов. Приведем пример того, как С. Бугле определяет режим каст:

«Отталкивание, иерархия, наследственная специализация — все это объединяет кастовый дух. Нужно учитывать все три названных момента, если мы желаем полностью определить режим каст. Мы будем говорить, что общество

подчинено этому режиму в том случае, если оно разделено на значительное число групп, наследственно специализированных, иерархически наслоенных и взаимно противоположных, если оно не терпит в принципе ни добившихся успеха, ни метисов, ни перебежчиков в профессиях — если оно противостоит одновременно кровосмешению, повышению ранга и изменению профессии»¹.

Фактически, такая система основывается на принципе социального исключения. Кроме того, она является комплексной, ее основания и происхождение не ясны и дают возможность для различных, в том числе противоречивых интерпретаций. И это сказывается на современном состоянии общества, даже несмотря на то, что Д. Неру в свое время запретил всякую дискриминацию.

Индийская система социальной организации приобретает свою форму к концу II тысячелетия до н. э. с тем, чтобы различать арийских захватчиков от захваченных. Границы этому различию придавали классовые различия оккупации (*varna*), контуры которой выглядели таким образом: брахманы (священники), кшастрия (воины) вайшья (крестьяне), и не индоевропейцы — шудры (слуги). Эта социальная стратификация постепенно изменялась и комплексифицировалась. Империя Маурьев, созданная шудрами, потом военные захваты и угрозы военных набегов способствовали созданию каст, сопротивлявшихся иностранцам и обеспечивавших господство брахманов. В таком контексте утвердилась эндогамия², но это стало реальностью достаточно поздно (X—XI вв.). **Каста брахманов** утверждала иерархию чистоты на базе своих знаний о священном и управления тем, что называется религиозным. В этом смысле брахманы постепенно смогли завоевать авторитет за счет кшастриев.

Это различие сильно сказалось на идее политического обязательства. Будучи руководителем свода иерархической системы, обладателем религиозного знания, каста брахманов сыграла значительную роль в объединении индийского мира. В то же время этот мир является миром культурной природы в большей мере, чем природы институционной:

¹ *Bouglé C. Essai sur le régime des castes. P., 1993. P. 3.*

² Эндогамия (греч. *endon* — внутри и *gamos* — брак) — обычай, согласно которому браки заключались только между лицами одной общественной группы (род, племя, каста), наиболее резко выраженный в кастовом обществе.

господство брахманов осуществлялось через осуществление функции аккумуляции, через включение индивидов в религиозную жизнь поверх кастового разделения на основе ценностей, которые сохраняли или издавали брахманы.

Исходя из этого, политика в качестве *места* или специализированного *института* связана с «ограниченной секуляризацией» (Л. Дюмон). Это выражается в ее *природе*: лишенный автономной формулы легитимности, царственный институт для того, чтобы добиться гражданского подчинения, вынужден был прежде всего сохранять традиции брахманизма; лишенная религиозной функции, царственная особа могла управлять только в согласии со жрецами. В китайской традиции не было такого компромисса, что расширяло функции политики. Таким же сильным было ограничение политического и в *функциональном* плане: политическая функция в Индии ограничивается войной и налогами, тогда как в китайской модели она распространяется на всю совокупность социального порядка.

В индийской модели **политическое обязательство разделялось между экстенсивной концепцией**, предполагающей подчинение всех порядку ценностей и утверждение способа социальной жизни, который гарантировался и обеспечивался брахманами, и **ограниченной концепцией**, которая определяет это обязательство строго инструментально, ограничивая его подчинением порядкам, установленным царем в строго определенных областях. Легитимность монархических институтов, или специализированных политических институтов, является ограниченной и непрочной; а потому индивиды в большей степени связаны с местным уровнем, где господствовала система каст. В силу этого имперское строительство в Индии осуществлялось на основе иной концепции политического обязательства: оно осуществлялось на основе опоры на буддизм в империи Маурьев. Это позволяло несколько ослабить влияние брахманов; могольская империя¹ была мусульманской, британская империя — христианской, а индийская республика стремится стать светской на основе политического обязательства в соответствии с западной концепцией

¹ Могольская империя — крупнейшая феодальная держава в Индии. Образовалась после распада Делийского султаната в XVI в. Управлялась династией Великих Моголов. В XVII в. включала большую часть Индии. В XVIII в. распалась на ряд государств, которые в XVIII — XIX вв. были захвачены английскими колонизаторами.

суверенитета государства. В последнем случае сказывается дефицит легитимности государства, а коллективное действие в значительной мере основывается на мобилизации индивидов в рамках их религиозной принадлежности.

Как отмечал М. Вебер, противоположность между *китайской системой*, где образованный человек является наемным работником, чиновником государства, и *индийской системой* состоит в том, что брахман в ней является экономически и символически независимым. Политическое обязательство приобретает различную ориентацию. А само обязательство определяет и профиль политических институтов.

4.1.3. Мусульманский порядок *tawhid*

Вряд ли можно определенно характеризовать мусульманский порядок как в пространстве, так и во времени. Но есть все основания выделить нечто общее, что присуще разным версиям ислама, в частности, в том, что касается контура оригинальной конструкции политического обязательства. Монистская культура, основанная на принципе Единства (*tawhid*), приводит к утверждению некоего унитарного обязательства: **гражданское подчинение не отделяется от подчинения религиозного**. И та и другая его разновидности подчиняются только Закону. Последний приобретает авторитет только от Бога. И только Бог определяет то, что является справедливым, и создает суверенную власть.

Об этом прямо говорит один из видных специалистов исламской цивилизации Абдол Хосейн Зарринкуб: «Фактически ислам правил по единому закону, опирающемуся на божественное Откровение одинаково по всему простору своего распространения. Ислам требовал беспрекословного подчинения этому единому закону»¹.

Западная этактическая логика основывается на политическом пространстве, претендующим на суверенитет, как с точки зрения создания права, так и с точки зрения легитимности. Политический порядок в мусульманском мире не может основываться на таком построении суверенитета. Если халиф является «помощником пророка», если *Vali* в исламском Иране является «помощником помощника помощника Бога», то такое делегирование может восприниматься только как инструментальное: представи-

¹ Зарринкуб А.Х. Исламская цивилизация. М., 2004. С. 181.

тель будет действовать во имя Бога, замещая пророка, или при отсутствии скрытого имама у шиитов, но он не может претендовать на их авторитет, на суверенную способность судить о справедливости. Если претендовать на такую компетентность, то надо признать существование человеческого источника права и Закона, и тем самым поставить под вопрос монистский принцип и, значит, оказаться в сетях дуалистской концепции, которая имеет место в христианстве, в частности, в воззрениях Фомы Аквинского. Для государя такой подход связан с опасностью освобождения легитимного пространства, которое было бы выше его и которое подпитывало бы тем самым исламистский протест против правления¹.

Монистская и номократическая концепция политического обязательства основывается на определении типа власти, находящейся вне государя. История мусульманского мира показывает, что чисто номократическая власть неприемлема. Прежде всего потому, что Закон никогда не сможет все предвидеть. Коран, дополненный Сунной² и Хадисами³ (совокупность действий и слов пророка, и в силу этого являющихся легитимными), не может охватить всю совокупность конкретных проблем, встающих в городе. Такая открытость уже являлась значительной. Хадисы стали удобным средством легитимации решений государей, которые воспринимались как обязательные. Для того чтобы способствовать обновлению и избежать статичности всякого номократического порядка, были добавлены *ijtiha-d*, т. е. усилие того, кто знает Закон, для оценки новых фактов, и *idjma*, т. е. единство сообщества верующих (фактически доктора Закона) в издании новых легитимных правил. И если тот и другой новый источник отсылает к Закону Бога, то их авторитет берет начало у Бога и наделяет их властью.

История мусульманского мира показывает, что номократическое обязательство в реальности идет еще дальше. Культура, определяющая действия на Земле (в отличие от индуистской культуры) и построенная на пространстве, отмеченном войной, завоеваниями, а также племенным

¹ Cf. Badie B., Hermet G. Op. cit. P. 142–143.

² Сунна — мусульманское священное предание, состоящее из хадисов. Сложилась к концу VII—IX вв.

³ Хадис (араб.) — предание о поступках и изречениях Мухаммеда. Совокупность Хадисов, признанных достоверными, составляет сунну.

соперничеством, потребовала наделения государя повышенной, скажем так, политической эффективностью и способностью управлять империей. И потому государь в мусульманском мире обладает аргументом необходимости (*dharuriyya*). Не имея возможности представать в глазах населения как обладатель суверенного авторитета, государь стремится создать из обязательства политический порядок идеального города, желаемого Богом.

Это усилие контролирует стратегию легитимации, используемую государем: Это было прежде. Это есть и сейчас. Государь руководит тем самым процессом производства политического обязательства в мусульманском мире. Это приобретает разное выражение: легитимация может приобретать прямо религиозную ориентацию или стремится получить максимум из аргумента необходимости.

В первом случае демонстрируется связь, объединяющая государя с волей Бога. Аргумент может быть генеалогическим по примеру связи алуитского монарха в Марокко или хашемитского короля в Иордании; в современных условиях государь требует подчинения на основе принадлежности к семье пророка. Он может быть также мессианическим: в намерении *Mahdi* государь возникает из обязательства во имя миссии восстановления, которую Бог ему доверил как халифам в Магрибе XIII в., который претендовали на осуществление мессинического дела Ибн Тумерта. Таким же образом некоторые движения меньшинств, например, в Иране имама Хомейни, также опираются на *Mahdi*¹. Аргумент может быть и просто функциональным: государь требует подчинения т. к. он предстает как защитник общества верующих и гарант применения *sharia*². На этом тезисе была построена классическая теория халифата, на чем настаивают халифы аббасидов³. Последние требовали от подданных подчинения не потому, что они — наследни-

¹ Махди — мусульманский мессия, спаситель.

² Шариат (араб. шариа, буквально — надлежащий путь) — свод мусульманских правовых и теологических нормативов, провозглашенный исламом «вечным и неизменным» плодом божественных установлений.

³ Аббас (ум. 652) — самый младший сын Абдул-Мутталиба, принял ислам. Наследники Аббаса, через его сына Абдуллаха, позже явились основателями второй исламской династии — Аббасидов (750–1258) (см.: Доктор Рахман. Краткая история ислама. Хронология событий 570–1000 гг. от Рождества Христова. М., 2002. С. 47).

ки пророка, а потому, что они призваны исполнять доверенную им политическую власть, а также потому, что их задача заключается в защите ислама. И тогда становится возможным делегирование: марокканские ватассиды (XV — XVI вв.) требовали права обязывать, т. к. они представляли оттоманского халифа; а прежде альморавиды¹ (1056 — 1146) строили свою легитимность на том, что они представляли аббасидских халифов.

Иранская теория *vela-yat-efakih* является особым случаем, отражающим специфику шиизма. Вопрос лидерства в мусульманской общине после смерти Пророка Мухаммеда привел к образованию партии (араб. аш-ши'а) Али. Последователи этой партии — шииты, составляющие около 13 % всех современных мусульман, — считали, что только наследники Пророка через Али и его жену, дочь Пророка Фатиму, могли быть законными руководителями (халифами, имамами) государства².

Согласно представлениям шиитов, Пророк передал свой авторитет своим наследникам, Али, своему зятю, первому имаму до Махди, двенадцатому имаму, исчезнувшему в возрасте 4 лет. Его отсутствие является только временным: в ожидании его возвращения осуществление авторитета может быть либо отложено, либо осуществляться тем или теми, кто знает Закон и кто обладает компетентностью по руководству городом, как помощники последнего имама. Первый тезис приводит к удалению шиитского клира от политической жизни и квиетистской³ позиции, тогда как вторая — широко используется в исламской республике Иран с 1979 г.

Некоторые из государей арабского мира стремятся построить свой авторитет на политической аргументации.

¹ Альморавиды — принятое в литературе название династии и государства в Северной Африке. К 1090 г. государство включало Марокко, Западный Алжир, мусульманскую Испанию, Балеарские острова. Государство альморавидов уничтожено Альмохадами. Альмохады — принятое в литературе название династии и государства в Северной Африке (1121/22 — 1269). Государство альмохадов образовано в процессе борьбы с альморавидами.

² См.: *Доктор Рахман*. Указ. соч. С. 295 — 301.

³ Квиетизм (от лат. *quietus* — спокойный, безмятежный) — религиозное учение, доводящее идеал пассивного подчинения воле бога до требования быть безразличным к собственному «спасению». Возникло в XVII в. внутри католицизма, было осуждено церковными инстанциями. В переносном смысле — созерцательность, бездейственность.

Правда, речь не идет о легитимации светской природы на основе аргументации Корана в необходимости власти; государь стремится оценить эффективность своей деятельности как условие, призванное обеспечить подчинение своих подданных. Аргумент может быть идентифицирующей природы: государь, по примеру саудовской династии, побуждает оценивать свою племенную и семейную идентичность на основе авторитета, находящегося на службе Бога. Он может быть также функциональной природы: государь объявляет подчинение во имя эффективности его политического действия, как своеобразные доказательства, что оно отвечает необходимости сильной политической власти, спасающей от хаоса, который в исламской традиции является высшим злом. Функциональная аргументация может согласовываться с экономическими и социальными изменениями, с военной необходимостью (отметим в этой связи значительную роль, сыгранную сражениями деколонизации, израильско-арабскими войнами, конфликтом в Сахаре), или построением современного государства (апеллируют к конституции, территории и бюрократии).

Эти процессы *легитимации и необходимости* имеют тройное ограничение. Прежде всего они наделяют государя *авторитетом опосредованным, неустойчивым, временным, что подвергает риску любую попытку его опротестования в ситуациях кризиса со стороны более высокой легитимности*. Такие попытки имели место в истории в тех случаях, когда осуществлялась смена режимов, основанных на военных завоеваниях и не обладающих религиозной идентичностью. Пример монголов, исламизированных не так давно, показателен. Режим здесь был установлен на основе необходимости утверждения сильной власти. А потому политическое обязательство подданного было искусственным и подвержено опасности устранения, т. е. основывалось на регламентных актах внерелигиозного характера, т. е. не связанных с Исламом. В наши дни нечто подобное существует в Сирии и Ираке (до американской оккупации его и тем более после ее). Здесь этактическая логика находится под постоянным подозрением в том, что она осуществляется в проведении иностранного влияния, а значит, противоречит основам легитимности, опирающейся на Ислам.

Есть все основания утверждать, что чисто политическое усилие по легитимации власти в арабских странах возможно только тогда, когда оно не противоречит религиоз-

ной природе этих стран. Президент Ассад был вынужден отступить после того, как было выяснено, что его проект конституции 1973 г. не содержит религиозного обоснования, а центральным принципом нового институционального порядка объявлялся «новый араб». Двенадцатью годами ранее подобное произошло с Бургибой, когда он объявил построение современного Туниса.

Наконец, любая формула легитимации должна завершаться символикой религиозной природы. Отказ от нее прямо связан с дефицитом или кризисом легитимности, что неизбежно может сопровождаться революционными событиями, как это имело место в Иране, когда исламский календарь был заменен имперским календарем.

4.1.4. Имперский русский порядок

Политическое развитие России характеризуется иной моделью политического обязательства, которое берет начало в византийском христианстве. Последнее решительно отличается от католицизма. Христианство пришло в Рим, когда имперские институты переживали упадок. Религиозное пространство оказалось в силу этого автономизированным, что способствовало претензиям церкви на такой же суверенитет, как и у политической власти. Политическая власть в Риме, как известно, с середины V в. н. э. не могла осуществлять эффективный политический контроль над обществом.

В Византии сложилась иная ситуация. Христианство здесь не было носителем политической модели. Эта модель создавалась под воздействием социальных практик и властных отношений. В Византии в первые века нашей эры политический порядок был достаточно структурированным, и Церковь была вынуждена считаться с ним. В итоге между империей и Церковью сложилось сотрудничество: ни одна ни другая не могли контролировать друг друга; каждая из них должна была считаться с другой с тем, чтобы укреплять собственную власть. А потому византийская модель не была теократической, т. к. император имел перед собой сильную Церковь, не была она и цезарепапистской, т. к. Церковь сосуществовала со структурированной имперской властью.

Именно поэтому восточное христианство создает в Византии оригинальную модель, характеризующуюся большим ресурсом власти. Религия и политика тесно переплетаются

между собой, укрепляя друг друга, обе они — и религия, и политика — отмечены глубокой институционализацией, что наделяло каждую из них своим собственным пространством и богатыми бюрократическими ресурсами. Никакого сомнения нет в том, что такая модель выгодна императору, который ежедневно отправляет властные функции и обладает религиозной легитимностью, которая позволяет ему представлять в качестве «избранника Бога», даже «земного Бога» и осуществлять опеку над Церковью, контролируя, например, выбор патриарха. Логика такой сверхвласти приводит императора к тому, что он как бы получает право излагать догмы и тем самым навязывать свои собственные теологические концепции.

На основе такой оригинальной системы создается особая модель политики, которая позволяет обладателю мирской власти вырабатывать прямое политическое обязательство, основанное, в том числе, и на религиозных ресурсах, способных усиливать подчинение власти. Отсюда вытекает политическая значимость теологических дебатов в стратегии власти. Однако это не означает, что император может арбитражно пользоваться такими средствами: Церковь в Византии была достаточно структурированной, и потому обладала способностью защищать собственную автономию. К тому же обладатель мирской власти должен был быть глубоко верующим, а его поведение должно было быть санкционировано Церковью. Он не имел ни прав, ни специфических институтов, связанных с Церковью. Его инициативы в теологическом плане предполагали поддержку со стороны Церкви.

Эта модель политического порядка имеет тройственную характеристику, которая позволяет ее идентифицировать: способность государя прямо устанавливать политическое обязательство на религиозных основаниях; тесное взаимодействие мирских и духовных институтов, причем первые могли инструментализировать вторые; вне такого взаимодействия не было места для иной власти. Отсюда возникала трудность образования гражданского общества, что дает о себе знать в странах такой религиозной ориентации вплоть до наших дней.

Такое наследие сильно сказывается в современной России. Византийская модель политического правления была несколько упрощена в период Киевского княжества по инициативе политической власти. Ни в Киеве, ни по-

том в Москве христианство не имело той автономии, что в Византии. Русская церковь, скорее, была инструментом царской власти, а также местом формирования элит, легитимации государственной власти и исполнения ее решений. Разделение мирской и духовной власти осуществлялось только в некоторые периоды, за счет ослабления императорской власти.

Это привело к переоценке политической власти. Последняя не зависела от религиозной власти, как в исламе или индуизме. Она слабо дифференцировалась, а значит, не утрачивала своих ресурсов, как это происходило в Западной Европе, не навязывалась на основе культуры, как это имело место быть в Китае. Политика в России доминировала над религией и подчиняла себе Церковь. В настоящее время она занимает высшую позицию по отношению ко всем социальным действиям. Политика и в наши дни сохранила свои ресурсы и способность к политическим обязательствам.

Политический абсолютизм в России был основан на контроле государя над Церковью, на основе которого утверждалась политическая власть над различными социальными пространствами. И потому государство отождествлялось с императорской властью в его господстве над людьми и вещами. При этом отрицалось разделение между публичным и частным, между политикой и гражданским обществом. Способность *политически обязывать* становится компетенцией государя. При этом исчезает необходимость внеполитической легитимации. Отсюда появляется широта политической власти у ее обладателя.

4.2. Организация политики

Политический порядок различается не только по способу, которым он обязывает индивида-подданного и на основе которого он добивается его подчинения. Этот порядок различен в способе, при помощи которого он организуется в собственное пространство. С одной стороны, последнее будет более или менее автономным по отношению к другим пространствам, и в частности, по отношению к религиозному пространству. Однако каковой бы ни была степень его автономии, пространство политического порядка всегда располагает местами, институтами, персоналом, которые имеют тенденцию специализироваться в выполнении функций политической природы.

Нужно сказать, что за исключением примитивных или архаических обществ, где социальная дифференциация носит ограниченный характер, все другие общества характеризуются специализированными функциями, структурами, политическими актерами, даже если способ их легитимации зависит от других секторов социальной активности. С другой стороны, политическое пространство изменяется в зависимости от способа его организации. Более или менее кристаллизованное в некоем центре, оно предполагает монополию политической функции, и наоборот, при наличии множества центров его артикуляция с социальными пространствами не является одинаковой. Короче говоря, западное государство характеризуется наличием центра. Тогда как в других типах государств ситуация выглядит иначе.

4.2.1. Китайская империя

Политическое обязательство в китайской истории основано на уважении обычаев и на соответствии универсальной гармонии космическому порядку. В таком подходе магические практики, утверждая отношения человека с космосом, могут быть только публичными, т. е. централизованными в руках императора. Такая централизация культов утвердилась за счет ослабления влияния предков или глав городов; она служила религиозным основанием сильной централизованной императорской власти, в которой император является демиургом¹ и становится выразителем союза между Небом и Землей.

В таком понимании центр приобретает если не религиозную идентичность (понятие, трудно применимое к китайской культуре), то по крайней мере идентичность культурную. Светская организация центра предполагает бюрократическое продолжение, которое превращало императора в создателя бюрократии и чиновничества. Начиная с момента формирования китайской империи (221 до н. э.), которая просуществовала до 1911 г., появляется территориальная администрация, происходит унификация мер, появляются деньги, письменность и особенно *политическая*

¹ Демиург (греч. *demiurgos*) — 1. В Древней Греции — свободный ремесленник, мастер, художник. 2. Созидающее начало, созидательная сила, творец. 3. В идеалистической философии Платона — божество как творец мира.

монополия на обладание властью. В последующем (династии Хань, Тан) происходит дальнейшая дифференциация и специализация администрации, что приводит к появлению постоянно действующих организмов. А в период правления династии Сун (960 – 1270) утверждаются рациональные способы рекрутирования чиновников на основе конкурса. Образованные чиновники начинают играть значительную роль в китайском обществе. Именно из их среды император рекрутировал советников, которые контролировали основные вопросы политики¹.

Все это способствовало созданию предпосылок для появления администрации, независимой от военной аристократии. Более того, умножение числа чиновников обеспечило их превосходство во дворе и их автономизацию даже перед лицом императора. Это было связано с тем, что их ресурс неуклонно повышался, а вместе с ним повышалась и их роль. Таким образом, построение центра получало свое выражение в прогрессивной бюрократизации, что создавало предпосылки для утверждения абсолютистской и персонифицированной формы императорства и для усиления роли администрации. Можно со всей определенностью утверждать, что *двухполюсность политического пространства является отличительной чертой централизации власти по-китайски*.

Такое развитие событий сказалось на распределении отношений между центром и периферией. Как мы уже отмечали, принципы построения политического порядка в Китае связаны с утверждением социальной гармонии, поддержанием порядка сообщества, высокой ролью семьи и авторитетом отца. Все это предполагает поддержку автономии социальных пространств и отношений между сообществами, которые их структурируют. В то же время империя основывается на соблюдении принципа единства. При этом политика в империи является также некой инстанцией в реализации социальной гармонии. Напряжение между этими двумя ориентациями является существенным моментом политического развития в Китае, *определяющее оригинальность способов артикуляции между центром и периферией*.

Имперский центр создавался как некий заменитель расширенной семьи, который как бы разрушал постепен-

¹ См.: Ломбар Д. Указ. соч. С. 130 – 131.

но нуклеарную семью¹, которая способствовала рассредоточению политической власти. Центр, утверждая свою власть, стремился поддерживать иерархию и семейные авторитеты на периферии. Об этом красноречиво писал М. Вебер: «Китайский чиновник оказывался совершенно бессильным, если местные роды и профессиональные союзы объединялись, и при серьезном общем противостоянии он терял свою должность. Обструкции, бойкот, закрытие лавок и прекращение ремесленной и торговой деятельности в случае какого-либо конкретного притеснения, были повседневным явлением, ограничивавшим власть чиновников. Однако эти границы носили совершенно неопределенный характер»².

В то же время, начиная с династии Цин (1650–1750), центр навязывает территориальное деление, административные округа с местными администрациями и особенно стремится утвердить универсализм своего политического порядка на основе выравнивания индивидуальных условий.

Отсюда вытекает важность *закона*, что стало очевидным в результате деятельности легистов эпохи Цин. Особенность закона заключается в том, что он являлся публичным, известным всем, объективным и не требовал интерпретации ни со стороны исполнительной власти, ни со стороны судей.

Значение, которое придавалось *закону* в Китае, было различным. Конфуцианцы отрицали позитивистскую ориентацию закона, которую ему придавали легисты. Позиция сторонников учения Конфуция определялась тем, что политическое начало закона противоречило моральному основанию, на базе которого, по убеждению конфуцианцев, должно строиться политическое обязательство. Между тем практика универсального и обезличенного закона была ключевым элементом выполнения центром своей функции обладателя монополии на политическое действие: династия Хань придавала закону космический статус, тогда как династия Тан строила свою империю в значительной мере на основе кодификации (624 г. н. э.), что предполагало ис-

¹ Семья нуклеарная — наиболее распространенный тип семьи в современном обществе — супружеская пара с детьми, не состоящими в браке.

² Вебер М. Город // М. Вебер. Избранное. Образ общества. М., 1994. С. 324–325.

ключение какого бы то ни было оценочного вмешательства судьи. Показательно, что в период правления указанной династии одно и то же слово употреблялось для обозначения правонарушения и наказания.

Таким образом, универсализация политической функции утверждалась на основе выравнивания экономических и социальных условий жизни людей на различных территориях. Каждая новая династия институционализировала свою власть на основе распределения земель по принципу равенства, что давало центру двойную выгоду: центр становился создателем социального порядка, а это создавало для него безопасность в политическом и социально-экономическом плане, а также уменьшало конкуренцию с земельной аристократией, которая могла покушаться на монополию политической власти. Показательно, что в период упадка династии были вынуждены принимать неравенство семей земельных собственников и стремиться опираться на наиболее богатых из них.

Таким же образом центр стремился утвердить свою монополию на основные функции промышленного производства, связанного с добычей соли и производством железа, начиная с династии Хань. Подобным образом династия Сун стремилась утвердить экономическую монополию на все области военной природы, а также на торговую деятельность. Как отмечает М. Вебер, китайские города не обладали политической автономией, как это было в западных городах: находясь в тисках между необходимостью поддерживать семейные сообщества и необходимостью обеспечивать мощную имперскую опеку, города в Китае не могли становиться основанием гражданского общества, отличающегося от государства, как это было в Западной Европе, где вслед за феодальным периодом утверждалась традиция иммунитета и автономии социальных пространств, что было невозможным в Китае.

При проведении сравнительного анализа нужно избегать упрощений в интерпретации китайской истории. В Китае, так же как и в Европе, были периоды, когда политическая власть была автономной. Историки выделяют две траектории политического развития. Одна была связана с эгалитарным, антикоммерческим и, по сути, феодальным имперским сообществом, вторая — с бюрократическим имперским сообществом, которое было терпимым к частному экономическому пространству и даже допускало минимум индивидуализации. Первая траектория была

присуща периоду развития до прихода династии Мин (XV в.), вторая — для двух последних династий и вплоть до постмаоистского реформизма. Однако нельзя сводить эту вторую траекторию к западному представлению о государстве, отличающемуся от гражданского общества: автономия экономического пространства становится понятной, если она характеризуется первенством политики перед лицом социального, точнее — характеризуется этико-идеологической способностью контроля над социальной жизнью. Следует говорить в большей мере, чем о дифференциации, о соуправлении, и даже деконцентрации власти, учитывая то, что экономические элиты на Востоке не имеют ни независимости, ни способности к инновации, что характерно для западной истории.

Эта практика политического порядка не строится *перед лицом* социальных пространств (как в западной модели). Он строится на основе их оплодотворения и интеграции. В периоды могущества политический порядок обретал тоталитарные черты, что было связано с претензиями центра утвердить равенство и даже однообразие между индивидами. Император Цин Ши-хуан, например, в этом отношении сделал немало, проводя в жизнь серию радикальных реформ. Эти реформы были нацелены на установление абсолютной централизованной власти, основанной на системе законов, обязательных для всех. Следуя постулатам легистов, император начал с того, что отобрал некоторые привилегии у древней знати: конфисковал оружие, разрушил укрепления. Не пожелавших повиноваться он безжалостно изгонял из своей страны, не взирая на знатность рода (120 000 семей были высланы в Шэньси). Следующим шагом императора стало наведение порядка, как он его понимал, среди «интеллектуалов», которые составляли значительную часть окружения знати и всегда были готовы к критике и противодействию. Классические книги, прославлявшие древнюю аристократию, в 213 г. до н. э. были публично сожжены. Император согласился сохранить только «полезные» книги — по медицине, сельскому хозяйству, а также священные. Образованные конфуцианцы подвергались преследованиям. Несколько сот из них были казнены.

Увековечение политического развития на основе такого сценария неизбежно было обречено на поражение. Такой порядок был слишком непривычным, чтобы не вызвать активного противодействия. Сразу после смерти императора

начались сильнейшие волнения, отравившие начало царствования его последователя и сына Эр-хуанди, «Второго императора». И все же многие из нововведений надолго пережили первого императора — прежде всего недоверие к знати и к торговцам — а его автократический идеал остался в сознании практически всех последующих императоров даже в те времена, когда им приходилось ослаблять поводыя¹.

В последующем такая практика не повторялась. Однако указанная ориентация развития является идеал-типической, и она в той или иной мере использовалась всеми политическими системами в организации их господства над социальным основанием в лице сильного центра. Это и предопределило специфическую модель отношений центра и периферии, что является существенным элементом в китайском политическом развитии².

4.2.2. Галактическая индийская система

В отличие от непрерывности китайского имперского порядка, который прерывался только в связи со сменой династий, индийская модель политического порядка была связана с разнообразием устройства институтов, которые придают политическому пространству комплексную и изменчивую геометрию, что приводит, в частности, к дисперсии мест власти. Политологи определили дисперсию мест власти метафорой «галактическая система».

Изначально первые ведийские общества, в начале первого тысячелетия до н. э., были клановыми обществами: племя определяло контуры политического пространства, т. к. *japarada* (политическая территория) определялась как пространство, где размещалось племя (*jana*). Земля в таком случае принадлежала всему клану. По отношению к Земле глава племени не имел каких бы то ни было особых прав. Экономические, социальные и технологические преобразования изменили такое положение. Они привели к возникновению города на основе индуистской культуры, в котором система каст играла существенную роль в артикуляции социального и политического.

Вновь сошлемся на характеристику индийского города, которую дал в свое время М. Вебер. «В Индии город

¹ См.: Ломбар Д. Указ. соч. С. 26–27.

² Cf. *Vadie B., Hermet G.* Op. cit. P. 149–150.

был резиденцией царя и правительственных учреждений, крепостью и рынком. Обнаруживаются, — писал М. Вебер, — и гильдии купцов, а кроме того, в значительной степени совпадающие с профессиональными союзами касты; те и другие обладали весьма значительной автономией, и прежде всего собственным правом и юстицией. Но расчленение индийского общества на наследственные касты и ритуальное обособление профессий исключают возможность возникновения "горожан как некоего целого" и возникновение "городской общины". Там существовало и существует несколько каст купцов и очень много каст ремесленников с множеством подкаст. Но совокупность их не может быть отождествлена с сословием горожан Запада, и они не могли объединиться, создав нечто подобное цеховому городу, поскольку взаимная отчужденность каст препятствовала любому сближению»¹.

Было бы ошибочным вводить в такое представление социально-экономический детерминизм: историки Индии показывают, как похожим экономическим изменениям соответствуют, например, в долине Ганга различные модели политической организации. В этих моделях находило отражение достаточно долго разнообразие размеров политических объединений, а также то, что в существовавших моделях политических обществ преобладали территории, подвластные вождю, олигархический город, королевство или империя.

Бесспорным является и то, что социально-экономические изменения сыграли значительную роль в создании институтов. Эксплуатация земли и экономический подъем крестьянства, развитие торговли и городов способствовали субстанционному изменению политической функции и приобретению ею собственной компетенции. Вот как это характеризовал М. Вебер: «В период, предшествующий великим бюрократическим царствам, существовало несколько городов, обладавших политической автономией и управляемых патрициатом, который рекрутировался из родов, поставлявших слонов войску. Но впоследствии это совершенно исчезло. Победа ритуального отчуждения каст разорвала гильдейский союз, а королевская бюрократия в союзе с брахманами полностью уничтожила его ростки, за исключением некоторых остатков в Северо-Западной Индии»².

¹ Вебер М. Город // М. Вебер. Избранное. Образ общества. С. 325–326.

² Там же. С. 326.

В культурном контексте индуизма построение политики было конкретизировано титульной организацией политических ролей в касте, например *кшатриев* (*kshatriya*), в которой власть легитимировалась не изнутри политического пространства, а обладателями религиозного знания, т. е. кастой брахманов. Процесс взаимодействия был примечательным: в то время как структуры города развивались под контролем индуистской культуры, прогресс политического строительства способствовал утверждению системы каст на основе сложившейся иерархии внутри этой системы. Индуистский город постепенно определил на вершине социальной иерархии касту брахманов, от которой зависели принц (государь) и его окружение в том, что касалось эффективности их политического действия. Таким образом, *система каст выполняла функцию социального регулирования и подержания политического порядка*.

Из такого построения вытекают три следствия. Прежде всего система каст, являясь каркасом политического порядка, способствует децентрализации и атомизации этого порядка. Роберт Фрайкенберг¹ использует даже концепт *антигосударства*. Этот концепт он использует для характеристики политической традиции, которая характеризует индийскую историю и для обозначения множественности политических властей, которые сосуществуют друг с другом на основе обращения к авторитету микросоциального уровня, например, деревни или квартала, а также и на других уровнях — княжество, королевство или империя. Соединяясь в ежедневном действии с социальным контролем со стороны каст, политическая власть утрачивает в значительной мере свою энергию и свою мобилизационную способность, превращаясь тем самым в источник социального конформизма.

Политическое действие, подчиняясь социальному порядку, на основе легитимности религиозного типа не является самоцелью. И потому не вызывает удивления тот факт, что природа политического режима в Индии не была привилегированным объектом философского размышления и не была в то же время неким образцом, который нужно реализовать или сохранять. Соперничество между городами и военные столкновения между ними привели к образованию больших королевств и даже импе-

¹ Frykenberg R.E. Traditional processes of power in South India: an historical analysis of local influence // R. Bendix (ed.) State and Society. Berkley, 1968.

рий, которые, в свою очередь, способствовали выработке институционных моделей. С образованием империи Маурьев определились институционные контуры индийского царства, элементами которого были: царь, министры и администраторы, территория, налоги, вооруженные силы, союзники и народ.

Все это свидетельствует о сближении индийской империи с классической моделью империи централизованной. В такой империи государь располагает личной властью, которая отражает влияние ахеменидской¹ персидской модели, основанной на военных ресурсах. Его власть, однако, не была полностью арбитражной и заключалась внутри точных институционных диспозиций: власть была окружена мощной бюрократией и множеством советников, с которыми властитель консультировался в обязательном порядке перед принятием решения. Более того, государь должен был считаться с независимой судебной властью и действовать в рамках законов, за чем следили брахманы.

Такое постоянство кастового порядка и политической опеки, вытекающей из него, приводило к тому, что государь империи Маурьев стремились увеличить свой властный ресурс, опираясь на буддизм, который вступал в противоречие с системой каст, предоставляя некую свободу в действиях принцев. Тот факт, что государь империи Маурьев должен быть считаться с брахманами, указывает на глубину индуистской традиции в индийском обществе и невозможность освобождения политической власти от нее, даже при опоре на военную силу.

Наконец, государь вынужден был считаться с множественностью периферийных властей, связанной с атомизированным характером политического порядка: королевства, округа, города, деревни сосуществовали с империями.

4.2.3. Мусульманский город

Комплексность и непрочность процессов легитимации в мусульманском мире прямо сказывается на устройстве политического пространства в исламских странах. Как в

¹ Ахемениды — династия древнеперсидских царей в 558 — 330 гг. до н. э. Основатель — Кир II. Государство ахеменидов, включавшее большинство стран Ближнего и Среднего Востока, достигло наибольшего расцвета при Дарии I. Государство ахеменидов прекратило свое существование в результате завоевания его Александром Македонским.

индийской культуре и культурах номократических, *природа политического режима* в мусульманском мире не является сама по себе ни источником дебатов, ни источником ставок в них. В самом деле, профиль институтов города не играет существенной роли, если он подчиняется закону Бога. В силу этого трудно отыскать теоретические труды, которые могли бы детализировать контуры мусульманского города, как, впрочем, и труды, которые описали бы достаточно подробно его идеал: *summa divisio* противостоит в реальности городу, функционирующему на основе уважения Закона, от *города невежества*, который руководствуется самыми разными человеческими инстинктами, вместо того, чтобы соответствовать воле Бога. В силу этого мусульманский мир характеризуется большим разнообразием политических систем, типологию которых построить непросто.

Тем не менее можно говорить о целом ряде показателей, характеризующих мусульманский город. Прежде всего нужно сказать о двойственности политической сцены. Она *разделена на легитимность и необходимость в деле реализации на Земле погдинной воли Бога и простое подержание социального порядка*, которому угрожает хаос и анархия, или беспорядок (*fitna*). Такое раздвоение прямо воздействует на механизм политической игры: аргумент необходимости поддержания порядка служит основанием для построения политических и административных институтов, производства права, использования принуждения и обрисовывает тем самым контуры официальной политической сцены. К сказанному добавим: мессианистский аргумент реализации справедливости на земле позволяет государю обладать высшей легитимностью на политической сцене перед лицом власти. Это сказывается вплоть до наших дней, что, к слову сказать, питает и современные исламистские движения.

Аргумент необходимости обуславливает нормативную продукцию. Поверх божественного закона и других источников, которые его образуют, государь должен использовать этот аргумент для того, чтобы обладать легальными средствами, которые позволили бы ему эффективно править; уже в классическую эпоху халиф наделялся правом издавать административные регламенты (*siyya-sa*) для того, чтобы заполнить пустоты в нормах, связанных с полицейской деятельностью и налогообложением. Однако все это делалось с таким расчетом, чтобы не нарушать источников легитим-

ности и чтобы эти нормы соответствовали юридическим основаниям режима. Позднее выявилось различие между *sharia*¹ и *kanun*: эта последняя, воспринимаемая как позитивный закон, основанный на аргументе необходимости, позволяла государю оправдывать нормативное производство на религиозном основании, а зачастую, копировать также западные законы. На основе *kanun* были в арабский мир завезены гражданский и коммерческий кодексы, а также и конституции.

Судебные процедура развивались в том же ключе: судья (*fakih*) сталкивается с ситуациями, при которых обращение к Закону оказывается недостаточным для разрешения тяжбы. Создается в итоге юриспруденция, которая наряду с традицией шариата кладет начало новой традиции, призванной легитимировать *необходимые* практики хорошего функционирования города. Эта юриспруденция является источником внутреннего права, которое основано на необходимости, но которое на практике позволило установить кодификацию социальных отношений, в частности, в области мелкой сельской собственности. Указанная кодификация оставалась неустойчивой, временной и оспариваемой в силу своей природы. В реальности пример мусульманского мира дает пример двойного обратного результата номократических моделей, призванных дать нормы бесспорной легитимности. Эти модели вызывают к жизни необходимость производства совокупности позитивных законов, которые в мусульманском мире являются нижестоящими и которые вызывают оживленные дебаты по поводу их легитимности. Указанные законы, вместо того чтобы ограничивать арбитраж государя, в реальности дают ему средства обеспечения нормативного производства. При этом получается так, что эти средства оказываются свободными от предварительного контроля в вопросах легальности.

Определение сообщества субъектов отмечено также этой оппозицией легитимности и необходимости. Единственное легитимное сообщество в мусульманском мире — это сообщество верующих (Умма), которое, как таковое, является неделимым: если основание политического

¹ Шариат (араб. шариа, букв. — надлежащий путь) — свод мусульманских правовых и теологических нормативов, провозглашенный исламом «вечным и неизменным» плодом божественных установлений. Эти установления определяют убеждения и формируют нравственные ценности и религиозную совесть мусульман.

обязательства заложено в подчинении Закону Бога, то он в равной степени касается всей совокупности верующих; а потому Умма может быть только эгалитарной. Разделение ее на классы или по условиям не имеют никакого легитимного основания. Наконец, сообщество не дифференцируется на сектора, принимающие участие в социальной игре: по своей природе Умма является политической, и в таком случае различия между гражданским и политическим обществом не имеет смысла.

В такой интерпретации становится понятным, что означает в мусульманском мире территориализация политики: политический порядок касается совокупности верующих и потому не может иметь территориального основания, а еще более не может иметь территориальных границ. Деление территории является только конъюнктурным, основанным, значит, на аргументе необходимости; единственно легитимным понятием является понятие *da-r al-islam* (область ислама), в котором находит выражение обязательство всех верующих и которое является рамками политической мобилизации; «государство-нация» является результатом переходного состояния, которое не может брать на свой счет гражданство и индивидуальную идентификацию. Отсюда вытекает двойная трудность: включенность мусульманского мира в международный порядок, связанный с правом и практиками, которые не соответствуют исламской конструкции политики; наложение со времен Медины политической системы, охватывающей всю совокупность верующих — мало формализованная со времен исчезновения халифата — на множественность территориализированных политических систем, которые наделены более или менее нелегитимными политическими функциями.

Все эти элементы оказывали существенное влияние на конкретную организацию политических систем. К этому добавляются некоторые элементы политической авантюры мусульманского мира. Ислам, коренящийся изначально в арабском мире, отмеченном коммунитарным социальным порядком, был вынужден как политическое движение навязывать унитарный порядок племенному обществу. И главной политической задачей ислама было именно *объединение племен для того, чтобы создать непрерывное политическое пространство*. Этот объединительный волюнтаризм является существенной чертой политического действия ислама, что поставило задачу создания новой моде-

ли: предисламский арабский мир не имел опыта империи; а построение мусульманской империи потребовало неких заимствований опыта у империи персов и Византии, а также использования опыта политической мысли греков, и особенно неоплатонической мысли.

У Византии и персов мусульманский мир заимствовал практику: практику централизованной империи, которая характеризуется институционализированной политической властью и для которой свойственно наличие сильной бюрократии и властных возможностей визиря. Во всем этом сказалось влияние персов.

Влияние мыслей Платона проявилось в политической теории, что нашло выражение в творчестве Фараби¹ и ибн Рушда², но они, правда, не имели сильного политического влияния. Они стремились показать, что город, основанный на Откровении, опирался на Закон в построении политического порядка, эффективного и необходимого одновременно.

Мыслители и практики мусульманского мира с тех пор постоянно участвуют в этом обсуждении: заимствование извне — в частности у греческого рационализма — положило начало традиционалистскому протестному движению, которое отрицало институционный порядок, основанный на Откровении; наоборот, движение мотазилитов выступает с позиций создания автономной политической власти.

Начиная с XI в. этот спор ведется вокруг промежуточных предложений, которые питали теорию халифата и которые были связаны с именем одного из создателей

¹ Фараби (аль-Фараби) Абу Наср ибн Мухаммед (870–950) — философ, ученый-энциклопедист, один из главных представителей восточного аристотелизма, переплетающегося у Фараби с неоплатонизмом; прозвище «Второй учитель» — т. е. после Аристотеля, которого Фараби комментировал. Жил в Багдаде, Алеппо, Дамаске. Основные сочинения: «Геммы премудрости», «Трактат о взглядах жителей добродетельного города», трактат о классификации наук.

² Ибн Рушд (ибн Рошд) (латинизир. Аверроэс) (1126–1198) — арабский философ и врач, представитель восточного аристотелизма. Жил в Андалусии и Марокко, был судьей и придворным врачом. В трактате «Опровержение опровержения» отверг нападки на философию. Осуществил разграничение «рациональной» религии (доступной образованным) и образно-аллегорической религии (доступной всем) явилось одним из источников учения о двойственной истине. Рационалистические идеи ибн Рушда оказали большое влияние на средневековую философию, особенно в Европе (аверроизм).

суннитской теории аль-Маварди¹. Он, учитывая процесс растущей автономизации политической власти в империи аббасидов, где утверждалась власть везирий² и бюрократии, т. е. создавалась институциональная модель светской империи, стремился доказать политическое превосходство халифа, т. е. наследника Мохаммеда после его смерти. Халиф определялся в религиозных терминах, т. е. как человек, руководящий Уммой. Он основывает свою деятельность на Откровении и потому обладает легитимностью. Как представитель пророка, его авторитет неразрывен с функциями, которые определяются только в религиозных терминах: поддерживать ислам и его сообщество, проводить молитвы, пост, паломничество и священную войну, обеспечивать справедливость и безопасность Уммы. Он выполняет эти функции в рамках Закона, который не имеет права дополнять: халиф не имеет ни религиозной, ни законодательной власти. Бог ему не делегировал никакого авторитета в том, чтобы *говорить истину*, он дарует ему только право управлять городом. Для этого он имеет возможность вырабатывать административные регламенты, которые рангом ниже Закона.

Аль-Моварди определил концепцию халифатского института, который укрепился со времен монгольского завоевания. В Османской империи этот институт утвердился, а потом вновь возник в XIX в., когда потребовалось осуществлять адаптацию к западной практике, когда государь должен был соединять в себе имперскую и халифатскую функции, что позволяло ему утверждать свое господство над государями мусульманского мира. Неэффективность такой опеки вела к растущей политической автономизации египетских и тунисских руководителей, потом — к исчезновению халифата и султаната (1920), наконец, и самого халифата (1924). Все это привело к исчезновению этой модели, хотя заменителя ей пока не создано.

4.2.4. Российская империя

Предыстория русского общества, охватывающая период до принятия христианства, похожа на то, что было

¹ Классическим выражением суннитской теории признается книга аль-Маварди «Статуты правительства».

² Везир (визирь) (араб.) — высшие сановники и руководители ведомств во многих государствах Ближнего и Среднего Востока, главным образом в Средние века и Новое время.

характерно для арабского мира или Индии: русское общество имело племенную структуру, находившуюся под контролем бояр, которые представляли собой земельную аристократию, могущественную и автономную по отношению к довольно слабой политической власти. Концепция политического обязательства, которая утверждалась, как мы отмечали, под влиянием Византии и Русской церкви, сыграла значительную роль в институционных изменениях и утверждении централизованной империи. Сказывалось влияние и других факторов. В первую очередь сказалось монгольское нашествие, которое резко изменило традиционный порядок, утвердив внутри него порядок военный и, значит, централизованный. Сказалось и то, что в Средние века Россия вела непрерывные войны, что предопределяло милитаризованный характер российского общества, а также значительный ресурс власти центра в ущерб местным институтам власти, что лишало автономии бояр. В то же время военное давление Запада, где современное государство в основном сложилось в Средние века, навязывало русским царям необходимость заимствовать в государственном строительстве некоторые элементы западной этической логики, сохраняя значительную роль военного института и централизованный характер государственной власти.

Однако, в отличие от индийской модели политического развития, социальные структуры в России не могли эффективно противостоять развитию политической власти. Племенной порядок, на который опирались бояре, не обладал религиозной легитимностью, не имел священного основания, каким обладала система каст в Индии. Напротив, союз государства и Церкви способствовал утверждению первенства политического порядка перед лицом социального порядка, а также отсутствию автономии социальных пространств. Аристократическая власть постепенно изменяла свое основание: вместо того, чтобы основываться на контроле над землей и людьми, она основывалась на близости к царю. Происходили изменения внутри знати: функциональная знать постепенно заменяла знать, основанную на родстве, а ее социальная стратификация зависела от той роли, которую политический центр предписывал тем или другим ее частям. С момента утверждения царизма (XV в.) в России сосуществовали «высокая политическая функция», которая связывала

древние семьи с занятием престижных политико-административных ролей; средняя категория семей, связанная с выполнением политической функции, наделялась царем поместьями; страта профессиональных солдат получала зарплату и не имела земли. И все эти социальные страсти прямо зависели от императора: первые стремились сохранить свои функции и блага, вторые стремились их получить, третьи стремились остаться на службе центральному аппарату. Этот феномен еще более усилился после реформ централизаторского характера Петра I, который разделил аристократические семьи между различными гражданскими и военными бюрократиями.

Какие это имело политические последствия? Императорское правление располагало монополией в публичных делах, как на национальном, та и на местном уровнях, а также оно полностью интегрировало в себя аристократию, которая не могла, как это было на Западе, располагать автономными функциями как своеобразной предпосылкой для складывания основ будущего гражданского общества.

Более того, российская аристократия, интегрировавшись в публичное пространство, смогла намного позже, чем на Западе, выдвигать требование функций представительства и контроля над властью. Отсюда проистекает тот факт, что представительные институты в России возникают незадолго до революций 1917 г. Здесь же берет истоки и то, что имперская власть претендовала на господство от имени Бога и от имени народа, но не была властью, действующей на основе *мандата* народа. Политические институты в России не имели договорного основания. Они осуществляли опеку над различными социальными пространствами чисто аристократически, сохраняя воспроизводство наследственного господства как самоцель.

На основе такой логики была сформирована нормативная система, которая наделяет царя и законодательной властью. Закон не имел естественного основания, он имел только позитивное основание, основанное только на воле законодателя. Его основной функцией было создание условий для политической власти организовывать и реструктурировать, а также поддерживать социальный порядок. А потому такое право нельзя рассматривать как право публичное или как административный регламент. Не удивительно, что в России успехом пользовалась прусская модель в становлении власти и ее институтов.

Мощный центр характеризуется также экономическим статусом внутри русского общества. И. Валлерстайн¹ показал, как вследствие военных поражений Россия была отделана от Балтики в период Возрождения, а потому не могла интегрироваться в международную капиталистическую систему, которая сложилась в Западной Европе. А это еще более способствовало укреплению политической власти. Россия, лишенная возможности участвовать в международной торговле, создала свою собственную экономическую систему, в которой сказалось стремление двигаться на Юг и Восток, что создало предпосылки для создания империи, а параллельно шло форомирование торговой и промышленной буржуазии. Руководящая роль политической инстанции не уменьшалась и в последующем: рост банковской системы, появление индустрии, потом пятилетки в СССР выявляют огромное значение деятельности политической власти в поле экономики, которое эта власть всегда стремилась контролировать и опекать.

Организация политики в России отличается от индийской модели в том, что она вооружает политические институты и исполнителей политических ролей средствами прямого и волюнтаристского воздействия на структурирование социального порядка. Меньшим является различие в этом вопросе с исламским миром, где политическое действие воспринимается как долг верующего, внутри которого постепенно были выработаны формулы, дающие государю средства эффективного вмешательства в жизнедеятельность общества. Как и в китайской модели общественного порядка, в России высоко ценится политика, которая не связана жестко с социальным порядком и поддержанием социальных структур. В России политическое развитие обеспечивается могущественным центром, который опекает социальный порядок. Можно выдвинуть гипотезу, что эти четыре траектории политики помогают объяснить профиль политических систем, которые являются их результатом².

4.3. Дестабилизирующая динамика

С научной точки зрения известную опасность может представлять стремление построить статические модели политического порядка, т. е. постулировать неизменность

¹ *Wallerstein I. Le système du monde du XX siècle à nos jours. P., 1985.*

² *Cf. Badie B., Hermet G. Op. cit. P. 156 – 157.*

политических культур и способов организации города, которые из них вытекают. Вдвойне опасна в методологическом плане иллюзия, которая вслед за этим возникает — всегда проще и удобнее твердить о постоянстве порядка. К тому же появляется перспектива выдвижения легких решений, которые оставляют в стороне факторы *разрыва* и *изменения*. В историческом плане такой подход также является спорным: формы правления не перестают модифицироваться под влиянием экономической, социальной и даже климатической конъюнктур, политического вмешательства, под влиянием внешних моделей, иногда в итоге военных действий. Сказывается и влияние того, что в марксистской традиции называется «противоречиями».

4.3.1. Кризисы в китайской модели

Траекторию политического развития Китая ни в коем случае нельзя смешивать с историей конфуцианства и представлять это учение как некую этику китайского мира. В таком подходе недооценивается политика, к тому же не учитываются и интересы всех социальных актеров. Проповедуя конформизм и связывая норму с многовековой этикой, конфуцианство ограничивало бы законодательную власть элиты и государя. Нужно учитывать и то, что строительство империи, в частности, в период правления династии Цин, знаменовали собой триумф легизма, опиравшегося, напротив, на всемогущество политических институтов и суверенитет закона, объективного и известного всем, но произведенного прежде всего государем.

Правда, справедливости ради, нужно сказать, что интегративная и централизаторская мораль конфуцианства не имела сходства *ни с аристократией*, чью автономию конфуцианство стремилось ограничить, *ни с крестьянством*, которое в отдельные периоды выражало недовольство в отношении центра. Не удивительно, что конфуцианство столкнулось с социальным и политическим кризисом. Этот кризис способствовал подъему и популяризации даосизма и буддизма.

Даосизм, как известно, является одним из самых оригинальных и стойких философских течений китайской мысли. В философской школе даосов, к которой принадлежал гениальный писатель Чжуанцзы (369 — 286 гг. до н. э.), выражались некоторые антиобщественные и анархические тенденции,

что позволяет полагать, как это отмечают специалисты по китайской истории, что в Китае существовало в то время и более широкое движение, не сводившееся к даосизму.

Для всех философских школ, более или менее близких к даосам, было характерно осуждение роскоши, всего искусственного, техники и новых установлений. Эти школы различались между собой тем, что выделяли разные нравственные требования: одни учили не отвечать на оскорбления, видя в этом универсальное средство для мира между людьми, другие проповедовали покорность течению жизни и эгоистическую самодостаточность, третьи говорили о самоценности индивидуума и требовали, чтобы каждый сам производил все необходимое ему для жизни. Все они, выдвигая идеал аскезы¹ и независимости, несомненно, имели в виду самые малые и изолированные сельские общины, служившие живым примером.

Даосы отдаленные смутные времена, когда люди не знали утонченной цивилизации, считали золотым веком. Технический прогресс, всякое новое учреждение они считали новым шагом к порабощению человека и падению его естественных добродетелей. Та же любовь к исконно-нерасчлененному заметна у них и на понятийном уровне: подражая софистам, даосы любили разрешать антиномии². Все различия они считают искусственными. Большое и малое, жизнь и смерть имеют смысл только в противоположности друг другу, а в абсолютном измерении становятся одним и тем же: все во всем.

Отказ от всякого обращения к рассудку, неприятие жизни в обществе с его ограничениями, замкнутость в себе доведены у даосов до предела. При этом даосизм проповедовал отказ от службы империи и, скорее, призывал к отказу от политики в обществе, в котором политический порядок предстает как объединитель социальных движений, где индивидуальное действие приобретает социальное измерение только в отношениях с имперским институтом. Выдвижение «антиполитических» ценностей имело протестный харак-

¹ Аскеза (греч. askēsis — образ жизни) — совокупность аскетических упражнений, образ жизни, отвечающий требованиям и правилам аскетизма, который, в свою очередь, может быть определен как крайнее воздержание, отказ от жизненных благ.

² Антиномия (греч. antinomia — противоречие в законе) — противоречие между положениями, каждое из которых признается логически доказуемым (например, прерывность и непрерывность материи).

тер и обладало большой мобилизационной способностью. Некоторые китаеведы видят небезосновательно в даосизме реакцию на наступление тирании¹. То же самое можно сказать и о буддизме, который отличается от конфуцианства недоверием по отношению к вещам этого мира, в частности, к политике. Это способствовало процессам политической мобилизации тем, что придавалось значительное внимание мессианизму (возврату Будды).

Динамика протеста против власти была опасной в силу того, что император был легитимным как обладатель мандата Неба, а поражение, или природная катастрофа, ставила под вопрос его право на командование. Имперский порядок оказывался зависимым от того, что обеспечивало его стабильность: реализующаяся при помощи людей и их веры *социальная гармония*, которая лежала в основании империи, *терпела поражение в силу истощения политической способности династического центра, а также в силу постановки под вопрос периферийного равновесия, и в частности, социальных условий крестьянства*.

Как мы уже видели, каждая династия строила свои отношения на основе эгалитарной раздачи земли крестьянам, гарантом чего была империя, которая формировала свои ресурсы на основе финансового и военного участия крестьянства в ее делах. И имперские кризисы были, как правило, связаны с нарушением этого равновесия. Династия Хань была дестабилизирована в силу ее неспособности поддерживать режим равного распределения земли, а также в силу политики, нацеленной на союз с богатым крестьянством, которое стремилось осуществить концентрацию земель. Со второй половины VIII в. династия Тан оказалась в условиях экономического кризиса в силу того, что нарушилось равновесие земельной системы, потом начался кризис налоговый, а потом и социальный. То же самое происходило с династией Сун (XII—XIII вв.), с монголами. Дальнейшей дестабилизации династий способствовали многочисленные наводнения после 1327 г. Династия Мин столкнулась с неурожаями, а начиная с 1627 г., — с глубоким крестьянским кризисом, связанным с неурожаями. Это же проявилось и в XIX в.

Утверждение имперских порядков сопровождалось преодолением сильного сопротивления общества. В частности,

¹ Жерне Ж. Древний Китай. С. 130—131.

центральной власти династии Хань пришлось преодолевать сопротивление со стороны местных правителей. Ведь во многом отдельные области Китая оставались удельными княжествами со своими традициями, культурой и даже языком. Набирали силу сепаратистские движения. Идеологом такого рода движений была старая аристократия, которых подавляла империя. Хотя в отдельные периоды центральная власть шла ей на уступки: воссоздавались некоторые княжества, а их правителей присваивались почетные титулы, вплоть до титула *ван* (царь).

Однако главная опасность исходила все же не от аристократии. Самыми непримиримыми противниками династии стали крупные землевладельцы, «новые люди», которые, собственно, и привели ее к власти. Им совсем не нравилось подчиняться сильной центральной власти. В своем имении, часто весьма отдаленном от столицы, владелец считал себя абсолютным властелином и нередко вооружал крестьян, чтобы проитивостоять приказам императора.

И наконец, еще одной силой было китайское крестьянство. Мы мало знаем об условиях жизни крестьян того времени, но, как полагают историки, они жили в целом весьма трудно. Когда становилось совсем плохо, крестьяне уходили из деревень и создавали организованные отряды под руководством нескольких главарей. Иногда они образовывали дисциплинированные сообщества, обосновывая правоту своего дела религиозными, в основном даосскими доктринами. В эпоху Хань империя пережила множество подобных выступлений, а одно из них послужило причиной падения династии (II в. до н. э.)¹.

Было бы неправильным ограничивать китайскую политическую историю противоборством между конфуцианским политическим центром и крестьянской периферией, мобилизованной буддистскими или даосистскими сектами. Реальность является более комплексной. Политическая власть многократно смогла проводить стратегию консолидации, опираясь на буддизм (V в.), или дао, по крайней мере в царстве Вэй. Но союз был непрочен: буддизм мобилизует в своих интересах больше человеческих и материальных ресурсов с тем, чтобы не смущать политическую власть в ее стремлении к монополии и могуществу. К тому же центральная власть не была однородной: нередко возникали противоречия между царственной особой и двором чиновников,

¹ Ломбар Д. Императорский Китай. С. 34 – 35.

и получались в итоге периоды царственного господства, а потом бюрократического. Это проявилось в династии Мин, когда выявилась растущая трудность в примирении царской власти, располагающей большим символическим ресурсом, и институционализированной бюрократической власти.

Китайская история выявляет *циклическую природу политических кризисов и способность политической системы преодолевать их на пути утверждения новой династии или нового режима, которые устанавливались на основе союза с крестьянством и на базе распределения земли*. Все происходит так, как если бы проходило саморегулирование модели китайского политического развития¹.

4.3.2. Кризисы в индийской модели

Индийская модель характеризуется иными основаниями кризисов и политических трансформаций. Крестьянство здесь не так связано с политическим обществом и не порождает социальные движения, способные его дестабилизировать и изменить. Это связано прежде всего с тем, что в Индии крестьянство фрагментировано по кастам и языкам. Его вовлеченность в социальный порядок является более социальным, чем в Китае, т. к. система каст является элементом стабилизации социального порядка на основе традиции; с другой стороны, комплексность системы земельной собственности обеспечивает значительную часть крестьянства профессией на земле, что снижает риск бунтов. Это не означает, что индийская история не ведает крестьянских бунтов: социальные движения объединяли их различные формы и могли подпитываться конфликтами языковыми или религиозными. Тем не менее они сохраняли фрагментарный характер, препятствуя широкой мобилизации, подобного масштаба, как это имело место в Китае.

Локальная и фрагментированная мобилизация является специфической особенностью индийского мира, а также отношения индивида к политике. В Индии отношение индивида к политике испытывало влияние в большей мере местного сообщества, наиболее близкого окружения. Индивид исторически воспринимал правительственную функцию как бесполезную, отдаленную, скорее как паразитическую, чем полезную. Его включенность в политическое общество большого измерения, например, в империю, остается слабой,

¹ Cf. Denie B., Hermet G. Op. cit. P. 158 – 159.

неустойчивой, и она связана с его стороны с недоверием и даже непониманием ее (империи) необходимости.

Эволюция политического общества в Индии зависит от способности правителей мобилизовать ресурсы власти и использовать стратегии мобилизации в интересах поддержки центральной власти со стороны различных социальных групп. И здесь мы сталкиваемся с тем, что в индийской истории является *основанием политической автономии*. Мы сталкиваемся с феноменом религии. Влияние религии на политику является в этой стране определяющим: легитимация политики берет начало в пространстве священного. А потому политический порядок в Индии может быть только божественного происхождения. Разрешение кризисов и преодоление хаоса связано чаще всего с использованием индуистской мифологии. Однако адаптация политических обществ к вызовам времени, преодоление рисков эрозии этого порядка, выстраивание отношений с соседними обществами, дружескими или враждебными, связано с инициативами политической природы, которые задают ритм индийской истории.

Указанная адаптация испытывает влияние ряда факторов. Среди них первое место принадлежит *факторам военной природы*. Создание или распад империй в Индии связаны с оружием и военными захватами. Это же самое можно сказать о царствах и об отношениях между ними. К этому добавляется другой фактор — *способность принца выйти за пределы родственных структур*, которые активно влияли на политический порядок и его основания. Этот феномен изучался на примере раджей¹, и их способности вассализировать членов семейства, а также способов контроля над соседними королевствами, в которых они становились сюзеренами. Способность создания зависимости была важным ресурсом власти принца (военной, бюрократической, наследственной и даже личной). Уменьшение этих ресурсов вело к исчезновению вассальских связей. Такая система учитывает одновременно комплексность и нестабильность политических обществ. Комплексность, т. к. такая модель способствовала созданию пирамидальной структуры авторитета, множественности политической власти, находящейся на разных уровнях, осуществляющих конкурентный авторитет на одних и тех же пространствах,

¹ Раджа (санскр. — царь) — княжеский титул в Индии.

наподобие русской матрешки; нестабильность, т. к. такая структура зависела от эволюции ресурсов суверена. В соответствии с такой логикой политический порядок может быть только геометрически переменным, а различие между стабильным и нестабильным — трудным делом.

4.3.3. Кризисы в мусульманской модели

Двойственность политики мусульманского мира, противопоставляющая легитимность и необходимость, является источником напряженности. Для того чтобы добиться гражданского повиновения, государь стремится нанести поражение любому протестному движению и делегитимировать его действия; эти действия не могут приобретать новых источников легитимации. Однако не следует делать вывод о том, что исламская политическая культура характеризуется подчинением или деспотизмом: крайнее разнообразие политических ситуаций в истории мусульманского мира обнаруживает большой протестный потенциал и его большое значение в процессе изменения политических систем.

Государь имеет и аргументы. Мы выше показали некоторые формы легитимации (в частности, религиозные настроения), которые оказывали сильное влияние. Однако они не могли существовать в своем чистом виде. Сама природа политического действия побуждает государя действовать в тех областях или в соответствии с ситуациями таким образом, что с трудом такие действия можно легитимировать на основе религиозного закона. Такие действия становятся одним из оснований политического порядка. В то же время такого рода действия власти опираются на неустойчивое основание, что может вести к возникновению кризисов.

Между тем главная задача государя заключается в защите сообщества от беспорядка, а власть навязывается как нечто необходимое для этой защиты. К этому добавляются некоторые дополнительные черты. Прежде всего восстановление политического позитивизма на основе культуры, которая является по сути детерминистской: если власть существует, то это происходит не по воле людей, а прежде всего по воле Бога, который желал такой власти; а потому власть должна уважаться всеми. Таким же образом государь использует отсутствие политических теорий, оправдывающих право людей на сопротивление власти или установление народного суверенитета, с помощью чего оправдывается

требования индивидов или групп по поводу трансформации политической системы.

Участники протестных действий имеют немало аргументов и немалый опыт в мусульманской истории. Даже если соглашаться с постулатом необходимости порядка, индивид может это делать за пределами города. А потому протестная практика в исламском мире, чаще всего, связана с эмиграцией за пределы сообщества. Такими действиями пользовались многочисленные предводители из числа политиков, философов или ученых арабского мира.

Таким же образом, не ставя прямо под вопрос существующий порядок, построение политического порядка в мусульманском мире может приводить социальных актеров к разоблачению коррупционной природы власти на основе уступок принципу необходимости, а также призывов к тому, чтобы опираться на Закон Бога. Это обычная практика политической истории ислама, т. к. она совпадает с энтропической концепцией города, т. е. идеей о том, что всякая человеческая конструкция способна деградировать и требует очищения и реставрации. Далее. Отметим непреложный факт: стратегия протестной практики в мусульманском мире строится на стремлении доказать свою высшую легитимность на основе верности учению.

Нам известно, в частности, благодаря ибн Хальдуну¹, что этой политической власти постоянно угрожали разделения, связанные с племенно-сообщностной природой социальных связей. Центр власти наделялся способностью к эффективному действию только в случае, если он выражал дух группы, достаточно сильной и структурированной. Если дух этой группы выдыхается, то в силу своей включенности в сети институционализированной власти дух всего сообщества остается нетронутым, а политический потенциал власти в силу этого остается значительным.

Вырождение центральной власти может быть ускорено подъемом периферийной племенной власти, которая сможет легко сменить ее в соответствии с циклической моделью смены династий.

¹ Ибн Хальдун (1332 – 1406) — арабский историк и философ. Последователь Ибн Рушда. В сочинении «Книга назидательных примеров...» изложил свои взгляды на развитие общества (идея исторических циклов; различия в образе жизни людей связывал главным образом с географической средой), историю народов мусульманского Востока (особенно Магриба).

В соответствии с такой логикой получает развитие в городах тенденция библейского ислама, немного клерикализованного, помещенного в институционные сети, тогда как в сельских зонах возрождается братский ислам, питаемый ресурсами сообщностного типа. В периоды ослабления центральной власти вторые приобретают реальное политическое значение, становясь местом политической стабилизации и способствуя в случае необходимости — династическому изменению.

В соответствии с этой циклической логикой, социальные основания которой являются диверсифицированными, процессы истощения власти завершаются разрывом, который может вызывать игра различных факторов. Вновь мы сталкиваемся с военным фактором: монгольское завоевание стало результатом ослабления халифата аббасидов; военное могущество Альморавидов положило конец в средневековом Марокко династии идрисидов¹. Институционный фактор нельзя недооценивать: айюбиды² (1171 — 1250), потом мамлюки³ (1250 — 1517) в Египте, династии IX — X вв. в Персии не могли не привести к неустойчивости династий. Но особенно следует выделить значение мессианизма, появление мессии как призыв к возрождению религиозной идентичности политической власти. Крушение империи омеядов и утверждение империи аббасидов было ускорено в первой половине VIII в. движениями посланцев Бога. Династия альмохадов⁴ утвердилась в Марокко по инициативе ибн

¹ Идрисиды — арабская династия. Правила в Марокко в конце VIII — X вв. Основатель Идрис ибн Абдаллах. После смерти Идриса II (792 — 828) государство идрисидов распалось на отдельные княжества, которые были ликвидированы войсками Кордовского халифа в 974 г.

² Айюбиды (Эйюбиды) — династия, правившая в конце XII — XIII вв. в Египте, Сирии, Месопотамии, Южной Аравии. Основана в 1171 г. Салах-ад-дином. Вела успешные войны с крестоносцами. Основная египетская ветвь айюбидов в 1250 г. ликвидирована мамлюками.

³ Мамлюки (араб. — невольники) — воины-рабы, составлявшие гвардию династии Айюбидов. В 1250 г. верхушка мамлюков свергла египетскую ветвь Айюбидов и основала династию мамлюкских султанов, правившую до 1517 г. в государстве, включавшем Египет и Сирию. Мамлюки были свергнуты турками-османами. В 1711 — 1798 гг. мамлюкские эмиры (беи) фактически снова правили Египтом. Окончательно их власть была ликвидирована Мухаммедом Али в 1811 г.

⁴ Альмохады — принятое в литературе название династии и государства в Северной Африке (1121/22 — 1269). Государство альмохадов было образовано в процессе борьбы с Альморавидами. Распад государства начался в период Реконкисты.

Тумерта, который претендовал на оживление этого эпизода Медины, где пророк Мохаммед вышел из идолопоклоннического города Мекки, чтобы построить город Бога.

История мусульманского мира в классическую эпоху выявляет, что напряженность между властью и протестными силами, центром и периферией было вызвано к жизни упадком веры и мессианизмом, что сыграло значительную роль в изменении политического равновесия в соответствии с моделью «интеграция – дезинтеграция – реинтеграция». Протест в мусульманском мире не предстает как фактор, блокирующий построение политического порядка.

Однако в наши дни протестные движения в исламском мире приобретают все более радикальный характер. Начало этому было положено возникновением движения братьев мусульман (1929), взявших на вооружение так называемую священную войну против государя в том случае, когда он предаст веру и утверждает деспотизм. Воинственный исламист предстает как моджахед, требующий право на создание новой юриспруденции и нового легитимного политического порядка. В итоге возникает двойственный политический порядок, который получает свое выражение в конкуренции политических пространств.

4.3.4. Кризисы в российской модели

Кризисы, которые поражают русскую модель развития, характеризуются централизованным характером, активным участием в них политической власти, которая исторически стремится контролировать совокупность социального порядка. Российские кризисы существенно отличаются от кризисов мусульманского мира, для которых характерно стремление протестующих социальных актеров использовать в своих интересах политическую легитимность. Кризисы в России отличаются и от кризисов в Китае, которым присуща постановка под вопрос социального основания имперской власти, связанной с истощением поддержки этого типа режимов со стороны крестьянства. В модели, в которой господствует политика, кризисы как фактор изменения берут начало в политике и имеют политическую природу. И они обусловлены способностью центральной власти поддерживать, контролировать и даже присваивать различные социальные пространства.

Этот феномен становится понятным при учете институционализации царского режима и утверждения новой аристократии, находящейся под контролем центральной власти. Накопление ресурсов власти связано с Петром I (1689 – 1725), который сумел мобилизовать свои политические и военные способности для объединения старой и новой аристократии. Этой объединенной аристократии были навязаны те же задачи, те же обязательства гражданской и военной службы, и которые, по своей сути, интегрировались полностью в имперский политический порядок.

Эволюция общества приобретет синусоидальный характер. При этом происходит ослабление ресурсов центра, что проявляется, например, в атомизации аристократии, что при правлении Екатерины (1762 – 1796) привело к относительному уменьшению обязательств знати. После Венского конгресса, наоборот, были восстановлены ресурсы царистского режима. После поражения в Крымской войне (1853 – 1856) военный фактор приобрел особенно большое значение в поддержании политического порядка. Выяснилось, что политическая власть оказалась неспособной поддерживать социальный порядок и обеспечивать единство внутри себя самой.

Такая конструкция политического основания имела ряд последствий для социальной структуры, а также и для кризисов политической способности режима. Что касается социальной структуры, то в России издавна утвердилась ориентация консервативной политической власти на сохранение статус-кво. Стремясь обеспечить свое воспроизводство, максимизировать свои ресурсы, обеспечивать себя ресурсами извне, политическая власть стремилась интегрировать различные правящие категории: взамен она стремилась поставить им на службу принудительные способности в сдерживании «опасных классов» в их способности дестабилизировать порядок. Отсутствие организованного гражданского общества и слабость ресурсов власти ограничивали возможности изменения, по крайней мере адаптации к новым условиям политического развития, которые легче выражаются в социальных отношениях, чем на политической сцене.

Утверждение сильной имперской политической власти было осуществлено за счет крестьянства и ценой сохранения отношений рабства, тогда как западные государства добивались этой цели на пути освобождения от рабства.

Феодальные прецеденты на Западе сыграли решающую роль в построении государственной идентичности, в создании гражданского общества, в то время как в России все делалось для того, чтобы политический порядок сохранил находящиеся у власти силы. Всякая утрата политических способностей центра порождала три типа социальных кризисов, солидарных между собой — *неспособность обеспечить социально-экономическую модернизацию страны, неспособность контролировать аристократию, неспособность сдерживать крестьянские бунты*.

Первая из этих дисфункций была связана с консервативным характером царской системы власти. В период могущества она была связана с деятельностью государства по формированию буржуазии. Последняя, будучи тесно связанной с политической властью, не была и не могла быть революционной силой; связанная с имперской системой, буржуазия развивалась парадоксальным образом — стремясь развивать капиталистическую экономику, даже социальные образования буржуазного типа, она оставалась клиентом действующего политического порядка, в котором господствовали феодальные структуры. Противоречие между «феодальным государством» и капиталистической экономикой блокировало экономическое развитие России, стесняло переход к формированию капиталистического сельского хозяйства, а также углубляло социальную напряженность, а вместе с ней и неспособность политической системы управлять социально-экономическими трансформациями.

Вторая дисфункция углубляет первую: всякое отступление в политической способности центра выражалось в ослаблении его контроля над социальными структурами, и в частности, над аристократией, которая в свою очередь добивалась создания местных институтов или представительных институтов (Дума), которые она смогла бы контролировать. В конце XIX — начале XX в. аристократии удалось подтвердить феодальную ориентацию социально-экономического порядка.

Третий элемент кризиса — ослабление политических способностей — привело к сокращению принудительных способностей и подверженности влияниям извне. И то и другое стало результатом поражения в Крымской войне. В итоге было отменено крепостничество, например. Кризис политической системы побудил политическое руководство

России проводить реформы, контролировать которые она уже не могла, а обеспечить глубину преобразований также не была способна. Царская политическая система не смогла объединить экономические и социальные условия для полного устранения отношений крепостничества. Это противоречие оказалось в центре порядка, в котором переоценивалась роль политического элемента в общественном развитии. Эта система способствовала превращению русского крестьянства в социальный класс, враждебный аристократии и политической власти. А это придавало крестьянству революционный характер, чего не было ни в Европе, ни в Индии, ни в мусульманском мире. Природа политического контроля, а также революционный потенциал населению породил ряд революций в России.

ГЛАВА 5

«СИРОТСКАЯ» ПОЛИТИЧЕСКАЯ ДИНАМИКА

Два последних столетия отмечены усиливающейся однородностью политической сцены. Значительную роль в этом сыграло формирование «международной политической системы». В рамках этой системы функционируют и циркулируют разнообразные национальные модели правления. Международные отношения развиваются на основе сложившегося некоего общего кода, на базе которого действуют все актеры глобальной (мировой) политической системы. Результатом воздействия такого кода стало распространение на весь мир феномена государства, которое превратилось едва ли не в основного участника международных отношений. В итоге некоторые аспекты этактической практики приобрели универсальный характер.

Универсальный характер феномена «государство» испытывает воздействие отношений экономической, политической и военной зависимости большей части государств от наиболее развитых из них, что привело к формированию, в частности, на Юге нашей планеты периферийных государств.

Центропериферическое членение мира (в социально-экономическом плане и других аспектах) давно уже стало в мировой научной литературе общепринятым. Оно разработано такими учеными, как А.Г. Франк и И. Валлерстайн, а также рядом других исследователей. И хотя в современных текстах употребляются нередко и другие демаркации — Запад и Восток, Север и Юг, «новый Север», «глубокий Юг» и т. п., — в основе их лежит дихотомия Центра и Периферии.

Мировое сообщество объединяет более 200 государств. Среди них находятся 10 стран, население каждой из которых превышает 100 миллионов человек. На их долю приходится почти 60 процентов населения Земли. Очевидно, что социально-экономическая ситуация в этих странах во многом определяет положение всего человечества. Одна из них — США — является лидером мировой экономи-

ки, тогда как девять других — Россия, Китай, Бразилия, Индия, Индонезия, Мексика, Пакистан, Бангладеш и Нигерия — находятся на ее Периферии. Периферийное положение, конечно же, ослабляет роль этой девятки стран на международной арене. Тем не менее они занимают в общественно-экономической и политической жизни мирового сообщества особое место.

Исторически судьбы этих стран сложились по-разному. Россия, Китай, Бразилия, Индия, Мексика и Пакистан, при всех различиях между ними, относятся к группе полупериферийных стран. В этих странах, несмотря на относительно низкий подушевой доход и преобладание доиндустриального и морально устаревшего индустриального хозяйства, в той или иной мере и форме утвердились продвинутые системы образования и получили достаточно высокое развитие отдельные сегменты современной экономики, опирающиеся на последние научно-технические достижения и передовые технологии. Нигерия же и Бангладеш представляют глубокую Периферию, где процесс модернизации находится еще в самой начальной стадии, проявляясь, прежде всего и главным образом, в наполнении современными товарами и услугами потребительской корзины местной элиты¹.

Понятие «периферийные государства» отражает двойственную реальность процесса гомогенизации политической сцены. Этот процесс характеризуется тем, что, как мы назвали его, периферийное государство структурируется таким образом, что отражает в своей структуре и политике отношение зависимости от гегемонистских государств. На основе этой зависимости формируется то, что можно было бы назвать территорией политических пространств, а также формируется специфика центра власти и бюрократических аппаратов. Вполне понятно, что отношение зависимости получает выражение и в ограничении суверенитета государства, и в качественных характеристиках гражданского общества, а также в утверждении тех или иных формул легитимности правления.

Этатическая рациональность в периферийных государствах является ограниченной, а потому она неизбежно, рано или поздно, порождает дисфункции. Это связано прежде всего с тем, что указанная рациональность противоречит национальной культуре, которая в Азии или в Африке

¹ Глобализация и крупные полупериферийные страны // Научные доклады. Вып. 1. М., 2003. С. 9, 21–22.

никак не совпадает с этатической концепцией политического порядка. «Периферийное государство» находится под постоянной угрозой утраты легитимности, подвергается риску непонимания его политики со стороны населения в силу крайне низкой способности государства проникать в традиционные социальные пространства. Более того, государство оказывается под угрозой отделения от общества, не исключая и того, что оно может быть оттеснено с «официальной политической сцены». Эта угроза возникает как результат конкуренции с созданными снизу социальными движениями, которые, как правило, опираются на религию как «хранительницу смысла».

Таким образом, периферийное государство борется между двумя логиками: одна из них является результатом «внешней динамики», связанной с отношениями зависимости и международными правилами, другая является результатом «внутренней динамики», связанной с необходимостью проводить такую политику, чтобы не доводить до критического состояния отношения управляющие — управляемые. Учет в политике этих двух логик, достижение известного примирения между ними является весьма сложным делом и выходит далеко за рамки импорта этатической модели. Импорт этатической модели, как показывает политическая практика, является в конечном счете опасным и дорогостоящим делом. Это так потому, что в итоге указанного импорта возникает «гибридное государство», порывающее с традицией и порождающее «сиротскую динамику».

Это метафора применяется западными политологами для характеристики динамики власти в Латинской Америке, например. В данном случае парадигма зависимости становится менее адаптивной. Она подвергается определенным ограничениям, т. к. недостаточно учитывает собственные процессы развития латиноамериканских обществ. И эти государства являются по-настоящему сиротскими. Индейский элемент в таком государстве является неуловимым. Со своей стороны, европейское родство модели не признается, хотя долгие годы латиноамериканские страны копируют европейскую модель государства. А потому возникает «латинская» специфика, которая получает выражение в агрессивном согласии с комплексом отказа или жертвы идентичности, являя собой «наследников, лишенных наследства»¹.

¹ Badie B., Hermet G. Op. cit. P. 170.

5.1. Неадаптированное, но необходимое государство

Импорт западной этатической модели неизбежно порождает социальную напряженность в стране, которая ее (модель) заимствует. Эта напряженность связана с тем, что у импортированных моделей нет собственного исторического прошлого. У них есть только иная, западная история. А эта история, как мы уже отмечали, была связана с преодолением феодального прошлого, для которого были характерны, с одной стороны, кризис феодальной власти (власти сеньоров), а с другой — усилия по созданию династического центра.

Совсем иная политическая логика определяет политическое развитие зависимых государств. Эта логика определяется тем, что указанные, как мы их называем зависимые общества, ориентируются на утверждение иного смысла политического развития. Он определяется тем, что центральная власть не просто ослаблена, но и утратила легитимность, что особенно наглядно проявилось в процессе деколонизации.

В итоге неизбежно встает вопрос: как власть обретает легитимность в такой ситуации?

Только освободительная война может придавать новой власти легитимность. Однако такая легитимность, как показывает опыт, исчезает достаточно быстро. Что же касается традиционных периферийных властей (племенной власти, власти нотаблей¹ или местных сеньоров, которые не испытали на себе последствий того кризиса, через который прошли многие страны Запада), то они перед лицом импортированной легитимности, утверждающейся на официальной политической сцене, приобретают еще большую легитимность. В такой ситуации набирает силу центробежная динамика, действующая на пользу периферийных властей и способствующая возрождению традиционных оснований сообщества. А это затрудняет формирование гражданственности подобной той, что лежит в основании западного государства.

Кроме того, западное государство опирается на согласие граждан в вопросах безопасности, на основе чего оно получило, как отмечал М. Вебер, монополию на легитимное физическое насилие.

¹ Нотабли (фр. notables) — во Франции XIV – XVIII вв. представители высшего духовенства, придворного дворянства и городских верхов, члены созывавшегося королем собрания — собрания нотаблей.

Зададимся вопросом: на чем основано западное государство, если безопасность граждан по тем или иным причинам отсутствует? В случае возникновения такой ситуации западное государство опирается на двойной постулат: с одной стороны, *на индивидуализм*, который основан на том, что индивид стремится получить защиту от государства, а не от сообщества, к которому он принадлежит; а с другой — *на кредитоспособность государства*, т. е. на его способность обеспечить защиту гражданина и способность обладать соответствующими ресурсами. И было бы совершенно неверным стремиться отыскать в иной истории такие основания. Так, в истории стран Латинской Америки нет аналогов передачи властных возможностей периферийных структур центральной власти на принципах утверждения гражданственности. Как, впрочем, для этих стран не свойственна ситуация, когда власть центра бывает настолько ослабленной, что оказывается неспособной обеспечить защиту индивида.

К указанным противоречиям добавляется культурное различие: государство, как мы показали, предполагает дифференциацию политики, ее секуляризацию и суверенитет, территориализацию политического пространства, чего не происходит, а если происходит, то очень неравномерно в незападных культурах. Здесь, в западном мире, образуется так называемое *гибридное государство*, которое, чаще всего, встречает недопонимание со стороны значительной части населения, а потому подвергается опасности утраты легитимности.

Все это способствует тому, что импортируемое государство превращается, по утверждению Б. Бади и Г. Эрме, в парадокс, который нельзя понять в силу того, что неясны его истоки и условия существования. Вне всякого сомнения, импортированное государство испытывает на себе воздействие международного порядка, воспроизводящего вполне определенную структуру господства. Этот порядок создается не в вакууме. Он является также результатом игры актеров — «строителей государства», действующих на основе собственного социального профиля и своих интересов.

И тем не менее построение новых политических систем в разных странах связано в большей мере, с заимствованием моделей, чем с созданием их новых формул. Это заимствование испытывает на себе влияние тех социальных

актеров, которые создают центральное звено, или, говоря иначе, — ядро государства. Однако характер государственного образования и связанного с ним общественного порядка испытывает на себе сильное влияние западной идеологии.

Нельзя не учитывать и того, что создатели государственности строят свою деятельность на основе реализации стратегии полного овладения политической властью. Это предполагает решение как минимум двуединой задачи. С одной стороны, необходимо оттеснить, а при возможности и устранить традиционные власти с тем, чтобы осуществить отказ от традиционных политических формул, а с другой — установить опеку над социальными пространствами таким образом, чтобы исключить опасную конкуренцию с ними. Эта двойная стратегическая задача побуждает обладателей центральной власти опираться на современную легитимность для того, чтобы противостоять традиционной легитимности и усиливать «свою» легитимность на основе прогрессирующей специализации, бюрократизации государственного аппарата в интересах увеличения ресурсов политического пространства в целях проведения социального изменения. Имитация западной этатической модели является средством достижения такой цели. Это подкрепляется динамикой международной системы, и в частности, потребностями гегемонистских государств в их стремлениях оказывать влияние на периферийные общества.

5.1.1. Социология импорта политических моделей

Выявление процесса имитации приводит компаративистов к необходимости осмысления взаимовлияния политических систем. Такое осмысление позволяет анализировать как разнообразие процессов импорта моделей и политических практик, так и феномен гибридности политических систем как результат указанного импорта. Такой подход неизбежно приводит к серьезной критике как девелопментализма, так и культурализма.

В самом деле. Для сторонников девелопментализма то, что мы называем заимствованием развивающимися обществами у западных политических систем, является банальным выражением процесса утверждения *единой модели индустриального общества в мире*. А эти модели рассматриваются как неизбежные, по сути дела, обяза-

тельные для всех, ибо они являются по определению носителями рациональности и прогресса. Для сторонников культурализма импорт моделей является нежелательным феноменом, а если он осуществляется, то рассматривается ими как явление временное.

Социология заимствования, занимая промежуточное положение между двумя этими подходами, стремится доказать, что такое заимствование предполагает разнообразие стратегий, интересов и потребностей, что не позволяет рассматривать это заимствование в качестве конъюнктурного и неустойчивого явления.

На первый взгляд эта социология может казаться как бы суммирующим феноменом. Она подвержена риску постулирования оппозиции между эндогенным¹ и экзогенным². Такое противопоставление не является правомерным при проведении сравнения, ибо может вести к забвению того, что «заимствования» извне трансформируются, адаптируются и смешиваются с эндогенными данными. Иногда некоторые компаративисты при характеристике заимствования используют органицистскую метафору «прививки» или «чуждого тела». С такой интерпретацией также нельзя согласиться. Она может вести к ошибочному представлению о процессе заимствования, т. к. не учитывает комплексность процесса трансформации и интеграции заимствованных элементов в систему смысла, т. е. в культуру заимствующего общества. Кроме того, противопоставление эндогенного и экзогенного не всегда является операционным. И действительно, как можно отделить одно от другого?

Встает и такой вопрос: как можно выявить происхождение той или иной черты национальной политической системы с позиции ее только иностранного происхождения или только национальной традиции? Взять, скажем, Китайскую Народную Республику. Есть большой соблазн выдвинуть гипотезу о том, что эта республика была создана на основе импорта западной этатической модели как итог евро-американского влияния в начале прошлого века. Еще больше оснований утверждать, что КНР сформировалась вследствие принятия страной идеологии марксизма. Но в то же время есть все основания говорить и о том, что

¹ Эндогенный — внутреннего происхождения, вызываемый внутренними причинами.

² Экзогенный — внешнего происхождения, вызываемый внешними причинами (противоположное эндогенному).

страна утвердила традиционную имперскую модель. Со всей определенностью можно утверждать, что ни одна из этих гипотез не может быть подтверждена или отвергнута. И ни одна из них, значит, не может являться основой для проведения сравнительного анализа.

Социология заимствования как одно из современных направлений политической науки позволяет анализировать *стратегии заимствования* и вооружает компаративиста пониманием конкретных процессов, которые с этим заимствованием связаны. Это направление сравнительной политологии позволяет, в частности, осуществлять анализ периферийного государства и феноменов гибридизации, которые такое государство, как правило, характеризуют.

Стратегии заимствования участвуют в процессе воспроизводства форм власти, а также и форм протеста против нее. В этом смысле стратегии заимствования связаны с определением разнообразных социальных и политических актеров, которые могут получать *политическую выгоду* от осуществления указанного процесса. При этом политическая выгода имеет ограничения с двух сторон. С одной стороны, политическая выгода распределяется, хотя и далеко не равномерно, между определенным множеством конкурирующих между собой актеров, а с другой — ее распределение испытывает на себе влияние конкретного социального и политического контекста, который накладывает ограничения на стратегический выбор указанных актеров, а в определенных ситуациях может порождать эффект возвратного действия. Это возвратное действие может весьма жестоко обойтись с теми силами, которые осуществляют заимствование.

Стратегии заимствования отличаются многообразием и многочисленностью. Вследствие этого компаративист должен считаться с разнообразными «микростратегиями», которые, как правило, связаны с индивидуальными инициативами. Эти инициативы могут возникать по разным причинам или основаниям. Так, одним из источников индивидуальных микростратегий могут быть поездки на учебу в другие страны. Это могут быть как европейские страны, так и, скажем, США. Нельзя не учитывать и влияние религиозного, а также, более широко — культурного, факторов или, к примеру, апробированных политических технологий и т. д. Эти «микростратегии» в ходе агрегирования могут оказывать сильное воздействие на процесс заимствова-

ния тех или иных элементов политической организации и построения социального порядка, а вместе с ним, или на его основе, — также и порядка политического. А потому *микростратегии должны быть объектом самостоятельного исследования, итоги которого подлежат учету и при проведении сравнительного анализа.*

Иная природа присуща стратегии заимствования, которая может использоваться Центром в перспективе преобразования власти. С этой точки зрения стратегии «государственного строительства» в Африке или Азии в XIX — XX вв. сопоставимы со стратегиями принцев (феодалов) конца Средневековья. И в том и в другом случае осуществляется *имитация процесса политического развития, которая сопровождается определенной совокупностью политических изобретений.*

Однако при всей схожести указанных стратегий заимствования нельзя не видеть и различий, существующих между ними. В феодальной Европе стратегии заимствования строились с учетом утвердившихся к тому времени традиций, а также имитации эндогенной модели, которую олицетворяла собой Церковь. В странах Азии и Африки для стратегии заимствования характерна экзогенная модель.

В последнем случае необходимо различать две идеал-типических ситуации. Одна из них связана с *созданием новой политической системы*, которая порывает в той или иной мере с традицией и создает новую формулу легитимации власти. В результате этого возможности опираться на традицию для создателя государства оказываются весьма ограниченными. А потому ограниченными являются возможности использования институционных и символических ресурсов, которые связаны с традициями. Вторая идеал-типическая ситуация может быть названа *консервативной модернизацией*, в которой заимствование иностранных моделей является более селективным. Такая модернизация, как правило, связана с укреплением необходимых в новых условиях политических возможностей и заменой традиционных структур легитимности, ставших неэффективными.

Создание новых политических систем является многообразным. В развивающихся странах, чаще всего, оно предполагает создание нового политического пространства, связанного с процессом деколонизации. Исторически сложилось так, что большинство африканских государств

и многие азиатские государства были созданы без учета прежней политической системы, традиционные элементы которой могли бы быть актуализированы. В этих государствах, чаще всего, появлялся новый политический класс, отличающийся от традиционных классов и стремящийся отыскать в западных идеологиях собственную формулу легитимности.

Особенно активно заимствование, или, говоря точнее, подражание, проявляется в конституционной области. В этом убеждает пример большинства африканских стран и некоторых новых арабских государств, как, например, Ирака, который в 1925 г. принял конституцию, испытывавшую сильное влияние конституции Австралии, или Сирия, принявшая конституцию в 1922 г., которая основывалась на основных положениях швейцарской конституции.

Иногда династический центр, наделенный традиционной легитимностью, может также использовать стратегию разрыва, и тогда не требуется масштабное заимствование. Так развивались события в Кувейте, где государь, стремясь отличиться перед лицом саудовской монархии, опирался на традиционный ресурс, но создал парламентские институты по западному образцу. Еще один пример создания новых политических систем связан с революционным разрывом с традиционным порядком. Здесь тоже происходит заимствование, основанное на социалистической идеологии. Так было, например, в Египте в 1952 г. после революции свободных офицеров.

Консервативная модернизация также предполагает импорт политических моделей и практик, более селективное, безусловно, но также отмеченное тем, что в результате ее осуществления ослабляются традиционные политические ресурсы и преодолевается формула легитимности, на которую эти ресурсы опираются. В отличие от средневековых монархов большинство незападных государств, особенно мусульманского мира, в течение XIX – XX вв. испытывали дефицит авторитета. Западные государства были, как известно, построены в контексте воссоздания монархического авторитета, облегченного преодолением феодальных структур. Становление политических систем мусульманского мира перед лицом необходимости осуществления политической модернизации выявило слабость династического центра. И это является одним из важных проявлений различий по сравнению с западными странами. Как известно, евро-

пейские государства в своем большинстве превосходили государства мусульманского мира как в военном, так и в экономическом плане. Это — во-первых. Во-вторых, различались и традиционные местные авторитеты, которые в Европе опирались на сети солидарности сообществ. И наконец, различие отмечается по линии новых — административных, экономических или социальных — ставок, исходивших из западных стран.

Может ли в таких условиях сохраняться неизменной традиционная власть в обществе? Сохранение традиционной власти в таком контексте должно строиться с учетом заимствования материальных и символических ресурсов западных стран. Мы обращаем на это внимание потому, что указанный процесс политических изменений следует учитывать при проведении сравнительного анализа. В подтверждение сказанному, можно было бы показать, что такая политическая практика заимствования лежала в основании действий реформаторов мусульманского мира в XIX в. Это подтверждает пример Османской империи, Персии, Египта и Туниса.

Эти заимствования осуществлялись по нескольким направлениям. Чаще всего, они были связаны с импортом военной техники и военных институтов для того, чтобы развивать в последующем гражданскую бюрократию. Большое значение приобретало все то, чтобы было связано с системой образования, призванной готовить социальную опору для социально-политических преобразований.

Могут ли глубокие преобразования, да еще в контексте разрыва, пусть даже и частичного, с традицией проходить гладко? Как показывает исторический опыт политической модернизации в странах «третьего мира», процесс преобразований на основе заимствования западных образцов может породить конкуренцию и приводить даже к обратным, по отношению к ожидаемым, результатам. Есть все основания утверждать, что по мере осуществления тем или иным государственным руководителем стратегии заимствования, нацеленной на укрепление его власти, он импортирует в свою страну и ставку западной политической системы, и ее политическую роль. Это приводит в итоге к появлению новых стратегий, как внутри окружения государственного лидера, так и в новоявленных социальных структурах, связанных с проводящейся модернизацией. Эти, как мы сказали новоявленные социальные группы или слои, выступают в

поддержку заимствований иностранных моделей, однако они руководствуются своими интересами и целями, которые очень часто расходятся с интересами и целями государственного руководителя. И потому стратегии этой новой социальной силы в модернизирующейся стране имеют нередко иную природу. Импортирование зарубежных моделей эти социальные силы не связывают только с укреплением слабеющей власти. Как показывает опыт, импорт зарубежных моделей новые социальные силы и связанные с ними силы политической модернизации переустройства национальной политической сцены могут стремиться проводить в ущерб абсолютизму власти государя. Так было в Турции, когда реформаторы создавали новые условия для политической жизни, в которой стремились стать основными актерами.

Нужно учитывать и то, что заимствование не осуществляется только по инициативе центра. Значительную роль играет периферия, в частности, культурные меньшинства. Как известно, государства «третьего мира» формировались в итоге, нередко арбитражного и искусственного, разделения национальной территории. В результате возникало так называемое «плюральное общество», в рамках которого сосуществуют культурные, этнические, языковые и религиозные различия. Эти различия бывают настолько сильными, что внутри этих сообществ центр не обладает полной легитимностью. А потому на периферии могут возникать и возникают *автономные стратегии меньшинств*, которые не прочь прибегнуть к поддержке и покровительству со стороны иностранных государств. Это особенно характерно в случае различия конфессионального. Так, сирийские или египетские христиане являются сторонниками политических, институционных и идеологических моделей Запада, для чего используются академические и ассоциативные сети. Заимствование в такой конъюнктуре порождает некую двойственность. С одной стороны, такое заимствование может ставить под вопрос легитимность центра (государственной власти), т. к. проводится за счет активности периферийных элит, выполняющих или функцию оппозиции, или выступающих с позиции увеличения своего участия во власти. С другой стороны, такое заимствование может порождать некие культурные отклонения, что находит выражение в области интеллектуальной жизни и, в частности, в выдвигании разного рода утопических представлений, которые разделяют элиты и массу.

5.1.2. Выработка политики

При проведении сравнительного анализа в рамках социологии заимствования необходимо исходить из того, что процесс заимствования не является ни механическим, ни эксклюзивным. Любые экзогенные политические структуры неизбежно — осознанно или нет — проходят адаптацию к культурным данным заимствующего общества. Кроме того, импортируемые элементы изолированно никогда не могут в полной мере определять весь процесс производства политического порядка внутри данного общества. В силу этого во многих работах, в частности, посвященных странам Африки, а также обществам мусульманских стран, авторы стремились акцентировать внимание читателей на процесс *изобретения* политики, которая осуществляется в контексте развития и зависимости.

Гипотеза изобретения сама по себе не является спорной. Изобретение (или адекватная выработка) политики необходимо потому, что никакая западная модель никогда не внедряется в чистом виде. Она неизбежно подвергается адаптации, вполне определенной, применительно к конкретным национальным условиям, интерпретации и инновации. Исследование Жан-Франсуа Байара, посвященное камерунскому государству¹, а также работа, представленная Дени Мартеном, посвященная танзанийскому государству², демонстрируют соединение этих трех уровней анализа. Прежде всего Д. Мартен показывает, что танзанийское политическое развитие начинается с завоевания независимости. Независимость дает рождение новому типу государства, соответствующего британской модели. Однако достаточно быстро это новое государство, во многом построенное на британском опыте, приобретает новое выражение, контуры которого начинают проявляться с 1965 г. И это новое государство постепенно приобретает все больше отличительных черт по сравнению с моделью британского государства.

Ж.-Ф. Байар показывает и пружины этой трансформации. Такими пружинами являются, с одной стороны, адаптация к местным политическим реалиям, и в частности, к необходимости осуществления стратегии консолидации

¹ Bayart J.-F. L'État au Cameroun. P., 1985; Bayart J.-F. L'État en Afrique. La politique du ventre. P., 1989.

² Martin D. Tanzanie: l'invention d'une culture politique. P., 1988.

власти, проводящейся правящими группами страны, а другой — импортируемые институты подвергаются преобразованиям с таким расчетом, чтобы они опирались на культуру камерунского общества и получали бы в итоге поддержку со стороны индивидуальных и коллективных социальных актеров страны.

В процессе трансформации импортируемых институтов все имеет значение. Взять, скажем, простой факт *названия* импортируемых институтов. Это название должно быть понятным для населения страны, без чего, строго говоря, трудно добиться его участия в деятельности этих институтов, хотя бы на минимальном уровне. Д. Мартен на танзанийском примере показывает, что в языке суахили государство не может отличаться от администрации, а также от правительства. И потому невозможным является механическое и полное заимствование (например, публичного пространства) из языка политической науки западных стран. Но если такое заимствование становится неизбежным, то тем более неизбежным являются адаптация и переинтерпретации всего того, что было заимствовано.

Можно говорить об инновации моделей, наименований и практического опыта заимствуемых политических феноменов. Инновация при этом подвержена тройному ограничению. Прежде всего ограничение связано с тем, что заимствования во многом являются принудительными и контролируруемыми со стороны крупных западных государств и международных, в том числе и неправительственных, организаций. В противном случае любая страна может оказаться в изоляции. Это же факт, что ни Джамахирия в Ливии, ни исламская республика в Иране не могли, к примеру, слишком далеко заходить в переделке институционных моделей государственности.

Во-вторых, ограничения для инноваций связаны с тем, что сочетание заимствуемых институтов с национальными традициями порождают в большей мере «гибридное государство», чем новый политический порядок. Для политических систем, сложившихся в зоне развивающихся стран, характерно последовательное сочетание, в частности, формул традиционной и прозападной легитимации, которые нередко противостоят друг другу, что порождает новую формулу. Показательным в этом отношении является пример Марокко. Здесь, как, впрочем, и во многих других странах, король должен комбинировать формулы

традиционной легитимности с современными формулами, заимствованными в западной модели. При этом не создается новой оригинальной формулы правления.

Наконец, сама инновация подчинена, в свою очередь, воздействию двуединого процесса, т. к. включает в себя, с одной стороны, осознанную игру социальных актеров — король, его окружение и малая политическая элита, — а с другой — воздействие традиционной культуры, дающей свою интерпретацию импортируемых политических моделей или институтов.

Эта двойственность накладывает отпечаток на сам сравнительный анализ, который ставит перед исследователем комплексную и неопределенную задачу. Она выражается в том, что компаративист призван видеть различие между воздействием этих двух типов факторов, а также он призван понимать и измерять *конкретное* воздействие данной культуры на адаптацию, переинтерпретацию и трансформацию заимствуемых черт.

Нужно учитывать и то, что в реальности оба этих фактора воздействуют друг на друга. Политическая элита, если она не утрачивает чувство реальности, должна подвергать самоограничению политическую стратегию с таким расчетом, чтобы использовать в своих интересах некоторых элементов культуры. Это подвергает ее риску быть обвиненной в отсталости со стороны протестных элит, которые имеют возможность осуществлять более широкие действия. Не вызывает сомнения и то, что *проект политической инновации в большей мере отвечает интересам протестных сил, чем политических руководителей, и служит в большей мере интересам мобилизации населения оппозицией, чем политическим руководством.*

Короче говоря, любая инновация несет на себе печать определенной утопичности, что тем не менее структурирует протестные движения в большей мере, чем обеспечивает политическое развитие страны. Получается так, что *инновация несет на себе печать протестного дискурса в большей мере, чем является проектом социальной и политической мобилизации.* И потому она в большей мере востребована протестными движениями исламского духа, начиная с XIX в., и она так и не получила своей конкретной реализации в определенной модели в течение XX столетия¹.

¹ Badie B., Hermet G. Op. cit. P. 175–176.

Все эти вопросы и неопределенности ориентируют сравнительное политическое исследование в трех направлениях. Такое исследование предполагает в первую очередь эмпирический анализ политических форм развивающихся обществ еще до выявления их происхождения и степени реадaptации и реинтерпретации по отношению к экзогенной культурной модели. Реедaptация акцентирует внимание на структурные изменения, реинтерпретация — на трансформации смысла. Во-вторых, сравнительное исследование предполагает анализ стратегий субъектов власти, что связано, в частности, с происхождением и природой формул ее легитимации. Соперничество между этими формулами может получать выражение как во вполне вероятном эффекте взаимной нейтрализации, так и в том, что формула легитимации этатического типа, будучи экзогенной и, значит, мало эффективной, может ослаблять поддержку государя со стороны населения. В то же время опора только на традиционные формы легитимности подвергается опасности ослабления влияния этатической легитимности.

Наконец, в-третьих, изучение способов использования протестными актерами проекта политической инновации должно учитывать их стремление объявить неспособность правительства действовать в новых условиях. А это становится еще одним мотивом для критики и протеста.

Эти три уровня показывают всю опасность действий по политической инновации. Они показывают, что «сиротские динамики» приобретают, частично, функцию гибридизации проекта. Эта гибридность является источником напряжения и поражения, которые специалисты в развивающихся обществах пытались анализировать на основе использования концепции неопатримониализма.

5.1.3. Неопатримониальное государство

С. Эйзенштадт систематизировал концепцию неопатримониализма для обозначения природы политической системы в развивающихся обществах¹. Проблематика, связанная с этой концепцией, рассматривалась полито-

¹ См.: *Эйзенштадт Ш.* Революция и преобразование обществ. Сравнительное изучение цивилизаций. М., 1999. С. 324–359.

логами применительно к различным странам и регионам: к Среднему Востоку — Д. Билл и Ч. Лейден¹, к Конго — Ж.-К. Вильям², к Индонезии — Г.А. Круч³. Такая география научного анализа свидетельствует о «культурной» широте концепции, а также о глубоком проникновении анализа в ситуацию. В этих и других работах учитывается определенный исторический контекст, со всеми его противоречиями и напряжениями, а также специфика ее (ситуации) политического развития.

Концепция неопатримониализма стремится описать и интерпретировать некоторые последствия, вытекающие из гипотезы «сиротской динамики». Речь идет о том, что данная концепция вынуждена, наряду с учетом экзогенных моделей легитимации власти и политического режима, отказываться от ряда формул эндогенной легитимации. При этом, конечно же, не остаются в стороне вопросы заимствования более или менее неадаптированных политических техник и особенно всего того, что связано с отношениями господства. Развивающиеся общества подчиняются логике зависимости настолько сильно, что контуры гибридного государства, которые являются следствием этой логики, могли бы быть объяснены на основе одной и той же концепции.

Гипотеза неопатримониализма, о которой идет речь, исходит из веберовской категории патримониализма, описывающей традиционное господство, которое осуществляется в силу «добродетели абсолютного персонального права» вождя. В этой ситуации политическое пространство превращается в его своеобразное наследие, а политико-административный персонал — в его подчиненных и даже клиентов. При этом процесс решения полностью подчинен персональной власти вождя.

Неопатримониализм в этих условиях является продолжением той же логики господства, но в современном контексте. Он стремится описать политическую систему, структурированную вокруг «государя» и подчиненную воспроизводству модели персонализированного господства,

¹ *Bill J., Leiden C.* The Middle East: Politics and Power. Boston; London; Sydney, 1975.

² *Willame J.-C.* Patrimonialisme and political change in the Congo. Stanford, 1972.

³ *Crouch H.A.* The Army and Politics in Indonesia. Ithaca (NY); London, 1978.

ориентированного на создание благоприятных условий для властвующей элиты и стремящейся максимально ограничить доступ периферии к ресурсам центра. Эта, как мы ее определили, властвующая элита стремится в таком случае обеспечить монополию представительства и контролировать с выгодой для себя процесс экономической модернизации.

Неопатримониальная логика в развивающихся обществах испытывает на себе двойное воздействие: с одной стороны, значительного изменения в современной ситуации некоторых политических ресурсов, а с другой — слабой социальной мобилизации. Изменение политических ресурсов, как правило, связано с тем, что в последние десятилетия в странах «третьего мира» утверждается тесный и гегемонический союз «принца» (государственного руководителя) и бюрократии. Низкий уровень экономического развития многих развивающихся стран предопределяет очевидную ситуацию их зависимости от развитых стран Запада, и особенно от США, которые, используя эту ситуацию зависимости, содействуют утверждению монополии на власть определенным образом ориентированной политической элиты. Чаще всего власть оказывается недоступной для национальной буржуазии.

Такая ситуация, создаваемая при поддержке развитых стран Запада, делает, по сути дела, невозможным создание коалиций или существование групп интересов. Если же такого рода структуры возникают, то это происходит, как, например, в Латинской Америке, по инициативе политической власти. Ясно, что такие структуры по определению не могут иметь открытого протестного характера. Однако и в этой ситуации власть имеет ограничения, т. к. вынуждена проводить выборы.

Правда, государственный руководитель и его бюрократия обладают основными ресурсами господства на политической сцене. И все-таки такое господство может становиться неустойчивым. А потому едва ли не важнейшим элементом господства становится прочность легитимности властителя. Если эта легитимность имеет традиционную природу, то ее подрывают как экзогенные заимствования, например, западных этатических элементов, так и необходимость добиваться, хотя бы минимального доверия к авторитету со стороны своей бюрократии. Если же легитимность имеет харизматическую природу, то она тем не

менее вынуждена, по мере своей рутинизации, считаться с бюрократическим институтом, и в первую очередь — с армией, от которой она может постепенно испытывать растущую зависимость. Если легитимность характеризуется как легально-рациональная, то, в силу отсутствия реальной политической жизни и политического соперничества, она может основываться на демонстрации эффективности этих институтов.

В то же время эти институты пользуются слабым доверием у населения. Нет необходимости доказывать, что иностранная концепция легитимности и общественного порядка, основанная на иной социокультурной реальности, оказывается неспособной укорениться в данном традиционном обществе. Хотя того или нет правящие круги, они в любом случае вынуждены в той или иной мере опираться на традиционную легитимность. Это поднимает проблему соотношения сил между государственным руководителем и бюрократией. В зависимости от этого соотношения сил либо государственный лидер, как это имеет место в Марокко или Саудовской Аравии, на основе традиционной легитимности подчиняет себе бюрократию, которая превращается в инструмент его патримониального господства, либо легитимность государя оказывается слабой, как в большинстве стран Африки, и тогда бюрократия получает возможность «менять» государственного руководителя при помощи военных государственных переворотов. В таком случае неопатримониальное господство становится господством бюрократии, и она служит тому, кто способен ей эффективно руководить.

Такая политическая власть еще больше видоизменяется, если она имеет перед собой слабо мобилизуемое общество. В таком обществе утверждаются традиционные формы авторитета на периферии, а само оно характеризуется очень сегментированной структурой. Это затрудняет горизонтальную солидарность, т. е. объединение по интересам и классам. В итоге утверждается так называемое «приходское» поведение, для которого характерно слабое влияние центральной власти и ее институтов, а потому индивид ориентируется на свое собственное сообщество. А это еще более затрудняет влияние центра на периферию. В то же время в сегментированном обществе социальные актеры, как индивидуальные, так и коллективные, обладают весьма слабыми политическими ресурсами и потому оказываются

неспособными влиять на центр с тем, чтобы добиваться изменения его публичной политики.

В таком контексте неопатримониальная политика легко поддается анализу и пониманию. Этот контекст побуждает государственного руководителя и его окружение проводить этноцентричную политику, нацеленную на полное присвоение политической сцены, систематический контроль над процессом формирования ресурсов и расширением политического господства внутри различных социальных пространств, в частности, в экономической жизни. Автоцентричный характер неопатримониальной политики позволяет выявить ее логику: все ее составляющие подчинены решению задач воспроизводства группы, находящейся у власти. Эффективность такой политики определяется возможностями оппонентов власти проводить в жизнь иную политическую логику, связанную с проведением свободных выборов, акций давления, создания групп интересов.

Понятно, что такая политика неизбежно вступает в противоречие с императивом экономической модернизации, которая столь же неизбежно подчиняется политическим интересам государственного руководителя. Последний во многом вынужденно проводит модернизацию, ибо ее проведение отвечает прежде всего его собственной легитимности. Понятно и другое: такая модернизация сверху всегда проводится в определенных границах. Эти границы определяются, в частности, тем, что в их пределах не подрываются позиции правящей элиты и сдерживаются возможности конкурирующих с ней элит.

Развитие модернизации в рамках указанной схемы приводит к *присвоению политической сцены*. В итоге неопатримониализм получает выражение, во-первых, в усиленной персонализации правления, во-вторых, в соединении политико-административной роли и персоны ее обладателя, и наконец, в клиентелизме политико-административной элиты. Такая организация власти позволяет устанавливать *контроль над процессом распределения ресурсов*. С помощью этого контроля осуществляется маргинализация периферийных социальных и политических актеров, их отделение от центра политической системы. Это с одной стороны. А с другой — такой контроль обеспечивает селективную поддержку центра со стороны его клиентелистских сетей.

На основе изучения африканской политической практики уже упоминавшийся нами политолог Ричард Джозеф¹ выдвинул концепцию «политической системы доходного теплого местечка». Эта концепция освещает такую ситуацию, в которой политические актеры конкурируют между собой с тем, чтобы завоевать властные позиции в государстве с таким расчетом, чтобы потом использовать их в интересах личных или групповых.

Что характерно для такой ситуации? Логика властной организации общества строится на том, что политические ресурсы распределяются таким образом, чтобы артикулировать центр и периферию *либо* на основе утверждения клиентелистских отношений между ними, *либо* на основе непотизма², *либо* на основе коррупции. Наконец, *распространение этой стратегии на социальные пространства* позволяет государственному руководителю и его окружению использовать свои властные позиции и осуществлять переоценку политических ресурсов для завоевания новых позиций, в частности, в экономической жизни. Реми Лево³ на примере Марокко показывает, как контроль над процессом экономической модернизации со стороны монархии приводит к присвоению королем и его двором ключевых секторов экономики. В странах «третьего мира» происходит, как правило, своеобразная инверсия детерминант процесса модернизации, если сравнивать эти процессы с тем, как они протекали и протекают в странах Запада. Если в рамках западной цивилизации в ходе модернизации выявлялась реальная способность экономических элит оценивать свои собственные ресурсы для завоевания властных позиций, то логика неопатримониальной системы демонстрирует со всей определенностью, напротив, каким образом аккумулятивное политическое ролей способствует завоеванию экономических позиций и ролей.

Неопатримониализм по-своему оказывает влияние и на условия функционирования политико-административных институтов. Прежде всего он способствует дальнейшему росту бюрократии. Политическое управление на принципах

¹ Joseph R. Le mouvement nationaliste au Cameroune. Les origines sociales de l'UPC. P., 1986.

² Непотизм (от лат. nepos, -tis — внук) — служебное покровительство родственникам и своим людям независимо от их заслуг; кумовство (Социологический энциклопедический словарь. С. 202).

³ Leveau R. Le fellah marocain défenseur du trône. P., 1985.

неопатримониализма, опасаясь формирования конкурирующей элиты, строится таким образом, чтобы добиваться поддержки своей политики, в том числе и возможными соперниками. При этом неопатримониальный режим стремится интегрировать соперников в административный аппарат с тем, чтобы превратить их в солидарную с властью силу. Так, по сути дела, во всех развивающихся странах, отмечено стремление включать специалистов высшего образования в публичную администрацию. В странах-производителях нефти, начиная с 70-х гг. прошлого столетия, осуществлялось массивное рекрутирование чиновников из урбанизированных социальных категорий.

Нужно сказать, что такая практика значительно отличается от процессов бюрократического строительства в странах Западной Европы, где указанные процессы отличала куда как большая селективность и иной ритм бюрократизации. Практика бюрократического строительства в развивающихся странах отличается и от веберовского идеал-типа бюрократии, основанного на строгой конкурсной селекции, на различиях между публичной бюрократией и частным обществом, на строгом определении бюрократических ролей, основанных не на потребностях агентов, а на логике разделения труда¹.

Этот бюрократический избыток порождает порочный круг: с точки зрения модернизации он выделяет внутри общества актеров, способных обеспечить экономическое развитие; с точки зрения развития самой бюрократии он порождает неэффективность и иррациональность, умножая роли, наделяя каждую из них плюральностью титулов, что приводит по крайней мере к конфликтам компетенции и распределения. Кроме того, неконтролируемый рост чиновничества в условиях слабого экономического роста осложняет условия вознаграждения агентов, что порождает скрытое недовольство и способствует в значительной мере развитию коррупции. Для того чтобы жить, чиновник начинает заниматься подпольным частным бизнесом или добиваться оплаты своих услуг со стороны этого частного бизнеса.

Избыточная логика имеет и иные недостатки: в случае осложнения экономической ситуации происходит неизбежно ухудшение материального положения значительной части чиновничества и даже сокращение его численности.

¹ Badie B., Hermet G. Op. cit. P. 180 – 181.

Это порождает недовольство со стороны значительной части чиновничества, а в иных ситуациях — к переходу их на сторону противников режима. Так, исламская революция в Иране и большинство исламистских движений мусульманского мира характеризуются тем, что в их деятельности активное участие принимает немало мелких чиновников.

Следует сказать и о том, что неопатримониальная логика ставит бюрократию в центр процесса распределения ресурсов. С одной стороны, государственный руководитель выделяет чиновничеству значительную часть налоговых сборов с таким расчетом, чтобы обеспечить для них необходимые материальные условия для проникновения внутрь социальных пространств в целях превращения их в конечном счете в своеобразную и надежную клиентелу. Правда, такой процесс не является только однонаправленным движением. Имея немалые средства, бюрократия нередко стремится использовать клиентелу в своих интересах. Так, последние десятилетия принесли немало свидетельств того, как военные ведомства и офицерство прежде всего оказывали первостепенное влияние на политическое развитие во многих странах «третьего мира», не останавливаясь и перед вооруженным захватом власти.

Рост бюрократии в развивающихся странах сопровождается слиянием публичного и частного начал обществ, к исчезновению различия между ними. Указанный процесс развивается и внутри политико-административных институтов. В итоге, как показал Фред Риггс¹, изучая бюрократии развивающихся стран на основе «призматической концепции», стираются различия между частным статусом и публичной ролью чиновника. Кроме того, как показывает способ распределения политических благ, происходит и слияние отношений центра и периферии. Происходит и слияние в механизмах присвоения результатов труда, что является следствием исчезновения различий между публичной и частной собственностью, между использованием и присвоением той или иной социальной роли, между вмешательством в социальное пространство и использованием этого пространства.

Подобные процессы отмечены и в странах Запада. Западная история полна примеров того, как различие между публичным и частным может нивелироваться, что

¹ *Riggs F. Administration in Developing Countries. The Theory of Prismatic Society. Boston, 1964.*

неизбежно приводит к коррупции. Правда, такие процессы проходят в определенных пределах. Эти процессы, как правило, не покушаются на сам принцип распределения ролей. Сказывалась и традиция: политическое развитие Западной Европы, как мы уже отмечали, осуществлялось на основе культуры различия между публичным и частным. И это необходимо всегда помнить при проведении сравнения. Изучение компаративистами «сиротской динамики» выявляет, что заимствование развивающимися странами политических институтов и практик не сопровождалось импортом культурной модели, связанной с этими институтами.

Что отличает западную культурная модель? Она связана с созданием светского пространства, индивидуализацией социальных отношений, и в частности, отношений между управляющими и управляемыми, и особенно — со специфической формулой политической легитимности. Есть ли такие условия в развивающихся странах? Конечно, нет. К тому же необходимо учитывать, что любой политический руководитель в странах «третьего мира» вынужден использовать заимствованные публичные институты на основе понятных для населения формул легитимации власти. А это значит, что эти формулы должны опираться на традицию, которая никак не связана или даже отрицает различие между публичным и частным.

Концепция неопатримониализма позволяет интерпретировать многочисленные характеристики «сиротской динамики», негативные последствия, связанные с ней, и особенно, противоречия и напряжения, возникающие в результате использования политических моделей западного образца. Эта концепция позволяет учитывать как последствия зависимости, характеризующей отношения развивающихся стран со странами Запада, так и низкий уровень экономического развития и разную социальную мобильность стран «третьего мира».

Вместе с тем концепция неопатримониализма не лишена недостатков. Если рассматривать эту концепцию как продолжение или (еще лучше) как актуализацию веберовской концепции традиционного господства патримониального типа, то она, сама по себе, порождает определенную двусмысленность: с одной стороны, на основе различия между способом традиционного господства патримониального типа и легально-рационального господства осу-

ществляется некое эволюционистское смешение между ними; с другой стороны, происходит недооценка элементов разрыва между традиционным патримониальным господством и современным патримониальным господством. Как утверждают Б. Бади и Г. Эрме, эта концепция является своеобразным вызовом сравнительному анализу, претендующему на универсализм. Встают, к примеру, такие вопросы: все ли развивающиеся общества являются обязательно связанными с неопатримониальным порядком, и везде ли он характеризуется одной и той же природой? Не создает ли история условия для разделения между траекториями развития, между построением политики таким образом, что концепция неопатримониализма становится узкой? Использование концепции неопатримониализма для анализа «сиротских динамик» позволяет показать отклонения от универсальных интерпретаций развития, в чем проявляется влияние того, что выше мы назвали *гибридизацией* формул правления и неудач, связанных с внедрением эндогенных формул легитимности и правления. *Компаративист должен избегать опасности проведения механического анализа политического развития и связанного с ним постулата об однообразии способов господства в процессе модернизации.*

Возможно, главная слабость проблематики неопатримониализма заключается в преувеличении универсального аспекта проблем, связанных с заимствованием внешних моделей, и в недоучете специфики способов усвоения этих элементов политической сценой заимствующей страны. Короче, нельзя относить к одной и той же категории Лорана Кабилу, Башер Аль-Ассада, Абдерахмана Вахида и Жан-Бертрана Аристида, т. е. весьма различающихся между собой политиков. И этот список, конечно же, может быть продолжен. Оригинальность каждой политической сцены особенно явственна в том случае, когда речь идет об отношениях между управляющими и управляемыми, первые из которых вынуждены удовлетворять «здоровые запросы» вторых, т. е. строить свою деятельность с учетом культуры управляемых. А именно к этим вопросам бывают невнимательны сторонники неопатримониализма, что показывают исследования африканистов, когда они исследуют, в частности, роль колдовства, традиционную территорию вождя или функции колдовского братства.

Следует учитывать и различия между *типами* неопатриониализма на основе используемых формул легитимации. Так, традиционная монархия опирается на консервативную модернизацию, а ее способ господства является традиционно патримониальным. Следует различать также два типа стратегий: к примеру, монархия в Марокко или в Саудовской Аравии стремится подтвердить свой авторитет на основе объединения периферийных традиционных элит или, наоборот, стремится ослабить эти элиты для того, чтобы самому монарху, включая и его окружение, обеспечить осуществление функции господства, как это имело место в период правления последнего шаха Ирана. Первая формула дает максимум эффекта в обществах, где монархия располагает значительным капиталом легитимности и не сомневается в верности нотаблей; вторая — соответствует ситуациям, когда династический центр оспаривается традиционными авторитетами или в силу недолгой истории, или в силу этнических или культурных конфликтов между центром и периферией. Первая формула характеризуется большей стабильностью, вторая — в большей мере отвечает задачам социального изменения, в частности, проведения аграрной реформы, или трансформации нравов, например изменения положения женщин. Масштаб изменения зависит от широты действий государственного лидера и его способности мобилизовать политические ресурсы в свою пользу. Указанная мобилизация выступает как привилегированный способ патримониализации общества и политической сцены.

Режимы, которые опираются на революционную легитимность, характеризуются другим патримониальным проявлением. Революционная легитимность не опирается на традиционный авторитет, а использует ресурс власти, который не уравновешен по отношению к другим ресурсам. Это может быть бюрократический, харизматический или экономический ресурс. В первом случае господствует военная бюрократия в странах, как правило, однопартийных, как, например, Алжир; это может быть бюрократия (Сирия и Ирак времен правления С. Хуссейна), опирающаяся на властный ресурс и патримониальный проект, основанный на этнической идентичности (алавитское меньшинство в Сирии президента Асада или группа танкритов в Ираке времен президентства Хуссейна).

Политическая практика показывает, что такой проект может быть эффективным, если он опирается на

солидарную и эксклюзивную группу. При этом добровольного объединения бывает, чаще всего, недостаточно. Неопатримониальная стратегия проводится с меньшей жесткостью и с меньшими шансами на стабильность, если она связана с простой рутинизацией харизмы лидера (Тунис при Бургибе и после него, несмотря на усилия по преодолению господства миноритарной группы), или если она связана с попытками построения системы господства по инициативе торгово-экономической элиты, объединяющей технократов, специалистов публичной экономики и представителей деловой буржуазии (есть тому немало примеров в разных странах Латинской Америки). За всеми этими примерами выявляются общие характеристики, лежащие в основе концепции неопатримониализма, общие объяснительные факторы, показывающие, что этот феномен связан с определенной исторической ситуацией, для которой характерна «сиротская динамика», а также выявляются и важные различия в способе функционирования политической системы, в формулах легитимности, практиках, шансах на успех и выживание. Точное число элементов, которые должны выявляться политическим анализом, в случае общего подхода к проблеме вряд ли возможно выявить.

5.2. Конфигурация власти

Мы рассмотрели примеры осуществления правления на основе принципа неопатримониализма в исламском мире. Есть и другие версии так называемой «сиротской динамики», например, в странах Латинской Америки. Отличительная черта этой динамики в Латинской Америке заключается в том, что становление политической системы в странах этого региона строилась на основе переноса опыта стран Европы и США. Влияние аборигенов американского континента в лице индейцев было незначительным в политическом строительстве стран Латинской Америки.

Начиная с XVI в., собственно американская политическая традиция была полностью уничтожена в среде коренного населения, кроме населения экваториальной сельвы. Отличительная черта религиозного контекста в странах Латинской Америки связана с тем, что местное население, по сути дела, добровольно и без серьезного противодействия, приняло католицизм, который был дополнен

религиозным синкретизмом¹, сочетавшим христианские идеи с атаквистическими верованиями. Однако такого соединения в политической области не произошло. Три столетия жесткого и всепроникающего испано-португальского господства в латиноамериканских странах стерли память о прошлом даже в тех местах, где компактно и массовидно выражено проживает и ныне индейское население (Мексика, Центральная Америка, зона Андов). В других же местах, там, где местное население почти исчезло (Аргентина, Уругвай, Юг Бразилии), эта память вообще не существует. В XVIII в. индейцы Перу восстали против колониальной администрации во имя короля Испании. Они не знали, что можно делать еще для сохранения своей идентичности, кроме того, чтобы присвоить имя Тупак Амару² последнему герою сопротивления конкистадорам³. В XX в. традиционные сообщества Мексики, Центральной Америки или района Андов являлись, по сути, наследниками способов объединения, навязанных колонизаторами. Создание индоамериканских традиций является недавним делом, и оно осуществлялось в определенном культурном контексте, определяемом Западной Европой.

Из этой констатации вытекает то, что если испанофонская Америка, а также Бразилия связаны с концепцией периферийного государства в некотором смысле, то идея *гибридизации* политической модели должна применяться

¹ Синкретизм религиозный — смешение, неорганичное соединение разнородных вероучительных и культовых положений в процессе взаимовлияния религий в их историческом развитии.

² Тупак Амару (1544–1572) — один из руководителей борьбы индейцев в Перу против завоевателей. После смерти брата Тито Куси Юпанки (1570) остался наследником власти инков в районе Вилькабамба и продолжил борьбу против испанских завоевателей, начатую его отцом. После ожесточенной борьбы испанские войска нанесли поражение индейцам. Тупак Амару был захвачен в плен и казнен. Имя Тупак Амару стало символом борьбы за независимость. Его принимали вожди многих восстаний индейцев андских стран вплоть до 1923 г.

³ Конкистадоры (исп. conquistador — завоеватель) — в конце XV–XVI вв. участники завоевательных походов европейцев, главным образом испанцев и португальцев, в Вест-Индию, Центральную и Южную Америку. Социальную основу конкистадоров составляли наемные солдаты, разорившиеся дворяне, ремесленники, деклассированные элементы. Походы конкистадоров сопровождался истреблением и порабощением местных племен и народов, опустошением и разграблением целых областей, актами вандализма, насилий и массовых пыток.

в ограниченном размере. Политическая модель государств Латинской Америки строилась на основе заимствования европейских опыта и институтов, отобранных в целях осуществления процесса колонизации. Более того, если их акклиматизация происходила очень быстро, то это выражалось и в том, что не происходило комбинирование различных культур. Принуждения среды, а также отдаленность актеров от метрополии способствовали тому, что импортируемая модель становилась объектом все более языковой интерпретации с точки зрения европейской метафизики и рациональности. В таких условиях политическая организация стран Латинской Америки не была связана с проблемами традиционной легитимности. С момента получения независимости в начале XIX в. об этой легитимности, можно сказать, не вспоминали.

Это предварительное замечание побуждает вновь обратиться к вкладу европейцев в политическое строительство в странах Латинской Америки. Как отмечают специалисты, изучающие политическое развитие Юга американского континента, из Европы экспортировались колониальные и даже анахронические черты европейских моделей. Особо внимание эти специалисты обращают на так называемое иберийское измерение политического трансферта. Это выразилось, в частности, в воссоздании в Латинской Америки системы каст, которая характерна для Испании и Португалии еще со времен арабо-мусульманского вторжения. Как известно, иберийские общества иерархизированы на пять категорий: европейские христиане, способные подтвердить «чистоту крови», находятся на вершине этой иерархии. Далее следуют принявшие католическую веру мусульмане и евреи, и наконец, «мавры»¹ мусульманские и еврейские. Колониальные общества приняли эту классификацию, применив ее к индейцам, затем к африканским рабам, которые были отнесены к маврам и израильтянам. Термин «каста» использовался до начала XIX в. Затем само слово исчезло, но сложившаяся социальная дискриминация существует вплоть до наших дней.

¹ Мавры (лат. Maugī — условное обозначение ряда различных племен) — в древности маврами называли коренное население Северо-Западной Африки (Мавритании); с VIII в., после завоевания Северной Африки арабами и появления их на Пиренейском полуострове, — всех мусульман Пиренейского полуострова; после окончания Реконксты (XV в.) — арабо-мусульман Северной Африки (за исключением Египта).

Справедливости ради нужно сказать, что в странах Латинской Америки, несмотря на известную социальную дискриминацию, не возникло какой-либо разновидности *apartheid*. Более того, возникли плюриэтнические общества, начиная с Мексики и включая страны Анд и Бразилию. Исключением являются только Аргентина, Уругвай и Коста-Рика, в которых значительное место занимают представители европейского населения.

Иначе, например, чем в Африке, в странах Латинской Америки сказывалась влияние легально-рациональной бюрократии. Она создавалась на ином основании, чем в странах Западной Европы. Здесь бюрократия привержена принципу эгалитарного индивидуализма, для которого характерно первенство индивида и его иерархизированная включенность в данную социальную среду. Как отмечает Роберто Да Матта¹, юридическое равенство, анонимный и абстрактный характер закона способствуют отталкиванию требований обычных индивидов, не имеющих влияния и поддержки. Напротив, лица, обладающие позицией или поддержкой, в своей среде избегают легальных норм. Они исповедуют другую солидарность и другие ценности, которые находятся, по их убеждению, выше юридического порядка. Это такие понятия, как честь, дружба или просто почитание. Но относится это только к выходцам из стран Западной Европы или Северной Америки. Ясно, что такая практика является деформацией западной модели, которая еще более утяжеляется по своим последствиям разделением общества на касты.

Другой разрыв выявляется на уровне переноса в страны Латинской Америки динамики европейского либерализма. Исторически сложилось так, что с конца XVIII в. идеология Просвещения получила распространение в среде латиноамериканской элит и стала одним из аргументом их борьбы против колониального господства. В последующем либеральная доктрина, на французский, английский или американский манер, получила юридически политическое выражение слово в слово в конституциях. Либеральная доктрина пропитывает содержание права, находит выражение в разного рода обращениях, в речах, например, политиков и образованных людей, адресованных господствующим, к населению страны. Однако этот либеральный язык выражается менее ортодоксально

¹ Da Matta R. *Carnaval, bandits et héros. Ambiguïté de la société brésilienne.* Р., 1982.

в политическом и социальном действии. После завоевания независимости в 1820—1830 гг. он получил выражение не только в отказе от колониального государства, но и от всякой формы этактической администрации. Освободившись от опеки метрополии, иберийские чиновники стали проявлять куда как больше заботы о защите местного коренного населения и вводить большую строгость в управлении публичными делами. А креольские¹ олигархи, предоставленные самим себе, исповедовали, что называется, чистый либерализм. Они пошли еще дальше английских вигов: они приватизировали суверенную власть. Они создали пародию на независимое государство, предоставив исключительную роль таможенным сборам на границах, а также тем, кто ведет переговоры по иностранным займам. Олигархи же сохранили за собой монополию на публичные расходы, а также на легитимное использование вооруженных сил. *Политическое господство* стало *частным делом* настолько, что с трудом можно говорить, применительно к странам Латинской Америки, о патримониальном государстве. На первой фазе независимые страны Латинской Америки не заимствовали модель европейского государства. Они отказывались от нее, сохраняя в основном черты испанской колониальной администрации.

Таков был процесс политического развития до начала XX столетия в Центральной Америке или Парагвае. Исключение составляют лишь некоторые страны. Речь идет прежде всего о Бразилии или Мексике, где независимость была приобретена без институционального разрыва и где сохранился минимальный аппарат государства. То же самое можно сказать в отношении Чили и Перу, проводивших экспансионистскую политику. А это привело к созданию соответствующей такой политике армии. Наконец, Аргентина, которую в середине XIX в. возглавил Росас², сформировала своеобразный эмбрион государства.

¹ Креолы (фр. ед. ч. *créole*, от исп. *criollo*) — потомки испанских и португальских завоевателей в Латинской Америке. На островах Вест-Индии и в Бразилии — потомки негров-рабов.

² Росас Хуан Мануэль де (1793—1877) — государственный и военный деятель Аргентины, генерал (1828). В 1829—1832 гг. губернатор провинции Буэнос-Айрес. С апреля 1835 г. фактический диктатор страны. Опираясь на духовенство, помещиков и крупных торговцев, Росас установил террористический режим, восстановил привилегии католической церкви, содействовал распространению латифундизма и проникновению английского капитала. В феврале 1852 г. Росас потерпел военное поражение и был свергнут. Бежал в Великобританию.

И тем не менее, применительно ко всему континенту, можно говорить, что страны Латинской Америки руководствовались *либеральной логикой ослабления государства*. Более того, все латиноамериканские государства руководствовались идеей утопического капитализма на основе представлений А. Смита: экономический и политический обмен является уделом удачливых спекулянтов, и он представляет собой архетип всех социальных отношений.

Такое либеральное измерение латиноамериканской версии капитализма сочеталось с осуществлением *авторитарной власти*. Американские *каудильо*¹ XIX – XX вв. воплощают деспотический авторитет, который в основном был принят населением. В этом убеждают и недавние события в ряде стран Латинской Америки, например, в Гаити, Доминиканской Республике и т. д.

Во многих странах Латинской Америки сложилась ситуация глобального клиентелизма, при котором государственное управление сводится к управлению одной личности. Пример тому — семья Р. Трухильо², А. Сомоса³ или сандинисты⁴ в Никарагуа, а также управление Ф. Дювалье⁵ в Гаити в 70-е гг. прошлого столетия. Однако такое управление лишь отдаленно напоминает патримониальное

¹ Каудильо (исп. caudillo — предводитель) — в ряде стран Латинской Америки диктатор.

² Трухильо Рафаэль Леонидас (1891–1961) — государственный и политический деятель Доминиканской Республики. В 1930 г. захватил власть и установил в стране жесткую диктатуру. Официально занимал пост президента в 1930–1938 гг. и в 1942–1952 гг., и фактически и в 1952–1961 гг. (в период правления своего брата Молины Трухильо и Х. Балагера с 1960 г.

³ Сомоса Анастасио (1896–1956) — генерал, государственный и военный деятель Никарагуа. В 1934 г. при участии посольства США организовал убийство А. Сандино. В 1936–1947, 1950–1956 гг. президент Никарагуа. Фактически правил страной 20 лет, установив диктаторский, террористический режим.

⁴ Сандино Аугусто Сесар (1895–1934) — руководитель освободительной борьбы никарагуанского народа против американского империализма и внутренней реакции, национальный герой Никарагуа. Сандинистами называют сторонников Сандинистского фронта национального освобождения, который был создан в июле 1961 г.

⁵ Дювалье Франсуа (1907–1971) — государственный и политический деятель Гаити. С 1957 г. президент Гаити. В 1964 г. провел через Национальное собрание конституцию, согласно которой стал пожизненным президентом.

господство. Так, *каудильо* перед лицом населения и многочисленных посредников строит отношения на принципах личной лояльности. Вне зависимости от того, является ли он крупным собственником или стремится стать таковым, *каудильо* предстает в глазах населения как победитель анархии и выразитель действий по преодолению экономической отсталости.

Правда, в странах Латинской Америки сохраняется некое политическое соперничество. Перед лицом своих соперников *каудильо* лишь изредка обладает полным превосходством. Приведем пример ситуации Парагвая в 80-е гг. прошлого столетия. Здесь господство А. Стреснера¹ было основано на местном влиянии. И он стремился утвердить, скорее, президентское, а не диктаторское правление. Поэтому был вынужден проводить политику управления действиями возможных соперников: в обмен на их поддержку он вынужден был идти им на уступки. На таком пути формируется семейный клан как костяк политических партий в странах Анд, например в Колумбии или Эквадоре. Такой же, по сути, является клиентелистская логика, которая характерна для мексиканской «демократии», опиравшаяся на революционную партию до победы президента Фокса в 2000 г.

5.2.1. Парламентаризм как призрак

Поверх архаической динамики господства *каудильо* приведенные нами примеры характеризуют некий механизм авторитаризма, основанного на частном присвоении государства. Он опирается на *клиентелистские отношения*, которые выстраиваются в рамках электорального процесса. На его основе создаются такие представительные режимы, которые призваны недопустить утверждения реального народного суверенитета. Получается так, что Латинская Америка представляет собой пример того феномена, ко-

¹ Стреснер Альфредо (1912 г. р.) — государственный и политический деятель Парагвая. Потомок немецких иммигрантов. 4 мая 1954 г., будучи главнокомандующим вооруженных сил, совершил государственный переворот. При поддержке армии обеспечил свое избрание президентом Парагвая. «Переизбирался» президентом в 1958 г. в нарушение конституции 1940 г. — в 1963 г. и после внесения поправки в конституцию 1967 г. — в 1968, 1973 и 1978 гг. Установил режим военно-полицейской диктатуры в стране.

торый существовал до 20-х гг. прошлого века в странах средиземноморья, или в балканских странах в межвоенный период.

Анализу клиентелистского феномена посвящены работы Э. Геллнера¹, Д. Вейтербери², Ж.-Ф. Медара³, К. Ланда⁴, Л. Грациана⁵, С. Эйзенштадта⁶ и некоторых других. Нужно сказать, что недостаточно определить такое правление привычным вертикальным союзом двух статусных сторон, одна из которых обладает властью, а другая, имея значительно меньшие ресурсы, стремится использовать в своих интересах сотрудничество с властью. В таком взаимодействии нет и не может быть функциональной симметрии. Интересы сторон клиентелистских отношений существенно расходятся в политической области. Политологи в этой связи говорят о так называемом уродливом клиентелизме.

В странах Латинской Америки клиентелизм отделен от своего парламентского, олигархического окружения и его «важноперсонной» инструментализации. В работах, посвященных анализу политических систем латиноамериканских стран, клиентелизм рассматривается как базовый инструмент этих систем. По сути дела, во всех странах Латинской Америки парламентаризм является средством удержания народных масс в электоральных рамках, которые, как отмечают специалисты, являют средством утверждения пародии на народное правление, что решительно отличает политическую практику стран латиноамериканского континента от той практики, что сложилась в странах Западной Европы, например.

¹ *Gellner E.* (ed.) *Patrons and Clients in Mediterranean societies.* London, 1977.

² *Waterbury J.* *The Egypt of Nasser and Sadat: the Political Economy of two Regimes.* Princeton, 1983; *Waterbury J.* *Le Commandeur des croyants: la monarchie marocaine et son élite.* P., 1975.

³ *Médard J.-F.* *L'État sous-développé en Afrique noire: clientélisme politique ou néo-patrimonialisme?* Talence, CEAN-IEP, 1982.

⁴ *Lande C.H.* *Leaders, Facrions and Parties. The Structure of Philippine Politics.* New Haven, 1965.

⁵ *Graziano L.* *Clientelismo e sistema politico: il caso dell'Italia.* Milano, 1980.

⁶ *Eisenstadt S.* *Patrons, Clients and Friends: Inetrpersonal Relations and the Structure of Trust in Society.* Cambridge, 1984; *Eisenstadt S.* *Traditional Patrimonialism and Modern Neo-patrimonialism.* Beverly Hills, 1973.

С чем связано широкое распространение в странах Латинской Америки клиентелизма? Специалисты называют несколько причин. Прежде всего следует, видимо, сказать о том, что исторически государства этого региона оказались неспособными по-настоящему осуществлять свои функции. Говорят и о том, что после завоевания независимости государство как таковое исчезло в этих странах, или, точнее, оно оказывалось неспособным приобрести атрибуты бюрократической власти, которые сложились в Европе в XIX в.

В этой связи представляют интерес антропологические и культурные составляющие клиентелистского синдрома. Напомним, что этот синдром проявляется во все времена и во многих обществах. Он представляет собой один из способов утверждения неравенства. В то же время нельзя не сказать и о том, что клиентелистский синдром отражает ситуацию *правового рабства* или факта *утилитаристского расчета*. Другими словами: он является не только результатом оценки сравнительных выгод, но результатом бедности, в итоге которой осуществляется изоляция крестьянства внутри сегментированных сообществ вопреки их классовому сознанию, а также реальному национальному опыту. Микрообщества, с присущими им безграмотностью и кастовыми структурами, усиливают чувство враждебности жителей села по отношению к современным городам, которые являются носителями непонятной для селян идеологии.

В странах Латинской Америки или средиземноморских странах, где осуществляется процесс их «озападнизации», эти элементы объясняют двойственную легитимность клиентелистской связи. С одной стороны, клиенты испытывают чувство привязанности к «патронам» на основе общего языка, при помощи которого они противостоят внешнему миру. С другой стороны, участники клиентелистских отношений как бы наделяют легитимность власти элементами священного. Эту священность символизирует феномен кумовства, в котором находит выражение функция крестного отца или матери. На основе указанной функции «патрон» превращается в покровителя индейских клиентов, метисов или жителей средиземноморья в христианском понимании этого термина. Ж.А. Питт-Райвер¹ анализировал эту тра-

¹ Pitt-Rivers J.A. Anthropologie de l'honneur: la mésaventure de Sichem. P., 1983.

дицию, получившую наименование *compadrazgo* в странах испанского языка. Она обнаруживается в словаре средней Италии, Греции, на Мальте.

Переход от временного способа легитимации к институционализации является результатом того, что они испытали влияние либеральной идеологии и агро-коммерческой революции. Сиротские страны Юга — в метафорическом выражении географического смысла — не располагают ни солидной этатической защитой, ни средствами противодействия выступлениям крестьянства, которые имели место в Западной Европе и на Севере Америки. В силу этого земельные или торговые элиты при определении политических рамок капиталистической модернизации могли рассчитывать только на самих себя. Испытывая недоверие к военным, которые в Латинской Америке, чаще всего, были сторонниками независимости, земельные собственники и торговцы связывали в прошлом столетии свои надежды с *порочным во многом* парламентаризмом. Парламентаризм по-латиноамерикански основан на контроле традиционной и наследственной олигархии над сельскими массами, а они составляют почти все население латиноамериканских стран.

В таком подходе клиентелистская манипуляция «верхов» может рассматриваться как естественный ингредиент, от которого нет защиты. Комбинация властных отношений, в которой присутствует *парламентская модель*, в латиноамериканских странах основывается на пирамидальной артикуляции сетей патронажа олигархов над микрообществами. Электоральная процедура, в общем-то, принесенная в жертву, создает для олигархов ширму «демократического» миропомазания перед лицом их военных конкурентов. В этом смысле выборы превращаются в некое «стратегическое действие» власти, нежели являются способом выражения мнения избирателей. Этой же цели служит и коррупция на выборах, осуществляемая при помощи мошенничества. В итоге раболепство и нищета играют первичную роль в легитимации силовых отношений внутри господствующей гражданской касты. Эта каста объединена только на основе соглашения по парламентской игре, в то время, как она на национальном, а также и региональном уровнях, оказывается разделенной на многочисленные семьи, которые нередко противостоят друг другу. Так, в современных условиях традиционным и клерикальным

земельным собственникам противостоят новые богатые слои, проживающие в своем большинстве в прибрежной зоне и ставшие антиклерикалами еще с середины XIX в. Таким же образом борьба идей разделяет Старых буржуа, опирающихся на коммерческий и идеологический протекционизм, и Новых, открытых для свободного обмена. Без выборов урегулирование отношений между ними всеми могло быть осуществлено только при помощи насилия или при осуществлении арбитража армией. Благодаря армии осуществляется умиротворение на основе *кооптации* джентльменов, что по-испански звучит как «*el acuerdo entre caballeros*».

Клиентелистский ингредиент смазывает эту кооптацию. Он позволяет каждому проявить свою способность в осуществлении контроля над частью населения и территории, а тем самым проявить свою потенциальную силу. Однако этот ингредиент действует только на внутреннем уровне пирамиды власти, когда каждый властитель использует свои козыри в соответствии с принятыми правилами игры. На высшем уровне важные персоны выстраивают взаимную зависимость по иерархическому принципу. С этой целью они подводят под общий знаменатель использование возможностей местной власти в национальных интересах и целях. На вершине иерархической лестницы в латиноамериканских странах утвердился бипартизм в лице консерваторов и либералов, или *белых и цветных*. В Бразилии, например, вырисовывается обустройство нескольких регионов, в которых господствует государство, — Рио-де-Жанейро, Сан-Пауло и Минас-Жерайс. В любом случае речь идет о широкой системе патронажа со стороны небольшого числа высших должностных лиц, которые вне парламента вяжут собой альтернативу власти. Парадоксально, эти *фактически авторитарные ситуации*, примером чего долгое время была Колумбия, проявляются и в других странах Латинской Америки и даже на Филиппинах президентства Макапагала. И это противопоставляется опасности неожиданного народного выступления или амбициям мелкой буржуазии. Однако в полной мере этого избежать не удастся. Дискредитированные в глазах масс, парламентские режимы проложили дорогу для установления военных диктатур в 60–70-е гг. прошлого столетия в ряде стран Латинской Америки.

5.2.2. Популистское господство

Значительное место в политической жизни стран Латинской Америки играет популизм¹. Его нередко сравнивают с бонапартизмом². Популистские стратегии и режимы, которые характерны для Южной Америки и Мексики, характеризуются экзальтацией обращения к плебейству, что при бонапартизме делается в ограниченных масштабах и очень осторожно. По сравнению с фашистскими режимами популистские режимы характеризуются менее выраженной опорой на средние классы, а также ориентацией внутри страны на национализм. Некоторые исследователи определяют популизм в качестве первичной черты авторитарных стратегий в мобилизации масс в странах Латинской Америки в 1910–1950 гг. Аналогичные стратегии можно наблюдать в Турции времен Кемаля Ататюрка, в Египте при Насере, в Тунисе времен Бургибы или на Филиппинах времен правления Маркоса и Джозефа Эстрада, хотя эти стратегии весьма существенно различались.

Действия популистских лидеров классического типа, как и при бонапартизме, определяются стремлением верхов в большей мере опираться на народные требования, которые исходят от населения, нежели на убеждения руководителей. В обоих случаях плебисцитарная манипуляция — в техническом или символическом смысле — становится инструментом уменьшения агрессивности масс на основе способа правления, когда авторитаризм предстает в качестве основателя демократии, а преграда, цензовая или клиентелистская, не может осуществляться. Однако различия между популизмом

¹ Популизм (от лат. *populus* — народ, население) — 1. Мелкобуржуазные идейные течения и общественные движения в регионах «запоздавшего», сравнительно неразвитого капитализма, в которых находят отражение социально-психологические ожидания отдельных социальных слоев развивающихся обществ (крестьянства, мелкой буржуазии, отдельных групп пролетариата и отчасти люмпенства). 2. Политические течения консервативно-романтического или псевдорадикалистского характера, для которых свойственна неопределенность, демагогическая апелляция к народу, протест против институционализированной политической жизни (*Социологический энциклопедический словарь*. С. 251–252).

² Бонапартизм — диктатура крупной буржуазии, опирающаяся на военищину и реакционно настроенные слои крестьянства и лавирующая между борющимися классами в условиях неустойчивого равновесия классовых сил и кризиса политической системы.

и бонапратизмом остаются значительными, особенно, если учесть контекст их осуществления.

Первое различие заключается в наличии в странах Латинской Америки господствующей латифундистской структуры, тогда как крупные земельные собственники в Европе и в Северной Америке утратили свою роль в период промышленной революции. Эта ситуация обеспечивает поддержку экономического и культурного развития со стороны клиентелизма в латиноамериканских обществах, как и в некоторых обществах стран Ближнего Востока. Во-вторых, популизм в Латинской Америке развивается в условиях слабого влияния государства, его неспособности утверждать свой авторитет за пределами нескольких городов и олигархически приватизированной власти. Наконец, галопирующая урбанизация в странах Латинской Америки после 1918 г., а в ряде стран Ближнего Востока после 1950 г., не была следствием индустриализации, как в Европе. Бегство крестьян в урбанизированные метрополии в указанных регионах опережает развитие промышленности. Происходит переполнение городов выходцами из села. При этом не получает развития рабочее движение. Получается так, что Латинская Америка как бы не созрела для реального демократического изменения, а также и для изменений бонапартистского стиля в условиях олигархического парламентаризма. При этом оказывается, что давление в пользу демократизации общества становится недостаточным, уступая давлению со стороны олигархии. Бонапартистские, по сути, решения оказываются непрактичными в силу бездеятельности государства, тем более, что в большинстве стран нет достаточно сильного влияния пролетарской среды. Устойчивость режима определяет традиционный контроль над селом.

Популистская стратегия в политическом плане сталкивается с двойной проблемой. Если она нацелена на экономическую поддержку крестьянского мира, то необходимо учитывать то, что крестьянство находится под контролем нотаблей. Если указанная стратегия может вызывать недовольство предпринимателей, то они и до сегодняшнего дня во многих странах Латинской Америки остаются лишь маргинальной частью элиты.

Короче, *популистские стратегии* берут начало в переинтерпретации клиентелистского ресурса в урбанизированной, плебисцитарной, этатической и открыто диктаторской перспективе в большинстве случаев. Более того, эти проявления в течение XX в. укреплялись экономическим изменением

во многих странах Латинской Америки перед лицом США и Западной Европы. Отставание стран Латинской Америки породило в правящей среде чувство зависимости и фрустрации. Однако эта негативная констатация стала питательной почвой для популизма. Она позволяла использовать вербальное разоблачение западного империализма как альтернативу доктрины классовой борьбы. Популистские правления, например, Ж. Варгаса¹ в Бразилии, Х. Перона² в Аргентине, Насера в Египте, являлись контрреволюционными. Антиамериканизм или афишируемый нейтралитет был для них только отклонением. Выспренный радикализм, обращенный вовне, был ширмой внутреннего консерватизма, иногда абсолютного, иногда относительного.

Определения, обычно даваемые популизму, не включают в себя макиавеллистский момент. Основываются эти определения на легитимизирующей мифе, якобы присущем самим популистским стратегам. Для них, в частности, для Варгаса, который широко использовал такую риторику в Бразилии с 1930 по 1955 г., популистский «чудотворец» становится «Отцом бедных». Он является харизматическим лидером, который не терпит никакого посредничества между объединяемым народом и собой лично. Такое клише выдвинул Э. Шилс³, который одним из первых анализировал этот феномен. Он рассматривает популизм как утверждение лидером примата народной воли, являющейся источником провиденциального суверенитета, вписанного в прямое отношение между любимым руководителем и мобилизуемым

¹ Варгас Жетулиу Дорнелис (1883–1954) — бразильский государственный и политический деятель. В 1930–1945 гг. глава правительства и президент. Используя антиимпериалистические и националистические лозунги, сумел привлечь на свою сторону часть трудящихся. Заложил основы социального законодательства. В 1937 г. обнародовал корпоративную конституцию, провозгласившую Бразилию «Новым государством». Запретил все политические партии. В августе 1954 г. во время государственного переворота покончил жизнь самоубийством.

² Перон де ла Соса Хуан Доминго — государственный и политический деятель Аргентины. Один из руководителей группы офицеров, совершивших в июне 1943 г. государственный переворот. Положил начало буржуазно-националистическому течению, выступавшему под лозунгом «За великую Аргентину». В 1946–1955 гг. президент Аргентины. В 1947 г. создал Перонистскую партию. С сентября 1955 г. находился в эмиграции. В 1973 г. вновь был избран президентом Аргентины.

³ Shils E. Political Development in the New States. S'Gravenhage, Mouton, 1962.

народом с этой целью. Таким же является восприятие этого феномена Джинно Джермани¹, который, соединяя демагогию с реальными намерениями, рассматривает популизм как требование равенства в условиях авторитаризма. Однако он указывает и на более точные черты. В частности, на способность его создателей и проводников предложить массам, разочаровавшимся в коррумпированных выборах, менее абстрактную политическую игру: речь идет, например, о политике, которая осуществляется при помощи манифестаций и защиты народного достоинства перед лицом внешнего империализма или внутреннего космополитизма. Эту идею более ясно выразил Мак Рей. Он отождествляет популизм с управлением искоренения населения, происходящим в итоге развития капитализма и урбанизации. В таком подходе популизм может выходить за пределы консервативного толкования с тем, чтобы стать выразителем примитивного романтизма, по Руссо. Он преобразуется в таком случае во взаимопроникновение способа патриархального господства каудильо и современных техник коммуникации и правления. Соединяются воедино три ингредиента: ожидание масс в достижении некоего политического существования, связанного с антиимпериалистическими речами; эти речи позволяют операционализировать и превращать эти ожидания в идеализированный статус-кво к удовлетворению нотаблей.

Такая интерпретация, введенная Питером Уорслей, указывает на другие *атрибуты популизма*. В частности, скорее на моралистскую, чем на прагматическую динамику, иначе говоря, на расчетливое недоверие по отношению к проектам индустриализации. А также на обратный эффект, на основе которого контакт с массами оказывает воздействие как на них самих, так и на лидера. Наконец, нельзя не отметить суммарный и антиинтеллектуальный характер идеологии популизма, которая обращена к маленькому человеку и представляет коренного населения, что отражает страх перед крупными изменениями.

Идеология популизма отличается, как правило, агрессивностью. Однако эта идеология не имеет революционного содержания, т. к. популизм чаще всего стремится сохранить традиционное неравенство. Определяя популизм как патриониальный социализм, связывающий немногочисленный

¹ *Germani G. Authoritarianism, fascism and national populism. New Brunswick, 1978.*

рабочий класс с лидером, который является избранным выходцем из олигархии, Джеймс Курт¹ указывает на его двойственность. При условии, однако, что не следует забывать того факта, что подчинение сельского населения питает этот союз нотаблей и урбанизированного плебса (так, мексиканский революционный режим стремился распространить на сельское население систему социальной защиты, установленную для рабочих в городах; в то время как Ж. Варгас не стремился проводить аграрную реформу в Бразилии). Следует сказать, что эта интерпретация должна учитывать многочисленные формы и противоречия реальной популистской власти.

Французский социолог Франсуа Буррико, указывая на долговременность феномена популизма, обращает внимание на его разнообразие. Популизм не ограничивается своим латиноамериканским выражением. Популизм может основываться на поддержке среднего класса, а может и не получать такой поддержки от этого важного в социальном и политическом смысле слоя, который далеко не всегда хорошо относится к олигархии. Такое дополнение к анализу феномена популизма позволяет отличать, например, «мелкобуржуазный» режим, установленный в итоге революции в Мексике, от увриеристского режима в Аргентине времен Перона.

Подход Ф. Буррико заключается в подчеркивании изменчивого характера популизма. Популизм как реальный политический феномен стал известен еще в XIX в. на Севере Америки в виде фронды мелких сельских производителей перед лицом капиталистов или патрициев восточного побережья США. В это же время популизм был представлен движением буланжистов², потом — движением католиков, выразителем которого был Ш. Пеги³, до того как это движение нашло выражение в христианской демократии Западной Европы. В более широкой трактовке, популизм берет начало

¹ Kurth J. Political consequences of the product cycle: industrial history and political outcomes // *Internatuional Organization*, 33 (1), hiver 1979.

² Буланжизм — шовинистическое движение во Франции в конце 80-х гг. XIX в. под лозунгами реваншистской войны против Германии, пересмотра республиканской конституции (1875) и роспуска парламента. Возглавлялось генералом Жоржем Буланже (1837—1891).

³ Пеги Шарль (1873—1914) — французский поэт и публицист. В 90-е гг. XIX в. был связан с французской социалистической партией. Поэмы стилизованы в духе наивной средневековой религиозной мистерии: «Мистерия о Жанне д'Арк» (1810), «Мистерия о святых праведниках» (1912), «Ева» (1913).

в романтической сентиментальности, связанной со стремлением к возврату атаквистических ценностей, примером чего могут быть народники в России и пангерманисты *Volkgeist* (Дух народа). Получается так, что популизм берет начало в Европе, однако укоренился он в Латинской Америке.

Дебаты по вопросам сущности популизма лучше всего иллюстрировать на примере характеристики природы *различных проявлений в системе правления*. То, что следует оставлять в стороне, связано с использованием популистской харизмы, проявляющейся в логике конкурентной и называемой демократической политической игрой, которая открывает путь к власти¹. В такой логике мало что есть общего с истинной демократией. В итоге сохраняется популистская власть открыто или скрыто авторитарного характера, выведенная чаще всего из-под влияния представительных институтов. В такой перспективе наиболее типичная популистская конфигурация соответствует бразильскому «жетулизму»². Такая конфигурация в полной мере отвечает цели мультиклассовой интеграции на консервативной основе. Она опирается в деревне на почти неизменное господство нотаблей в лице земельных собственников, а в городах — на рабочих и мелкую буржуазию, объединенных в единых государственных профсоюзах или в социал-демократической партии, а потом с 1950 по 1954 г. — на Бразильскую рабочую партию.

Вторая разновидность популистского правления является не менее классической. Она вписывается в авторитарную систему правящей партии — например, институциональной революционной партии в Мексике до 2000 г. Она соответствует также и для Перу в период с 1930 по 1950 г. Эти варианты популистского правления характеризуются известной революционностью. Это выражается прежде всего, в том, что они ущемляют олигархический статус-

¹ Недавние примеры неопопулизма, основанного на результатах выборов, связаны с именами Фернандо Колор де Мело в Бразилии и Карлоса Менема в Аргентине. Другие латиноамериканские страны имеют в этом отношении еще более древнюю традицию. Так, Эквадор являет собой пример того, как электоральная конкуренция развивается между сельскими популистскими лидерами. То же самое можно сказать о Перу, когда речь идет о соперничестве Алана Гарсия с кандидатом на выборах в 2001 г. не меньшим популистом Толедо, или с Альберто Фухиморо в 90-е гг.

² По имени диктатора Жетулио Варгаса, находившегося у власти с 1931 по 1945 г.

кво, проводя аграрную реформу, во-вторых, в поддержке всего того, что связано с коренными народами, прежде всего индейцами, сообщества которых стремятся сохранить себя, как, впрочем, сохранить и свой язык. Кроме того, особенность мексиканского популизма связана с тем, что он не является порождением устойчивых харизматических качеств провиденциального вождя, возвышающимся над политическими и социальными институтами на основе его связи с народом. Как показывает история Мексики, харизма сменяющих друг друга мексиканских президентов является временной, ограниченной сроком невозобновляемого мандата. Президент является руководителем, наделенным властью той партии, к которой он принадлежит. Он является порождением партии, а не личностью, выдвинувшейся на политической сцене. Не удивительно, что, начиная с 40-х гг. прошлого столетия, в Мексике был положен конец постановке под вопрос сложившегося социального порядка. Это способствовало утверждению консервативного начала как в его сущности, так и в языке политики. И потому, если популизм по-мексикански называют и популистским, то это можно понимать только в ограниченном смысле. Свершившаяся революция завершилась тем, что она позволила новой олигархии заменить собой старую олигархию на основе изменения положения дел с земельной собственностью.

Милитаризованный популизм является другим его выражением. Он сложился в Египте при правлении Г.А. Насера. Однако сформированная им система власти заимствовала многие черты мексиканского популизма. В Египте, в частности, апеллировали к арабской идентичности. Другая разновидность такого популизма была представлена в Перу, где власть военных опиралась в 1968—1975 гг. на коллективную харизму армии, а не на гражданскую партию, как в Мексике. А. Лоуэнталь¹, изучавший популизм Перу, указывает, что в его основании лежала политика государства на селе, но она не меняла сложившееся социальное равновесие. Другой пример — режим Ф. Кастро. Он утвердил на острове свободы такой режим, который несет в себе черты авторитаризма и даже тоталитаризма. Напротив, аргентинский перонизм, скорее, является ис-

¹ Löwenthal A.F. The Peruvian Experiment. Continuity and Change under Military Rule. Princeton, 1975.

ключением, чем подтверждает консервативное начало. Это вариант режима популизма не рассматривает в качестве первоочередной задачи дестабилизацию социального равновесия. Учитывая ограниченную поддержку со стороны мелкой буржуазии и отсутствие понимания со стороны олигархии, перонистский режим строил свою политику на основе опоры на народную мобилизацию при помощи государственного профсоюза, который выполнял, по сути, функцию одной партии. Но этот же профсоюз и разрушит потом популистскую легитимность Перона. Есть все основания утверждать, что популистский авторитаризм может быть основан только на национальном согласии, без чего он превращается в демагогию.

5.2.3. Современный бюрократический тоталитаризм

Говоря об истоках «сиротской динамики» власти и ее вариантах в странах Латинской Америки, популистская парадигма не выражает в полной мере нынешний авторитаризм в этих, как, впрочем, и в других странах. Исследованию этого вопроса посвятил свое внимание Хуан Линц¹. Опираясь на анализ диктатуры Франко в Испании, Х. Линц отбирал критерии для оценки политических процессов в Латинской Америке, а также на Тайване, в Сингапуре и Южной Корее. Х. Линц не довольствуется определением консервативного авторитаризма, который он описывает как способ правления при «ограниченном плюрализме». Он тем самым обозначает форму политического господства, которое не может опираться на разного рода цензы, преследующие цель исключения масс из легального политического поля. Такое господство строится на полном или селективном запрете партий и профсоюзов. И наоборот, поддержкой пользуются движения или течения, которые способствуют сохранению равновесия в обществе и поддерживают власть на основах конформизма. Те же из них, что угрожают сложившемуся статус-кво, оказываются под запретом, а если действуют, то только в условиях подполья и подвергаются преследованиям. Такие системы являют собой фигуру полудиктаторских либеральных систем, по

¹ Linz J.J., Stepan A. Problems of Democratic Transition and Consolidation: Southern Europe, South America, and Post-Communist Europe. Baltimore/Londres, 1996; Linz J.J., Stepan A. (eds.) The Breakdown of Democratic Regimes. Vol. 4. Baltimore; Londres, 1978.

примеру европейского *бонапартистского режима*, которые чаще всего возглавляются военными. Они являются также *режимами кооптации различной геометрии*, стремящимися получить гражданскую поддержку.

С точки зрения прямых или внепарламентских отношений, которые устанавливаются между различными социальными или экономическими кооптируемыми силами и центральной властью, европейские *авторитарные корпоративистские режимы*, по примеру диктатуры Салазара в Португалии или франкистского авторитаризма в Испании, представляют собой архетип такой формы правления. В этом смысле подход Ф. Шмиттера продолжает подход Х. Линца, когда он показывает, что «корпоративистское этатистское» устройство получает выражение как в цензовой и парламентской артикуляции в Португалии в 1974 г., так и при военных бразильских режимах в 1964–1985 гг. Это находит свое выражение и в том, что некоторые атрибуты государства переходят к профессиональным, культурным или образовательным структурам, что является «либеральной», достаточно парадоксальной уступкой авторитарного правления.

В том, что касается Латинской Америки, Хелио Хагуарибе¹ первым предложил понятие необисмарковской стратегии. Это понятие включает в себя одновременно концепции бонапартизма и ограниченного плюрализма. На основе такого понимания оказывается возможным учитывать как практику сильного президентского правления, так и практику полуавторитарных режимов, которые озабочены тем, чтобы канализировать расколы, которые возникают в результате индустриализации в рамках урезанных и контролируемых государством плюралистических систем, нацеленных на консервативную социализацию мелкобуржуазных масс и даже значительной части рабочих. Цель такого рода правления заключается в том, чтобы придать новый облик социальным основаниям политической игры и в то же время наращивать национальное могущество на основе укрепления авторитета государства, в котором главную роль играет исполнительная власть, и ускорять индустриализацию страны. Отсюда выводится интеллектуальная связь, которую этот автор устанавливает между

¹ *Jaguaribe H.* Desarrollo economico y politico. Mexico, Fonda de Cultura economica, 1973.

политическим проектом канцлера Бисмарка и проектами Варгаса, и особенно президента Ж. Кубичека ди Оливейру¹ в Бразилии в 50–60-е гг. прошлого века.

Подход Хагуарибе еще более применим к *бразильским военным правлениям* периода 1964–1985 гг. Их конечной целью была одновременно консервация и модернизация. Для этого использовалось укрепление и реконструкция государства и технократическая рациональность в экономической области, а также политическая социализация. В экономике военные правители Бразилии сочетали действия власти по индустриализации с политикой открытости для вложений многонациональных предприятий, которые повернулись спиной к антиамериканскому национализму популистских руководителей на манер Варгаса. В политике военные также противопоставляли себя популизму. Их цель заключалась в том, чтобы дистанцироваться от всего того, что связано с обществом потребления. Нужно сказать, что это был вынужденный подход. Дело в том, что развитие промышленности на начальном этапе строилось на удержании на низком уровне заработной платы. К тому же часть инвестиций нужно было направлять в сельское хозяйство с тем, чтобы обеспечивать решение продовольственной проблемы. Такая цель предполагала в своей реализации длительный переходный период, в рамках которого практически было невозможно повышать реальные доходы народных масс.

В такой ситуации необходимо было быстрее улучшать положение средних классов, которые на начальной фазе играли большую роль в производстве. Это предполагало наличие «сильного» военного правительства, которое не было бы зависимым от итогов выборов на этой, прямо сказать, деликатной фазе. И только такое правительство могло проводить политику развития в условиях социальной напряженности.

При этом нужно было опираться на использование идеологического ресурса с тем, чтобы легитимизировать

¹ Кубичек ди Оливейру Жуселин (1902–1976) — бразильский государственный и политический деятель. Один из основателей и лидеров Социал-демократической партии (существовала в 1945–1966 гг.). В 1956–1961 гг. президент Бразилии. Проводил националистическую политику, направленную на укрепление национального суверенитета, ускоренное экономическое развитие страны при сохранении «социального мира». С 1962 г. сенатор. После переворота 1964 г. был лишен политических прав на 10 лет.

власть военных. Идеологическое обеспечение легитимности власти военных строилось на постулатах компетенции, что противопоставлялось народному согласию. Такая легитимность должна была получать подтверждение в среднесрочных материальных результатах, а не в лозунгах. Бразильская авторитарная динамика наблюдалась после 1956 г. Она имела много общего с динамикой Турции времен Мустафы Кемала и Исмета Иноню, а также Южной Кореи в 1960—1980 гг.

На примере военной диктатуры в Бразилии бюрократическую авторитарную модель изучал Гильермо О'Доннел. Изначально он обратил свое внимание на два специфических аспекта *авторитарной латиноамериканской проблематики*: с одной стороны, также как и Фернандо Энрике Кардозо¹, на связь между экономической и культурной зависимостью стран Латинской Америки и возникновение в результате этой зависимости нового типа военной диктатуры. А с другой — на институционализацию этих режимов. Если в предшествующий период военные режимы воспринимались как режимы временщиков, то, начиная с 60-х гг., они характеризуются стремлением установления долговременных отношений между государством и обществом на основе своей институционализации.

В таком подходе стали возможны проекты долговременной реализации, в частности, проекты модернизации, которые позволили бы избежать опасности социальных взрывов, которые несли в себе прежние популистские стратегии. В отличие от популистских правительств военные стремились использовать националистический ресурс, опиравшийся на доктрину «национальной безопасности». А эта доктрина, в свою очередь, предполагала развитие промышленности и сотрудничество с многонациональными корпорациями. Наконец, эти режимы выдвигали идею восстановления авторитета государства, которое под руководством военных было бы способным технически и социально вести дело к лучшему.

Позднее О'Доннел внес уточнение в эту модель в ответ на критику, прозвучавшую со стороны Альберта Хиршмана². Он согласился с тем, что стратегия экономической и

¹ *Cardoso F.H. Politique et développement dans les sociétés dépendantes. P., 1971.*

² *Hirschman A.O. A Bias for Hope. Essays on Development and Latin America. New Haven, 1971.*

социальной модернизации авторитарного бюрократического государства была присуща не только военным режимам Бразилии, Уругвая, а в некоторые моменты Аргентины в течение 70-х гг. Бюрократическое модернизирующее государство может строиться на сильной гражданской власти или власти, находящейся на пути демилитаризации. Оно может действовать на основе правил демократии, более того — осуществлять демократизацию на основе структурных и культурных преобразований. В этом подход О'Доннела совпадает с взглядами Дэвида Коле¹ и Джеймса Курта². Они полагают, что *бюрократический авторитаризм* может способствовать развитию массового потребления и на этой основе могут осуществляться демократические преобразования. Пример тому, переход от авторитаризма к демократии в Испании, который применим с учетом местных условий и в Латинской Америке, и Юго-Восточной Азии.

5.3. «Демократические переходы»

Вопрос «демократических переходов», возникший в 70-е гг. прошлого столетия, в последующем получил развитие по двум соображениям. Во-первых, он становится капитальным по мере утверждения идеи о том, что государства должны эволюционировать в направлении их постепенного превращения в демократические. Это стало, по сути дела, общим местом, после падения Берлинской стены, что, на взгляд оптимистов, открыло эру универсальной демократии. Во-вторых, процесс перехода от авторитаризма к демократии привлек внимание исследователей еще и потому, что открыл возможность использования сравнительного метода.

В последние полтора-два десятилетия в рамках сравнительной политологии сформировалось особое направление, получившее наименование транзитология. Она к настоящему моменту является достаточно разработанной с точки зрения теории, хотя и находится под значительным влиянием *теории рационального выбора*, и опирается на опыт испано-латиноамериканского географического и

¹ Collier D. (ed.) The New Authoritarianism in Latin America. Princeton, 1979.

² Kurth J. Political consequences of the product cycle: industrial history and political outcomes // International Organization, 33 (1), hiver 1979.

политического пространства, которые во второй половине XIX столетия испытывало достаточно сильное политическое и экономическое влияние бывших социалистических стран.

О представлении того, что получило наименование *транзитологии*, будет речь впереди. Сейчас же зададимся вопросом: транзигция характерна только для стран Латинской Америки с их «сиротской политической динамикой»? Конечно, нет. Достаточно вспомнить многовековую историю становления демократических политических режимов в Европе.

В середине XIX в. французским ученым и общественным деятелем А. де Токвилем был сформулирован «золотой закон» политического развития, согласно которому «самый быстрый путь к свободе ведет к наихудшей форме рабства». Токвиль полагал, что нет ничего опаснее для страны, где слабо развиты традиции демократии и свободы, чем слишком быстрые реформы и изменения. Как правило, в таких случаях политическая модернизация может выйти из-под контроля. Народу не хватает времени освоить новшества, он не готов к новой системе, а изменения не успевают институционализироваться и закрепиться. В этих условиях участие масс в политике обгоняет развитие политических институтов общества, которые могли бы обеспечить баланс интересов различных слоев и направить высвобождающуюся энергию в общественно приемлемые формы. Бурный поток, направленный на разрушение старой системы, не удается затем остановить и регулировать. Сильная поляризация общества, отсутствие устойчивого политического центра и социальных сил, стоящих за ним, не способствуют тому, чтобы ввести начавшееся движение в разумные демократические рамки. Этот процесс неминуемо ведет к охлократии, к самой худшей форме тирании — тирании черни. Токвиль предупреждал, что результатом быстрой демократизации и завоевания свобод может быть установление еще более жестокой тирании, которая приходит на смену охлократии.

Следует отметить, что ни одна страна безболезненно не переходила от традиционных абсолютистско-олигархических систем к демократии. В этом отношении больше повезло Великобритании, странам Северной Европы, Голландии. В этих странах все необходимые процессы утверждения основных демократических ценностей и

институтов происходили в течение нескольких столетий. В Великобритании, например, начало такого процесса восходит по меньшей мере к XII в., а завершение — к концу XVI в., когда английская Славная революция возвестила о победе гражданского общества и провозгласила торжество принципов либеральной демократии.

Попытки же во Франции в конце XVIII в. сразу реализовать на практике такую схему организации общества, которая сразу же принесла бы счастье и свободу людям, обернулись прямо противоположными результатами. Переход Франции к демократической политической системе, начатый революцией 1789 г., растянулся по времени почти на два столетия. За это время Франция пережила большое число революций, диктатур, смен различных форм монархических правлений на республиканские и обратно. На примере этой страны видно, что почти два столетия ушли на то, чтобы подготовить к демократии социально-классовую структуру, национальный характер, преобразовать обычаи и традиции, выработать соответствующую политическую культуру.

Позволителен ли в современных условиях такой, растянутый по времени переход к демократическому правлению? Динамика общественной жизни и политического развития сегодня настолько высока, что требуется новый подход к демократизации общественной жизни и к социально-экономическим преобразованиям. При этом переход к демократическому правлению может быть успешным лишь при условии осмысления и использования всего исторического опыта демократических преобразований. И потому далеко не случайно в политической литературе появилась концепция «третьей волны демократизации».

5.3.1. Концепция «третьей волны демократизации»

Данная концепция была разработана не без очевидного влияния А. Тоффлера, которую он назвал «Третья волна»¹. Она была посвящена освещению перемен во всех сферах общественной жизни под влиянием электронной и информационной революций. Однако начало разработки самой концепции «третьей волны демократизации» было положено американским политологом Самуэлем Хантинг-

¹ *Toffler A. The Third Wave. New York, 1980.*

тоном, который весной 1991 г. опубликовал статью «Демократическая третья волна». В том же году вышла и его книга «Третья волна: Демократизация в конце XX столетия»¹. Эти работы С. Хантингтона вызвали немалый интерес в среде компаративистов, прежде всего потому, что включали проблему демократизации 70–90-х гг. прошлого столетия в широкий исторический и социальный контекст.

На чем основывается концепция «третьей волны демократизации»?

Во-первых, переход к демократии в различных странах трактуется как глобальный процесс, т. е. между различными переходными процессами и формами демократизации можно не только отметить нечто общее, но и рассмотреть их как частные случаи мирового политического развития. А это значит, что на форму, интенсивность и характер переходных демократических процессов оказывают влияние не только национальные, исторические, экономические, социальные и культурные условия, но и фактор международный. Исследователи единодушны в том, что мир испытывает влияние того, что получило наименование глобализации процесса демократизации. Это означает, что в современных условиях ни одна страна не может не испытывать влияния общего демократического движения.

Во-вторых, рассматриваемая нами концепция исходит из признания самоценности демократии. Она трактуется не просто как наиболее предпочтительная форма политического устройства, но как потребность сама по себе.

В-третьих, концепция «третьей волны демократизации» базируется на признании множественности форм демократического политического порядка. Это означает, что сама демократия должна получать развитие на основе усвоения и использования ценностей не только европейской и северо-американской цивилизации, но и всех иных цивилизаций.

В-четвертых, предложенная концепция, о которой идет речь, рассматривает демократизацию в рамках ее «третьей волны» не как завершение истории демократии. Не исключается возможность ее реверсивного движения, отката назад. А потому вполне можно ожидать уже в XXI столетии и «четвертую волну».

¹ *Huntington S. Democracy's Third Wave // Journal of Democracy. Spring, 1991; Huntington S. The Third Wave. Democratization in the Late Twentieth Century. Norman: University of Oklahoma Press, 1991.*

В-пятых, сторонники концепции «третьей волны демократизации» убеждены в неизбежности движения к демократии во всех странах. Даже выдвигается в этой связи предположение о демократической природе человека. Другой вопрос, как соединить и как соединяется движение к демократии с нарастающей тенденцией культурной гегемонии, культурных конфликтов в мире?¹

Волны демократизации

С. Хантингтон считает, что первая волна демократизации начинается в 1820 г. и заканчивается в 1926 г. В результате первой волны сформировалось 29 демократий, которые характеризовались парламентаризмом, партийной системой и широким избирательным правом.

Вторая волна, по Хантингтону, начинается во время Второй мировой войны. В годы этой волны (1942 – 1975) уже к началу 60-х гг. 36 стран были включены в демократический мир. Однако в период с 1960 по 1975 г. наблюдалось реверсивное движение, что получило свое выражение в утрате авторитарности военных режимов и режимов «нового авторитаризма» (Греция и Чили, например).

Третья волна демократизации начинается с разрушения авторитарных режимов в Греции (1974), Португалии (1975) и Испании (1977), затем охватывает Латинскую Америку (Доминиканская республика — 1975, Гондурас — 1982, Перу — 1988), некоторые страны Азии (Турция — 1983, Филиппины — 1986, Южная Корея — 1988) и, наконец, «снежный ком обрушивается на Восточную Европу (Венгрия, Польша, Чехословакия, Болгария — 1989, Россия, Украина — 1991 и т. д.).

Количественная интерпретация волн демократизации и реверсивных волн, по С. Хантингтону, может быть представлена следующей таблицей.

Таблица 2

Волны демократизации и реверсивные волны

Годы	Число демократий	Возвращено к авторитарным режимам
Первая волна: 1820 – 1926		
1926 – 1942	29	12

¹ См.: Смргунов Л.В. Указ соч. С. 212–213.

Вторая волна: 1942 – 1962 1960 – 1975	36	6
Третья волна: 1975 — начало 90-х гг.	Около 40	4 – 5 (?)

Источник: *Huntington S. The Third Wave. Democratization in the Late Twentieth Century.* Norman: University of Oklahoma Press, 1991. P. 13; *Huntington S. The Ungovernability of Democracy // Democracy in the 1990s. A special issue of «Global Issues in Transition».* 1994. № 6, January. P. 31 – 32; *Сморгунов Л.В. Указ. соч. С. 214.*

Переломными для демократизации в мире были 80-е гг. прошлого века, а именно, первая половина указанного десятилетия. Существенное приращение произошло за счет Латиноамериканского континента (Перу, Гондурас, Боливия, Аргентина, Бразилия).

Каковы же общие условия третьей волны демократизации? С. Хантингтон выделяет пять условий, определявших демократический процесс в 70 – 80-е гг.

1. Делегитимация авторитарных политических режимов, что во многом является следствием экономических (и иногда военных) неудач.

2. Беспрецедентный глобальный экономический рост в 60-е гг., когда выросли жизненный стандарт, образование и значительно вырос городской средний класс во многих странах.

3. Глубокий перелом в доктрине и деятельности католической церкви, проявленный на II Ватиканском соборе 1963 – 1965 гг., и переход национальных католических церквей от защиты статус-кво к противодействию авторитаризму.

4. Перемены в политике действующих на международной арене сил, особенно Европейского сообщества, США и Советского Союза.

5. «Снежный ком» или демонстрационное воздействие перехода первых в третьей волне стран на стимулирование и обеспечение моделей для соответствующих условий демократизации¹.

С. Хантингтон, как видим, излагает, что называется, самые общие причины «взрыва» демократизации на исходе

¹ *Huntington S. The Third Wave. Democratization in the Late Twentieth Century.* P. 12 – 13.

XX столетия. Эти общие причины модифицируются или к ним добавляются некоторые новые причины в каждом регионе и в каждой из стран, включившихся в процесс перехода от авторитаризма к демократии. Это в полной мере относится и к странам Латинской Америки.

5.3.2. Анализ проблематики перехода к демократии в странах Латинской Америки

Проблематика перехода к демократическому правлению очень актуальна для большинства латиноамериканских стран, которые в течение последнего столетия знали немало примеров утверждения военных, а в отдельные периоды террористических диктатур, выход из которых, осознанно или нет, люди стремились найти на путях построения демократического общества. Появился даже специальный термин «демократический переход».

Выражение «демократический переход» охватывает период начиная с момента падения диктатуры до момента утверждения демократического режима. Так, Хосе Мануэль Гарретон¹ определяет демократический переход применительно к странам Латинской Америки как период, охватывающий время с конечной фазы военного режима до проведения первых свободных выборов. Другие исследователи, например, Р. Гюнтер, П.Н. Диамандурос и Г. Пюль², конечную часть перехода определяют моментом «глобальной институционализации», а А. Пшеворски³ полагает, что успех такого мероприятия определяется моментом проигрыша политических партий, в том числе и правящих, на выборах.

Как полагают французские компаративисты, наверное, более правильно было бы говорить о «политическом переходе»⁴, который, конечно же, с одной стороны, не обеспечивает того, что все переходы к демократии осуществляются демократически, и который не может гарантировать, с другой стороны, конечный успех процесса, т. е. утверждение

¹ *Garreton J.M. Reconstruir la democracia. Santiago, 1987.*

² *Gunther R., Diamandouros P.N., Puhle H.J. O'Donnell's illusions // Journal of Democracy, 7 (4), october 1996.*

³ *Przeworski A. Democracy and the Market. Cambridge, 1991; Пшеворски А. Демократия и рынок. Политические и экономические реформы в Восточной Европе и Латинской Америке. М., 2000.*

⁴ *Badie B., Hermet G. Op. cit. P. 197.*

демократии. Факты показывают, что чаще всего переход останавливается на стадии полудемократии.

Однако существо проблемы определяется не только на уровне терминологии или лингвистических формул. Прежде всего для политического анализа важно наблюдать переходы как реальное выражение процесса смены типа правления на протяжении всего лишь нескольких лет, а затягивание процесса перехода может способствовать дискредитации демократического проекта.

Далее. Политологи обращают внимание на то, что переход от одного типа правления к другому и политическое действие осуществляются чаще всего волюнтаристским образом, исходя из стратегической перспективы тех, кто находится на вершине власти. Как отмечает Джузеппе Ди Пальма¹, эта стратегическая перспектива определяется выбором актеров, участвующих в политических преобразованиях. Причем этот выбор чаще всего не согласуется с выбором других элит, как элит из числа соперников, так и элит из числа потенциальных союзников. Словом, все происходит так, как это излагается в теории игр.

В-третьих, переходы, как и сама транзитология, заставляют задумываться о теории хаоса в силу неопределенности ситуации, создаваемой в процессе перехода. Игра актеров может строиться не на том, что ожидается, а на противоположности ожиданий, что порождает безвыходные ситуации, как это происходит в России².

Наконец, сфокусированные на кратковременных процессах, «транзитологи» оперируют минималистскими представлениями о демократии, прежде всего демократии процедурной. Такой подход определяется тем, что позволяет видеть некое различие с основными чертами диктатуры.

Все это объясняет тот факт, что концепция перехода, отождествляемая с методами анализа, которые развивались по мере ее использования, не отвечают долговременным сравнениям. В длительной перспективе меньшее значение имеет начальный элемент утверждения новой демократии, нежели последствия и превратности, которые демократия в своем утверждении встречает на своем пути. Речь может идти о провалах и даже эфемерной демократизации в од-

¹ *Di Palma G. Crafting Democracies: An Essay on Democratic Transitions.* Berkeley, 1990.

² *Badie B., Hermet G. Op. cit. P. 197.*

ной и той же стране. Более того, если *a priori* транзигция совпадает с «договорной» процедурой демократизации в странах Латинской Америки, когда решается задача смены одного политического режима другим, ясно, что эти процессы существенно отличаются от изменений, которые происходили и происходят в бывших социалистических странах, где должно было меняться все и где утверждалось нечто среднее между «демократией» и «посттоталитаризмом». В общем виде даже самые сильные стратегические действия оказывались бессильными перед лицом наследия бывшей системы и даже более отдаленной исторической обусловленности.

На основе теории игр и теории рационального выбора, под влиянием работ Томаса Шеллинга об ядерном устрашении¹, а также оценок Ирвина Гоффмана² и Йона Элстера³ о стратегическом действии, «транзитология» предстает как достаточно убедительное направление науки. Начало ей было положено книгой «*Breakdown of Democratic Regimes*», опубликованной в 1978 г. Хуаном Линцем⁴, написанной по мотивам испанского перехода к демократии. Размышляя над причинами падения демократических режимов Испании и Германии в межвоенный период, Х. Линц выделяет *волюнтаристское начало* в строительстве молодых демократий и *авторитарное начало*, дающее о себе знать и при демократии. Не менее ошибочным он рассматривает и иное мнение: об освободительном сражении тех секторов, что являются сторонниками демократии, и секторов-противников демократии, к которым относится армия и бюрократический аппарат прежнего режима. Х. Линц выделяет три категории актеров — лояльных, нелояльных и полулояльных в отношении демократии. В ходе преобразований осуществляется тактическая адаптация различных

¹ Schelling T.C. *Stratégie du conflit*. P., 1986.

² Гофман Ирвинг (1922–1982) — американский социолог и психолог. Представитель символического интеракционизма, создал свою версию последнего — драматическую социологию. См. подробнее: *Социология*. Энциклопедия. Минск, 2003. С. 241; Желтов В.В., Желтов М.В. История западной социологии: этапы, идеи, школы. Кемерово, 2004. С. 769–775.

³ Элстер Йон — уроженец Норвегии (р. 1940), профессор политической науки и философии Чикагского университета. См. подробнее: Желтов В.В., Желтов М.В. Указ соч. С. 750–751.

⁴ Linz J., Stepan A. (eds.) *The Breakdown of Democratic Regimes*. Vol. 4. Baltimore, London, 1978.

категорий, которая является текучей и малопредсказуемой, в ходе которой «чрезмерные любители» демократии (Токвиль) могут становиться союзником врагов демократии.

А потому реальное позиционирование предшествующей власти бывает неожиданным. Анализируя этот процесс, французский социолог и политолог Мишель Добри¹ ввел понятие «десекторизации» различных составляющих, сложившихся (или складывающихся) политических сетей, разрыва, а потом восстановления — «ресекторизация» — отношений солидарности, конкуренции или борьбы между новыми секторами, которые теперь уже могут быть и демократическими. С приближением ожидаемого момента обвала диктатуры, разрыва внутренней связанности инстанций авторитарного здания, которые делятся на *«идуущих до конца»* в своих убеждениях и действиях по сохранению режима, и тех, кто *склоняется к компромиссу на основе переговоров*, что может дать им шанс политического выживания. То же самое наблюдается в рядах демократической оппозиции. Сторонники соглашения с реформаторами другой стороны отличаются от противников какого-либо сговора в своих рядах. Первые становятся участниками сотрудничества с вчерашними противниками. С этого момента начинается то, что М. Добри называет *«соглашательской транзакцией»*, которая осуществляется между умеренными силами из числа бывших соперников, если не сказать противников. Их подталкивает к объединению экстремизм части новых сил.

Другой вклад в теорию Х. Линца мало известен: он вводит *временное измерение*, которого не было в политической науке того времени. Речь идет о решающем вопросе определения и *осуществлении повестки реформ* для легитимизации демократии, прежде всего как способа эффективного правления, а затем как основы системы ценностей. Лица, ответственные за осуществление перехода, должны действовать так, чтобы не обострять сразу множество проблем. Их нужно классифицировать, иерархизировать, распределить по времени с тем, чтобы избежать по возможности тяжести правления, а с другой стороны, обеспечить доказательство неотложности своих действий. С этой целью нужно создать кредит для молодой

¹ Dobry M. Sociologie des crises politiques. P., 1986; Dobry M. Les processus de transition à la démocratie // Culture et conflits (17), 1995; Dobry M. (ed.) Democratic and Capitalist Transitions in Eastern Europe. Dordrecht; Boston; Londres, 2000.

демократии, которая изначально является неустойчивой и не сопровождается достижением быстрых эффективных результатов, и проводить необходимо такие действия, которые не увеличивают конфликтность в обществе и не способствуют тем самым падению режима. Отсюда — необходимость достижения компромиссов, которые постепенно укрепляли бы новый режим. И потому нужно выдвигать ограниченное число целей, которые могли бы быть к тому же реализованными.

5.3.3. Транзитологический подход к становлению демократии

История транзитологии получила свое дальнейшее развитие в работах Г. О'Доннела, Ф. Шмиттера «Переход от авторитарного правления»¹ и А. Пшеворски «Демократия и рынок». В 90-е гг. прошлого столетия тема перехода к демократии заняла одно из важнейших мест в политической теории.

Нужно сказать, что в эти годы был отмечен поворот специалистов демократизации в сторону изучения комплекса вопросов *консолидации молодых демократий*. Это означает, что сравнительный анализ феномена перехода к демократии, да и самой демократии, как в странах Латинской Америки, так и в других регионах, включая Западную и Восточную Европу, строится не столько на изучении поведения различных политических сил в течение относительно непродолжительных переходов к демократии, а проводится с учетом более широкой исторической перспективы. Успех на этом пути может достигаться только при условии умелого проведения политики консолидации различных политических сил. Это означает, что сравнение процессов консолидации политических сил распространяется и на уже установившийся политический порядок, а не только на изменение, которое к нему привело.

Указанный подход, по убеждению компаративистов, предполагает учет большего по времени периода: с одной стороны, требуется учет требования стабильности или продолжительности противостояния политическому порядку, а с другой — требуется учет влияние парадигм *Path Dependence* или социального капитала, которые возникают еще до появления демократии.

¹ O'Donnel G., Schmitter Ph. (eds.) *Transitions from Authoritarian Rule*. Baltimore, 1986.

Смещение интереса от исследования перехода к демократии к вопросам ее консолидации вызвано вполне определенными причинами: эмпирически ориентированная политология отражает ситуацию неоднозначности процессов становления новых демократических режимов и поиск основания их закрепления. Вместе с этим, как справедливо отмечает профессор Л.В. Сморгун, можно отметить и отчетливо выраженный методологический поворот. Он связан с критикой концепции условий демократии, господствовавшей в 60–80-х гг. В подтверждение данного положения сошлемся на высказывание Ф. Шмиттера. «Ни уровень экономического развития, ни гегемония буржуазии не могут автоматически гарантировать появление, более того, укрепление демократии. Не является этот режим также очевидным результатом некоторого предыдущего достигнутого уровня «цивилизации», грамотности, успехов в образовании или особой политической культуры. Это не значит отрицания того факта, что благосостояние, относительное равное распределение богатства, конкурентоспособная на мировом рынке экономика, хорошо обученное население, большой средний класс, а также готовность принять разнообразие, доверять сопернику и разрешать конфликты компромиссом являются преимуществами; это значит как раз то, что демократия все еще должна быть выбрана, воплощена и увековечена «агентами», реально живущими политическими акторами с их особыми интересами, страстями, памятью и — почему нет? — *fortuna u virtus*»¹.

Г. О'Доннел и Ф. Шмиттер, проведя в своей совместной работе сравнительный анализ по вопросам роли элит, показали непредсказуемую природу переходов и их обратимость. Ф. Шмиттер, например, акцентировал свое внимание на вопросах осуществления процесса демократизации после военных переворотов, как это имело место, например, в Португалии.

Оба указанных нами автора отчетливо различают переход к демократии и процесс ее консолидации. В чем заключается это различие? Во время перехода организуются основные институты нового порядка, и они начинают работать и взаимодействовать согласно новым правилам

¹ Schmitter Ph. Interest Systems and the Consolidation of Democracies // Reexamining Democracy. Essays in Honor of Seymour Martin Lipset / Ed. By G. Marks, L. Diamond. Newbury Park; London; New Delhi, 1992; Сморгун Л.В. Указ соч. С. 225–226.

игры. Консолидация же требует «институционализации новых норм и структур режима, расширения их легитимации и устранения препятствий, которые на первоначальных этапах делают их установление трудным». Сам процесс консолидации демократии включает в себя четыре направления:

1) быстрое ограничение, сведение к минимуму или связывание ее идеологических и институциональных несоответствий;

2) установление ее автономии перед лицом старых властей, особенно армейских сил;

3) мобилизация гражданского общества в политических формах его выражения;

4) развитие относительно стабильной партийной системы, способной обеспечивать формирование ответственного перед народом правительства¹.

Более поздние исследования позволили дополнить и конкретизировать многое из анализа середины 80-х гг. Во-первых, оказалось, что процесс консолидации демократии предполагает не только институционализацию новых норм и структур, но и зачастую связан с использованием элементов традиционной культуры и даже менее радикальным отношением к предшествующему авторитарному режиму. Во-вторых, консолидация демократии невозможна без соответствующей реформы административных государственных структур. Возникающая демократия вступает в противоречие не только с авторитарным стилем государственного управления, к которому склонно старое чиновничество, но и с рационализированной правовыми нормами бюрократической машиной управления. В-третьих, консолидация демократии не обязательно следует одной — либеральной — модели. Она не может осуществляться на основе своеобразного сочетания разнообразных форм и моделей. В-четвертых, хотя партийная система и является ключевым моментом демократии, но ее консолидация предполагает некоторый резерв для динамичного процесса выражения интересов посредством разнообразных, иногда спонтанно возникающих, движений, местного самоуправления и т. д. В-пятых, консолидация демократии имеет и международные параметры, не только связанные с оказываемой новым

¹ O'Donnel G., Schmitter Ph. (eds.) *Transitions from Authoritarian Rule*. P. 73, 89.

демократиям помощью, но и включением демократизирующихся стран как равных партнеров в международное сообщество¹.

Пристального внимания заслуживают и выводы А. Пшеворски. В проведении сравнительного анализа он обращается к вопросам возвратного развития событий в процессе демократического перехода. Он подчеркивает неопределенность процесса социальных и политических изменений. «Условия, которые порождают переходы, согласованные со старым порядком, — утверждает А. Пшеворски, — не являются необратимыми. Существенную черту демократии составляет то, что ничто не решается окончательно. Если верховная власть принадлежит народу, народ может решить ликвидировать все гарантии, согласованные политиками за столом переговоров. Даже институционализированные гарантии имеют в лучшем случае более или менее высокую, но никак не стопроцентную надежность»².

На этом основании он определяет демократию как диспозицию *постоянной неопределенности* в отличие от *авторитарной определенности*. По примеру Шеллинга, А. Пшеворски использует теорию игр, демонстрируя ее эвристическую значимость. Анализируя состав участников (точнее, наверное, было бы сказать агентов) демократического перехода, А. Пшеворски выделяет *сторонников твердой линии* и *реформаторов* (которые могут быть, а могут и не быть либерализаторами), *умеренных* и *радикалов*. Сторонников твердой линии обычно можно найти в репрессивных структурах авторитарного правления: в полиции, среди юридической бюрократии, цензоров, журналистов и т. д. Реформаторы рекрутируются из политиков, функционирующих в рамках режима, и из некоторых групп, не входящих в государственный аппарат: из представителей буржуазии при капитализме и хозяйственных руководителей при социализме. Умеренные и радикалы могут представлять (хотя и не обязательно) различные интересы. Они отличаются только по своему отношению к рискованным предприятиям. Умеренными могут быть те, кто опасается сторонников твердой линии, но это не обязательно те, кто ставит менее радикальные цели³.

¹ См: Сморгунюв А.В. Указ. соч. С. 227–228.

² Пшеворски А. Указ соч. С. 121.

³ Там же. С. 109.

Характеризуя жестких сторонников перехода, он говорит о «бесчувственном риске», а мягких сторонников перехода он определяет как сторонников «риска отворачивания». Первые, будучи безразличными к опасностям последствий указанного риска, являются бескомпромиссными демократами, вторые же — способны идти на сотрудничество с реформистами из числа сторонников (или агентов) старого режима. Во втором случае все зависит от взаимного согласия и реальности их стратегического выбора участников процесса демократического перехода. Подобный подход отражен в работах Дэвида Коллье и Дебора Нордена¹.

Что из этого вытекает? Консолидация демократии связана с утверждением *стабильных системных отношений*, которые Дайана Этьер² основывает на *социальном консенсусе*, а Дэнкворт Растоу³ называет *сожительством*. Можно утверждать, что демократия становится консолидированной, когда она становится режимом, не имеющим реальной альтернативы в представлениях как элит, так и всего общества в целом.

Однако не составляет труда увидеть, что так называемая теория консолидации, по сути, является нормативной и субъективной, например, в вопросах качества молодых демократий. Она использует в характеристике качеств молодых демократий европейские и североамериканские стандарты и ценности. И если опираться только на такой подход, то получается, что демократий вообще нигде нет, кроме США и Великобритании.

Время показало, что эксперты консолидации натолкнулись на подводные камни. Они были специалистами по Латинской Америке и стремились обобщить и осмыслить политическое развитие на этом *мятежном в определенные периоды континенте*. Однако указанная проблематика, начиная с конца 80-х гг., оказалась в центре внимания мировой научной политологической мысли. Смещение эпицентра демократизации в Восточную Европу, специфику которой они не знали, не позволило им адекватно

¹ Collier D. (ed.) The New Authoritarianism in Latin America. Princeton, 1979; Collier D., Norden D. Strategic choice models of political change in Latin America // Comparative Politics. 24 (2), 1992.

² Éthier D. (ed.) Democratic Transition and Consolidation in Southern Europe, Latin America and Southeast Asia. London, 1990.

³ Rustow D. Transitions to Democracy: towards a dynamic model // Comparative Politics, 2 (3), april 1970.

экстраполировать свои выводы и интерпретации за пределы Южной Америки.

Однако у компаративистов из числа специалистов по Латинской Америке и специалистов по странам Восточной Европы нашлось нечто общее в лице феномена консолидации. «Латиноамериканские транзитологи» превратились в консолидаторов демократии на основе включения в свой анализ долговременных культурных и структурных факторов. При этом они настойчиво подчеркивали оригинальность своего поля изучения. Короче, прежние «*Confining condition*» Отто Кирхеймера¹ встали в повестку дня. Это проявилось в подчеркнутом внимании компаративистов к анализу *типов отношений между обществом и государством*, которые были характерны для восточных стран, и к вопросам социального неравенства в странах Латинской Америки. Не были забыты и другие элементы. Прежде всего те из них, что связаны наследием прежних режимов, военных в Латинской Америке или тоталитарных и пост-тоталитарных в странах Восточной Европы. Кроме того, в поле зрения компаративистов находились и трудности, встающие на пути перехода к демократии и консолидации социальных сил. Речь может идти, например, о трудностях, возникших через несколько лет после «революции гвоздик» в Португалии, или о проблемах преобразований в Чили, где консолидация строится в зависимости от общественного мнения по «делу Пиночета», или в Бразилии, где военные скрываются за занавесом гражданского правительства. Наконец, нужно отметить внимание транзитологов к вопросам соперничества элит в странах Восточной Европы. При этом речь идет не столько о переходе или консолидации, сколько о демократизации.

В заключение показанного нами методологического обзора сравнительного анализа проблематики перехода от авторитаризма к демократии можно видеть, что даже сторонники демократического перехода (его можно определить как примиренческий подход), не предлагают эффективного инструментария для проведения сравнения процессов демократизации в странах Латинской Америки, Восточной Европы, Азии или Африки. Применительно ко всем этим регионам речь не идет о сопоставлении только

¹ Kircheimer O. Confining conditions and revolutionnary change // American Political Science Review (59), december 1965.

последствий успешных или нет шагов по демократизации общественной и политической жизни. Куда важнее другое. *Сравнительный анализ должен строиться на учете опасностей и критических порогов, которые способны указать на прогресс или стагнацию движения по пути демократии.* Первая из таких опасностей — необходимость избегать нормативных суждений по каждому из «демократических достижений». Вторая опасность заключается в том, что нужно избегать рассмотрения стран Латинской Америки, Восточной Европы, Азии или Африки изолированно от учета процессов изменения и развития остального мира.

Правда, нужно отметить тот факт, что есть специфика преобразований в странах Восточной Европы. Она связана, с одной стороны, с авторитарной и популистской одновременно традицией отношений между государством и обществом, а с другой — с конфликтом между этнической идентичностью и политической территориальностью, а также с отношением между демократией как процедурой правления и социальной или экономической демократией.

ЧАСТЬ III

**СРАВНИТЕЛЬНОЕ ПОЛИТИЧЕСКОЕ
ВЫРАЖЕНИЕ**

Важным моментом в проведении сравнительных исследований является изучение того, что в политической науке получило наименование политического выражения. Политическое выражение (речи, заявления, обращения, программы действий и т. п.) является существенным элементом политической жизни и неразрывно связано с политической властью с аналитической точки зрения: всякая форма власти предполагает определенное политическое выражение, которое она поддерживает, контролирует, анализирует и даже интегрирует в своем способе функционирования. С этой точки зрения типы артикуляции власти и политического выражения являются разнообразными как во времени, так и в пространстве, и это превращает сравнение в очень комплексную и многогранную задачу.

Тем не менее политическое выражение по отношению к власти можно представить в трех проявлениях, характеризующих способ их взаимодействия и функционирования. Прежде всего политическое выражение может питать институциональные механизмы осуществления власти и участвовать в селекции обладателей и выразителей авторитета в соответствии с плюралистической и конкурентной логикой. В данном случае речь может идти об институциональном выражении, связанном с механизмами господства и их легитимации.

Политическое выражение может также включаться в политическую систему, которая это выражение учитывает, организует или контролирует. Такое возможно лишь при условии отказа указанному выражению в праве создания структур власти. Это означает, что функционально политическое выражение ограничивается информированием политической системы и участием в осуществлении функции политической коммуникации. В политической науке для характеристики такого политического выражения используется определитель «контролируемое» (политическом выражение), институционализация которого является неопределенной и ограничивается определением способов сосуществования власти и вербального политического выражения.

Наконец, указанное выражение может располагаться вне политической системы, т. е. артикулироваться в социальном пространстве без учета официальных политических каналов и, значит, без прямого воздействия власти на него.

ГЛАВА 6

ИНСТИТУЦИОННОЕ ПОЛИТИЧЕСКОЕ ВЫРАЖЕНИЕ

В рамках институциональных механизмов политическое выражение характеризуется тенденцией совпадения с демократическим выражением. При этом компаративистам нужно избегать некой двусмысленности. Авторитарный политический порядок, как правило, характеризуется существованием институциональных ролей, призванных собирать и соединять выражение разных типов протеста. Такую функцию в Риме выполнял трибунский¹ институт. Родоплеменной порядок по-своему организовывал то, что можно было бы назвать как политическое выражение без каких-либо коммуникационных (в виде прессы, например) посредников в деле выражения ожиданий или надежд людей.

Институционализированное политическое выражение имеет две специфических характеристики: с одной стороны, автономия по отношению к власти решительно отличает его от традиционных способов выражения; с другой стороны, его отличает тесная артикуляция с процессом селекции политических авторитетов. Это означает, что *сравнительный анализ институционального выражения предполагает учет контекста возникновения правил принятой политической игры, а также систем сторонников тех или иных политических позиций, которые указанную игру делают возможной. А также необходимо учитывать и политическое поведение, например, электоральное поведение, в рамках которого политическое выражение материализуется и получает определенную ориентацию.*

¹ Трибун (лат. tribunus) — название некоторых должностных лиц в Древнем Риме, например, народные трибуны, которые охраняли права плебеев от посягательств патрициев.

6.1. Правила игры

Институционализированное политическое выражение соответствует прежде всего трансформации социополитической игры, которую политическая социология 60-х гг. связывала с процессом модернизации. Появление феномена Модерна в его социально-экономическом выражении оказало непосредственное воздействие на механизмы политического выражения, что наложило отпечаток на установление вполне определенного политического порядка. Прогрессирующее разделение социального труда, в рамках которого получила развитие комплексификацией задач политического управления, побудила обладателей высших политических постов в государственном руководстве использовать институциональные механизмы и правила игры для утверждения необходимого политического порядка.

Прежде всего во многих демократических странах была изменена роль традиционного центрального авторитета. Его деятельность претерпела изменения по отношению к традиционному центральному авторитету. Модернизованная центральная власть в новых условиях столкнулась с необходимостью осуществления координации различных социальных ролей в процессе управления социальной мобильностью. Более того, центральная власть в новых условиях была вынуждена вырабатывать такую публичную политику, которая в значительной мере определялась тем, насколько она совпадает с ожиданиями и способностями социальных актеров. А это вызвало к жизни потребность для центральной власти быть информированной, а в итоге — способной получать запросы или требования, осмысливать их и по возможности отвечать на них и насколько возможно сокращать их масштаб.

Несмотря на свою схематичность и, особенно, на нехватку исторической глубины, системный анализ придал паре требование — ответ соответствие, которое отвечает социальной трансформации. Эта последняя связана с модернизацией, определяющей правила политической игры как способа управления протестом. В своей книге «Модернизация, протест и изменение»¹ Эйзенштадт показывает, что построение современного политического центра нераз-

¹ Eisenstadt S.N. Modernization, protest and change. Englewood Cliffs (NJ), Prentice Hall, 1996.

ривно связано с учетом приливов протеста, на основании которых он получает пищу для своей деятельности.

Современный политический порядок не определяется только потребностью в получении информации. Он является выразителем ценностей и тем самым представляет собой особое место, по отношению к которому социальные актеры имеют совпадающий интерес в своих требованиях или пожеланиях по улучшению условий своего существования. Образование западного государства являло собой такое место, которое по своему предназначению было призвано обеспечивать физическую безопасность, потом и экономическую, и социальную безопасность граждан. Это не могло не сказаться и на социальном поведении граждан Запада. Более того, государство в той или иной мере оказывало прямое воздействие на характер и содержание политического поведения населения страны, которое всегда связано с требованиями и ожиданиями людей.

Зададимся вопросом: в чем выражается изменение политического поведения населения с момента образования государства? Социальный и политический протест перестает быть точечным, или одномоментным. Протест получает постепенно непрерывную форму выражения, которую этатический центр стремится институционализировать. При этом сам центр (государство) становится местом оправдания и легитимации своего существования и своей деятельности.

Нужно сказать, что институционализация политического выражения в разных странах, в разных политических системах проистекала неравномерно и приобретала различные формы. Сказывалось воздействие нескольких переменных, воздействовавших на процесс институционализации. При этом оказывается возможным показать переменные, которые в условиях модернизации получили известное постоянство и устойчивость. Речь в данном случае идет о переменных, связанных с переходом к рыночной экономике, о появлении того, что мы сегодня называем публичной политикой, а также о возрастании влияния социальной мобилизации. Эти переменные оказывают прямое воздействие на процесс институционализации феномена выражения требований.

Уже не раз упоминавшиеся нами французские социологи Б. Бади и Г. Эрме небезосновательно выдвигают гипотезу, согласно которой политическое выражение тре-

бований носит ограниченный характер в тех обществах, где экономика напрямую подчинена заботе о людях. В таком случае утверждается экономический порядок, который характерен для племенных или семейных общественных структур, в которых актеры действуют без вмешательства государства. Подобный экономический порядок складывается в тех обществах, где оказывается сильное сопротивление индивидуализации социальных отношений и где социальные актеры стремятся реализовать свои ожидания внутри сообщества, к которому они принадлежат, без обращения к помощи государства. Такое положение дел имело место в Османской империи и Магрибе во второй половине XIX в. Здесь государи стремились укрепить свой авторитет на основе создания налоговой службы. Это позволяло им избежать проявлений прямого недовольства в свой адрес, которое могло возникать на основе традиционной солидарности. В такой ситуации процесс обезличивания требований тормозился, а это содействовало утверждению клиентелистских отношений и связанного с ними поведения. Указанный процесс был характерен не только для стран, которые мы назвали. Его правомерно, видимо, экстраполировать на многие развивающиеся страны, что дает ключ для понимания и объяснения современной политической ситуации в них.

Воздействие указанного феномена еще более усиливается политическими переменными. Не вызывает никакого сомнения тот факт, что институционализированное политическое выражение определяется и даже в некотором смысле провоцируется государством, обеспечивающим безопасность граждан.

Как мы уже показали, процесс универсализации западного государства отмечен двойственностью и противоречивостью. Это отражается и на институционализации политического выражения. Зависимость людей, в частности их политического поведения, от государства не является универсальной, а это находит отражение в известном неравенстве и политического выражения. Так, авторитаризм, сам по себе, далеко не все объясняет в политическом выражении. И он не может быть представленным на основе некой независимой переменной. Дело в том, что неопатримониальные политические системы не являются только блокировкой политического выражения или ограничителем его институционализации. Такого рода системы устроены

так, что социальные актеры не могут рассчитывать на индивидуальные выгоды в своих требованиях и на выгоды перераспределения.

Институционализация политического выражения является результатом появления и существования специализированных каналов, образующих в своей совокупности ассоциативную сеть, которая призвана учитывать это выражение. В традиционных обществах получение права голоса осуществлялось обычно в рамках естественных сообществ принадлежности индивидов — семья, деревня, племя, клан — однако социальная мобилизация постепенно меняла эти традиционные каналы, заменяя их на специализированные каналы, которые действовали в рамках функции политического выражения. Разделение общественного труда распространяется, таким образом, и на специализацию политических задач, порождая мощное движение народной социальности, конечной целью чего является деятельность политических партий. Трансформация в западных обществах с конца XVIII в. и в течение XIX в. с этой точки зрения является показательной: она связана прежде всего с объединением индивидов в соответствии с их интересами и политическим выбором. Это нашло свое проявление, в частности, в создании клубов в период Французской революции. Это был один из первых опытов формирования ассоциативного способа политического выражения, который шел на смену идущей к упадку солидарности сообществ и который был своеобразной компенсацией аномических феноменов, связанных с сельской миграцией, географической мобильностью и развитием урбанизации. Ассоциативная сеть, согласно С. Липсету и С. Роккану¹, образуется для того, чтобы выполнять двойную функцию — интеграции и конфликта. Интеграция индивида осуществляется внутри ассоциации для того, чтобы компенсировать индивидуализацию социальных отношений, а также обеспечивать объединение индивидов-граждан внутри современного государства. Указанная интеграция осуществляется перед лицом возможного или реального социального конфликта, связанного с дифференциацией социальных интересов. Когда же речь идет о политическом конфликте, то интеграция противопоставляется соперничеству индивидов и групп за овладение властью.

¹ Lipset S.M., Rokkan S. (eds.) *Party Systems and Voter Alignments*. New York; London, 1967.

Такая интерпретация политического выражения позволяет говорить о наличии у него некоей логики, которая является результатом артикуляции этих функций между собой. Анализируя зарождение ассоциативного движения в Провансе (Франция) в первой половине XIX в., Морис Агюлон¹ показывает, каким образом появление выраженных вербально требований, потом политических заявлений и речей явилось эффективным способом интеграции индивидов внутри сообществ своей принадлежности. Эта интеграция произошла в местах совместного проживания, кафе или мастерских. Являясь способом коммуникации, политическая речь представляла как некий объединитель и как некое выражение существующего конфликта. В последующем такого рода коммуникация способствовала зарождению общественно-политических организаций, объединявших единомышленников, и постепенной институционализации политического выражения.

Образование демократических режимов, как мы это видели в первой части нашего пособия, сделало функциональным соперничество за власть и сопровождалось созданием в целях такого соперничества специализированных политических организаций. Речь идет о создании парламентских институтов, расширении практики голосования, что побуждало политические элиты к профессионализации своей политической деятельности, к созданию стороннических организаций, способных мобилизовать голоса избирателей, и к выработке для достижения такой цели дифференцированных программ. А это, в свою очередь, вызвало к жизни необходимость проведения официальных политических дебатов.

Таким образом, институционализированное политическое выражение основывается на трех различных источниках:

1) трансформации общества, в котором осуществляется разделение общественного труда, которое делает привычным выдвижение требований;

2) социальной мобилизации, порождающей рост ассоциативного движения, структурирование которого способствует политизации его выражения;

3) создании демократического режима, который делает функциональным политическое соперничество.

¹ Agulhon M. La République au village. Les populations du Var de la Révolution à la II République. P., 1979.

Эти переменные позволяют объяснять как институционализацию политического выражения, так и его различные формы. Слабо мобилизованные общества характеризуются в таком подходе ограниченным политическим выражением, что, например, показал на основе изучения в конце 50-х гг. обществ Ближнего Востока Дэвид Лернер¹. Параллельно брутальная и «блуждающая» мобилизация сталкивается с сильными различиями между наиболее урбанизированными секторами (Тегеран, Каир или Дакар), находящимися вне связи с селом. Таким же образом слабость концепции социального класса делает затруднительным применение к такого типа обществам гипотезы коммунализации индивидов в соответствии с их собственным интересом и ростом на этом основании их политического выражения. Однако воздействие солидарности сообществ осуществляется по иным каналам: клиентелизм, родство или единодушные сообществ. На примере Итальянского срединного пространства 50-х гг. Эдвард Банфильд² показал, что использование коллективного выражения является тем менее выгодным, чем более редкими являются ресурсы и чем больше они подвергаются риску разделения между большим числом индивидов в условиях их нехватки. В такой ситуации индивидуалистское и официозное выражение становится предпочтительным, что превращает институционное выражение в иллюзорное и хрупкое. Наконец, авторитаризм, кроме того, что тормозит на основе институционализации любую форму выражения и поднимает проблему выдвижения конкурирующих между собой политических программ, утверждает тенденцию изменения функции политических партий в направлении или мобилизации поддержки в пользу режима, или, напротив, к оспариванию легитимности этого режима, по сути дела, в подпольных формах.

6.2. Создание стороннических систем

Институционное политическое выражение является также функцией организации системы организаций, вокруг которых объединяются их сторонники. Именно данная система организаций делает возможным политическое выражение,

¹ *Lerner D. The Passing of Traditionnal Society. Modernizing the Middle East. Glencoe (Ill.), 1958.*

² *Banfield E. The moral of a Backward Society. Glencoe, 1958.*

придавая ему конкретное физическое выражение и модель. А это открывает перспективу для проведения сравнения. Однако сравнительный анализ должен учитывать некоторые (их можно назвать основными) различия. Эти различия связаны: 1) с природой разделения политических партий; 2) с ориентацией их стратегий; 3) со способом внутреннего функционирования партий, в частности, с их способностью обеспечить свою собственную демократизацию.

Системы организаций сторонников прежде всего являются выражением социального разделения общества. Эти организации напрямую участвуют как в процессе интеграции общества, так и в возникновении и развитии социальных и политических конфликтов. Едва ли не первичным выражением обоих указанных процессов являются политические дебаты, идущие в обществе по ключевым вопросам общественной и политической жизни.

Именно *дебаты в демократическом обществе являются одним из основных средств политического выражения*. Дебаты в то же время дают жизнь этому выражению во времени. Они обеспечивают к тому же трансляцию в официальное политическое пространство конфликтов, придавая им институционализированный характер, что как бы эти конфликты увековечивает. Конфликты же, находящиеся за пределами системы организаций сторонников, оказываются на периферии политической жизни. А потому они, если и оказывают влияние на политическое поведение людей, а значит, и на политическую жизнь общества, на ориентацию политических решений властей, то это влияние можно определить лишь как периферийное.

Что это означает для компаративистов? Ответ на этот вопрос прост: конфликты, в которых участвуют организации сторонников, образующие в своей совокупности систему, о которой мы ведем речь, должны привлекать первостепенное внимание всех политологов-компаративистов. Этот вывод связан с тем, что именно такого рода конфликты вооружают компаративиста знанием границ (или рамок) эффективного сравнения, что связано с институциональным выражением, например, политического конфликта. Кроме того, такой подход вооружает компаративиста средством оценки исторических процессов, которые превращают социальные конфликты в политическое разделение общества.

Сравнительный анализ систем организаций сторонников и политических различий (разделений), которые они

выражают, был осуществлен в уже упоминавшейся нами выше работе С. Липсета и С. Роккана. Их размышления напрямую связаны с исторической социологией. Образование системы организаций сторонников, согласно их представлениям, испытывает на себе влияние *сложившихся исторически* разделений общества. Указанные организации, и прежде всего политические партии, придают этим изменениям, что называется, официальный характер, увековечивают их на пути институционализации указанных различий. Это означает, что институционализированное политическое выражение зависит от конфигурации социальной истории, одним из политических выражений которой является создание политических партий.

С. Липсет и С. Роккан в истории европейских обществ выделяют четыре конфликта, оказавших особо серьезное влияние на формирование системы сторонников, или, говоря иначе, на формирование партийных систем: между центром и периферией, государством и Церковью, городом и селом, собственниками и рабочими. Процесс разрешения первых двух конфликтов исследователи называют **национальной революцией**, последних — **промышленной революцией**, а их долгосрочным результатом являются «**социальные расколы**», которые и определяют структуру партийных систем. Рассмотрим эти конфликты более подробно.

Государство против Церкви. В Западной Европе Церковь с ее претензиями на наднациональное лидерство была одним из главных препятствий на пути формирования государственной централизации. Освобождение от господства Римской церкви сопровождалось спорами (дебатами) вокруг вопросов соотношения публичных и частных, светских и религиозных начал в общественной жизни. Политический перевод религиозного вопроса имел разное выражение в разных обществах, породив в итоге, например, Реформацию. Там, где не было религиозного раскола (Великобритания и скандинавские страны), Церковь приобретала национальное измерение и национальную идентичность. Там же, где произошел раскол на протестантов и католиков, там каждое религиозное течение получало выражение в виде политической партии (Нидерланды или Швейцария, например), а в Германии этот раскол способствовал появлению социал-демократической партии, которая стремилась увековечить идентичность и защиту католического сообщества. Наконец,

в странах, где победила контрреформация, например, Австрия, Бельгия, Франция, а также в большинстве стран Юга Европы, выявилась напряженность между государством и Церковью, что выражалось в отношении к феномену светскости. Отношения между государством и Церковью стали источником формирования христианских партий. Это особенно сильно было выражено после Второй мировой войны в Италии и Франции, где партии классического правового толка утратили авторитет в глазах населения.

Нужно сказать, что и в наши дни религия играет значительную роль в партийной жизни многих новых демократий. Правда, справедливости ради, необходимо учитывать и то, что ряд политических партий в Европе сформировался на основе антирелигиозных идеологий. И это тоже следует признать результатом данного конфликта. Так, Радикальная партия во Франции решительно выступала против католической церкви. В XX в. атеизм занимал значительное место в программах ряда коммунистических партий.

Конфликт «центр-периферия» — это другой аспект национального государственного строительства. Через него прошло большинство стран мира. Этот конфликт получает выражение в стремлении навязать превосходство господствующей культуры и в подчинении ей всех иных видов культур. Этот тип строительства может вести к появлению устойчивого конфликта и получает свое политическое выражение в образовании системы партий.

Исследователи выделяют три выражения указанного конфликта.

1. В том случае, когда становление национальной идентичности успешно осуществляется и когда конфликт между центром и периферией не получает развития и, значит, не становится ставкой в политической борьбе, не возникает условий для образования периферийных политических партий, как это было во Франции. Однако в процессе такого развития событий сохраняется опасность внеинституционального выражения указанного конфликта в виде движений, добивающихся политической автономии (корсиканцы или бретонцы).

2. Если построение государства-нации реализуется миноритарными конфедерациями, когда ни одно из них не может утвердить свое господство над другими конфедерациями, которые, в свою очередь, сами не являются едиными, как показывает пример Швейцарии, то культурная

идентичность может растворяться и не получать своего выражения в образовании политических партий.

3. Если, наконец, национальное строительство сопровождается глубоким культурным конфликтом (это может выражаться в том, что на периферии образуется истинно миноритарное культурное сообщество), то в итоге возникает возможность для их политического выражения (баски, каталонцы, галисийцы в Испании, квебекцы в Канаде, шотландцы в Великобритании) или происходит разделение национального сообщества, как это имеет место в Бельгии (валонцы и фламандцы). В данном случае периферийные партии способствуют утверждению институционального выражения миноритарных групп.

Город против села. Промышленная революция постепенно выявила контуры других разделений в обществе. Прежде всего она способствовала противопоставлению промышленных городских элит элитам сельским. Возникновение нового слоя собственников (буржуазия — буквально «горожане») чаще всего сопровождалось обострением их отношений с земледельческой аристократией. Этот конфликт приобрел политическое звучание во многих странах. Скажем, в Великобритании он определил политическое противостояние Консервативной и Либеральной партий, длившегося на протяжении всего XIX в. Особенно отчетливо сказывается влияние этого конфликта на партийные системы скандинавских стран, где многочисленное свободное крестьянство выступало против финансового закабаления городским «средним классом» и, не в последнюю очередь, против проникновения чуждой городской культуры. Нечто подобное получило развитие в странах Юга Европы, где сформировались религиозные партии или такие партии, которые через своих нотаблей способны были организовать голосование крестьян в свою пользу.

Собственники против рабочих. Промышленная революция способствовала образованию социалистических партий, которые сопровождали формирование рабочего класса, по сути дела, во всех странах Западной Европы. Характер этих партий зависел от того, как властвующая элита отвечала на требования непривилегированных слоев общества. Там, где элита не противодействовала введению всеобщего избирательного права, и, стало быть, интеграции рабочих в политическую систему, эти партии заняли умеренные позиции. В тех же странах, где элита продемонстрировала

меньшую предусмотрительность и гибкость, политическое движение рабочего класса приняло антисистемный характер. Коммунистические партии обычно были особенно сильны в тех странах, где борьба за политические права рабочих была длительной и напряженной.

Различия между партиями в этом случае были связаны с тем, что они, как правило, образовывались на основе социал-демократических идей, однако в последующем они раскололись на сторонников второго и третьего Интернационалов. Особый вопрос для компаративистов — неравномерность развития коммунистических партий в Европе, для чего необходимо исследовать влияние различных факторов: влияние христианства, трудности национального строительства или, например, влияние конфликтов, сложившихся исторически в развитии обществ.

Сказанное справедливо не только для партий, образовавшихся на основе социалистических идей. Как справедливо отмечает профессор Г.В. Голосов, перечисленные выше факторы воздействовали на партийные системы отдельных стран комплексно. Поэтому при проведении сравнения нужно учитывать, как эти конфликты сочетались между собой. Когда они накладывались друг на друга во времени, результатом были крайне плюралистические системы с высоким уровнем межпартийной конкуренции. Примером может служить Северная Ирландия, где конфликтующие стороны — это, с одной стороны, ирландцы, сепаратисты, католики, рабочие, с другой — ольстерцы, юнионисты, протестанты, средний класс. Вообще говоря, конфликт между центром и периферией становится особенно острым и порой неразрешимым, если совпадает с противостоянием по какому-либо другому признаку. Не удивительно, что многие развивающиеся страны были вынуждены в 60-х гг. перейти к однопартийным системам: борьба между отдельными регионами и народностями начинала угрожать их территориальному единству. Если это не удавалось сделать вовремя, возникали интенсивные внутренние конфликты. Так, гражданская война в Нигерии унесла свыше миллиона человеческих жизней.

Тем не менее есть пример страны, которая, несмотря на всю глубину социальных и религиозных различий, сумела сохранить устойчивую либеральную демократию. Это Нидерланды, где с давних пор противостоят друг другу три политических блока — протестантский, католический и

либерально-секуляристский, а после войны в политическую игру активно включилось также рабочее движение. Каждый блок имеет прочную опору в определенном регионе страны, собственные профсоюзы, газеты, телерадиовещание, школы и т. д. Механизм, использованный политиками Нидерландов для того, чтобы избежать интенсивного внутреннего конфликта, был определен Арендом Лейпхартом как «консенсусная» (в более ранних работах ученого — «общественная») демократия. Ее главные характеристики: правительство большой коалиции, включающей, как правило, представителей всех основных блоков; право вето, позволяющее отстаивать интересы меньшинств; пропорциональное распределение правительственных заказов и субсидий между общинами; право каждой общины самой решать свои внутренние проблемы. В качестве других примеров «консенсусной демократии» иногда называют Австрию, Бельгию и Швейцарию. Правда, эти страны в разной степени справляются со своими трудностями. Меньше всего преуспела в этом Бельгия, где на социальные и религиозные различия накладываются еще и этнические¹.

6.3. Идеология как важный индикатор сравнения партий

Одним из существенных элементов сравнительного анализа политических партий является «идеология». При этом термин «идеология» в таком анализе должен рассматриваться в широком смысле этого слова. Он предстает и как система характеристик той или иной политической партии, и как совокупность ценностей, на основе которых действует данная партия. Причем эти характеристики и ценности приобретают различное значение с точки зрения интенсивности их влияния при проведении сравнительного анализа политических партий внутри одной и той же политической системы, между разными политическими системами и в разные временные промежутки.

Поясним. В США до самого недавнего времени ценности двух конкурирующих между собой политических партий так мало различались между собой, что идеология рассматривалась как некий вторичный элемент на фоне защиты ясно выраженных партийных интересов. При сравнении политических партий, принадлежащих к различным поли-

¹ См.: *Голосов Г.В.* Указ. соч. С. 171–175.

тическим системам, роль идеологий оказывается, подчас, весьма различной. Роль идеологической составляющей в деятельности политических партий, например, во Франции или Италии, имеет куда как большее значение, нежели в Германии или в Великобритании. Наконец, влияние идеологии меняется во времени. В 60-е гг. прошлого столетия велось немало разговоров вокруг темы «конца идеологий». И многое, казалось, подтверждало такие прогнозы и ожидания. Однако в последующем значение идеологий не только не сократилось, но даже несколько возросло, хотя сами идеологии претерпели немалые изменения.

Справедливости ради нужно сказать, что при проведении сравнительного анализа политологи нередко в последние десятилетия используют более размытые, нежели «идеология», понятия. Так, в работах ряда западных авторов используются понятия «политического темперамента» или «духовной семьи». Такая квалификация позволяет значительно лучше учитывать ориентацию тех или иных политических партий, например европейских христианско-демократических партий. Иногда оказывается оправданным сравнение и в рамках такого укрупненного подхода, как отнесение политических партий к левым или правым партиям в соответствии с их темпераментом. Однако упор на так называемые «духовные» элементы ориентируется на ценности и интересы политических партий настолько, что не остается места в сравнении для идеологии¹.

Ниже мы попытаемся в сжатом виде разделить по «семейному» (с точки зрения идеологии) признаку политические партии, действующие в различных странах стран зоны развитого капитализма.

6.3.1. Либеральные партии

Либеральные партии в Европе характеризуются достаточно ярким прошлым и имеют все основания претендовать на то, что западная демократия, как с точки зрения ее философии, так и устройства политических институтов, многое заимствовала из либеральной идеологии. Реализовав свое кредо, либеральные партии сумели во второй половине XX в. расширить свою социальную базу и добиться тем самым впечатляющих успехов на выборах. Более того, либеральная идеология в последние десятилетия оказала

¹ Seiler D.-L. *Partis et famille politiques*. P., 1980.

существенное влияние на программные установки многих своих политических соперников.

Термин «либеральный» появился в начале XIX столетия в Испании для обозначения сторонников Кадисской конституции 1812 г., которая провозглашала Испанию конституционной монархией. Этот термин позднее использовал английский мыслитель И. Бентам (1748 – 1832), а также французы Б. Констан (1767 – 1830) и Ф. Шатобриан (1768 – 1848). Общим местом для европейских либералов в XIX в. была враждебность по отношению к абсолютной монархии, а также нацеленность на защиту индивидуальных свобод и неуклонное расширение права голоса. Либералы выступали за утверждение конституционного режима, в рамках которого наиболее эффективно можно было бы обеспечить права и свободы граждан. Однако за общими принципами либерализма как идейного течения легко обнаруживаются различия в подходе к реформированию общества. Так, «консервативные» либералы, выступавшие с позиций защиты интересов буржуазии (орлеанисты во Франции, например), значительно в своих подходах отличались от «радикальных» либералов, выступавших в той же Франции против монархии и отстаивавших идеалы Республики. Такое разделение, конечно же, ослабляло влияние либерализма в политической жизни страны.

Известная разделенность сторонников либерализма сохраняется и в наши дни. Пример тому — либеральная партия в Германии. Эта партия образует в последние десятилетия правящую коалицию то с христианскими демократами, то с социал-демократической партией. Это позволяло ей практически постоянно находиться у власти. Были только три исключения: с 1957 по 1961 г. христианские демократы располагали абсолютным большинством в парламенте; в 1966 – 1969 гг. правительство опиралось на коалицию социал-демократов и христианских демократов; наконец, с 1998 г. с приходом к власти Шредера была сформирована коалиция социал-демократов с экологической партией «зеленых». Это означает, что последние несколько лет немецкие либералы оказались в оппозиции.

Что отличает немецких либералов? Во-первых, речь нужно вести о приверженности либералов к сотрудничеству со странами Восточной Европы, включая и бывший СССР. Во-вторых, либералы сдержанно относятся к сближению Церкви и государства, особенно в вопросах усиления религиозного влияния в школах. В-третьих,

либералы являются решительными противниками интервенционистской политики государства в экономике, что характерно для социал-демократов. И наконец, немецкие либералы являются решительными сторонниками дальнейшего развития свобод, а также идеи и практики правового государства.

Нужно сказать, что объединение Германии, произошедшее в конце 80-х гг., а также возросшая поляризация электорального соперничества, что привело, в частности, к усилению позиций партии зеленых, привели к известному упадку влияния либеральной партии. Так, на выборах 1998 г. партия смогла получить только 6,2 % голосов избирателей, и у нее осталась только одна перспектива — поддерживать христианских демократов.

Менее благоприятной ситуация для партий либерального направления все послевоенные годы была в Италии. Либералы не смогли найти свое место, будучи зажатыми между влиятельными социалистической и коммунистической партиями, с одной стороны, и христианско-демократической партией — с другой. Более того, либералы в Италии всегда были разделены на два течения. Одно из них представляла собственно либеральная партия, а второе — республиканская партия. Либеральная партия в первые послевоенные годы наиболее сильные позиции имела на Юге страны, что обеспечивалось контролем над клиентами, осуществлявшемся при помощи нотаблей. Однако, не имея возможности доступа к власти в стране, либеральная партия достаточно быстро утратила свое влияние на Юге, уступив свои позиции христианским демократам, и устремилась на завоевание поддержки избирателей на Севере и в Центре страны.

Что характерно для идеологических позиций либеральной партии Италии? Партия решительно выступала против экономического интервенционализма, характерного для левых Италии, а также против сохранения привилегированных отношений между государством и Церковью. В последние годы либеральная партия, как и большинство традиционных политических образований, включилась в политическую операцию «Чистые руки». И если либерализм сохраняет сегодня право на жизни в Италии, то это связано прежде всего с тем, что его носителем является консервативное по своей сути формирование в лице партии «Вперед, Италия». Для этой партии характерно нео-

либеральное видение вопросов экономического развития в сочетании с политическим и социальным консерватизмом. Для партии Берлускони характерна «размытая» идеология, что позволяет оформить довольно разнородную коалицию с Центром свободы, а потом Домом свободы, образованным партиями «Вперед, Италия», Лигой Севера и Национальным альянсом. Эта коалиция сумела победить на парламентских выборах 1994 и 2001 гг.

Британские либералы всегда были одним из наиболее влиятельных либеральных формирований Европы. Однако в течение XX в. они неуклонно утрачивали свои позиции. В течение довольно длительного периода (с начала 30-х и до начала 70-х гг. прошлого века) либералы получали в среднем около 11 % голосов избирателей. Однако в 1987 г. они получили 22,6 % голосов избирателей, а в 2001 г. — 18,3 %. Однако такой успех не носил устойчивого характера. Так, в 1970 г. либералы смогли получить только 7,5 %, а в 1979 г. — 13,8 % голосов избирателей на выборах. Надо учитывать и то, что мажоритарная система голосования в один тур приводила к тому, что даже в успешные с точки зрения успехов на выборах годы представительство либералов в парламенте было ограниченным (52 депутата в 2001 г.).

Как объяснить падение влияния либералов на протяжении довольно длительного периода? Большинство объяснений сводятся к тому, что сказалось воздействие расширения корпуса избирателей в 1918 г. Это — во-первых. Во-вторых, сказалось усиление классовых различий, что является влиятельнейшей переменной для партийной системы. И в-третьих, отрицательно на результатах выборов сказалась непрекращающаяся внутренняя борьба в партии между лидерами. Однако вряд ли есть основания для того, чтобы предекать дальнейшее падение влияния либеральной партии. В условиях победного утверждения на мировой политической сцене либерализма, получившего, по сути дела, всемирное распространение, либеральная партия Великобритании может обрести второе дыхание. Это может проявляться по трем направлениям. Прежде всего британские либералы с их традициями индивидуализма будут, наверняка, добиваться ослабления концентрации власти на всех уровнях государственной организации и будут предлагать введения «соуправления» в промышленности или «федерализации» Великобритании. Во-вторых, либералы всегда были сторонниками отказа от *«политик противни-*

ков», т. е. механизмов и процедур, которые утверждают и увековечивают двухпартийную систему. Речь в этом случае идет о необходимости проведения электоральной реформы. Наконец, либералы всегда были сторонниками открытости Объединенного королевства к внешнему миру (поддержка деятельности ООН, кампания в пользу дальнейшей европейской интеграции и либерализации обменов). Эти и некоторые другие позиции либералов могут открыть для них перспективу составить серьезную конкуренцию лейбористам и консерваторам.

Не составляет труда увидеть, что, несмотря на различия в подходах различных либеральных партий, европейские либералы имеют немало общих позиций: привязанность к поддержке и дальнейшему развитию индивидуальных свобод и защита частной собственности; недоверие по отношению к государству и его интервенционизму в различных областях общественной жизни; открытость к внешнему миру и особенно по отношению к европейским партнерам. Несмотря на то, что участие либералов в деятельности правительств не очень сильно выражено во многих странах, их политические влияния, как правило, оказываются куда как более значительным, чем влияние на электорат. А потому либеральные партии занимают значительное место в западных политических системах как с точки зрения их участия во власти, так и с точки зрения защиты идеологического наследия демократических политических систем.

6.3.2. Консервативные партии

Контурсы консервативной идеологии достаточно трудно определить по различным соображениям. С одной стороны, варианты этой идеологии являются многочисленными и изменчивыми, а с другой — очень редко (если не считать пример Великобритании, где утвердилась единая консервативная партия) консервативная идеология представлена одной партией.

Термин «консервативный» появился в XIX в. как реакция на Французскую революцию. Шатобриан¹, как известно, в 1817 г. стал издавать журнал «Консерватор», а в 1835 г.

¹ Франсуа Рене де Шатобриан (1768 – 1848) — французский писатель, выразитель идеологии дворянско-монархической реакции.

сэр Роберт Пиль¹ объявил так называемые *консервативные принципы*, что стало предпосылкой для превращения Тори в консервативную партию. Нужно сказать, что Великобритания является единственной страной, где консерваторы ясно выражают свою идентичность. Во многих других странах, например во Франции, консервативное течение имеет разное выражение в лице партий. При этом нужно учитывать конкретный политический аспект.

О чем идет речь? В XIX в. консерваторы открыто и с некоторой гордостью заявляли о своей приверженности к контрреволюционным ценностям и не испытывали сомнений в своем противопоставлении ценностям либералов и радикалов. Главное, с их точки зрения, нужно быть преданным национальным традициям. Поэтому, например, во Франции они высказывались за восстановление монархии. Хотя по данному вопросу у французских консерваторов не было единства. Они, как известно, делились на легитимистов и орлеанистов, что было связано с приверженностью и того и другого крыла консерваторов к различным концепциям монархии.

Не были едиными консерваторы и в Испании в том же XIX в. Здесь линия раздела проходила по линии отношения к Церкви и государству. В Италии запрет на участие в политической жизни для католиков, провозглашенный Ватиканом (он действовал вплоть до 1919 г.), помешал образованию сильной партии консерваторов. Власть правых сил в период с 1860 по 1876 г. обеспечивалась цензорным голосованием, что позволяло им как миноритарной силе находиться у власти. Победа левых в последующем еще более затруднила перспективу превращения консерваторов в значительную политическую силу. А. Грамши по этому поводу писал: «Можно утверждать, что вся политическая жизнь Италии, начиная с 1848 г., отмечена преобразованием, в ходе которого формировался все более широкий по своему составу правящий класс, в рамках, установленных после 1848 г... через непрерывное, но нарастающее возвращение... наиболее активных элементов, которые выдвигались или из групп союзников, или из групп противников, которые очень походили на

¹ Пиль Роберт (1788–1850) — премьер-министр Великобритании в 1834–1835 и 1841–1846 гг. Лидер пилитов. В 1822–1827 и в 1828–1830 гг. министр внутренних дел. В 1846 г. провел в интересах промышленной буржуазии отмену хлебных законов.

врагов»¹. Создание Народной партии и Христианско-демократической партии (ХДП) в послевоенные годы стало дополнительным препятствием для формирования влиятельного консервативного течения. Правда, некоторые политологи в Италии далеко небезосновательно утверждали уже в 80-е гг. прошлого века, что ХДП по своей сути и ориентации всегда была консервативной партией как с точки зрения своей социальной базы, так и с точки зрения тех интересов, которые она всегда отстаивала. Напомним, что долгие годы ХДП была самой влиятельной партией в Италии. Падение ее авторитета влияния произошло в 90-е гг., что было связано с теми скандалами, которые привели к значительным изменениям всей политической системы. И ныне, как известно, она как единое политическое формирование перестала существовать. Ее представляют несколько маленьких образований, которые претендуют на наследование ХДП.

Однако консервативное политическое течение в наши дни представляют другие формирования. Прежде всего назовем партию «Вперед, Италия», созданную нынешним главой правительства страны С. Берлускони. Эта партия соединяет, с одной стороны, экономический неолиберализм, а с другой — политический консерватизм. Она стремится к обновлению итальянской политической жизни, в которой, по убеждению ее лидеров, центральное место должно принадлежать коалиции правых сил.

Наряду с сохраняющимися связями консервативного течения с Церковью, другая составляющая консерватизма представлена отношением его к нации, национализму. Партия консерваторов естественным образом обращает свое внимание на вопросы отношения государства к так называемым посредническим коллективам, которые были разрушены революционерами или которые могут быть разрушены под влиянием дальнейшего роста централизаторского начала в руководстве политической жизнью. В этой связи можно вспомнить об ультра 1815 г. как представителях консервативного течения в Германии, которые противились утверждению прусского господства (например, немецкая партия в Ганновере, выступавшая против аннексии своей территории Пруссией в 1866 г., в 1881 г. получила около 40 процентов голосов избирателей). Подобное имело место

¹ Cf. Mény Y., Surel Y. Op. cit. P. 64.

и во Франции, когда в межвоенный период среди населения немалым влиянием пользовалась организация Аксьон франсэз, а потом правые и консервативные идеи получили практическое выражение в период так называемого режима Виши во Франции.

Немало сторонников консервативных взглядов всегда было в США. Исторически бывает и так, что противники дальнейшей централизации государства становятся яркими националистами. Пример тому правое крыло итальянского Единства, которое стало и якобинским, и националистским, Бисмарк, который был националистом, или республиканцы под руководством Линкольна, ставшие активными сторонниками федерализма. Британские консерваторы на протяжении длительного времени выступают против независимости Ирландии, а французские бонапартисты — против автономии провинций.

Войны и поражения в них, колониальные захваты, а потом распад колониальных империй также становятся факторами, которые как бы меняют привычную классификацию партий и течений консервативного толка, позволяя им преодолеть традиционное разделение. Так, в период с 1870 по 1914 г. Франция оказалась под сильным влиянием националистической идеологии. Росту влияния национализма способствовали военные поражения Германии. В Италии ущемление в итоге победы национальных интересов в сочетании с экономическим кризисом содействовали усилению влияния консерватизма, что было использовано для утверждения фашистского правления. Во Франции политика деколонизации привела к тому, что крайне правое крыло консерваторов выступило против генерала де Голля.

Консерватизм всегда характеризовался привязанностью к защите частной собственности, принципу авторитета и сдержанному отношению к всеобщему голосованию, распространение которого консерваторам удавалось сдерживать вплоть до начала XX столетия. Но и здесь подходы различных групп консерваторов существенно различались. Так, выступая против интервенционизма государства и в поддержку частной собственности, консерваторы, по сути, всех западных стран, сумели приспособиться к требованиям, которые выдвигала практическая реализация идеи государства всеобщего благоденствия. Генерал де Голль весьма успешно провел послевоенную национализацию, а в 60-е гг. активно проводит дирижистскую политику в руководстве

экономикой. ХДП Италии не только унаследовала все то, что было связано с экономической политикой Муссолини, но и усилила ее во многом в 60-е гг.

В последние два-три десятилетия все более явственно дает о себе знать некая идейная трудность, с которой столкнулся современный консерватизм. Выявился некий пессимизм сторонников консерватизма в отношении места и роли индивида в общественном развитии, что предполагает укрепление авторитета и всего того, что с ним связано; несколько презрительное традиционное отношение консерваторов к идее прогресса сталкивается с тем, что в жизни без опоры на, например, экономический прогресс невозможно осуществлять необходимые изменения и преобразования в общественной жизни.

Как показывает политическая практика, в тех странах, где утвердился консерватизм как единое и влиятельное политическое течение, все противоречия указанного течения разрешаются в рамках той политической партии, которая его представляет. Пример тому — Великобритания, Италия, хотя и в меньшей степени. Там же, где так и не была сформирована сильная и единая консервативная партия, консерватизм выражают различные по своему влиянию группы и течения, как это имеет место, например, в случае крайне правых во Франции, итальянскими христианскими демократами и социального движения в Италии (неофашистская партия) вплоть до начала 90-х гг. прошлого столетия.

Наконец, нельзя не сказать о том, что идеологические основы консервативных партий после Второй мировой войны претерпели значительные изменения. Это было связано с тем, что, во-первых, во многих странах консерваторы были правящими партиями, что побуждало их неизбежно постоянно идти на компромиссы со своими соперниками. Во-вторых, будучи зависимыми от итогов избирательных кампаний, они были вынуждены искать электоральной поддержки от широких слоев населения, а это требовало выдвижения таких целей и лозунгов, которые неизбежно отходили от традиционных основ консервативной идеологии. И наконец, не имея четкой и вполне определенной идеологической программы, консерваторы легко включали в свой арсенал те требования, которые диктовались ситуацией и моментом, что невозможно было представить, например, в XIX в.

Прагматизм стал отличительной чертой консерватизма в 70 – 80-х гг., когда стало усиливаться влияние так называемых новых правых. Наибольшего влияния консерваторы достигли в период правления американского президента Р. Рейгана и премьер-министра Великобритании М. Тэтчер. Есть основания полагать, что в США в последние годы влияние консерваторов продолжает возрастать. Это продемонстрировала победа на выборах Д. Буша, чья избирательная кампания прошла под знаком консерватизма.

6.3.3. Крайне правые политические партии

Партии крайне правого политического выражения имеют хаотическую историю. Это показано в целом ряде научных исследований¹. В конце прошлого столетия отчетливо выявилась тенденция ко все большему соединению крайне правых взглядов с популизмом и многими позициями левых сил. Так, под влиянием фашизма крайне правые в Италии смогли остановить процесс демократизации страны; нацизм покончил с Веймарской республикой и повернул развитие страны на путь кровавого расизма; в течение ряда десятилетий в своей корпоративистской форме крайне правые господствовали в Испании и Португалии. Союз крайне правых с военными утвердился в качестве правящей силы в ряде стран, образованных после заключения Версальского договора. Речь идет о Венгрии, Польше, Румынии и т. д. Крайне правые силы активно поддерживали режим Виши во Франции, а также были решительными противниками прекращения французского присутствия в Алжире при генерале де Голле.

Правда, в послевоенные годы, особенно начиная с 60 – 70-х гг. крайне правые неуклонно утрачивали свои позиции. Это получило свое прямое выражение в утрате крайне правыми партиями значительной части бывлой поддержки избирателей. Так, на президентских выборах 1965 г. во Франции лидер крайне правых Ж.-Л. Тиксье-Виньянкур сумел получить поддержку только 5,27 % избирателей. Подобным же образом Итальянское социальное движение

¹ Perrineau P. *Le symptôme Le Pen*. P., 1997; Mayer N. *Ces Français qui votent FN*. P., 1999; Betz H.-G., Immerfall S. (dir.) *New Politics of the Right, Neo-Populist Parties and Movement in Established Democracies*. New York, 1998; Perrineau P. (dir.) *Les croisés de la société fermés. L'Europe des extrêmes droites*. La Tour d'Aigues, 2001.

под руководством Д. Альмиранте, активного сторонника фашистского режима Муссолини, не смог получить и 5 % голосов.

Однако в 90-е гг. прошлого столетия картина начинается меняться в силу ряда причин, в том числе и связанных с экономическими трудностями в ряде стран Западной Европы. В ряде стран в последние годы крайне правые усиливают свои позиции, получая электоральную поддержку значительной части населения западных стран. Началась так называемая «молчаливая революция». Ее питали такие факторы, как растущая иммиграция и либерализация нравов. На пользу правых действовали популистские лидеры, которые предлагали решительные меры авторитарного толка для разрешения проблем в своих странах. Эта тенденция дала о себе знать в ряде бывших социалистических стран, ставших на путь демократизации, а также и в Западных странах. Так, во Франции стал получать активную поддержку избирателей Национальный фронт Ж.-М. Де Пена. Такая же тенденция отмечена в Бельгии и в Австрии. В Италии трансформация Итальянского социального движения в менее радикальную и более «представительную» партию в лице Национального альянса смогла утроить поддержку избирателей, в том числе и за счет голосов бывших сторонников ХДП, в частности, на Юге страны.

Что отличает сегодня крайне правые партии? Если прежде движения фашистов и нацистов опирались на идеологию, ориентированную на отказ от демократических ценностей, то ныне крайне правые строят свою деятельность на идеях, поднимающих только некоторые острые темы. К ним относятся неприятие иммигрантов и элит, находящихся у власти. Большинство крайне правых партий в Западной Европе, например, не требуют устранения демократии. Для их речей характерен налет популизма, в частности, стремление восстановить суверенитет народа, а также ими выдвигаются требования отстранения от власти коррумпированных элит, оторвавшихся от граждан. Более того, крайне правые партии стремятся использовать все возможности представительной демократии: активно участвуют во всех избирательных кампаниях; избранники этих партий выполняют функции исполнительной власти в органах местного управления и самоуправления; они представлены в парламентах ряда стран, в том числе и в Европарламенте. Более того, иногда крайне правые партии

поддерживают консервативную коалицию, как это было в 1994–2001 гг. в Италии.

В то же время крайне правые партии сохраняют в своей организации и деятельности классические характеристики партий этой политической тенденции. Прежде всего они в большей или меньшей степени формируются и действуют, объединившись вокруг харизматического деятеля. Так, во Франции таким лидером является Ж.-М. Ле Пен, а в Италии — Умберто Босси.

Другая черта, характерная для деятельности крайне правых партий, связана с их приверженностью к политическому насилию. Это насилие находит свое выражение прежде всего в риторике, свойственной этим партиям. В риторике лидеров крайне правых партий содержится много общего с тем, что историческим было представлено трибунами из числа экстремистов еще в 30-е гг. прошлого столетия.

Наконец, отношения лидеров крайне правых партий, как, впрочем, и самих этих партий, к прошлому характеризуются двусмысленностью. Не отказываясь от прошлого открыто, лидеры крайне правых партий стремятся проводить в жизнь стратегию интеграции вокруг себя все большего и большего числа граждан своей страны. Правда, время от времени звучат в разных странах скандальные заявления лидеров этих партий. Так, Ж.-М. Ле Пен назвал «историческими деталями» газовые камеры времен правления в Германии А. Гитлера. Скандально прозвучала оценка социальной политики гитлеровской Германии из уст австрийского лидера крайне правой партии Хайдера. Не менее скандально выглядела попытка Лиги Севера в Италии провести марш на Рим как эхо такого марша, проведенного под руководством Муссолини, который его привел к власти.

Такая позиция крайне правых партий в сочетании ограниченностью поднимаемых ими тем политической жизни многое объясняют в вопросах о том, почему эти партии, несмотря на отдельные достаточно высокие электоральные результаты, не имеют значительного влияния в обществе. Сказывается и то, что внутри этих крайне правых формирований постоянно происходят расколы. Скандальное политическое поведение лидеров указанных партий затрудняет им заключение союзов или вступление в коалицию с правыми партиями. К слову сказать, в этом заложена основа для того, что часть активистов крайне правых партий с определенной постоянностью отходят,

хотя и по разным причинам, от участия в их деятельности и переходят в другие консервативные партии.

Однако в наши дни нет никаких оснований списывать крайне правые партии в архив. Некоторые из них характеризуются «позитивной» динамикой, подобно *Vlaams Blok* в Бельгии. То же самое можно сказать и о консервативной партии в США, позиции которой заметно окрепли за годы президентства Д. Буша.

6.3.4. Христианско-демократические партии

ХДП не являются исключительно католическими партиями. Так, скандинавские ХДП являются по своему составу преимущественно протестантскими. Хотя, справедливости ради, нужно сказать, что наиболее сильное влияние имеют именно католические по своему составу и ориентации партии (Бельгия, Италия, Германия).

Становление и развитие ХДП было обусловлено контекстом политического пейзажа, в частности, существованием либеральных или радикальных политических партий, которые представляли конкретную угрозу для Церкви и рядовых католиков. Показательно, что нет христианских демократов в Испании и Ирландии, где все остальные партии демонстрируют свое уважение к Церкви.

Как мы уже отмечали выше, в 60–70-е гг. прошлого столетия открылись более широкие возможности для сближения доктрин консерваторов и ХДП. Пессимизм в отношении человеческой природы, привязанность правых к защите собственности, посреднических групп, авторитету личности стали основой для союзнических отношений консерваторов и христианских демократов.

Нужно сказать, что ХДП в Европе возникли на основе двойного отрицания. С одной стороны, отрицания подходов крайне консервативных сил, не испытывавших желания заниматься «социальными вопросами», а с другой — отрицания подходов самой Церкви, которая изначально выступала решительно против формирования и деятельности католических партий. И тем не менее в начале XX в. образование ХДП стало фактом в целом ряде стран.

Условия, в которых происходило образование и становление ХДП, не могли не сказаться на идеологии и программах этих партий. Так, одной их характерных черт христианско-демократической идеологии является отказ

от экстремистских доктрин, которые были свойственны начальному периоду капитализма, с одной стороны, и марксизму — с другой. И та и другая доктрины являли собой две разновидности материализма, который, по своей сути, был неприемлем для Церкви. Для религиозного течения духовное всегда имеет большую ценность, нежели материальное и экономическое. И именно в этом пункте христианские демократы отличаются от консерваторов, для которых социальное является маргинальным феноменом по отношению к экономическому.

Такой подход имел серьезные политические последствия, особенно после Второй мировой войны. Это нашло свое отражение в семейной политике во Франции; в поддержке ремесленников, коммерсантов и мелких крестьянских хозяйств в Италии; в политике участия в управлении горной промышленности и металлургии в Германии.

Однако своеобразная равноудаленность христианских демократов от капитализма и социализма не могла длиться очень долго. Это было так прежде всего потому, что послевоенные успехи христианских демократов были связаны с исчезновением или значительным ослаблением традиционных правых сил после крушения авторитарных режимов в Италии, Франции и Германии, а не с ростом авторитета новых формирований. Нужно сказать, что организации христианских демократов в этой ситуации получили поддержку умеренной части электората правых партий. А потому ХДП имели свою нишу, в которой они отходили от традиционных позиций правых партий и от излишне консервативной позиции консервативной же части руководства партии. В итоге получалась весьма непростая ситуация для некоторых партий. Так, Народно-республиканское движение во Франции, сохраняя верность своим идеалам, которые расходились постепенно с ориентацией и тенденциями в электорате, стало утрачивать свое влияние среди избирателей, а потом и просто перестало существовать. Иная ситуация сложилась для ХДП в Германии. В условиях холодной войны она получила значительную поддержку со стороны избирателей, хотя и приглушила свою критику капитализма.

Вторая характерная черта христианских демократов связана с тем значением, которое они придают вопросам образования и морали. В течение длительного времени ХДП выстраивали свою позицию с оглядкой на позицию Церкви. Это тормозило их интеграцию в партийную систему своей

страны. В Германии, как и в Италии, и во Франции, всегда было большое число учителей, связанных с религиозным образованием. И они, будучи активными участниками партийной жизни ХДП, нередко вступали в конфликт с другими членами партии. И вопросы отношений Церкви и государства вызывали немало противоречий в партийной жизни этих партий. Однако в 80-е гг. прошлого века в той или иной мере эти вопросы нашли свое разрешение.

В центре доктринального подхода ХДП находились и вопросы брака, разводов, контрацептивов, аборт. И Церковь по этим вопросам долго занимала непреклонную позицию: она выступала решительно против разводов, контрацептивов и абортов с позиций защиты семьи и брака. Эту линию до определенного времени были вынуждены поддерживать и ХДП. Но и по этим вопросам удалось найти приемлемое решение, разделив личные религиозные убеждения и требования, связанные с программными установками партий. Учитывалось, в частности, то, что происходили глубокие изменения в электорате. Если верующими во Франции, Италии и Германии себя считали около 90 % граждан, то регулярно практикующие католики и протестанты не превышали 10–15 %. Остальные же испытывали на себе все меньшее влияние папы и религиозных деятелей. И ХДП вынуждены были следовать за теми изменениями, которые происходили в электорате: все большая часть ее электората стала голосовать за светские партии.

И еще одна отличительная черта христианских демократов в послевоенное время характеризуется тем, что члены этих партий, как, впрочем, и других партий, все больше ощущали себя европейцами. Объяснением этому было то, что руководители ХДП были членами наднациональной Церкви, а сообщество верующих далеко выходило за рамки национальных границ. И потому среди верующих постепенно укреплялось убеждение в необходимости дальнейшего объединения Старого континента.

6.3.5. Социал-демократические партии

Утверждение идей социализма в Европе еще в XIX в. определило изменение в отношениях политических партий с избирателями и институтами, а также отношения между политическими партиями. Социалистические партии возникли как партии рабочего класса, ведущего борьбу с

буржуазными институтами, с либералами и радикалами как сторонниками сложившегося общественного и политического порядка. Появление социалистических партий стало симптомом упадка, а в отдельных случаях и исчезновения либеральных партий. Нужно сказать, что изначально сила социалистических партий определялась не активизмом их членов и не представленностью их в парламентах. Куда большее значение имело *дестабилизирующее значение* для монархий или для буржуазных республик того времени *социалистических партийных программ*.

Следует сказать, что социалистическое движение характеризовалось также внутренним разделением, признаком чего было множество их доктрин. Можно указать, к примеру, на «утопический коммунизм» Прудона или Фурье, реформизм Луи Блана или Пьера Леру во Франции, позиции которых значительно отличались от воззрений К. Маркса и Ф. Энгельса, изложенные ими в 1848 г. в «Манифесте коммунистической партии». Так, Маркс и Энгельс подвергали решительной критике элитистские концепции Лассаля («Критика Готской программы», 1875), который подозревался основоположниками марксизма в национализме и компромиссе с буржуазным государством. Они решительно осуждали Бакунина и анархистов вообще, которые были решительными противниками государства, но не боролись против причин его возникновения (капиталистическое накопление).

На разделенность социалистического движения сказалось воздействие национальных факторов, в частности, специфика укорененности идей социализма в той или иной стране. В Германии и во Франции марксизм был активно воспринят по-разному социалистами. В Германии была создана крупная социал-демократическая партия еще в 1875 г. В чем сказалось широкое распространение марксистских идей, а также активная позиция Карла Каутского и Розы Люксембург. Во Франции переводы работ Маркса и Энгельса появились значительно позднее. И только в начале XX в. они стали известны широкому активу и то благодаря гедистам, которые, в свою очередь, доносили до актива несколько упрощенную версию марксизма.

В России марксизм получил широкое распространение. На его базе было создано мощное народное движение, которое завершилось победой партии большевиков в октябре 1917 г., когда была совершена победоносная революция. По

инициативе В.И. Ленина позднее был создан III Интернационал, который поделил, в свою очередь, социалистическое движение на коммунистов и реформистов. Первые активно поддерживали Москву и были враждебны по отношению к буржуазии, вторые образовали умеренно-реформистское течение.

Кроме идеологических существовали и организационные различия между партиями социалистической ориентации. Многие из них для мобилизации населения, и прежде всего рабочего класса, использовали многочисленный партийный аппарат. Так, в конце XIX в. немецкая социал-демократическая партия насчитывала около 40 000 активистов. Именно благодаря активу и аппаратным работникам эта партия получила на выборах 1 400 000 голосов, что обеспечило ей 35 депутатских мест в парламенте. Итальянская социалистическая партия смогла организационно оформиться только в 1891 г., а профсоюзы объединились в конфедерацию только в 1907 г. Во Франции политические и организационные структуры под влиянием сильных анархо-синдикалистских традиций оказались разделенными. И наоборот, в Великобритании на основе объединения партии и профсоюзов сформировалась лейбористская партия.

Социалистические, а потом и коммунистические партии стали партиями сильно привязанными к идеологии, доктрине, программе. И несмотря на значительные различия между ними, есть возможность дать характеристику основных черт этого типа партий.

Экономика

Многие партии данного типа по вопросам экономики занимали, подчас, весьма радикальные позиции. Большинство социал-демократических, а потом и коммунистических партий решительно выступали за регулируемые рыночные отношения вплоть до национализации предприятий. Это особенно наглядно проявилось после Второй мировой войны, когда, например, в Великобритании была проведена масштабная национализация в промышленности. И не без влияния такой политики на выборах лейбористы терпят поражения в 1951, 1955 и 1959 гг. И только после 15-летнего господства консерваторов лейбористам удалось внести коррективы в свою программу и деятельность, что позволило им в 1997 г. вернуться к власти в стране.

При этом программа партии больше не была нацелена на защиту интересов рабочего класса. На переднем плане у лейбористов отныне находятся интересы и требования так называемого среднего класса.

В 80-е гг. прошлого века во Франции социалистическая партия в союзе с коммунистами и левыми радикалами также предприняли попытку национализации ряда предприятий и банков. Правда, достаточно быстро французские социалисты отказались от этой идеи, высказавшись за смешанную экономику, а потом они начали проводить даже денационализацию предприятий.

Итальянские социалисты и коммунисты действовали более прагматично. Они отказались от идеи национализации, признав реалии смешанной экономики.

Приход к власти и ее осуществление

Одним из ключевых моментов, разделявших всегда социалистов (социал-демократов) и коммунистов, был вопрос завоевания и осуществления власти. Первые считали и считают, что завоевание власти должно осуществляться на основах законности и через победу на выборах. Вторые же строили свою стратегию на насильственном завоевании власти в последующей перспективе разрушения буржуазных институтов политического господства. Примером для них была победоносная Октябрьская революция в России в 1917 г.

Угроза нацизма и фашизма, гражданская война в Испании внесли некоторые коррективы в стратегию западных коммунистических партий, которые извлекли уроки из отказа немецких и итальянских социалистов сотрудничать с буржуазными политическими партиями с тем, чтобы противостоять Гитлеру и Муссолини. Отражением этого изменения стала политика Народного фронта во Франции и в Испании.

Война и участие в движении Соппротивления позволили после разгрома фашизма итальянским и французским коммунистам вплоть до начала холодной войны войти в правительство своих стран. В последующем вплоть до начала 80-х гг. французские коммунисты ни разу не участвовали в правительстве, хотя продолжали оставаться достаточно влиятельной политической силой, получая до 20 % голосов избирателей в 70-е гг. Однако позднее, после в целом далеко не положительного для партии опыта правительственной

деятельности совместно с социалистами, партия утратила свое влияние. Она получает в настоящее время максимум от 7 до 10 % голосов избирателей на выборах.

Иную стратегию осуществляла в своей деятельности Итальянская коммунистическая партия. Выдвинув идею достижения национального единства, ИКП исходила из того, что она не сможет единолично управлять страной. И выдвинула идею проведения стратегии «исторического компромисса». На этом пути ИКП стремилась извлечь уроки из прошлого и учесть те трудности, с которыми столкнулось в целом коммунистическое движение в 60–70-е гг. В итоге ИКП полностью интегрировалась в партийную систему страны в 90-е гг. При этом оказалось, что позиции ИКП значительно окрепли. Она стала получать до 25 % голосов избирателей на выборах. Окрепили и позиции социалистической партии, которая смогла в 1987 г. получить почти 15 % голосов избирателей. Это не могло не сказаться на идеологических основах партии. После съезда ИКП в 1989 г. партия перестала использовать определитель «коммунистическая» в своем названии и вообще изменила свое название.

Социал-демократические партии в ряде стран в послевоенные годы стали правящими партиями в своих странах. Это также наложило отпечаток на облик и риторику этих партий. Эти партии перестали называть себя партиями рабочего класса, стремясь превратиться в партии всего народа. В Великобритании, Германии, Италии социалисты не раз возглавляли и возглавляют правительство, прочно войдя в сложившуюся партийную систему.

Интернационализм

Изначально социалистическое движение было объединено в Рабочем интернационале. Он был создан в Лондоне в 1864 г. Непрерывные идейные конфликты с прудонистами и анархистами привели к тому, что штаб-квартира Интернационала была перенесена в Нью-Йорк.

В 1889 г. в честь столетия Французской революции был образован II Интернационал. Это объединение было сформировано на утверждении о том, что пролетарии не имеют отечества, и что национализм есть порождение буржуазной культуры. Этот Интернационал потерпел сокрушительное поражение с началом Первой мировой войны. Несмотря

на многочисленные попытки, французские, британские и бельгийские социалисты так и не смогли сесть за один стол для переговоров с немецкими социалистами.

После войны, как мы уже отмечали, В.И. Ленин и его соратники сформировали III Интернационал, в который вошли представители левого крыла социалистических партий. И началась решительная идейная борьба между сторонниками Ленина и большевизма и их противниками. Эта атмосфера борьбы и ненависти вновь была воссоздана уже после Второй мировой войны, катализатором которой стала «холодная война». Это возвещало кризис коммунистического движения. Своеобразными вехами его были репрессивные меры, предпринятые по инициативе СССР в Берлине и Будапеште, секретный доклад Н.С. Хрущева на XX съезде КПСС, ввод войск в Чехословакию и Афганистан. Западные коммунистические партии (Италии, Испании, Франции) попытались осуществить в целом неудавшуюся попытку создания течения «еврокоммунизма», которое по своим стратегическим ориентирам пыталось осуществить новую линию в политике и в революционной деятельности. С падением СССР положение во многих коммунистических партиях стало просто катастрофическим.

Правда, остается действующим социалистический Интернационал, объединяющий социалистов и социальных демократов Европы. В его рамках проводится гибкая политика, в том числе и в вопросах интернациональных связей партий социал-демократической ориентации.

6.3.6. Регионалистские и экологические партии

Относящиеся к этой категории политические партии различаются между собой по идеологии, организации, месту действия, а также по своему политическому и электоральному влиянию. Но у них есть нечто общее. Их интересы связаны почти всегда только с одной проблемой. А все остальные проблемы имеют второстепенное значение. Так, регионалисты и экологи чаще всего связывают свою деятельность с одной территорией, либо с позиции культуры с точки зрения ее сохранения. И в том и в другом случае речь идет о спасении своей идентичности, которой угрожают или иные культуры, или более могущественные элиты, или рассматриваемое как разрушительное экономическое развитие.

Европейские регионалисты чаще всего связаны с сохранением меньшинств, особенно в унитарных государствах, где возникает опасность для национальных меньшинств, связанная со стремлением государств их полностью интегрировать.

Проблема регионализма как политическая встала на Западе в 60–70-е гг. прошлого века. Феномен регионализма заявил о себе в таких странах, как Испания, Бельгия, Великобритания, Италия и Франция. Правда, его политическое выражение значительно различалось в разных странах. В некоторых странах партии регионалистов либо не существуют, либо имеют незначительные позиции, но дает о себе знать специфика голосования. Пример тому — голосование христианских демократов в Эльзасе. В других случаях, например в Бельгии, партии организованы по региональному признаку, и их влияние таково, что они ведут дело в дезинтеграции государства. Федерализация Бельгии, произведенная в 1993 г., не является конечной точкой движения, начало которому было положено еще в 70-е гг. Речь нередко идет о том, что разделение двух сообществ (валлонцы и фламандцы) может стать реальностью.

Приведенные нами примеры — это две крайности. Между ними есть немало примеров деятельности регионалистов в разных странах, которые доставляют немало забот властям.

Идеология регионализма исповедуется организациями, сформированными на добровольной основе, хотя чаще всего они не получают значительной электоральной поддержки. Регионалистские партии почти повсеместно являются немассовыми партиями. Однако их влияние нередко оказывается значительно бóльшим, чем это выражают результаты выборов. Первостепенное значение при этом приобретают доктринальные установки рассматриваемых нами партий. Эти установки подвержены значительным изменениям во времени. Так, во Франции вплоть до 50-х гг. прошлого века регионализм представлял собой одно из выражений движения правых сил, которое характеризовалось в известном смысле реакционным содержанием идеологических установок, ностальгией по прежним, традиционным формам культуры, экономики и администрации. Однако с течением времени это движение радикализировалось, соединив в себе язык и методы действия левых и крайне левых сил. Французские регионалисты в итоге превратились

в движение, тяготеющее к левым в большей мере, чем к правым. Тезисы «внутреннего колониализма» и зависимости стали составной частью такого рода движений во Франции и Великобритании, превратившись в инструмент политического выражения интересов значительной части интеллигенции и части средних классов городов. Такая трансформация сопровождалась критикой как институтов, так и логики развития западных демократических режимов. Регионалисты, организуя коллективное действие, нередко выходят за рамки закона, прибегая к террористическим актам, как это имеет место на Корсике и в Испании, если речь вести о басках.

В Италии регионализм получил иное выражение. Христианская демократия в 1946 – 1947 гг. способствовала тому, что регионализм стал выражать некую демократическую «гарантию» от чрезмерной централизации власти. В послевоенные годы, например, Итальянская коммунистическая партия решительно выступала за расширение пространства региональных властей, что рассматривалось как одно из средств борьбы против гегемонизма ХДП в политической жизни. Особое выражение регионализм получил в трех регионах (Валь д'Аост, Альто-Адидже, Фреуль-Венеция-Жюльен) и на двух островах (Сардиния и Сицилия), отмеченных лингвистической, культурной, экономической идентичностью. Следует сказать и о том, что в последние годы итальянский регионализм получил неожиданную трансформацию, что отразило возникновение *Ligi Севера*, которую возглавил Умберто Босси. Рождение этой организации связано с набирающим силу недовольством ряда социопрофессиональных категорий Севера Италии, прежде всего налоговой политикой, ориентированной на поддержку регионов Юга Италии, где экономическое развитие значительно уступает регионам Севера страны.

Поверх этих различий, подчас достигающих немалых величин, начиная с 70-х гг. прошедшего столетия, немалый интерес представляют собой осмысление идеологических корней регионалистских движений и партий. При проведении сравнения, видимо, необходимо учитывать тот факт, что не существует какого-то одного общего объяснения природы и содержания деятельности регионалистски настроенных и выраженных движений и политических партий. Такими объяснениями не являются ни язык, ни культура, ни религия и ни низкий уровень экономического

развития. И тем не менее нужно сказать, что идеология регионализма, как правило, является результатом соединения двух элементов: особой идентичности, которая может быть культурной, религиозной или экономической, с одной стороны, и изменений экономической и социальной жизни — с другой. Эти социальные изменения могут иметь негативный (экономический кризис) или позитивный (трансформация или экономический рост) характер. Такого рода изменения в определенной ситуации могут вызывать к жизни требования регионального характера, а вместе с ними и некие, связанные с ними, идеологические установки. Это означает, что регионализм становится нередко инструментом артикуляции разнородных интересов, объединенных конкретной территорией.

Радикальные «регионалисты», которых нередко рассматривают как националистов, выступают с позиций формирования Европы регионов, которая была бы свободной от господства государств-наций. Кроме того, в последние годы немалый интерес вызывает идея формирования новых государств. Этим путем пошли отдельные составные части бывших единых государств. Пример тому — создание Словакии, Чехии, Хорватии, Словении и некоторых других новых государств в Европе. Проблема меньшинств и национальностей, которая заявила о себе еще в XIX в., снова стала вопросом политической повестки в ряде стран Восточной Европы, а также в Испании, Бельгии, Великобритании и даже Италии.

Такая же смесь консерватизма и радикализма характерна и для экологических движений и партий, избиратели которых исповедуют самые различные идеологии, начиная от марксистской и вплоть до сторонников идеологии сельских правых партий и движений.

Что представляет собой идеология экологических партий и движений? Участники такого рода движений, как правило, отказываются от развития экономики, которое наносит вред окружающей среде и природе вообще. К группе экологических партий и движений непосредственно примыкают и многие другие партии и движения, которые добиваются решения вопросов прав и свобод человека, прав разного рода меньшинств, освобождения женщин и борьбы со всякого рода проявлениями расизма. Сюда же относятся разнообразные антивоенные движения.

Голосование за представителей партии «зеленых», как называют экологов, особенно характерно для Германии, где указанная партия соединяет идеологию пацифизма с левым радикализмом. В других же странах Западной Европы экологисты нередко являются носителями утопических представлений. И тем не менее в 80-е гг. «зеленые» настолько усилили свои позиции среди избирателей, что их представители получили возможность быть представленными в национальных парламентах и даже в Европарламенте. И они получили также возможность оказывать прямое воздействие на содержание публичной политики. Кроме того, в последние два десятилетия партии «зеленых» стали участниками локальных, региональных и даже национальных коалиций в ряде стран, например в Германии, Франции и Италии.

Вместе с тем экологическим партиям и движениям присущ ряд недостатков. Их приверженность к идее так называемой прямой демократии затрудняет превращение их в подлинные партии. Сказывается в этом также и известным образом пренебрежительное отношение экологов к лидерству и профессионализму в политике, что вступает неизбежно в противоречие с феноменом профессионализации политической жизни, а также с необходимостью установления отношений сотрудничества с традиционными партиями. Кроме того, немалую трудность составляет для такого рода партий и движений тот факт, что они изначально являются протестными партиями или движениями, и потому им очень непросто участвовать в традиционной политической игре, если не менять свою организацию и принципы деятельности.

6.4. Политические переменные и сравнительный анализ партий

Нужно сказать, что при проведении сравнительного анализа партий и партийных систем необходимо учитывать не только историю и социологические переменные. Известным образом самостоятельное значение имеет и собственно политическая переменная. Особую роль в этой связи имеет революция. Так, Французская революция воздействовала на идеологические и политические позиции индивидов и групп по вопросам строительства Республики.

А это сыграло значительную роль в формировании конфигурации и институциональном выражении политических партий Франции в XIX в. В Великобритании разделение на Тори и Вигов породило разделение на консерваторов и либералов, что напрямую связано с воздействием двух революций XVII в. в этой стране. И потому тот, кто проводит сравнение, должен определить *«основополагающие исторические события»*, которые определяют траекторию политического развития страны и получают свое выражение на политической сцене.

При этом нужно подчеркнуть, что кроме самого политического события (в нашем примере — революция), сами условия функционирования политической сцены влияют на партийную систему. Речь идет о том, что сама конфигурация институтов (а не только способ голосования) и особенно политическая традиция, стратегии, используемые политическим классом, также оказывают сильное влияние. Они или упрощают партийные различия в политическом выражении, приводя к образованию двухпартийной системы, или приводят к формированию фрагментированной многопартийной системы. В первом случае институциональное, а значит и политическое, выражение упрощается и даже обедняется. Это завершается тем, что двухпартийность приводит к выработке умеренных программ, незначительно отличающихся друг от друга. Во втором случае — политическое выражение является более богатым и разнообразным, но может подвергаться опасности принуждения или манипуляции со стороны политиков и особенно штабов политических партий.

Другая опасность такого подхода заключается в том, что, выявляя изначально линии раздела, которые рассматриваются как определяющие, не учитываются другие разделения, что обедняет анализ и не позволяет объективно оценить, например, появление в последние годы крайне правых партий и течений, а также партий и движений, объединяющих сторонников экологических течений.

Это означает, что *политические партии являются не только элементами политической системы: они осуществляют собственное действие, вооружены стратегией и наделены собственной идентичностью*. Партии изменяются во времени, воздействуя тем самым на условия политического выражения. Каждая партия сталкивается с главным выбором: или отстаивать свою идентичность, на

основе которой она создана, или стремиться к получению максимальной поддержки со стороны населения в целях прихода к власти. Это порождает противоречие: будучи силой, нацеленной на завоевание власти, любая партия стремится получить поддержку избирателей; а будучи прямым участником конфликта, она призвана управлять таким образом, чтобы сохранять сложившееся социальное и политическое разделение.

Отметим, что для преодоления такого противоречия в реальности не существует рецепта. Нужно добиваться достижения компромисса. Так, например, история Французской коммунистической партии характеризуется тем, что с 1925 г. руководством этой партии проводилась линия на большевизацию партии. Потом был сектантский период, связанный с отказом от социал-фашизма. С 1934 г. ФКП строила свою деятельность на основе стратегии Народного фронта. В годы Второй мировой войны компартия проводила политику, которая получила выражение в движении Сопротивления и Освобождения. С 1947 г. ФКП осуществляет новую линию в своей политике, опираясь на авторитет, полученный за годы участия в движении Сопротивления. И совсем иная политика проводится коммунистами в годы V-й Республики.

В моменты сектантства, или закрытости, функция политического выражения связана с разработкой проектов и доктрин партии. В эти периоды основное внимание уделяется выдвижению социальных требований. В моменты открытости партия ориентируется на получение новых поддержек и проводит более гибкую политику в отношении того, что мы называем институциональным политическим выражением.

О чем это говорит? Внутри одной и той же политической системы партия реализует разные стратегии. Так, конкуренция двух партий неизбежно приводит каждую из них к учету политической ориентации соперника. Даже в рамках одной политической ориентации могут происходить существенные изменения. Показательно, что эволюция социал-демократических партий в направлении «всеохватывающих» (*catch-all party*) партий зачастую сопровождается радикализацией «идентифицирующей» стратегии коммунистических партий. Поясним: в то время как первые социал-демократические партии при реализации своей стратегии стремятся к дифференциации своей социаль-

ной базы и выдвиганию самых разных требований, в том числе и отличающихся от их программных установок, для достижения победы на выборах, вторые же демонстрируют в такой ситуации стремление доказать свою революционность и связь с рабочим классом. Сама природа и история политических партий объясняют указанное стратегическое различие: политическая доктрина имеет разное значение в деятельности одних и других политических партий. В случае коммунистических партий, созданных *вне и против* сложившихся политических систем, идеология имеет первостепенное значение. Партии же либерального и консервативного толка являются более гибкими, и потому для них меньше значит функция выражения специфических социальных требований, что делает их более способными к обновлению и изменению способа своего участия в политическом выражении.

Этот феномен еще более отчетливо виден на примере партий, которые, по примеру партий США, ограничиваются простым выражением конститутивной¹ функции, которая ограничивается регулированием политической игры и организацией конкуренции между двумя кандидатами на пост президента. Программная деятельность в такой ситуации, по сути дела, исчезает, а функция выражения сводится к мобилизации общественного мнения в пользу основных тем электоральной кампании.

В то же время следует отметить, что оппозиционные партии создаются для того, чтобы выражать мнение тех социальных групп, которые считают себя исключенными из политической жизни или маргинализированными в обществе. Их закрытость и связанная с ней радикальность идентичного поведения строятся на верности доктринам и стремлении выражать требования своего класса. Между этими двумя вещами нет противоречия. Если его и выделять, то оно преодолевается на основе трибунного поведения (Ж. Лаво), которое является выражением требования социальной опоры партии и идентичности этой же партии. Это отличает партии, например федералистские или региональные, а также крестьянские, от ФКП в период с 1947 по 1981 г. Во всех случаях функция политического выражения оказывается в положении зависимости от близости партии к власти или отдаленности от нее: близость к власти ослабляет

¹ Конститутивный (фр. *constitutif*) — определяющий, основополагающий.

программную функцию и функцию политического выражения требований, а отдаление от власти усиливает роль доктрины, а также тактических требований политики.

Наконец, политические партии зависят не только от системы разделений и более или менее свободных стратегических выборов; они испытывают влияние своей собственной организации. Последняя прямо воздействует на условия политического выражения. С одной стороны, организация партии представляет собой своеобразный экран в процессе передачи требований; с другой стороны, она оказывает влияние на выработку новых интересов, присущих, в частности, профессионалам в политике, преобразуя тем самым процесс политического выражения. Эта двойственность может быть выражена иначе: наиболее структурированные партии являются наиболее вооруженными для управления политическими требованиями и их воспроизводства. Комплексная структура, как мы сказали, структурированной партии позволяет, действительно, ее низовым структурам проникать в общество. Это особенно присуще коммунистическим партиям. Они, как известно, представлены своими ячейками на рабочих местах и имеют тем самым возможность получать наиболее точную информацию об ожиданиях и устремлениях их социальной группы. Присущий этим партиям массовый активизм позволяет влиять на температуру общественного мнения и его изменение. Указанное влияние еще более усиливается в силу того, что коммунистические партии создают сеть массовых организаций (профсоюзы, ассоциации, группы давления). В то же время, как показало историческое развитие коммунистического движения, организационное устройство этих партий способно порождать дисфункцию во внутрипартийной демократии: активизм способствует развитию догматического политического образования, усилению роли вознаграждения за активизм, а в итоге — слепому следованию актива за руководством партии. Это, в свою очередь, способствует развитию централизации, когда «внутренние круги» влияют на «внешние», что позволяет руководству партии подчинять активистов, а также оказывать влияние на сторонников и избирателей.

Р. Михельс еще в 1910 г. показал, как этот феномен был открыт в XIX в. социал-демократическими партиями. В своей книге о немецкой социал-демократии он показал, что активизм масс приводит к переходу всей полноты власти в партии в руки партийной олигархии и порождает

одновременно среди значительной части членов партии «хвостизм» или апатию.

Партийная олигархия как специфическая группа является носителем собственных интересов в силу того, что она претендует на монополию в процессе выработки политического выражения. Р. Михельс показал четыре фактора такой эволюции:

- 1) техническую невозможность прямого демократического управления;
- 2) психологические потребности масс, порождаемые желанием быть ведомыми и в силу привычки;
- 3) неравная политическая компетентность членов партии;
- 4) динамика самой организации, которая на основе специализации задач подчеркивает специфику интересов руководителей.

В соответствии с этой логикой руководители партии стремятся подчинить цели партии своим интересам. В итоге партия превращается в инструмент сохранения и воспроизводства власти ее руководителей. Короче говоря, основной вывод Р. Михельса заключается в том, что функция политического выражения инструментализируется руководством партии, а сама партия подчиняется интересам руководства и утрачивает во многом содержание своей деятельности.

Что это означает для компаративиста? Последний должен стремиться установить, в какой мере этот феномен присущ всем или некоторым из политических партий. Р. Михельс на основе своего исследования установил парадокс: рабочие партии, образованные в интересах превращения рабочего класса в такую совокупность граждан, которая активно участвует в политической жизни, приходят в реальной жизни к тому, что сами эти партии становятся новой формой исключения из политической жизни. Такой обратный эффект объясняется тем, что различные социальные категории управляемых имеют недостаточную политическую компетенцию, а организация рабочей партии, как она сложилась, предполагает создание бюрократии. Можно даже выдвинуть гипотезу, что «железный закон олигархии» оказывается в отношениях корреляции с процессом бюрократизации партии. При этом Вильям Шонфельд¹, указывая на такого рода отношения, настаивает

¹ *Schonfeld W.* La stabilité de dirigeants des partis politiques // *Revue française de Science politique.* 1980, 30 juin.

на следующем. Напоминая, что *олигархия*, описанная Р. Михельсом, характеризует контроль руководителей аппарата над совокупностью той части населения, которая поддерживает данную партию, В. Шонфельд показывает также феномены *монархии*, или единовластия, которые характеризуют способ господства одного лица над совокупностью членов партии. Указанный феномен выражается в подчинении организации себе на службу. Следует подчеркнуть, что олигархические феномены поражают прежде всего массовые партии, для которых характерна жесткая дисциплина и высокая степень организованности не только многочисленного актива, но и всех членов партии. Единовластие, или монархия, как мы сказали, распространяется на все политические партии. В реальности, чем более тяжелой и могущественной является партийная бюрократия, тем меньше вероятность проведения демократической политики. И потому такие стратегии в большей мере характерны для французской правой, для консервативной партии Великобритании или для Испанской народной партии.

Можно утверждать, что политические партии как агенты политического выражения, являются также и ограничителями этого выражения. Такой вывод может быть распространен и на другие политические организации: профсоюзы, группы давления и группы интересов. Получается так, что все специализированные организации при осуществлении того, что мы называем политическим выражением, ограничивают и обрамляют условия выработки политического поведения. Так, голосование является завершением процесса формирования политических позиций граждан. В этом процессе участвуют, помимо партий, и другие общественно-политические организации. Формирование политических позиций и их выражение является ответом избирателей на тот или иной вопрос политической жизни, решение которого принадлежит политическому классу. Это означает, что голосование, будучи своеобразным и достаточно эффективным индикатором политического выражения граждан, не является тем не менее точным выражением их позиций и мнений¹. Это вносит в жизнь политических партий некоторое напряжение.

Скажем и о том, что в современных условиях многие партии очень похожи друг на друга как в основах и прин-

¹ Denie B., Hermet G. Op. cit. P. 218.

ципах своих действий, так и в программных установках и лозунгах. К тому же в последние 2–3 десятилетия в политической жизни многих стран зоны, что называется, развитого капитализма, появилось немало новых социальных организаций и движений, которые составляют серьезную конкуренцию традиционным политическим партиям. В качестве реальной обозначилась проблема кризиса политических партий. Об этом твердят как сами политики, так и многие специалисты политической науки. Остановим свое внимание на этом.

6.5. Кризис политических партий

Не вызывает никакого сомнения тот факт, что в демократическом обществе партии и ныне продолжают оставаться одним из важнейших инструментов политического выражения настроений и требований различных слоев общества. И вряд ли можно себе представить дальнейшее утверждение демократических начал в общественной жизни разных стран без партии как таковой. Опыт демократического развития бывших социалистических стран в последние полтора-два десятилетия лишь только подтверждает это.

Тем не менее при проведении сравнительного анализа нельзя не видеть некоторых тенденций в развитии партийных систем в странах зоны развитого капитализма.

Во-первых, в последние два-три десятилетия выявился рост популярности среди значительных слоев населения крайне правых, подчас профашистских настроений, что получает выражение в голосовании за соответствующие им политические партии. Пример тому — Национальный фронт Ж.-М. Ле Пэна во Франции, Партия прогресса в Дании, а в начале 80-х гг. — взрыв религиозного фундаментализма в США. В 1994 г. неофашистская партия впервые вошла в состав правительства Итальянской Республики.

Во-вторых, еще в 70-е гг. прошлого века произошло неожиданное возрождение конфликта между центром и периферией. Это нашло, в частности, выражение в росте влияния Квебекской партии в Канаде, выступающей за отделение Квебека от Канады. На выборах 1974 г. Националистическая партия Шотландии набрала в этой части соединенного королевства 30,4 % голосов. Аналогичные явления наблюдаются в Италии, где так называемая Ломбардская

лига выдвинулась в число влиятельных политических сил и вошла в состав правящей коалиции.

В-третьих, последние полтора-два десятилетия, как мы отмечали, породили мощное политическое движение защитников окружающей среды. Во многих индустриально развитых странах возникли партии «зеленых», перетянувшие к себе часть электората традиционных политических партий и организаций.

Как объяснить такие изменения? Этот вопрос имеет особое значение в случае проведения сравнительного анализа. Среди разного рода попыток такого объяснения выделим концепцию Рональда Инглхарта «молчаливой революции». Ее суть — в изменении господствующей системы ценностей. Послевоенный период характеризовался беспрецедентным экономическим ростом, что позволило мобилизовать ресурсы государства на удовлетворение потребностей граждан. Выросло поколение людей, принимающих это как нечто гарантированное. В сочетании с ростом уровня образованности и информированности масс это и породило переход от господства ценностей, связанных с экономическим ростом и материальным благосостоянием, к новым «постматериалистическим» ценностям качества жизни, самореализации и индивидуальной свободы. Конфликт между двумя системами ценностей все больше приобретает, по Инглхарту, политическое звучание, а может быть, и становится новым фактором развития партийных систем.

Трудно не согласиться с замечанием профессора Г.В. Голосова о том, что даже если допущения Р. Инглхарта и его последователей и верны, то речь может идти лишь о самых первых шагах к новым партийным системам. Требуется время, чтобы изменения в общественном сознании повлияли на организационные структуры. Однако уже сегодня можно говорить о том, что люди по-новому относятся к партиям и дают им это понять в ходе голосования, часто довольно неожиданным образом. Так, в начале 80-х гг. с немалыми трудностями с точки зрения поддержки избирателей во многих странах столкнулись социал-демократические партии, которые традиционно ориентировали свою деятельность на защиту материального благосостояния трудящихся. С начала 80-х гг. и квалифицированные рабочие, и бывшие левые интеллектуалы начали склоняться к поддержке консервативных партий: первые — потому что не видели больше повода беспокоиться о «хлебе насущном», но заду-

мывались о собственности (приобретении акций, например); вторые — потому что их настроениям соответствовала культивируемая неоконсерваторами ностальгия по индивиду, сочетавшаяся с призывами к личной ответственности. Явно сказывается рост «постматериалистических» ценностей и на коммунистических партиях, упадок которых в Западной Европе начался еще до перемен на Востоке Европы¹.

Однако было бы неверно не видеть того факта, что политические партии, в том числе и «старые» партии, предрепают в последние годы серьезные изменения. Сама жизнь в повестку дня и этих партий ставит проблему их обновления, адаптации к новым условиям деятельности.

В самом деле, для того чтобы добиться успеха на выборах и получить доступ к власти, партия должна действовать как можно более прагматически. Что это означает? Прежде всего любая сколько-нибудь влиятельная политическая партия должна добиваться расширения своей поддержки со стороны избирателей. А это неизбежно накладывает отпечаток на содержание программных требований и идеологические основания деятельности партии. Речь идет о том, что из программ партий вымываются те ее элементы, которые идентифицируют саму партию и выражают требования основной социальной базы партии, что, к слову сказать, может ограничивать круг людей, способных поддержать как выдвиженцев партии, так и саму партию на выборах. С другой стороны, в демократическом обществе партия должна быть готова в интересах укрепления своих политических позиций к вступлению в коалиции с другими политическими партиями. А это предполагает наличие неких единых позиций по ключевым вопросам общественного развития. В итоге на переднем плане в программах оказываются не столько собственные политические позиции и цели, сколько задачи завоевания и удержания власти любой ценой.

Какие последствия указанные процессы получают свое выражение в организации и деятельности современных политических партий? Уходит в историю модель традиционной партии, которая, как правило, была построена на массовом членстве, репрезентации социальных интересов, довольно жесткой организационной структуре и идеологической идентификации. На смену им идут так называемые «всеохватные» (**catch-all parties**, термин Отто Киркхаймера).

¹ См.: *Голосов Г.В.* Указ. соч. С. 179–181.

Для них характерны: размытые идеологические контуры; все более туманные программные обещания; сознательно формируемая смешанная социальная база; элитарное господство в партийной жизни, которое демобилизует рядовых членов. Логика деятельности таких партий сводится к поиску голосов избирателей где угодно. При этом нарочито пренебрегается необходимость для партии опираться на классовый, религиозный и т. п. подходы в работе с избирателями и членами партии. Получается так, что всеохватные партии функционируют как крупные коалиции различных интересов¹.

Зададимся и таким вопросом: какие последствия для партийных систем, для политической жизни в целом, вызывает к жизни выявленная тенденция формирования «всеохватных» партий?

Ряд западных исследователей полагает, что поворот партийных систем в сторону указанных «всеохватных» партий является выражением упадка либеральной демократии. Она (демократия) чем дальше, тем больше превращается в олигархию профессиональных политиков. Как отмечают политологи Эндрю Адонис и Джофф Малган, для современной западной демократии характерны две фундаментальные слабости: «отрыв политики от общества и политической ответственности от граждан»². Негативные последствия такого развития событий применительно к феномену демократии проявляются в том, что происходит дальнейшее сужение числа лиц, способных оказывать существенное влияние на процесс принятия политических решений, на иллюзорный характер выборов и манипулятивный механизм освещения политического процесса в средствах массовой информации. Чарльз Лидбитер и Джофф Малган суммируют кризис представительной демократии в следующих основных характеристиках.

1. *Низкая вовлеченность*: граждане редко непосредственно включены в политический процесс. Они голосуют на выборах случайным образом. Они имеют ограниченный контакт с политиками, которые, как иногда представляется, живут в тайном и непроницаемом мире.

2. *Ограниченный выбор*: избирателям предлагается делать выбор между всеохватными политическими программами, которые нередко являются смутными и путанными и зачастую не исполняются партиями, пришедшими к

¹ См.: *Голосов Г.В.* Указ. соч. С. 177–179.

² *Adonis A., Mulgan G.* Back of Greece: the Scope for Direct Democracy // *Demos*. 1994. Issue 3.

власти. В качестве потребителей мы имеем широкий ряд возможностей и более изощренный продуктовый рынок. В качестве избирателей мы страдаем от того, что политику выбирают политические партии, которые утверждают свою монополию на политическом рынке.

3. *Бедный результат*: политическая система является в общем виде неэффективной. Даже когда политики дают обещания, они редко их выполняют¹.

Опираясь на данные, собранные Ричардом Кацем и Питером Мэром, профессор Г.В. Голосов приводит следующие показатели.

Таблица 3

Динамика членства в западноевропейских политических партиях (% от общего числа избирателей)

Страна	Начало 60-х гг.	Конец 80-х гг.
Австрия	26,2	21,8
Бельгия	7,8	9,2
Великобритания	9,4	3,3
Германия	2,7	4,2
Дания	21,1	6,5
Италия	12,7	9,7
Нидерланды	9,4	2,9
Норвегия	15,5	13,5
Финляндия	18,9	12,9
Швеция	22,0	21,2

Как видно, в восьми из 10 стран доли членов партий от общего числа избирателей за тридцать лет упали. Более того, в четырех странах — Австрии, Великобритании, Дании и Нидерландах — численность партийцев упала и в абсолютном выражении. В сочетании с сокращением поддержки традиционных партий на выборах эта тенденция была многими воспринята как свидетельство упадка партийной политики. И действительно, многие функции, выполнение которых позволяло массовым партиям поддерживать систему коллективных и селективных стимулов к партийному членству, в современном обществе выполняются другими институтами. Развитие всеобъемлющей системы социальной

¹ *Leadbeater Ch., Mulgan G. Lean Democracy and the Leadership Vacuum // Demos. 1994. Issue 3.*

защиты в рамках «государства всеобщего благоденствия» стало одним из важнейших достижений европейской социал-демократии. Но когда эта цель была достигнута, нужда в партийных детских садах и прачечных отпала. Развитие массовой культуры устранило партии из сферы организации досуга. С появлением электронных средств массовой информации (прежде всего телевидения) сошла на нет и роль партийной прессы как инструмента политического просвещения масс. Эти и другие факты реальной жизни свидетельствуют о том, что многие стимулы массового членства в партиях исчезли. Что касается коллективных стимулов, то их роль сократилась на фоне всеобщей идеологической умеренности, столь характерной для начала 60-х гг. и проявившейся в возникновении «всеохватных» партий. Роль партий в структурировании результатов голосования тоже заметно уменьшилась. Нередко люди голосуют не за партию, а за «имидж» того или иного кандидата, созданный под воздействием средств массовой информации.

Таким образом, вступление в массовую партию утратило привлекательность для многих граждан. Кроме того, наличие большого числа членов партии перестало быть условием ее выживания. Как отмечают многие политологи, массовое членство в партии, помимо чисто политических задач (например, овладения властью), служило едва ли не основным источником финансирования партий. После того, как выяснилась перспектива нехватки финансов для содержания партийного аппарата и для проведения выборов, политические партии многих стран Европы добились введения государственного финансирования партий. И ныне государственные бюджеты стали основными источниками финансирования подавляющего большинства западноевропейских партий. А это привело к сдвигам в организационной структуре политических партий¹.

Указанные сдвиги привели к появлению так называемых «картельных партий». Этот термин был предложен уже упомянутыми нами П. Мэром и Р. Кацем.

Что отличает картельные партии от, скажем, их предшественников? Во-первых, поскольку основной финансовый источник их существования — государственный бюджет, они не нуждаются в большой массе дисциплинированных членов. Странники партии ценятся независимо

¹ См.: *Голосов Г.В.* Указ. соч. С. 181–183.

от того, есть ли у них членский билет или нет. Во-вторых, как следствие этого, связь между партийным руководством и рядовыми членами становится все более гибкой, возрастает их автономия по отношению друг к другу. В-третьих, партийная структура становится менее централизованной, а партийные ресурсы распределяются между различными уровнями партийной «стратархии». В-четвертых, среди стимулов к партийной активности главное место занимают соображения карьеры в области организации избирательных кампаний. Главными критериями успеха в этой области становятся качества профессионального менеджера — компетентность и эффективность, в то время как «организаторы масс» и «народные трибуны» остаются невостребованными. В предельном варианте партия картельного типа становится, как пишут П. Мэр и Р. Кац, «государственным агентством».

Будущее покажет, насколько устойчивы данные тенденции. Но каковы бы ни были перспективы картельной партии, ясно, что ее возникновение знаменует собой появление нового выражения партийной организации в новых условиях. Об этом свидетельствует опыт ряда политических партий в Западной Европе в последние два-три десятилетия. Так, социал-демократические партии, в частности, Испанская социалистическая партия, Лейбористская в Великобритании и социалистическая партия во Франции, а также и голлистская партия, стали огромными многофункциональными организациями, которые приближаются по своей деятельности к партии-государству, вписанному в «черный ящик» системы правления.

Правда, в последние годы выявляется некоторое ослабление влияния указанных партий в своих странах. Это тоже во многом новое явление. Политологи, объясняя его возникновение, выделяют три фактора. Прежде всего сказалось внешнее, массовидно выраженное в поддержке избирателями Австрии, Бельгии, Дании, Франции, Италии и Норвегии «антиполитических» партий — популистских или крайне правых партий. Во-вторых, в развитых странах Запада в эти же годы отмечено усиление абсентеизма. И наконец, сказалось влияние процесса замещения демократии в партиях, основанной, в частности, на учете политического выражения на основе опросов, техникой политического маркетинга, опирающегося на персонализацию выбора избирателя¹.

¹ Badie B., Hermet G. Op. cit. P. 218–219.

Итак, при проведении сравнительного анализа политических партий можно выделить по основным признакам четыре их типа. Различия между типами партий П. Мэр и Р. Кац представили в следующей таблице.

Таблица 4

Типы партий и их характеристики

Характеристики	Элитная партия	Массовая партия	«Всеохватная» партия	«Картельная» партия
Исторический период	XIX век	1880 – 1960	1945 –	1970 –
Степень вовлечения масс	Ограниченное право голоса	Расширение избирательных прав и всеобщее избирательное право	Всеобщее избирательное право	Всеобщее избирательное право
Уровень распределения политически значимых ресурсов	Значительно ограниченное	Относительно концентрированное	Менее концентрированное	Относительно рассредоточенное
Основные цели политики	Распределение привилегий	Социальная реформация (или сопротивление ей)	Социальное улучшение	Политика как профессия
Основа партийной конкуренции	Предпринятый статус	Репрезентативная способность	Эффективность политики	Управленческие способности, действенность
Структура электоральной конкуренции	Управляемая	Мобилизация	Конкурентная	Ограниченная
Природа партийной деятельности и партийных кампаний	Иррелевантная	Деятельно-интенсивная	Деятельно- и капитал-интенсивная	Капитал-интенсивная
Основной источник партийных ресурсов	Личные контакты	Членские взносы и пожертвования	Пожертвования из большого числа источников	Государственные субсидии
Отношения между обычными членами и партийной элитой	Элиты являются «обычными» членами	«Снизу вверх» (Михелс); элита ответственная перед членами	«Снизу вверх»; члены организованы для одобрения элит	Стратархия; взаимная автономия

Характер членства	Небольшое и элитистское	Большое и однородное; активно вовлекаемое; членство на основе идентичности; акцент на правах и обязанностях	Членство, открытое для всех (гетерогенное и поощряемое); акцент на правах, а не на обязанностях; членство маргинальное по отношению к индивидуальной идентичности	Ни права, ни обязанности не являются важными (различия между членами и нечленами неясные); акцент на членах как личностях, а не как единицах организации; члены оцениваются по вкладу в легитимизационный миф
Партийные каналы коммуникации	Межперсональные структуры	Партия находит свои собственные каналы коммуникации	Партия соревнуется за доступ к непартийным каналам коммуникации	Партия получает привилегированный доступ к государственно-регулируемым каналам коммуникации
Положение партии между гражданским обществом и государством	Неясные границы между государством и политически релевантным гражданским обществом	Партия принадлежит гражданскому обществу, первоначально как представители релевантных сегментов гражданского общества	Партии как конкурирующие брокеры между гражданским обществом и государством	Партия становится частью государства
Репрезентативный стиль	Опекун	Делегат	Предприниматель	Государственный деятель

Источник: Katz R., Mair P. (eds.) *Party Organizations: A Data Handbook*. London, 1992. P. 18; Сморгунов Л.В. Указ. соч. С. 314–315.

ГЛАВА 7

ЗАИНТЕРЕСОВАННЫЕ ГРУППЫ

Проблема заинтересованных групп является одной из самых древних в истории политической мысли. Люди давно уже обратили внимание на то, что все без исключения правительства подвергаются воздействию со стороны различных групп лиц, добивающихся достижения собственных целей. Оценивалось это по-разному. Странники одной из традиций, к которой принадлежали Платон, Т. Гоббс и Ж.-Ж. Руссо, настаивали на необходимости устранить все «частные» влияния на процесс принятия решений. И сегодня нередко можно услышать мнение, что все общественные болезни — следствие махинаций бизнеса, мафии, многонациональных корпораций, профсоюзов и т. д. Странником такой точки зрения был, например, президент США Вудро Вильсон. Однажды он заметил: «Предположим, вы приехали в Вашингтон и пытаетесь иметь дело с правительством. Всегда оказывается, что, хотя вас внимательно выслушивают, люди, к мнению которых действительно небезразличны ваши собеседники, — это крупные банкиры, фабриканты, коммерсанты... Правительство США — это приемное дитя особых интересов. Ему не позволяют иметь собственную волю»¹.

Странники другой, более молодой традиции в истории политической мысли настаивали на необходимости свободной игры социальных интересов. Об этом писал в свое время Джеймс Мэдисон в «Записках федералиста». Ныне эта точка зрения получила широкое распространение. Считается, что заинтересованные группы — один из наиболее важных элементов демократического процесса.

Следует сказать, что образование заинтересованных групп присуще всем обществам, т. к. нет и не может быть постоянных и устойчивых отношений индивида и власти. Если такие отношения и возникают, то они неизбежно сопровождаются формированием образований, начиная от семейной более или менее расширенной группы до племени или этнической груп-

¹ Цит. по: *Голосов Г.В.* Указ. соч. С. 131.

пы, от неформальной группы до структурированной организации. Разнообразие способов объединения и взаимодействий индивидов существует достаточно большое.

Все эти группы образуются во имя достижения некоего общего интереса, который может быть эмоциональным, родовым, идеологическим, корпоративным, профессиональным и т. д. В широком смысле слова все такого рода группы являются заинтересованными. Однако в политической науке эти группы получили более узкое и более точное определение. Понятием «заинтересованная группа» определяются такие группы, которые стремятся реализовать свой собственный интерес перед лицом политической власти. Иначе говоря, политическая власть устанавливает с этими группами такие отношения, которые позволяют ей (власти) вовлекать их в свое действие, а в определенных ситуациях позволяют контролировать действия этих групп. Добавим к сказанному: заинтересованные группы отличаются от иных групп своим взаимодействием, — какой бы ни была его форма, — с институтами государства и политическими партиями, участвующими в борьбе за завоевание и осуществление власти¹.

Способы этих взаимодействий являются более или менее структурированными. Сказывается состав участников взаимодействий. Эти взаимодействия охватывают широкие слои безработных, пенсионеров, женщин, потребителей, молодежь, которые чаще всего недостаточно организованы и которые испытывают воздействие различных идеологий, а также влияние правящих кругов страны. Воздействие на власть заинтересованных групп бывает облегченным или, наоборот, оно может быть затруднено в зависимости от близости той или иной группы к власти. Так, к примеру, экономические заинтересованные группы могут оказывать значительно большее влияние на власть из числа консерваторов, чем этого смогут добиться профсоюзы. Хотя при генерале де Голле во Франции именно требования экономических заинтересованных групп получали большее внимание со стороны властей.

Следует сказать и о том, что заинтересованные группы, стремящиеся воздействовать на те или иные территориальные или функциональные сегменты государства, не ограни-

¹ Cf. Offerlé M. *Sociologie des groupes d'intérêt*. P., 1998; Neveu E. *Sociologie des mouvements sociaux*. P., 2000.

вают свои действия на указанном уровне. Они неизбежно рано или поздно будут вынуждены оказывать воздействие и на власть и на государственном уровне.

7.1. Организационные основы заинтересованных групп

Либеральные демократии, будучи органично связанными с принципом плюрализма, признают существование и легитимность заинтересованных групп в обществе. Правда, так было не всегда. В частности, во Франции долгое время в обществе сохранялась враждебность по отношению к любым объединениям королевского режима, на основе чего власти не признавали права на жизнь любых промежуточных объединений, которые претендовали на выражение неких частных интересов той или иной группы граждан. Такое отношение удалось преодолеть после того, как в результате классовой борьбы рабочего класса были созданы первые профсоюзы. Это означает, что даже такая демократическая страна, как Франция, вступила на путь политического либерализма лишь в конце XIX в. Примерно таким же образом шло становление заинтересованных групп в ряде других стран.

Недоверие государства к всякого рода посредническим организациям, и прежде всего к заинтересованным группам, долгое время выражалось в стремлении запретить их существование. При этом широко использовались разнообразными мерами ограничения деятельности таких групп. И потому заинтересованные группы своей организацией отвечали на два требования. С одной стороны, любое целенаправленное действие предполагает определенный минимум организации для достижения определенной цели. А с другой — институционализация групп была вызвана к жизни необходимостью противостоять давлению властей.

С позиций этого двойного давления попытаемся дать классификацию заинтересованных групп.

Принуждения действия как фактор организации заинтересованных групп

Американские политологи Г. Алмонд и Г. Пауэлл еще в 1966 г. в своей книге «Сравнительная политика»¹ выделили

¹ Almond G.A., Powell G.B. Comparative Politics. A Development Approach. Boston, 1966.

четыре типа заинтересованных групп на основе сравнения их организации: аномические, неассоциативные, институциональные и ассоциативные. Согласно этой классификации, только два последних типа групп обладают достаточной степенью организации, позволяющей их рассматривать как группы, нацеленные на оказание влияния (давления) на власть. Так, институциональные группы включают в себя структуры, которые не только позволяют оказывать давление на политическую власть, но и добиваться тех целей, которые ставят перед собой такие группы. К числу таких групп относятся администрации, церкви, вооруженные силы. Ассоциативные группы, напротив, образуются для организации интересов, которые они представляют. Речь в данном случае идет о профсоюзах, ассоциациях и т. д.

7.2. Институциональные заинтересованные группы

Эти группы базируются на формальных организациях внутри государственного аппарата — исполнительной бюрократии, законодательном корпусе, армии и военизированных силах поддержания порядка. Эти группы, в силу своей непосредственной близости к процессу принятия решений, могут оказывать существенное влияние на власть и даже определять политику страны для достижения своих корпоративных или личных интересов. В данном случае происходит соединение той или иной заинтересованной группы с тем или иным сегментом государственного аппарата. В итоге эта часть государственного аппарата не столько занята осуществлением некоего общего интереса, сколько осуществлением своего собственного частного интереса. При этом институциональная группа может блокировать или ограничивать правительственные реформы, которые ее касаются, или, точнее, затрагивают ее интересы.

При всей важности своих частных интересов деятельность институциональных групп не ограничивается воздействием на деятельность властей по отношению к тому сегменту, который представлен данной группой. Не менее важное значение приобретает воздействие данной заинтересованной группы на другие сегменты администрации. Показательно, что в большинстве западных стран созданы федерации или ассоциации местных или региональных избранных, которые образуют так называемый «объединенный корпоративистский фронт», в котором

стираются идеологические и во многом политические различия его участников. Такие ассоциации существуют во Франции и в Великобритании. В Германии и в США в силу их федеративного устройства такие ассоциации весьма влиятельны. В Италии созданная недавно Ассоциация регионов приобрела большой политический вес и имеет постоянное представительство в Риме.

Организация институциональных заинтересованных групп является прекрасной иллюстрацией «топографии»¹ власти. Так, наиболее динамичные регионы или Земли создали специальные представительства в Брюсселе, которые занимаются продвижением своих интересов в Европейском сообществе. Выявляется также тенденция объединения институциональных заинтересованных групп с ассоциациями, интересы которых совпадают с первыми. Такие как их назвали *policy-cluster* вокруг определенной политики, в которой администрации и эти группы оказываются в отношениях взаимной зависимости.

Природу таких связей и их объективное значение иногда трудно определить. Ясно одно: и та и другая сторона зависят друг от друга. Это тем более ярко выражено тогда, когда администрация стремится стать выразителем общего интереса. Она, казалось бы, проводит в этом случае такую политику, когда частные интересы отходят на второй план. Однако, как нередко оказывается на практике, этот общий интерес способен в глазах чиновников отождествляться с частным, по сути, корпоративистским интересом институциональной заинтересованной группы².

Такое изменение ценностей и ролей частично объясняет, почему ассоциативные заинтересованные группы выступают с позиций защиты общего интереса. Это особенно характерно для США в силу размытости границ между политическими партиями и заинтересованными группами, а также в силу слабой институционализации публичной функции. Это же факт, что многие посты в аппарате государства нередко достаются «любителям», которые выдвигаются из деловых кругов, что не позволяет определить общий интерес и интерес администрации.

¹ Топография (от греч. *topos* — место и *графия*) — географическое и геометрическое изучение местности путем проведения съемочных работ и создания на их основе топографических карт.

² *Chevallier J. (dir.) Variations autour de l'idéologie de l'intérêt général (vol. 2). P., 1979 — 1980.*

Показательно, что, например, во Франции в 60–70-е гг. прошлого столетия публичные заинтересованные группы ориентировались на защиту «общего интереса». В эти же годы стали возникать и иные группы, которые ориентировались на защиту потребителей, окружающей среды или добивались улучшения публичных служб.

В качестве примера государства с весьма сильными институциональными группами можно назвать Советский Союз, где официальный запрет на деятельность негосударственных организаций сочелся с достаточно сложной профессиональной и социальной структурой общества. Процесс принятия решений в СССР отражал влияния со стороны мощных групп внутри партийно-государственного аппарата — военных и военно-промышленного комплекса, Госплана, директоров предприятий и т. д. Судя по всему, эта ситуация во многом сохранилась и в независимых государствах, образовавшихся после распада СССР, хотя набор игроков теперь несколько иной. Как справедливо отмечает профессор Г.В. Голосов, трудно назвать страну, где государство было бы полностью поставлено под контроль общества. Требования об этом, как правило, остаются благими пожеланиями или демагогией¹.

7.3. Ассоциативные заинтересованные группы

Для обеспечения интеграции, артикуляции и защиты интересов абсолютной необходимостью является организация. Размытые, неорганизованные интересы весьма трудно реализовывать. К примеру, долгое время потребители не могли осознать и отстаивать свои интересы. И только с появлением определенной организации в лице заинтересованной группы интересы этой многочисленной группы граждан оказались не только выраженными, но и защищенными во многом. Необходимость организации является одновременно социальной и юридической. В самом деле, заинтересованная группа может объединиться и заставить себя услышать только тогда, когда она обладает хотя бы минимум организации.

Разрастание числа заинтересованных групп является следствием растущего этатического интервенционализма. Совсем немного можно назвать отраслей деятельности, которые не испытывали бы на себе воздействие государ-

¹ Голосов Г.В. Указ. соч. С. 135.

ства. Наиболее показательной в этой связи является возникновение групп, деятельность которых непосредственно связана с защитой окружающей среды. Такие группы в определенных ситуациях способны парализовать деятельность государства по реализации того или иного проекта. Пример тому — прекращение строительства ядерных электростанций в Италии, Германии и США.

Второй фактор, побуждающий умножение заинтересованных групп, связан с неспособностью центральных властей быть единственным выразителем интересов. Это находит свое выражение во многих странах. Так, во Франции профсоюз предпринимателей, а также Движение предприятий Франции далеко не всегда учитывали в переговорах с государством интересы мелких и средних предпринимателей. В Италии производители стали в Брешии самостоятельно отстаивали свои интересы, которые расходились с крупной металлургической группой, действовавшей, по убеждению первых, в интересах Брюсселя.

Третий фактор, объясняющий умножение заинтересованных групп, связан с их стремлением использовать те возможности, которые предоставляются разного рода решениями и регламентами. В этом же направлении действует и то, что в современных условиях публичная политика предполагает активное участие, в том числе и заинтересованных групп в выработке и осуществлении этой политики. При этом нередко складывается такая ситуация, когда рост политического влияния заинтересованных групп приводит к ослаблению традиционных политических организаций.

Особое место среди ассоциативных групп занимают профессиональные организации предпринимателей, профсоюзы лиц наемного труда и организации крестьян. Во всех странах эти группы занимают особое положение в переговорном процессе с властями в силу размеров и веса их организаций.

Организации предпринимателей

Заинтересованные группы деловых людей во всех странах представлены одной или несколькими национальными организациями. К примеру, в США, действуют Национальная ассоциация производителей и Торговая палата; в Германии существует Конфедерация ассоциаций предпринимателей, а также Федерация немецкой промыш-

ленности, которая объединяет только промышленников. Между этими заинтересованными группами складывались непростые отношения. Однако в 1977 г. лидеры этих двух организаций предприняли попытку гармонизации отношений между собой, а также проводимой ими политики. Свое место среди организаций такого рода в Германии занимает Торговая палата.

Подобное разделение по функциональной линии характерно и для Италии. Здесь действуют Торговая палата, а также две организации предпринимателей. Одна из них объединяет предпринимателей, осуществляющих собственный бизнес, другая — представителей публичного сектора экономики. В Великобритании Конфедерация британской промышленности образовалась в 1965 г. в итоге слияния Федерации британской промышленности и ряда мелких объединений предпринимателей. Во Франции Движение французских предпринимателей и Торговая палата также являются весьма влиятельными заинтересованными группами.

Ни одно правительство не может позволить себе не считаться с мощными и необходимыми для выработки и осуществления экономической, фискальной и социальной политики заинтересованными группами. Однако при проведении сравнительного анализа необходимо учитывать национальную специфику отношений публичной власти и крупных заинтересованных групп предпринимателей. Они всегда несут на себе печать традиции и природы отношений, сложившихся в данной политической системе. Так, во Франции сложившаяся интервенционистская традиция в руководстве экономикой превратила объединение предпринимателей в привилегированного партнера государства. Подобная традиция характерна и для Германии.

Еще одна традиция связана с политикой социального партнерства, которая утвердилась в этих странах, начиная с 50-х гг. прошлого века, что потом получило выражение в неокорпоративистском стиле отношений между экономическим сектором и публичной властью. Правда, справедливости ради, нужно сказать, что объединение Германии, европейское строительство и процесс глобализации ставят под вопрос неокорпоративистскую модель отношений между предпринимателями и публичными властями.

Иная картина характерна для США. Там долгое время национальные объединения предпринимателей были слабыми. Картина стала меняться в 70-е гг., когда был об-

разован круглый стол бизнесменов, объединивший около 200 директоров крупных предприятий.

Однако эти партнеры государства нередко сталкиваются с конкуренцией предприятий или групп, чьи масштабы таковы, что они могут позволить себе обходиться без централизованной структуры координации деятельности. В качестве примера можно назвать профсоюзную палату автомобильной промышленности или Профсоюзную палату металлургической промышленности во Франции. Ряд предприятий в Великобритании или нефтяных компаний в США в защите своих интересов не нуждаются в федеративных структурах.

Нужно сказать и о том, что предприниматели обычно стремятся выступать единым фронтом вовне своей среды и, в частности, в своих отношениях с публичными властями. Однако внутри своего мира это — гетерогенное и конфликтное образование. Для него характерны довольно глубокие конфликтные отношения между мелкими и крупными предприятиями, между промышленными структурами и структурами услуг и т. п. Сила влияния крупных организаций определяется частично тем, что нередко их собственные интересы совпадают с интересами публичных властей, которые предпочитают вести переговоры с ограниченным числом партнеров.

Профсоюзные организации

Профсоюзы, наряду с организациями предпринимателей, являют собой наиболее влиятельные заинтересованные группы. Однако в отличие от объединенных предпринимателей профсоюзы разделены в большей мере в силу своей приверженности к тем или иным идеологическим или политическим программам. Поясним. Официальное кредо организаций предпринимателей является достаточно простым. Они выступают за свободу предпринимательства, рыночную экономику и против попыток ее (экономики) социализации. Профсоюзы же, напротив, делятся на реформистские, социал-демократические и революционные организации. В большей или меньшей степени все они связаны с политическими партиями и борются как за чисто профессиональные цели, так и за реализацию широких проектов преобразования общества. Профсоюзы как заинтересованные группы борются на два фронта.

С одной стороны, они борются с предпринимателями и их организациями, а с другой — с публичными властями, ответственными за социальное регулирование, политику заработной платы и регулирование конфликтов.

Сила профсоюзов во многом определяется тем, насколько они являются едиными или, наоборот, фрагментированными. Как эта картина выглядит в ведущих странах Запада? Во Франции профсоюзы представлены целым рядом организаций: Всеобщая конфедерация труда, Демократическая конфедерация труда, Форс увриер, Конфедерация христианских трудящихся, Федерация работников национального образования, Всеобщая конфедерация кадров и т. д. Существуют и ряд других, небольших по численности и влиянию профсоюзных объединений. Такое многообразие заинтересованных групп профсоюзного мира затрудняет достижение единства действий, а, подчас, в силу противоречий и политики властей делает его просто невозможным.

Подобная картина характерна и для профсоюзного движения в Италии. Правда, как отмечают исследователи, в 70-е гг. прошлого столетия лидерам различных профсоюзных организаций удавалось организовывать довольно интенсивное межпрофсоюзное взаимодействие. Однако уже в 80-е гг. вновь обострились противоречия между различными профсоюзными организациями, в чем значительную роль играло межпартийное соперничество.

Менее конкурентной является профсоюзная среда в Германии, где утвердилось господство трех крупных профсоюзных объединений. Британские профсоюзы представлены единой организацией, получившей наименование тред-юнионов. Правда, внутри нее разделение весьма существенно: есть профсоюзы, которые объединяют лишь несколько десятков членов, и есть профсоюзы, численность членов которых превышает миллион человек. Наряду с этим существуют высоко централизованные и децентрализованные профсоюзы. И это не может не порождать противоречия между ними. Еще один источник противоречий внутри британских профсоюзов связан с их отношениями с Лейбористской партией. Некоторые профсоюзы являются ее коллективными членами, другие — оставляют право членства в партии за своими членами. Сохраняется и классическое противоречие между профсоюзами государственных служащих и работников частного сектора, между профсоюзами синих воротничков и белых воротничков.

За исключением отношений с политическими партиями, подобное положение сложилось и в США, где за наличием сильной конфедеральной организации скрывается глубокая географическая и профессиональная фрагментация заинтересованных групп. Это разделение определяется прежде всего историческим развитием профсоюзного движения в США. Речь в данном случае идет об Американской федерации труда¹, созданной в 1881 г. на базе профессиональной принадлежности и ориентированной на рабочую элиту, благосклонную к сотрудничеству с капиталистами, и о Конгрессе производственных профсоюзов, созданном в 1935 г. прежде всего на базе автомобильной промышленности. Этот Конгресс является более радикальной организацией, антикапиталистической по сути и благосклонной к вмешательству в экономику правительства. Конгресс производственных профсоюзов в 1943 г. создал *Комитет политического действия*, который стал политическим продолжением профсоюзного действия. В 1955 г. эти две профсоюзные организации сближаются, создав, по сути дела, единую организацию. Однако подлинного единства добиться так и не удалось: слишком велики различия между организациями, входящими в них. С другой стороны, позиции американских профсоюзов значительно были ослаблены в силу того, что смещение промышленности на Юг и Запад страны затруднило деятельность профсоюзных организаций, т. к. законодательство многих штатов Юга и Запада страны характеризуется значительными ограничениями для деятельности профсоюзов.

Силу влияния профсоюзов можно определять числом членов и особенно их удельным весом по отношению к общему числу лиц наемного труда. Синдикализация лиц наемного труда во Франции одна из самых низких: члены профсоюзов составляют примерно 10 % их общей численности. Значительно лучше выглядит картина профсоюзного движения в Италии: члены профсоюза составляют более 50 % лиц наемного труда в частном секторе и более 60 % в публичном секторе.

¹ Американская федерация труда — Конгресс производственных профсоюзов (АФТ — КПП) — крупнейшее профсоюзное объединение в США, созданное в 1955 г. путем слияния Американской федерации труда и Конгресса производственных профсоюзов. В составе АФТ — КПП свыше 100 профсоюзов. Входят в Международную конфедерацию свободных профсоюзов.

В США упадок профсоюзного движения отмечен в промышленности, особенно на Северо-Востоке страны. Об упадке свидетельствуют следующие цифры. В 1951 г. членами профсоюзов в США были 33 % наемных рабочих, в 1974 — 29 %, а на исходе прошлого столетия — лишь около 16 %.

Более масштабной синдикализация рабочих является в Германии. Она составляет 40 % от общего числа лиц наемного труда. В Великобритании охват членством профсоюзов составлял в 1979 г. около 55 %. В 90-х гг. под давлением М. Тэтчер, которая запретила обязательное членство в профсоюзах, численность членов профсоюзов значительно сократилась.

Следует сказать, что при сравнении различных профсоюзов нужно обращать внимание на практику обязательного членства. Если такая форма членства существует, то возможности, в том числе материальные, у профсоюзных организаций расширяются. Да и влияние профсоюзов в стране оказывается более высоким. Нужно учитывать, наконец, и практику коллективных договоров внутри предприятий. Если такая практика существует, то влияние профсоюзов увеличивается.

Наконец, нельзя не сказать и о том, что уменьшение масштабов традиционной промышленности и активное развитие третичного сектора экономики в 70-е гг. значительно ослабили влияние профсоюзов. Профсоюзы, ослабленные под влиянием социальных сдвигов и фрагментации интересов, столкнулись с новым явлением: появились более или менее стихийные движения, например, забастовочные комитеты или «координационные» комитеты, а также движения секториальной и корпоративной природы.

Аграрные организации

Аграрные заинтересованные группы интересны прежде всего тем, что они заимствуют черты как предпринимательских групп, так и групп, объединяющих лиц наемного труда. Кроме того, рассматриваемые группы в целом сохранили свое влияние в обществе, несмотря на падение численности крестьянства. Так, в Великобритании уже давно крестьяне составляют лишь около 3 % активного населения; в США численность занятых в аграрном секторе экономики сократилось с 30 млн в 1920 г. до примерно 10 млн в 70-е гг. В 80-е гг. аграрии составляли лишь около 2 % активного населения США. Во Франции аграрный сектор экономики охватывает лишь 7 % активного населения страны. В Италии

численность крестьянства сократилась с 17,2 % в 1971 г. до 9 % активного населения в 1990 г.

Однако, как мы уже отмечали, несмотря на падение удельного веса крестьянства в составе активного населения, его влияние в стране не падало. Это было связано, в том числе и с государственной политикой в области сельского хозяйства. К примеру, в Италии аграрии получали всегда активную поддержку со стороны правящей ХДП. Во Франции также правящий класс на протяжении всего послевоенного периода проводит активную аграрную политику, поддерживая фермеров и сельскохозяйственных производителей вообще.

Чем объясняется такая политика в отношении селян? Прежде всего избиратели многочисленных избирательных округов на селе представляют собой компактную и достаточно однородную по своим политическим предпочтениям группу. Во-вторых, аграрии оказывают значительное влияние на национальное коллективное сознание во многих странах. В-третьих, значительным является влияние крестьянства на политический класс на местном уровне.

Однако решающее значение имеет тот факт, что крестьяне как социальная группа особым образом структурированы и организованы. Причем весьма редко крестьяне борются на два фронта, как это характерно для предпринимателей в промышленности, которые защищают свои интересы перед лицом своих конкурентов, с одной стороны, и перед лицом государства — с другой. Государство же, учитывая особую экономическую роль аграриев, стремится установить с ними привилегированные отношения.

Сила аграриев как заинтересованной группы достигала своего апогея в 70-е гг. прошлого века. В последующем влияние крестьян стало несколько слабее. Однако внимание правительств, по сути дела, всех государств к проблемам крестьянства не стало меньшим.

7.4. Организация заинтересованных групп: влияние публичных властей

Для того чтобы быть услышанными, заинтересованные группы должны иметь достаточно высокую организацию. Однако публичные власти, являющиеся привилегированным объектом давления заинтересованных групп, не бездействуют. Они стремятся, если не запретить, то по крайней мере ограничить влияние этих групп, добиваясь их интеграции

и институционализации. При этом решения регламентного характера являются чаще всего либеральными, а меры по интеграции заинтересованных групп являют собой пример корпоративистской логики.

1. Либеральные решения

В любом, даже самом демократическом обществе, требуется нередко принимать решения, которые ограничивали бы развитие негативных неуправляемых процессов. Одним из примеров такого рода решений является закон, принятый 21 сентября 1972 г. в Германии, который определил характер отношений заинтересованных групп с парламентом и правительством. Эти группы должны быть зарегистрированы в Бундестаге. При этом должны быть указаны такие сведения: социальный характер, структура, а также имена руководителей и представителей этих групп. В обмен на эти сведения заинтересованные группы получали возможность активной работы в парламентской деятельности.

Решение о регистрации заинтересованных групп опиралось на американский опыт, хотя он и не дал сколько-нибудь значительных результатов, в частности, в деле борьбы с коррупцией. В 1946 г. в США был даже принят специальный закон в связи с деятельностью заинтересованных групп. Этот закон предъявлял к группам четыре типа обязательств.

1. Все физические или моральные лица, которые участвуют в деле оказания влияния на законодательство, должны регистрировать вклады свыше 500 долларов и расходы свыше 10 долларов, а также указывать имена, связанные с подробными действиями.

2. Каждый квартал такая информация должна представляться в палату представителей.

3. Лица, которые получают или передают деньги в целях оказания влияния на законодательную деятельность, должны быть зарегистрированы в службах Палаты представителей или Сената.

4. Вся такая информация каждый квартал должна публиковаться в специальном издании.

Главный результат, полученный в результате применения указанного закона, заключается в том, что он позволил идентифицировать группы давления и обеспечил некоторую

транспарентность их деятельности. Оказалось, что на федеральном уровне лоббистской деятельностью занимаются около 15 000 человек. Стало возможным определить их организационную структуру. Однако это лишь видимая часть айсберга. Многие аспекты деятельности таких заинтересованных групп проводятся, что называется, в тени.

2. «Корпоративистские» решения

Публичные власти по отношению к заинтересованным группам могут занимать и более активную позицию, идя по пути либо их интеграции в процесс принятия государственных решений, либо, стремясь добиться их институционализации, превратить их тем самым в квазипубличные структуры.

Интеграция заинтересованных групп в процесс решения

В современных условиях публичные власти стремятся проконсультироваться и сотрудничать с заинтересованными группами. Так, в США давно сложилась практика участия заинтересованных групп в работе комиссий конгресса или специальных комитетов, создаваемых федеральными властями. Однако это участие не превращается в совместное разрешение проблем. В странах Западной Европы отношения правящих структур с заинтересованными группами строятся таким образом, что эти группы являются так называемыми «привилегированными партнерами». Это позволяет говорить о том, что такого рода отношения нацелены на достижение политического и социального консенсуса в обществе.

В Германии консультации социальных партнеров экономического сектора приобрели, что называется, официальный характер с принятием закона об экономической стабилизации 1967 г. Этому способствовало создание коалиции политических партий ХДС-ХСС и свободных демократов. Однако результаты этого нельзя назвать крупными. А в 70-е гг. интерес к формально оформленным консультациям стал даже угасать. Нечто подобное имело место в Великобритании. В середине 60-х гг. лейбористское правительство предприняло попытку создания *Национального совета экономического развития*, состоявшего из шести представителей профсоюзов и шести представите-

лей объединений предпринимателей. Однако эта попытка оказалась неудачной: продолжала действовать система «правления на основе комитетов», в рамках которой публичные власти согласовывали свои позиции с партнерами. Аналогичная картина характерна и для Франции, где также сложилась практика создания разного рода комиссий как внутри государственного аппарата, так и в отношениях между заинтересованными группами.

Организационная интеграция

Формы институциональной интеграции заинтересованных групп очень разнообразны. Для этого используются как юридические, так и организационные инструменты. На своей первой стадии институционализация заключается в том, чтобы привлечь представителей заинтересованных групп к деятельности самих политических структур. Такого рода практика не получила распространения в США или в Великобритании. В Европе же она напоминает о печально известных попытках такого рода, которые были предприняты фашистскими режимами в Италии и во Франции в военные годы. А потому и в той и в другой стране после Второй мировой войны были созданы соответственно *Национальный совет экономики и труда* и *Экономический и социальный совет*. Однако их влияние было незначительным.

Новым шагом на пути институционализации заинтересованных групп стало предоставление им прерогатив публичного права, т. к. они стали руководить публичными структурами. Например, в Италии, аграрному профсоюзу было доверено руководство вопросами социальной защиты крестьянства вплоть до санитарной реформы, проведенной в 70-е гг. Выполнение публичной функции присуще и Торговым палатам в Италии, Германии и Франции, чего не скажешь о торговых палатах США и Великобритании.

7.5. Заинтересованные группы и политическая система

Феномен заинтересованных групп достаточно сложен для понимания. Это связано не только с особенностями их организации, но и со спецификой используемых ими способов мобилизации и давления. Сказывается также и влияние этактических структур и политической конъюнктуры, которые, в свою очередь, не могут не оказывать влияния на деятельность

заинтересованных групп. Скажем и о том, что роль заинтересованных групп в общественной жизни может быть оценена только с учетом их взаимодействия с публичными властями. А потому анализ заинтересованных групп должен учитывать как структуру государства, политико-административную систему, которые во многом определяют особенности действий заинтересованных групп, так и традиции мобилизации и давления, свойственные тем или иным группам.

Демократические государства характеризуются функциональным и территориальным разделением власти. Разделение задач между исполнительной и законодательной властями, между центральной и местной властями зависит от конституционного устройства, исторического наследия, а также от специфики силовых отношений между институтами в данный момент. Как мы уже отмечали, целью деятельности заинтересованных групп является их стремление влиять на власть с целью принятия или непринятия того или иного решения. И потому вся их деятельность тесно связана со структурой публичных властей и, в частности, с утверждением определенного равновесия в деятельности властей центра, а также в отношениях центр — периферия.

Заинтересованные группы и законодательная власть

Долгое время парламенты были привилегированным объектом давления заинтересованных групп. Это было оправдано: в лице парламентов представала реальность власти. К тому же парламентарии были наиболее доступными представителями власти в рамках политической системы. Сказывалось и то, что внутри самих парламентов нередко создавались группы давления. Дело дошло до того, что в годы IV-й Республики регламент Национального собрания во Франции запретил образование внутри него групп, защищающих частные, локальные или профессиональные интересы. Правда, сами группы не перестали существовать. Они образовывались под прикрытием дружеских отношений или комиссий. В США конгресс испытывает на себе сильное влияние давлений различных групп и разного рода лоббистских организаций, о чем речь шла выше.

Давление на себя испытывает и британский парламент. Однако всем известно, в том числе и заинтересованным группам, что эффективность такого давления невысока, т. к. он действует во многом под диктовку исполнительной

власти. Внутри итальянского парламента привилегированным местом давлений на него являются многочисленные комиссии, которые обладают правом голосования некоторых законов. Именно эти комиссии являются наиболее эффективным средством отстаивания специфических интересов различных групп.

Эффективность давления внутри парламентов зависит от масштабов его автономии по отношению к исполнительной власти, стратегии заинтересованных групп, открытого в той или иной мере доступа к нему и состава членов комиссий. Сказывается влияние и социoproфессионального происхождения парламентариев. Не впадая в социологический детерминизм, можно утверждать, что состав парламента в большей или меньшей степени открывает возможность для деятельности тех или иных заинтересованных групп. Так, в годы III-й и IV-й Республик во Франции очень масштабно были представлены лица свободных профессий. Позднее пришел черед масштабного представительства преподавательского корпуса и чиновников. В американском конгрессе до 60 % парламентариев являются выходцами из деловых кругов и «законников». Заинтересованные группы при этом широко пользуются услугами бывших конгрессменов. В Великобритании и Италии действия заинтересованных групп облегчаются в силу того, что многие парламентарии являются выходцами из актива профессиональных организаций. Их иногда называют «профессионалами политики», которые к тому же имеют давние связи с политическими партиями.

Заинтересованные группы и исполнительная власть

Исполнительная власть и администрация являются привилегированным объектом заинтересованных групп, т. к. именно от них зависит принятие и осуществление политических решений. Не случайно, во многих странах Запада сложились устойчивые и постоянные контакты администрации всех уровней с заинтересованными группами. Этому способствует факт все более тесных связей между публичной и частной сферами экономической и социальной жизни. В этом же направлении развивается и наднациональное строительство в Европе, которое строится с учетом необходимости утверждения все более тесных отношений не только с публичным, но и с частным секторами.

Заинтересованные группы и территориальная власть

Когда заинтересованные группы стремятся влиять на власть, то естественным является их стремление сотрудничать с политико-административными структурами. И в зависимости от специфики государственной политики, ориентированной, к примеру, на дальнейшую централизацию, децентрализацию или укрепление основ федерализма, строится организация и деятельность заинтересованных групп. Так, в унитарном государстве, например во Франции, большинство заинтересованных групп являются централизованными и имеют свои структуры в департаментах, тогда как в США или Германии они действуют на федеральном и региональном уровнях.

Однако при проведении сравнительного анализа следует избегать полного уподобления официальных структур, принимающих решения, со структурами заинтересованных групп. Широко известен тот факт, что централизация или децентрализация политико-административных структур является только лишь одним из возможных индикаторов централизации или децентрализации процесса принятия решений. Так, в Германии и Австрии, например, особое значение имеют переговоры на высшем уровне, тогда как в Великобритании переговоры между местными властями и профсоюзами этого же уровня по сути дела не принимались в расчет переговорщиками в лице представителей местных властей и профсоюзов национального уровня.

Нужно отметить также и тот факт, что совпадающие интересы заинтересованных групп и специфических элементов политико-административной власти могут приводить к изменениям местоположения усилий этих групп в оказании своего давления на власть. В подтверждение этого тезиса иногда приводят следующий пример. Иногда федеральные власти в Вашингтоне могут проявлять интерес к тому, чтобы оказывать давление на уровне штатов. Этот интерес вызывается к жизни тем, что сами штаты не всегда имеют возможность оказывать эффективное давление на федеральном уровне. Выработка политики по вопросам развития городов, по борьбе с проявлениями расизма или по вопросам дальнейшего развития образования осуществляется на основе тесного сотрудничества местных лоббистов с Вашингтоном. В таком взаимодействии широко используются возможности права и органов юстиции.

Особо следует отметить тот факт, что в процессе давления заинтересованных групп особое значение имеют судебные решения и позиция судебной власти вообще. Это наглядно показывает пример того, как заинтересованные группы действуют в рамках Евросоюза.

7.6. Ресурсы и способы действия заинтересованных групп

Способы действия заинтересованных групп разнообразны, но они определяются природой той или иной группы, стратегией, которую они проводят в жизнь, ресурсами, которыми они обладают, открытостью по отношению к политико-административной системе. Кроме того, любая заинтересованная группа строит свою деятельность с учетом сложившейся национальной политико-административной культуры.

Ресурсы, которыми обладают группы, разнообразны, и распределены они в зависимости от места и времени между группами далеко не равномерно. Едва ли не *основным ресурсом любой группы* является то, что называется *доступом к тем или иным ответственным лицам властных структур*. Легче всего такой доступ достижим для групп, занимающих стратегические позиции, чаще всего институционализованных групп, а также для тех групп, которые получили признание власти в качестве «достойных» собеседников. К таким группам относятся объединения предпринимателей, профсоюзы или группы, близкие к власти (например, та или иная государственная структура).

Существуют и так называемые «внесистемные» группы. По отношению к ним власти проводят, как правило, одну из двух стратегий. Одна из них может быть охарактеризована следующим образом: полное подчинение властям и их требованиям. Вторая — используя различные методы (манifestации, отказ от уплаты налогов, шантаж, блокирование публичных учреждений и т. п.), добиваться изменения структуры своих ресурсов и соотношения сил.

Вторым ресурсом заинтересованных групп можно назвать деньги. Ситуация с деньгами заинтересованных групп, понятно, существенно отличается в различных странах. Как отмечают исследователи, американские заинтересованные группы расходуют огромные средства для того, чтобы добиться своего влияния на членов Конгресса. Размеры этих

средств несопоставимы с размером подобных расходов в Европе. При этом некоторые заинтересованные группы сами обеспечивают себя ресурсами. Речь в таком случае следует вести о группах, опирающихся на бизнес, что характерно для английских или американских профсоюзов. Другие группы в основном получают финансирование от публичных властей (профсоюзы и ассоциации во Франции и Италии). Следует сказать, что, к примеру, финансирование политических партий в настоящее время регламентировано почти повсеместно. А потому нередко осуществляется нелегальное финансирование, что связано, к примеру, с коррупцией.

Третий ресурс связан с технической компетенцией заинтересованных групп, их участием в проведении «экспертизы». Техническая компетентность заинтересованных групп выражается в том, что власти ее признают и ведут с ними (с группами) переговоры, что называется на равных. Или техническая компетентность используется в иной области, прежде всего в поле политики.

В первом случае взаимодействие групп давления с представителями администрации строится на том, что власти как бы оказываются в плену заинтересованных групп, т. к. эти последние обладают знаниями и компетенцией, которых нередко недостает представителям власти. Политологи приводят, можно сказать, классический пример подобного влияния заинтересованных групп: президенту США Картеру нефтяные и газовые компании отказали в предоставлении информации для выработки энергетической политики в стране.

Техническая компетентность может использоваться для мобилизации за пределами ее местоположения. Широкое распространение в последние годы получила практика использования авторитета и широкого признания известных и популярных людей: артистов, ученых, литераторов, музыкантов и т. п. в интересах той или иной заинтересованной группы. Масштабы влияния этих людей значительно возрастают в силу использования возможностей средств массовой информации.

7.7. Плюрализм, олигархия или неокорпоративизм?

Заинтересованные группы, как мы уже отмечали, получили широкое распространение в США, где они рассматриваются как своеобразная гарантия социаль-

ного и политического плюрализма. Они являют собой существенный элемент плюралистической демократии. Показательно, что А. Бентли в свое время утверждал, что «первичным объектом изучения всех форм социальной жизни является анализ групп, который значит значительно больше, нежели простая их классификация. Когда эти группы адекватно определены, тогда определено все. И когда я говорю все, то это значит все»¹. Значение этого тезиса заключается в том, что акцент делается на процесс в большей мере, чем на структуры. В то же время Бентли формулирует подход, в котором вся политическая деятельность и активность сводится к деятельности заинтересованных групп. Полвека спустя такой подход был использован Д. Трумэном. И только в 60-е гг. прошлого столетия американцы Г. Алмонд и Г. Пауэлл обратили внимание на дифференциацию и неравенство между собой заинтересованных групп.

Однако поверх учета различий между заинтересованными группами, исследователи обращают внимание на их во многом совпадающую роль в утверждении и дальнейшем развитии демократии. Эта роль оценивается как позитивная в силу утверждения отношений соперничества, конкуренции между заинтересованными группами, что способствует утверждению стабильности общества и содействует утверждению консенсуса в обществе.

Такое, назовем его оптимистическое, восприятие заинтересованных групп, получившее довольно широкое распространение в США, наталкивается нередко на серьезную критику. Она связана прежде всего с тем, что, по мнению политиков и политологов, такое понимание роли заинтересованных групп неизбежно приводит к подчинению в значительной мере государственной политики частным интересам.

Критический подход к излишне, может быть, оптимистической концепции статуса и роли заинтересованных групп со стороны Бентли и Трумэна, представлен в работе М. Олсона «Логика коллективного действия»². М. Олсон

¹ Bentley A.F. *The Process of Government*. Chicago, 1908. Согласно Бентли, правление и политика, которую оно проводит, являются результатом давления, осуществляемого различными группами. И потому, согласно Бентли, «равновесие различных давлений является реальным состоянием общества» (Ibid. P. 258 – 259); Cf. Mény Y., Surel Y. Op. cit. P. 163.

² Olson M. *Logique de l'action collective*. P., 1978.

опротестовывает в своей работе основной постулат указанной теории, согласно которому экономические группы действуют в интересах своих групп и их членов. М. Олсон считает, что члены больших групп чаще всего не готовы жертвовать своими собственными интересами во имя достижения целей этих групп даже в тех случаях, когда в конечном счете они должны получить выигрыш. М. Олсон в своем произведении показывает, что большие экономические группы (например, общества потребителей) значительно слабее организованы, чем, к примеру, объединения предпринимателей. Иначе говоря, существование общего интереса является недостаточным условием для того, чтобы обеспечить эффективные совместные действия группы. Типичным примером такой ситуации является деятельность профсоюзов. Их действия нацелены на получения выгод для всех членов профсоюза, однако эти действия охватывают лишь незначительную, хотя и очень активную часть профессиональных организаций.

Отношение к заинтересованным группам существенно отличается в различных странах. Во Франции, например, в отношении заинтересованных групп существует критика якобинского или революционного толка. Странники такого подхода решительно осуждают саму возможность вмешательства в публичную сферу заинтересованных групп, выступая в конечном счете с позиций осуждения самого существования таких групп. Не вызывает сомнения тот факт, что такой подход несет с собой опасность антидемократической эволюции государства и общества, что может выражаться в соскальзывании в тоталитаризм. Но есть и другая критика. Странники этой, другой критики выступают против деятельности только тех групп, которые, опираясь на олигархию, контролируют деятельность политической власти. Такая критика исходит из среды так называемых традиционалистов и антиреспубликанцев, которые, выступая с позиций защиты положения индивида в обществе, полагают, что формирование и деятельность групп интересов, подчиняющих себе само государство, является неприемлемым.

В XX в. в рамках современной политической науки, был сформулирован вопрос о совместимости групповых давлений на власть с самой системой либеральной демократии в принципе, а также о пределах такой совместимости. Из новейших моделей демократии лишь «плюралисти-

ческая» относится к заинтересованным группам лояльно. Почему?

Во-первых, отмечается экономическая неэффективность политики, направленной исключительно на удовлетворение запросов заинтересованных групп. Предположим, что одна из них (будь то отрасль промышленности, регион, местный орган власти и т. п.) добилась своего и стала объектом усиленной финансовой поддержки со стороны правительства. Естественно, другие заинтересованные группы того же типа почувствуют себя ущемленными и потребуют себе того же самого. А поскольку ресурсы однотипных групп примерно равны, высока вероятность того, что они добьются успеха. В результате блокируется возможность концентрации средств в тех отраслях и регионах, которые действительно заслуживают преимущественной государственной поддержки. Долгосрочная экономическая стратегия становится фикцией, что в современных условиях далеко небезопасно. Многие исследователи связывают структурный кризис, постигший США в 70-е гг., именно с засильем заинтересованных групп. Как известно, выход, предложенный Р. Рейганом, состоял в том, чтобы сократить масштабы государственного вмешательства в экономику. Выяснилось, как справедливо отмечает профессор Г.В. Голосов, что о таком намерении легче заявить, чем его осуществить. Ныне общепризнано, что могущественные заинтересованные группы (особенно предпринимательские) продолжают оказывать стагнирующее воздействие на американскую экономику.

Во-вторых, трудно отвлечься от вопиющего неравенства возможностей отдельных заинтересованных групп. Эта проблема особенно остро стоит опять-таки в США. Как отмечает Д. Маккей, только правительство располагает властью, сопоставимой с влиянием предпринимательских ассоциаций. До самого последнего времени крупный бизнес даже не считал нужным открыто защищать свои позиции: в большинстве случаев администрация, предчувствуя его реакцию, сама стремилась принять соответствующие решения. И это не удивительно, если учесть колоссальные финансовые ресурсы предпринимателей.

В-третьих, заинтересованные группы препятствуют проведению активной социальной политики. Крупнейшие социальные реформы в США («Новый курс» Ф. Рузвельта и «Великое общество» Дж. Кеннеди) могли быть осуществ-

лены лишь в условиях, абсолютно неблагоприятных для заинтересованных групп: при сильной президентской власти, послушном ей Конгрессе и лояльном общественном мнении. Повышенная же групповая активность, напротив, приводит к социальному окостенению: распределив между собой роли в соответствии с наличными ресурсами, группы не только не могли изменить ситуацию сами, но и не позволяли это сделать кому-то другому¹.

Наиболее серьезный вызов основам либеральной демократии был сделан в последние десятилетия так называемым корпоративизмом. Сам термин был заимствован политологами из политического лексикона итальянского фашизма: именно так Муссолини и его приверженцы называли строй, который хотели создать в своей «империи». Они полагали, что государство должно быть построено как система «корпораций», каждой из которых представлялась монополия на представительство какой-то группы общества. Взамен «корпорация» (профсоюз, молодежная, женская организация и т. д.) должна была контролировать своих членов и поддерживать их лояльность режиму.

Попытки практической реализации идей корпоративизма имели место в межвоенный период и в годы войны, а в некоторых странах и после нее — в Германии, Италии, Франции, Испании и Португалии. Конечно, было бы крайним упрощением полагать, что в современных условиях указанному понятию придается тот же смысл, что и прежде. Он приобретает существенно иное выражение. Но и в новом понимании заинтересованные группы подвергаются огосударствлению и постепенно присваивают себе монополию на представительство отдельных слоев общества. Процесс принятия решений приобретает характер серии сделок между бюрократией и немногими, но хорошо организованными заинтересованными группами. В то же время сами группы становятся «внутренне олигархическими», т. е. их лидеры в большей степени представляют самих себя, чем пассивную и апатичную массу рядовых сторонников. Одно из распространенных определений корпоративизма дал в 1974 г. Филипп Шмиттер: «Система представительства интересов, элементы которой представляют собой ограниченное число обязательных, не конкурирующих между собой, иерархически организованных и функционально

¹ См.: *Голосов Г.В.* Указ. соч. С. 144–145.

дифференцированных единиц, признанных или разрешенных (если не созданных) государством, которое им уступает монополию представления интересов в обмен на ту или иную степень правительственного контроля за подбором их лидеров и артикуляцией требований и поддержки»¹.

Модель Шмиттера отличается от так называемой плюралистической модели, которую он же характеризует как «систему представления интересов, в которой конститутивные единицы организованы как множественные, добровольные, соревнующиеся между собой, неорганизованные иерархически и самоопределяющиеся (в том, что касается типа и природы интересов) единицы, которые не разрешены неким особым образом, а получили признание, поддержку или созданы государством, и которые не обладают монополией деятельности по представлению своих интересов»².

Эти две, во многом абстрактные модели, как видим даже из представленных характеристик, существенно различаются между собой. Правда, неизбежно встает вопрос, в чем неокорпоративизм отличается от его фашистской версии? Может быть в том, что неокорпоративизм сосуществует с парламентом и другими элементами демократии? Встает и такой вопрос: возможно ли сосуществование неокорпоративизма в рамках либеральной демократии?

Неокорпоративизм, в его современном понимании, характеризуется тем, что в экономической жизни ведущую роль приобретают немногочисленные, но очень крупные корпорации. В ответ на это укрепляются и профсоюзы, в которых ведущие позиции занимает группа могущественных лидеров. При этом влияние рядовых членов профсоюзов и предпринимательских организаций падает. Они просто утрачивают возможность влиять на принимаемые решения. Обращает на себя внимание и то, что в условиях неокорпоративизма постепенно сглаживаются различия по социальному происхождению, уровню образования и идеологическим ориентациям между ведущими бизнесменами, руководителями профсоюзов и государственными служащими, что приводит к формированию у них общего технократического мировоззрения (и позволяет легче договариваться друг с другом), но отдаляет от общества; наконец, экономическая роль государства возрастает и в

¹ Cf. Mény Y., Surel Y. Op. cit. P. 165; Голосов Г.В. Указ соч. С. 146.

² Schmitter P. Still the Century of Corporatism? // Review of Politics, 36, 1974. P. 85 – 113.

управлении находящимися в его собственности предприятиями, и в контроле над частным сектором.

Особенно активно проблема неокорпоративизма обсуждалась в Великобритании. Именно здесь громче всего звучали опасения о том, что «новый порядок» (который связывали прежде всего с засильем профсоюзов) идет на смену демократии. Общим итогом обсуждения стал, однако, вывод о преувеличенности этих опасений. Действительно, контроль предпринимательских ассоциаций и профсоюзов над своими членами оказался в Великобритании более слабым, чем в Швеции, Нидерландах и ФРГ. В профсоюзах состояло 52 % рабочих-мужчин и 29 % — женщин — меньше, чем во многих других либеральных демократиях. И даже экономическая роль государства, как оказалось, была не такой уж важной¹.

Более того, эмпирические исследования по вопросам неокорпоративизма убедительно свидетельствовали о том, что его распространение и конкретное проявление существенно различаются в различных странах. Общеизвестным является то, что неокорпоративистская модель не получает широкого распространения в США, Великобритании, Италии и во Франции, за исключением, может быть, некоторых отраслей, например аграрного сектора во Франции².

Иная ситуация характерна для некоторых других стран. Так, в Австрии или Германии сама социально-политическая организация как бы была нацелена на реализацию идеи неокорпоративизма, чему содействовало долгое правление социал-демократических партий, которые традиционно близки к профсоюзам и стремятся проводить согласованную с ними политику в отношении ассоциаций предпринимателей.

Всесторонний анализ неокорпоративизма в конечном счете столкнулся с необходимостью внятного ответа на вопрос: как соотносится неокорпоративизм с традиционной политикой в рамках либеральной демократии? Наиболее полный и убедительный ответ на этот вопрос дал Герхард Лембрук, который пришел к выводу о том, что неокорпоративизм не является альтернативой плюралистической демократии. Он являет собой пример синтеза с ней в различных формах. На первый взгляд такое утверждение может показаться

¹ См.: *Голосов Г.В.* Указ. соч. С. 146–147.

² *Cox A., Hayward J.* The Inapplicability of the Corporatist Model in Britain and France // *International Political Science Review*. 1983. Vol. 4. № 2. P. 217–240.

нереалистичным, ибо основывается на трудно достижимом компромиссе между плюралистической демократией и посредничеством интересов, которые являются во многом принудительными, авторитарными и даже олигархическими. И если такая модель неокорпоративизма окажется реализованной, то, называя вещи своими именами, нужно будет признать, что перед нами окажется обычный корпоративизм, который никак не связан с либеральной демократией. Если же корпоративистские проявления в демократическом обществе не приобретают системного характера, не оказывают решающего влияния на развитие страны, то встает вопрос: какая необходимость строить специальную теоретическую модель, которая окажется неспособной адекватно объяснить реальность либеральной демократии?

И тем не менее исследование проблематики политического выражения, в том числе и в рамках сравнительного анализа, делают необходимым учет влияния как политических партий, так и, конечно же, заинтересованных групп. Такой учет неизбежно наталкивается на ряд препятствий, которые связаны с особенностями объекта. Ведь люди, стремящиеся оказывать давление на правительство, далеко не всегда афишируют свою деятельность. Многие виды такого давления, даже если оно осуществляется открыто, остаются в тени. А это значит, что анализ политического выражения должен строиться в том числе и на учете влияния заинтересованных групп. Видимо, прав профессор Г.В. Голосов, когда говорит, что неудача, постигшая советологов в предвидении перспектив развития СССР в 80-е гг., связана с отсутствием адекватных представлений о заинтересованных группах советского общества.

ГЛАВА 8

ИЗБИРАТЕЛИ, ВЫБОРЫ, ИЗБИРАТЕЛЬНЫЕ СИСТЕМЫ

Изучение избирательных систем и всего того, что связано с выборами, относится к приоритетным направлениям современной сравнительной политологии. К настоящему времени исследователи-компаративисты накопили огромный материал, позволяющих производить оценку эффективности избирательных систем, измерять их качества, соотносить избирательные системы с партийными системами, определять характер влияния избирательных систем на электоральное поведение граждан.

В настоящем разделе нашего учебного пособия будут даны характеристики не только избирательных систем, что чрезвычайно важно для проведения сравнительного анализа, но и будут рассмотрены вопросы, дающие характеристику избирателей и избранников. Причем и те, и другие будут проанализированы через призму выборов. Почему? Да потому, что демократические страны рассматривают *выборы в качестве основного источника легитимации власти*. Правда, политическая и конституционная история этих стран показывает, что реализация конституционного принципа указанной легитимности на практике является весьма противоречивой. Если рассматривать выборы, пользуясь характеристикой Д. Сартори¹, как *селекцию*, то на протяжении длительного исторического периода во многих странах действовали механизмы ограничения в избирательном процессе значительной части избирателей. Да и в наши дни, как показано в работе Д. Гакси, действует «скрытый ценз», который выводит за пределы избирательного корпуса значительную массу избирателей².

Жизнь показывает, что реальное осуществление народом политической власти предполагает наличие соответствующих юридических и политических механизмов. Мож-

¹ Sartori G. Théorie de la Démocratie. P., 1973. P. 84.

² Gaxie D. Le cense caché. P., 1978.

но со всей определенностью утверждать, что демократический идеал недостижим, если не обеспечен институционный *перевод* в выборные места результатов всеобщего голосования. Рассмотрение всего комплекса вопросов указанного институционного перевода предполагает выяснение таких вопросов, как избиратели, выборы, избранники. Рассмотрим их более подробно.

8.1. Избиратели

Концепция избирателя как такового отмечена печатью *элитизма, корпоративизма и сексизма*. Избиратель является элитистским элементом сравнительного анализа, особенно если учесть специфику греческой демократии, английской и французской демократий. Корпоративистская характеристика избирателя присуща монархиям, организованным в государство, или автономным городам, например в Италии. Сексистской характеристикой наделялись избиратели вплоть до начала XX века, т. к. женщины повсеместно не обладали правом голоса. В рамках такого подхода Стейн Роккан в одной из своих работ выделил пять исторических периодов постепенной эволюции статуса избирателя:

- предреволюционная фаза, отмеченная наличием меняющейся и нестабильной системы электорального выражения;
- фаза американской и французской революций, характеризующаяся признанием всеобщего... и цензового голосования;
- фаза генерализации «всеобщего» неравного голосования, подправленного рядом процедур (ценз, способность, множество голоса и т. д.);
- фаза утверждения мужского всеобщего голосования;
- современная фаза, отмеченная расширением корпуса избирателей¹.

Конечно, в каждой из стран эволюция статуса избирателя проходила со своей национальной спецификой. Так, во Франции и США еще в конце XVIII в. утвердился принцип всеобщего голосования. Однако так называемые «опасные классы» таким правом стали обладать значительно позже. Иная картина наблюдалась в Германии, Италии и

¹ Rokkan S. (dir.) Citizen, Elections, Parties. Approaches to the Comparative Study of the Processes of Government. Oslo, 1970.

Великобритании. В этих странах принцип всеобщего голосования утвердился только в 1918 г. Отметим и тот факт, что британцы первыми еще в 1918 г. предоставили право голоса женщинам. Показательно и то, что мужчины получали право голоса в 21 год, а женщины — при достижении 30-летнего возраста. Такое неравенство было устранено лишь в 1928 г. В 1969 г. англичане были наделены правом голоса, начиная с 18 лет.

В Италии мужское всеобщее голосование было введено в 1919 г. Право голоса итальянки получили только в 1945 г. В 1975 г. молодые итальянцы и итальянки получили право голоса при достижении 18 лет.

В ФРГ только в 1975 г. был введен порог для голосования при достижении молодыми людьми 18-летнего возраста.

Весьма своеобразно шло становление принципа всеобщего голосования в США, объявивших себя, как и Франция, решительным сторонником всеобщего голосования. Однако вплоть до середины XX в., этот принцип был подвержен существенным ограничениям. Так, в ряде штатов США довольно долго право голоса не предоставлялось неграм. Для этого использовался целый ряд ограничений: необходимость проживания определенного времени на территории штата, необходимость иметь определенный уровень образования и т. д. К слову сказать, негры получили право голоса только в 60-е гг. прошлого столетия. В 1970 г. право голоса получили и все американцы, достигшие 18-летнего возраста.

Нужно сказать, что одной из острых политических проблем в наши дни во многих странах Западной Европы и Северной Америки является проблема участия в голосовании иммигрантов. Общая тенденция такова, что постепенно многие из них получают право голоса на муниципальных и европейских выборах. Причем это право сохраняется за иммигрантами и в случае нахождения их за пределами той страны, в которой они проживают постоянно.

8.1.1. Избиратель и избирательная система

Изучение поведения избирателя на выборах и в политической жизни относится к приоритетным направлениям сравнительной политологии. Нет необходимости доказывать общепринятое положение о том, что демократия и политическое участие — взаимообусловленные понятия. История демократии — это история завоевания политических прав

граждан. И не удивительно, что еще в конце XVIII в. французские революционеры, осознавая невозможность демократии без активного участия граждан в политической жизни, подвели правовую базу под политическое участие. Демократическое будущее французского общества они связывали с активными гражданами старше 25 лет и способными уплатить налог в объеме стоимости трех дней работы. Зрелый возраст и определенное благополучие, по мнению депутатов Конституционного собрания 1791 г., являются лучшими гарантиями информированности и политической ответственности.

В XIX в. теоретики политической науки (С. Миль, Д. Локк, А. де Токвиль) углубили такое понимание феномена политического участия. Они, в частности, утверждали, что демократия основывается на гражданах, обладающих достаточной политической информацией, привязанных к ценностям плюрализма и обладающих гражданской ответственностью.

До середины XX в. понятие «политического участия» рассматривалось как нормативная категория, т. е. как некое «долженствование», обязанность индивида. Изменения в таком понимании политического участия были связаны с работами американских ученых-«бихевиористов» в послевоенные годы, сосредоточивших свое внимание на вопросах политического участия реальных граждан, которые, как выяснилось, имели не так уж много общего с идеальным (рациональным) гражданином, описанным в классических теориях демократии.

Оказалось, что для многих граждан характерен особый интерес к политике, а участие в политической жизни является эпизодическим. Многие граждане, зачастую, слабо информированы, а потому в своих политических действиях и решениях испытывают «внешние» влияния, например, влияние социальной группы, к которой они принадлежат. Приведем в подтверждение вывод американских политологов Г. Алмонда и С. Вербы, к которому они пришли в итоге изучения политической культуры США, Великобритании, Германии, Италии и Мексики: «Хорошо работающая демократия представлена обязательными и активными гражданами, информированными в политической области и оказывающими влияние. И когда они принимают решения, особенно готовясь голосовать, они это должны делать на основе оценки изменения ситуации и внимательного сопоставления различных выборов... Проведенные исследо-

вания ставят под вопрос эту активистскую и рациональную модель, т. к. становится все более очевидным, что граждане демократических политических систем очень редко соответствуют этой модели. Они не являются хорошо информированными, не очень обязательны, не особенно активны, а процесс выработки ими своего электорального решения имеет мало общего с процессом рационального расчета»¹.

Демократия в известном смысле является результатом активного вмешательства граждан в политической процесс. Американские ученые под политическим участием понимают совокупность «действий граждан, стремящихся оказать влияние на формирование правительственного персонала и/или те действия правительства, которые оно осуществляет»². Российские политологи рассматривают политическое участие как влияние граждан на функционирование политической системы, формирование политических институтов и выработку политических решений³.

Одна из особенностей либерального общества, сложившегося в ряде стран Запада, состоит в том, что оно способствует формированию определенного множества каналов выражения мнения участников политических процессов. При этом политическими ресурсами в таких обществах располагают не только те, кто обладает властью, но и все иные участники политического процесса.

8.1.2. Типология политического участия

Политологи различают традиционные и нетрадиционные типы политического участия. К традиционному (иногда его называют ортодоксальным) типу политического участия относятся те его формы, которые строятся вокруг голосования, мобилизующего, как известно, значительные политические ресурсы. Этот тип участия обеспечивает устойчивое функционирование политической системы, а также предъявление требований к ней, выраженных в законных формах.

Виды традиционного политического участия:

- подвергаться воздействию политических стимулов;
- голосовать;

¹ Almond G., Verba S. *The Civic Culture*. Princeton, 1961. P. 474.

² Verba S., Nie N. *Participation in America: Equality and Political Democracy*. New York, 1972. P. 2.

³ См.: *Политология: Учебное пособие* // Под ред. проф. М.А. Василика. М., 2003. С. 386.

- принимать участие в политической дискуссии;
- выражать публично общественное мнение с тем, чтобы убедить в его правоте других лиц;
- контактировать (лично или письменно) с политиком или представителем властной структуры;
- оказывать финансовое содействие партии или избирательной кампании того или иного кандидата в избранные;
- принимать участие в политических митингах;
- быть активным членом политической партии или организации¹.

Такая иерархия традиционного политического участия основана на учете интенсивности индивидуального обязательства, которое требует участие: она тем выше, чем менее частой является та или иная форма политического участия, возрастая от голосования, например, до финансовой поддержки.

Способы политического участия

При всей важности голосования в политической жизни участие в ней не сводится к нему одному. В политологии выделяются несколько типов политического участия, интенсивность которого зависит от степени обязательств, стиля отношений граждан с политической системой. Это наглядно демонстрирует приводимая ниже таблица.

Таблица 5

Способы отношений граждан с политической системой

Тип участия	Категории граждан	Формы участия
Активный нетрадиционный	Выступающие против существующего порядка	Участвуют в уличных манифестациях (3 %) Восстают, если необходимо (2 %) Решительно протестуют, если правительство совершает морально предосудительные действия (26 %) Присутствуют на митингах протеста (6 %) Отказываются подчиняться несправедливым законам (16 %)

¹ *Schonfeld W.R., Toinet M.F.* Les Abstentionnistes ont-ils toujours tort? // *Revue française de science politique.* 1975. № 4. P. 667.

Продолжение табл. 5

Активный традиционный	Местные активисты	Вместе с другими работают над местными проблемами (30 %) Образуют группы для работы над местными проблемами (14 %) Активная деятельность в местных организациях (8 %) Контактируют с официальными лицами по местным проблемам (14 %) (и они регулярно голосуют)
Активный традиционный	Активисты как избиратели и сторонники	Активно работают на партию или кандидата (26 %) Убеждают других голосовать за определенного кандидата (28 %) Присутствуют на митингах и собраниях (19 %) Участвуют в финансировании партий и кандидатов (13 %) Поддерживают политическую партию (35 %) Являются кандидатами на выборную должность (3 %) (регулярно голосуют)
Активный традиционный	Контактирующие	Информированы о политической жизни (67 %) Участвуют в политических дискуссиях (42 %) Пишут письма в газеты (9 %) Отправляют послания политикам (15 %) (голосуют достаточно регулярно)
Активный традиционный	Специалисты по контактам	Контактируют с официальными лицами на местном или национальном уровнях по частным проблемам (4 %) (в остальном же они не активны)
Пассивная поддержка	Избиратели и патриоты	Регулярно голосуют на выборах (63 %) Любят свою страну (94 %) Подтверждают свой патриотизм, являясь знаменосцами при проведении мероприятий (70 %) Платят все налоги (94 %)

Окончание табл. 5

Апатичные	Неактивные	Не голосуют и не участвуют (22 %) Не испытывают патриотических чувств (3,5 %)
-----------	------------	--

Источник: *Milbrath L., Goel M.L. Political participation. Chicago, 1977; Mayer N., Perrineau P. Les comportements politiques. P., 1992. P. 15.*

Как видим, традиционное (его иногда называют ортодоксальным) участие представлено 4 типами: местные активисты, активисты в качестве избирателей и сторонников, контактирующие и специалисты по контактам. Эти категории граждан принимают весьма активное участие в избирательных кампаниях. Традиционное участие обеспечивает устойчивость и функционирование политической системы, а также предъявление требований к ней, выраженных в законных формах.

Но не следует забывать и о том, что весьма активны как в избирательных кампаниях, так и в других видах политической деятельности те, кто по приведенной выше классификации отнесен к гражданам, выступающим против существующего порядка в обществе. К этому типу политического участия относятся и несанкционированные действия, связанные с выражением требований, и направленные против существующей политической системы. Такое участие получило наименование протестного.

Политическое участие часто подразделяют на автономное и мобилизационное.

Автономное участие — это свободная добровольная деятельность людей, преследующих личные или групповые интересы.

В отличие от него, мобилизационное участие носит принудительный характер. Стимулами политической активности становятся страх, административное принуждение, традиции и т. п. Как правило, мобилизационное участие направлено на поддержку политической системы и его целью является демонстрация преданности правящей элите, всенародного единства и одобрения проводимой политики. Подобное участие ни в коей мере не является средством реализации групповых интересов. В определенном смысле его называют квазиучастием.

В любом обществе, в любой политической системе присутствуют элементы того и другого типа участия. В то-

талитарных и авторитарных режимах доминирует мобилизационный тип участия. Демократии в большей степени присущ автономный тип, хотя и при демократическом режиме присутствуют элементы мобилизационного поведения людей. Об этом свидетельствуют многочисленные примеры манипулирования сознанием на основе разнообразных «грязных» политических технологий.

Интенсивность и масштаб политического участия граждан отличаются в различных странах. Об этом свидетельствуют данные, представленные в таблице 6.

8.2. Содержание институционального выражения политического участия

Множество индикаторов позволяют измерять политическое выражение в демократическом обществе. Множество шкал позиций были созданы для иерархизации способов выражения в зависимости от частотности выражения. В сравнительном исследовании 1981 г. в 10 странах Феликс Хенкс ограничился изучением трех эшелонов участия: регулярное участие в политических дискуссиях, участия в манифестациях и вступление в партию. Те из граждан, кто не принимал участия в этих трех формах, были отнесены к «пассивным». Результаты опроса выявили большие разрывы: политическая пассивность колеблется между 20 % в Дании и 54 % в Бельгии. Северная Европа характеризуется слабой пассивностью (Германия, Нидерланды), Великобритания располагается на среднем уровне (37 %), близком к уровням Франции (25 %) и Испании (29 %). Сами формы выражения также имеют тенденцию к изменениям: участие в манифестациях более характерно для стран, где утвердились комплексные и эффективные структуры мобилизации (Франция — 25 %; Италия — 23 %; Испания — 22 %; Северная Ирландия — 18 %), в то время как участие в деятельности партии позволяет различать «стороннические демократии», в которых партии располагают большим активом, которые организует участие (Нидерланды — 8 %, Германия и Италия — 7 %) и страны, где партии являются более слабыми (Франция — 2 %; Испания и Бельгия — 3 %).

Незначительный разброс данных по участию в выборах в странах западной демократии подтверждает тот факт, что электоральное участие является главным способом институционального выражения. Пример Бельгии не является

Таблица 6

**Разные способы политического участия
в обществах Западной Европы**

Страна	Пассивные	Политические дискуссии	Дискуссии + участие в манифестациях	Дискуссии + манифестации + вступление в партию	Дискуссии + вступление в партию	Манифестации	Партии	Манифестации + вступление в партию	Число
Дания	20	58	14	2	4	2	0	0	1 182
Германия	21	62	9	3	4	1	0	0	1 305
Нидерланды	26	56	9	2	6	1	0	0	1 221
Испания	29	48	18	2	1	2	0	0	2 303
Франция	35	40	19	2	0	4	0	0	1 200
Северная Ирландия	35	45	16	1	2	1	0	0	312
Великобритания	37	52	6	1	2	1	1	0	1 231
Италия	44	31	14	5	2	4	0	0	1 348
Ирландия	48	36	9	1	3	3	0	0	1 217
Бельгия	54	32	8	1	1	3	1	0	1 145

Источник: Heuncks F.J. Politieke Participatie // Halman R., Heuncks F.J., Mooren R.De, Zanders H. Traditie, Secularisatie en individualisering. Tilburg University Press, 1987. P. 82.

показательным, т. к. там существует обязательное голосование. Испания, как страна со слабым уровнем политической пассивности, характеризуется высоким абсентеизмом. Наоборот, Италия находится среди стран высокой гражданской активности. Это еще раз доказывает значение институционального посредничества в политическом выражении и высоком доверии избирателей этому институту.

И тем не менее фактом является рост абсентеизма в Западной Европе и, значит, рост отказа от институционального выражения: только скандинавские страны и Германия в этом смысле являются исключением. Можно утверждать, что устойчивость и длительность существования институтов, похоже, не играет никакой роли. Более того, ни система

Таблица 7

Средний процент абсентеистов на законодательных выборах в Европе

Страна	Период 1945 – 1967	Ранг	Период 1968 – 1984	Ранг
Швейцария	36,4 (1947 – 1967)	1	48,5	1
Испания			24,9	3
Ирландия	26,4 (1948 – 1965)	2	24,7	4
Греция			23,5	5
Франция	21,4 (1945 – 1967)	3	21,5	7
Финляндия	21,2 (1945 – 1966)	4	22,3	6
Великобритания	20,1 (1950 – 1966)	5	25,5	2
Норвегия	20 (1945 – 1966)	6	18,1	8
Португалия			14,7	10
Швеция	19,4 (1948 – 1964)	7	9,6	15
Дания	15,7 (1945 – 1966)	8	12,6	11
ФРГ	14,7 (1949 – 1965)	9	10,8	13
Исландия	9,8 (1946 – 1967)	10	10,1	14
Люксембург	8,3 (1948 – 1964)	11	10,8	12
Италия	7,6 (1943 – 1963)	12	8,4	16
Бельгия	7,2 (1946 – 1965)	13	7,2	18
Нидерланды	5,3 (1946 – 1967)	14	16,4	9
Австрия	5,0 (1945 – 1966)	15	7,6	17

Источник: *Montero J.R.* L'astensionismo elettorale in Europa // Quaderni dell'Osservatorio elettorale, 13 juillet 1984; *Hermet G.* Le peuple contre la démocratie. P., 1989. P. 71.

партий, ни уровень экономического развития не играют существенной роли в случае проявления абсентеизма в поведении избирателей. Получается так, что макросоциологические переменные не влияют на такое распределение. Скорее, речь надо вести о росте недоверия населения к представительным институтам.

Таблица 8

Участие в президентских выборах и в выборах в Палату представителей в США, начиная с 1932 г.

Годы	Президентские выборы	Выборы в Палату представителей	Годы	Президентские выборы	Выборы в Палату представителей
1932	53	50	1960	63	58
1934		41	1962		45
1936	56	53	1964	62	58
1938		44	1966		45
1940	59	55	1969	61	55
1942		32	1970		43
1944	56	53	1972	55	51
1946		37	1974		36
1948	51	48	1976	53	49
1950		41	1978		35
1952	62	58	1980	53	47
1954		42	1982		38
1956	59	56	1984	53	48
1958		43	1986		35

Источник: *Toinet M.-F. Le système politique des États-Unis. P., 1987.*

Пример США показывает, что эта страна находится на среднем уровне политического участия. Ситуация с абсентеизмом на президентских выборах здесь напоминает позицию Швейцарии, тогда как на выборах в Палату представителей уровень абсентеизма колеблется от 68 % (1942) и 65 % (1978 и 1986) до 55 % в 1962 и 1966 гг.

Мари-Франс Туане объясняет это отсутствием подлинной электоральной и, особенно, идеологической конкуренции в стране. Обе политические партии в своих программных установках мало отличаются друг от друга. Не участвуют в выборах представители низших слоев,

а также лица с низким уровнем образования, тогда как социальные группы, близкие к истеблишменту¹, голосуют весьма активно. Представляется возможным выдвинуть в этой связи гипотезу о том, что в США сложилась неравная интеграция индивидов в общество, которая усиливается отсутствием подлинного политического выбора. Однако это не подтверждается в Европе: ни в Швейцарии, ни в Испании, ни Греции, а также ни в Германии или Скандинавии выбор для избирателя не является ограниченным.

Анализ результатов голосования выявляет, что голосование граждан в Западной Европе осуществляется в условиях выбора между сравнимыми и достаточно близкими позициями. И социологические переменные не утратили своего влияния на то или иное решение избирателя. Это подтвердили исследования группы Ричарда Роуза. Эти исследователи пришли к выводу о том, что индивид голосует в зависимости от сети идентификации, партии прежде всего, а также от группы социальной принадлежности, что в свое время выявили американский социолог П.Ф. Лазарсфельд (1901 – 1976) и Чикагская школа, или от вторичных групп (класс, конфессия, этническая или лигвистическая группа). Такая социологическая интерпретация отстает от идеалистического представления избирателя, делающего свободный и осознанный выбор. *Электоральное политическое выражение неразрывно связано с сетью социализации и идентификации, что предопределяет выбор объяснительных переменных.*

Традиционно на первом месте среди переменных находится *классовая переменная*. Она сильно сказывается в Западных демократиях, что выражается, в частности, в том, что во многих странах Европы существуют достаточно влиятельные рабочие партии. Именно классовая принадлежность лежит в основе партийных симпатий большинства избирателей, например Великобритании. Можно утверждать, что идентификация с классом как фактор электорального поведения наблюдается, практически, повсеместно. В большинстве стран этот фактор — самый сильный.

Правда, нельзя не видеть различий между скандинавскими странами, где утвердилось классовое голосование,

¹ Истеблишмент (англ. establishment — установление, основание; учреждение) — государственные, экономические, общественно-политические институты и организации, обладающие властью и влиянием в обществе, а также группы и лица, занимающие основные позиции в этих институтах и организациях.

и странами Юга Европы или многоконфессиональными странами, где сказывается сильное влияние религиозной переменной (см. табл. 9). В реальности снова получается так, как если бы конфигурация социальных и стороннических разделений способствовала бы определению контуров и даже содержания политического выражения избирателя.

Таблица 9

Воздействие социальной структуры на предпочтения избирателей

Страна	Воздействие профессии, %	Воздействие религии, %	Воздействие региона	Всего, %	Год
Нидерланды	0	50,1	0,4	51,2	1968
Австрия	12	30,3	2,9	46	1969
Швеция	32	0	0	37,9	1964
Норвегия	24,3	3,9	2,2	37,9	1965
Бельгия	5,8	23,3	2,9	34,5	1970
Франция	4,9	28,4	1,4	34,4	1956
IV-я Республика	2,4	11,2	4,4	18,7	1971
V-я Республика	31,8	0	0	33,2	1966
Финляндия	0,3	21,9	1,5	28,3	1968
Италия	19,4			27,7	1968
Дания	2,1	12	0	19,7	1967
ФРГ	1,7	8	2,9	15	1965
Канада	8,9	1,8	0	14,6	1967
Австралия	3	5,5	4,5	12,8	1952-
США					1964
	3,3	0	0	12	1970
Великобритания	0	0	0,5	3,1	1969
Ирландия					

Источник: *Rose R. (ed.) Electoral Behavior: a Comparative Handbook. New York, 1974. P. 17.*

Скандинавские общества, будучи моноконфессиональными и организованными вокруг национальной Церкви, близкой к власти, уязвимы только с точки зрения классовых конфликтов, и потому выбор избирателя строится в терминах социальной стратификации. Общества «латинского

мира», где господствует католическая религия, испытывают до сих пор на себе влияние противостояния Церкви и государства, и именно с Церковью во многом связана социализация и идентификация граждан. Отсюда сильное влияние в Италии ХДП. Часть рабочих голосует здесь за ХДП, другая часть — за классические правые партии, что нарушает, казалось бы, неизбежную корреляцию результатов голосования и классовой принадлежности. В многоконфессиональных обществах (Нидерланды, Германия и Швейцария) идентификация избирателя с классом конкурирует с религиозной идентификацией, и первая нередко бьет вторую.

Таблица 10

**Классовое голосование.
Пример голосования рабочих (в %)**

Страна	Рабочие партии	Религиозные партии	Другие партии
Финляндия	80	20	
Швеция	77	2	21
Норвегия	76	6	18
Франция	76		24 (1978)
Германия	59	40	1
Италия	54	25	21
Великобритания	51		49
Бельгия			
Вся страна	47	35	18
Валония	67	18	15
Брюссель	37	30	33
Фландрия	34	46	20

Источник: Rose R. (ed.) *Electoral Behavior: a Comparative Handbook*. New York, 1974; France de gauche, vote a droite. P., 1981. P. 308.

Превосходство классового голосования коррелирует со степенью идентификации рабочих с рабочим классом. Эта идентификация сильнее там, где классовая переменная превосходит религиозную переменную: как показывает таблица 11, скандинавские страны, в частности, Швеция и Финляндия, создают впечатление, что классовое сознание в этих странах имеет более устойчивый характер, нежели во Франции, Италии или ФРГ. Что же касается Нидерландов, Австрии и Бельгии, то они являют собой исключение.

Уровень синдикализации (табл. 12) также подтверждает эту гипотезу: он выше там, где выражено классовое голосование (Скандинавия), и ниже там, где обратная картина (Германия, Италия, Нидерланды, Испания). Исключение опять же представляет собой Бельгия. Но нужно учитывать важную роль христианского синдикализма, который воздействует на отношения синдикализации и классового голосования. Можно также полагать, что классовое голосование является функцией степени организации рабочего класса, условий, в которых он осознает свое существование как класса, важность и плотность ассоциативной сети как средства его мобилизации.

Таблица 11

**Классовое сознание внутри рабочего класса
в 40–70-е годы (%)**

Страна	Позиционирование в составе рабочего класса (40-е гг.)	Позиционирование в составе рабочего класса (60 – 70-е гг.)
Австрия		82
Бельгия		89
Дания		56
ФРГ	41	52
Финляндия		85
Франция	46	48
Ирландия		64
Италия	42	55
Нидерланды	60	73
Норвегия	45	
Испания		61
Швеция	57	78
Великобритания	60	67

Источник: *Buchanan, Cantril. 1953; Hastad et al. 1950. P. 270; Hill. 1974. P. 88; Borre et al. 1975; Pesonen. 1974. P. 299; Michelat, Simon. 1971. P. 510; Whyte. 1974. P. 634; Dogan. 1967. P. 174; Rallings. 1979. P. 38; Logan. 1977, 400; Petersson. 1977. P. 128; Rose. 1974 b. P. 502. In Lane J.E., Ersson S.O. (eds.) Politics and Society in Western Europe. Sage, 1987.*

В этой связи нельзя не отметить вклад в исследование данной проблемы французских социологов Г. Мишела и М.Симона¹. В своей работе они показали, что на инди-

¹ *Michelat G., Simon M. Classe, religion et comportement politique. P., 1977.*

видуальном уровне классовая идентификация зависит от степени его причастности к этому классу. Выявлена также очевидность негативной корреляции чувства классовой принадлежности и религиозной практики. Этот вывод подтверждает конкуренцию двух сетей социализации, что проявляется различным образом в разных обществах.

Таблица 12

Уровень синдикализации в Западной Европе

Страна	1960 – 1970	1970 – 1980	Страна	1960 – 1970	1970 – 1980
Австрия	66	58	Ирландия	36	52
Бельгия	48	75	Италия	20	37
Дания	65	79	Норвегия	60	55
Испания		35	Нидерланды	33	38
Финляндия	60	75	Португалия		40
Франция	17	22	ФРГ	31	33
Великобритания	40	54	Швеция	80	85
Греция	20	30	Швейцария	20	35

Источник: Lane J.E., Ersson S.O. (eds.) *Politics and Society in Western Europe*. Sage, 1987.

Религиозная переменная отражает также соответствие по отношению к классовой переменной в католических странах (Австрия, Бельгия, Испания, Франция, Италия) и в многоконфессиональных странах (Германия, Нидерланды, Швейцария). Добавим, что повсеместно религиозная и классовая переменные взаимодействуют друг с другом и не могут рассматриваться изолированно. Как уже отмечалось, религиозная практика и чувство классовой принадлежности находятся в негативной корреляции. Известно также и то, что Церковь и рабочее движение в индустриальном обществе связаны с двумя различными культурами, которые находят выражение в конфронтационном структурировании политического пейзажа западных стран. Известно и то, что интенсивность классового голосования выступает следствием этой конкуренции. Показательным в этом отношении является пример Бельгии, т. к. Фландрия и Валлония отличаются по религиозной практике: если в 1968 г. во Фландрии было 73,9 % практикующих верующих, то в Валлонии их насчитывалось 44,1 %. При этом 67 % рабочих-валлонцев голосовали за рабочие партии, а фламандцы — лишь

34 %, тогда как 46 % голосовали за христианских демократов. Мобилизационная католическая культура во Фландрии оказывала воздействие на классовое голосование и тормозила образование единого бельгийского рабочего движения вне пределов лингвистического разделения.

Устойчивость религиозной переменной долгие годы было связано со степенью религиозной практики, что снова поднимает вопрос значения феномена идентификации и его роли в определении политической позиции. Каким бы ни был показатель религиозной практики (посещение церкви не имеет одинакового значения в различных странах), таблица 13 показывает неравенство религиозной социальности в различных странах, а значит, и неравенство в способности контролировать, обрамлять и мобилизовывать избирателей в различных странах со стороны религии.

Однако опираться только на сказанное при проведении сравнительного анализа является недостаточным. Прежде всего латинские страны не характеризуются простой дихотомией религиозная практика/голосование за левых. Образование крупных социалистических партий определяется не только их стратегией и программами: оно отражает состав электората, как показывает рост числа регулярно практикующих избирателей в социалистической партии Франции и Объединенной социалистической партии в Испании. При этом католическая религия отождествляется с голосованием за правых только там, где Церковь оказалась союзником власти и там, где левые партии постепенно приняли на свой счет антиклерикальное политическое поведение. Корреляция является обратной там, где католики в меньшинстве: они голосуют за лейбористов в Великобритании, за демократов в США, выражая голосованием за левых интерес своего меньшинства. То же самое можно сказать о протестантском меньшинстве во Франции, или о культурных меньшинствах, которые голосуют за националистов или ирредентистов¹.

Все это показывает, каким образом *социологические переменные зависят от собственной истории страны, в которой осуществляется политическое развитие*. Социализация и идентификация по-разному развиваются в

¹ Ирредентизм (ит. Irredenta — неосвобожденная земля) — политическое и общественное движение в Италии в конце XIX — начале XX вв. за присоединение к Италии пограничных земель, частично населенных итальянцами и не вошедших в состав Италии при ее воссоединении.

Таблица 13

Религиозное сознание: уровень посещения мест культа

Страна	1 раз в неделю	1 раз в месяц	Шкала
ФРГ	28	56	М
Австрия	35	68	МН
Бельгия	49	72	МН
Дания	5		L
Финляндия	5	33	ML
Франция	21	54	М
Великобритания	13	38	ML
Греция	28	88	МН
Ирландия	90		Н
Италия	45	82	МН
Нидерланды	42	56	М
Норвегия	8	37	ML
Португалия	20		ML
Испания	35		М
Швеция	12	22	ML
Швейцария	33	64	М

Обозначение шкалы: Н (high: сильно), МН (medium high: скорее сильно), М (medium: средний), ML (medium low: скорее слабый) и L (low: слабый).

разных обществах, в соответствии со всемирной историей и политической историей страны. Голосование граждан является функцией условий и контекста, в которых шло становление института голосования, а политические актеры постепенно формировались как посредническая инстанция. Два первых элемента выявляют вес создаваемого события; политическое поведение и политическое слово образуются и обновляются в зависимости от запроса политической системы по отношению к индивиду-гражданину. Так, французы перед лицом революции и становления ее институтов делали первые шаги по образованию стороннических объединений. Благодаря Ч. Тилли и П. Буа известна значительная роль французской революции в формировании первых политических традиций, первых разделений и первых дебатов. Известно также, каким образом союзы клира¹ и

¹ Клер (от греч. kleros — жребий) — в христианской церкви совокупность священнослужителей (священников, епископов) и церковнослужителей (псаломщиков, пономарей и др.); то же, что и духовенство.

шуанов¹ способствовали усилению или, наоборот, отказу от религиозной практики. Таким же образом, появление разделения на левых и правых связано с революцией, от способа, при помощи которого политические актеры определяются по отношению к ней и ее наследию. Такой же анализ применим и для объяснения роли Виггов и Тори в Англии: своеобразный итог двух революций 1640 и 1688 гг.

Что касается эволюции самих политических актеров, в частности трансформации политических партий, и условий, в которых они получают «свой» голоса, то учет этих факторов дает только обобщенное объяснение. На судьбах партии решающим образом сказываются ее политический выбор. Здесь мы вплотную подходим к тому, что при проведении сравнительного анализа необходимо учитывать тот факт, что электоральное выражение, и тем самым институционное политическое выражение, контролируется олигархической логикой, проявления которой в разных странах испытывают влияние различных условий, различных событий или специфического выбора политических актеров.

Нужно различать политическое выражение в разных странах в зависимости от подчиненности избирателей партиям и тем самым — от природы и степени стороннической идентификации индивидов в отношении установок партий. Сравнительный анализ, например, выявляет существенные различия между такими странами, как Италия или Великобритания, где эта идентификация всегда была достаточно сильной и строилась на основе интериоризации идеологических установок партии; в США и Норвегии сторонническая идентификация является также сильной, но сопровождается слабым знанием идеологии и программ партий; во Франции же индивиды больше идентифицируют себя с политической традицией, чем с партиями. Нужно сказать, что указанный феномен не является застывшим и неизменным. Так, работы Ивора Крю² по Великобритании показывают, что в этой стране происходит перестройка стороннической системы. То же можно сказать о США (Помпер и Най)³, где подобный

¹ Шуаны (фр. chouans) — контрреволюционные мятежники, действовавшие на северо-западе Франции в 1792–1803 гг.

² Crew I., Budge I., Forlie D. (ed.) *Party Identification and Beyond*. London, 1976.

³ Pomper G. *Voter's Choice: Varieties of American Political Behavior*. New York, 1975; Nie N.H. et al. *The Changing American Voter*. Cambridge, London: Harvard University Press, 1988.

процесс происходит особенно явственно в молодежной среде.

Указанный процесс является выражением процесса индивидуализации избирателя и выхода за пределы действия социологических переменных; в итоге *голосование по ставкам приходит на смену голосованию за партии и на основе коллективной идентификации*. Так, Ричард Роуз и Ян МакАлистер в своей книге (*Voters begin to choose*) утверждают, что британский избиратель становится рациональным и автономным, тогда как команда исследователей во главе с Найдем Химмельвейтом отмечает, что два из трех британских избирателей в течение 20 лет изменили свое голосование, подобно тому, как покупатель делает свой выбор между набором однотипных товаров. Такая нестабильность выбора дала о себе знать и во Франции, выявленная, в частности Жераром Грюнбергом, по поводу голосования в начале 80-х гг. прошлого столетия. Добавим, что работы Най и Помпера, а также Бернхема с начала 70-х гг. подобную тему развивали по поводу США, утверждая о наступлении эры подлинного электорального консюмеризма.

Многие исследователи выявили стратегическое измерение голосования — Жак Капдевель¹ и Элизабет Дюпуарье показали реальность *имущественного эффекта*. Он выражается в том, что во Франции существует корреляция между голосованием за правых и обладанием имуществом. Моника Шарло² тоже самое выявила на примере Великобритании; соединяя имущественный эффект с эффектом потребления, голосование осуществляется в поддержку различных типов народного потребления, которые оказываются под угрозой. Бруно Котрес³ на примере Великобритании показал влияние безработицы на голосование, гипотеза в отношении которого *связывает решение избирателя с очевидными ставками*. Он указывает, в частности, что этот эффект сопровождается посредничеством игры представлений, которые различаются в различных социальных и политических пространствах. В силу своих представлений избиратель голосует либо за лейбористов, либо за консерваторов. Долговременное воздействие этих представлений выявляет

¹ Capdevielle J., Dupoirier E. L'effet patrimoine // Capdevielle J. et al. France de gauche vote à droite. P., 1988.

² Charlot M. (dir.) L'effet Thatcher. P., 1989.

³ Cautrus B. L'effet chômage // Charlot M. (dir.) L'effet Thatcher. P., 1989.

границы индивидуалистской гипотезы. Скажем и о том, что в работах Нонны Мейер¹ на примере Франции показано, что поверх воздействия социального изменения на ту или иную переменную, социологические переменные сохраняют свое реальное объяснительное значение. А это превращает в несколько поспешный и схематичный тезис о консюмеристском избирателе. Об этом же говорит и Ален Лансело: практика голосования побуждает избирателя определять свою позицию в отношении тех вопросов и способов принуждающих занимать ту или иную позицию, что, безусловно, является ограничителем в его политическом выборе. В этом сказывается влияние социализации, привязанность к тем или иным представлениям, влияние целой сети идентификаций, которые он неизбежно осуществляет, а также политической сцены, которая ему навязывает узкий выбор. А потому средний избиратель находится в отдалении от рациональной и индивидуалистски выраженной парадигмы².

В силу сказанного встает проблема интерпретации результатов опроса в западных обществах, изменчивости голосования, усиления роли ставок. Жорж Лаво³ выдвинул в этой связи идею явления *«homo electoralis»*. Вероятно, есть основания говорить о некоей моде: популярность индивидуалистских парадигм — они проникли во многие социологические школы — способствовала утверждению методов, нацеленных на изучение индивидуального и консюмеристского выбора; это привело к тому, что партии стали рассматриваться как «политические предприятия», их программы как «предложения», а ожидания — как «требования». В итоге родилась гигантская метафора, которая связана с иллюзией разрыва с социальными практиками. Даже сами анкеты строятся в таком подходе на вопросах отношения избирателя к тому или иному событию или ставке и их влиянию на голосование. В стороне остаются вопросы *реальности* и *интенсивности* этих мнений и их влияния на голосование.

Можно ли на основе такой «методологической иллюзии» говорить о реальном социальном изменении? Срав-

¹ Mayer N. Pas de chrisanthèmes pour les variables sociologiques // Dupoirier E., Grunberg G. (dir.) Mars 1986: la drôle de défaire de la gauche. P., 1986.

² Lancelot A. L'orientation du comportement politique // Grawitz M., Leca J. Traité de science politique. Vol. 3. P., 1985.

³ Lavau G. L'électeur devient-il individualiste? // Birnbaum P., Leca J. (dir.) Sur l'individualisme. P., 1986.

нительный анализ позволяет обойти этот феномен, ибо он (этот феномен) заявил о себе наиболее полно в США. Он распространяется и на Европу по мере «дерадикализации» выбора. Это дополняется констатацией увеличивающегося в количественном отношении абсентеизма. В итоге выявляется кризис политического представления, а вместе с ним и кризис политических партий и иных объединений граждан. Это находит свое выражение прежде всего в ослаблении идентификации избирателя, что порождает новое электоральное поведение, как правило, лишённого того, что в политической науке называется рационализацией выбора. Движение в сторону аномии институционального выражения свидетельствует о кризисе политического выражения, набирающего силу в западных обществах. В итоге происходит ослабление роли идеологии в выборе избирателя. А это, в свою очередь, усиливает роль внесистемного политического выражения, в чем преуспевают популистские формирования.

8.3. Способы голосования

Политическая демократия выражается, частично, и в том, что правом голоса обладает подавляющее большинство населения. Однако условия осуществления этого права, и в частности, процедуры электорального соперничества, во многом определяют условия осуществления демократии. *«Правила игры» западных демократий заключаются в том, чтобы преобразовать насилие и конфликты в социальных отношениях в символическое соперничество.* Задача такого соперничества заключается в том, чтобы мирными средствами определить победителя избирательной кампании, который приходит в итоге победы на выборах к управлению страной. Указанная задача должна быть осуществлена при соблюдении тройного принципа — свобода, справедливость и эффективность.

8.3.1. Принцип свободы голосования

Между идеалом общества, состоящего из «свободных и равных» в правах людей, и реальностью, как правило, существует глубокая пропасть, которую электоральное регламентирование может лишь частично уменьшить. Надо полагать, что существенным прогрессом в решении такой задачи является соблюдение формальных условий свободы.

Меры по обеспечению избирателю максимальной свободы суждения, отсутствие давления на него в проявлении своих предпочтений — это важные, но все-таки иные вопросы.

Тайна голосования

Гарантии формального осуществления права голоса в западных демократиях были обеспечены только к концу XIX в. и даже в начале XX в. Тайное голосование утверждалось в США, от штата к штату, начиная с 1888 г.; в Италии — после Первой мировой войны; в Великобритании — в 1872 г.; во Франции — в 1913–1914 гг. При этом, например, если итальянский избиратель приглашается в специальную кабинку для голосования, то для французского избирателя такое голосование является обязательным. В Германии тайное голосование было введено в 1919 г.

Право на отказ от голосования

Свобода голосования проявляется и в том, что любой избиратель имеет право не записываться в списки избирателей или воздерживаться от голосования. В подавляющем большинстве демократических государств не существует обязательного голосования, как это имеет место, например, в Бельгии. Однако электоральный «долг» существует во многих странах. Так, в Италии долгие годы участие в голосовании принимали 90–95 % избирателей страны. Однако, начиная с 80-х гг. прошлого века, ситуация стала меняться. Особенно тревожная ситуация выявилась в 1990 г., когда в референдуме приняли участие лишь 43 % избирателей страны. Сказалось, видимо, недоверие общественного мнения к самой практике решения вопрос при помощи такого вида голосования.

В США еще с первых послевоенных лет не принимают участие в голосовании около 45 % граждан страны. Однако этот факт рассматривается как показатель пассивной удовлетворенности действующей политической системой. Как отмечают некоторые политологи, «горькая правда заключается в том, что ни политиков, ни администраторов ничто не принуждает учитывать классы и группы граждан, не принимающих участия в голосовании»¹. Абсентеизм достигает больших размеров не только в США, но и в других

¹ Key V.O. Southern Politics. New York. P. 517; Mény Y., Surel Y. Op. cit. P. 178.

странах. Так, во Франции, Германии и Великобритании не голосуют от 15 до 30 % избирателей.

Таким образом, абсентеизм, иначе говоря, — неучастие в голосовании, является проявлением свободы избирателя. Это является необходимым, хотя и недостаточным, условием демократического выражения воли избирателя. Однако при проведении анализа результатов голосования не следует делать вывод о том, что свобода выбора гарантирована, если есть люди, которые не голосуют. Абсентеизм может быть показателем определенного недовольства части избирателей проводимой политикой или их безразличия по тому выбору, что необходимо делать при голосовании. Это получило, к примеру, выражение в известной шутке Н.С. Хрущева, который в ответ на вопросы американских журналистов по вопросу одной партии в стране, ответил, что он «никогда не видел разницы между ослом и слоном», которые являются символами двух основных политических партий в США.

Верно и то, что возможности выбора избирателя в двухпартийной системе меньше, чем это имеет место в многопартийных системах. Имеет место и такая практика голосования: избиратель сам делает свой выбор среди кандидатов в избранные, включенных в единый список.

Выбор кандидатов

В Германии и до недавнего времени в России избрание депутатов осуществляется двумя способами. Каждый избиратель имеет два бюллетеня: один — по выборам депутата по мажоритарной системе в определенном избирательном округе, другой — с перечнем партий, за одну из которых избиратель голосует. В этом, втором случае, депутатами становятся те из членов партии, которые вошли в партийный список. Эта часть мест в парламенте распределяется между партиями на пропорциональной основе.

Иное голосование имело место в Италии до 1993 г. С 1946 по 1991 г. избиратель имел право голосовать за весь список, без каких-либо изменений в нем, или он мог вносить изменения в список из числа предложенных ему кандидатов. Так, в округах, где избирались 16 и более кандидатов, избиратель мог изменить четыре фамилии кандидатов. В более мелких округах с точки зрения числа избранных избиратель мог внести изменения по трем кандидатам. Это давало возможность «подправлять»

предложения политической партии. Однако вдумчивые наблюдатели указывали и на слабые моменты такой электронной практики. Вот как писал об этом Джулиано Амато: «Такое голосование порождает два негативных следствия: первое связано с тем, что очень часто возникает зависимость парламентариев от местных или корпоративных мандатов, что происходит в силу того, что они в поисках поддержки вынуждены включаться в деятельность тех или иных организованных групп, способных им гарантировать эту поддержку: больничные служащие, железнодорожники, работники почты. Второе следствие — это «связки», которые осуществляются наиболее влиятельными нотаблями, всегда предстающие перед обществом в окружении неизвестных и заурядных кандидатов, которые, благодаря такой связке, добиваются успеха, которого они никогда бы ни добились, выступая единолично»¹.

Какая свобода?

Как видим, тайное голосование, неучастие в голосовании являются проявлением свободы избирателя, что гарантируется законом. Это бесспорно. Однако немалое значение имеют те условия, в которых эта свобода избирателя реализуется. Весьма часты случаи в практике многих стран, когда избиратель подвергается давлению со стороны властей или принуждений со стороны социальной жизни.

Можно также отметить и то, что свобода голосования лучше обеспечивается в выходные дни, нежели в рабочие. С большим сожалением можно говорить о том, что повсеместно при проведении избирательных кампаний все большую роль играют деньги. Правда, далеко не всегда на выборах, к счастью, побеждают только те, у кого много денег или на кого выделено много денег.

Большая проблема — манипуляция общественным сознанием в период избирательных кампаний, для чего широко используются средства массовой информации.

8.3.2. Принцип справедливости

Одной из формул демократического идеала при характеристике голосования является формула «*один человек, один голос*». Однако для демократического идеала не менее важны

¹ Amato G. Le système électoral // Pouvoirs. 1981. № 18. P. 53—54.

и другие параметры. Взять, скажем, проблему демографического представительства того или иного депутата. Теоретически, каждый депутат должен избираться равным числом избирателей. Возможно такое в реальной практике? Да. Но осуществить это крайне трудно. При нарезке избирательных округов учитывают и многие иные факторы: местоположение округа (село, город, отдаленная территория, национальность или народность, компактно проживающая, и т. п.).

Несмотря на равенство в праве голоса, *арифметическое неравенство* при голосовании является универсальным феноменом. Существование такого неравенства лишний раз подтверждает трудность задачи обеспечения подлинного равенства при голосовании. Реальность многих стран такова, что избранники в органах власти представляют, как правило, разное количество избирателей. Так, в 1958 г. во Франции депутату из числа коммунистов нужно было получить 380 тыс. голосов, тогда как для избрания представителя партии голлистов нужно было получить только 19,5 тыс. голосов, т. е. в 20 раз меньше.

Округа во многих странах нарезаны таким образом, что представителям правящих группировок для избрания в парламент, как правило, требуется получить куда как меньше голосов, чем, например, кандидатам от оппозиционных партий. И потому нередко парламенты представляют собой *деформированный в пользу правящих сил образ*.

В современных условиях демократические страны, стремясь приблизиться к идеалу электоральной справедливости, делают упор или на использование возможностей пропорциональной системы голосования, или мажоритарной системы голосования.

Пропорциональное представительство

Использование пропорционального представительства (отметим, что США, Великобритания и в ее прежних доминионах всегда использовали мажоритарное голосование в один тур) создает предпосылки приблизить систему представительства к демократическому идеалу. Речь идет о такой системе, в которой представительство было бы наиболее полным выражением политических предпочтений, своеобразным зеркалом общества. На основе такого представительства можно определить так называемое «хорошее правление», которое было бы не только отра-

жением общественного мнения в данный момент, но и выражением социальной структуры общества. Исследования специалистов политической социологии во многих странах показывают, что, к примеру, среди мэров слишком много выходцев из крестьянства, среди депутатов явная недостаточность представителей рабочего класса, во властных структурах — повышенное представительство детей тех, кто находится у власти и т. д. Как отмечал еще в 60-е гг. прошлого столетия известный французский публицист Жак Жюльбар: «Чем больше избранная ассамблея стремится быть точной копией общества, которое оно предполагает отражать, чем больше она считает себя представительной, тем больше она имеет тенденцию действовать суверенно, а в определенных ситуациях — тиранически»¹.

Поиск большей справедливости, в том числе и по сравнению с собственно пропорциональной системой выборов, охватывает многие сектора политической, административной, стороннической жизни в демократическом обществе. Выдвигаются идеи повышенного пропорционального представительства: расовые квоты или «*утвердительное действие*»²; системной пропорции в Бельгии в пользу фламандцев и франкофонов или в Италии по отношению к германофонскому меньшинству; о квотах для женщин в руководящих органах партий, а также о конституционных диспозициях в вопросах их представительства в избирательных списках.

В США отождествление понятия представительства с представительством социологическим широко обсуждалось внутри демократической партии, начиная с 1972 г., чему способствовала реформа, связанная с «назначением» делегатов на президентском съезде. Эта реформа создавала более благоприятные условия для представителей меньшинств за счет уменьшения доли в представительстве профессиональных политиков. Уже в 1972 г. пропорциональная представленность женщин, молодежи, негров от демократов на их съезде была почти идентичной тому, какой вес они занимали в составе населения. С этих позиций становится понятным феномен Картера,

¹ Julliard J. Contre la politique professionnelle. P., 1977; Cf. Mény Y., Surel Y. Op. cit. P. 183.

² Cf. Sabbagh D. L'«affirmative action» et les aléas de la catégorisation raciale aux États-Unis // Raisons politiques. 1999. № 2. P. 7–26.

который открыто выражал недоверие профессиональным политикам.

Пропорциональная система голосования в Германии и Италии имела более ограниченный, чем в США, характер, хотя и здесь предпринимались попытки введения большего «равновесия» в составе списков избранных с точки зрения регионального, социального, профессионального представительства. Совсем немного стран (Израиль, Голландия, например) стремились утвердить систему интегрального пропорционального представительства, когда вся страна превращалась в единый округ.

А. Немецкая система пропорционального представительства

Немецкая электоральная система нередко (хотя и не совсем оправданно) характеризовалась как смешанная система, которая рассматривалась как комбинация мажоритарного голосования и пропорционального представительства. Как отмечают И. Мени и И. Сюрель, это не совсем верно: немецкая система выборов является строго пропорциональной, однако распределение мест частично осуществляется на основе принципов униномиального голосования. Действительно, немецкий избиратель располагает двумя голосами. Первый голос он отдает в пользу кандидата, избираемого в том или ином избирательном округе. Второй голос немецкий избиратель отдает за ту или иную партию, представленную в списке на уровне той или иной Земли.

После подсчета голосов, полученных каждой из партий в национальном масштабе, происходит распределение депутатских мест с учетом результатов голосования в каждой из Земель. В округах депутатами становятся победители избирательной кампании, что позволяет в известном смысле корректировать результаты пропорционального голосования.

Принцип электоральной справедливости, правда, не совсем согласуется с введением порога голосов для политических партий: партии, получившие меньше 5 % голосов избирателей, не попадают в парламент. Сначала это правило распространялось на результаты голосования в Землях, а с 1990 г. 5-процентный барьер определяется исходя из результатов голосования за ту или иную политическую партию на федеральном уровне.

Б. Италия: интегральная система голосования с учетом результатов мажоритарного голосования

Одной из особенностей законодательного органа в Италии является эгалитарный бикамерализм: обе палаты парламента обладают одинаковой властью и избираются примерно одинаковым образом. Палата насчитывает 630 депутатов. Согласно конституционным положениям, действовавшим до 1963 г., Палата депутатов избиралась всеобщим и прямым голосованием. Каждый из депутатов представлял 80 000 избирателей, а если речь идет о фракции — то свыше 40 тысяч избирателей. Однако в последующем распределение мест между округами осуществлялось в итоге простой арифметической операции: общее число жителей страны делится на количество выборных мест. Округа в каждом из регионов нарезаются с учетом числа жителей в регионе. И тем не менее неравенство в представительстве является весьма существенным: пять округов избирали менее 10 мест; 15 округов — от 10 до 19 мест; семь округов — от 20 до 29 мест; 4 округа — от 37 до 57 мест.

Подобная схема избрания осуществляется при определении членов Сената. В настоящее время из 326 сенаторов 232 избираются на базе униномиального списка в округах; 83 сенатора избираются на пропорциональной основе, а 11 — назначаются пожизненно.

Распределение мест между партиями, согласно итальянскому выборному закону, осуществляется на основе метода квотирования, подправленного в соответствии со следующей формулой:

$$\text{Коэффициент} = \frac{\text{Общее число голосов избирателей округа}}{\text{Число мест} + 2}.$$

Формула « $n + 2$ » максимально ограничивала остатки, которые появлялись в национальном масштабе. Такой подход благоприятствует небольшим политическим формированиям. Но чтобы пользоваться такой возможностью, нужно получить хотя бы одно место в округе и как минимум 300 000 голосов в национальном измерении, что составляет лишь 1 % избирательного корпуса.

Распределение голосов по округам осуществляется по итогам деления числа голосов, полученных каждой партией на электоральный коэффициент. Остатки делятся на на-

циональном уровне. Некоторые объединения избирателей получают место в парламенте на основе того, что они получили лишь одно место в парламенте в округе. Так, в 1976 г. партия пролетарской демократии, либералы и радикальная партия, получив соответственно 1,5 %, 1,3 % и 1,1 % голосов избирателей, оказались представленными в парламенте.

Несколько иная картина характерна была для Сената вплоть до референдума 18 апреля 1993 г., хотя и оставалась пропорциональной. Кандидаты в сенаторы представлялись в небольших униномиальных коллегиях, где они должны были получить 65 % голосов для того, чтобы стать сенаторами. Однако такой результат было трудно получить. А потому была предусмотрена и вторая фаза: на региональном уровне подсчитывалось число голосов, полученных каждой партией, и, согласно специальной формуле, распределялись места.

Такие особенности пропорциональной системы позволяли наиболее полно представлять в парламенте различные партии. Однако многие политические силы требовали изменения системы голосования по избранию членов Сената. В связи с этим был проведен референдум, который завершился феноменальным результатом: 80 % избирателей проголосовали за изменение. Это было своеобразным ответом итальянцев на необходимость решительного обновления политической элиты, которая погрязла в разного рода скандалах и коррупции.

Нарезка округов

Мажоритарное голосование стремится ограничить неизбежное неравенство представительства при помощи утверждения демографического равновесия в округах. Истории известно немало примеров того, как на основе мажоритарного голосования утверждалось несправедливое распределение выборных мест. Еще в XIX в. были выявлены факты, когда избиратели Корнуаи обеспечивали своим решением 40 депутатских мест в парламенте, а такие большие города, как Манчестер и Бирмингем, — ни одного. В годы V-й Республики во Франции или в Великобритании в послевоенные годы парламентское большинство никогда не обеспечивалось большинством голосов избирателей. Показательно, например, что во Франции в 1981 г. социалисты получили абсолютное большинство мест в парламенте,

получив только 36 % голосов избирателей в первом туре. Это позволяло им править единолично с 1984 по 1986 г. и после разрыва союза левых сил.

Разрыв между голосами избирателей и результатами в виде выборных мест может быть скорректирован в двух направлениях: или использованием пропорционального представительства, как это было сделано во Франции в 1986 г., или опорой на округа, что используется в Великобритании и в США, и как это сделала Франция в 1986 г. Однако подлинного равенства представительства избирателей ни одной стране не удается сделать по целому ряду причин.

А. Нарезка округов в Великобритании

В Великобритании первые шаги по утверждению равенства между избранниками с точки зрения поддержки их избирателями были сделаны еще в 1944 г. Тогда были созданы четыре комиссии (для каждой из частей страны), которые стремились обеспечить такую нарезку округов, чтобы число избирателей в них не превышало различия в 25 %. Это вызывало решительную критику со стороны различных политических сил. И в 1958 г. был принят новый закон, в котором не определялись границы разрыва между голосами избирателей за того или иного избранника. Ставилась задача обеспечить большее равновесие в вопросах числа избирателей, голосующих за избранников.

Указанные комиссии каждые 15 лет должны вносить свои предложения в парламент по изменению нарезки округов. Парламент волен эти предложения или принимать, или отвергать. Не удивительно, что с 1954 по 1970 г. никаких изменений округов не производилось. Между тем различия между округами были значительными. В 1970 г. самый крупный округ насчитывал 96 380 избирателей, а самый маленький — 25 000. В 1983 г. решительную попытку изменить положение дел предприняло правительство М. Тэтчер. В итоге неизменными остались только 66 округов, а их общее число возросло с 635 до 650.

Соотношение избиратели — депутат в 1983 г. существенно было улучшено, однако неравенство в целом устранить не удалось. В то время как в среднем на один округ приходилось 65 000 избирателей, 9 из 11 округов г. Глазго

насчитывали менее 55 000 избирателей. Кроме того, есть округ, в котором сосредоточено около 95 000 избирателей, а также округ, где их насчитывается лишь 23 000.

Б. Нарезка округов в США

Вопрос нарезки округов в США актуален только для Палаты представителей. В Сенате, как известно, каждый штат представляется двумя сенаторами. Здесь нет и не может быть равенства, если учесть, что на Аляске проживает 400 000 жителей, в то время как в Калифорнии — 24 млн граждан. Иная картина предстает, если рассматривать этот же вопрос применительно к нижней палате парламента. Здесь неравенство особенно сильным было до начала 60-х гг. прошлого столетия. Однако в последующем к этой проблеме стали обращаться судебные инстанции США.

Постепенно в итоге в ряде судебных решений в большинстве штатов страны было проведено упорядочение распределения избирателей по округам. Так, в штате Вашингтон перед изменением нарезки округов в 1980 г. избранные получили 57 % голосов избирателей. После изменения электоральной карты они представляли уже 65 % избирателей, а в 1984 г. — 68 % избирателей.

Вносились и иные коррекции с учетом демографических характеристик штатов. В частности, усиливались позиции представителей этнических групп. Например, после выборов в 1992 г. палата представителей включала в свой состав 38 негров, тогда как в составе палаты предыдущего созыва их насчитывалось лишь 25 человек. По итогам этих же выборов в палате были представлены 17 испаноговорящих представителей (против 11 в предыдущем созыве) и 4 представителя из азиатов (против 3-х в предыдущем составе палаты).

8.3.3. Принцип большинства

Принцип большинства имеет две стороны. Он, во-первых, может означать, что тот или иной гражданин избран на основе получения относительного или абсолютного числа голосов избирателей. А во-вторых, этот принцип выражает тот факт, что управление страной доверяется тем, кто обладает большинством мест в парламенте. Этот второй показатель присущ всем политическим системам, хотя при господстве пропорциональной системы выборов он имеет меньшее значение, чем при мажоритарной си-

стеме. При действии пропорциональной системы выборов больший акцент делается на представительство, пусть даже и в ущерб эффективности политического управления. При мажоритарной системе акцентируется внимание на формирование устойчивого большинства в парламенте.

А. Мажоритарный принцип в Великобритании

Вне всякого сомнения, мажоритарный принцип голосования является более эффективным для политического управления страной, чем пропорциональный, хотя и не лишен некой двусмысленности. Чаще всего мажоритарный принцип избрания скрывает тот факт, что парламентское большинство опирается на меньшую часть избирателей страны. В Великобритании национальное правление страны опиралось на большинство электората только в 1931 и 1935 гг. Ни лейбористы (в 1945, 1966 и 2001 гг.), ни консерваторы (в 1959, 1983 гг.) не получали большинства голосов избирателей, хотя и образывали большинство в парламенте.

Встречаются и такие парадоксы, когда парламентское большинство составляют члены партии, получившей меньше, чем соперники голосов избирателей. В 1951 г. лейбористы получили 295 мест в парламенте на основе 13 948 605 голосов избирателей, отданных за эту партию. Консерваторы получили 321 место, тогда как за них было отдано меньшее число голосов — 13 717 580. Подобная картина сложилась и после выборов 1974 г., когда лейбористы имели на 4 голоса больше, чем консерваторы, получив на 240 000 голосов избирателей меньше.

Несмотря на несправедливость результатов голосования, ни лейбористы, ни консерваторы не настаивают на изменении избирательной системы. Политики и политологи полагают, что введение пропорционального представительства привело бы к появлению внутренних противоречий в больших партиях. К тому же была бы утрачена ясность для избирателя в вопросах отношения к политике правящей партии и формирования правительства.

Б. США: какое большинство?

Результаты мажоритарного голосования в один тур не приводят в США к тем же результатам, что и в Великобритании. Прочная укорененность демократической и республиканской партий в различных штатах превращает электоральное соперничество в формальность. Начиная со

времен борьбы за независимость и вплоть до 60-х гг. прошлого столетия Юг был закрыт для республиканцев, где они просто не выдвигали своих представителей на выборы.

Мажоритарная система голосования способствует, вне всякого сомнения, победе кандидатов от наиболее влиятельной в том или ином штате партии. Этому же способствовала и практика проведения первичных выборов (праймериз). Однако в 1972 г. против такой привычной практики праймериз восстали многие члены демократической партии, которые требовали введения элементов пропорционального представительства, которое учитывало бы интересы различных категорий населения (женщины, молодежь, расовые и сексуальные меньшинства, пенсионеры и т. д.). Правда, сам мажоритарный принцип не подвергался сомнению.

Особенностью США является то, что мажоритарная система голосования не приводила к возникновению устойчивого и дисциплинированного большинства. Конечно, большинство приводило к определенным институциональным последствиям: утверждение спикеров, лидеров и т. п. строится на основе решений большинства. Однако для эффективного управления страной не становится препятствием то, что президент представляет одну партию, а парламентское большинство — другую. Как, впрочем, совпадение результатов голосования за президента и парламентариев не исключает возможности возникновения довольно глубоких противоречий.

Одним словом: политические последствия мажоритарного голосования в США существенно различаются от таких же последствий в Великобритании: большинство, которое создается при таком голосовании, скорее, номинальное, чем содержательное, а избиратель голосует в большей мере за человека, чем за политику¹.

8.4. Кандидаты, электоральные кампании: от селекции к избранию

Выборы представляют собой технику выбора гражданами своих представителей во власти. Как и другие конституционные и политические механизмы, выборы являются современной техникой, которая пришла на смену прежним механизмам, — жребью, кооптации и наследованию. При

¹ Mény Y., Surel Y. Op. cit. P. 192 – 194.

всем том, что выборы ныне являются квазиуниверсальным средством демократии, ее наиболее наглядным выражением, их проведение в различных странах нередко сопровождается рядом недостатков и предполагает постоянную работу по улучшению процедур отбора кандидатов, финансирования кампаний и улучшения социологических характеристик избранных. Рассмотрим это чуть подробнее.

Способы селекции кандидатов

Как становятся кандидатами в избранные? Ответ на этот вопрос не так прост, как может показаться на первый взгляд. Во-первых, отметим самый простой факт: кандидатами становятся лица, которые этого хотят, хотя сами кандидаты в избранные чаще всего ссылаются на то, что на выдвижение в кандидаты их подвигли или друзья, или воздействие общественного мнения, или гражданский долг и т. д. Однако нужно иметь в виду, что одного желания быть избранным на тот или иной пост недостаточно. Для избрания необходимо преодолеть ряд барьеров, которые являются частью правил функционирования политической системы. Необходимо следовать некоторым обязательствам, подчиняться определенным правилам в своих действиях. Сама селекция кандидатов имеет специфику в каждой из демократических стран. Однако, обобщая, можно сказать, что она может быть двух основных видов: может осуществляться в национальных или локальных масштабах, это — во-первых, и быть более или менее открытой или закрытой — во-вторых.

А. Селекция национальная — селекция локальная

Весьма редки случаи, когда селекция бывает только локального или только национального измерений. Большинство западных демократических стран развивается в направлении утверждения первенства национального измерения перед лицом измерения локального в селекции кандидатов в избранные. Пример тому — Великобритания, Италия, Германия. Иная тенденция ярко выражена в США, где отмечено безусловное первенство локального уровня перед национальным. Как бы промежуточное положение занимает Франция, где постепенное усиление централизации в деле рекрутирования кандидатов сопровождается сильным местным влиянием.

Наиболее сильно локальный фактор в селекции кандидатов в избранники сказывается в США. Как подчеркивал еще в 60-е гг. прошлого века Владимир Ки, «в определенном смысле не существует национальной политической организации. Скорее можно сказать, что каждая партия образована коалицией этатических и местных организаций»¹. Это связано с тем, что выборы в Конгресс проводятся по правилам, утвержденным в каждом из штатов США. И в рамках каждого из 50 штатов страны разные общественно-политические организации, республиканцы и демократы прежде всего, определяют правила, в соответствии с которыми осуществляется селекция кандидатов в избранники. В этот процесс селекции кандидатов, как правило, не вмешиваются национальные штаб-квартиры политических партий, т. к. такое вмешательство вызывает отвращение, специалисты даже говорят, что оно контрпродуктивно.

Несколько иное положение характерно для Франции. Долгое время селекция кандидатов на выборы в законодательные органы власти была делом местных нотаблей, которые были преимущественно правой ориентации. И только в коммунистической партии Франции отбор кандидатов в избранники осуществлялся на национальном уровне руководством партии. Для партий центра и правого спектра политической жизни ориентир на выдвижение с мест был преобладающим.

В годы V-й Республики, с ее растущей биполяризацией политической жизни и реструктурированием политических партий, постепенно утверждается первенство национального измерения перед лицом локальной селекции кандидатов. Первой партией, вступившей на путь такого развития, стала голлистская партия, в чем сказался факт обладания властью в стране и авторитет харизматического лидера. С тех пор во всех политических партиях наибольшие шансы на выдвижение получают кандидаты, пользующиеся влиянием на национальном уровне политической жизни. Однако, и в случае Франции, не следует сбрасывать со счетов локальное влияние. Местный фактор не исчез полностью из политической жизни Франции. Тем более что избрание сенаторов, влияние которых на национальном уровне достаточно сильно, является, по сути дела, феноменом локального измерения.

¹ Key V.O. *Politics, Parties and Pressure Groups*. New York, 1964. P. 163.

Великобритания, Германия и Италия характеризуются в вопросах селекции кандидатов в избранники комбинированием национальных и локальных механизмов такой селекции. Правда, национальный уровень имеет значительное влияние по двум основаниям: с одной стороны, в силу господства и контроля над политической жизнью политических партий и новых политических движений, зависящих от лидеров (С. Берлускони — «Вперед, Италия», Фини — «Национальный альянс», Босси — Лига Севера), а с другой — существованием локальных правил и ситуаций, которые содействуют усилению влияния местных организаций.

Нужно сказать, что политическая жизнь в этих странах структурирована крупными политическими организациями национального измерения. Это подкрепляется или существованием надежных по влиянию крупных партий округов, где выдвижение иных кандидатов мало перспективно с точки зрения победы на выборах (например, Юг Англии является вотчиной консерваторов, а Шотландия и Уэльс всегда голосуют за лейбористов), или способом голосования до 1993 г. в Германии и Италии. Пропорциональное представительство и голосование по спискам легче всего способствует утверждению дисциплины голосования в национальном измерении. Это обрекает на поражение списки диссидентов и малочисленных и маловлиятельных партий. Что является следствием такой ситуации? Получается так, что члены парламента, по сути, не избираются. Ими становятся люди, прошедшие селекцию крупных политических партий. Как пишет об этом Моника Шарло, «избиратель, отдавая свой голос, интересуется в большей мере политической этикеткой, чем личностью кандидата. Наиболее трудным, в действительности, для кандидата в депутаты является получение консервативной или лейбористской инвентуры на место, которое не станет неприступным. При избрании в Великобритании отбор является более сложным делом, чем финал»¹.

Подобная ситуация существует и в Германии. Здесь любой гражданин, собравший 200 подписей сограждан в свою поддержку, теоретически может участвовать в избирательной кампании. Однако только политические партии могут представлять на избрание свои списки. И получается

¹ Charlot M. Le système politique britannique. P., 1976; Cf. Mény Y., Surel Y. Op. cit. P. 197.

так, что выборы в Бундестаг являются уделом профессионалов. Не случайно, начиная с 1953 г., ни один независимый кандидат не смог стать членом парламента в Германии.

И тем не менее есть все основания утверждать, что несмотря на растущую селекцию в национальном масштабе, ее централизация не является тотальной. В Италии, например, все политические партии вынуждены считаться с «баронами», которые контролируют политическую жизнь на местах. В Германии избрание половины депутатов парламента по округам повышает роль местных организаций в выдвижении кандидатов в избранники. Значительной остается и роль комитетов селекции кандидатов на местах, которые повсеместно существуют в Великобритании.

Б. Открытая и закрытая селекция кандидатов в избранники

Более или менее открытый характер селекции кандидатов в избранники зависит от множества факторов. Мы же, в рамках той задачи, которая стоит перед нами при описании сравнительной политологии, акцентируем внимание читателя на двух моментах, которые в значительной мере обуславливают результаты голосования: во-первых, на процедурах отбора кандидатов, а во-вторых — на политических и социальных процессах.

1. Формальные процедуры

Почти повсеместно, кроме США, формальные условия имеют ограничения. Любой гражданин может выдвинуть свою кандидатуру на выборы, т. к. ограничения, связанные со спонсорской финансовой поддержкой, утратили во многом свое значение. Правда, во всех 50 штатах США существуют ограничения для создания третьей партии. И потому политическое соперничество в США ведется между республиканской и демократической партиями. В то же время в различных штатах указанное соперничество характеризуется довольно значительным разнообразием. В одних случаях селекция кандидатов осуществляется открыто: в ней могут участвовать все сторонники партии, зарегистрированные как ее избиратели, в других случаях селекция носит закрытый характер. Однако в любом случае этот выбор доверят тем, кто доказал своим длительным

членством в партии преданность ей или является опорой ее аппарата на уровне штата.

В Европе, где политические партии являются более структурированными и сильными, основное формальное правило селекции связано с принадлежностью к той или иной политической партии. Именно такая принадлежность дает возможность выдвигать членов партии, занимающих руководящие должности в государственном аппарате, в кандидаты в избранные в округах. Такая практика получила широкое распространение во Франции и Италии.

Однако в большинстве стран селекция кандидатов в избранные является внутренним делом партии. Электорат в этой процедуре, как правило, не участвует. Он может оказывать свое воздействие только в случае проведения выборов в два тура, голоса по своему усмотрению во втором туре.

2. Политические и социальные процессы селекции

Формальные процедуры селекции кандидатов в избранные, которые осуществляются в рамках политических партий, скрывают более фундаментальную реальность: в выдвижении кандидатов существенное значение имеет соперничество на политической сцене. Это соперничество носит, безусловно, политический характер. И оно характеризуется рядом моментов. Во-первых, соперничество в крупных европейских партиях является уделом небольшой группы граждан — активистов политической партии. Итальянские исследователи Джузепе Ди Пальма и Маурицио Котта показали, что за период с 1948 г. по конец 70-х гг. прошлого века число депутатов, не имевших опыта деятельности в рядах партии, сократилось с 22 % в годы III-й легислатуры, до 11 % в годы IV-й легислатуры и до 4 % в конце 70-х гг. И наоборот, резко возросла численность депутатов, которые в молодом возрасте (до 25 лет) осуществляли ту или иную функцию в политической партии. Это было отмечено и в ХДП, и в социалистических партиях, где таких депутатов было около половины от их общего числа, а в коммунистической партии они составляли 76 %. Словом, в Италии все большее число депутатов проходит первичную политическую выучку в качестве активистов политических партий¹.

¹ *Di Palma G., Cotta M. Cadres, Peones and Entrepreneurs. Professional Identities in a Divided Parliament // Suleiman E. Parliament and Parliamentarians in Democratic Politics. New York; London, 1986. P. 57.*

Такой феномен характерен для многих стран. При этом особое распространение он получил в партиях левой ориентации. Так, средний возраст депутатов от лейбористской партии в Великобритании, как правило, существенно выше, чем депутатов от консервативной партии. Это связано с тем, что для того, чтобы получить право быть кандидатом в избранники, лейбористы, чаще всего, в начале своей карьеры проходят выучку на профсоюзной работе¹.

Процесс селекции кандидатов в избранники тем не менее характеризуется соперничеством между возможными кандидатами, в чем, к слову сказать, сказывается особенность выборов в той или иной стране, а также соотношение электоральных сил. В Италии, например, ведется двойная борьба. Она ведется за право быть включенным в избирательные списки, а также за место в них, с учетом перспектив возможного числа избрания из числа членов партийного списка. В Германии борьба за право выдвижения кандидата на избрание по тому или иному избирательному округу является менее острой, нежели за право включения в партийный список на уровне Земли. В первом случае вероятность победы — это всегда задача со многими неизвестными, которая решается с большими трудностями. Такая же борьба ведется и в странах, где проходит унитарное мажоритарное голосование. Эта борьба тем острее, чем меньше шансов у партии на победу.

Специфической является ситуация в США. Здесь существует правило, что в случае наличия сильного кандидата одной из партий на выборах, другая партия может не выставлять своего кандидата в округе. Кортес Ивинг, например, показал, что с 1920 по 1944 г. выборы в Конгресс по 12 южным штатам проходили без конкуренции². Для США характерно также и то, что соперничество по выдвижению своей кандидатуры в округах осуществлялось активно в тех случаях, когда избранный ранее депутат не выдвигал свою кандидатуру. Причем это в большей мере характерно для демократической партии, нежели для республиканской.

Роль политических организаций может быть показана и еще в одном измерении. Речь идет о двусмысленности,

¹ *Charlot M. Op. cit. P. 105.*

² *Ewing C. Congressional Elections, 1896—1944. Norman, 1947. P. 92. В 1988 г. 70 из 432 мест определялись в округах, где был выдвинут один кандидат. (Mény Y., Surel Y. Op. cit. P. 201.)*

которая выражает, с одной стороны, контроль со стороны партии (что является выражением ее закрытости), а с другой — стремление добиваться повышения авторитета кандидатов в избранники среди избирателей (что является выражением открытости политической партии). Во втором случае проявляется, если угодно, «политический волюнтаризм», используя который партия добивается поддержки избирателей тех из кандидатов, кто не получил до начала избирательной кампании необходимой общественной известности и популярности. Такая ситуация долгие годы была характерна для коммунистических партий, кандидаты в избранники от которой, особенно из числа рабочих, нередко становились избранниками благодаря активной поддержке своей партии. Стремясь сохранить образ партии рабочего класса, на всех выборах коммунистические партии выдвигают в качестве своих кандидатов в избранники немалое число рабочих. Так, в 1981 г. Французская коммунистическая партия выдвинула на выборы 27,3 % кандидатов из числа рабочих. А среди избранных депутатов от ФКП рабочие в том же году составляли 39,6 %. В Италии в течение 30 первых лет Республики 36 % депутатов из числа коммунистов были выходцами из рабочего класса. И потому справедливо говорить, что коммунистическая партия как партия рабочего класса имеет отчетливо выраженный социологический профиль, который получает выражение в социопрофессиональном составе ее избранников¹.

Буржуазные политические партии также не обходят стороной проблемы своей представительности. Однако правые партии и центристские партии никогда не придавали особого значения социологической представленности своих кандидатов в избранники. Иначе говоря, адекватное соответствие кандидатов и электората не являлось острой проблемой для этих партий. Правда, как отмечают наблюдатели, в том числе и политологи, в последние годы, оказавшись перед лицом растущего влияния в электорате новых социальных движений (расовые и этнические меньшинства, феминистские или экологические организации и т. п.), и правые, и центристские партии стремились привлечь электорат на свою сторону, содействуя в том числе выдвижению от них кандидатов в избранники. В то же время даже в США, где открытость политических партий

¹ Cf. Mény Y., Surel Y. Op. cit. P. 202–203.

вовне весьма высока, большинство этих движений, даже в период своей высшей популярности (60–70-е гг. прошлого века), так и не смогли выйти из в целом маргинальных позиций.

Наконец, нужно сказать и о том, что селекция является социальным феноменом. Как отмечает известный французский политолог Даниэль Гакси, «чем выше престиж той или иной политической позиции, тем выше становится ставка, связанная с ее завоеванием, и тем выше поднимаются требования к социальным качествам претендентов на эти посты, а *тем более* — к качествам победителей в этой борьбе»¹. Значимость роли парламентария предполагает наличие у кандидатов соответствующей квалификации и особых качеств, которые определяются политической партией или самими кандидатами, а также активом партии и электоратом. В отличие от рабочих партий, которые стремятся к адекватной социологической представленности в депутатском корпусе, большинство правых и центристских политических партий и избиратели в целом имеют квазиерархическую концепцию политического представительства. Кандидат в избранники должен обладать такими качествами и такой компетенцией, которые делали бы его достойным выдвижения в кандидаты в избранники. И здесь любой исследователь сталкивается с известным противоречием между субъективным восприятием того или иного кандидата в избранники и воздействием объективных факторов, как структурного, так и исторического характера. Об этом красноречиво в свое время писал известный историк Франции Поль Буа: «Традиция живет долго после того, как ее природа предается забвению... Возникшая однажды идеология просто и очень сильно выражает комплексно определенную личность, исключая признание другой личности. И эта идеология существует так долго, что приход нового состава населения или решительное изменение условий жизни не изменяют и не стирают коллективное представление о личности, которую она символизирует»².

В Великобритании, например, значительная часть рабочего класса долгое время устойчиво голосовала за консерваторов. Это политологами объяснялось тем, что рабочие

¹ *Gaxie D. Les ministres de la V République // Pouvoirs. 1986. № 36. P. 73.*

² *Bois P. Paysans de l'Ouest. P., 1971. P. 363–364.*

отдавали предпочтение в своем выборе просвещенной элите, способной к тому, чтобы руководить страной. Однако позднее, в 70-е гг. прошлого века политологи Д. Батлер и Д. Соукс предложили иное объяснение. Они провели анализ голосования определенной группы рабочих в период до образования лейбористской партии, в период кризиса либеральной партии и на выборах 1945 г., когда победили лейбористы. В итоге анализа они пришли к выводу о том, что голосование части рабочего класса за консерваторов объясняется устойчивостью политического поведения этой группы, сложившегося до образования лейбористской партии¹.

Как показывает политическая практика, очень не просто добиться права стать кандидатом в избранники. За исключением, может быть, США, как правило, невозможно во многих странах выдвинуть свою кандидатуру в обход политической партии. Нельзя этого добиться также и в обход определенной группы партийных чиновников, которые определяют, кто может рассматриваться как «достойный» кандидат. И только потом открывается возможность для непосредственного участия в избирательной кампании. Сказанное в полной мере может относиться и к России, где изменения избирательного законодательства ведут к резкому повышению роли политических партий в деле выдвижения кандидатов.

¹ *Butler D., Stokes D. Political Change in Britain. The Evolution of Electoral Choice. London, 1974; Mény Y., Surel Y. Op. cit. P. 203.*

ГЛАВА 9

ПАРЛАМЕНТЫ

Демократический режим представительного правления наиболее полное политическое выражение получает в деятельности выборных парламентов, с помощью которых выражается воля всего населения или по крайней мере большей его части. Парламент как таковой неразрывно связан с идеей и практикой либеральной демократии, которая реализуется на основе деятельности собрания избранных граждан. При этом *всякая попытка покушения на организацию, состав или функционирование выборного органа власти представляет собой выступление против демократии*. Не случайно утверждение в любой форме фашизма в прошлом веке всегда сопровождалось наступлением на парламенты.

Особая роль парламента в политической жизни страны была отмечена еще Дж. Локком, который утверждал, что парламент — это «верховная государственная власть». При этом политологи и конституционалисты особо подчеркивают законотворческую функцию этого выборного органа власти, что позволяет определять парламент как орган законодательной власти. В Великобритании, когда говорят о власти парламента, нередко используют формулу, согласно которой «парламент может сделать все, кроме превращения мужчины в женщину». Правда, в такой формуле явно присутствует преувеличение, если учесть, что в этой же стране можно услышать мнение о том, что парламент является «вспомогательным сборищем», «иллюзионным театром» или просто «регистрационной палатой». Нет необходимости доказывать, что такое понимание места и роли парламента в общественной жизни является явно односторонним.

Следует сказать, что парламенты, конечно же, осуществляют свою законотворческую деятельность не монопольно. В ней участвуют также исполнительная власть, бюрократия и другие формальные и неформальные группы. Подлинное значение деятельности парламентов политическая наука усматривает в легитимации существующих политических режимов. Парламент — это единственный институт, который представляет политическое сообщество во всем его

многообразии. А потому *ни один демократический режим не может обходиться без парламента*.

В политической науке используются разные подходы в изучении парламентов. Во-первых, к ним применим **исторический** подход. Например, деятельность британского парламента совершенно невозможно ни понять, ни описать, если отвлечься от его многовековой истории. Ведь именно в прошлом коренятся традиции, процедуры и ритуалы, вместе составляющие ту оболочку, в которой протекают политические дебаты в Великобритании.

Правда, исторический подход должен проводиться с большой осторожностью. Взять, скажем, проблему снижения роли парламента в политической жизни многих стран, о чем нередко можно слышать в средствах массовой информации. Если такой тезис принимать в качестве отправной точки для проведения сравнительного анализа, то необходимо сразу же отметить, что это снижение носит относительный характер. Слов нет, в ряде стран утвердилась практика, согласно которой большинство законодательных актов готовятся в недрах исполнительной власти. И казалось бы, есть все основания согласиться с вышеприведенной постановкой вопроса. Однако, как известно, парламента имеет и иные рычаги своего влияния: поправки, давление со стороны политических партий или коалиций большинства, мобилизация общественного мнения и т. п.

Обратим внимание и еще на одно обстоятельство. Во Франции, например, когда говорят о снижении влияния парламента на власть и политическую жизнь общества, нередко основывают свое сравнение с положением парламента в годы III-й и IV-й Республик. Можно даже услышать утверждение о том, что XIX в. — это «золотой век» парламентаризма. Но для такого утверждения явно недостает оценки способа избрания парламента (цензовое голосование в XIX в. не идет ни в какое сравнение с практикой всеобщего голосования; неучастие женщин в голосовании, по сути, исключало саму возможность участия женщин в политике). К тому же при проведении исторического сравнения нужно учитывать роль средств массовой информации, состояние социальных и экономических структур, политическую культуру населения и т. д.

Другой подход, используемый при изучении парламентов, получил наименование «**институционный**». Парламент, как известно, является сложной формальной организацией.

Поэтому вовсе не праздными являются вытекающие из такого подхода вопросы: какова степень разделения труда внутри парламента? Как законопроекты становятся законами? В каких отношениях находится парламента с другими государственными институтами?

Третий, **социологический** (бихевиористский) подход поднимает другие проблемы: какова социальная композиция парламента? Как его члены относятся к собственным ролям? Как они взаимодействуют с заинтересованными группами? Отражает ли парламента национальную политическую культуру?

Нужно сказать, что на основе комбинации таких подходов политическая наука достигла немалых успехов в сравнительном анализе парламентав¹.

9.1. Классификация парламентав

Как правило, классификация парламентав строится на учете их взаимоотношений с исполнительной властью. Выделяют следующие виды парламентав: доминирующие парламента; автономные парламента; ограниченно автономные парламента; подчиненные парламента.

Автономные парламента

Примером таких парламентав являются Конгресс США и шведский риксдаг. Такие парламента достаточно полно контролируют законодательный процесс, но они не обладают полномочиями для «свержения» правительства.

Что характерно для американского парламента?

Прежде всего следует сказать о том, что президент страны как глава исполнительной власти не обладает такими полномочиями, которые позволяли бы ему активно вмешиваться в законотворчество.

Во-вторых, парламентарии в США обладают широкой свободой при голосовании проектов законов. Они не обязаны строго подчиняться партиям, к которым они принадлежат. И потому они не всегда поддерживают президента при голосовании.

В-третьих, значительную роль в деятельности Конгресса играют парламентарские комиссии и комитеты, члены кото-

¹ См.: Голосов Г.В. Указ. соч. С. 288 – 289.

рых, будучи профессионалами достаточно высокого класса, действуют, чаще всего, самостоятельно.

Несколько иная основа для автономного положения парламента в системе власти исторически сложилась в Швеции и некоторых других странах. В рамках парламентской системы, например, в скандинавских странах сложилась практика межгрупповых консультаций по основным политическим вопросам в рамках парламента.

Ограниченно автономные парламенты

Примером такого рода парламентов является Великобритания. Для таких парламентов характерна конфронтация между правительством и оппозицией. Правительство, опираясь на большинство в парламенте, задает тон в его работе. При этом парламентарии голосуют в строгом соответствии с интересами партии и правительства. А потому итоги голосования в парламенте всегда предрешены. Роль британской палаты общин — не править, а, скорее, досаждать исполнительной власти запросами, обсуждениями принятых решений и критикой правительства.

Подчиненные парламенты

Профессор Г.В. Голосов приводит два примера таких парламентов — Национальное собрание Франции (V-я Республика) и парламент Кении. Получается так, что такой парламент может действовать и в условиях либеральной демократии, и в условиях авторитаризма. Здесь исполнительная власть явно преобладает над парламентом. Во Франции, где сильны демократические традиции, ограничение полномочий парламента было связано со стремлением правящих кругов преодолеть паралич власти в годы IV-й Республики. Ситуация стала меняться лишь тогда, когда президенту Ф. Миттерану — лидеру социалистической партии — пришлось сосуществовать с правым парламентским большинством. Тем самым была открыта «парламентская фаза» премьерско-президентской системы. Отсутствие партийного контроля со стороны исполнительной власти позволило Национальному собранию вести «свою игру». Позднее такая же ситуация повторилась уже в годы президентства Жака Ширака, лидера правых сил, когда Национальное собрание было левым, а главой правительства — социалист Лионель Жоспен.

В Кении парламент лишен возможности критиковать правительство. Это небезопасно. В такой ситуации представительное собрание является связующим звеном между центральной властью и сельской глубинкой. Законодатели выступают как защитники своих избирателей в столице, выбивают субсидии и т. п.

Полностью подчиненные парламенты

Такие парламенты характерны для некоторых военных (Бразилия в начале 80-х гг.), многих популистских (например, Танзания) и всех эгалитарно-авторитарных режимов. Иными словами, такие парламенты существуют во всех авторитарных режимах. Это в полной мере относится и к парламенту в СССР, который работал под руководством ЦК КПСС. Таким парламентам нет необходимости работать на профессиональной основе. Пленарные, или сессионные заседания, проводятся крайне редко. Они бывают краткосрочными и во многом формальными. К тому же они не обладают правами на формирование правительства. Их предназначение сводится к легитимации политического режима и санкционированию его мероприятий¹.

9.2. Функции парламентов

В политической науке выделяют четыре основных функции парламентов: легитимации; представительства; рекрутирования и социализации элиты; воздействия на исполнительную власть и контроля за ней.

Функцию **легитимации** режима и власти выполняют все без исключения парламенты. Любая исполнительная власть, даже если она полностью берет на себя функции политического управления обществом, все равно нуждается в одобрении своей деятельности «народными избранниками». А потому деятельность парламентов имеет большое символическое значение. При этом исполнительная власть делает все для того, чтобы придать видимость независимости как парламентариев, так и самих парламентов. И в отношениях с ними авторитарная власть действует на основе неких правил игры, в ходе которой соблюдается ритуальное почтение к парламентам и парламентариям, последние,

¹ См.: *Голосов Г.В.* Указ. соч. С. 289 – 292.

как правило, обладают правом неприкосновенности. Все это делается для того, чтобы придать действующей власти законность в глазах населения.

Функция **представительства** является единственной, в выполнении которой с парламентом не может сравниться ни один иной институт. Выполнение этой функции осуществляется различным образом. Политологи выделяют четыре основных подхода в выполнении этой важной функции.

«**Слуги избирателей**» в парламенте могут действовать в интересах либо избирательного округа в целом, либо — наиболее влиятельных групп его населения. Правда, и в том и в другом случае их позиция носит, в сущности, местнический характер. Такой подход к представительству особенно широко распространен в США, где считается, что конгрессмены должны «привозить домой бекон» в виде правительственных заказов, субсидий и контрактов.

Ярым поборником жесткой зависимости депутатов от избирателей был К. Маркс. Логическим следствием такого подхода являются *требование (право) отзыва депутатов* в процессе исполнения ими депутатских обязанностей и признание так называемого «*императивного мандата*». Правда, широкого распространения такие требования не получили. Это связано с тем, что отзыв депутатов весьма дорогостоящее дело, с одной стороны, а с другой — отзыв лишает депутатов независимости в своих действиях. Императивный мандат сохраняется лишь в некоторых странах, где действуют эгалитарно-авторитарные режимы (Вьетнам, Китай, Северная Корея, Куба), а также в ряде республик Российской Федерации. Конституции ряда стран (например, Франции) прямо запрещают императивный мандат или, как Основной закон ФРГ, устанавливают, что депутаты «являются представителями всего народа, не связанными наказами или поручениями, и подчиняются лишь собственной совести»¹.

Подход к парламентариям как к «**опекунам народа**» получил классическое выражение в речи английского консервативного мыслителя и политика Эдмунда Берка, обращенной к избирателям в 1774 г.: «Конечно, джентльмены, — говорил он, — для представителя должно быть счастьем и большой честью жить в теснейшем союзе, близком общении и самой непосредственной связи с избирателями... Но свое непредвзятое мнение, свое истинное суждение и

¹ Цит. по: *Голосов Г.В.* Указ. соч. С. 293–294.

просвещенное сознание он не должен приносить в жертву ни вам, ни кому бы то ни было другому... Парламент — это не собрание посланников различных и враждебных друг другу интересов, которые отстаиваются их агентами и защитниками против всех остальных членов собрания, парламент — это независимая ассамблея единой нации, с единым интересом, общим для всех: главное здесь — не местные цели и предпочтения, а общее благо...»¹.

Как справедливо отмечает профессор Г.В. Голосов, такой подход к представительству расширяет автономию парламентов и позволяет им играть роль лидеров общественного мнения в большей мере, чем осуществлять функцию его пассивного отражения. В XIX в. этот подход преобладал. Он и по сей день не утратил своих позиций в некоторых странах (Франция, Великобритания). Однако «опекать народ» стало гораздо труднее с тех пор, как появились массовые партии.

В последние десятилетия парламенты выступают **«проводниками воли партий»**. На выборах, как правило, соревнуются не личности, а партийные программы. Причем лишь в немногих странах избранниками могут становиться независимые кандидаты. Стать избранниками в обход влиятельных политических партий в наши дни практически невозможно.

Свое последовательное выражение идея о парламентариях как о проводниках воли партий находит в концепции «партийного императивного мандата». Согласно этой концепции, депутат представляет своих избирателей через выдвинувшую его партию. Стало быть, выходя из данной партии (или будучи исключенным из нее по серьезным основаниям), он утрачивает правовую основу для дальнейшего нахождения в составе парламента.

Концепция «партийного императивного мандата» впервые была реализована в Чехословакии в 20-х гг. прошлого столетия. Правда, в других странах Европы, за исключением Португалии, она не получила своей практической реализации. Более популярна она в странах «третьего мира»: с теми или иными модификациями такая концепция используется в Бангладеш, Бразилии, Вануату, Гане, Замбии, Индии, Индонезии, Сейшельских островах, Фиджи, Шри-Ланке и ЮАР. Известно, что такие предложения обсуждались и в Государственной думе нашей страны, но были отвергнуты.

¹ Цит. по: Голосов Г.В. Указ. соч. С. 294.

Почти все модели демократии придают парламенту значение **«зеркала общества»**, и это не чуждо авторитарным режимам, как известно. Верховный Совет СССР со сталинских времен и до самого последнего времени строился на жестких процентных нормах представительства от рабочих, крестьян, коммунистов, беспартийных, интеллигенции, женщин и т. д. Эту идиллическую картину несколько портил лишь тот факт, что примерно 30 % «корпуса законодателей» составляли высшие партийные и государственные работники, для которых мандат был, по сути дела, пожизненным. В условиях либеральной демократии «зеркало общества» почти всегда кривое. Всем гражданам нашей страны с детских лет было известно, что в Конгрессе США не было ни одного рабочего. В этой стране парламентариями являются в своем большинстве выходцы из среднего класса. Они имеют, как правило, достаточно высокое образование. В большинстве — это мужчины.

Таким образом, как справедливо отмечают компаративисты и политологи, «зеркальное соответствие» парламента обществу не достигнуто ни в одной демократической стране. Думается, что пока реализация такой задачи, если бы она была даже поставлена, ни в одной стране не осуществима.

Третья функция парламентов — **рекрутирование и социализация элиты**. В демократических странах избрание в национальный парламент для каждого депутата открывает перспективу дальнейшего продвижения на любую, в том числе и самую высокую должность в системе власти. Так, утверждение в 80-е гг. прошлого столетия социалистической партии в качестве едва ли не самой влиятельной партии страны, в течение ряда лет привело к формированию так называемой «розовой элиты» во Франции. И ныне многие важные посты в государственном управлении принадлежат выходцам из этой политической партии. То же самое можно сказать и о России. Демократические преобразования в стране начались с масштабной замены кадров в составе правящей элиты общества. Этот процесс рекрутирования нового поколения кадров продолжается и в наши дни. При этом многие нынешние государственные руководители прошли школу парламентской работы.

Наконец, четвертая функция парламентов — **воздействие на исполнительную власть и контроль над ней**. Инструментами парламентов в этом деле могут служить дебаты, работа в комиссиях и комитетах над проектами

законов, парламентские запросы и расследования, резолюции, вотум недоверия правительству.

Способность парламента выполнять ту или иную функцию существенно зависит от его профессионализма и организации работы парламентариев. Многое зависит от того, как оплачивается труд народных избранников.

9.3. Организационная структура парламента

Важнейший вопрос, касающийся внутренней структуры парламента — должен ли он состоять из одной, двух или более палат? Абсолютные монархии позднего Средневековья решали эту проблему просто: каждая из палат, как полагали тогда, должна представлять какое-то из сословий королевства — дворянство, духовенство, горожан и (иногда) крестьян. Каждое из сословий имело свои традиционные интересы, права и обязанности перед короной. Сословное представительство, к примеру, защищал Ш. Монтескье, которое он рассматривал как форму высоко ценимого им «смешанного правления».

Казалось бы, такой подход остался в прошлом и сохраняет только научный и исторический интерес. Однако рудименты такого рода парламентаризма дошли вплоть до наших дней. Прежде всего это относится к палате лордов в Великобритании. Никто из лордов не является выразителем воли народа. Однажды назначенные на этот пост, лорды являются пожизненными парламентариями. В последние годы в адрес верхней палаты парламента в Великобритании звучало немало критики. Звучали и обсуждались предложения по ликвидации данного политического института. Однако в силу влияния традиций и их инерции эта палата продолжает функционировать.

Иную картину представляет французский Сенат, хотя его представительский характер тоже вызывает немало противоречивых суждений. Французские сенаторы избираются косвенным голосованием, в котором главная роль принадлежит местным избранникам. В итоге сельская Франция имеет повышенное представительство среди сенаторов. Среди избранников из числа сенаторов, представляющих городскую часть французского электората, большинство получают этот статус решением нотаблей или представителей политических партий. При этом сенаторы, которых избирают на 9 лет, как правило, переживают те

изменения, которые происходят в межвыборный период в представляемом ими электорате.

В итальянском Сенате большинство сенаторов избирается на пропорциональной основе. Однако в его составе находятся пять сенаторов, которые пожизненно назначаются президентом страны. Сенат обладает, по сути дела, теми же правами, что и палата депутатов итальянского парламента. И это само по себе ставит ряд вопросов, ответ на которые ищет итальянская общественность. О чем идет речь? Многие политики и политологи задаются вопросом: если полномочия палат одинаковы, то зачем нужно иметь в парламенте две палаты? Однозначного ответа в итальянском обществе пока не найдено.

В отличие от приведенных нами примеров, легитимность и состав верхней палаты парламента в некоторых других странах основывается на иных принципах. Так, в США сенаторы избираются с 1913 г. прямым всеобщим голосованием населения каждого штата. Каждый штат страны представлен в Сенате двумя избранниками, избранными на 6 лет. В итоге утверждается определенное неравенство: 500 000 жителей Аляски представляются двумя сенаторами. Также два сенатора избираются от 25 млн жителей Калифорнии.

Каждые два года происходит обновление состава Сената на одну треть. Сенаторы США не наделяются никаким императивным мандатом. Более того, в этой стране не существует никакой юридической связи между сенаторами и политическими органами штатов, которые они представляют.

Понятно, что самые маленькие штаты оказываются в самом выигрышном положении. И это относится не только к США. Сошлемся на данные Аренда Лейпхарта по состоянию на 1980 г.

Таблица 14

Доля мест в верхних палатах федеральных парламентов, отводимая представителям избирателей, находящихся в наиболее благоприятном положении

Страна	Доля мест в верхних палатах федеральных парламентов, % в зависимости от доли избирателей от общего их числа			
	5	10	25	50
Австралия	21,3	30,4	55,3	75,5
Австрия	6,9	12,8	28,2	53,2

Окончание табл. 14

Канада	18,9	31,2	48,5	69,2
США	28,2	39,5	60,6	82,9
ФРГ	20,1	31,5	50,7	73,1
Швейцария	26,7	38,9	60,4	81,1

Источник: *Голосов Г.В.* Указ. соч. С. 303.

Как видим, особо привилегированного положения достигли «малые» земли в США и Швейцарии, но и в других странах неравенство достаточно ощутимо. Даже в некоторых унитарных государствах верхние палаты парламентов формируются так, чтобы ни одна из территорий не чувствовала себя ущемленной. В Италии, например, Сенат формируется всеобщим голосованием, но при особой нарезке избирательных округов: каждый из них совпадает с большим регионом страны.

В Германии члены бундесрата не являются подлинными «парламентариями». В соответствии со ст. 51 Конституции страны, они являются «членами правительств Земель», чей мандат заканчивается с прекращением отправления их правительственной функции. Каждая Земля располагает в бундесрате определенным числом мест (от трех до шести представителей в зависимости от численности населения): Земли Бавария, Баден-Вюртенберг, Нижняя Саксония и Ренания Северной Вестфалии имеют 6 мест в бундесрате; по 4 места имеют Берлин, Шлезвиг-Хольштейн, Гесс и Ренани-Палатинат; по 3 места — Сарр, Брем и Гамбург. Нужно сказать, что 5 новых Земель, образованных на территории бывшей ГДР после ее присоединения к ФРГ, имеют более высокое представительство, чем это определяется демографией этих Земель. Так, Брандбург, Маккленбург, Сакс-Анхальт, Сакс и Тюрингия имеют по четыре места в бундестрате.

В Бразилии Сенат избирается на основе мажоритарной системы на 8 лет. От каждого штата и федерального округа избирается по три сенатора и одновременно по два их заместителя. Каждые четыре года происходит обновление сената: сначала он обновляется на одну треть, а затем на две трети своего состава.

Сенат в Австралии избирается населением на шесть лет с обновлением его состава каждые три года, когда избирается палата представителей. В Швейцарии члены Совета

кантонов избираются по плюральной системе выборов по два представителя от каждого кантона на четыре года.

Для формирования состава верхних палат парламента используется также принцип делегирования, когда главы органов исполнительной и законодательной власти являются одновременно и членами соответствующей палаты федерального парламента. Такая система до недавнего времени действовала в России. Напомним, что первый состав Совета федерации (1993—1995) формировался на основе прямых выборов в субъектах Российской Федерации; это рассматривалось Конституцией в качестве переходной меры. С 1995 по 2000 г. действовал принцип, согласно которому главы законодательных и исполнительных органов государственной власти в субъектах Федерации являлись одновременно членами Совета федерации. В 2000 г. был принят Федеральный закон, согласно которому состав Совета федерации формируется из числа представителей законодательных и исполнительных органов субъектов Федерации.

В некоторых странах верхняя палата парламента формируется на основе смешанной системы комплектования: одна ее часть избирается населением, другие части — парламентами субъектов федерации или назначаются органами государственной власти. Так, в Бельгии 40 членов Сената избираются населением регионов на основе пропорционального представительства (25 — от Фландрии и от фламандского населения Брюссельского региона и 15 — от Валлонии и от франкоязычного населения Брюссельского региона), 21 избираются коммунальными советами (по 10 от фламандскоязычных и франкоязычных коммун и один от германоязычной коммуны), а 10 кооптируются избранными сенаторами (6 от Фландрии и 4 от Валлонии). В состав Сената входят также сенаторы по праву — дети королевской семьи (с 18 лет), в случае их отсутствия родственники королевской фамилии по нисходящей линии.

В Индии Совет штатов формируется посредством смешанной системы, когда большая часть его состава (232 члена из 244) избирается на шесть лет законодательными собраниями штатов и союзных территорий, а 12 членов назначаются президентом из лиц, имеющих особые заслуги в различных областях литературы или искусства, науки или общественной деятельности¹.

¹ См. подробнее: *Сморгунов А.В.* Указ. соч. С. 293—300.

Нижние палаты парламентов

Нижние палаты парламента в силу своего строго представительного характера обладают первенством в законотворческой деятельности. Это так потому, что выборный парламент является наилучшим выражением демократически выраженной воли избирателей. Не удивительно, что именно нижняя палата парламента располагает более широкими компетенциями или прерогативами. С этой точки зрения становится понятной политическая практика парламентов Франции, Германии и даже Великобритании, где двухпалатность, по сути дела, скрывает факт наличия однопалатного законодательного органа.

Как мы только что отметили, главное достоинство нижней палаты парламента определяется ее представительным характером. Хотя само представительство имеет значительные качественные различия в каждой из стран. Есть все основания констатировать, что нижние палаты парламентов далеко не в полной мере отвечают требованиям идеала либеральной философии. Так, мажоритарное голосование в один тур в Великобритании делает практически невозможными изменения сложившейся в стране двухпартийности. Для сравнения приведем пример Франции. В этой стране введение мажоритарного голосования в два тура и своеобразная нарезка округов, проведенная после принятия Конституции 1958 г., способствовали деформированию народного волеизъявления¹.

В США отстранение от голосования негров на Юге страны в сочетании с политикой нарезки округов долгое время искажали представительный характер избранных в Конгресс. Так, в 1956 г. численность негров в избирательных списках не превышала 25 % от реальной численности избирателей из числа негров. Только в 60-е гг. прошлого столетия, когда были приняты несколько законодательных актов, отменявших существовавшие ранее ограничения для голосования негров, стала складываться иная ситуация. Довольно авторитетная газета «Нью-Йорк таймс» 18 июня 1964 г. показала некоторые из аномалий избирательного процесса: 12 % населения штата Вермонт теоретически могли в итоге голосования сформировать большинство парламента штата. В других штатах избирательные округа не изменялись в течение 30 лет, а в Луизиане — даже

¹ Cf. Mény Y., Surel Y. Op. cit. P. 228.

50 лет. Верховный суд США своими решениями от 1962, 1964 и 1968 гг. подтвердил тот факт, что принцип «*один человек — один голос*» должен строго соблюдаться, а избирательные округа должны нарезаться так, чтобы соблюдался принцип строго равенства при условии отказа от любой формы дискриминации граждан. Правда, в отношении выборов, проводящихся на местном уровне, американский законодатель сохраняет известную свободу в принципе представительства, ссылаясь на причины исторического и географического порядка.

Электоральные системы в Германии и Италии вплоть до 1993 г. гарантировали в целом адекватное электоральное представительство. Широко известен тот факт, что в Италии любая политическая партия могла быть представлена в парламенте при условии получения ею даже менее 2 % голосов. В Германии минимальный порог для прохождения в парламент составляет 5 % голосов избирателей. Как считают политологи, такой порог избавляет парламент от представительства как крайне правых, так и крайне левых политических сил. В 1994 г. в Италии был введен 4-процентный порог для прохождения в парламент. В России до 2005 г. порог для прохождения политической партии в парламент составлял 5 %. Теперь же решением законодателя он увеличен до 7 %.

По вопросам введения порогов и их величины в различных странах нет единого мнения. Существуют по крайней мере две противоположные позиции в этом вопросе. Одни настаивают на необходимости создания таких условий, чтобы парламенты были «зеркалом» политической реальности страны и даже реальности социологической¹. В этом отношении весьма примечательным является тот факт, что в последние годы в ряде стран активно заявили о себе феминистские движения, которые добиваются большего представительства женщин в руководящих инстанциях политических партий. Пример тому — Франция или США (в частности, это активно обсуждается в рамках демократической партии). Феминистские движения добиваются и большего представительства женщин как в выборных органах власти, так и в структурах администрации.

Наряду с такой, во многом социологической концепцией представительства, получает распространение и позиция тех, кто выступает за адекватное представительство того,

¹ Cf. *Philips A. The Politics of Presence. Oxford, 1995.*

что политологи называют народной волей. Для сторонников такого подхода крайне важно добиваться того, чтобы парламент в своем составе не искажал ожиданий избирателей, выраженных в результатах голосования. С этой точки зрения на переднем плане оказываются вопросы комплектования правительства и реального осуществления политики в соответствии с вердиктом голосования.

Осуществимо ли это на практике? Британская и французская избирательные системы в целом позволяют выбрать управляющих на основе голосования избирателей за представителей тех или иных политических партий. Более неопределенной выглядит в этом вопросе ситуация в Германии, где судьба правительства определяется в итоге союза одной из двух ведущих политических партий (СДПГ или ХДС/ХСС) с небольшими партиями (либеральные демократы или экологи, например). На первый взгляд очень устойчивой с точки зрения формирования правящей элиты является ситуация в США. Однако и здесь время от времени возникает ситуация, в которой парламентское большинство может расходиться с результатами голосования по выбору президента страны. Еще сложнее выглядит ситуация в Италии, например. Пропорциональное представительство в этой стране может приводить и приводит к тому, что избиратель заранее не знает, какой политический выбор за него сделают лидеры политических партий, заключающие соглашения по составу правительства страны.

Нужно сказать, что классическая теория демократического представительства пока выдерживает многочисленные атаки на нее со всех сторон: ни политическая практика в бывших социалистических странах, ни попытки формирования новой системы представительства, которые предпринимали фашиствующие политики и теоретики, ни наскоки феминистских, экологических и иных движений современности не увенчались успехом. Хотя подвижки в социологических характеристиках депутатского корпуса в некоторых странах налицо. И тем не менее, например, представительство женщин среди парламентариев во многих странах составляет менее 10 % от их общего числа.

Следует сказать и о том, что само социологическое представительство далеко не всегда является решающим условием в выборе законодателей. Так, изучение французской и немецкой элит, проведенное в 1967 г. политологами Л. Эдинггером и Д. Сиригом, убедительно продемонстри-

ровало, что социальная позиция элит имеет большее значение, чем их социальное, религиозное и географическое происхождение¹. Воздействие экономических и социальных факторов на политические позиции избранных и политические решения носит также ограниченный характер. Создание, например, экономических и социальных собраний в Италии и во Франции не сказалось сколько-нибудь существенно на парламентском представительстве. Их роль в конституционной архитектуре оказалась маргинальной: ни Экономический и социальный совет, ни Национальный совет экономики и труда не стали выражением экономических и социальных сил общества. Основным каналом влияния на политику страны продолжают оставаться группы давления.

9.4. Представительство и агрегация интересов

9.4.1. Парламент и группы интересов

Даже в теории представительного правления парламентарии не рассматриваются в качестве полноценных представителей избирателей и всей страны. Они в большей мере являются посредниками между управляющими и управляемыми. Эта функция парламента, несмотря на усиление позиций исполнительной власти, развитие СМИ и средств коммуникации, не утрачивает своего значения.

Значение этой функции парламента в значительной мере определяется сохраняющимся различием между правящим большинством и оппозицией, которые в рамках парламента имеют возможность излагать свои политические позиции по основным вопросам общественной жизни и законодательства.

Справедливости ради, нужно сказать, что в ряде демократических стран коммуникационная роль парламента является относительно небольшой в таких вопросах, как оборона страны или промышленная политика. Однако эта роль является, едва ли не первостепенной, в таких вопросах, как торговля и ремесленничество, сельское хозяйство, отношения с местными властями и т. д.

¹ *Edinger L., Searing D. Social Background in Elite Analysis // American Political Science Review. Vol. 61. № 2. 1967. P. 428 – 445.*

Представительство интересов во многом определяется законодательной способностью палат парламента и организацией его внутренней жизни. Там, где парламенты наделены полномочиями по инициированию и принятию законодательных мер, где функционируют специализированные парламентские комитеты или комиссии (США или Италия, например), в большей мере имеются возможности для оказания влияния разнообразных групп давления. Интересен в этом отношении опыт итальянского парламента. Здесь специализированные комиссии имеют возможность голосовать законодательные тексты, которые не покушаются на полномочия палаты парламента. А это открывает немалые возможности для влияния заинтересованных групп. В американском парламенте комиссии также являются важным инструментом законодательной деятельности. Об этом говорил в свое время еще Вудро Вильсон: Конгресс в лице комиссий — это Конгресс в рабочем состоянии (*Congress in its committee rooms is Congress at work*).

9.4.2. Представительство и политические партии

В традиционной концепции представительной системы утверждается, что избранники не связаны никакими жесткими обязательствами ни с избирателями, ни с политическими организациями, например с партиями. Такая, как ее иногда называют, архаическая концепция подвергалась критике не только со стороны тех, кто был сторонником британской политической системы, включая и парламента, но и теми силами, которые вошли в политическую жизнь Европы в конце XIX в., когда возникли социалистические, а потом и коммунистические партии. С появлением именно этих партий связано возникновение убеждения в том, что партия является привилегированным инструментом классового представительства. Иначе говоря, возникло радикальное различие между индивидуализированным и атомизированным видением представительства и видением его коллективным и социологическим, что было присуще сторонникам социалистической идеологии. Это означает, что, в зависимости от той или иной позиции или компромисса между ними, роль партий в системе представительства интересов может существенно различаться.

В США, где массовые социалистические партии никогда не существовали, сложилась гибкая парламентская система, в

которой не применяется роспуск парламента. Демократическая и республиканская партии в этой стране являются электоральными машинами, которые действуют наиболее активно в период избирательных кампаний. К тому же они сильно укоренены в штатах и на местах вообще. Поэтому иногда говорят, что в США существуют не две, а целая сотня партий.

Известная близость позиций обеих этих партий по ключевым проблемам политической жизни предопределяет тот факт, что все меньше избирателей отождествляют себя с одной из двух партий. И все больше становится избирателей, которые заявляют о себе как о «независимых» избирателях. Показательно: в 1960 г. 65 % избирателей относили себя к последовательным сторонникам той или иной политической партии. В 1980 г. это показатель сократился до 30 %.

В 60–70-е гг. прошлого века политическая жизнь США была отмечена тем, что предпринимались многочисленные попытки укрепить связи между избирателями и политическими партиями. Такие усилия были вызваны к жизни прежде всего тем, что представительство электората политическими партиями подвергалось существенной критике. В частности, предлагалось демократизировать электоральный процесс, придав большее значение праймериз (первичным выборам). В 1972 г. это нашло свое выражение в процессе избрания делегатов на съезд демократической партии. На этом съезде негры, молодежь и лица старшего возраста были представлены в пропорции, вполне сопоставимой с их удельным весом в составе населения страны. Такое соотношение, помимо съезда партии, в большей или меньшей степени проявилось на всех уровнях избрания и во всех штатах страны. Несколько осторожнее к решению данного вопроса относились республиканцы. Но и в этой партии указанная тенденция постепенно набирала силу. На исходе прошлого столетия концепция «зеркального отражения социального корпуса» обществу получила новый импульс в своей реализации под влиянием феминистского движения.

Несмотря на происходившие изменения в вопросах представительства в последние 2–3 десятилетия в США, к нему (представительству) в большей мере относится теория «правило конкурентного большинства», которую выдвинул американский юрист, представитель Юга страны Калхун. Согласно этой теории, выступающей с позиций защиты интересов южных штатов страны, большинство может быть сформировано только в результате достижения консенсуса

с меньшинством, которое наделяется правом вето в случае несогласия с тем или иным решением. В таком случае партии становятся «рыхлыми структурами», разделенными изнутри на основе интересов и конфликтов. Такие партии объединяет изменяющиеся интересы. В таких партиях ведутся постоянно переговоры по достижению общего согласия. И, естественно, такие партии не являются устойчивыми и дисциплинированными. Ясно и другое: представительство интересов избирателей такими партиями будет далеко не полным.

Антиподом американской системы представительства с помощью политических партий является система представительства в Великобритании. В меньшей степени это можно сказать и в отношении системы представительства в Италии, Германии и Франции. В этих странах парламентские партии в большей степени, чем, например, в США, испытывают на себе классовое или религиозное влияние. Показательно, что в Италии и Германии под воздействием религиозного фактора созданы влиятельные христианско-демократические партии. Что касается других политических партий, они все чаще отождествляются с фракциями новых социальных сил и классов (радикалы в Италии, «зеленые» — в Германии) или с такими реликтами прошлого, которые, хотя и утрачивают свое влияние, но сохраняются тем не менее на политической сцене (французские радикалы, британские, итальянские и немецкие либералы), а также коммунистические партии в разных странах Европы.

Европейские парламенты могут быть охарактеризованы и подвергнуты сравнению на основе трех наблюдений: 1) разделения на правых и левых; 2) постоянство партийного представительства; 3) способности партий обеспечивать представительство.

Постоянство разделения «правые-левые»

Устойчивое существование такого разделения политических партий в парламенте опровергает утверждения о том, что такое разделение, вроде бы, носит искусственный характер, а также предсказания представителей различных идеологических течений об исчезновении такого разделения в представительстве в силу сдвигов в социальной структуре западных обществ. Казалось бы, в пользу такого рода предсказаний должны были свидетельствовать целый ряд факторов: относительное уменьшение численности рабоче-

го класса, усиление позиций средних классов и изменения в системе ценностей демократических обществ. К тому же в последние десятилетия появились, как мы отмечали выше, «всеохватные партии», которые в меньшей степени отличаются как по своей социальной базе, так и по своим интересам и стратегиям.

На основании такого рода тенденций меняются и традиционные политические партии. Так, в Германии, Италии и Франции социалистические партии существенно «социал-демократизировались». Претерпели изменения и коммунистические партии, которые отошли от прежних установок на свершение социалистических революций, ориентируясь на защиту национальных интересов (как партии «цветов Франции» или «исторического компромисса» в Италии). Все чаще мир становится свидетелем формирования коалиций между соперничающими партиями: коалиция СДПГ и ХДС/ХСС в 1966–1969 гг. в Германии, коалиция левых и центра в 60-е гг. или пятипартийная коалиция в 80-е гг. в Италии. Во Франции в 1986, в 1993 и после 1997 г. осуществлялось «сожительство» оппозиционных сил в лице президента страны и парламентского большинства.

Такого рода тенденции являются дополнительными свидетельствами происходившей эволюции коммунистических партий. В Италии ИКП пошла по пути серьезного преобразования своей программы и деятельности, что лишь усилило позиции «новых коммунистов» в электорате. И партия стала членом правительственной коалиции после выборов 1996 г. ФКП, не сумев по-настоящему реформироваться, испытывает в последние годы немалые трудности и постоянно утрачивает свои позиции в электорате.

Было бы слишком поспешным заявлять, что влияние факторов классовой принадлежности и религии, а также идеологических предпочтений исчезает. Изменения в их влиянии налицо. Сказывается, например, то, что часть избирателей не имеет устойчивых политических позиций. Это факт, подтвержденный политической практикой многих стран. И тем не менее все указанные выше факторы продолжают оказывать существенное влияние на избирателей и позволяют давать объективное объяснение электоральному поведению больших масс людей¹. При

¹ Cf. Mayer N. *Pas de chrysanthèmes pour les variables sociologiques* // Dupoirier E. Grunberg G. (dir.) *Mars 1986: la drôle de défaire de la gauche*. P., 1986; Mayer N., Boys D. (dir.) *L'électeur a ses raisons*. P., 1997.

этом католики во Франции, Италии и Германии в своем большинстве отдают свое предпочтение правым политическим партиям, в то время как социалистические и коммунистические партии оказывают сильное влияние в зонах компактного проживания и работы из числа лиц наемного труда и рабочего класса. В конечном счете большинство избирателей ориентируются в своем политическом выборе на «свои» интересы и ценности. Да и сама политическая игра, идущая в обществе, в значительной мере способствует сохранению линий раздела национального электората по указанным принципам.

Следует сказать и о том, что новые линии раздела общества, которые возникают вследствие происходящей социально-экономической эволюции во многих странах, не отменяют, а, скорее, становятся дополнительным элементом, способствующим усилению разделения на левых и правых в парламенте, да и в обществе в целом.

Постоянство партийного представительства

Представительство избирателей в парламенте обеспечивается, как известно, политическими партиями. В демократических обществах, в которых сложилась устойчивая избирательная система, характерным является наличие в парламенте определенного круга политических формирований. Так, в Великобритании парламентское большинство на протяжении ряда десятилетий принадлежит либо консервативной, либо либеральной партии. Такую двухполюсность политической жизни не удалось поколебать ни либералам, ни националистам в этой стране. В Германии, несмотря на то, что в парламенте помимо либералов представлены теперь и «зеленые», устойчивость политической жизни обеспечивается сильными позициями среди избирателей двух политических партий — СДПГ и ХДС/ХСС. Несколько сложнее положение выглядит во Франции. Структура представительства избирателей в этой стране имеет четырехполюсное выражение: авторитарная правая, либеральная правая, левореформаторская и радикальная или революционная партии. И несмотря на разного рода политические события, все эти четыре течения, в том или ином соотношении между собой, сохраняют свое представительство в парламенте.

Способность партий обеспечивать представительство

В том случае, когда речь идет об оценке способности политических партий отражать требования избирателей, различия между партийными системами и самими партиями оказываются весьма существенными. Британская партийная система наилучшим образом обеспечивает агрегирование требований избирателей, но наименее образом представляет эти требования. В Великобритании каждому избирателю хорошо известно, что он должен сделать выбор между двумя позициями, предлагаемыми лейбористами и консерваторами. Однако в парламенте обеспечивается представительство только позиций избирателей, проголосовавших за победившую партию. О характере такого представительства свидетельствуют следующие данные. На выборах 2001 г. лейбористы получили 40,7 % голосов избирателей, но получили 413 из 659 мест в парламенте, т. е. примерно 63 % от парламентского представительства. Понятно, что такая система не является в полной мере демократической, однако с ней соглашается большинство населения, а также победившие и побежденные политические партии. Такое согласие в обществе, помимо сказанного, определяется тем, что в итоге победы на выборах формируется умеренное в своих действиях правительство, которое в своей политике стремится уважительно относиться к оппозиции и разного рода меньшинствам, не сумевших победить на выборах¹.

О чем это говорит? Ценность системы представительства определяется не столько теми правилами, на которых она основана, сколько признанием ее самим обществом, избирателями. Английская система представительства отличается простотой: избиратель голосует за ту или иную политическую партию и ее лидера. При этом индивидуальные качества всех остальных будущих парламентариев как бы не имеют особого значения.

Политические партии в Италии долгое время играли существенную роль в агрегации требований избирателей. Однако отношения между избирателями и парламентом искажались применявшимися «правилами игры». То, что политические партии выигрывали в представительстве, они проигрывали в выражении. Так, любой итальянский избира-

¹ Lavau G., Duhamel O. La démocratie // Grawitz M., Leca J. (dir.) *Traité de science politique*. Т. 2. P., 1985. P. 29 – 106.

тель имеет возможность выбора той или иной политической позиции, однако он заранее не знает и не может знать ни программу будущего правительства, ни то, каким образом его требования будут учтены в деятельности государственной администрации. Кроме того, полная зависимость парламентариев от политических партий, что предопределяется пропорциональной системой представительства, снижает их роль в представлении избирателей на политической сцене. Это справедливо отметил Антонио Бальдассаре: «побуждение к тесному взаимодействию между избирателями и избранниками было практически уничтожено господством парламентских групп и дисциплиной в них в процессе дискуссий и голосования текстов»¹.

Такая слабая способность парламента отвечать на пожелания электората была особенно характерна для христианско-демократической партии, которая во имя своих собственных, религиозных принципов долгое время обращала мало внимания на социальные требования. Получалось так, что социальные требования могли получать свое выражение за пределами партийных каналов связи с обществом и вне парламента (насилие, юридическая активность и т. д.). Если не учитывать такой ситуации, оказывается весьма трудным делом понимание тех институционных изменений, которые были произведены в последние годы в Италии.

Демократические режимы Запада подстерегает одна общая опасность: если парламентские партии не отражают адекватно волю электората во всех ее основных проявлениях, то они неизбежно, рано или поздно, столкнутся с конкуренцией новых политических партий или политических сил: недовольство налоговой политикой в США было подтверждено и выражено на референдумах в целом ряде штатов страны и только потом было учтено республиканской партией в ее деятельности; в 70-е гг. прошлого столетия угроза роста влияния националистических партий побудила лейбористов прислушаться к требованиям шотландцев и валлийцев; Италия и Германия пережили трудные годы, когда активность Красных бригад и Красной армии была чрезвычайно велика и вызывала острое напряжение в обществе; Франция в наши дни формирует более комплексное по своему социальному составу правление, т. к. набирают силу

¹ *Baldassare A. Le «performances» del parlamento italiano nell'ultimo quindicennio // Pasquino G (dir.) Il sistema politico italiano. Laterza, 1985; Mény Y., Surel Y. Op. cit. P. 237.*

некоторые новые, параллельные традиционным партиям, политические силы, например Национальный фронт.

Следует подчеркнуть, что при проведении сравнительного анализа феномена политического представительства необходимо учитывать известное множество факторов. Речь идет о масштабах электорального участия населения, численности членов и активистов политических партий, а также монопольном или конкурентном характере политического выражения в той или иной политической системе. Известно, что ряд американских политологов оценивают достаточно высокую степень электоральной пассивности и абсентеизма своих сограждан не как определенное выражение своего отношения к политической системе и к партиям, а, напротив, как отражение спокойствия, которое не нуждается в своем проявлении в политической жизни. Итальянские же наблюдатели, наоборот, проявляют беспокойство, если показатель политического участия «опускается» ниже 90 %. И потому, сравнивая такого рода данные, нужно проявлять определенную осторожность¹.

9.5. Функция решения

Данная функция парламента берет начало в концепции рациональности и разделении труда. В концепции представительной демократии суверенитет олицетворяется с парламентом. Он и только он обладает правом голосования законов. Закон же воспринимается как акт, который отвечает определенным качествам: он обладает верховенством перед всеми другими нормами; он обуславливает решения и практику нижестоящих, а тем более подчиненных парламенту органов.

Такое понимание закона нашло свое наиболее полное выражение в Великобритании и во Франции. Превосходство закона и тем самым органа, который его принимает, в указанных странах является бесспорным: ни один судья, ни одно правило не могут быть выше закона. Никто, кроме парламента, не в праве принимать законы. Однако эти принципы приобретали все более относительный характер после Второй мировой войны. Парламенты все более стали походить на регистрационные палаты, или, говоря словами Г. Смита, «законодательный процесс предстает лишь только как пережиток символического ритуала»².

¹ Cf. Mény Y., Sural Y. Op. cit. P. 237 – 238.

² Smith G. Politics in Western Europe. London, 1989. P. 171.

Наверное, в утверждении Г. Смита присутствует некоторое преувеличение. Однако повсеместно отмечается решительное ослабление роли парламентов. Они все более превращаются в органы, задача которых заключается в утверждении решений правительства. А потому при проведении сравнительного анализа парламентов необходимо учитывать следующие аспекты их деятельности: разделение труда, организация труда и правила игры.

9.5.1. Разделение труда в парламенте

Разделение задач между законодательной и исполнительной властями неразрывно связано с рациональной и иерархической концепцией процесса решения. За законодателем остается решение, за правительством — его исполнение. Однако по мере роста вмешательства государства во все сферы жизнедеятельности общества, включая и законотворчество, такой подход неизбежно претерпевал изменения.

В послевоенные годы повсеместно происходил трансферт компетенции законодателя исполнительной власти. Это политологи рассматривают в качестве реакции власти на кризис демократии как формы правления в межвоенный период. Не случайно в конституции Италии подчеркивается положение о том, что в области публичных свобод изменения могут приниматься только на основе принятия закона. Следует отметить крайне осторожный подход итальянского законодателя к делегированию законодательных полномочий. Такое делегирование может иметь место только после того, как парламент определил принципы и критерии такого делегирования. Наконец, в случае если правительство принимает нормы, обладающие силой законодательства (а это может быть только в особых ситуациях), эти нормы должны в тот же день представляться в парламент. Правда, как отмечают аналитики, несмотря на такие ограничения, нередко случается, что правительство обходит эти положения.

Издавна ведущую роль в законодательных инициативах в Великобритании играет правительство. В среднем 95 % законов, предлагаемых на рассмотрение парламента правительством, принимаются парламентом ежегодно. Подобная практика сложилась и во Французской республике. К тому же во Франции широкое распространение приобрела практика принятия декретов-законов и ордонансов, что, по сути, являет собой законотворческую деятельность.

Совсем иная картина характерна для США, где исполнительная власть теоретически не обладает правом законодательной инициативы. Это является компетенцией Конгресса, нижней палаты парламента. Однако такое утверждение отражает только видимую часть политической практики в области законотворчества. Это связано прежде всего с тем, что способ преобразования предложения в закон в США является настолько сложным, что бывает предпочтительнее не выдвигать инициативу. Законодатель предусмотрел 15 этапов процедуры, пройти которые очень не просто. Но даже и для тех предложений, которые выдвигаются и встречают одобрение парламентариев, необходимо пройти испытания, связанные с тем, что должна быть одобрена программа, а главное — она должна быть обеспечена финансово. И наконец, продвижение к принятию закона должен сопровождать принцип большинства. Об этом красноречиво писал американский политолог Л. Фроумэн: «Проблема большинства затруднена существованием множества мест решений... Обычно нужно добиться поддержки большинства в подкомиссии, потом в комиссии, большинства внутри правящего комитета палаты, большинства в том, чтобы противостоять поправкам во время общих дискуссий, а также большинства... при принятии закона. Такого рода "большинство" обеспечивается участием разных лиц, в различных ситуациях, в разное время. И проблема большинства меняется на каждом этапе»¹. Не случайно лишь только 5–10 % законодательных инициатив получают свое завершение в принятии закона. Это означает, что до 90 % инициатив изначально обречены на поражение².

К сказанному следует добавить, что в судьбе любой законодательной инициативы в США большую роль играет позиция президента и его администрации. По конституции президент не обладает правами законотворческой деятельности, однако его позиция нередко бывает определяющей в судьбе законов. Это связано в значительной мере с личными качествами президента. Так, президент Р. Рейган обладал довольно редкой способностью убеждать конгрессменов в необходимости принятия того или иного закона. Этого качества явно недоставало его предшественнику — президенту Д. Картеру.

¹ *Froman L.* The Congressional Process, Rules and Procedures. Boston, 1967. P. 19.

² *Cf. Mény Y., Surel Y.* Op. cit. P. 242–243.

Нужно сказать и о том, что судьбы законов в немалой степени зависят от совпадения или нет партийной принадлежности президента и большинства Конгресса. С 1900 г. президентское большинство и большинство в обеих палатах американского парламента совпадала в 75 % случаев. Однако Р. Никсон вынужден был управлять страной в течение 6 лет своего президентства в условиях, когда большинство в обеих палатах парламента принадлежало демократам. Такая же ситуация в течение 6 лет была и у президента Д. Эйзенхауэра.

Как отмечают политологи, было бы простым упрощением полагать, что совпадение президентского и парламентского большинства очень облегчают исполнение президентских функций. Трудной в этом отношении была ситуация у президента Д. Кеннеди, который испытывал немалые проблемы в работе с демократическим в своем большинстве парламентом. Зато сменивший его на посту президента Л. Джонсон в этом вопросе немало преуспел. Сказывается то, что называется мастерством действий в коридорах власти и за кулисами парламента. Не меньшее значение имеет политический и социальный контекст, в котором происходит обсуждение и принятие того или иного закона. Нельзя не учитывать, как мы уже отмечали, и роли личности того или иного президента, того, как он влияет на общественное мнение. И конечно же, в принятии законов сказывается влияние и тех лиц, что возглавляют палаты парламента. И все это, как нетрудно видеть, оказывается вне конституционных положений, связанных с определением деятельности парламента. Однако сказанное имеет большое, политическое по своей сути, значение.

9.5.2. Разделение задач между палатой и комиссиями

Парламент, особенно его нижняя палата, обладает полнотой законодательной власти. Однако здесь следует выделить несколько моментов. Во-первых, значительная власть в выработке и принятии законов принадлежит парламентским комиссиям или комитетам

Какова роль этих комиссий или комитетов? Они играют существенную роль в селекции проектов законов. Причем указанная функция во французском парламенте, например, имеет символический характер, тогда как в американском парламенте она означает существенный этап

в рассмотрении любого закона. При этом, как полагают специалисты, нерешения по тому или иному закону имеют, подчас, большее значение, чем само принятие закона¹. Так, в США в течение длительного времени не удается создать стройную систему социальной защиты или запретить свободную продажу оружия. В этом немалую роль играют именно комитеты Конгресса.

22 Комитета палаты представителей и 17 комитетов Сената оказывают прямое воздействие на каждое из 6000 предложений, вносимых на их рассмотрение каждый год. Такая ситуация, по мнению экспертов, объясняется строгим соблюдением принципа разделения властей, на основании которого исполнительная власть не может вмешиваться в законотворчество. Парадокс такой ситуации проявляется в том, что Конгресс поддерживает в большей мере предложения меньшинства конгрессменов, что в принципе является невозможным для парламента Великобритании, например, или Франции.

Вторая функция комитетов или комиссий парламентов заключается в написании и изменении законов. Парламент в своей совокупности плохо приспособлен к тому, чтобы разрабатывать законы. В большей мере это удобно делать на заседаниях комиссий или комитетов парламентов. Это означает, что подлинная законотворческая работа сосредоточивается в этих важных органах парламента. Однако данное утверждение справедливо лишь отчасти. Комиссии только предлагают текст закона. Дальнейшее зависит от дискуссии в стенах парламента.

Иногда политологи указывают и еще на одну, третью в нашем перечислении, функцию комиссий или комитетов: осуществление законодательной власти. Такова, например, практика Италии, где парламентские комиссии могут принимать так называемые «малые законы». Они применяются к ограниченным областям законотворчества. Конституция Италии не позволяет, например, вмешиваться в конституционное реформирование, в область финансовых решений или международных отношений. С другой стороны, с подачи правительства, десятой части членов палаты или пятой части членов комиссии тот или иной законопроект может дойти до стадии пленарного обсуждения его палатами парламента.

¹ Cf. Bachrach P., Baratz M. Decisions and Non-Decisions // American Political Science Review. 57. 1963. P. 632–647.

Это имеет интересное следствие: Италия может «производить» достаточно большое число законов, тексты которых не подвергаются большим изменениям. Однако они имеют ограниченное применение. Во-вторых, такая процедура решения способствует усилению влияния заинтересованных групп, а также к ограничению публичного характера обсуждения законов. В-третьих, возможность передачи проекта любого закона на обсуждение палатой способствует активному обмену мнениями и согласованию позиций между правительством, парламентариями, большинством и меньшинством в образованных коалициях.

9.5.3. Территориальное разделение законотворчества

Во Франции и в Великобритании региональные или местные авторитеты не обладают законодательными полномочиями. Правда, централизаторские основания такого подхода смягчаются некоторыми компромиссами. Во Франции некоторые территории или регионы (Заморские территории или Корсика, например) наделены правом высказывать свое мнение или пожелания, хотя и обязаны подчиняться решениям центральных властей. В Великобритании суверенитет парламента, который официально утверждается, допускает некоторые уступки по отношению к ряду территорий: Северная Ирландия, Уэльс, Шотландия. То же самое можно сказать и о некоторых островах вокруг Объединенного Королевства. Словом, в названных нами двух странах национальный суверенитет, как и суверенитет парламента, допускают некоторые послабления в том, что касается признания законодательных полномочий за выборными собраниями некоторых территорий.

В ряде других стран, например, в Италии, Германии и США, осуществляется территориальное разделение законодательной деятельности. Так, в Италии, согласно Конституции, признается законодательная власть регионов. Причем пять регионов (Сицилия, Сардиния, Альто Адиге, Валь д'Аосте, Фриуль-Венеция-Джульен) наделены большими полномочиями, чем 15 регионов обычного статуса. Эти последние регионы обладают законодательными полномочиями в некоторых областях (сельское хозяйство, туризм, городское развитие и т. д.) при условии уважения к действующим законам в стране, а также при соблюдении требования о том, что решения регионов не должны нано-

силь ущерб как национальным интересам, так и интересам других регионов.

Иная ситуация сложилась после Второй мировой войны в Германии. Здесь политические силы страны изначально были едины в том, что необходимо было обеспечить на деле территориальное разделение компетенций с тем, чтобы создать преграду для возможного возвращения диктаторского режима, а также для того, чтобы ослабить немецкое государство. Не удивительно, что немецкий законодатель предусмотрел наличие в том числе и законодательных полномочий за Землями страны.

Правда, конституционалисты отмечают, что немецкая федеральная система правления характеризуется в большей мере принципом горизонтального разделения компетенций, который присущ унитарным государствам, нежели принципом вертикального разделения компетенций, что обычно свойственно «классическим» федеральным государствам. Так, в США на федеральном уровне власть, в том числе и ее законодательная ветвь, обладает обширными полномочиями для обеспечения политически всех своих действий в соответствии с полномочиями федерального уровня власти. В то же время штаты, в свою очередь, обладают обширными полномочиями, что позволяет им проводить эффективную законотворческую деятельность.

9.6. Организация труда и правила игры

Обычно парламенты характеризуют как специальные органы, которые призваны выработать законы. В наше время, видимо, точнее будет сказать, что парламенты являются своеобразными инструментами преобразования проектов законов в сами законы. Решения парламентов все реже являются следствием их собственных законодательных инициатив. Их функция все больше характеризуется в лучшем случае определенной модификацией представленных на рассмотрение парламентариев проектов законов. И тем не менее ни один закон не может быть принят в обход парламента. Даже если правительство опирается на устойчивое большинство своих приверженцев в парламенте, оно не может не считаться с мнением каждого из них.

Та или иная степень автономии парламентариев в значительной мере определяется процедурами законодательного труда, которые существуют в каждом из парламентов.

Речь в данном случае идет об определении повестки дня, о порядке рассмотрения проектов закона, о порядке голосования и т. д.

9.6.1. Определение повестки дня

Определение повестки дня имеет свою специфику, по сути дела, в каждом из парламентов, что во многом зависит как от исторических традиций, так и от соотношения сил в парламенте и стране. Рассмотрим этот вопрос на примере ряда демократических стран.

Организация труда парламента Великобритании характеризуется тем, что она предусматривает возможность для учета мнения оппозиции, а также тем, что правительство располагает преимущественным правом внесения на рассмотрение парламента проектов законов. Как мы уже отмечали, до 90 % принимаемых парламентом законов имеют правительственное происхождение.

Несколько иная ситуация характерна для Германии и Италии. Здесь парламента обладают большей автономией по отношению к исполнительной власти. Это находит отражение и в процедуре определения повестки дня. В парламентах обеих стран существуют специальные органы, которые определяют повестку заседаний. При этом внимательно выслушиваются мнения оппозиции. Более того, процедура утверждения повестки носит преимущественно консенсуальный характер, т. е. оппозиция, что называется, может блокировать вынесение на рассмотрение парламента того или иного вопроса.

Несколько иная практика сложилась в США. Предложения, внесенные одним или несколькими членами Конгресса, передаются в специализированные комитеты. А поскольку таких предложений бывает очень много (по некоторым данным до 6000 в год), постольку в рамках палаты представителей производится селекция этих предложений. Для этого используется то, что американцы называют «календарем» рассмотрения, с помощью которого предложения рассредоточиваются по определенным направлениям.

Кроме того, наиболее важные законопроекты выносятся на рассмотрение парламентариев правящим комитетом американского парламента, который обладает полномочиями внесения на рассмотрение парламента политически важных и актуальных законопроектов.

9.6.2. Законодательные комиссии

Как показывает политическая практика парламентов разных стран, основная законотворческая работа осуществляется именно в комиссиях выборных органов власти. Более того, на этой стадии обеспечивается стирание политических антагонизмов и на передний план выходит сотрудничество специалистов в различных областях публичного действия, которые стремятся подготовить наилучший из возможных в данных политических условиях страны текст.

Численность комиссий

Численность комиссий определяется целым рядом обстоятельств, начиная с традиций и кончая требованиями той или иной конкретной политической ситуации страны. Так, в Германии первый состав бундестага насчитывал 39 комиссий, во втором их было 36. Численность депутатов в каждой из комиссий колебалась в соотношении 1:4. В последующем численность комиссий сократилась почти вдвое. В последние годы комиссий в бундестаге насчитывается от 15 до 20.

В Италии палата депутатов состоит из 14 комиссий, а Сенат — из 12. В каждой из комиссий работает примерно 45 депутатов нижней палаты парламента и 25—30 сенаторов. Каждая из комиссий формирует несколько комитетов, разделенных по-палатно.

В Великобритании комиссии не являются постоянными или специализированными. Они создаются палатой общин по мере необходимости. Они, как правило, не имеют определенного названия и обозначаются буквами алфавита. Чаще всего комиссии состоят из 18 членов, определенных персонально специальным комитетом парламента.

В США комиссии обеих палат парламента являются постоянными и довольно многочисленными. Так, в 1913 г. в Сенате было создано 73 комиссии, т. е. комиссий было чуть меньше, чем сенаторов. В 1926 г. в палате представителей было создано 73 комиссии, в Сенате — 34. После Второй мировой войны число комиссий было решительно сокращено: до 19 — в палате представителей и до 15 — в Сенате. В последующем сложилось так, что в палате представителей действуют 22 комиссии, в Сенате — 17.

Состав и организация комиссий

Чаще всего комиссии формируются на пропорциональной основе из представителей парламентских групп. Этот же принцип используется и при распределении постов председателей комиссий. Этого нельзя сказать о Великобритании и США, где используется мажоритарный принцип в подходе к формированию комиссий. В Германии комиссии также формируются на принципе пропорционального представительства парламентских групп, хотя этот принцип может не применяться к наиболее важным в политическом отношении комиссиям, куда затруднено попадание представителей малочисленных парламентских групп.

В Великобритании комиссии, как правило, состоят из 11 членов. Причем шесть мест отдается представителям большинства. При этом учитывается межпартийное соотношение сил в парламенте, компетенция депутатов и географическое представительство. Председатель комиссии назначается спикером парламента. Роль председателя комиссии очень высока. С 1907 г. он был наделен правом закрывать дебаты, а с 1934 г. — правом селекции поправок. Дебаты в комиссиях носят закрытый характер, что облегчает организацию сотрудничества депутатов различной политической ориентации.

Иная ситуация характерна для американского парламента. В Конгрессе распределение парламентариев по комиссиям отражает специфические интересы и их географическое «происхождение». При этом оказывается, что комиссии американского парламента являются малоравновесными: некоторые комиссии (например, обороны, сельского хозяйства и т. д.) представлены в основном консерваторами, другие (образование, гражданская служба и т. д.) — демократами. В американском парламенте комиссии очень часто становятся продолжением групп давления, которые «направляют» в комиссии «своих» людей.

Работа в комиссиях

Члены парламентских комиссий обычно выполняют два рода функций: получить информацию о вносимых на рассмотрение парламента проектах законов и вносить поправки или модифицировать текст законопроекта.

Все то, что связано с информированностью парламентариев-членов той или иной комиссии имеет особое значение в американском парламенте. Эта информация, по сути дела, открыта для всех, особенно для администрации и заинтересованных групп.

Аналогичная практика сложилась в работе парламентских комиссий в Германии. Обычные заседания комиссий проводятся в закрытом режиме. Однако по решению комиссии могут проводиться открытые, например, для прессы или общественности, обсуждения, в которых могут принимать участие разного рода специалисты и эксперты. Практика проведения публичных слушаний получает все большее распространение, начиная с 70-х гг.

Что касается второй в нашем перечислении функции парламентских комиссий, то она осуществляется в двух режимах: внесение поправок в проект закона или радикальное изменение закона. Преобладание того или иного варианта зависит от взаимоотношений исполнительной и законодательной властей. Так, в Великобритании и Германии внесение поправок допускается в таких размерах, чтобы они не привели к разрушению концепции будущего закона. В Италии парламентарии могут вообще отрицать предложенный правительством проект закона.

9.6.3. Организация дебатов в парламенте

Организация дебатов на пленарном заседании парламента ставит ряд проблем. Первая из них — чисто практический *порядок проведения дебатов*, который существенно различается в разных странах. Вторая — *право парламента вносить поправки, но не превращать обсуждение в обструкцию*.

В парламентах Франции и Италии процедура дебатов является схожей. После сообщения докладчиков от комиссий и представителей правительства открываются общие дебаты по каждой из статей проекта закона, в которых могут принимать участие представители парламентских групп и отдельные парламентарии. После этого палата принимает текст полностью. В итальянском парламенте в такого рода обсуждениях участвуют обе палаты, что позволяет сразу же отыскивать решения по спорным между палатами подходам.

В англосаксонских странах сложилась иная практика организации дебатов. Можно сказать, что в Великобритании

и Германии обсуждение проектов законов проводится по схожей схеме. После включения в повестку дня обсуждения того или иного закона дебаты проводятся в рамках компетентной комиссии прежде, чем они проводятся на пленарном заседании. При этом поправки могут вноситься как правительством, так и парламентариями. В США дискуссия на пленарном заседании палат проводится на основе тех изменений в проекте, которые предложены комиссией.

Право вносить поправки в предлагаемые проекты законов является очень важным моментом в европейских парламентах особенно потому, что парламентарии в большинстве европейских стран, практически, не имеют возможности осуществлять то, что называется законодательной инициативой. И потому внесение поправок является единственной возможностью для той или иной правящей политической партии или коалиции большинства для «исправления» правительственных законопроектов, а для оппозиции эта процедура является средством для того, чтобы заставить услышать свой голос. Так, во Франции в течение сессии 1999 – 2000 гг. в Национальном собрании было зарегистрировано 12 326 поправок, в числе которых поправки комиссий парламента составляли 3198. В целом 2773 поправки из числа предложенных комиссиями парламента были приняты, что составляет примерно 87 % от их общего числа. Принятые парламентом поправки, предложенные комиссиями, в то же время превышали половину от их общего числа, которое оценивается в 4182. Это означает, что почти половину поправок в Национальном собрании вносят депутаты в процессе обсуждения проектов законов после рассмотрения их в комиссиях¹.

В Италии различают то, что называется поправками, и то, что является введением новых положений, или статей в проект закона. Учитывая то, что внесение поправок может превращаться в средство осуществления политической обструкции, регламент итальянского парламента с 1981 г. ввел единственную постатейную дискуссию. В ходе этой дискуссии каждый парламентарий может выступать только один раз, даже если он имеет поправки и в другие статьи. Это, по мнению законодателя, ограничивает обструкционистские тенденции в процессе обсуждения. Вплоть до 1971 г. регламент позволял закрывать обсуждение проектов законов голосованием. Реформа, осуществленная в

¹ Mény Y., Surel Y. Op. cit. P. 258.

1971 г., с одной стороны, внесла ограничения для времени выступления парламентариев, а с другой — ввела правило, согласно которому в обсуждении некоторых проектов законов могут участвовать только по одному представителю парламентских групп.

Тем не менее избежать полностью того, что называется обструкцией, в итальянском парламенте не удалось: она является последним средством меньшинства.

Немалый опыт в области контроля над процессом внесения поправок, с одной стороны, и ограничением обструкции — с другой, накоплен в Великобритании. В процессе обсуждения того или иного проекта в комиссиях палаты общин правительство имеет возможность навязывать своему парламентскому большинству как свои собственные поправки, так и добиваться снятия поправок комиссии. В этом, как нельзя лучше, проявляется ограниченный характер возможностей парламентариев влиять на содержание принимаемых парламентом законов.

Немалый интерес представляет практика ограничения попыток обструкции со стороны парламентского меньшинства. Для этого предусмотрены три инструмента. Первый из них — предложение по закрытию обсуждения, которое было введено еще в 1881 г. Такое предложение может вносить любой парламентарий. И если спикер считает, что такое предложение является достаточно обоснованным, то он ставит вопрос на голосование палаты.

Вторым инструментом блокирования нежелательного характера обсуждения проекта закона является техника, получившая название «кенгуру». Она связана с селекцией поправок. Такую селекцию осуществляет сам спикер парламента, а в комиссии — ее председатель.

Наконец, используется процедура, называемая «гильотина», которая была введена в 1881 г. Согласно этой процедуре, правительство обладает правом, в случае особой важности проекта закона, ввести ограничение на время обсуждения этого проекта. Это в значительной мере ограничивает возможности для изложения взглядов оппозиции и ее конкретных поправок.

Значительный опыт в деле организации обсуждения проектов законов накоплен американскими парламентариями. В принципе для американских конгрессменов не существует препятствий для внесения поправок в проект

закона, однако правом для внесения подлинных изменений имеют сенаторы. Это связано с тем, что поправки могут в корне изменить содержание закона. При этом оказывается нередко так, что изменения, вносимые в проект закона сенаторами, не имеют ничего общего с обсуждаемым текстом и изменяют его так, как это отвечает интересам либо парламентского большинства, либо правительства. Это особенно характерно для законов, связанных с большими финансовыми расходами.

Наиболее сложным является обсуждение проектов законов в Сенате. Любой сенатор может многократно выступать по одному и тому же закону, причем, по сути дела, без ограничения во времени. Это открывает для меньшинства возможность блокировать дебаты. Правда, с течением времени, в частности в прошлом веке, предпринимались усилия по регулированию дебатов в Сенате. В 1975 г., наконец, было принято решение, согласно которому дебаты могут быть прекращены, если за такое предложение голосуют 3/5 сенаторов, или 60 человек.

9.7. Контрольные функции парламента

С точки зрения теории конституционного права нет ничего общего между классической системой парламентского контроля над исполнительной властью и такой же системой, но в условиях президентской республики. В первом случае парламентарии могут отказать в доверии правительству и тем самым отправить его в отставку. Во втором — исполнительная и законодательная власть являются собой своеобразный баланс сил, характеризующийся контрпротивовесом, что ограничивает любые попытки, например исполнительной власти первенствовать в решении вопросов. Речь, таким образом, идет о двух идеальных типах контроля, которые мало что имеют общего.

9.7.1. Традиционный контроль над исполнительной властью

В западной политической практике парламенты имеют в распоряжении два основных инструмента контроля над деятельностью правительства: голосование по доверию правительству в парламентской системе или назначение министров в президентской системе, с одной стороны, и контроль над бюджетом — с другой стороны.

Символика абсолютного оружия

Теоретически парламенты в парламентских режимах обладают «правом жизни или смерти» правительств. На практике же таким оружием пользуются, что называется, в исключительных случаях. Даже в Великобритании, которая первой ввела принцип ответственности министров и правительства, парламент крайне редко прибегает к отставке премьер-министра и правительства. Это связано с тем, что чаще всего правительство опирается на квалифицированное большинство в парламенте, представленное членами правящей партии. И значит, отставка в таком случае правительства может быть только результатом острого противоречия между правящей партией и правительством. Правда, тем не менее отставки премьер-министров имели место: в 1956 г. — в связи с событиями в Суэцком канале ушел в отставку М. Иден, в 1963 г. — Г. Макмиллан был вынужден уйти в отставку в связи со скандалом, связанным с неблагоприятным поведением министра Профьюмо, а в 1990 г. — в отставку ушла М. Тэтчер после того, как ей было отказано в доверии партией консерваторов (ее не переизбрали на пост лидера партии).

В Италии можно отметить некоторый разрыв между конституционной теорией и практикой. В принципе парламент может поставить вопрос о доверии правительству. И этот вопрос решается при открытом голосовании. А потому только лишь одно правительство было отправлено в отставку в соответствии с такой процедурой. Политический кризис, если он возникает, проявляется, как правило, в закрытых формах голосования по тому или иному закону. Так, в 1980 г. правительство Коссиги было отправлено в отставку после двух подряд голосований «против» проекта закона, который был предложен этим правительством. Такая же ситуация повторилась в июне 1986 г., когда в отставку вынуждено было уйти правительство, которое возглавлял Беттино Кракси.

В Италии правительственный кризис возникает в тех случаях, когда та или иная партия, входящая в правительственную коалицию, недовольна действиями правительства. Это может произойти еще до голосования проекта закона в парламенте. Такая ситуация имела место в 1994 г. и 1998 г., когда правительства возглавляли, соответственно Сильвио Берлускони и Романо Проди. В таких случаях сами

итальянцы говорят, что кризис носит «внепарламентский» характер.

Нужно сказать, что постановка вопроса о доверии правительству является довольно эффективным способом борьбы с обструкционизмом оппозиции.

Совсем иная ситуация складывается в случае парламентского контроля в США. В этой стране не существует механизма политической ответственности исполнительной власти перед парламентом. Единственной процедурой, способной поставить под вопрос право на существование правительства или того или иного министра, является судебная процедура, даже в том случае, когда она осуществляется самим Конгрессом. Речь, значит, идет об *импичменте*, являющим собой процедуру, позволяющую Сенату выносить судебное, по своей сути, решение в отношении действий работников исполнительной власти, против которых выдвинуто обвинение палатой представителей. Сенат выносит вердикт большинством в две трети голосов за предательство, коррупцию или уголовные преступления. Эта процедура отличается сложностью и потому используется крайне редко. Суду Конгресса за два столетия были подвергнуты только 14 человек за всю историю США. Правда, в 1974 г., стремясь избежать суда, в отставку был вынужден уйти Р. Никсон. Все основания для применения процедуры импичмента были в случае, связанном с интимными отношениями президента Б. Клинтона с практиканткой в Белом доме М. Левински. После долгих обсуждений сенаторы отказались от проведения судебного разбирательства.

Контроль Сената в вопросах назначения министров США никогда не отличался особой эффективностью, но в отдельных случаях он способен превращаться в своеобразное голосование о доверии команде избранного президента страны. Но отказ предложениям президента бывает редко. Так, на протяжении всей истории США таких отказов насчитывается только лишь 10. Правда, угроза такого отказа всегда является реальной.

9.7.2. Бюджетный и финансовый контроль

Именно эта форма контроля над деятельностью исполнительной власти является наиболее эффективной, хотя она подвергается в некоторых странах ограничениям. За исключением США, в большинстве западных стран воз-

возможности влияния парламентариев в вопросах бюджета и финансов вообще являются значительно урезанными.

Даже в Великобритании, положившей начало контролю над исполнительной властью в области финансов, эта традиция претерпела существенные изменения. Вплоть до 1982 г. палата общин в течение 29 дней обсуждала бюджет. Однако чаще всего получалось так, что оппозиция сбивалась с обсуждения той или иной статьи расхода на критику политики того или иного министерства. В 1982 г. была проведена реформа, в соответствии с которой срок обсуждения был сокращен до 10 дней. Понятно, что в таком обсуждении более всего заинтересована оппозиция.

Чем вызваны ограничения оппозиции в обсуждении бюджета? Сами дебаты и парламентский контроль оказываются зажатыми между двумя полюсами. С одной стороны, как сами дебаты, так и общий контроль концентрируется на вопросах экономической философии правительства и связанного с ней бюджета, с другой стороны, чаще всего дискуссии ведутся не по принципиальным вопросам, а по таким из них, что характеризуются политической остротой постановки или клиентелистским началом. Но это лишь одна только сторона. Нельзя упускать из виду и другую сторону — самим фактом своего существования парламентский контроль, придает публичное звучание по тем или иным вопросам, для чего активно используются возможности СМИ. Такой контроль обладает превентивным свойством, ограничивая возможные злоупотребления власти. И потому правительство, работая над проектом бюджета, стремится избежать такой постановки вопросов, которая будет вызывать активную критику оппозиции и общества в целом.

Итальянский парламент теоретически обладает немалыми полномочиями в области бюджета и финансов. Однако реальное его влияние носит ограниченный характер. Это связано с воздействием нескольких факторов. Прежде всего сказывается комплексность и строгость процедур утверждения бюджета. К тому же, наряду с ежегодным бюджетом, парламентарии утверждают многогодичный бюджет, который включает в себя и поступления, и расходы в области социальной политики. Кроме того, во многом утверждение бюджета, вследствие строгих ограничений, носит формальный характер, т. к. вносить изменения в бюджет можно лишь в определенных пределах.

Второе ограничение в принятии парламентом решений в области бюджета и финансов связано с тем, что он не обладает возможностями реального контроля над доходами и расходами. К тому же итальянскому парламенту весьма редко удается утвердить бюджет ранее 31 декабря предшествующего года. Так, бюджет 1986 г. был принят в феврале 1987 г.

Наибольшие возможности в области контроля над бюджетом страны имеет парламент США. Так, согласно Конституции страны, Конгресс является единственной инстанцией, обладающей полномочиями в области налогообложения. Далеко не всегда исполнительной власти США удается противостоять решениям Конгресса в области финансов. Да и президент США не без значительных затруднений находит иногда выход в том, чтобы преодолеть те или иные решения Конгресса.

9.7.3. Контроль без санкций: запросы, интерpellации, расследования и слушания

Кроме названных нами средств контроля парламента над действиями исполнительной власти, есть и другие средства: запросы, или интерpellации, расследование и контроль и, наконец, слушания. Рассмотрим их кратко.

Запросы в правительство получили распространение во второй половине XIX в. в Великобритании. По утвердившейся тогда практике, парламентарии могли задавать два вопроса в день за два дня (48 часов) до получения ответа. Ответ на них мог быть как письменным, так и устным. Техника запросов получила широкое распространение во Франции: 50 000 запросов в год.

Запросы используются и в других странах. Так, в Германии ежегодно к правительству парламентарии обращают порядка 5000 вопросов, на большинство из которых дается письменный ответ правительства. На каждом пленарном заседании парламентариев предусматривается процедура вопросов на поступившие в правительство вопросы.

Немалое число запросов правительству обращают парламентарии Италии. Ежегодно их количество достигает 20 000, хотя ответы получают далеко не на все вопросы.

Во многих парламентах активно используется и такой инструмент контроля, как **интерpellация**. Она получила достаточно широкое распространение во многих странах. В Италии, например, интерpellация практикуется на пленарных заседаниях и не используется на заседаниях

комиссий. В чем суть интерpellации? Если ее автор не удовлетворен ответом министра, регламент палаты парламента позволяет ему ставить вопрос открытия обсуждения по представленному ответу того или иного члена правительства. О масштабах такой практики свидетельствуют следующие данные: в период с 1979 по 1983 г. в Италии к процедуре интерpellации прибегали 2546 раз. При этом не следует упускать из виду то, что нередко интерpellация используется как средство проведения дебатов в парламенте по тому или иному актуальному политическому вопросу.

В Германии довольно широкое распространение получила формула так называемой «малой интерpellации». Она основывается на письменных запросах 26 депутатов (это минимум для образования парламентской фракции). Подробный письменный ответ министра или правительства должен быть дан в течение 15 дней. И он не служит основанием для дискуссии в парламенте, а имеет целью дать более широкую информацию по конкретному вопросу депутатам. Как показывает статистика, таких интерpellаций бывает от 400 до 500 в год. В то же время так называемые классические интерpellации, не получают широкого распространения в немецком парламенте. Так, в период с 1983 по 1987 г. классических интерpellаций было всего 175.

В парламенте Великобритании инициатива интерpellаций принадлежит оппозиции. Хотя по регламенту парламента любой депутат может вносить предложения по обсуждению того или иного важного и специфического вопроса. Но для того, чтобы такое обсуждение состоялось, необходимо получить поддержку 40 депутатов, а также согласие спикера парламента.

Во всех приведенных нами случаях контроль парламента связан не столько с санкциями, сколько с давлением на правительство и привлечением внимания общественности к острым социальным и политическим вопросам. Значение таких форм контроля в последние десятилетия возрастало, т. к. расширилось влияние СМИ на общественное мнение и на власти в целом.

Расследования и слушания

Расследование тех или иных фактов парламентариями является давней традицией выборного органа власти. При этом значение такой формы парламентского контроля

значительно возросло благодаря сложившейся практике в американском парламенте.

В Великобритании в 1979 г. была проведена специальная парламентская реформа в 1979 г. Согласно принятым тогда решениям, было создано 14 специализированных комиссий, которым вменялась обязанность проводить анализ по конкретным вопросам, связанным с определенной им компетенцией. Комиссии получили возможность анализировать деятельность каждого министра правительства. Комиссии получили право заслушивать любых лиц и представлять доклады, основанные на данных, полученных в ходе слушаний по вопросам, относящихся к компетенции комиссии. Однако очень небольшое число таких докладов (примерно 5 % от общего числа) потом выносятся на обсуждение парламента. И тем не менее, по мнению специалистов, контрольные функции парламента от такого нововведения только выиграли.

В Германии работа такого рода комиссий не получила широкого распространения. Это, по мнению Гордона Смита, связано с тем, что бундестаг существенно отличается по принципам своей работы от палаты общин в Великобритании. Это отличие связано с тем, что в Германии основная тяжесть парламентской работы ложится на комиссии, а значение пленарных заседаний значительно ниже, чем в Великобритании¹. Показательно, что после 1949 г. в Германии было создано лишь около 20 комиссий по расследованию тех или иных фактов. В этом отношении ситуация в Германии весьма схожа с той, что характерна для Франции, где правящее большинство стремится избегать такой формы деятельности, а оппозиция, чаще всего, не стремится в ней участвовать.

В Италии каждая из палат может проводить расследование по любому из вопросов, представляющих определенный общественный интерес. Для этого создается комиссия, образованная на пропорциональной основе из депутатов различных фракций парламента. Кроме того, комиссии могут создаваться совместным решением обеих палат парламента, что придает им повышенный политический вес. Это было связано с тем, что, особенно в 70–80 гг. прошлого столетия, страну потрясла целая полоса скандалов, связанных с явлениями терроризма, деятельностью мафии,

¹ *Smith G. Democracy in Western Germany. London, 1979.*

проявлениями разнообразных «болезней» государственного аппарата. А потому были проведены парламентские расследования по таким скандальным делам, как убийство Альдо Моро, масонской ложи П-2 и т. п. При этом указанные расследования неизбежно поднимали деликатную проблему отношения парламента к правоохранительным и судебным органам, а также гарантий безопасности тем людям, которых заслушивали на заседаниях указанных комиссий.

Наиболее широко практика парламентских слушаний получила распространение в США. С их помощью решаются следующие задачи: получение необходимой информации для работы законодателей; контроль над деятельностью администрации; информирование общественности; контроль над деятельностью членов парламента (расходы на выборы, коррупция и т. п.). Работа некоторых из комиссий расследования привлекала внимание широкой американской общественности. Пример тому — комиссии, проводившие расследование убийства президента Д. Кеннеди и пастора Мартина Лютера Кинга.

Проводя сравнительный анализ парламентов, необходимо учитывать следующие моменты. Во-первых, роль парламента нередко преувеличивается из политических соображений. Так, утверждения о высокой роли парламента в Великобритании или, например, во Франции может рассматриваться как некий миф, создаваемый в политических интересах некоторых политических партий, преследующих свои собственные политические цели. Во-вторых, даже в случаях действительно значительной политической роли парламента он далеко не всегда выполнял свою главную функцию — народного представительства, в чем сказывались такие факты, как цензовое голосование, электоральная коррупция, давление исполнительной власти на избирателей и т. п. В-третьих, были целые исторические периоды, когда парламента оказывался малоэффективным инструментом регулирования политической жизни, что, к слову сказать, создало условия для прихода к власти фашистов в ряде стран.

Сказанное не означает, что парламента не оказывают существенного влияния на политическое развитие в наши дни. Как справедливо отмечают многие политологи, в современных условиях, когда повсеместно утвердилось всеобщее и равное голосование в большинстве стран, парламента более полно, чем когда бы то ни было, выполняют функцию народного представительства. Сказанное в полной мере

относится и к характеристике многих избранных, которые все ближе подходят к тому, что называется идеальным портретом избранника с точки зрения демократии.

Во-вторых, парламенты остаются привилегированным местом политической жизни страны, где обсуждаются наиболее актуальные вопросы жизнедеятельности общества, правительственной политики и деятельности администрации. Парламентские дискуссии и слушания при помощи СМИ становятся важным моментом общественного влияния парламента.

В-третьих, парламенты выполняют важную функцию рекрутирования или по крайней мере легитимации политического персонала в любой стране.

ГЛАВА 10

ИСПОЛНИТЕЛЬНАЯ ВЛАСТЬ

В данной главе речь пойдет о сравнительном анализе политических институтов, за которыми закрепилось название «исполнительная власть». В своей совокупности именно эти институты представляют собой историческое ядро любой формы правления. Наличие элементов исполнительной власти отмечается еще в примитивных, или архаических обществах. Без исполнительной власти не существует ни демократических, ни диктаторских правлений. Политические институты как нельзя лучше олицетворяют собой наиболее адекватное воплощение власти. Каким бы ни было институционное разнообразие исполнительной власти, ее существование вызвано к жизни необходимостью осуществления функций командования и принуждения, без чего просто немыслима политическая организация.

10.1. Дефиниция и типология исполнительной власти

Функция правления, присущая любому государственному образованию, не имеет однозначного термина. Ш. Монтескье, как известно, использовал понятие «исполнительная власть». Французские революционеры конца XVIII в. отождествляли исполнительную власть с исполнителем. Если законодатель рассматривался ими как голова, то исполнитель отождествлялся с рукой, которая исполняет. В США выражение «*executive*» применяется к характеристике президента и его сотрудников. Генерал де Голль понятие исполнительной власти относил к правительству, утверждая, в частности, что исполнительная власть не берет своего начала в парламенте. А потому глава государства, стоящий над партиями, по мнению де Голля, олицетворяет собой исполнительную власть. Тот же термин в Великобритании обозначает одновременно правительство и администрацию, которая ему подчиняется. Термин же «*goverment*» (правление) охватывает совокупность институтов, правил и процедур, которые действуют в стране.

Нужно сказать, что понятие «исполнительная власть» в политической практике имеет два выражения, значительно отличающиеся друг от друга: одно из них — президентская исполнительная власть, другое — парламентская исполнительная власть. В первом случае президент является своеобразным конституционным монархом, а во втором — премьер-министр осуществляет реальную политическую власть в условиях, когда есть еще король (или президент), который царствует, но не правит.

10.1.1. Президентская исполнительная власть

Такую форму власти отличает тот факт, что ее глава избирается всеобщим голосованием и обладает большими полномочиями. Впервые такое правление было утверждено в США, и оно получило в политической науке наименование президентциализма. Этот последний бывает двух видов. В случае, когда всеобщее избрание главы государства осуществляется в парламентском режиме (например, в Ирландии, Австрии, Финляндии или Португалии), глава государства обладает весьма скромными полномочиями. Наиболее оригинальным в таком случае является подход, осуществленный в годы V-й Республики во Франции, где, начиная с 1958 по 1986 г. глава государства обладал исключительными полномочиями, превышавшими полномочия американского президента, например. Однако после выборов 1986 г. президент из числа левых сил вынужден был «сожительствовать» с правым, в своем большинстве, парламентом, утвердилось более ограниченное видение роли президента — как некоего «арбитра». Потом это понимание роли избранного президента получило свое развитие после 1997 г., когда правый президент вынужден был «сожительствовать» с левым большинством парламента.

Наиболее полно принцип президентциализма получил свое выражение в США. Здесь президент является одновременно главой государства, главой правительства и лидером партии. Остановим свое внимание на характеристике президентциализма в США.

Институционные характеристики президентской системы

Президент США избирается на 4 года, и его мандат может быть возобновлен только один раз. В итоге президентом США можно быть не более 8 лет. Таково правило,

начало которому положил еще Дж. Вашингтон. И только Ф. Рузвельту в обстановке Второй мировой войны удалось получить президентский мандат 4 раза. Однако в 1951 г. Конгресс США ратифицировал поправку к Конституции, в соответствии с которой никто более не может быть избран более, чем на два срока.

Однако, чтобы быть кандидатом в президенты, нужно быть уроженцем США и прожить в этой стране не менее 14 лет и иметь возраст 35 лет как минимум. Однако помимо таких конституционных положений будущий президент страны должен отвечать и так называемым неписаным правилам, которые соответствуют социологической структуре американских элит: это должен быть белый мужчина, протестантской веры (до сегодняшнего дня Д. Кеннеди остается единственным президентом-католиком), а также обладать определенным личным или семейным состоянием. Кроме сказанного, кандидат в президенты для того чтобы быть избранным, должен получить поддержку одной из двух политических партий. В истории США было только два случая выдвижения кандидатом в президенты за пределами действующих демократической и республиканской партий. Первый такой случай (1968) был связан с Джорджем Уоллесом, который представлял Независимую партию и получил 13,5 % голосов избирателей, а второй — связан с попыткой выдвижения на пост президента Росса Перро, который в 1992 г. сумел заручиться поддержкой 19 % избирателей. На выборах 2000 г. сразу три независимых кандидата получили лишь 3,4 % голосов избирателей.

Нужно сказать, что кандидата в президенты, если даже он заручается поддержкой одной из политических партий, ожидает очень трудное испытание. В 1968 г. демократы организовали праймериз (первичные выборы) в 17 штатах, а республиканцы — в 16. В 1980 г. эти цифры выросли: у демократов до 31 (в 1984 г. — 24), а у республиканцев до 33 (в 1984 г. — 31).

При этом необходимо учитывать, что граждане избирают не президента, а особую коллегию выборщиков, на которую и возлагается окончательный выбор главы исполнительной власти. Избирательная коллегия регистрирует результаты народного волеизъявления и не имеет никакой реальной возможности повлиять на исход выборов; стало быть, она играет чисто служебную и техническую роль. Выборщиков насчитывается 538, в том числе 3 выборщи-

ка от округа Колумбия, где находится столица США. При этом оказывается, что для победы кандидату в президенты на выборах нужно добиться победы в некоторых наиболее важных штатах. Так, в 1960 г. Д. Кеннеди получил на выборах лишь на 0,1 % голосов больше, чем Р. Никсон. Однако он заручился поддержкой 62 % выборщиков. Аналогично, Д. Буш в 2000 г. получил поддержку 271 выборщика, а А. Гор — 262.

В случае, когда президент по тем или иным причинам не может исполнять свои обязанности, а также в случае отставки или кончины, его временно замещает вице-президент. Однако в 1967 г. правила замещения в должности были уточнены. В случае вакансии должности вице-президента действующий президент назначает вице-президента с согласия Сената. В 70-е гг. прошлого столетия страной управляли одно время неизбранные президент и вице-президент. В 1973 г. вынужден был по обвинению в коррупции уйти в отставку вице-президент Спиро Агню. На его место был назначен Р. Никсоном Джеральд Форд. Однако 9 августа того же 1974 г. вынужден был уйти в отставку и сам Р. Никсон. Д. Форд стал президентом, и он назначил вице-президентом Н. Рокфеллера.

Нельзя делать вывод о том, что президент и вице-президент США находятся вне какого бы то ни было контроля. Прежде всего необходимо сказать, что высшие руководители государства находятся под постоянным прицелом прессы, которая может добиться даже их отставки, как это было в случае со С. Агню в 1973 г. Кроме того, Конгресс обладает правом вынесения импичмента. В 1868 г. этой процедуры сумел избежать президент Джонсон, а в 1974 г. вынужден был уйти в отставку Р. Никсон.

Президентский статус

Американская конституция предоставляет президенту страны весьма широкие полномочия: он является лицом, облеченным всей полнотой исполнительной власти, главнокомандующим вооруженных сил, имеет право заключать международные договоры, назначать послов, министров и членов Верховного суда. Президент США активно и весьма эффективно пользуется возможностями, которыми во влиянии на общество имеют СМИ. Со времен президентства Ф. Рузвельта в США сложилась практика активного

диалога главы государства с населением страны, для чего в последние годы широко используется телевидение.

При наличии огромных полномочий президент США тем не менее не может распустить парламент. И если бы президент страны не был бы в таком случае наделен некоторыми законодательными полномочиями, то его власть могла бы быть просто сведена к нулю. Но такое полномочие есть. Это — право вето на принятие закона. Для преодоления президентского вето требуются голоса двух третей членов представительного собрания. А если учесть, что, во всяком случае, треть мест в Конгрессе всегда занимает президентская партия, то возможности преодоления вето выглядят достаточно проблематичными. Формально Конгресс имеет право сместить президента с его поста. Но сделать это можно лишь путем громоздкой процедуры импичмента при наличии доказанных обвинений главы исполнительной власти в должностных преступлениях или измене.

Таким образом, американские президенты всегда оказывали сильное воздействие на процесс законотворчества, а конгрессмены и сенаторы всегда давили на бюрократию. При этом ни исполнительная власть, ни Конгресс не позволяли друг другу посягать на собственные конституционные полномочия. Такое положение чревато конфликтами, но и побуждает к сотрудничеству. Достичь согласия с большинством в Конгрессе президенту помогают разнообразные способы: контроль над правящей партией, личные контакты с отдельными членами собрания, косвенное давление на них путем заигрывания с населением отдельных избирательных округов или апелляции к общественному мнению в целом при помощи СМИ¹.

10.1.2. Дуалистическая исполнительная власть

Дуалистская исполнительная власть характерна для парламентского режима. Она возникла на пути длительного и постепенного преобразования монархических режимов. В итоге этого преобразования институт монаха приобрел во многом символическое и церемониальное значение. При этом монархия воплощает самим фактом своего существования непрерывный характер деятельности государства и его институтов, не обладая при этом ни властью, ни средствами

¹ См.: *Голосов Г.В.* Указ. соч. С. 267–268.

для проведения в жизнь собственной политики. Как отмечают политологи и конституционалисты, при сохранении монархии значительно снижается опасность излишней концентрации властных полномочий в руках исполнительной власти. И это можно рассматривать как одно из важных объяснений исторического успеха института монархии в разных странах. Однако роль главы государства в различных странах значительно разнится.

Глава государства

Глава государства в парламентском режиме утверждается различным образом. В некоторых странах он приходит на этот пост на основе принципа наследования, в других же — избирается всеобщим голосованием (Австрия, Португалия, Финляндия). Однако наибольшее распространение получила практика избрания главы государства парламентом или специальной коллегией выборщиков при ведущей роли в ней парламентариев.

В Великобритании глава государства, являющийся одновременно и главой Англиканской церкви, получает свой пост на основе принципа наследования. При этом указанный пост может занимать и женщина. В Германии, Италии президент страны избирается. В Германии выборная коллегия состоит из депутатов бундестага и делегатов всех Земель, избранных на пропорциональной основе. В процессе такого избрания большое влияние оказывают политические партии.

Иная процедура избрания главы государства используется в Италии. Здесь президент страны избирается на совместном заседании обеих палат парламента. К парламентариям добавляется по три делегата от каждого региона страны (1 — от Валь д'Аосте), в числе которых находится хотя бы один представитель, не принадлежащий к правящему большинству в регионе.

Различия в утверждении главы государства обуславливаются как полнотой, так и природой компетенций, которыми наделяются обладатели этих постов в каждой из названных нами стран. Это можно продемонстрировать по трем аспектам: символическая функция, функция гаранта конституции и функция равновесия власти.

Символическая функция главы государства является важным элементом его прерогатив, т. к. именно она поз-

воляет и легитимирует вмешательство обладателя этого поста в области, в которых он имеет только номинальную компетенцию. Наибольшими возможностями для политического маневра обладают те из глав государств, которые наилучшим образом олицетворяют собой идентичность страны, а также частную и публичную добродетель своего народа. Такая идентичность позволяет британскому суверену символизировать единство и постоянство государства (*Короны*) поверх политического разделения страны. Нейтралитет королевых в политическом отношении позволяет вести продуктивный диалог в случае необходимости с парламентом и правительством. К сказанному следует добавить и то, что королева является главой Англиканской церкви, что, безусловно, способствует восприятию монарха как лица, представляющего нацию в целом.

В Италии и Германии президенты исполняют, по сути дела, такие же функции, что и британский монарх. Однако в этих странах главы государств испытывают на себе влияние дополнительных принуждений. В этих странах большее значение, нежели в Великобритании, в процедуре назначения главы государства играют политические партии. Более высокая степень «политизации» кандидата на пост президента ослабляет его как выразителя «символа» национального единства. Получается так, что для отправления функции президента обладатель указанного поста должен отказаться от всех своих прежних политических пристрастий. А это далеко не просто.

Глава государства в парламентском режиме является *гарантом институтов*. Это обеспечивается превосходством института президента по отношению ко всем иным политическим институтам, в том числе и по отношению к парламенту. Так, в Италии президент избирается сроком на 7 лет, тогда как парламент — на пять. В Германии президент избирается на 5 лет, а парламентарии — на 4 года. В Великобритании до сих пор действует формула: «Король умер. Да здравствует король!».

Справедливости ради, нужно сказать, что указанные полномочия президента носят ограниченный характер. Это же факт, что президенты Веймарской республики, а также Италии не смогли помешать приходу к власти фашистов в межвоенный период.

Наконец, президент парламентского режима обладает и еще одной, довольно деликатной функцией — *арбитра*.

Такая функция довольно редко дает о себе знать в Великобритании. Однако в случае необходимости монарх может заявить о себе. Известно, что в 1986 г. королева стремилась оказать влияние на М. Тэтчер с тем, чтобы страна заняла более твердую позицию в отношении Южной Африки.

Обеспечение известного равновесия между властями и связанная с ним «власть влияния» президента отмечается в годы IV-й Республики во Франции, особенно в период президентства Винсента Ориоля. Значительное возрастание влияния этого президента было связано как личностью самого В. Ориоля, так и со специфической властью, которая ему была предоставлена Конституцией. Подобное отмечается в истории итальянских политических институтов. Так, первый президент Италии Луиджи Эйнауди смог создать так называемое автономное политическое «пространство», в частности, в области назначения членов Конституционного суда, роспуска и даже выбора президента Совета. Это стало значительным моментом в том, что политические партии признали важность поста президента Республики. Можно утверждать, что все послевоенное политическое развитие Италии в значительной мере испытывало влияние деятельности сменявших друг друга президентов.

В Германии политические возможности президента являются достаточно ограниченными. Так, согласно положениям Конституции, президент страны участвует в определении кандидатуры на пост канцлера. Более того, он представляет эту кандидатуру в бундестаг для утверждения ее депутатами. Но эту кандидатуру ему называют либо победившая на выборах партия, либо пришедшая к власти коалиция партий. То же самое можно сказать и о назначении министров и высших чиновников.

10.2. Правительство: определение и назначение министров

10.2.1. Выбор премьер-министра

Глава государства в демократических странах в той или иной мере участвует в процедуре определения и утверждения главы правительства страны. При этом полная автономия главы государства в решении этого вопроса осталась в прошлом. Нужно сказать, что ограниченные

возможности главы государства в процедуре определения и назначения главы правительства отвечает смыслу и духу парламентского режима: последнее слово в парламентском режиме принадлежит народу в лице его избранных в парламенте.

Иная практика складывается в этом вопросе в президентском режиме. Так, по Франции в годы V-й Республики решение по назначению главы правительства принимает президент. Практически, в годы V-й Республики премьер-министр очень редко бывает лидером большинства. Он становится таковым после своего назначения. Но такая свобода в решениях президента бывает тогда, когда имеет место совпадение президентского и парламентского большинства.

В Великобритании королева, будучи главой государства, не имеет, по сути дела, никаких прав в определении главы правительства: решение принимается победившей на выборах политической партией. Подобная ситуация характерна и для Германии.

Следует сказать и о том, что в определенных политических ситуациях, опираясь на положения конституции, президент парламентской республики может оказывать существенное влияние в вопросе назначения главы правительства. Так, в годы IV-й Республики во Франции премьер-министр определялся не на основе парламентского большинства, а из числа членов одной из влиятельных (и чаще всего не самой влиятельной) по итогам выборов политических партий. Более того, как показано в одном из исследований, посвященных парламентским режимам, очень редко правительство формируется из числа именно наиболее сильной партии. В годы IV-й Республики наилучшие позиции для того, чтобы возглавить правительство имели представители политических партий, занимавших 4–5 место среди всех политических партий страны¹.

В Италии президент страны, опираясь на силу общественного мнения, может оказывать существенное влияние в определении и назначении премьер-министра. Этот последний определяется из числа представителей партии, обладающей относительным большинством мест в парламенте. До самого недавнего времени это были представители фракций ХДП. Ситуация изменилась в начале 80-х гг.

¹ Cf. Colliard J.-C. Les régimes parlementaires contemporains. P., 1978. P. 130.

прошлого столетия. В 1983 г. президент страны поручил формирование правительства Б. Кракси — лидеру социалистической партии, получившей на выборах 12 % голосов избирателей. И это стало началом деятельности правительства, которое дольше многих просуществовало — вплоть до 1987 г., что по итальянским меркам много.

Политический кризис 1992 — 1993 гг. в Италии еще больше расширил возможности президента в вопросе назначения главы правительства. Получилось так, что политические партии, по сути дела, утратили способность назначать премьер-министра. В апреле 1993 г. впервые в послевоенной истории Италии президент страны Скальфаро смог назначить во главе правительства непарламентария, управляющего итальянским банком Чампи, человека весьма компетентного и честного во всех отношениях. Таким решением было удовлетворено ожидание общественного мнения страны, международных деловых кругов. Более того, именно под руководством такого премьера правительству удалось начать проведение реформы политической системы. Подобным же подходом характеризовалось и назначение во главе правительства Италии в 1995 г. Ламберто Дини, бывшего главы казначейства страны по время правления правительства С. Берлускони. Правда, в последующем президент был вынужден строго придерживаться положения о том, что глава правительства назначается из числа лидеров наиболее сильной партии победившей на выборах коалиции.

Таким образом, в большинстве стран, где утвердился парламентский режим, при назначении премьер-министра роль президента страны является весьма ограниченной.

10.2.2. Назначение министров

Ведущую роль при назначении министров во всех странах играет, как правило, премьер-министр. Исключение представляет собой Французская республика, где прерогативы в этом вопросе отданы законодателями президенту страны. Несколько необычной на этом фоне выглядит практика назначения министров в США. Здесь решения принимаются двумя сторонами: президентом и Сенатом.

Наибольшие затруднения встречаются при назначении премьер-министров в парламентском режиме. Это связано с тем, что глава правительства вынужден считаться с расстановкой политических сил как в своей партии, так и в

целом — в парламенте и стране. К тому же, на такого рода решениях сказывается влияние так называемых неписаных правил политической жизни, которые, обычно, никто не стремится нарушать. С чем связаны эти правила?

К примеру, в США президент страны, обладая огромными полномочиями в деле назначения министров, вынужден учитывать такие факторы, как религиозный, расовый или половой, а также территориальное представительство. И в президентском и парламентском режиме лидеры страны вынуждены учитывать реакцию общественного мнения на то или иное назначение, а также техническую компетентность будущих министров.

Первостепенное значение имеет **фактор территориальной «представительности» при назначении министров**. Тут сказывается влияние и результатов голосования, когда результаты голосования в том или ином регионе страны в пользу политической партии или президента получают закрепление и в выделении постов министров представителям таких регионов. Может действовать и другая логика: добиваться поддержки в свою пользу в регионах, избиратели которых не оказали открытой и ясно выраженной поддержки либо партии, либо президенту. При этом, как отмечают политологи, территориальное представительство в правительстве, пожалуй, за исключением Великобритании, носит, скорее, символический характер, чем является политической реальностью. Даже если такое представительство «обнаруживается», то чаще всего оно связано с клиентелистскими целями власти.

Вторым фактором, влияющим на назначение того или иного министра, является компетентность. Но это настолько эластичный феномен, что политологи говорят о «репутации в компетентности». Эта репутация, например, в Великобритании долгое время была связана с принадлежностью того или иного кандидата в министры к аристократической элите или элите из числа выпускников наиболее престижных учебных заведений. Правда, в наше время такой подход практически не используется. На передний план выходит, действительно, все то, что связано с профессиональной квалификацией и практическим опытом работы, что позволит будущему министру эффективно осуществлять свою деятельность.

Но и такой подход сталкивается с некоторыми трудностями. Министерских постов немного. А некоторые из них

годами занимают одни и те же люди. Показательно, что, например, в Италии некоторые из должностных лиц правительств (Андреотти или Коломбо) занимали министерские посты в течение трех десятилетий, другие (Фанфани, Пандольфи, Скальфаро) — от 10 до 25 лет. Правда, по итогам выборов 27 марта 1994 г. господство ветеранов в правительстве приказало долго жить. И ныне в правительстве Италии находится немало представителей новой политической элиты.

Еще один фактор, влияющий на назначение министров — это сама парламентская система. В парламентском политическом режиме, как известно, министры назначаются из числа парламентариев. Хотя бывают случаи, когда министрами назначаются непарламентарии. Главный вопрос при назначении премьер-министров в парламентском режиме — учет соотношения сил между, например, партиями правящей коалиции. При этом могут использоваться пять подходов в распределении постов министров: 1) пропорциональный; 2) сверхпредставительность; 3) крупных партий или 4) малых партий; 5) преимущественное назначение членов партии премьер-министра; 6) равенство между партиями. Первый и последний подход, как показывает практика многих стран, используются крайне редко, ибо политическая жизнь далеко не всегда совпадает с арифметическими расчетами.

Более широкое распространение получают остальные принципы. Если партия получает квалифицированное большинство в парламенте, вряд ли можно ожидать, что она будет «делиться» постами министров с малыми партиями. Исключения составляют ситуации, когда без союза с малыми партиями не удастся сформировать устойчивое правящее большинство в парламенте. Пример тому — Германия в последние несколько десятилетий.

10.2.3. Социологический профиль министров

Какими бы ни были политические требования и конституционные положения, при назначении министров учитывается наличие у них тех или иных качеств. Укажем лишь на некоторые из них.

Прежде всего в подавляющем большинстве стран состав правительств характеризуется преобладанием в нем мужчин. Так, во Франции с 1959 по 1972 г. все министры в правительстве страны были мужчинами. И только в 70-е гг.

ситуация стала меняться: в правительстве Р. Барра и П. Моруа было по 7 министров из числа женщин, в правительстве Фабиуса — 6. В Германии и Италии во многом, видимо, из-за того, что численность министров меньше, женщины меньше представлены в правительстве. Были правительства, в которых женщин вовсе не было в составе министров. В Великобритании был длительный период, когда во главе правительства страны была «железная леди» М. Тэтчер, которую нередко называли «единственным мужчиной в правительстве». Во Франции с июня 1991 г. по март 1992 г. премьер-министром была Эдит Крессон, что иногда называют катастрофическим правлением, ибо оно сыграло, по мнению социологов, значительную роль в поражении социалистов на выборах в марте 1992 г.

Вторая особенность социологического профиля министров связана с тем, что среди них крайне редкими бывают назначения из числа представителей низших классов. Правительственный состав в своем подавляющем большинстве является буржуазным. Лишь только около 10 % министров после Второй мировой войны были выходцами из рабочих, мелких служащих и крестьян¹.

В Великобритании в течение длительного времени, несмотря на падение влияния рекрутирования в состав членов правительства из числа аристократии, утвердился новый элитизм в лице выпускников Оксфорда и Кембриджа. Бывшие воспитанники этих престижных вузов формируют до 2/3 состава правительства консерваторов и до половины — правительства лейбористов².

В Италии, вплоть до 1994 г., когда в политической жизни основные позиции принадлежали членам ХДП, преимущественные позиции среди политической элиты занимали профессиональные политики. А поскольку министры утверждались из числа парламентариев, постольку социологическая характеристика министров была довольно однородной. Она несла на себе печать социологического состава депутатского корпуса. Согласно социологическим исследованиям, проведенным в 70-е гг. прошлого века, среди 1753 депутатов в Италии 17 % составляли выходцы из высших слоев, 34 % можно было определить как «высший средний класс», а 38 % представляли собой «низший средний класс». Депутаты,

¹ Blondel J. Gouvernements et executifs // Grawitz M., Leca J. Op. cit. T. 2. P. 375.

² Cf. Mény Y., Surel Y. Op. cit. P. 312.

которые были выходцами из числа рабочих, составляли 17 % депутатского корпуса, что отражало сильные позиции Итальянской коммунистической партии в политической жизни страны. Крестьянского происхождения депутаты составляли около 6 % депутатского корпуса.

Профиль депутатского корпуса и элиты Германии во многом по своим социологическим характеристикам близок к приведенным выше данным по Италии. И это несмотря на значительные институциональные и культурные различия между этими странами. В обеих этих странах после Второй мировой войны были проведены глубокие изменения в составе правящего класса: элиты и Германии, и Италии стали менее аристократическими и менее буржуазными, нежели они были в довоенные годы. Кроме того, в политической жизни обеих стран значительное влияние оказывали христианско-демократические партии. В Италии второй значительный сдвиг в социологических характеристиках элиты произошел в 1994 г., когда на смену многим выходцам из ХДП пришли в большем масштабе, чем прежде, представители делового мира. Это же относится и к составу министров правительства.

К историческим факторам, сказавшимся на составе элиты в Италии и Германии, нужно добавить и то, что в этих странах сложилась сходная система подготовки элиты. Главную роль здесь играют не элитные школы, как это сложилось во Франции, Великобритании или США, а университеты. К тому же, в большей мере, чем в Италии, министры в послевоенной Германии более не принадлежали к традиционным элитам по своему социальному, интеллектуальному, политическому происхождению. В своем большинстве (до 80 %) министры в Германии являются обладателями университетского диплома. При этом около 60 % из них получили юридическое образование¹.

10.3. Правительственная иерархия

Правящие структуры должны удовлетворять двум иногда дополнительным, иногда противоречивым требованиям. С одной стороны, они должны отвечать политическим и функциональным требованиям действия, а с другой — соединять принцип специализации деятельности каждого ми-

¹ Cf. Mény Y., Surel Y. Op. cit. P. 313.

нистерского департамента с императивом коллегиальности правления. Нельзя не сказать и о том, что указанные требования должны сочетаться с традициями данной страны.

Как мы отмечали выше, глава исполнительной власти должен учитывать политические принуждения еще при комплектовании своего правительства. Он должен изначально обеспечить известное равновесие между различными тенденциями в проводимой политике. Своеобразным переводом в учете такого политического принуждения является распределение основных постов в правительстве. Это распределение неизбежно порождает внутренние напряжения в правительстве.

Правительства в западных странах, как правило, организовываются на трех уровнях: на вершине правительства находятся президент или премьер-министр; вице-президент, государственные министры и министры без портфеля; министры, отвечающие за деятельность определенного департамента.

Вице-президенты

Отличительной особенностью вице-президентского поста является то, что его обладатель, как правило, имеет очень тесные отношения с главой исполнительной власти. Отношения между этими двумя ключевыми фигурами политического руководства не всегда бывают простыми. Это связано с тем, что, будучи членами одной и той же партии, чаще всего они отличаются разными качествами как политики и до включения в одну команду могут быть политическими соперниками в деле выдвижения на пост президента страны. Они по определению должны быть единомышленниками, но это бывает не всегда. И между ними, подчас, ведется скрытая борьба по различным вопросам. Таких примеров немало в истории США. Да и в короткой истории демократического развития России это проявилось в отношениях между президентом Б.Н. Ельциным и вице-президентом А.Б. Руцким, который едва не сверг действующего президента. А позднее пост вице-президента в нашей стране был ликвидирован.

В парламентской республике пост вице-президента обычно не является конституционным. Исключение составляет лишь Германия, в которой Конституция предписывает факт назначения канцлером своего заместителя. В Италии вице-

президентство, как и в Германии, появилось в результате политической необходимости, а также вследствие коалиционного состава большинства правительств в послевоенные годы. Создание поста вице-президента позволяет предоставить престижный и важный пост представителю той политической партии, которая не смогла победить на выборах.

В некоторых странах вице-президенты бывают во множественном числе: ими становятся лидеры партий коалиции. Это приводит к падению престижа поста, а также нередко становится источником конфликтов внутри коалиции. Такая практика была характерна для IV-й Республики во Франции. Она использовалась и в Италии в 1947 г., когда были учреждены для либералов, республиканцев и социалистов три поста вице-президента. С. Берлускони также использовал подобную практику.

Государственные министры и министры без портфеля

Назначение на эти посты является знаком отличий в престиже того или иного политического лица. Государственный министр является постом, на котором отправляется важная функция (министр юстиции или финансов, например). В то же время посты министра финансов или министра юстиции не нуждаются в дополнительных характеристиках. Такие посты всегда важны в любом правительстве. Это определяется тем, что ни одно решение правительства не может приниматься без согласования с указанными министерствами.

В правительствах ряда стран существуют и должности министра без портфеля. В Италии, например, такие министры осуществляют руководство так называемыми «пересекающимися» секторами, например, научными исследованиями, которые находятся под непосредственным контролем и главы правительства.

Такого рода посты вводились, например, в Великобритании премьер-министрами Вильсоном в 1966 г. и М. Тэтчер в 1984 г. в целях лучшей координации деятельности некоторых секторов экономики. Как считают специалисты, введение таких постов далеко не всегда дает желаемые результаты. В Великобритании подлинными «министрами без портфеля» или государственными министрами являются обладатели традиционных почетных функций: Лорд президент Совета (*Lord President of the Council*) или Личный советник монарха

(*Privy council*), которые, по сути, становятся в определенные периоды заместителями премьер-министра. Министр юстиции (*Lord Privy Seal*) также исполняет почетную функцию, которая связана с активным сотрудничеством, например с лидерами палат парламента. Иначе говоря, даже функции фольклорического характера могут использоваться премьер-министром для того, чтобы освободить от исполнения некоторых функций те или иные сектора министерств, доверяя решение таких вопросов близким политически людям.

За исключением, может быть, США в большинстве западных стран нет ограничений для создания тех или иных министерств как с точки зрения их общего числа, так и с точки зрения тех функций, которые им вменяются.

Так, во Франции и Италии нередко говорят по этому поводу о феномене «аккордеона». В разные годы численность министерств колеблется в этих странах от 15 до 35. Такое трудно представить для США, Германии или Великобритании, где действуют в этом отношении более строгие правила. В США, например, создание того или иного министерства нередко воспринимается в обществе как бюрократическая экспансия. Последняя из известных попыток создания новых министерств была предпринята в 70-е гг. президентом Д. Картером: в 1977 г. было создано министерство энергетики (*Department of Energy*), а в 1979 г. — Министерство образования, которое входило с 1953 г. в другое министерство (*Department of Health, Education and Welfare*).

В Германии численность министерств является ограниченной. В 1969—1974 гг. их было 15, в 1971 г. — 14, 1972 г. — 17, в 1991 г. — 19. Примерно такая же картина характерна и для Великобритании, где количество министерств колеблется между 17 и 23.

Возникает вопрос: чем объяснить ограничения численности министерств в условиях роста задач, встающих по мере развития страны перед государством? Есть несколько объяснений этого. Во-первых, в федеративных государствах (США, Германия, например) часть задач передается на региональный уровень управления: штаты и Земли соответственно. Во-вторых, правительства не желают придавать исполнению некоторых функций государственный статус. Так, в США в 1970 г. прекратило свое существование министерство почт. В-третьих, правительства некоторых стран идут по пути создания так называемых параллельных

структур, которые, по сути, являются министерствами, но лишенными политического статуса. И наконец, в последние годы получила распространение практика создания так называемых второстепенных министерств, министерств «второго ранга», которые выполняют важные министерские функции, но не принимают участия в заседаниях правительства. Это можно наблюдать, к примеру, и в России, где реформа государственного аппарата привела в начале нового столетия к значительному уменьшению числа министерств.

Государственные секретари

Противоречие, которое в условиях ограниченного численно правительства может возникать между требованиями эффективного политического управления и расширением его задач, регулируется в демократических странах введением различия между кабинетом министров и правительством. Обычно под «кабинетом» понимают узкий круг министров, который работает под непосредственным руководством главы правительства. Правительство же представляет собой объединение всех министров, вне зависимости от их ранга.

Нужно сказать, что, к примеру, во Франции такого различия не существует. Однако и здесь используется понятие кабинета. Его заседания характеризуются тем, что в них не принимает участия глава государства. Однако во Франции, например, существует практика создания автономных государственных секретариатов, главы которых могут принимать участие в заседаниях совета министров. В Великобритании с 1941 г. был учрежден институт Государственных министров (*Ministers of State*), который призван помогать главам наиболее важных министерств.

В Великобритании и Италии, так же как и во Франции (если речь вести о государственных секретарях), существует практика утверждения министров от парламентариев преимущественно. Их численность довольно значительна: около 60 в Италии и около 80 — в Великобритании. В отдельные годы их бывает больше. В июле 1978 г. британское правительство насчитывало 113 членов, 97 из которых были из числа депутатов нижней палаты парламента, в 1984 г. — 101, среди которых было 79 депутатов. В рамках парламента Великобритании работает институт парла-

ментского секретариата (*Parliamentary Private Secretaries*), который объединяет депутатов, которые сотрудничают с руководителем кабинета министров, являя собой как бы переходную ступень, связывающую парламент с кабинетом министров.

В Германии, отвечая на растущие объемы государственного управления, как мы уже отметили, не пошли по пути увеличения министерств. Зато все большее распространение получает практика утверждения помощников министра. Эти помощники утверждаются не канцлером, а самими министрами. Их численность возросла с 7 изначально до 20 в 1980 г. При этом обладатели указанных постов могут только помогать министрам. Они лишены права представлять их на заседаниях правительства, а тем более — заменять министров в решении вопросов. Правда, по отдельным вопросам они могут замещать министра при ответах на вопросы парламентариев.

10.4. Руководство правительством

Ключевой проблемой любого правительства является обеспечение реального соединения, с одной стороны, реальной автономии министерств, а с другой — единства действия правительства. В различных политических системах эта задача решается различными образом. Остановим свое внимание на этом.

Весьма оригинальной в этом отношении является политическая практика в США. В этой стране, как известно, не существует кабинета, во главе которого был бы премьер-министр. Это было связано с тем, что отцы-основатели США, опасаясь излишнего и опасного для демократии усиления исполнительной власти, ограничили полномочия правительства. И тем не менее американский законодатель предусмотрел коллегиальную форму решений исполнительной инстанции власти: с 1793 г., в частности, используется понятие «кабинета», которым обозначается заседание министров. Правда, никаких жестких правил заседания и решений этого собрания не предусматривается. И только с приходом на пост президента Д. Эйзенхауэра такие заседания министров стали еженедельными. Казалось бы, утвердившуюся практику такого рода заседаний прекратил во время своего президентства Д. Кеннеди. Такие собрания стали проводиться по мере необходимости.

Ситуация в данном вопросе в США является парадоксальной: президент обладает всей полнотой власти перед лицом министров, но не имеет в своем распоряжении органа, который институционально подтверждал бы лидерство президента в отправлении функций исполнительной власти и который противостоял бы давлению со стороны парламента. Вот как эту ситуацию оценивает М.-Ф. Туане, один из политологов Франции: «Власть президента вытекает из его роли главы правления — может возникнуть даже желание определить ее как правление в его единственном лице, т. к. министры обладают только ограниченной властью, не имея какого бы то ни было коллективного авторитета; такое правление существует только по воле президента, и только изредка президент представляет министрам какие-то крохи власти. Это всего лишь советники, и то если президент желает этого, и они никогда не имеют возможности проявлять инициативу, которую не желает президент: они находятся в положении подчиненных»¹.

Такое преимущество президента является преимуществом одиночества. Действительно, президент может рекрутировать в правление любого, кто ему кажется подходящим для исполнения той или иной функции, навязывать свои взгляды и решения любому министру и иному должностному лицу. Однако на практике министры и иные высшие администраторы быстро осознают, что их полномочия и возможности являются очень ограниченными, даже несмотря на поддержку администрации и разного рода групп давления. Об этом красноречиво заявил однажды бывший вице-президент США Ч. Дэвис: «члены кабинета являются естественными врагами президента»². Это политологи называют одной из существенных слабостей президентской власти в США. Но и в этом случае президент, что называется, небезоружен. Не случайно американский политолог Ричард Роуз указывает и на то, что обычно президент США «не принимает решений, которые определяют ориентацию правительства. В зависимости от ситуации он принимает ясные или неопределенные решения, которые кладут лишь начало комплексному процессу переговоров

¹ *Toinet M.-F.* Les États-Unis. P., 1987. P. 184.

² *Cf. Presidential Power: The Politics of Leadership from F.D.R. to Carter.* New-York, 1980. P. 31.

внутри и между отдельными составляющими правящей машины»¹.

10.4.1. Коллегиальность и лидерство в парламентском режиме

В парламентском режиме работа кабинета министров осуществляется под непосредственным руководством премьер-министра. У него, как правило, нет таких обширных полномочий в назначении министров, какими наделен президент США. Однако глава исполнительной власти в парламентском режиме обладает двумя козырями, которых нет у американского президента: принудительный характер министерской ответственности и существование так называемых стороннических структур.

Своеобразный архетип руководства исполнительной властью в парламентском режиме представляет собой британский премьер-министр. Здесь была рождена коллективная ответственность правительства перед парламентом, когда правительство выступает как единый орган.

Конституционное равновесие

Принцип коллегиальной ответственности является одним из важных условий, обеспечивающих объединение исполнительной власти, во главе которой находится премьер-министр, возглавляющий кабинет министров. И он не просто возглавляет, но по-настоящему руководит действиями каждого министра. Эта функция получила свое наибольшее выражение еще в 60-е гг. прошлого столетия, когда за главой исполнительной власти утвердилась функция объявления об отставке того или иного министра. Об этом писал, в частности, лорд Хоум: «Каждый член кабинета является в некотором смысле агентом премьер-министра, его помощником... Роль министра заключается в том, чтобы, насколько возможно, облегчить выполнение обязанностей премьер-министром. Ни один министр при этом не может проявлять более или менее важную инициативу без обсуждения ее с премьер-министром; и наоборот, если премьер-министр желает предпринять какое-то действие, то заинтересованный в нем министр

¹ Rose R., Suleiman E. (dir.) Presidents and Prime Ministers. Washington, 1980; Mény Y., Surel Y. Op. cit. P. 322.

должен или подчиниться, объясниться перед кабинетом или уйти в отставку»¹.

Полномочия премьер-министра в таком контексте в Великобритании еще более возросли с приходом к власти М. Тэтчер. Она увеличила авторитет поста премьер-министра далеко за пределы полномочий своих предшественников на этом посту. «Она не только брала в свои руки инициативу в обсуждении вопросов внутри кабинета министров, — отмечал политолог М. Ли, — она стремилась "обойти" дебаты, оказывая прямое давление на тех, кто занимал иную позицию, чем она, в правительстве. А потому министры, ответственные за развитие экономики и промышленности, постоянно с ней консультировались»². Эту тенденцию укрепления позиций исполнительной власти, которая дала о себе знать в последние 2–3 десятилетия во многих странах, продолжил в Великобритании премьер-министр Т. Блэр, придя к власти в 1997 г.

Смысл и оригинальность роли премьер-министра Великобритании, которая сложилась в итоге длительной политической и конституционной эволюции страны, полнее выясняется, если ее сопоставить с ролью глав исполнительной власти в Германии и Италии. В этих странах, имеющих собственную историю, картина выглядит иначе.

В Италии декретом от 1944 г. термин «Председатель совета министров» заменил термин «глава правительства», введенный в 1925 г. И это семантическое изменение отражало стремление новой послевоенной власти отказаться от авторитарного правления и от самой возможности возврата к политической практике фашистского периода развития страны. Председатель совета министров — это первый министр среди равных. Он не наделяется никакими особыми властными возможностями и средствами. В Италии, как и во Франции, например, послевоенная политическая элита, извлекая уроки из недавнего прошлого, стремилась ослабить исполнительную власть и превратить парламент в основной институт политической жизни.

В Германии законодатель стремился наделить такой властью канцлера как руководителя исполнительной власти, которая ослабляла значительно позиции президента страны. В частности, канцлер должен был избираться депутатами

¹ Cf. *Charlot M.* Le système politique britannique. P., 1976. P. 128.

² *Lee M.* Fonctionnement du gouvernement et rôle du premier ministre // *Pouvoirs.* 1986. № 37. P. 31.

бундестага, что укрепляло его позиции как лидера исполнительной власти. В итоге послевоенных конституционных изменений в Германии парламентский контроль осуществлялся над всей исполнительной властью и отвечал интересам канцлера. Это определялось тем, что канцлер, будучи утвержденным парламентом, получал большие шансы и в дальнейшем пользоваться поддержкой парламентариев либо в лице правящей партии, либо в лице коалиций правящих партий. И потому смена канцлера в период одной legisla-туры была весьма редкой в послевоенные годы.

Политические актеры и сторонники

Способность управлять правительственной командой определяется, помимо сказанного, собственно политическими факторами, связанными с особенностями партийной системы и местом, которое партии занимают в институциональной игре. Если сравнить три парламентских режима Великобритании, Германии и Италии, то становится сразу же понятным, что политические условия функционирования всех этих трех систем значительно отличаются друг от друга. Так, Великобритания после Второй мировой войны имела только одно коалиционное правительство (правительство Каллагана с 1976 по 1979 г.), в то время как, по сути дела, все правительства в Германии в послевоенные годы были коалиционными. В Италии, несмотря на господство в политической жизни вплоть до 90-х гг. прошлого века ХДП, правительства формировались с участием в нем представителей ряда небольших политических формирований левого или правого толка.

Премьер-министр в Великобритании — это лидер победившей на выборах политической партии. Будучи в оппозиции, лидер политической партии как бы выполняет роль главы «теневое кабинета», что является своеобразной подготовкой к исполнению функции премьер-министра в случае победы на следующих выборах. У консерваторов главную роль в определении лидера партии играют парламентарии, а у лейбористов — члены партии. Есть и такое различие между двумя главными партиями: лидер консерваторов лично может принимать решения по назначению того или иного члена своего кабинета, тогда как в лейбористской партии при принятии решений лидер советуется с парламентариями своей парламентской группы.

Более проблематичным является отправление функции премьер-министра в тех случаях, когда правительства являются коалиционными. Способность премьера осуществлять управление правительством во многом в таком случае зависит от природы правящей коалиции. Вплоть до начала 60-х гг. в Германии коалиция формировалась вокруг одной из крупных политических партий. И управление правительством для его главы не составляла особо больших сложностей. Иная ситуация сложилась в последующем. Как мы уже отмечали, судьбу правительства до начала 90-х гг. определяла партия свободных демократов. Не рассматривая этот вопрос подробно, есть все основания утверждать, что позиция канцлера в Германии является достаточно прочной и устойчивой. Но все это зависит от личности канцлера, природы коалиции и политической конъюнктуры.

«Итальянское чудо», используя модное выражение 60-х гг., но применявшееся к экономике, иной природы. Как мы уже отмечали, глава правительства играет не очень значимую роль в решении ряда вопросов: министры в его правительство навязываются политическими партиями, его авторитета почти не существует, способность координировать деятельность правительства является ограниченной. Но это не значит, что премьер-министр не играет никакой роли в политической жизни. Как отмечает, например, Сальвио Кассесе, премьер-министр в Италии «стал катализатором всех других элементов, подлежащих объединению... не столько в силу собственной компетенции, сколько в силу того, что он находится в предпочтительной позиции для того, чтобы влиять и примирять различные фрагментарные подсистемы»¹.

В итальянской фрагментированной политической системе председатель совета министров занимает центральное место в политической игре, где происходит артикуляция многочисленных административных и парадминистративных актеров. Роль премьер-министра как бы возникает из того хаоса, который создается на основе принципиальной автономии многочисленных центров решения, бесконечных конфликтов между политическими и бюрократическими группировками. Власть итальянского премьер-министра не столь значительна, что у премьеров парламентских режи-

¹ *Cassese S. Esiste un Governo in Italia? // Pasquino G. (dir.) Il sistema politico italiano. Roma, 1985. P. 279.*

мов в других странах. Оценить эту власть по-настоящему можно лишь в том случае, когда учитываются основные характеристики политической жизни страны и процесс формирования политических решений. Италия является своеобразным антиподом авторитаризма и радикализма в политике. Для итальянской политической жизни характерными являются бесконечные дебаты, компромиссы, консенсусы и реформы. Различные политические группы в итоге научились терпимости к взглядам и позициям других групп. И потому итальянский премьер-министр, как правило, обладает способностью влиять на развитие политической жизни, не стремясь вызывать в глазах различных политических сил чувство, что он осуществляет руководство правительством.

После кризиса итальянской политической системы, который разразился в 90-е гг. прошлого столетия, пространство политической деятельности премьер-министра стало значительно шире. С. Берлускони в 1994 и 2001 гг., как и Проди в 1996 г., возглавили правительство, будучи лидерами победивших на выборах политических партий. А это способствовало укреплению позиций исполнительной власти.

Интересной является ситуация и во Франции, где руководство правительством разделено между президентом и премьер-министром. Такая ситуация определена Конституцией 1958 г. Однако она была усилена политической практикой, берущей начало от де Голя, и закрепленной последующими президентами страны. Возможные конфликты в такой ситуации заглушались большими конституционными полномочиями президента и той легитимностью, которую он получает в силу своего избрания всенародным голосованием, начиная с 1962 г.

Политическая практика V-й Республики отмечена и тем, что целые периоды Франция живет в условиях, когда президентское и парламентское большинство расходятся, и в итоге главой правительства становится политический оппонент президента. Впервые это произошло еще в 1986 г., когда президент из числа социалистов вынужден был сотрудничать с правительством правых сил во главе с Ж. Шираком. Это существенно ограничило полномочия президента, в частности, в вопросах влияния на правительство, правда, за исключением таких важных областей, как оборона и внешняя политика.

10.5. Определение политики

Способность главы правительства обеспечивать эффективное руководство своей командой имеет особенно важное значение в деле определения того или иного принципиального выбора в проводимой политике, в ее согласованности, а также в контроле за исполнением принимаемых решений. Иначе говоря, правительство можно воспринимать как команду, ориентации которой являются согласованными с общей целью, а ее деятельность осуществляется на коллегиальной основе.

10.5.1. Роль главы правительства

В Конституции Германии заложено специальное положение, связанное с тем, что правительство работает на коллегиальной основе, причем министры наделяются автономией. Но канцлер обладает, согласно Конституции, правом останавливать в случае необходимости те или иные общие ориентации проводимой политики. Эта компетенция, конечно же, носит теоретический характер. На деле же реальные возможности главы правительства зависят от природы правящей коалиции, личности канцлера и влияния на него и в жизни страны тех или иных ключевых министров. Так, канцлер Аденауэр сыграл значительную роль в том, что Западная Германия в год «холодной войны» постепенно становилась частью западного мира. В 70-е гг. прошлого столетия В. Брандт немало сделал для того, чтобы нормализовать отношения с Советским Союзом и другими странами Восточной Европы. Эрхард как глава правительства проводил такую политику, которая вызывала немало споров в немецком обществе. И надо полагать, что его влияние как канцлера вряд ли превышало тот авторитет, который он завоевал на посту министра, войдя в историю, как автор «немецкого чуда».

В Италии глава правительства не обладает таким авторитетом, который бы позволял ему направлять политику министров. Требуется немалое искусство находить поддержку политических партий и депутатов для того, чтобы определенным образом влиять на политику как всего правительства, так и его министров. Правда, в 90-е гг. прошлого столетия в силу радикальных изменений в политической жизни страны глава правительства, наконец-то, получил

реальную возможность усилить свое влияние на политику, проводимую его же правительством.

Своеобразным антиподом Италии является Великобритания. Если в Италии избиратель, ориентируясь на программу той или иной партии, оказывается в полном неведении того, как и из каких сил будет сформировано правительство, то в Великобритании избиратель еще в ходе избирательной кампании может реально представлять, кто будет главой правительства и кто займет ключевые министерские посты. К тому же возможности премьер-министра Великобритании в руководстве политикой своего правительства, как мы уже отмечали, являются значительными.

Службы главы исполнительной власти

В течение длительного времени премьер-министры в странах парламентского режима практически были лишены административных, финансовых и некоторых иных средств, которые позволяли бы по-настоящему осуществлять функцию лидера правительства. Эту функцию глава правительства вынужден был осуществлять на путях совместных действий с соответствующими министрами правительства. Во Франции службы главы правительства стали создаваться лишь в годы Народного фронта, когда правительство страны возглавил Леон Блюм. В Италии, вплоть до 50-х гг. прошлого столетия, глава правительства не имел в своем распоряжении ни персонала, ни средств, ни помещений для своего персонала.

В США аппарат президента долгое время был очень скромным по своим размерам. Однако после Второй мировой войны картина резко изменилась: Белый дом получил мощную подпитку вследствие создания едва ли не самого многочисленного среди западных стран аппарата президента. Президент, в частности, располагает специальным органом (*White House Office*), насчитывающим более 600 человек, среди которых находятся многочисленные советники, которые поставляют президенту информацию, готовят документы и все то, что необходимо для деятельности главы государства. Нет необходимости говорить о том, что для своей работы аппарат президента обеспечен самой совершенной компьютерной техникой. При этом на основе получаемой от аппарата информации президент выстраивает свои отношения с министрами. Его вмеша-

тельство становится особенно необходимым, когда подход к решению того или иного вопроса министра расходится с оценками аппарата президента.

Кроме аппарата Белого дома деятельность президента страны обеспечивают целый ряд служб, объединенных вокруг специального органа (*Executive Office*), который был создан еще в 1937 г. Ф. Рузвельтом. Среди них выделяется Экономический совет (*Council of Economic Advisors*), в который входят экономические советники президента; Центральное разведывательное управление (*Central Intelligence Agency*), насчитывающее 15 000 агентов; Совет национальной безопасности (*National Security Council*) или Служба менеджмента и бюджета (*Office of Management and Budget*), которая занимается разработкой и исполнением бюджета страны.

Немалое значение имеет и стиль отношений между главой государства или правительства со всеми заинтересованными лицами и службами. Так, в США президент высказывает пожелания, предлагает и ведет переговоры, но не навязывает свои мнения. Каждому решению предшествуют многочисленные и детальные обсуждения проблем. Такая же практика существует и в Италии.

В Великобритании и Германии службы премьер-министра и канцлера намного скромнее, чем, к примеру, в США и Италии. Более того, в Великобритании специальная служба при правительстве (*Cabinet Office*) обслуживает не только премьер-министра, но и всех министров правительства. Эта служба играет существенную роль в выработке и координации правительственной политики. Однако премьер-министр может пользоваться услугами и помощью 5–6 секретариатов, которые являются частью гражданской службы страны, которые являются аполитичными в том смысле, что эти структуры не обслуживают интересы той или иной политической партии. Премьер-министр пользуется возможностью тех лиц, которые обеспечивают связи правительственных структур с прессой. Он может назначать специальных советников, которые избираются из числа администрации. В ближайшем окружении премьер-министра Великобритании находится от 10 до 20 лиц, исполняющих политико-административные функции. Сказанное не означает, что политические возможности премьер-министра Великобритании скромны. Напротив, его возможности значительно больше, чем у его коллег в США или Италии. Это связано с тем, что британский премь-

ер является лидером правящей партии, опирающейся на большинство в парламенте, что играет решающую роль в проведении политики.

Кабинет канцлера Германии значительно отличается от тех, что мы выше охарактеризовали. Он во многом напоминает совокупную службу правительства Франции. В настоящее время кабинет канцлера насчитывает около 500 служащих, часть из которых (около 100) занимают высшие посты в администрации. Кроме, что называется постоянных служащих, работу канцлера обеспечивают многочисленные служащие, с которыми заключаются контракты (они представляют около 40 % всего персонала канцлера). Канцлер располагает и специфическим персоналом прессы (около 800 человек), который информационно обеспечивает его деятельность.

10.5.2. Коллективный выбор: советы и комитеты

Советы или кабинеты министров являются привилегированным местом для принятия коллегиальных политических решений. Однако в реальности такая постановка вопроса осуществляется далеко не всегда. Чаще всего заседания правительства являются непродолжительными. В них участвуют от 15 до 30 человек. Назвать такие обсуждения коллективным выбором вряд ли представляется возможным. И тем не менее на заседаниях правительства принимаются и обсуждаются проекты законов, регламенты, решения по бюджету, определяется ориентация внешней и внутренней политики, назначения на ключевые посты государственной службы и т. д.

Следует сказать, что все решения правительства, как правило, принимаются в итоге длительного процесса обсуждения за пределами самого заседания министров. Это обсуждение ведется между участниками правительственной коалиции, внутри правящей партии или правящих партий, в министерствах, в различных структурах администрации.

В США проблема коллективного выбора как бы находится на втором плане. Это связано с тем, что, во-первых, президент обладает такими большими полномочиями, что многие вопросы он может решать, можно сказать, единолично. А во-вторых, при принятии решений президент США, как правило, делает выбор между противоречивыми предложениями, которые вносят советники президента и министры. И потому чаще всего политика является не

столько результатом коллегиального решения, сколько итогом конкуренции между различными вариантами решения. Не удивительно, что некоторые политологи заявляют, что в США не существует одного правительства. Существует известное множество центров фрагментированной власти.

Во Франции совет министров, по сути, утверждает формально решения, подготовленные вне указанного совета. Весьма редко бывают случаи, когда на заседании совета министров, которое проводится под председательством премьер-министра, возникают конфликтные ситуации.

В Германии действуют строгие правила организации труда правительства. В частности, предусматривается даже голосование кабинета. Однако правительство крайне редко принимает решения на основе исхода голосования его членов.

Заседание кабинета министров в Великобритании является официальным переводом решения, подготовленного еще до заседания правительства. Эта подготовительная работа проводится на уровне межминистерских кабинетов, что является отличительной чертой деятельности высшего органа исполнительной власти. Причем наряду с постоянными комитетами (иностранных дел, обороны и т. д.) существуют (создаются в случае необходимости) и временные комитеты. Решения о создании этих последних принимает глава правительства. Комитеты в процессе своего сотрудничества как бы отражают реальность коллегиальности решений и межминистерской солидарности. Комитеты не имеют полномочий принимать решения.

ГЛАВА 11

АДМИНИСТРАЦИЯ

Значительную роль в жизнедеятельности любого государства играют, как известно, центральная администрация. Этот важнейший сектор, осуществляющий на практике все то, что связано с реализацией политических решений, претерпел за последнее столетие радикальное изменение, по сути дела, во всех странах. Едва ли не главное изменение — резкий количественный рост работников государственного аппарата, что, в свою очередь, связано со значительным расширением выполняемых этим аппаратом функций. Приведем некоторые цифры. Изначально количество федеральных чиновников в США составляло всего лишь около 3000 человек, к началу нынешнего столетия их насчитывалось более 3 млн человек. В Италии в конце XIX в. чиновников насчитывалось около 50 000 человек. За сто лет их численность выросла в 40 раз, превысив 2 млн человек¹. В начале XIX в. в Великобритании насчитывалось только 20 000 работников центрального аппарата. В настоящее время их число превышает 500 000 человек². Несколько «скромнее» данный показатель выглядит в Германии: численность работников центрального аппарата государства составляет около 300 000 человек. Однако нужно учитывать, что значительная часть работы по реальному политическому управлению осуществляется в Землях страны.

Следует сказать о том, что при проведении сравнительного анализа по вопросам деятельности администрации государств следует учитывать как статус государственного служащего, так и функции, которые они призваны исполнять в каждой конкретной стране.

Однако было бы совершенно неверно видеть только рост численности государственных служащих, когда дается

¹ Эта цифра включает в себя учителей и военных.

² Эта цифра охватывает только гражданскую службу и не учитывает численность военнослужащих и учителей. При этом нужно учитывать, что за время правления М. Тэтчер гражданская служба сократилась на 150 000 человек.

характеристика изменений в этой области. Наряду с ростом численности государственных служащих происходили и происходят значительные изменения в деятельности центрального аппарата многих государств. Радикально меняются, например, методы работы государственного аппарата, все более разнообразными являются инструменты и способы государственного управления, которые они берут на вооружение.

Но дело заключается не только в организационных изменениях государственного аппарата. Администрация во многих государствах становится все более раздробленной. Остался в прошлом миф об единстве администрации. Она предстает в настоящее время в виде некой совокупности довольно самостоятельных и даже в известном смысле автономных департаментов или иных составных частей.

Такая гетерогенность государственного аппарата вовсе не означает, что каждая из его частей является равной другим. Не составляет никакого секрета тот факт, что, например, финансовые структуры администрации среди всех других ее структур во всех странах имеют куда как большее влияние, чем многие другие подразделения и службы. Это определяет именно стратегическими позициями служб финансового и налогового ведомств в политике любой администрации. Не удивительно, что нередко министерство финансов называют «государством в государстве». Положение других подразделений администрации (культуры, образования и т. д.) во многом определяется конъюнктурой и спецификой социального и политического развития в тот или иной исторический период. В большинстве стран значительную роль среди подразделений администрации играют: военное ведомство, министерство иностранных дел и некоторые другие составные части в целом единой администрации.

Вторая важная черта государственного аппарата — решающая роль, которую он играет в области выработки и осуществления публичной политики. Одной из общих черт администрации западных обществ является то, что они призваны осуществлять решения, принимаемые политической властью. Однако в реальности ситуация значительно отличается от приведенного нами классического положения¹. В настоящее время администрация вовлекается в

¹ См.: Muller P., Sured Y. L'analyse des politiques publiques. P., 1998; Желтов В.В. Публичная политика. Кемерово, 2004.

участие на всех стадиях публичной политики. Она играет существенную роль в определении политической повестки деятельности правительства, участвует в выработке решения, в определении инструментов и средств их реализации. Именно администрация привлекает к осуществлению решений компетентных экспертов.

Сама политическая практика убедительно демонстрирует то, что дихотомия решение – исполнение является искусственной, когда речь идет об администрации. «Исполнение» является наложением и/или добавлением других решений, которые могли таковыми не восприниматься при принятии того или иного конкретного решения. Причем они могут быть неформализованными и даже не легитимными, в итоге чего изначальное решение может изменяться весьма существенно. Исполнение является решением, «продолженным другими средствами», в том числе и с другими лицами.

Наконец, администрации как инструмент и выражение непрерывности существования и деятельности государства имеют, что называется, «врожденный» интерес осуществления и продолжения начатой властями политики. Институциональная и структурная инерция подтверждает, что начатая политика имеет все основания для своего продолжения и реализации. В этом процессе принимают участие целый ряд элементов: статусные гарантии персонала, бюджетная поддержка предложенной политики, соперничество между структурами администрации, многообразное давление в сетях публичной политики клиентелы и т. д.

Применительно к администрации действует принцип непрерывности деятельности государства, в рамках которого администрация играет, что называется, обслуживающую роль, но одновременно она является и своеобразной «хозяйкой» государства. Несмотря на многочисленные заявления о подчиненности администрации политике, многочисленные факты свидетельствуют о том, что сила администрации не должна недооцениваться. Эта сила берет истоки в том, что политики имеют ограниченное поле для маневра (политического, финансового, психологического) в деле реализации своих программ, в разрешении тех трудностей, которые возникают в ориентации и целеполагании деятельности огромного государственного аппарата, в способности чиновников объединяться в мощные группы давления. Чиновники, как известно, могут весьма эффективно сопротивляться решениям правительства и, более

того — навязывать свое собственное видение проблем и путей их решения.

И еще об одном. Существуют большие различия между администрациями государств, что определяется прежде всего спецификой исторического развития той или иной страны. И тем не менее появляется все больше общего в структуре и деятельности администраций. Более того, администрации развитых стран сталкиваются с однотипными проблемами в своей деятельности и стремятся отыскать, в том числе на пути совместных действий, оптимальные ответы на встающие перед ними проблемы. Политологи говорят, что в последние десятилетия возник «рынок» административных реформ, в рамках которого осуществляется обмен инновациями в подходах к структурам, методам и менеджмента в администрациях. Привычными стали понятия национальных школ администрации, омбудсмана или независимых комиссий, доступность к административным или техническим документам в деле борьбы с терроризмом и т. д. В указанном рынке все более активное участие принимает и Россия.

11.1. Структуры администрации

В любой демократической стране на современном этапе исторического развития комплексный характер и единство администрации, что отстаивал в своих работах М. Вебер, оказываются мифом. Несмотря на отчетливо выраженное стремление правящих кругов к рационализации деятельности администрации, на их многочисленные заявления о необходимости борьбы с бюрократизацией и проведение, подчас, весьма радикальных реформ, масштабы бюрократии не перестают возрастать. Для того чтобы проводить сравнительный анализ администраций, необходимо разделить ее на три части: центральные администрации, периферические администрации (деконцентрированные или децентрализованные) и автономные, или специализированные, администрации.

11.1.1. Центральные администрации

Центральные администрации — это такие структуры, которые подчиняются тому или иному министру. Это могут быть, к примеру, министерства или департаменты. Однако

требуется сразу же внести следующее уточнение. В США, как показывает историческое развитие, крайне трудно создать новое министерство. Не случайно, по данным на 1987 г., в стране было всего лишь 13 министерств. Причем пять из них были созданы после 1953 г. А потому в рамках федеральной американской администрации в последние годы появляются разного рода структуры, например, агентства, которые, по сути, являют собой министерства. Подобная практика характерна и для ряда других стран: под разными названиями создаются структуры, которые выполняют в реальности функции, свойственные министерствам.

Министерства в любой стране организуются иерархически и пирамидально. И каждая их структур получает определенное название. Это могут быть бюро, дирекции, подразделения и т. п. Конечно, при проведении сравнительного анализа администрации и ее структур необходимо учитывать тот факт, что при всей внешней и организационной схожести объектов изучения между ними существуют, как правило, глубокие различия. Назовем хотя бы некоторые из них. Руководство некоторыми министерствами осуществляется одним лицом — министром, который выполняет одновременно функции политического руководителя и администратора. В некоторых случаях, например, когда министерство является достаточно большим по своим размерам или когда оно выполняет важную политическую функцию, административные и политические функции могут исполнять несколько человек с различным статусом. При всем том, что один из них обладает несомненным первенством в обладании полномочиями перед лицом других руководителей, управление им министерством весьма существенно отличается от примера «полноценного» министра, приведенного нами выше.

Во-вторых, коммуникация между политическим и административным руководством может осуществляться в одних случаях, что называется напрямую, без посредников, в других — при помощи специальных структур политической природы — кабинетов.

В первом из двух названных нами подходов министр имеет прямые контакты с чиновниками своего ведомства. Но и здесь существуют немалые различия в разных странах. Так, министр в Великобритании не обладает правами назначения своих подчиненных. Его задача (она бывает не такой уж простой) — найти деловой контакт с чинов-

никами. Другая практика сложилась в США и Германии. В этих странах министры назначают в соответствии со своими политическими предпочтениями основных чиновников министерства. Во Франции и Италии взаимодействие министра, администрации, парламента и групп интересов осуществляется при помощи кабинета министра, который является политическим органом в силу идеологической близости между его членами и министром. Политический характер кабинета определяется и тем, что его члены в своей массе представляют собой выходцев из высшей администрации. Особенностью указанного института является то, что он несет на себе печать исторического сложившегося недоверия политиков в отношении администрации, которую подозревают в том, что она деформирует или просто не исполняет директивы министра.

Третье различие, или организационное отличие, — это присутствие (или отсутствие) во главе администрации министерства специального лица, подчиняющегося министру, ответственного за координацию деятельности различных структур министерства, подготовку решений министерства и их осуществление и т. д. Там, где такой пост существует, обладатели этого поста пользуются большим влиянием, которое строится, с одной стороны, на доверии министра, а с другой — на административном опыте указанного лица. Но есть и опасность, что руководитель аппарата министра может приобретать слишком большое влияние, подчас, даже большее, чем влияние самого министра. Именно поэтому в годы V-й Республики во Франции, по сути дела, все министерства, за исключением министерства иностранных дел, освободились от должности генерального секретаря. Генеральные секретариаты сохранены и в министерствах иностранных дел и обороны Италии.

Еще один момент, который следует учитывать при проведении сравнительного анализа, связан с размерами аппарата министерств. Как правило, в большинстве стран огромных масштабов достигают министерства обороны и образования. Так, в США только гражданский персонал министерства обороны насчитывает более одного миллиона человек, или 35 % всех федеральных служащих. В Италии и во Франции самыми многочисленными являются министерства образования, где сосредоточены половина (Италия) и треть (Франция) всех чиновников центральных аппаратов. Есть все основания говорить, что численность

чиновников является важным индикатором как распределения функций в центральном аппарате, так и значимости децентрализации его функций. Если, к примеру, сравнить структуры министерств образования США и Франции, то выявляется известная близость между ними. Но за этой близостью обнаруживается весьма расходящаяся социальная и политическая реальность в этих странах. О чем идет речь? Несколько тысяч американских федеральных чиновников играют маргинальную роль в руководстве системой образования, тогда как их аналоги во Франции осуществляют по-настоящему руководство образовательным процессом, издавая соответствующие документы и реально осуществляя политику, затрагивающую свыше миллиона служащих и около 12 млн учащихся всех уровней.

Вот почему функциональное и географическое распределение компетенций, существенно различающееся в разных странах, делают сравнение центральных аппаратов весьма трудным делом. И даже статистические данные нуждаются в осторожной интерпретации. Приведем пример. Численность федеральных служащих в США (около 3 млн) почти равна численности французских чиновников; она на треть выше, чем численность чиновников в Италии; она в 10 раз превышает численность государственных служащих федерального уровня в Германии и в 6 раз — численность британской гражданской службы. Но за этими, кажущимися на первый взгляд ясными и убедительными цифрами скрывается существенное различие в статистическом учете: США, Германия и Великобритания не включают в приведенные выше цифры учителей, а Франция, наоборот, учитывает статистику этой многочисленной группы служащих. Единственное достоинство такой статистики заключается в том, что она позволяет определить индикатор способа организации администрации.

11.1.2. Периферийные администрации

Существует немало вариантов распределения задач политического управления между центральной и периферийной администрациями, которые существуют в различных странах. В политической науке различают три варианта организационного решения указанной проблемы. Их можно определить следующим образом: иерархический вариант, прототипом которого является, к примеру,

Франция; децентрализованный вариант, который получил распространение, хотя и в различающихся между собой версиях, в Великобритании и Германии; эгалитаристский вариант, согласно которому осуществление политики проводится на определенных конституцией уровнях. Примером в этом случае могут быть США.

Иерархический вариант

Как было показано выше, указанный вариант периферийной организации получил распространение во Франции, где сложилась почти военная организация властных отношений, где любое распоряжение центральной власти «спускается вниз» при помощи специальных агентов, подчиненных непосредственно центру. Такая модель сложилась и в некоторых других странах. Речь идет, к примеру, о Бельгии, Италии или Испании в те или иные моменты их исторического развития. В центре местной администрации находится фигура префекта, которую можно рассматривать как своеобразную эмблему централизованной администрации. Правда, нужно сказать, что ни Франция, ни Италия в полной мере не отвечают предложенному нами теоретическому описанию. В Италии, например, префекты никогда не обладали ни силой, ни влиянием префектов во Франции, что объясняется слабостью внешних служб итальянского государства. Показательно, что в послевоенные годы итальянские префекты не смогли противостоять развитию демократии в стране и значительному усилению влияния политических партий. Именно партии, как известно, стали посредниками между центром и периферией¹.

Власть префекта во Франции является значительной, но не настолько авторитарной и иерархической, как может показаться на первый взгляд. Она испытывает на себе значительное влияние нотаблей. Более того, в ее основе лежит неизбежный во французских условиях компромисс между префектом и нотаблями². При этом исследователи отмечают, что одной из отличительных особенностей французского государства является то, что оно издавна имеет развитые

¹ Cf. Tarrow S. *Between Center and Periphery: Grassroots Politics in France and in Italy*. Newhaven, 1977.

² Worms J.-P. *Le préfet et ses notables // Sociologie du travail*. 1965. № 3; Im T. *Le préfet dans la décentralisation*. P., 1998.

внешние службы, которые призваны не только проводить в жизнь политику государства, но и активно влиять на осуществление местной политики.

Децентрализованный вариант

Существо такого варианта организации местной администрации заключается в том, что децентрализованные местные администрации наделяются полномочиями в проведении как централизованной (читай: государственной) политики, так и политики местной. Нужно сказать, что такой вариант отношений между центральной и местной администрациями не исключает наличия внешних служб государства на местах. Не случайно, что в Великобритании до трех четвертей чиновников гражданской службы работают далеко за пределами Лондона. То же самое можно сказать и о Германии, где множество чиновников отправляют свои функции за пределами столицы.

Нужно учитывать, что в конечном счете реальными полномочиями по осуществлению политики центра наделяются и в Великобритании, и в Германии именно местные администрации. А чтобы эта задача решалась адекватно, в обеих этих странах созданы специальные структуры, которые осуществляют иерархический контроль над деятельностью местных администраций. Правда, подходы в обоих указанных нами случаях различаются. Главное различие заключается в том, что местные власти в Великобритании имеют очень незначительный маневр в автономности своего действия, тогда как в Германии Земли обладают существенными, в том числе и законодательными, функциями в проведении политики центра.

Эгалитаристский вариант

Такой вариант, как было сказано, утвердился в США. В этой стране и федеральный центр, и штаты участвуют в реализации политики на основе четко прописанных полномочий. В 70-е гг. прошлого столетия в США нарастало влияние федерального центра по многим линиям. Однако параллельно развивались и внешние службы центральной администрации, которые активно сотрудничали с администрациями штатов. Показательно, что почти 9 из 10 федеральных служащих работают за пределами Вашингтона.

На практике разделение задач между центральным (федеральным) уровнем и местными администрациями получает свое выражение в том, что значение деятельности администрации штатов существенно возрастает. И тем не менее федеральные чиновники призваны осуществлять политику центра, тогда как государственные чиновники, работающие в штатах, и местные чиновники реализуют политику на местах.

11.1.3. Специализированные администрации

При проведении сравнительного анализа администраций не следует ограничиваться только учетом такого фактора, как единство административного аппарата. Напротив, для него характерно наличие различных институтов, в том числе и действующих на параллельных курсах. А их вмешательство в процесс управления и организации существенно отличаются друг от друга. Это объясняется тем, что в связи с усложнением и специализацией задач по управлению общественными и политическими процессами перед каждой из структур администрации встает задача специализации своей деятельности. Это с одной стороны. А с другой — сам масштаб административной машины современного государства таков, что власти вынуждены ее дробить, в том числе и на основах создания, как мы сказали, параллельных структур. К сказанному следует добавить и то, что в процессе преобразования администрации сказывается влияние и политического фактора: как правительство, так и местная администрация стремятся иметь в своем распоряжении такие органы, которые отвечали бы и политическим целям и интересам.

Политологи различают три основных типа специализированных администраций: структуры, связанные с регламентацией деятельности контролем; структуры, ответственные за управление публичными службами; и наконец, предприятия, принадлежащие публичным актерам.

Органы регламентации и контроля

Наибольшее распространение такого рода автономные органы администрации получили в США, которые иногда называют «четвертной ветвью правительства без дирекции» (*Headless fourth branch*), которые получили наименование

Независимых комиссий по регулированию (*Independent Regulatory Commissions*). Среди этих комиссий особое положение занимают следующие восемь комиссий: Гражданской авиации (*Civil Aeronautics Boards*), которая была ликвидирована в 1978 г.; Комиссия по торговле (*Interstate Commerce Commission*) (1987); Федеральная морская комиссия (*Federal Maritime Commission*) (1916); Федеральная комиссия по торговле (*Federal Trade Commission*) (1914); Федеральная резервная система (*Federal Reserve Board*) (1913); Федеральная энергетическая комиссия (*Federal Power Commission*) (1920); Федеральная комиссия по коммуникации (*Federal Communications Commission*) (1934); Комиссия по безопасности и обмену (*Securities and exchange Commission*) (1934); Национальная комиссия по трудовым отношениям (*National Labor Relations Boards*) (1935). Во главе этих комиссий находятся комиссары, которые назначаются на различные сроки без права их продления. При назначении руководителей указанных комиссий существенное влияние оказывают как президент страны, так и Сенат. При этом как руководители комиссий, так и их члены являются независимыми как от исполнительной, так и от законодательной власти страны.

Относительная деполитизированность американских органов регламентации вызвала в свое время живой интерес в ряде европейских стран. Так, во Франции появился ряд комиссий по образцу и подобию комиссий в США, хотя и менее автономных и менее сильных. К числу таких комиссий относятся Комиссия по операциям на бирже, Совет по конкуренции, Национальная комиссия по информатике и свободам, Комиссия по административным документам и т. д.¹

В Великобритании комиссии, обладающие или регламентной властью, или властью консультативной, играют существенную роль в регулировании рынка и контроле над секторами национализированной экономики (телекоммуникаций, энергетики, транспорта и т. д.). К их числу относятся, например, комиссии гражданской авиации, расового равенства и т. п., а также Комитет университетских грантов, Совет по научным исследованиям, Совет по искусству и т. д.

В Германии также в последние десятилетия создаются подобного рода комиссии. Например, значительными

¹ Cf. Colliard C.-A., Nimsit G. (dir.) *Les autorités administratives indépendantes*. P., 1988.

полномочиями наделена комиссия, которая занимается регулированием конкуренции и концентрации производства. В Италии также стали создаваться в последние годы структуры, предназначение которых заключается в регламентировании ряда областей деятельности, например, деятельности бирж. В 1990 г. в Италии были приняты важные законы, в числе которых следует выделить закон о гарантиях деятельности аудиовизуальных средств, а также антитрестовский закон. Это вызвало к жизни появление ряда специальных органов, которые регулируют все, что связано с выполнением указанных законов.

Органы управления службами

Если органы регламентации и контроля создаются на национальном или федеральном уровнях, то органы управления теми или иными службами находятся на различных уровнях администрации. Как отмечают специалисты, существует лишь приблизительная статистика в отношении таких органов. Эта статистика выглядит следующим образом: численность публичных учреждений такого рода во Франции оценивается в несколько тысяч, в Италии — около 40 000, в Великобритании — только на национальном уровне — около 500¹. В США существует несколько сот федеральных агентств, в числе которых около 50 агентств не зависят от исполнительной власти.

Рост числа административных органов сопровождается увеличением их организационного и статусного разнообразия. Особенно это характерно для Великобритании, где с начала 90-х гг. прошлого столетия осуществляется специальная программа (*Next Steps*), на основе которой происходит неуклонная сегментация центральной администрации на автономные службы, которые управляются менеджерами, несущими ответственность за расходование финансовых средств и результаты деятельности служб.

Нужно сказать, что автономность агентств, их независимость от центральной администрации существенно отличается друг от друга. Это определяется рядом факторов: условиями создания, источником ресурсов, выполняемыми задачами, а также способностью руководителей добиваться от властей независимости своих служб.

¹ Mény Y., Surel Y. Op. cit. P. 356 — 357.

11.1.4. Администрация и производственная деятельность

подавляющее большинство современных государств обладает немалым публичным сектором в экономике. Экономическая деятельность этого сектора занимает важное место в деятельности администрации.

Строго говоря, публичный сектор не является частью администрации, тем более что проблемы, способ управления этим сектором и статус его персонала существенно отличаются от того, что присуще классической администрации. И потому на первый взгляд было бы справедливо исключить из администрации национализированные или находящиеся под контролем национальных или местных публичных служб предприятия.

В подходе к указанному вопросу не существуют единообразия. Так, в Великобритании работники публичного сектора экономики не обладают правами и гарантиями государственных служащих. Во Франции и Италии все выглядит с точностью до наоборот. Добавим. Отличие между деятельностью служб и производственной деятельностью становится все менее выраженным, если учесть развитие так называемого третичного сектора экономики и растущей связи между производственной деятельностью и деятельностью в рамках разного рода служб. Получается так, что положение агента, например, государственного предприятия и чиновника национального или местного уровня администрации становится все более схожим. Нужно учитывать и еще одно обстоятельство: наибольшим сходством с государственными служащими и близостью к администрации, как правило, обладают представители тех предприятий или фирм, которые приобрели статус национальных предприятий уже давно. Пример тому — железные дороги во Франции. Вновь создающиеся предприятия такой близости к администрации, а значит и такого статуса, который есть, например, у работников железных дорог во Франции, не имеют.

При проведении сравнительного анализа и в этом вопросе необходимо учитывать тот факт, что размеры государственного, или национализированного сектора, существенно различаются в разных странах. Как известно, публичный сектор экономики достигает значительных размеров в таких странах, как Великобритания, Франция и Италия, однако его масштабы весьма скромны в США или Германии.

В Великобритании, Франции и Италии в публичный производственный сектор, помимо военных arsenалов, почт и железных дорог, т. е. отраслей, куда впервые было осуществлено вмешательство государства, входят службы радио- и телевидения, электроренергетика, банки, автомобильная, угольная, металлургическая промышленность, авиационный транспорт и т. д. В Италии государственным вмешательством отмечены ряд отраслей, истоки которого относятся ко времени правления Муссолини.

Нужно сказать, что в последние 2—3 десятилетия во многих странах набирает силу обратный по своей направленности процесс: во многих странах усиливается движение к приватизации государственных предприятий. Это процесс инициировала в годы своего правления М. Тэтчер, которая смогла провести масштабную приватизацию национализированных предприятий в ряде секторов экономики. Приватизация развивается и в ряде других стран, правда, масштабы ее пока несравнимы с Великобританией.

11.2. Публичная функция администрации

Развитие современной бюрократии характеризуется утверждением легально-рациональной основы в ее деятельности, в рамках которой рекрутирование чиновников, их профессиональная подготовка опираются на собственные правила. Такой способ организации бюрократии во Франции, например, возник еще в годы Французской революции, когда революционная власть предприняла попытку, опираясь на монархическое наследие, модернизировать администрацию и придать ей некую новую легитимность. Подобную попытку предпринимала и Пруссия, проводя «революцию сверху», после военного поражения от Наполеона. Реорганизация администрации в США, Италии и Великобритании происходила позднее, что, кстати, способствовало тому, что в этих странах были достигнуты большие успехи в деле борьбы с коррупцией, клиентелизмом и политическим контролем над администрацией.

В Великобритании, например, основы в деятельности нынешней администрации были заложены реформой 1855 г., в соответствие с которой были сформулированы основные принципы деятельности администрации, действующие вплоть до наших дней. Подобные решения в США были приняты в 1883 г., а в Италии — в 1908 г.

И тем не менее основные принципы, на которых основывается рекрутирование, профессиональная подготовка и карьера чиновников во многом схожи в странах Запада: рекрутирование носит меритократический характер, чиновники имеют вполне определенный статус, могут рассчитывать на карьерный рост, а также наделены законодательно закрепленными правами и обязанностями. Это не означает, однако, что между национальными администрациями нет различий. Эти различия коренятся в концепциях права и государства, в историческом развитии каждой из стран, в понимании самого феномена «чиновник», в организации публичной службы, в тех взаимоотношениях, которые эти службы имеют с верхами того или иного государства.

При проведении сравнительного анализа публичной службы одной из первых задач компаративиста является выяснение ее масштаба с точки зрения численности чиновников. Существо различий в этом вопросе выявляется, например, в том, что во Франции публичная служба охватывает, по сути дела, всех чиновников как национального, так и местного уровней. В других же странах подход несколько отличается. Так, в США и Германии как в федеративных государствах такой, назовем ее «объединенной», статистики не существует. Подобное же можно сказать и о Великобритании, где указанная статистика учитывает только чиновников центра.

К сказанному нужно добавить и то, что ситуация так называемых чиновников местного уровня, как правило, существенно отличается от тех, кто относится к уровню центра или федеральному уровню. При этом следует учитывать и то, что чиновники одного и того же уровня, например центра, имеют различающийся статус: наряду со статусными служащими существуют и такие, которые работают на условиях контракта, да к тому же различающимися по своему социальному положению (рабочий, служащий и т. д.). Так, в Германии вся публичная служба может быть поделена на три категории: чиновники в полном смысле этого слова, служащие и рабочие. В Великобритании также примерно треть Гражданской службы представлена промышленными рабочими.

И наконец, несмотря на существенные различия в публичных службах западных стран, компаративисту необходимо учитывать соотношение публичного и частного начал в правовых основах административного управления. Так, в

странах Европы чиновники обладают конституционными и статусными гарантиями, которые закрепляются публичным правом. В США и Великобритании, наоборот, получили распространение правила и процедуры, присущие частному сектору. Речь в данном случае идет о контрактной форме отношений в рамках публичного сектора. Однако следует избегать огульного противопоставления указанных подходов. Как в европейских странах, так и в англосаксонском мире осуществляется заимствование элементов организации деятельности публичной службы друг у друга.

11.2.1. Рекрутирование чиновников

Под рекрутированием в политической науке понимается пополнение бюрократического аппарата новыми людьми. В подавляющем большинстве демократических стран для этого используется меритократический принцип (*Merit System*), который предполагает введение того или иного лица в административный аппарат, как, впрочем, и его карьеру в нем осуществлять на основе проведения конкурса претендентов. Во Франции и Великобритании, например, соискатели должностей проходят через целую серию тестов, экзаменов и собеседований. При этом особое внимание уделяется знаниям претендентов на должности в области права. Профессор Г.В. Голосов приводит один из примеров проведения таких конкурсов в Великобритании в конце 70-х гг. Общее количество соискателей тогда составляло 1812. Лишь только 415 из них с успехом прошли первый этап конкурса — серию письменных тестов на понимание, вербальные способности и способность интерпретировать статистические данные. Их ждал второй этап — изнурительные два дня собеседований, контрольных работ и дискуссий, по итогам которых каждый из участников получал серию оценок от А-1 («отлично») до Е («не подходит») по таким параметрам, как проницательность, зрелость, контактность, целеустремленность, эмоциональная устойчивость и т. д. Соискатели, заслужившие оценки «посредственно» и выше, допускались к третьему этапу — собеседованию со специальной комиссией. В конце концов, 165 претендентам была предложена работа, причем согласились на эти предложения лишь 116 человек.

В Германии подобного рода испытания носят во многом формальный характер. Здесь большое значение придается

прохождению соискателем должности специального обучения на разного рода курсах. Используются также тесты и собеседования с претендентами¹.

Система рекрутирования кадров чиновников в различных странах имеет и немало исключений, в соответствии с которыми значительное число должностей занимается, по сути, без проведения конкурсов. Этим отличается практика рекрутирования, например, во Франции и Италии. В США, где профессия чиновника не так престижна, как в Западной Европе, как правило, не используются жесткие методы отбора среди претендентов на посты публичной службы.

Еще одно отличие в деле рекрутирования кадров чиновников связано с характером процедуры отбора. В Италии и Германии рекрутирование чиновников осуществляется министерствами (или специализированными публичными организациями), которые руководствуются собственными потребностями. Во Франции рекрутирование носит более централизованный характер. Это особенно наглядно проявляется при проведении конкурсов при поступлении в Национальную административную школу (ЭНА) или региональные административные институты (ИРА), где первенствует межминистерский подход в требованиях к будущим воспитанникам этих престижных учреждений. Наибольшая централизация процесса рекрутирования характерна для Великобритании. Этот процесс осуществляется под руководством специальной комиссии гражданской службы. Большая часть персонала чиновников публичной службы США рекрутируется специальным ведомством, занимающимся персоналом менеджмента. Остальные же проходят сито отбора тех администраций, которые нуждаются в кадрах чиновников. К числу таких служб относятся: Федеральное бюро расследований и Центральное разведывательное управление, Государственный департамент, Почта, Здравоохранение и некоторые другие службы.

В-третьих, рекрутирование публичной службы имеет либо закрытый, либо открытый характер. Правда, только публичная служба США является по-настоящему открытой, что создает благоприятные условия для попадания в систему публичной службы представителей делового мира или политиков. Совсем иная практика характерна, например, для Германии, Италии и Великобритании, где процесс рек-

¹ См.: *Голосов Г.В.* Указ. соч. С. 318–319.

рутирования носит «закрытый» характер. Это означает, что он осуществляется путем отбора из числа претендентов, находящихся уже на службе государства.

11.2.2. Профессиональная подготовка чиновников

Обычно среди всей совокупности чиновников публичной службы выделяют две крупных категории: к одной из них относят тех, кто выполняет общие функции, связанные с принятием решений и управленческой деятельностью, к другой — относят специалистов. Первая категория чиновников является более многочисленной и выполняет наиболее традиционные задачи, стоящие перед администрацией. Именно в рекрутировании этой группы применяются конкурсы. Однако внутри этой группы, в свою очередь, выделяют еще две разновидности специалистов такого толка. В Германии, Италии или Франции представители традиционной группы чиновников имеют, как правило, юридическое образование, а в Великобритании же предпочтение отдается тем, кто имеет гуманитарное образование. Не удивительно, что рекрутирование по-английски вызывало и вызывает критику за то, что в среде чиновников указанной группы ощущается нехватка подлинных профессионалов¹. В Италии, в свою очередь, нередко публичная служба подвергается критике за то, что она формируется преимущественно из юристов, что является источником неэффективности административного управления².

Такая постановка вопроса нуждается в некотором уточнении. Прежде всего необходимо учитывать, что в Великобритании или Германии основная часть чиновников, обладающих техническими знаниями, сосредоточена в структурах местного уровня администрации. К тому же, к примеру, в Германии широко используются возможности доквалификации или переквалификации тех чиновников, чья профессиональная подготовка не отвечает требованиям выполняемой функции в публичной службе. Во Франции используется «прицельная» подготовка будущих работников публичной службы в престижных административных школах, о которых мы говорили выше, и в ряде ведущих университетов страны. Подобный подход широко используется и в США.

¹ Cf. Charlot C. L'énarchie a l'anglaise. Lille, 1989.

² Cf. Cassese S. Il sistema amministrativo italiano. Il Milano, 1983.

Нужно сказать, что французский опыт подготовки не имеет себе равных в других странах, где нет аналогов Национальной административной школы и региональных институтов администрации. В большинстве стран упор в подготовке кадров делается на университеты.

11.2.3. Карьера

В отличие от частного сектора чиновники публичной службы имеют достаточно определенные перспективы в своей карьере. В этой связи встают по крайней мере три основных вопроса: какой метод используется в организации карьеры чиновника? Какова степень вертикальной и горизонтальной мобильности чиновников публичной службы? Каковы права и гарантии чиновников?

Один из ключевых вопросов — это соотношение между требованиями поста и возрастом. В большинстве стран континентальной Европы чиновники по мере обретения опыта работы наделяются гарантиями продвижения по службе, которые обеспечиваются специальными советами или комитетами, обеспечивающими контроль над продвижением чиновников по карьерной лестнице. Эти структуры, как правило, сами являются частью публичной службы.

Высшие чиновники продвигаются по службе не столько в силу достижения того или иного возраста, сколько в силу тех профессиональных достоинств, которыми он обладает. Так, к примеру, в Великобритании уже с самого начала своей карьеры наибольшие шансы на продвижение имеют выпускники Оксфорда, Кембриджа и других престижных университетов. Однако в последующем темпы продвижения чиновников замедляются. И на высокие посты попадают в основном люди в возрасте около 50 лет. Подобная картина характерна и для Германии. Изменить ситуацию с таким замедленным темпом продвижения могут только политические соображения: приход к власти политической партии, поддержкой которой пользуется тот или иной чиновник, может ускорить продвижение по службе.

Проблема вертикальной и горизонтальной мобильности частично связана с вопросом достоинств претендентов на посты. Очевидно, что стимулы мобильности не очень велики, если основывать ее на учете только возрастного фактора. Вертикальная мобильность во Франции, а также

в Италии после 1980 г., обеспечивается на основе конкурсов. В Великобритании созданы также условия для того, чтобы наиболее квалифицированные чиновники имели бы возможность продвижения по службе.

Горизонтальная мобильность пока не получила широкого развития. Исследование, проведенное еще в 70-е гг. прошлого столетия, показало, что три четверти высших чиновников делали свою карьеру в одном и том же департаменте. То же самое характерно и для многих других стран. Во Франции, как показывают исследования, карьера чиновника осуществляется в одном и том же министерстве.

Относительный иммобилизм чиновников (за исключением, может быть, только Франции) исправляется, хотя бы частично, мобильностью между национальной и местной администрациями. Это особенно распространено в Германии, но крайне редко проявляется во Франции, а также в США, Великобритании и Италии. Что касается мобильности между административными, политическими и экономическими секторами, то она характерна для США и Франции, реже имеет место в Германии, и почти не существует в Италии и Великобритании.

11.2.4. Права и обязанности чиновников

Права и обязанности чиновников определены конституциями и законами в каждой из демократических стран.

Основные права чиновников относятся к разным по своему значению порядкам. Прежде всего права чиновников связаны с гарантией занятости. В ряде стран (Франция, Италия, Германия) гарантия занятости для чиновников почти полная. Это связано с тем, что трудовые отношения чиновников строятся на долговременной основе. В Европе пока не получили широкого распространения трудовые отношения, основанные на контракте, что характерно, например, для США. Правда, в этой стране еще в начале прошлого столетия на федеральном уровне (*Lloyd-la Folette Act*, от 1912 г.), а потом на уровне штатов были приняты решения, согласно которым ограничивались возможности администрации в сокращении рабочих мест чиновников. Однако эти решения не действуют в случае устранения поста из экономических соображений. Известно, например, что множество чиновников Нью-Йорка были уволены, когда разразился финансовый кризис в городе. Более

того, федеральные и местные власти США не колеблются в принятии решений об увольнении чиновников в случаях, когда не выполняются обязательства по договору. Пример тому — увольнение 13 000 авиадиспетчеров в 1981 г., когда они объявили незаконную забастовку.

Профсоюзные или политические права чиновников, как правило, согласуются с господствующей этикой и концепцией публичной службы в каждой стране. Так, право на участие в профсоюзной деятельности, по сути дела, признается в большинстве стран. При этом уровень синдикализации среди чиновников бывает выше, чем в среднем по стране. Например, во Франции членами профсоюза является треть всех чиновников, в Германии этот показатель составляет примерно 45 %, в Великобритании, Италии и США — от 50 до 60 %. Правда, существуют и некоторые ограничения в профсоюзной деятельности: не во всех странах представители, например, полиции, армии, секретных служб могут участвовать в профсоюзной жизни, в некоторых случаях ограничениям подлежат отдельные коллективные действия.

К числу такого рода ограничений относятся забастовки. Прав на забастовку лишены немецкие чиновники, американские федеральные служащие. В большинстве стран в забастовках не могут принимать участие службы безопасности государства и полиции. Однако чиновники публичной службы обладают немалыми возможностями лоббирования своих интересов в других формах действий.

Политические права служащих государства обладают гарантией в Германии, Франции и Италии. Чиновники публичной службы имеют право членства в политических партиях и участия в избирательных кампаниях. В то же время политические права чиновников подвержены существенным ограничениям в США и Великобритании. Примерно 200 000 чиновников центральной администрации Великобритании запрещено участие в политической жизни страны. Правда, они могут принимать участие в политической жизни на местах, но только с разрешения министерства. В США чиновники не могут принимать активное участие в избирательных кампаниях и в руководстве политических партий. Выбор прост: нужно или покинуть публичную службу, или отказаться от активного участия в политической жизни.

Наряду с правами чиновники имеют и значительные обязательства. Среди этих обязательств назовем лояльность

чиновника по отношению к государству. В большинстве стран в той или иной форме законодательно закреплена обязанность чиновника служить государству, нации, но не партии, находящейся у власти. В то же время во Франции, Италии или Германии накладываются определенные ограничения в вопросе политического выражения государственных служащих. Они, что называется, обречены на идеологический конформизм. Значительно строже в этом вопросе выглядит ситуация для чиновников в США и Великобритании. Здесь чиновники со времен «холодной войны» приносят клятву в том, что они не являются ни коммунистами, ни нацистами и что они не стремятся свергнуть правительство США, например при помощи насилия. Значительным ограничениям подвержены и чиновники в Великобритании. Здесь вплоть до 1985 г. правительство по решению комиссии, состоявшей из трех человек, могло отстранить от должности любого чиновника, чья деятельность расценивалась в качестве наносящей ущерб безопасности государства. К их числу относились члены коммунистической или нацистской партии. В 1985 г. М. Тэтчер распространила это правило на всех чиновников публичной службы, т. е. за пределы Гражданской службы.

Второе ограничение в деятельности чиновников публичной службы связано с выражением их мнения не только в области политики, но и в области функционирования той или иной службы или администрации в целом. Речь идет о том, что в своих высказываниях, например, чиновник должен не выходить за определенные пределы, а также сохранять секреты. Такого рода ограничения получили широкое распространение в Великобритании и США.

11.3. Чиновники и политика

Буквально все либеральные демократии исходят из признания первенства политики, принципа большинства, уважения оппозиции при условии проведения свободных и конкурентных выборов. Из этого вытекает, что администрация находится на службе политической власти в силу того, что она представляет волю народа. В то же время администрация должна действовать на основе принципа равенства граждан и неделимости администрации. Тут проявляется первое противоречие между *принципами представительного правления* (большинство осуществляет свою программу

при помощи администрации, которая, вне зависимости от ее статуса, должна действовать на основе ориентаций и политических выборов правительства) и *принципами либерализма*, в соответствии с которыми сама идея равенства граждан исключает возможность такой деятельности администрации. Разрешение такого противоречия в каждой из стран осуществляется по-своему, на основе, например, концепции нейтралитета администрации, ее лояльности и т. п. Однако в любой стране общее направление политики задается правительством той политической силы, которая победила на выборах, но ее практическое осуществление не может не испытывать влияния администрации.

При проведении сравнительного анализа администраций особое место занимают вопросы, связанные с социологической и политической характеристикой правящих элит, включая и представителей администрации, особенно на ее верхних этажах. Понятно, что изучение административной элиты позволяет выявлять те отношения, которые связывают элиту с проводимой в стране политикой, осмысливать расхождение между провозглашаемыми принципами (нейтралитет, независимость и т. д.) и реальным положением дел. Отношения между политикой и администрацией могут быть осмыслены на основе изучения способностей каждой из групп элиты влиять на другие группы, чего не позволяет абстрактный и формальный анализ норм, регулирующих отношения между этими группами. Добавим: такой анализ позволяет рассматривать отношение независимость – подчинение в реальной практике демократических стран.

11.3.1. Соблазн изоляции

Можно сказать, повсеместно, хотя и в разных формах, демократические страны в те или иные периоды предпринимали усилия разделения политики и администрации. Даже утверждение о том, что чиновник является политизированным лицом или политиком, редко когда вызывало положительную реакцию. Просто негативную реакцию в демократических обществах вызывает бюрократический характер некоторых функций администрации. Такое настороженное отношение общественности в отношении чиновников и их деятельности нельзя не учитывать и при проведении сравнительного анализа.

При выявлении отношений между политикой и бюрократией нельзя упускать из виду исторический аспект становления такого рода отношений. Взяв, скажем, пример Великобритании. В этой стране процесс демократизации общественной жизни опередил становление администрации. Уже в начале XIX в. в Великобритании утвердились почти все основные черты либеральной демократии, тогда как администрация находилась в эмбриональном состоянии. Как таковая, она складывается к 1854 г. При этом изначально британские чиновники ориентировались на осуществление своей карьеры в длительной перспективе, вплоть до достижения пенсионного возраста. Сама эта карьера, ее темп зависели от решений специального органа, который действовал под непосредственным руководством главы гражданской службы. Не удивительно, что на высшие посты администрации даже очень способные чиновники попадали в зрелом возрасте. А потому Р. Роуз отмечал: «Чиновники видят свою карьеру в длительной перспективе, а потому всякая попытка использовать свои политические связи для получения краткосрочных выгод подвергают опасности их перспективу будущего продвижения по службе»¹.

Взаимная изоляция политики и администрации, несмотря на тесное и непрерывное сотрудничество между ними, накладывает на чиновников некие обязательства. Они связаны с тем, что они не могут заниматься политической или профсоюзной деятельностью. Это предполагает, например, что, в случае выдвижения своей кандидатуры на выборы, чиновник должен подать прошение об отставке. Не удивительно, что среди членов палаты общин нет чиновников. А бывших чиновников — единицы.

Совсем иной исторический, политический и социальный контекст определяет разделение чиновников и политики в Италии. В Великобритании, как мы только что отметили, разделение чиновников и политики осуществляется на уровне статуса и выражается в заключении контрактов. При этом британские чиновники играют чрезвычайно важную роль в выработке конкретной политики и принятии решений. Известная изоляция высших чиновников в Италии является следствием их слабого влияния на процесс принятия решений и их стремления вмешиваться политически в этот процесс.

¹ Rose R. The Political Status of Higher Civil Servant in Britain // Suleiman E. (dir.) Bureaucrats and Policy Making. London, 1984. P. 151.

Итальянская администрация была образована после объединения страны по образу и подобию администрации Франции времен Наполеона. И первые высшие чиновники (префекты, послы) были выходцами с Севера страны, представляя буржуазию и пьемонтскую аристократию. Однако постепенно такая политическая и почти колониальная администрация уступала свое место «меритократической» администрации, которая вбирала в себя все больше выходцев с Юга страны. Либералы и марксисты были едины в своем диагнозе: объединение должно осуществляться за счет интеграции интеллектуальной мелкой буржуазии Юга в составе администрации. В наши дни картина полностью противоположна: публичная функция оказалась «колонизированной» выходцами с Юга страны. Как отмечает С. Кассезе, господство Юга (примерно 2/3 чиновников — южане) является не только территориальным фактом, что не является драмой. Это господство является фактором культурным, противопоставляя «страну-производителя» (Север) «непроизводственной бюрократии» (Юг)¹. Этот культурный партикуляризм Юга получил свое выражение в наследственной концепции постов администрации. Следует учитывать, что политическое вмешательство не отвергается изначально при назначении на службу в администрацию. Однако в последующем чиновник стремится закрепить свое положение на основе легальных и статусных гарантий, которые позволили бы ему осуществлять свою карьеру под прикрытием политиков и политических партий. Это позволяет сделать вывод о том, что рекрутирование и продвижение итальянских чиновников осуществляется на корпоративистской основе, а отделение чиновников от политики тоже является корпоративного типа.

Отделение политики от администрации не отвечает, ни в коей мере, ни целям (нейтралитет), ни необходимости (чередование у власти) британской Гражданской службы. Оно не обосновано теоретически и не связано с системой ценностей. Оно не имеет исторического (господство Пьемонта, приход фашизма) и прагматического (господство политических партий) оправдания. Разделение публичной роли чиновника и политики не имеет единого смысла. Если высшие чиновники не позволяют вмешательства политики

¹ Cassese S. *Questione amministrativa e questione meridionale, Diversione e reclramento della burocrazia dall'unita ad oggi*. Milan, 1977.

в свою деятельность, то они не получают возможности действовать на поле парламентариев и министерств. В то же время итальянский чиновник имеет возможность активно участвовать в политической и профсоюзной жизни. Однако он оказывается в маргинальной положении в том, что касается принятия решений¹.

В настоящее время для преодоления раздела между политикой и администрацией используются некоторые институты. Речь идет о Государственном совете и Счетной палате. В этих структурах сосредоточиваются усилия советников по обеспечению правительства не только информацией, но и средствами для объединения усилий политиков и чиновников. В работе Государственного совета участвуют члены министерских кабинетов и чиновники.

Вторым средством преодоления разрыва между политикой и администрацией является использование парапубличного сектора или возможностей университетов. Не является тайной тот факт, что в Италии советники, местные избранники, парламентарии, члены многочисленных комиссий, авторы редакционных статей партийных газет, работники университетов занимают особое место в политической жизни страны, что отличается от ситуации во многих других странах Европы. Влияние этого сектора усиливалось в послевоенные годы в условиях консенсуса и толерантности, присущих итальянскому обществу.

И еще об одной особенности, присущей политической жизни Италии. В этой стране политические партии и профсоюзы, в соответствии с законом, получают значительное финансирование из публичных фондов, что позволяет содержать большую армию партийных и профсоюзных чиновников за государственный счет. В 70–80-е гг. прошлого столетия этим активно пользовались христианские демократы. Однако позднее такая система достигла своих пределов, в чем сказались финансовые неурядицы, клиентелизм и коррупция как следствие этих неурядиц. Это сыграло решающую роль в результатах выборов 1994 г., когда ХДП потерпела сокрушительное поражение.

Приведенные нами два примера относительной изоляции администрации от политики в Великобритании и Италии имеют разные истоки, значение и последствия. Британская администрация в условиях двухпартийности

¹ Cf. Mény Y., Surel Y. Op. cit. P. 374–375.

настойчиво заявляет о своем нейтралитете, но сохраняет эффективный контроль над процессом выработки и осуществления политики. При этом чиновники не участвуют в политике, а выполняют необходимую для нее функцию. Высшая итальянская администрация застрахована от неумелого вмешательства политики, что обеспечивается за счет ее маргинализации. Правда, она сохраняет свои возможности в деле рекрутирования, поддержания своего статуса и развития карьеры.

11.3.2. Риск взаимопроникновения: политика завоевывает администрацию

Вплоть до конца XVIII в. администрация во многих странах воспринималась как простое продолжение исполнительной власти. Показательно, что президент США с согласия и одобрения Сената назначал федеральных чиновников. Во Франции администрация долгое время оставалась вне прямого контроля исполнительной власти. Но это лишь иной способ взаимного проникновения политики и администрации. Это выражается, в частности, в том, что администрация во Франции испытывала зависимость не только от правительства и избранников, но и от тех, кто подвергается процессу администрирования. Эта зависимость обеспечивалась избранием администраторов, что было объявлено Конституцией 1791 г. во Франции. Такой подход к утверждению чиновников используется довольно широко в США на уровне штатов и органов местной власти. Правда, во Франции избрание чиновников в целом осталось в прошлом.

«Политизация» администрации и избираемых чиновников становится весьма двусмысленной. Ее степень определяется теми связями, которые имеют кандидаты на посты государственной службы и избранники с политическими партиями. В США политизация является реальной тогда, когда кандидаты в избранники излагают свои программы, но она является довольно слабой, если речь вести о влиянии и контроле над деятельностью чиновника со стороны политической партии. В то же время, как справедливо отмечают политологи, политизация администрации получает значительное развитие в странах, где утверждается режим консенсуса. Речь в таком случае может идти о Ливане до начала войны, Израиле, Бельгии, Австрии, где существу-

ет довольно хрупкое в отдельные периоды социальное и политическое равновесие. В Бельгии, например, где единство страны довольно долго обеспечивалось валлонской и фламандской элитами, в конечном счете явно обозначился территориальный, лингвистический, политический и профсоюзный раздел.

Есть все основания говорить, что разделение политики и администрации является отражением специфической национальной социальной и политической ситуации. Такое разделение весьма трудно «перенести» в другие страны. При этом нужно учитывать, что оно ведет, как показывает пример Италии, к дисфункции администрации. С другой стороны, взаимное проникновение политики и администрации тоже может вести в тупик: может возникать ситуация утверждения тоталитарного политического режима или, наоборот, подчинения государства политическим партиям, некоторым фракциям или заинтересованным группам данного общества. Значит, требуется найти некую среднюю линию между двумя крайностями, о которых мы говорим. Пример тому — некоторый опыт, который накоплен на этом пути в США, Германии и Франции.

Широко известна американская система «вещей, оставшихся после умершего». Ее возникновение относится к началу XIX в. и определяется эпизодом «ночного назначения». Джефферсон, вступая в должность президента страны в 1801 г., столкнулся с тем, что в составе администрации оказалось крайне мало представителей его партии, что стало возможным вследствие того, что его предшественник на этом посту Д. Адамс провел большое число назначений чиновников в последние часы пребывания в должности президента. И Джефферсон, в свою очередь, провел соответствующие назначения из числа своих сторонников. Такая система назначений существовала на протяжении всего XIX в.

В настоящее время для такого рода действий в США сделаны ряд ограничений. В 1979 г. президент Д. Картер сумел провести такие решения, которые усилили роль «профессиональных чиновников» в составе 7000 директорских постов администрации. 500 чиновников высшей категории, которые исполняют собственно политическую функцию, с тех пор назначаются президентом. Это ограничило попадание на такие посты непрофессиональных чиновников. Правда, на более низких уровнях администрации США, как правило, действуют как профессиональные чиновники.

ки, так и те лица, которые попадают на эти посты в итоге политического назначения.

В Германии сложилась иная ситуация. В этой стране на высшие должности федеральной администрации назначаются прежде всего лица из политических соображений. Это связано во многом с тем, что в послевоенные годы правительство в Германии формируется на основе создания коалиции партий. И значит, министры нуждаются для успешной деятельности в помощниках в лице администраторов высшего уровня, которые были бы их единомышленниками.

Связь между политикой и администрацией проявляется и в том влиянии, которое оказывают политические партии, находящиеся у власти, на процесс рекрутирования чиновников и их карьеры. В Германии это особенно наглядно проявлялось до 1969 г., когда в политической жизни страны утвердилось господство христианских демократов в союзе с Христианским социалистическим союзом. С приходом к власти социал-демократов были отстранены от должностей несколько десятков человек из числа высших чиновников. И на их место назначали, конечно же, представителей иной политической ориентации, пришедшей к власти. В последующем в администрациях Земель и федеративного уровня сложилась примерно равная пропорция представительства различных политических партий.

В итоге проведенного нами краткого рассмотрения вопросов соотношения политики и администрации можно сделать следующие выводы. Разделение между политикой и администрацией, которое, конечно же, существует, в каждой из демократических стран имеет свои особенности. И если чиновники руководствуются одной и той же системой ценностей, что особенно характерно для обществ, в которых по основным вопросам имеется консенсус, с критикой политизации чиновников выступают только внесистемные партии.

Иное дело, когда чиновники являются членами различных политических партий. В таком случае политизация администрации неизбежна с приходом к власти той или иной политической партии, происходит значительное обновление административного персонала, особенно на его высшем уровне. Это особенно характерно для США, хотя по-своему дает о себе знать и в Германии, и во Франции.

И наконец, политизация может иметь структурный характер. Иллюзорными являются предположения о том,

что структуры администрации, которые выполняют политические функции, могут быть абсолютно нейтральными. Сама причастность к политике побуждает их в большей или меньшей степени действовать политически.

11.4. Контроль над администрацией

Политическая власть может осуществлять контроль над администрацией по ряду направлений, среди которых можно выделить особо: контроль над тем, насколько политика отвечает ориентациям и правилам ее осуществления, с одной стороны, и финансовый контроль — с другой. Нужно сказать, что политический контроль над администрацией носит ограниченный характер. Это связано с тем, что всегда существует разрыв между намерением тех, кто принимает политические решения, и политическими реалиями, в которых осуществляются решения. Причем указанное несоответствие выясняется не сразу, а спустя какое-то время. Нужно учитывать и то, что бывает так, что политические решения принимает один состав правительства, а с изменившимися условиями и трудностями в реализации тех же самых решений нередко сталкивается уже другое правительство. На этом фоне несомненное преимущество имеет постоянная и устойчивая организация, какой является администрация.

Сказывается и то, что расширяется круг проблем, подающихся административным решениям и нуждающихся в них. Исполнительная власть дает лишь общие директивы, но не вникает в частности, оставляя их на усмотрение бюрократов. Когда таких частных становится слишком много, они превращаются в большую политику.

То же самое можно сказать и о финансовом контроле, который по идее мог бы быть сильным оружием политической власти. Нельзя сказать, что в демократических странах парламент не имеет полномочий в определении направленности бюджета. Это влияние особенно наглядно проявляется в таких странах, как США, Великобритания и Франция.

Еще одно средство контроля над исполнительной властью — это утверждение ответственных работников администрации. Такой контроль осуществляется во многих странах.

Различают **формальные** и **неформальные** способы контроля над администрацией, а внутри второй категории — **внешние** и **внутренние**.

Таблица 15

Способы контроля над бюрократией

Формальные	Неформальные (внешние)	Неформальные (внутренние)
Политическое руководство со стороны министров	Средства массовой информации	Профессиональные стандарты
Министерские советники	Общественное мнение	Корпоративная этика
Парламентский контроль	Заинтересованные группы	Контроль со стороны вышестоящих чиновников
Судебный контроль		
Общественный контроль		

Источник: *Голосов Г.В.* Указ. соч. С. 324.

В условиях либеральной демократии основная тяжесть контроля над администрацией ложится на исполнительную власть во главе с президентами и премьер-министрами. Уровень и эффективность контроля определяется тремя основными факторами: удельным весом политических назначенцев на административные роли; нормами ответственности за принятые решения; использованием министерских советников. Рассмотрим эти факторы более подробно.

Удельный вес политических назначенцев на административные роли колеблется от одной либеральной демократии к другой. В Великобритании лишь министры назначаются политиками (премьер-министрами), а остальные работники администрации, даже самые высокопоставленные, являются профессиональными чиновниками. В принципе то же самое наблюдается, как мы уже отмечали выше, и в Германии. Здесь на самые ответственные административные позиции всегда попадают чиновники, чьи политические симпатии близки правящей партии. Наиболее полно такое правило проявляется в Италии. Во времена былого политического господства христианских демократов редко кто из приверженцев других политических взглядов мог подниматься выше среднего звена бюрократии. Некоторые ведомства контролировались до 1994 г. даже не ХДП в целом, а ее отдельными фракциями.

Точно так же различаются нормы ответственности за принятые решения. В Великобритании, например, вся ответственность возлагается на министров. При том, что министров — 24 человека, а чиновников несколько сот тысяч, эту норму нельзя признать реалистической. Она не способствует и эффективной работе администрации: пользуясь статусом анонимных слуг короны, чиновники используют свою вполне реальную власть, не опасаясь понести ответственность за ошибки. В других демократических странах такой подход не прижился. Например, в Германии норма индивидуальной ответственности каждого чиновника очень высока. Правда, это имеет свой минус: политики получают возможность списывать свои ошибки и невыполнение предвыборных обещаний на «нерадивых администраторов». Золотую середину между этими двумя нормами найти очень трудно.

Использование министерских советников как мера контроля над бюрократией получило свое наиболее полное выражение в США. Исполнительный офис Белого дома представляет собой настоящий противовес официальной бюрократии, которая сама нуждается в контроле извне. Во Франции каждый министр формирует свой маленький «кабинет», состоящий из 15–20 человек (в основном — опытных администраторов), главная задача которых — помогать министру в руководстве административным штатом. «Кабинет» ведет постоянную позиционную борьбу с бюрократией, стремясь заставить ее отвечать за свои действия. Недостатки такой системы коренятся в ее неформальном характере. Критики такой системы отмечают, что, не имея строго определенных полномочий, члены «кабинетов» вмешиваются во все дела и исподтишка узурпируют как политическую, так и административную власть. Не лучшей стороной министерских советников является и то, что, окружая политическое руководство, они навязывают ему свои бюрократические подходы и нормы поведения.

Контроль административных и финансовых юрисдикций

Начало такому контролю положил Государственный совет Франции, а также последующее преобразование советов префектур в региональные административные суды. Подобную организацию судебного контроля создали в Италии. В Германии она выглядит несколько сложнее в силу федеративного характера государства. Здесь существуют

суды первой инстанции, административные суды Земель и административный суд федерации, заседающий в Берлине. В Германии созданы налоговые суды и суды социальные, занимающиеся вопросами социальной безопасности.

Работа такого рода судов осложняется острой нехваткой судей, а также большим числом обращений граждан в их адрес. Так, во Франции в адрес Государственного совета ежегодно поступает более 9000 обращений, а в региональные административные суды — свыше 59 000. Еще больше обращений в такие суды поступает в Италии, а также в Германии. Правда, в последнем случае, благодаря наличию большого числа судей, эти судебные инстанции работают более эффективно¹.

Нужно сказать, что качество санкций административных судов в значительной мере зависит от степени независимости судей от администрации. В этом отношении судьи в Германии, как отмечают специалисты, менее зависимы от администрации, чем судьи во Франции. Это связано с тем, что в Германии (и в Италии также) судьи, как правило, не являются выходцами из администрации, тогда как во Франции они являются, чаще всего, выходцами из администрации.

Административная юрисдикция в названных нами странах дополняется в деле контроля над администрацией еще и Счетной палатой. Например, в Италии все административные решения государства должны быть согласованы со Счетной палатой. В Германии Счетная палата осуществляет финансовый контроль на федеральном уровне. В Землях существуют свои структуры такого рода. Нужно сказать, что эффективность финансового контроля над администрацией является в этих странах невысокой.

В некоторых странах в последние годы с целью контроля над администрацией были созданы по примеру Норвегии и Швеции особые институты — **омбудсмены**, которые призваны действовать в интересах защиты прав человека. Эти институты не просто приживаются в разных странах. В Германии, например, такой институт был создан еще в 1950 г., но он занимается только защитой прав военнослужащих. Правда, в 1973 г. омбудсман был создан в Земле Ренани-Палатинат. В Италии такие институты были созданы в 8 регионах, правда, полномочия их являются весьма ограниченными. Попытки создания таких институтов предпринимались в некоторых штатах США.

¹ Cf. Mény Y., Surel Y. Op. cit P. 386.

ГЛАВА 12

НАДЗИРАЕМОЕ ПОЛИТИЧЕСКОЕ ВЫРАЖЕНИЕ

Надзираемое политическое выражение противостоит институционализованному и признаваемому ненадзираемым выражению, сложившемуся в представительных режимах. Это различие на первый взгляд может показаться несколько наивным. В самом деле. Политическое выражение управляемых является всегда продуктом социализации. И во всех своих проявлениях это выражение обусловлено, канализировано, ограничено, определено в своих ежедневных или эпизодических проявлениях управляющими.

Это можно охарактеризовать как своеобразную дискриминацию политического рынка. Конечно, *ideal-type* общества с открытым политическим пространством, учитывающим все интересы и пожелания и дающим каждому одинаковый шанс, невозможно реализовать на практике. Некоторые течения общественной и политической мысли объективно, даже в самом демократическом обществе, оказываются исключенными из него, пример тому — экстремистские объединения разного рода. Следует сказать и о том, что правила политического соперничества, утвердившиеся в демократических обществах, неизбежно ущемляют некоторые сегменты или сектора общества, и прежде всего ущемляются в своих возможностях политического выражения неорганизованные массы граждан.

Нужно сказать, что сама природа демократических политических систем связана с идеей политического соперничества. Именно на основе такого соперничества обеспечивается ротация управляемых, в то время как другие системы, которые нередко называют тоталитарными или авторитарными, относятся весьма критично и недоверчиво к политическому соперничеству. В этом плане выявляются различия между теми системами, где институционализированное политическое выражение определяется *выбором избирателя*, и теми системами, где нет возможности для

такого *выбора*. Во втором случае индивидам отказывается в указанном выборе на основании идеи общего блага, которое объявляется более высоким феноменом по отношению к изменчивым настроениям управляемых.

При проведении сравнительного анализа нужно учитывать также степень открытости или закрытости политического рынка. Демократические режимы заявляют о своем стремлении исключить эксклюзивность в доступе к политическому соперничеству. Другие же режимы обосновывают свою легитимность на основе обратного утверждения. Не отказываясь от логики конкуренции, они утверждают приоритет национальной целостности, социальной идентичности, даже аутентичной демократии или социализма, ограничивая доступ в политическое поле так называемых деструктивных сил с тем, чтобы сохранять социальное равновесие. В таком случае возникает ситуация, обычно называемая авторитарной, в которой политическое выражение оказывается **надзираемым** до такой степени, что оно совпадает с рисунком управляющих. Эти последние не отрицают иногда существования плюральности интересов и идеологий, но лишь до тех пор, пока она не угрожает их власти и ее логике.

12.1. Двойственность границ

Границы и внутреннее деление надзираемого выражения оказывается всегда двойственным. Эти границы проявляются на трех уровнях. Первый из них связан с идентификацией режимов, характерных для этой формы выражения. Второй уровень касается природы ресурсов, которые используют руководители для «сохранения» себя на своих местах. Третий уровень становится объектом последующего освещения в данной главе.

Говоря прежде всего о *маркировке систем*, режимов или типов правления, отмеченных надзираемым выражением, обратимся к определению их, предложенному Хуаном Линцем¹. Он такого рода режимы характеризует как режимы с ограниченным плюрализмом. Согласно Линцу, эти режимы, более или менее диктаторские, не опираются на тоталитарную идеологию. Они не ставят под вопрос относительную автономию общества или право собствен-

¹ Linz J.J. Totalitarian and Authoritarian Regimes. London, 2000.

ности. Они предстают как «либеральные диктатуры», где «допустимые» интересы имеют возможность для своего выражения. Такой авторитаризм был свойственен франкистскому государству. Это же можно сказать и по поводу ушедших в историю военных правлений в странах Латинской Америки, или правлениях в Южной Корее или Турции, Тайване, Филиппинах времен Маркоса, правлении Ли в Сингапуре, а также правлений в Тунисе, Марокко времен Хасана II или Египте при Х. Мубараке. Таким можно рассмотреть режим Второй империи во Франции. Он иллюстрирует ситуацию, в которой многочисленные клики сталкиваются между собой в процессе выработки политики. При реализации этой политики управляющие вынуждены договариваться с этими кликами, что, безусловно, накладывает отпечаток как на проводимую политику, так и на авторитарную власть; народ же призывается к голосованию для плебисцитарного подтверждения права на нахождение у власти правящих сил.

Такое схематическое представление *пространства ограниченного плюрализма* не раскрывает полностью всех ситуаций надзираемого политического выражения. Оно оставляет в стороне революционные диктатуры, или тоталитарные политические системы, основанные на примате идеологии, определяющей цель социальной трансформации. При анализе таких систем прежде всего следует учесть едва ли не основной критерий — существование единственной партии или, наоборот, существование толерантного плюрализма в рамках некоторых диктаторских режимов. В первом случае ограниченный плюрализм является скрытым; он проявляется в конкуренции соперничающих между собой групп. Во втором случае, он афишируется как показатель либерализма режима, о котором идет речь, когда даже ставки как реальный результат соперничества политических выражений, чаще всего, являются ничтожными.

Более значимым является тот факт, что системы, которые долгое время рассматривались как тоталитарные, вынуждены были использовать народные консультации, которые представлялись в глазах общественности как свидетельство плебисцитарной легитимации и которые были, по сути, театром соперничества групп, претендующих на власть. СССР времен правления Л.И. Брежнева и М.С. Горбачева, еще больше Польша времен правления В. Ярузельского, или Германская Демократическая Респуб-

лика — яркое тому свидетельство. В такого рода режимах имеется возможность для надзираемого политического выражения вне плюрализма структурированных интересов. В этом состоит специфическая черта *тоталитарной динамики*, а также и *динамики посттоталитарной* пространства коммунизма в 1975—1990 гг.

В большинстве африканских режимов в странах южнее Сахары также существует плюрализм, который мало похож на представительные «либеральные диктатуры» Юга Европы и стран Латинской Америки.

Наконец, парадоксальным является и то, что парламентские и либеральные режимы сами являются таковыми, что они надзирают и подчиняют политическое выражение не с помощью цензового исключения и противодействия всеобщему голосованию, а на основе клиентелистского господства, осуществляемого нотаблями или партиями. Современное институционализированное и демократическое выражение является производным клиентелистского господства в прошлом, в том числе и в обществах Западной Европы и Северной Америки, где профсоюзы работают в условиях очень надзираемой практики их политического выражения (их руководители являются, по сути дела, кооптированными в правление).

Очень важно выявить *ресурсы, которыми располагают надзирающие* и на основе которых они осуществляют опеку политического выражения. Угрозы, заключение в тюрьмы, террор являются инструментами прежде всего авторитарных и тоталитарных режимов. Однако, как показывает практика, чаще бывает достаточным селективное принуждение. Значение и размах переменных социального, экономического и культурного контроля в режимах надзираемого политического выражения управляемых определяют интенсивность использования политических ресурсов. Если контроль является абсолютным, как это было в Советском Союзе, а также в некоторых других социалистических странах, то и надзор за политическим выражением должен быть интенсивным, что является условием устойчивости власти правящей элиты. Слова или жесты, по сути дела, индивидуальные, а не автономные социальные институты, становятся единственным средством народного протеста, лишённые какого бы то ни было материального основания. С точки зрения власти любые формы народного протеста должны быть подчинены контролю, т. к. являют-

ся единственной угрозой для режима. Это же факт, что в Советском Союзе подвергались уголовным преследованиям лица, читавшие, по мнению властей, «опасные» книги или посмевших смотреть «запрещенные» кинофильмы.

Другая крайность представлена военным правлением Бразилии в 1964—1984 гг. Здесь глобальный социальный контроль управляющих не был глубоким, т. к. он не стремился положить конец устойчивости интересов или идеологическим течениям, организованным вне власти. В этом случае надзирание за политическим предложением и спросом становится гибким, что определяется, в известной мере, политическими отношениями.

Существует и промежуточное состояние, в котором опека политического выражения осуществляется вслед за динамикой институционализации демократического рынка, как это было во франкистской Испании в 70-е гг., в Польше при генерале Ярузельском, на Тайване, в странах Магриба, за исключением сегодняшнего Марокко. Все названные нами страны сделали шаг в сторону утверждения представительных режимов при клиентелистском господстве, что было характерно в прошлом для Европы, а в настоящем — для Латинской Америки. Надзираемое политическое выражение здесь строится при клиентелистском господстве в условиях неконкурентных выборов или таких ролей оппозиции, которые не могут существовать в авторитарных или тоталитарных режимах.

12.2. От клиентелизма к электоральной дисциплине

12.2.1. Клиентелистское политическое выражение

Клиентелистское господство рассматривалось нами во второй части данного учебного пособия. Но оно рассматривалось в перспективе, ориентированной на вершину политической власти, в качестве устройства формы господства. Теперь же нам следует рассмотреть этот вопрос под другим углом зрения: с точки зрения «клиента», а не хозяина; иначе говоря, нужно проанализировать *феномен клиентелистского подчинения*.

В прежние времена в Европе, а сегодня и на других континентах, нотабли или партии покупали и покупают голоса крестьян и простых (их иногда называют, думается, не совсем

верно — маленьких) людей в городах. Понятно, что усмотрение над избирателями может осуществляться только деликатным образом. И потому появляется клиентелизм нотаблей или демагогов. Потом он получает выражение в добровольном подчинении, как мы сказали простых людей, новым «патронам» в лице лидеров политических партий, которые определяют «кухню» электоральных церемоний. Такое добровольное подчинение рядовых граждан заложило основание современного политического выражения, которое изначально является надзираемым. С возникновением электоральной практики доверие избирателей выражалось в отношении тех людей, которые им были давно известны и которым они доверяли больше, чем другим. Это были сначала традиционные патроны. Им на смену потом пришли новые патроны.

Короче говоря, клиентелистское подчинение, а также и господство основаны на том, что «надзираемый» политический субъект добровольно становится в позицию подчинения. Эта логика в прежние годы определяла отношения земельных собственников и крестьянские массы. Позднее она объясняла влияние местных нотаблей — врачей, учителей, адвокатов, священников, промышленников и офицеров полиции. И если в последующем такого вида клиентелизм, основанный на престиже и авторитете индивида, в индустриальных обществах уступил место другим формам, то и эти другие формы также основываются на добровольном подчинении. Начиная с середины XIX в., *Регистрационные общества* в Англии и демократическая партия в США пользовались не только народным доверием, но и были инструментом опеки массового политического выражения. В Великобритании этот механизм основывался на рабочей социализации. В США использовалась разделенность общества на отдельные сектора. Эта разделенность, как известно, была объективно вызвана к жизни притоком иммигрантов в Соединенные Штаты. Европейские политические партии действовали, по сути дела, по таким же рецептам. В районах, где господствующие позиции в политической жизни занимало сообщество верующих, утвердилось господство религиозных партий. В рабочих регионах, где влияние Церкви не было сильным, утвердилось влияние партий социалистической ориентации.

В другой форме, но подобные же по своей сути, процессы происходили в исламском мире и в Индии. Это выразилось также в протестантской Европе и Северной Америке. Англи-

канские пастыри призывали свою паству голосовать за тори. В 1910 г. они не отказывались от «молитвы Шеффилда», в которой избиратель молил: «Возьми мой голос, Сеньор, и делай то, что тебе доверено. Направь мою руку для того, чтобы я определил Крест на его подлинное место»¹. Следует сказать и о том, что шотландские крестьяне, обосновавшиеся в Канаде, голосовали подобным же образом. В том же духе говорил и А. де Токвиль по поводу выборов 1848 г. во Франции: «Население было доброжелательным ко мне, но я его нашел сердечным, и никогда прежде я не встречал большего уважения, в то время как жесткое равенство афишировалось на всех стенах»².

12.2.2. От дисциплины голосования к авторитарным ограничениям

Вплоть до наших дней добровольное подчинение политического выражения продолжает существовать. Например, в Японии гегемония либерально-демократической партии может рассматриваться как согласие японцев со сложившимся порядком вещей, который плохо согласуется с ортодоксией демократического выбора: группы, или господствующие в жизни общества корпорации, определяют социальный порядок в стране. В Колумбии, в обществе менее индустриальном, сложилась почти антропологическая верность одной из двух партий, которые действуют на основе традиций, а не на основе персонального выбора избирателей или их убеждений. Это же можно наблюдать и в Европе, когда руководители партий взывают к дисциплине голосования. И в этом проявляется тот факт, что политическое выражение является надзираемым и принудительным со стороны политических партий и их лидеров.

В индустриальных обществах именно логика демократического правления обеспечивает устойчивость электорального рынка, без чего планирование игры политических партий и профессиональные карьеры в политике носили бы случайный характер. Как обеспечить такую стабильность? Она, как показывает политическая практика, обеспечивается «надежной» частью электората, для которой характерно достаточно высокое чувство гражданственности, или, пользуясь французским выражением, «республиканская дисциплина».

¹ Wald K.D. Crosses on the Ballot. Princeton, 1983. P. 3.

² Tocqueville A. de. Souvenirs. P., 1978. P. 157.

Такая послушная и «прирученная» масса существует, благодаря прямому или диффузному давлению. Это давление осуществляется в мягких формах, характеризуется добровольным подчинением управляемых. Оно пришло на смену клиентелистскому контролю. Однако, несмотря на добровольный (без физического принуждения и даже без угрозы такого принуждения) характер подчинения граждан властям, оно, это подчинение, как справедливо отмечают французские политологи, являет собой некий современный механизм надзирания за политическим выражением. Во Франции, например, большинство избирателей заранее заявляли о своем намерении принимать участие в голосовании. Они составляли в 1986 г. не менее 87 % сторонников крупных политических формирований¹. Такая ситуация характерна и для многих других стран Европы. И это приводит к отказу от осуществления подлинного выбора большинством избирателей.

Таблица 16

**Длительные электоральные тенденции в Европе:
1935–1985 гг. (в %)**

Стороннические тенденции	К 1935 г.	К 1955 г.	К 1985 г.
Консерваторы, демохристиане	32	38	37
Социалисты	29	29	31
Либералы, левый центр	11	8	11
Коммунистические партии	5	11	10
Другие (аграрные, крайне левые и крайне правые партии, «зеленые»)	20	14	9

Источник: *The International Almanac of Electoral History*; Badie B., Hermet G. Op. cit. P. 240.

Резкий рост влияния «других» партий в середине 30-х гг. был связан с приходом нацистов к власти в Германии. Разгром фашизма, его ужасные деяния в годы правления Гитлера содействовали росту влияния коммунистов и социалистов еще и в 50-е гг. Позднее во Франции влияние социалистов возрастет с 13 % в 1962 г. до 39 % в 1981 г., и социалисты в союзе с коммунистами и левыми радикалами

¹ Charlot J. La transformation de l'image des partis politiques en France // *Revue française de Science politique*. 36 (1), février 1986. P. 7.

приходят к власти. И тем не менее можно говорить о некой стабильности политического выражения в длительной ретроспективе¹.

12.3. Авторитарная институционализация политического выражения

При проведении сравнительного исследования политического выражения следует различать условия, в которых оно осуществляется: если в демократических политических режимах существует открытая политическая конкуренция, а деятельность управляющих осуществляется в строгих конституционных рамках, то в авторитарных режимах поле политического соперничества ограничено, а значит, ограничены и возможности для политического выражения. Указанные ограничения достигают еще больших масштабов в тоталитарных режимах, что практически исключает возможность политического выражения как на индивидуальном, так и на коллективном уровнях. В авторитарных, а тем более в тоталитарных режимах даже процедура выборов являет собой электоральную консультацию, которая может превращаться и в политическую мобилизацию, особенно если учесть тот факт, что у голосующих нет альтернативы, а значит, и нет выбора. В политической науке это получило наименование выборов без выбора. Остановим свое внимание на этом.

12.3.1. Выборы без выбора

Отличие между конкурентными выборами, называемыми демократическими, и неконкурентными — недемократическими, является существенным. Было бы большим заблуждением полагать, что демократические выборы тождественны идеальному электоральному соперничеству. Это последнее столь же нереально, как и абсолютная свобода избирателя. Однако главная трудность для аналитика при оценке выборов и их результатов заключается в существовании широкой и сложной посреднической категории *ложных* или *полуконкурентных выборов*.

Такая ситуация — это, по сути дела, норма для авторитарных режимов, где электоральное соперничество нередко подменяется тем, что мы уже назвали клиентелистским

¹ Cf. Badie B., Hermet G. Op. cit. P. 240—241.

феноменом. При помощи клиентелизма в авторитарных режимах осуществляется фальсификация реальной конкуренции, для чего используется широкое вмешательство политической власти. В этих же целях могут использоваться и конституционные меры, на основе которых ограничивается число политических партий, наделенных статусом легальных организаций. Такие меры были предприняты в Турции после 1945 г., в Бразилии — в период с 1964 по 1984 г., а также в Индонезии, Сирии или Иране после 1979 г. Указанные ограничения, выводя из политической конкуренции сильные оппозиционные партии, не сопровождаются, как правило, запретом на деятельность мелких партий. Эти последние, не представляя опасности для правящих партий, призваны самим фактом своего существования укреплять псевдодемократическую легитимность правящей партии, как это имело место в Мексике или Тунисе. Подобная практика существовала в ряде бывших социалистических стран, например, в Польше или Германской Демократической Республике до 1989 г.

Существовало две разновидности псевдодемократических голосований. С одной стороны, избиратели имели возможность выбора между кандидатами одного и того же политического направления (франкистская Испания и ряд африканских стран). С другой стороны, существовала электоральная практика, например, в Португалии до 1974 г., где оппозиция могла заявлять о себе только в период избирательной кампании, а потому у нее не было сколько-нибудь значительных шансов победить на выборах. По сути, неконкурентное голосование имело место при проведении плебисцита 1988 г. в Чили по поводу нахождения у власти А. Пиночета.

Словом, авторитарными и тоталитарными политическими режимами разработано немало приемов ограничения свободы избирателя и его возможности осуществить реальный выбор. Один из них связан со *ставкой голосования*, что становится своеобразным критерием дискриминации избирателя.

Напомним, при проведении классических выборов обладатели власти заранее не могут гарантировать благоприятный для себя исход голосования. Это означает, что нельзя исключить заранее приход к власти оппозиции в итоге победы на выборах. Такого не происходит при проведении «неклассических выборов». В этом случае

отрицательный для власти вердикт голосования отрицается заранее. Если же оппозиция получает большое число голосов, власти не останавливаются и перед тем, что мы называем фальсификацией итогов голосования. Наглядный тому пример — результаты второго тура выборов на Украине в декабре 2004 г. Под давлением «улицы», собравшей тысячи людей, была не только установлена фальсификация результатов голосования, но и приняты судебные решения по отмене результатов второго тура выборов. Пример Украины лишний раз демонстрирует, что для придания выборам присущей им роли в обществе в авторитарных режимах требуется осуществлять внеэлекторальное действие. Такие действия имели место и в Того в 1991 г. при выборе между Согло и Кереку. Ранее попытка проведения фальсификации результатов выборов имела место на Филиппинах. В январе — феврале 1986 г. кардинал Син провозгласил поражение Ф. Маркоса и победу Корасон Акино. Референдум 1987 г. в Польше не имел прямых институционных последствий для власти. Его итоги не были фальсифицированы, но они зато означали статистическую победу оппозиции.

Анализ неконкурентных выборов, как правило, не имеет серьезного научного значения. Однако он не лишен определенного смысла. В авторитарных, а тем более в тоталитарных государствах такие выборы не являются решающим моментом в функционировании политической системы. И тем не менее они дают основание для осмысления влияния некоторых механизмов, которые без анализа избирательных кампаний выявить нельзя. В частности, выборы являются редкой возможностью для анализа систем правления. В новых государствах «третьего мира», в государствах левой или правой диктатуры властные конфликты разрешаются обычно в обстановке секретности. Чаще всего в таких странах весьма трудно оценивать межличностную борьбу во властных структурах, а также соотношение сил между различными группировками, находящимися у власти.

Нужно учитывать и то, что политическая жизнь в авторитарных и тоталитарных режимах определяется узким кругом лиц, как это было, например, в Испании времен Франко, когда решения принимались в бункере. И выборы дают возможность оценить влияние внешних сил по отношению к руководящему ядру государства на развитие политических процессов.

Можно указать на некоторые направления такого рода исследований. Прежде всего при анализе избирательных кампаний и их результатов компаративисты обращают внимание на масштаб электорального участия граждан. Голосование, как известно, во многом зависит от глобального состояния общества, что находит свое выражение в социальной организации, культурной специфике и уровне экономического развития. Это общепринятое понимание. В случае проведения выборов без выбора их значение, как политическое, так и научное, имеет не один и тот же смысл, например, в индустриальном обществе, или в странах, где большинство населения составляют крестьяне, в массе своей безразличны к политике и неграмотны. Вот почему помимо интерпретации распределения голосов за тех или иных кандидатов следует обращать особое внимание на масштабы абсентеизма и социальную характеристику тех граждан, кто отказывается от голосования. Так, в Испании на выборах 1970 — 1971 гг. показатель абсентеизма был очень высок. То же самое было характерно для выборов 1966 и 1970 гг. в Бразилии, а также выборов в 1969 г. в Кении, в 1989 г. — в Польше.

Интерпретация *электорального поведения* или *значительного абсентеизма* является важной возможностью для исследователя. Первичный анализ выборов без выбора должен учитывать тот факт, что статистика в авторитарных режимах находится в руках государства и административной фантазии. А потому больший интерес с научной точки зрения имеет анализ механизмов селекции кандидатов. Почему? Да потому, что селекция кандидатов связана, как правило, с политическим соперничеством, компромиссами между различными группами правящего класса, на основании чего предопределяется подлинная ставка голосования. В свою очередь, изучение способов выдвижения кандидатур характеризуется множеством нюансов в идеологическом плане. Это выдвижение строится с учетом способа легитимации власти и проводится, как правило, под контролем со стороны режима.

То же самое можно сказать и в отношении интерпретации избирательных кампаний. Неконкурентные выборы являются тем самым привилегированным моментом, когда власть вынуждена обнажать многие из своих позиций и открыто демонстрировать свою мобилизационную способность. Немного существует диктаторов, которые, подобно

Ф. Кастро, могут заявить, что «у революции нет времени на проведение выборов»¹. И чаще всего даже диктаторы вынуждены проводить избирательные кампании.

Выборы без выбора имеют скрытое значение. Они являются своеобразной *интерпретацией второй степени*². Нет сомнения, что такие выборы не дают шансов оппозиции сменить находящихся у власти руководителей. Такие выборы являют собой карикатуру на национальную и интернациональную легитимацию режимов. Однако сам факт проведения выборов в той или иной форме, в тот или иной момент не происходит сам по себе. Режим вынужден под давлением изнутри и извне идти на это.

Похоже, что *легитимирующее значение* даже фальсифицированных выборов нельзя в полной мере отрицать. Выборы имеют формальную или косвенную ценность, как это было во Франции времен Второй империи, в СССР времен правления М.С. Горбачева, как это имеет место в наши дни в ряде стран Африки. Выборы являются средством народной мобилизации, на основе которой можно преодолевать этнические, местные или социоисторические разделения, существующие в обществе. В частности, в «третьем мире», где сосуществуют традиционные отношения и импортированные механизмы и процедуры, выборы способствуют утверждению национального единства. Они, в частности, способствуют объединению сельских масс, жителей городов, прозападных и традиционных элит. Выборы, как показывает практика, способствуют утверждению менее принудительных отношений между управляющими и управляемыми. Они способствуют также определенному оправданию политической и экономической гегемонии национальной буржуазии и военно-бюрократической клики. Но это осуществляется с разной степенью эффективности в разных странах.

Нужно учитывать не только легитимирующую роль выборов. Выборы имеют, кроме того, *обучающее и анестезирующее измерение*. Неконкурентные выборы способствуют сохранению неравенства на основе равенства избирателя перед урной. Они выполняют социализирующую роль. В условиях навязывания обществу конформизма как условия стабильности власти, выборы используются

¹ *Defense of Politics*. Harmondsworth, 1971. P. 105.

² *Badie B., Hermet G.* Op. cit. P. 244.

для дисквалификации оппозиции и создания условий для формирования одной партии власти. В противном случае в условиях сильных режимов, руководители которых полагают, что плюрализм без свободы может быть фактором политической и социальной стабильности, выборы тем не менее способствуют утверждению двухпартийности или многопартийности, а также развитию гражданской культуры. Такая практика характерна не только для «третьего мира». Она имела место в Бразилии до 1984 г. Она проявилась на выборах 1989 г. в Польше.

Неконкурентные выборы, как правило, преследуют две цели. Одна из них находится на уровне коммуникации между управляющими и управляемыми, другая — на уровне санкций по отношению к внутренним соперникам в аппарате власти. Избирательные кампании позволяют вводить запреты и лозунги, которые правители не могут использовать в иное время. «Посредниками» в этом становятся кандидаты власти на выборные посты. Выборы позволяют закрепить внутренние компромиссы правящих клик или групп, приобщиться к некоторым секторам социальной жизни или освободиться от групп, которые становятся лишними. Пример такого расчета выборы 1989 г. в СССР, когда был сформирован во многом удобный для власти съезд народных депутатов.

12.3.2. Массовые организации и процедуры обрамления

На первый взгляд может показаться парадоксальным рассмотрение в первую очередь электорального механизма среди процедур, обеспечивающих политическое выражение граждан в авторитарных и тоталитарных обществах. Чаще всего при анализе такого политического выражения компаративистами используется подход, в котором на переднем плане находятся вопросы идеологической мобилизации, основанной на монополии власти правящей партии. Однако в реальной жизни эта диспозиция может быть охарактеризована как исключение. Это определяется как самой природой идеологии и интенсивностью ее применения, так и существованием множества форм надзираемой политической социализации.

В зависимости от истории и способов сравнительного исследования, конечно же, следует различать *тотализм* и *авторитаризм*. После Второй мировой войны

К. Фридрих, З. Бжезинской или Р. Арон рассматривали монополию одной партии в качестве важного специфического инструмента тоталитарных систем. Согласно их представлениям, тоталитаризм характеризуется как власть, основанная на господстве в обществе одной политической партии, которую обслуживают вездесущие секретные службы. При этом тоталитарная власть опирается на идеологию, превращенную в догму. Такое понимание подтверждает немецкая, советская, а позднее китайская, камбоджийская и кубинская политические практики.

В то же время нельзя не сказать и о том, что власть становится ограниченной по своему значению, если опираться на подход Р. Даля и С. Хантингтона, которые определили в качестве центрального критерия дихотомию демократического, или конкурентно-полиархического, устройства власти и тоталитарно-монополистического ее устройства. В таком подходе ко второй версии устройства могут быть отнесены многочисленные партийные правления ряда стран «третьего мира». Однако классификация такого рода режимов затруднена, если учесть, к примеру, консервативного толка диктатуры Юга Европы, Юго-Восточной Азии и Латинской Америки.

В противовес такой неоперационной классификации Хуан Линц тогда же, в 60-е гг., возвратился к оценке властных отношений на основе различий тоталитарных и авторитарных режимов в их *мобилизационном плане и политическом устройстве*. Характеристика авторитаризма, по Х. Линцу, отличается от определений тоталитаризма. Он рассматривает авторитарные режимы как системы ограниченного плюрализма, в которых нет руководящей идеологии, нет стремления к интенсивной или экстенсивной мобилизации за исключением некоторых моментов их развития¹. По сути, в стороне остается все дополнительное или общее, что присуще авторитаризму и тоталитаризму. Не учитывается, например, полицейский террор, который был характерен для нацистской Германии, для СССР времен правления И.В. Сталина и для Китая в период правления Мао-Цзедуна. Не учитывается также специфика «благодушного» тоталитаризма (фашистская Италия, СССР времен Андропова или Брежнева, Венгрия 1970 – 1980 гг.).

¹ Linz J.J. An Authoritarian regime: «Spain» // Alardt E., Littunen Y. (ed.) Cleavages. Ideologies and Party Systems. Helsinki, 1964.

Не следует упускать из вида и того, что и авторитаризм в некоторых случаях может прибегать к интенсивному использованию насилия (начальный период франкизма, диктатура в Гватемале в 80-е гг., Аргентина при правлении генералов или Иран при Хомейни). В то же время репрессии могут быть и минимальными (военный режим в Бразилии после 1964 г.). Следует сказать и о том, что критерий наличия в стране одной партии не является показательным, т. к. смысл монополии на власть существенно различается при авторитаризме и тоталитаризме.

Решающие различия находятся на других уровнях. Они связаны прежде всего с отношением между государством, или властью, и обществом. Это отношение получает разное выражение в *ситуациях авторитаризма*. А в *ситуациях тоталитаризма* эти отношения, можно сказать, неразличимы между собой. Стремясь преодолеть «классовые барьеры» или этнические и культурные различия, тоталитаризм просто отказывается от признания социального плюрализма в обществе. Этой же цели служит и то, что в проводимой политике широко используются как методы убеждения, так и решительное принуждение, особенно по отношению к противникам режима. Общей тенденцией в тоталитарном обществе является стремление если не устранить полностью, то существенно ограничить свободу предпринимательства и частное производство. Но и здесь при проведении сравнительного анализа нужно видеть различия: «буржуазный капиталистический» авторитаризм бонапартистского типа, средиземноморского или латиноамериканского, а также исламского или африканского типов не ставят задач такого полного обуздания общества. Более того, в определенных ситуациях авторитаризм способен выступать гарантом социального и политического плюрализма. Это бывает тогда, когда этот плюрализм не подвергает страну риску революционных преобразований. В таком подходе, мы можем утверждать, что социальная селекция в демократических режимах является почти тотальной, в тоталитарных — почти нулевой, а в авторитарных режимах — частичной и арбитражной¹.

Другой вопрос — *идеологическая мобилизация*. Она, как правило, не получает широкого распространения при авторитаризме. Этот последний в силу собственной динамики,

¹ Cf. Badie B., Hermet G. Op. cit. P. 246.

а также в силу недостаточной способности контролировать общество, вынужден прибегать к использованию других средств социализации и политического выражения, которые не связаны только с государством и правящей партией. Он стремится оказывать влияние на структуры, связанные с этими средствами, а также противопоставлять одни из них другим. При тоталитаризме эти, в известном смысле соперничающие с государством структуры, просто устраняются во имя утверждения новой культуры. Если авторитаризм устраняет свободную игру политического соперничества, не отрицая права на автономное выражение общества, то тоталитаризм стремится уничтожить саму пружину такой автономии, сохраняя лишь остаточные проявления этой автономии, например, религиозные структуры. При этом, конечно же, роль испанских фаланг и КПСС нельзя оценивать одинаково. Фаланги были подобием единой партии, они не были отчетливо насильственными и мобилизационными, тогда как КПСС была организатором и насилия, и социальной мобилизации. Следует сказать и о том, что единственная партия существует как таковая только в случае, когда нельзя сделать никакой карьеры без вступления в эту партию.

С точки зрения разделения тоталитарной и авторитарной логики в деле ограничения политического выражения другая переменная имеет принципиальное значение — *способность к эффективному контролю* со стороны руководителей, а также природа и масштаб ресурсов, которыми они располагают в контроле над обществом. На этом уровне идеологические, или абстрактно типологические лейблы режимов правления, не имеют никакого смысла. Необходимо учитывать, с одной стороны, особенности структурирования анализируемого общества, а с другой — силу аппарата власти, который ему (обществу) противостоит.

Это очень важный момент. Такой подход позволяет вырабатывать более дифференцированный взгляд на общество, подвергаемое анализу. Французские политологи в этой связи утверждают, что тоталитарное общество с точки зрения их идеологии и наличия единственной партии на практике таковыми могут и не быть. Несмотря на расистские мерзости, гитлеровская Германия стала расистской окончательно (1944) после того, как не стала относительно автономной офицерская каста. До этого момента режим Гитлера вынужден был поддерживать независимость экономической, культурной, религиозной и даже военной или

административной структур. Несмотря на то, что полицейский террор всегда был оружием нацистов, его полное господство утвердилось только в конце войны.

В итальянском фашистском режиме, несмотря на тоталитарные декларации, продолжали свое существование монархический институт и католическая социализация. Позднее сложилась специфическая ситуация в Польше. Здесь наличие сильной Церкви и ее структур и крестьянства, сумевшего избежать коллективизации, создали предпосылки для того, чтобы пробить брешь в тоталитарном режиме и успешно противостоять марксистской социализации. В Восточной Германии коммунистическое правление не смогло утвердиться и преодолеть стремление к свободе всего населения, для которого уж очень привлекательным был пример Западной Германии¹.

В конечном счете *тоталитарная мобилизация*, даже в своем полном выражении, может осуществляться только в обществах, находящихся под идеологическим и материальным контролем, изолированных от внешнего мира и идей, от информации о политическом поведении людей за рубежом. Более того, по мере течения времени в такого рода режимах утрачивается и память о прошлом своего общества. Не удивительно, что в таких обществах создаются массовые организации, которые не имеют альтернативы и которые строят свою деятельность на основе идеологических догм. Так, в СССР, начиная с 50-х гг. прошлого столетия, или в Китае, начиная с 60-х гг., все строилось таким образом, что разочарования, если они и возникали, могли существовать только на индивидуальном уровне и не могли получить выражения на коллективном уровне. В свою очередь, Албания времен Э. Ходжи являла собой модель ограниченного тоталитарного пространства, отделенного от своего ближнего окружения. Фактор замкнутости является первичным гарантом реальной тоталитарной мобилизации. Крах тоталитарного правления в СССР некоторые политологи на Западе объясняют его близостью с более открытыми обществами стран Восточной Европы. Осторожная и национально ориентированная политика коммунистического Китая помогла ему сохраниться вплоть до наших дней. Но и он испытывает на себе значительное воздействие соседних новых индустриальных стран Юго-Восточной Азии,

¹ Cf. Badie B., Hermet G. Op. cit. P. 247.

а также зарубежных китайских диаспор. И тем не менее тоталитарная социализация в конечном счете терпит одно поражение за другим. Об этом свидетельствуют факты использования армии в кризисных ситуациях, создание Берлинской стены или подавление студентов на площади Тянь ань Мэнь в Пекине.

Кроме того, при проведении сравнения необходимо учитывать *природу социальной ткани*, которая формируется в итоге монополистической мобилизации политического выражения. Какими бы ни были психосоциальные, психологические или психоаналитические гипотезы, которые выдвигали Ханна Арендт, Питер Натан, Вильгельм Рейх, Эрих Фромм или Теодор Адорно, принудительное во многом убеждение населения со стороны нацистской партии оставалось ограниченным. Основанием для такого утверждения является то, что общества складываются задолго до прихода тоталитарного правления. Но и после утверждения тоталитаризма они (общества) сохраняют немалые ресурсы для своего собственного, в том числе и политического выражения. А это неизбежно получает свое проявление в противодействии мобилизационным усилиям властей. Достаточно вспомнить о тех трудностях на пути коллективизации сельского хозяйства, с которыми столкнулись большевики в СССР после Октябрьской революции.

Нужно сказать, что исследования в области деятельности диктаторских режимов не являются многочисленными. И сравнительный анализ различных диктатур в силу этого сталкивается с немалыми трудностями из-за недостаточной разработанности проблематики тоталитарного правления.

12.3.3. Представление интересов и игра клик

Ограниченность эмпирических исследований характерна и для другого уровня политического выражения. Речь идет о столкновении интересов внутри авторитарных аппаратов или в их близком окружении. В обществах, где политическое соперничество является открытым, оно проявляется в представительных механизмах, в соперничестве групп давления и неокорпоративистской практике. При диктатурах политическое соперничество носит скрытый характер.

Изучение такого соперничества предполагает учет прежде всего вопросов рекрутирования *правлящих элит* и

процедур кооптации. Эти вопросы по праву привлекают значительное внимание многих исследователей за рубежом. Так, вопросы кооптации в Мексике осветили Андерсон и Коккрофт¹. Вопросы отношений между франкистскими правящими группами исследовал Х. Линц². Ряд работ были посвящены изучению подобных вопросов по Советскому Союзу, Китаю, ГДР.

Г. Скилинг и Ф. Гриффитс изучали подобные вопросы по СССР, Лидц — по ГДР, Барнет — по Китаю. Сложилась даже так называемая «плюралистическая школы». Ее представители утверждают, что в силу растущей сложности индустриальных обществ, таких как в СССР и странах Восточной Европы, управление ими на принципах тоталитаризма было не менее сложным, чем управление демократическими обществами.

Представители этой школы, думается, справедливо утверждают следующее: какими бы ни были идеологические амбиции правящего класса того или иного общества, никакое общество не может быть единым по своим политическим позициям, еще менее проявляется его единство, если оценивать интересы его элит перед лицом конкретных политических выборов. На основе такого предположения политологи анализируют логику советской политической власти. Эта логика определяется соперничеством групп давления, опиравшихся на тот или иной элемент социального окружения. А. Мэйер выдвинул в этой связи положение о том, что администрация коммунистических систем была в конечном счете колонизирована обществом, которое было лишено других форм своего выражения³. Выдвигается положение и о том, что политическое и административное руководство в СССР было интегрировано в организованные и конкурентные сети, опираясь на которые осуществлялся захват ресурсов всякого рода в государстве всеобщего благоденствия, которое стало авторитарным и имевшим много общего с подобного рода государствами на Западе.

Несмотря на неспособность *правящих клик* в коммунистических странах обеспечить восходящее экономическое

¹ Anderson C.W., Cockroft J.D. Control and cooptation in Mexican politics // Horowitz I.L., Castro J. de., Gerassi J. (ed.) Latin American Radicalism. London, 1969. P. 366–389.

² Linz J.J. An Authoritarian Regime: Spain // Allardt E., Littunen J. (ed.) Cleavages, Ideologies and Party Systems. Helsinki, 1964

³ Meyer A.G. URSS incorporated // Slavic Review. 20 (3), 1961. P. 369–376.

развитие, подход подобного толка был использован при изучении авторитарных некоммунистических режимов, в которых сложился социальный плюрализм. Этот подход был применен для анализа правящей элиты и ее составляющих групп, а также оппозиции в Испании при правлении Франко, в Португалии при правлении Салазара, а также ряда диктаторских режимов в Латинской Америке и в Африке.

Было выяснено, что политическая игра правящих групп на вершине власти авторитарного режима, легитимность которого строится на признании различия интересов, воспроизводит на основе этой игры ее устойчивые механизмы и их элементы. Механизм политической игры является, быть может, самой характерной чертой авторитарной политической практики, которая отмечена поиском равновесия между экономическими, социальными, военными и религиозными силами, ориентированными на диктаторскую форму правления. При этом власть сталкивается с необходимостью сохранить стабильность системы в рамках такой ситуации, в которой ни одна из соперничающих групп не получала бы первенства в своем влиянии. Однако в силу противоречивости интересов этих групп гений диктаторского правления должен выражаться в том, чтобы обеспечивать восстановление равновесия в условиях меняющегося соотношения сил. Таким трудным искусством владели генерал Франко, король Хасан II в Марокко, Х. Ассад в Сирии. Можно также назвать президента Варгаса в Бразилии, генерала Перона в Аргентине, шаха Ирана или президента Маркоса на Филиппинах, которые таким искусством не владели.

12.4. Протест и оппозиция при диктатурах

12.4.1. Соглашательская и несоглашательская оппозиция

Группы интересов, а также поколения или страны окружения авторитарной власти могут занимать оппозиционную по отношению к диктатуре позицию. Они могут даже вступать в противоборство с нею. Однако оппозиция и протест при господстве той или иной диктатуры не могут иметь однозначного толкования.

Недовольство существующим политическим порядком в режимах, в которых не осуществляется жесткая диктатура,

нередко проявляется в виде критической иронии в похвалах режиму, которые официально излагаются, например, в средствах массовой информации. Это проявляется в работах журналистов, которые вынужденно овладевают искусством писать между строк, используют терминологию и метафоры двойного смысла, с помощью чего удается обходить цензуру. Является ли это протестом? Не является ли это его заменителем в условиях, когда существование оппозиции просто невозможно? А может быть, такие действия являются формой сговора с властью, которая приемлет такую форму политического выражения по двум соображениям: прежде всего в силу того, что она не поддается контролю, кроме как «психической» интерпретации; а во-вторых, она не находит своего структурированного выражения.

Такого рода протест кладет начало пассивному сопротивлению. В относительно либеральном контексте он может получать свое выражение в абсентеизме при неконкурентном голосовании. Однако таким образом выраженная независимость оборачивается поддержкой существующего режима, т. к. последний определяет себя как либеральный. Более наглядно и явно пассивное сопротивление находит выражение в частной жизнедеятельности людей: в виде безразличия к тому, что необходимо делать на работе, квазисаботажа производства, создании альтернативных экономических или культурных кругов, недоверии по отношению к ценностям, провозглашаемым официальной пропагандой. Это может выражаться, как считают политологи, в падении рождаемости, как это имело место в Венгрии и России в период коммунистического правления, что, к слову сказать, сохранилось и в последующем.

Однако вновь скажем о том, что такого рода действия не несут никакой серьезной угрозы диктаторскому режиму. Более того, они могут служить даже ему на пользу. С одной стороны, режим не ведет борьбы с тем, что подрывает социальную ткань общества, которая в известном смысле утрачивает способность к действиям, присущим собственно политической оппозиции. Меньше всего бунтуют, с одной стороны, самые богатые, а с другой — самые бедные в материальном и моральном плане. И получается так, что для диктаторов необходимо любой ценой избегать того, что Хиршман называет «эффектом туннеля», т. е. возникновением фронды или восстания, характерных для обществ, выходящих из прежнего состояния. Наиболее

дальновидные из диктаторов, такие, например, как ныне покойный Чаушеску или непобедимый Кастро, уделяют внимание разрушению своего социального окружения еще до того, как оно начинает приобретать черты смертоносного склероза (первый это делал, подрывая позицию деревни, второй — на пути высылки из страны тысяч потенциальных оппозиционеров). С другой стороны, идеологическое безверие и скептицизм не смущают деспотов. Они особенно дорожат пассивным согласием, а не реальным убеждением, что заставило бы их действовать в соответствии с тем, что они говорят. Верить — это уже слишком для диктатуры.

Протест может становиться ресурсом периодического подтверждения господства тиранов. Китай демонстрирует это уже на протяжении более чем половины столетия. Протест там стимулируется периодически: движение «Ста цветов» (1956), потом «Культурная революция» (1965 — 1969), «Инциденты 5 апреля» (1976), «Пекинская весна» (1978 — 1979), а далее студенческие выступления в апреле — мае 1989 г. Эти «взрывы», изначально разрешенные властями, служат своеобразным выхлопным клапаном ослабления фрустрации, ощущаемой населением. Искусство власти заключается в этом случае в том, чтобы дать ход такого рода действиям, когда еще не сложились условия для формирования организации процесса и на основе этого — реальной оппозиции режиму. Такого рода протест служит элементом для подрыва позиций потенциально оппозиционных элементов. Он позволяет также не только предпринимать превентивные действия в отношении сторонников такого протеста, но и демонстрировать обществу насколько опасны такого рода неорганизованные выступления.

Понятие оппозиции связано с другой логикой, в частности, со способностью социальной ткани общества вырабатывать и сохранять выражение несогласия с правлением. Эта логика фундаментально отличается в системах, где политическое выражение является открытым и конкурентным, от систем, где оно таковым не является. Во втором случае, если рассматривать только формальный аспект, оппозиция может быть легальной или нелегальной в зависимости от природы режима или периодов их исторической динамики. При этом нелегальная оппозиция может быть публичной или подпольной. Так, во франкистской Испании коммунистическая партия находилась в подполье, тогда как рабочие комиссии или группы христианских демократов могли

действовать открыто в 1965–1976 гг., хотя по закону их положение было таким же, как и у компартии. В Польше в 50-е гг. демократы могли действовать только в подполье, тогда как Солидарность сформировалась как официальная оппозиция в 80-е гг.

Третье различие между *соглашательской* и *нвсоглашательской оппозицией* по отношению к власти состоит в следующем. Власть не нуждается ни в каких комментариях. И потому диктаторские режимы обрушивают всю силу своей репрессивной мощи в отношении оппозиции. И тогда оппозиция неизбежно становится нелегальной, подпольной и несоглашательской. В авторитарных режимах некоторые формы оппозиционности допускаются. В этом случае формируется полуоппозиционная партия, обслуживающая режим, как это делала мексиканская Институционно-революционная партия в 60–90 гг. прошлого века, или рабочие фронты старых народных демократий в Восточной Европе. Это могут быть толерантные, официозные сети, группы или структуры, «принимаемые» режимом в силу того, что они не были раздавлены по национальным или интернациональным соображениям (диссиденты в СССР или балтийские автономисты при Горбачеве, а также, например, исламисты в Алжире). Во всех такого рода случаях оппозиция, добровольно или нет, вносит свой вклад в существование режима.

Наконец, не исключается макиавеллистский расчет. Авторитарные руководители могут содействовать политическому выражению экстремистского толка с тем, чтобы дискредитировать оппозицию в целом. Так использовались действия, например, национал-большевиков в бывшем СССР. Режим может оказывать содействие социал-демократическим течениям в противовес коммунистическим, как это было в годы франкистской диктатуры. Не исключается и пример просвещенных диктатур, которые сами готовят уход от власти и передачу ее демократическим силам, как это сделали военные в Уругвае в 1983–1984 гг., передав власть коммунистическим руководителям рабочего движения. Однако проявления такой политической мудрости являются крайне редкими. Более частыми являются такие ситуации, в которых авторитарные правители используют выдумку об опасности революционной или реакционной оппозиции для укрепления легитимности репрессивной власти. В этом ключе использовалась гидра воображаемо-

го коммунистического заговора в Испании и ряде стран Латинской Америки, так же как и угроза контрреволюции используется как оправдание левой диктатуры. Чем больше общество оказывается в подчинении и деструктурированным, тем больше деспоты должны прибегать к манипуляции протестами населения.

Оппозиция в авторитарных ситуациях характеризуется пересечением трех переменных: легальный или нелегальный статус, подпольный характер или отношение власти к ней. Не забывая, конечно, о факторе более значительной дифференциации, связанной с состоянием общества, способом его организации и его культурой и влиянием диктатуры на нее. Нужно сказать, что компаративистские анализы указанного феномена крайне редки.

12.4.2. Политические рамки замещения

Решающая роль католической церкви или иных *религиозных актеров* как фактически оппозиционных авторитарной власти указывает еще на одно направление исследований. Во франкистской Испании, Польше, Восточной Германии, Бразилии, Филиппинах, Иране, в мусульманских странах вообще, а также в Южной Корее и Индонезии религиозные агенты выступали не как политические актеры, призванные заменить власть. Они вмешивались в институциональные пустоты, связанные с запретом политических партий или профсоюзов, не связанных с властью. Механизм замещения и трансферта места оппозиции может осуществляться при помощи и других типов организаций — спортивных, культурных, кооперативных, экологических, милосердия.

Эти организации и группы не имеют специфически политических целей в условиях авторитаризма. Однако в определенных ситуациях они способны осуществлять идеологическое выражение тех или иных политических процессов, отличное от властного понимания. Они оказываются способными стать средством поддержки автономной политизации и островками дистанцирования от авторитарной власти, не превращаясь во фронтальную, нелегальную и подпольную оппозицию. Эти организации выполняют функцию, которую военные называют тыловой. Они становятся базой сетей, которые, будучи неполитическими по сути в силу религиозного или внеполитического характера,

замещают запрещенные политические сети. Эта тыловая поддержка, основанная на оппозиционных по отношению к власти доктринах, особенно наглядно проявляется в деятельности религиозных организаций.

Термин «организация» при этом должен использоваться с учетом некоторых нюансов. Он применяется к иерархизированной и структурированной модели, представленной католической церковью. В меньшей мере он применим к течениям, связанным с Реформацией. Так, в Восточной Германии, несмотря на ограничения, протестантская церковь была единственным противовесом сетям официальной политизации. Еще в меньшей мере этому отвечает буддизм. Так, в Тибете он выступает в большей мере как фактор идентичности населения, лишённого политического выражения, нежели как организация. Еще в меньшей мере это можно отнести и к исламу, логика которого не является экклезиастической и иерархизированной. Правда, внутри ислама существуют формы альтернативной религиозной общности, например, братья мусульмане. Однако недостаточная структурированность ткани общества сопровождается в исламе сильным воздействием политико-религиозных посланий. На основе чего рождаются структурированные волокна и сети, цели которых являются политическими (братья-мусульмане). Такого рода явления превращаются в течения, секты или братства, вписывающиеся в политическое пространство. Такие моменты проявлялись давно уже в Ливане и Сенегале. Еще более наглядно это продемонстрировала иранская революция и гражданская война в Алжире.

Механизм трансферта и возвратные движения осуществляются различным образом. Они могут быть прикрытием для оппозиционеров. Напрямую они могут становиться пространством политической социализации, отличным от официального. Так было во франкистской Испании, в Польше, африканских странах южнее Сахары, на Филиппинах времен Маркоса и даже в Сингапуре, где политическое руководство высказывало сомнения в способности содействия власти со стороны христианских ассоциаций.

Помимо политических рамок замещения эти пространства выполняют функцию программирования для оппозиции. Они вырабатывают альтернативный проект в рамках полей своей компетенции, что кладется в основу собственно политических течений — рабочие комиссии

в Испании, Солидарность в Польше, новые профсоюзы в Бразилии в 80-е гг. Такого рода организации пользуются нередко скрытой поддержкой со стороны власти, которая учитывает то, что они выражают интересы маргинальных слоев населения. Кроме того, эти движения выполняют трибунную функцию, пользуясь метафорой Ж. Лаво. Эту функцию выполняют актеры, которые по определению не могут прийти к власти. И власти исходят из того, что функция политического выражения со стороны таких слоев общества является правомерной. Правда, существует значительная разница между *толерантностью власти по отношению к трибунному выражению и использованием диктатурами ресурса открытого бегства от политики*, проводящегося религиозными и спортивными организациями. Такая инструментализация очевидна в мусульманских странах (Египет, Марокко, Алжир). Бразильский военный режим в 1964 – 1985 гг. способствовал развитию спиритизма и синкретических культов африканского происхождения. Нередко диктаторы обращаются к использованию возможностей религиозных культов. Так, в Советском Союзе Сталин способствовал возрождению религии в стране. В то же время эти механизмы могут попадать под опеку власти, которая стремится их использовать в своих целях.

ГЛАВА 13

ВНЕСИСТЕМНОЕ ПОЛИТИЧЕСКОЕ ВЫРАЖЕНИЕ

Всякий образованный социальный коллектив обладает значительным потенциалом политического выражения, который лишь частично представлен институционализированными кругами. Такая реальность, присущая всем современным обществам, получает дальнейшее развитие. Это связано с усилением социальной мобилизации, а также еще и с тем, что власти вынуждены в своей деятельности обращаться к дифференцированным социальным институтам и актерам. Социальная мобилизация в итоге оказывается неразрывно связанной с формированием публичной силы.

Как отмечал еще Э. Дюркгейм, мобилизация, о которой идет речь, вписывается в логику разделения социального труда и связанного с ней процесса социальной трансформации. В итоге ставится под вопрос сила солидарности сообществ, что характерно для человеческих групп, основанных на естественной воле и врожденной связи, присущей семье, племени, клану или поселку. Под воздействием разделения задач, которые необходимо решать, эти сообщества утрачивают возможности контроля над индивидами, которые отождествляли себя с этим обществом. Это рождает некую новую коллективность, основанную на принципиально иной социальной связи. Эта последняя становится в контрактной, ассоциативной, основанной, хотя бы на частичной индивидуализации социальных отношений.

Эти две социальные конструкции, присущие органицистской социологии, приводят к оппозиции, которую убедительно показал в своей знаменитой работе немецкий социолог Ф. Тённис¹. Он различает, как известно, сообщества и общества. Э. Дюркгейм, в свою очередь, выдвинул идею механической и органической солидарности. Эти конструкции описывают фундаментальное изменение в положении индивида внутри местного коллектива: в сооб-

¹ Тённис Ф. *Общность и общество*. СПб., 2002.

ществе индивидуальная воля стирается перед лицом социального контроля, и индивид принимает статус, который ему предписан; отождествляя себя с коллективным сознанием группы, он избегает риска, связанного с девиацией в своем поведении. Если же эта девиация имеет место, то она неизбежно приводит к драматическим последствиям: нарушение норм группы, утвердившихся внутри сообщества, является покушением на священное и выражается в том, что называется исключением, т. е. фактически приводит к смерти. Свободное выражение практически невозможно в сообществе.

В социетальном порядке, напротив, индивидуальная воля атомизируется и тем самым отделяется от социального контроля; социальные связи более не являются естественными, они становятся искусственными, ассоциативными, основанными на обмене и интересе; социальные группы образуются в зависимости от их позиции в разделении социального труда, которую они защищают и стремятся укрепить. В таком случае оказывается возможным не только политическое выражение, но и свобода становится необходимой: социальное взаимодействие предполагает выражение интересов и движение запросов социальных групп, т. к. именно они создают новую солидарность, основанную на обмене. Однако это не означает исчезновения социального контроля и утверждения полностью свободного, читай анархического, способа выражения. Политическое выражение всегда опирается на систему ценностей, которые, став менее принудительными, тем не менее учитываются агентами социализации.

Дифференциация политической власти также вписывается в указанную логику. Исчезновение связей сообщества нередко рассматривалось как предпосылка политического и социального разделения общества. В традиционных обществах власть совпадает со всей группой. В некоторых африканских традиционных обществах, как, например, в Габоне, функция власти осуществляется «инициативными» обществами, которым принадлежит право на обладание священным; на нечто подобное указывает Пьер Кластр¹ в отношении индейцев, проживавших в бассейне Амазонки: здесь невозможно свободное выражение, хотя бы потому, что оно не имеет адресата.

¹ *Clastres P. La société contre l'État. Recherche d'anthropologie politique.* P., 1974.

Вне этих крайностей, в других обществах политическая власть является слабо дифференцированной: с одной стороны, она находится в руках индивида или группы индивидов, опираясь в своей реализации на семейную, социальную или религиозную функции, а с другой — связывает более или менее систематизированным образом ее использование во имя уважения традиции. В таком случае свободное выражение становится технически возможным. Но оно оказывается очень дорогостоящим, если превращается в выражение индивидуальных интересов или запросов в деле социальной трансформации. В случае, когда утверждается разделение социального труда, осуществляется специализация политической функции и тем самым ее дифференциация по отношению к религиозным и семейным ролям, что вписывает, согласно Эйзенштадту, естественно и логически в пространство, в котором все обсуждается и оспаривается.

13.1. Социальные движения

Внесистемное выражение является прямой функцией социальной мобилизации. Оно приводит к образованию социальных движений, т. е. к созданию организаций, стремящихся объединить индивидов в целях защиты заранее определенных ими социальных интересов. Некоторые из этих движений могут получать политический институционализированный перевод и действовать на официальной политической сцене. Другие же могут вписываться в каналы выражения, находящиеся в большей или меньшей степени под надзором политической власти. Однако всегда существует *внешнее выражение* по отношению к официальной политической сцене, которое задает ритм социальной жизни, порождая политические последствия, а подчас, и ставит под вопрос сложившийся в обществе социальный порядок. Эта постановка под вопрос чаще всего связывается с развертыванием революционного процесса.

Такой феномен свойственен, по сути дела, всем современным обществам. Сторонники девелопменталистской логики общественного развития данный феномен рассматривают как универсальный, который находится, чаще всего, вне эффективного регулирования политического центра. Такое представление может на первый взгляд казаться несколько упрощенным. Однако нужно

учитывать следующее. Социальная мобилизация и социальные движения образовались не в наши дни: задолго до наступления современного этапа общественного развития существовали протестные социальные движения. При этом необходимо учитывать связи между порядком сообщества и социетальным порядком. Появление социетального порядка не привело к исчезновению порядка сообщества. Более того, включение структур сообществ в современные социальные пространства может приводить и приводит к появлению движений протеста, а вместе с ними и к разнообразным проявлениям политического выражения, что предопределяет и результирующие векторы социальных движений. Наконец, процесс трансформации вовсе не во всем является универсальным: историческая социология и антропология показали, что европейская история не является механическим следствием экономической модернизации, она испытывает влияние культур и истории вообще. Незападные общества, к примеру, характеризуются не только их культурой и уровнем экономического развития. Не меньшее значение для понимания сути незападных обществ имеет факт сопротивления, которое оказывают входящие в них сообщества. Как отмечают политологи, эти сообщества и ассоциативные структуры порождают в обществах, о которых идет речь, социальные напряжения, придавая им одновременно и социальную динамику, и оригинальную конфигурацию.

Таким же образом, прогрессивная дифференциация политики, приписанная девелопменталистами к совокупности обществ, находящихся в процессе модернизации, не подтверждает своего универсального характера. А это объясняет, почему появляется известная множественность формул легитимации политической власти, которые, в свою очередь, оказывают воздействие и на природу социальных движений.

Такая комплексность была показана Энтони Обершаллом в его моделях анализа социальных движений¹. Различая социальные движения по типу их организации и социального отношения, Э. Обершалл выявляет наиболее существенное в различиях между социальными движениями, а также то, что способствует структурированию различных способов их политического выражения. Подчеркивая зна-

¹ Oberschall A.R. *Social Conflicts and Social Movement*. Englewood Cliffs (NJ), 1973.

чение организационного фактора, Э. Обершалл отмечает, что социальное движение может быть организованным или ассоциативным; оно может воспроизводиться также и вне организационных рамок; анализируя отношения между социальным движением и совокупностью общества, он различает движения, стремящиеся к укреплению своей интегрированности внутри общества, и те из них, что стремятся к разрыву с обществом или к «сегментации» по отношению к нему.

Таблица 17

**Организация общества
и типы социальных движений**

Отношение к обществу	Тип организации		
	Общинное	Слабое	Ассоциативное
Интеграция	А	В	С
Сегментация	D	E	F

Пересечение этих двух переменных порождает шесть типов социальных движений. Тип «А» характеризует движения, которые мобилизуют общинные группы, требующие лучшей интеграции в обществе, внутри которого они определяются как маргинальные и обездоленные. Тип «А» охватывает деревенские движения унитаристской и межклассовой природы. Они, как правило, направлены против государства, проводящего модернизацию общества. Государство для такого рода движений предстает как внешняя, находящаяся далеко от них, сила. И потому оно рассматривается ими как сила, которая в недостаточных объемах осуществляет перераспределение.

Тип «В» характерен для движений, не отличающихся особой организованностью форм протеста. В такого рода движениях участвуют социальные актеры, которые добиваются в своих интересах дополнительных усилий со стороны политического центра, по отношению к которому они ощущают себя исключенными. Такого рода протестные действия осуществляются через так называемые надзираемые государством каналы выражения. Примером чего может быть клиента.

Тип «С» соответствует западной профсоюзной модели социальных движений. Эта модель предполагает ассоциативный характер социальных движений, основанный на коалиции интересов и на протесте в виде выдвижения тре-

бований. Профсоюзные движения, нацеленные на защиту интересов их участников и на получение дополнительных выгод, способствуют в конечном счете лучшей интеграции в общество той или иной социальной группы, организационно представленной в профсоюзе.

Тип «D» характерен для движений тех сообществ, которые не добиваются интеграции в общество, а стремятся утвердить свою собственную идентичность и даже выйти из национальной совокупности общества. Примером движений данной группы могут быть курды в Ираке и Турции, сикхи и тамилы в Индии.

Типы «E» и «F» характеризуют такие движения, которые определяют себя как внешние по отношению к сложившемуся социальному порядку и которые стремятся противопоставить ему (сложившемуся социальному порядку) некую контрлегитимность. Они опираются или на ассоциативный аппарат, образованный, например, как иранское революционное движение, опирающееся на сети мечетей (тип «F»), или они действуют вне рамок организационных инфраструктур (тип «E»), какими являются большинство движений в городах развивающихся обществ.

Такая классификация позволяет отличать различные виды социальных движений. При этом она обращает особое внимание на требования социальных движений как на одно из важных проявлений политического выражения.

Что означает это для компаративиста? Требование должно изучаться как особый способ политического выражения. Нужно исходить из того, что выбор сделан заранее: социальное движение выдвигает свое требование как некое политическое выражение в целях получения дополнительных материальных или символических выгод от политической системы.

Однако такой, казалось бы, банальный подход для западной истории предполагает объединение нескольких условий: склонность индивида, разделяющего этот интерес, к объединению в целях его реализации; наличие государства, обладающего необходимыми для этого средствами; позитивное ожидание социальных актеров в вопросе о шансах получить выгоды пропорционально цене их мобилизации.

Бесспорно, эти различные условия связаны с историей и культурой конкретной страны. Они (эти условия) особенно характерны для западной модели политического

развития. Примером такой модели является Франция. Нет необходимости доказывать, что ее развитие, как и развитие ряда западных стран, строится: на ассоциативной культуре, позволяющей индивидуализацию социальных отношений; на опыте коммунального объединения и управления; на стратегии буржуазии в период Французской революции, подхваченной потом рабочим движением.

Таким образом, государство всеобщего благоденствия является результатом длительного исторического развития Европы, где оно превратилось в место распределения и перераспределения национального продукта. Такое государство является политическим выражением столкновения конкурирующих интересов различных социальных групп и классов общества. Оно неотделимо от полиархической культуры, основанной на соперничестве социальных групп с их дифференцированными социальными интересами, которые вытекают из разделения общественного труда. Наконец, характеризуя такое государство, необходимо учитывать культуру, которая испытала влияние рабочего движения, а также и то, что оно основано на принципе выражения-требования.

Понятно, что все эти элементы не встречаются в истории, например, стран «третьего мира», где слабость профсоюзных организаций или неразвитость ассоциативных сетей не объясняются только низким уровнем развития или авторитарной природой политической системы. Скорее, это объясняется отсутствием этих разных факторов, в частности, отсутствием ассоциативной культуры.

В то же время тип социального движения не является вневременным явлением. Он может меняться во времени. Его существование может даже быть поставлено под вопрос. Кризис государства всеобщего благоденствия на Западе и особенно повторяющийся опыт поражений экспериментов на основе классических требований могут поставить под вопрос легитимность и обоснованность той самой основы государства, которую выше мы назвали «выражения-требования».

О чем идет речь? Во многих развитых странах Запада в последние годы наблюдается рост численности новых социальных конфликтов. Причем сами эти конфликты чаще всего основываются на требованиях нового стиля: они являются более радикальными, более трудными в своем решении. Все чаще новые по стилю конфликты утрачивают

прямую связь с синдикализмом. Это означает в конечном счете, что ставится под вопрос стратегия требований.

Остановим на этом свое внимание. В течение почти столетия институционализация и даже известная ритуализация стратегии требований способствовала интеграции индустриальных обществ и предохраняла их политические системы от делегитимирующих власть социальных конфликтов. К слову сказать, государство всеобщего благоденствия, опираясь на присущие ему способы управления социальными конфликтами, получало двойную легитимацию. Прежде всего, выступая в качестве высшей инстанции при возникновении социальных кризисов, государство укрепляло свою институционную диспозицию. А во-вторых, в ходе разрешения социальных конфликтов укреплялась связь государства с подчиненными группами общества в соответствии с «трибунной» логикой. Как отмечают французские политологи, сегодня нельзя со всей определенностью утверждать, что такой способ социальной интеграции может и дальше достаточно долго продолжаться. Как, впрочем, нет пока однозначного ответа на вопрос, можно ли его применять ко всем типам обществ? Тем не менее есть основания полагать, что модель Э. Обершалла указывает и на другие способы политического выражения социальных движений. Эта модель также противопоставляет, в частности, «протест-требование» «протесту-бунту». Последний возникает как результат проведения стратегии сегментации общества, основанной на отказе от установленного общественно-политического порядка. Более того, весьма часто стратегия сегментации ставит вопрос существующий порядок, а вовсе не стремится отыскивать пути для удовлетворения требований тех или иных социальных актеров.

Значительный интерес представляет уточнение связи «сообщество-общество». Э. Обершалл обращает наше внимание на значение роли того и другого элемента этой пары как социальных векторов мобилизации, а также на то, что социологическая проблема здесь является комплексной. Порядок сообщества, в отличие от традиционных обществ, в меньшей степени благоприятен для социальной мобилизации и политического выражения, которые включаются в «игру» социального контроля. В контексте индивидуализации социальных отношений сообщество может утверждаться как место содействия и сопротивления изменению. Оно может играть активную роль в сохранении консерва-

тивных ценностей и оказывать решительное сопротивление изменению общества. Такая роль социальных движений проявилась в общественном развитии многих западных стран. Она наиболее полно получает свое выражение в возрождении правых движений в странах западной демократии. Пример тому — маккартизм в США, пужадизм и Национальный фронт во Франции, а также формирование Йорга Хайдера в Австрии или партии прогресса в Дании и Норвегии.

В современных условиях индивидуализация социальных отношений может также становиться способом активизации форм политической мобилизации. Она возникает как результат деятельности ассоциативных сетей. Профсоюзная активность, например, или иные объединения сторонников того или иного дела становятся особенно эффективными в случаях, когда встречаются поддержку сплоченных групп сообществ (группы друзей, товариществ по работе или лиц, вышедших из одних и тех же «семей» единомышленников, передающих свой опыт и представления от поколения к поколению).

В развивающихся, незападных обществах индивидуализация социальных отношений выражена в меньшей степени. Однако в таких обществах, как правило, устанавливается такой политический и институционный порядок, который вступает в противоречие с традиционной идентификацией своей монополии на авторитет. Такая стратегия стремится опираться на социальную мобилизацию, в частности, на урбанизацию, борьбу с неграмотностью, усиление роли СМИ, а также на выработку публичной политики, например, в области здравоохранения, социальной защиты или материально-техническое обеспечение. В этом случае общество не является более местом только сопротивления изменению, а еще меньше оно является вектором новых и ассоциативных форм мобилизации. Напротив, сообщество соединяется, оно включается в круги мобилизации. Это применимо, например, к современной Японии и к той роли, которую семья играет в современном капитализме, а также к включенности каст в общественную жизнь в современной Индии. Такая постановка вопроса справедлива и в отношении стран Африки и мусульманского мира. В мусульманском мире, как показали исследования по городам, урбанизация приводит не к разрушению структур сообщества, а к их переустройству. Если развитие европейского города ха-

рактизовалось тем, что ассоциативные сети пришли на смену былой интеграции сообществ, то мусульманский город лишь только подтвердил ее. А потому сообщество в мусульманском мире стало привилегированным местом выражения и устройства политического участия на основе различных форм патронажа (*bashawat*, *shillal*, *futuwwat*) в Египте, или *zu'ama* в Ливане. Это приводит к различным результирующим воздействиям. Сообщества могут питать прежде всего клиентелистские круги, институционализируя этот тип естественного патронажа и навязываясь как привилегированные каналы политической коммуникации, лишая тем самым политические партии и другие посреднические структуры их ресурсов. Они могут содействовать деятельности партий. Примером чего могут быть партия Баас в Сирии, которая была «конфискована» алуитским меньшинством, или партия Баас в Ираке, которая при правлении С. Хуссейна стала, по сути, партией клана города Текрит.

Партии могут выражать не только политические и стороннические интересы. Речь в данном случае идет о религиозных партиях, озабоченных прежде всего восстановлением веры и организацией верующих по способу функционирования сообщества, что становится побудительным началом политической мобилизации.

Наконец, вне таких кругов само сообщество может быть местом политического выражения и вырабатывать в итоге мобилирующий потенциал, чувствительный для политической системы. Эта чувствительность определяется тем, что такого рода сообщества, будучи невключенными в институциональную политическую игру, не имеют посредников, а потому их политическое поведение является непредсказуемым. С этой точки зрения становятся понятными неожиданные мобилизации, которые проявились в городских волнениях 1977 и 1986 гг. в Египте, в 1984 г. в Тунисе и Марокко, в 1988 или 2001 гг. в Алжире, в 1993 г. в Бомбее, а также те мобилизации, которые проявились во время войны в Персидском заливе в мусульманских странах.

Городские волнения становятся средством «свободного» политического выражения. Его особенность заключается в неожиданности, непредсказуемости, в отсутствии лозунгов и организационных решений. А потому власти не могут заранее их предвидеть, как, впрочем, не могут их предвидеть и существующие уже организованные группы протеста,

которые стремятся использовать стихийные протесты в своих интересах. Цели стихийных движений, как правило, не имеют точного политического выражения. Они чаще всего связаны с некоторыми довольно популярными лозунгами: разоблачение причин голода, нищеты, коррупции, всего иностранного, что навязывается населению страны. Для таких целей характерен приоритет реинтеграции в сообщество. Их отличает межклассовое выражение, семейная мобилизация, солидаристская тематика, а также символическое выражение (атака на банки, международные отели, кабаре и нایت-клубы и т. п.). Наконец, нельзя не сказать и о том, что таким движениям присуща двойственность в политике. С одной стороны, стихийные выступления обращены к «небу», а с другой — в них отсутствуют ясно определенные цели, а слабость организации не позволяет со всей определенностью ставить под вопрос легитимность существующего порядка.

Все это подтверждает тот факт, что такие социальные движения и процессы являются противоположностью движений, основанных на «выражении-требовании». Стихийное выступление ничего не требует, но заявляет о нелегитимности существующего порядка. В этом смысле свобода политического выражения становится тем большей, чем больше она теряет инструментальный свой смысл. Это ставит перед политической системой серию проблем. Прежде всего политическая система не может заставить замолчать протест, т. к. никакое требование в отношении ее не выдвигается и потому никакая уступка не может оказывать сколько-нибудь существенное влияние на движение. Однако в силу того, что осуществляемая социальная мобилизация затрагивает легитимность самого общественно-политического порядка, она неизбежно ставит вопрос о смене этого порядка. Отсюда вытекает чисто символический характер «ответов» политической системы, властей на такого рода выступления против режима: ведь к нему, по сути, не предъявляется прямых вопросов, какими могли бы быть отставка того или иного министра, изменение состава правительства, осуществление конституционных изменений или уменьшение цены на хлеб и т. п.

В то же время движение протеста встречает и оживляет солидарность внутри сообщества, которая является ее вектором. В этой солидарности находит наиболее полное выражение те противоречия и напряжения, которые склады-

ваются между общинного типа обществом и политическим порядком, основанном на контрактной и ассоциативной культуре и стремящимся опираться на сектора общества, наиболее социально мобилизованные. Не вызывает удивления тот факт, что протестные выступления почти всегда возникают в городах и в обществах, таких как Иран, Египет или страны Магриба, где урбанизация была активной и достаточно быстротечной. А потому участниками таких выступлений являются: группы, которые испытывают на себе воздействие фрустрации, порожденной социальной мобилизацией; мигранты из сельской местности, оторванные от традиционной жизни и лишенные средств для своей включенности в городскую жизнь; индивиды, уже интегрированные в городскую жизнь, но которые добиваются осуществления таких социальных ролей, которые позволили бы им быть активными участниками социальной жизни, а не быть безработными или заниматься малоквалифицированной, низкооплачиваемой работой, которая не позволяет им активно участвовать в жизни города. Такая разнородность участников протеста затрудняет их объединение на основе определенных программ или идеологий, а также создает благоприятную среду, в которой отклик находят внеполитические организации, в частности, представители религиозных организаций.

Однако география протеста выявляет различия, в том числе и их регионального выражения. Можно выделить отдельно движения сепаратистских сообществ (тип «D», по Обершаллу), которые нацелены на вывод определенного меньшинства из сложившегося исторически национально-пространства (баски или ирландцы в Европе, армяне, тибетцы или кашены в Азии, ибос или туареги в Африке и т. д.). Протестные выступления в основном дают о себе знать в мусульманском мире, на индийском субконтиненте, а в США они получают выражение в выступлениях расистского характера. Протест как политическое выражение редко проявляется в странах Африки или Латинской Америки. Однако при всех указанных различиях есть нечто общее, что объединяет такого рода политическое выражение: сильная урбанизация, низкая легитимность политической власти, прямое столкновение с социальным порядком сообщества и способами институционализации ассоциативной природы. Именно такие причины лежали в основе выступлений в Боготе в 1948 г., Каракасе или Да-

каре — в 1988 г., Абиджане — в 2000 г. Однако в большей мере такого рода выступления происходят в контексте эпизодических напряжений между официальной политической сценой и соперничающими кланами, в умножении феноменов индивидуального отклонения в виде, например, городской преступности, а в Латинской Америке — в виде вооруженной герильи. И хотя такие различия с трудом поддаются объяснению, можно, однако, полагать, что протест в виде стихийного выступления является предвестником некой новой контрлегитимности, противостоящей официально представленной легитимности на политической сцене. А для того, чтобы эта новая легитимность, назовем ее так, могла реализоваться и стать способной к эффективной социальной мобилизации, она должна обеспечить контрсоциализацию той части населения, которую охватывает движение протеста. Именно на такой базе происходили выступления негров в городах США в 60-е гг. прошлого столетия. В таком же духе незападные религии по своему происхождению выполняли и выполняют функцию контрлегитимации перед лицом заимствования и претензий на универсальность западной этатической модели; это можно отнести к индуизму перед лицом светской модели государственности, буддизму во Вьетнаме, Бирме и даже ламизму в Тибете. Наличие контрсоциализирующего полюса становится предпосылкой для протестных волнений.

Таких полюсов нет в Латинской Америке. С одной стороны, это сложилось в силу того, что этатическая модель, перенесенная в страны Латинской Америки, не стала экзогенной для них, а с другой — католическая религия и в этих странах не играла той роли, которая присуща индуизму и исламу. Справедливости ради нужно сказать, что в ряде стран Латинской Америки, например, в Бразилии и странах вокруг Анд, получила распространение теология освобождения. Однако она не получила широкого распространения, к тому же она была нейтрализована усилиями епископата. Трибунная функция клира оказалась явно недостаточной для результативной контрсоциализации. А потому усилия мобилизации предпринимались и находили некоторый отклик в сельских районах, где сохранялась старая революционная традиция. При этом внеполитические воздействия не ставили под вопрос легитимность власти. Они строились на преимущественно популистских призывах и действиях. А потому выступления в странах Латинской Америки, если

они происходили, скорее, напоминали крестьянский бунт, нежели выступление протеста.

Такой крестьянской революционной традиции нет в странах Африки. А контрсоциализирующие полюса, если они и возникают, настолько слабы, что не могут становиться векторами мобилизации населения. С этой точки зрения более благоприятные условия имеются в мусульманских странах Африки, хотя африканский ислам является, скорее, способом структурирования контрсообществ, чем источником активной мобилизации. Роль разных социальных сегментов в Сенегале, например, проявляется в активном контроле над важными секторами социальной жизни. Опираясь на религиозный клиентелизм, они становятся вызовом государству в Дакаре. При этом объединение на их основе является средством выражения культурной идентичности, надежд и ожиданий этой части общества.

Вне африканского ислама организованное внеполитическое выражение носит ограниченный характер. Крушение государств (Либерия, Сьерра-Леоне, Заир, Руанда или Бурунди) произошло в силу полицейского характера этих государств, проводивших политику геноцида, или это крушение было результатом массовых преступлений. И в силу этого некая программированная мобилизация была, по сути дела, исключена. Единственное, что можно и должно учитывать, это экспансия синкретических сект, которые несут в себе привилегированный способ выражения внешности или по крайней мере автономности перед лицом официальной политической сцены как потенциального источника мобилизации. Католическая церковь, если она проводит осторожную стратегию в отношении политической власти и если она стремится противопоставить ей некую контрлегитимность, становится местом политического выражения, как мы отмечали, а также проявлением определенной автономности социальных пространств. Тем самым посреднические группы или институты, которые не являются инстанциями контрсоциализации или актерами-экранами, оказывающими воздействие на гражданские позиции, вместо мобилизации в виде революционного выступления, эти актеры тормозят действие механизмов институционализированного политического участия, действуя в своих собственных интересах. Они выявляют недоверие к существующему политическому порядку.

Частота и интенсивность этих процессов приводят к изменению природы и измерению самого политического пространства: если социальные движения и различные виды эпизодического протеста учитываются разными организациями, в том числе и внеполитическими организациями, то такие страны подвергаются риску демонтажа политических организаций, порождая процесс десиндикализации и департизации, способствуя тем самым вхождению в политическое пространство ассоциаций другой природы. Это особенно характерно для исламских движений, которые формируются вокруг требований более высокой легитимности по сравнению с существующей на официальной политической сцене. Возникают в итоге организации религиозного или иного толка, которые не стремятся сменить существующий политический порядок, но ставят задачу разделения внутри него политического труда. В контексте кризиса способа институционального выражения протеста утверждение такого рода организаций способствует расширению пространства протеста и созданию условий для объединения вокруг них и других движений¹.

13.2. Политика снизу и народные способы политического действия

Расширение поля участников движений не ограничивается только феноменом политического выражения организациями неполитического характера. Особенность политического выражения вне институциональных процедур характеризуется широкими возможностями. Чем более слабой является институционализация политического выражения, тем более широкими являются способы этого выражения, и тем более они оказываются вне всякого контроля со стороны властей. С другой стороны, чем больше социальные пространства получают автономию по отношению к политической власти, демонстрируя свой вызов или безразличие, тем большую опасность для власти, для политической системы приобретают способы народного политического действия. Эти последние осуществляются не профессиональными и организованными актерами, а индивидами без какой бы то ни было особой политической квалификации.

¹ Cf. Denie B., Hermet G. Op. cit. P. 266 – 267.

Формы таких способов действия весьма разнообразны: стихийные забастовки, абсентеизм или отказ от участия в мероприятиях правящей партии, эскапизм¹, использование насмешек и юмора в отношении власти, обращение к диалектам, которые не признаются властью, использование музыки как проявление протеста, вступление в мессианские организации и т. д. Словом, каждый индивид обладает большим числом средств свободного выражения и тем самым вмешательства в социальный порядок. Это может превращаться в существенный противовес усилению авторитаризма или тоталитаризма, опирающихся на насильственные методы и социальный контроль.

Особого внимания заслуживают *мессианские движения*. Их мобилизационная способность особенно сильна, если они опираются на религиозное основание. Такие движения находят активный отклик среди бедных слоев населения, а также среди тех, кто оказывается вне сообществ. Это в полной мере относится к традиционному крестьянству, сельским пролетариям и значительной части рабочего класса.

Мессианизм, в большей мере связанный с особой культурой, может получать распространение в условиях кризиса. Так, в Средние века в Европе получило распространение движение милленаристов², которому способствовали демографический рост, урбанизация и изменения социальных структур общества. Речь шла тогда о крестьянских восстаниях в XIII—XIV вв., флагеллантах³, бегунах⁴, движении

¹ Эскапизм (англ. escapism < escape — бежать, спастись) — уход от действительности в вымышленный мир.

² Милленаризм (лат. mille — тысяча + annus — год) — религиозно-мистическое учение о тысячелетнем земном царствовании Христа, которое должно наступить перед концом мира. Милленаризм (иначе его называют хилизмом) характерен для раннего христианства, для многих еретических учений в Средние века, а также для иеговистов, адвентистов и др.

³ Флагелланта (лат. flagellans — бичующий) — религиозные аскеты-фанатики, проповедовавшие публичное самобичевание ради искупления грехов. Это движение возникло в XIII в. среди городской бедноты Италии как протест против католической церкви, гнета феодалов и непрерывных войн. Оно получило потом распространение во всей Западной Европе. Флагелланта преследовались как еретики и в XV в. постепенно исчезли.

⁴ Бегуны (странники) — движение в старообрядчестве среди беспоповцев во второй половине XVIII в. Движение призывало уклоняться от повинностей и государственных обязанностей, бежать в пустынные места или прятаться.

гуситов¹, а более широко — о развитии движения сект в эпоху Реформации. Эти движения бросали вызов существующему порядку, высказывали ожидания по изменению распределения богатства и власти, и особенно — веру в Спасителя, находящегося вне официального политического пространства и связанного с миссией установления на тысячу лет счастья.

Ту же идею мы встречаем в исламе. Например, в Судане — в XIX в., эта идея получила наименование махдизма². То же наблюдается в таоизме через деятельность сект по мобилизации крестьян на борьбу против имперской китайской династии. Подобные проявления можно найти в буддизме и индуизме.

Нужно сказать, что религиозные учения наделены мессианским потенциалом, который способен противопоставляться официальному политическому порядку, а также избегать контроля со стороны самих клерков с тем, чтобы учреждать народную религию как источник мобилизации снизу дезорганизованных или находящихся вне организации групп.

В наши дни указанный феномен получил особое развитие в силу своего действия в контексте отсутствия институционализированного политического представительства или его кризиса. Указанный феномен проявляется в наши дни в выступлениях негров в США. Немало проявлений такого рода движений заявляют о себе в Бразилии, Гаити, Ямайке и Западной Африке. В определенных ситуациях такой же протестный характер могут приобретать деятельность сект мармонов, протестантов, адвентистов или свидетелей Иеговы. Все эти движения объединяет некая общая тематика:

¹ Гуситы — участники борьбы народных масс Чехии (и, отчасти, Словакии) против католической церкви, феодальной эксплуатации и иноземной агрессии (1-я пол. XV в.), последователи национального героя чешского народа и идеолога Реформации в Чехии Яна Гуса (сожжен на костре в 1415 г.). Гуситы делились на два крыла: умеренные (чашники, или утраквисты) и радикальные (табористы).

² Махдистское восстание в Судане в 1881 — 1898 гг. против турецко-египетских властей и английских колонизаторов. Возглавлял Махди Суданский (отсюда название), после его смерти — Абдаллах ибн аль-Саид Мухаммед. В ходе восстания махдисты заняли большую часть страны и создали независимое феодально-теократическое государство. В Омдурманском сражении 3 сентября 1898 г. армия махдистов была разгромлена английскими войсками. Судан стал фактически английской колонией.

разоблачение коррупции, призыв к эскапизму, вера в новый Иерусалим, разоблачение иностранцев, реконструкция находящейся под угрозой интеграции общества, призыв к париям¹, отождествляемым с солью земли.

В этой связи, однако, важно различать понятие религиозного синкретизма² от мессионизма или милленаризма. Возникший под воздействием испанских евангелистов, индейский синкретизм в Южной Америки в районе Анд или Мексике структурирует социальное и культурное пространство.

Таким является афрохристианский синкретизм, а также в Карибских странах, включая альтернативную религию в Бразилии. Все они вписывают идентичность колонизированных граждан, или бывших рабов, в перспективу отступления перед лицом политики в обычном смысле слова, т. е. в пространство подчинения, компенсируемого в том, что касается духовных эмоций и магических действий. И наоборот, чаще всего они оказываются вне мессианического содержания основных религий.

Странствия милленаристов характеризуются тем, что они неразрывно связаны с ожиданием прихода Мессии. Эти ожидания народа особенно характерны для периодов кризиса; и они продолжают такой разрыв как продолжение абсолютного голода или изменением эксплуатации земли, или разрушением старого режима, идеализированного голодными. Примером этого может быть Бразилия с конца XIX в., когда происходило крушение империи, и до 1940 г. В этом случае деревенский новый Иерусалим строится на принципах множественных движений. И Мессией может быть и священник, который потом мифом может быть превращен в короля, или как Тупак Амару эпизодически «реинкарнируемый» людьми или течениями Перу.

Однако такого рода манипуляции затруднены в синкретических регионах. Военные поражения или систематические искоренения такого рода манипуляций являются там общим правилом. Это тем более сильно проявляется в том, что милленаристы отказываются от какой бы то ни было формы модернизации, и в том, что они стремятся

¹ Пария — 1) одна из низших каст в Южной Индии — «неприкасаемые»; 2) бесправный или отверженный человек.

² Синкретизм (греч. *synkretismos* — соединение, объединение) — смешение, неорганическое соединение разнородных элементов, например, в философии — сочетание противоречивых, несовместимых воззрений, в религии — различных культов и религиозных систем.

объединиться во всех внешних действиях с выступлениями крестьянства. Политическая и социальная власть понимается милленаристами как огненная вереница возвратного характера от больших латифундий. Справедливости ради нужно сказать, что граница между ними и теми, кто отошел от религиозных убеждений в пользу утопии больших ожиданий, является очень размытой. Аграрные восстания участвуют во всех проявлениях крестьянского безземельного аскетизма, «черных рук» против «белых рук», проживающих в городах. В конце XIX в. (1890) сельские поденщики Андалузии пришли в движение на основе веры. Они выступили против города, подобно тому, как французские мужланы из числа сельских жителей желали сделать это в 1789 г., и как шуаны сделали это немного позднее. Аграрный анархизм юга Испании, центра Италии и Украины имеет такие же истоки. Красные кхмеры, новая народная армия Филиппин вполне могут рассматриваться как компаньоны Мао Цзедуна в ходе Большого похода.

Но не только эти движения всегда могут противостоять феноменам аномии и разрушения социальной связи. Они могут в то же время навязываться как ответ на вызовы социального изменения, утрату смысла, связанного с модернизацией, образуя тем самым, в определенных обстоятельствах, эффективный источник политической мобилизации для тех, кто может и стремится им воспользоваться.

Политика снизу может осуществляться на основе реконструкции и содействия автономии социальных пространств в целях противостояния претензиям центра обеспечить контроль над всей совокупностью общества. Такая реактивация сообществ может выражаться, например, в племенном обособлении, в воссоздании расширенных семей, а также в содействии эмоциональной экономике. Так, Горан Хайден¹ на примере Танзании показал, как экономические отношения в африканском обществе организуются в целях реализации функции обеспечения социальных связей сообщества, которые вписываются в традиционное африканское общество. В то же время они могут противостоять, вплоть до ответа бунтом на попытки власти навязать иную ориентацию экономического развития и иные механизмы регулирования общественных отношений. Экономическая активность становится в таком случае средством выражения автономии

¹ Hyden G. *Beyond Ujamaa in Tanzania. Underdevelopment and Uncaptured Peasantry*. London, 1980.

индивидов по отношению к политической сфере и тем самым способом протеста на основе культурного выбора. Она навязывается также как место проявления противоречий между социальным и политическим, а также постановки под вопрос всего того, что «прилеплено» или импортировано¹.

13.3. Терроризм

Внесистемное политическое выражение может ставить под вопрос право на существование утвердившегося в обществе этического порядка. В таком случае мы оказываемся в конечной точке логики протеста в силу того, что он не получает выражения ни в теме, ни в социальном движении. Он определяется как способ разрушения господства. Эта высшая стадия может реализовываться на основе активной политической мобилизации, что приводит к разворачиванию революционного процесса, или, наоборот, он может развиваться в отрыве от мобилизации и получать выражение в насильственных действиях небольшой группы лиц. Такое действие может происходить внутри институционализированной политической власти. И тогда осуществляется государственный переворот. В случае же, когда такие действия осуществляются извне по отношению к политической сцене, это может рассматриваться как действие террористическое.

Различие между терроризмом и революционным действием не является ясно выраженным. Терроризм может рассматриваться как способ предреволюционного действия в контексте слабой мобилизации или затрудненной мобилизации в силу репрессий, действий сил устрашения и принуждения со стороны сил, находящихся у власти.

Слабая мобилизационная способность присуща плюралистическим режимам, в которых дорогостоящий характер революционной мобилизации устрашает те социальные категории, которые в ней (мобилизации) смогли бы принять участие. При этом террористическое действие может рассматриваться как метод, призванный заставить сограждан осознать необходимость мобилизации против власти на фоне проводящихся репрессий, или на основе порождаемых ими в обществе обсуждений.

Неопределенная природа мобилизаций присуща авторитарным политическим системам, в которых террористи-

¹ Cf. Denie B., Hermet G. Op. cit. P. 269–271.

ческое действие нацелено на то, чтобы вызвать к жизни солидарность, а также показать слабость воздействия репрессий сложившегося политического порядка.

И в том и в другом случае *терроризм определяется как прямое и насильственное выступление против государства или форм господства, которые обеспечивают его существование. Он нацелен прямо на разрушение порядка господства, стремясь воздействовать на наиболее чувствительные его элементы.*

Нужно сказать, что не существует прямой связи между терроризмом и государством, т. е. между насильем извне государства и обладателем монополии на легитимное физическое насилие. Терроризм вмешивается как разрушающий агент различных составляющих этатической логики. Он это делает, представляя сначала как носитель контрлегитимности, которую стремится навязать извне по отношению к формуле легитимности, на которую опирается государство, и с которой он не соглашается идти на заключение соглашения. Эта контрлегитимность может быть идеологической природы (Красные бригады), этнической (тигры тамиллов, баски), религиозной природы (группа Абу-Сийаф на Филиппинах). Усилия такого рода движений нацелены на создание условий для развития революционного процесса, в ходе которого общество вписывается социальное движение.

Террористическое действие ставит под вопрос дифференциацию политического пространства, на которое опирается этатическая логика. Чисто политическое действие теряет в этом случае свой смысл и свою легитимность, а террористы отказываются принимать участие в функционировании официальной политической сцены и выполнять, например, трибунную функцию в виде партии, которая если не заявляет стратегию, то ведет хотя бы революционную пропаганду.

Далее. Террористический акт стирает различие между публичным и частным началами общества. Он стремится, с одной стороны, создать условия для утверждения страха среди населения, а с другой — максимально использовать эффект публичности общественного мнения при помощи показных действий, призванных добиться вытеснения государства из гражданского общества при помощи СМИ и лидеров общественного мнения, как важных элементов, связанных с политическими решениями.

Кроме того, террористическое действие дестабилизирует государство в его основополагающих принципах, таких,

например, что заложены в теориях социального договора: деля вызов способности государства обеспечить безопасность граждан, терроризм стремится доказать нерациональность подчинения власти. Нужно сказать, что именно в этом пункте коренится легитимность государства в его монополии на насилие. И если эта легитимность ставится под вопрос, то неизбежно возникает утверждение о бессилии власти. В контексте плюралистических западных политических систем террористическое действие становится в таком случае особенно активным: социальный договор является культурным основанием государства со времен Гоббса. Кроме того, разрушительный эффект террористической деятельности усиливается в условиях кризиса государства, что чаще всего выражается в его неспособности гарантировать экономическую и социальную безопасность граждан.

Нельзя не учитывать и влияния международных отношений. Западная концепция международных отношений, как известно, строится на том, что эти отношения, по сути дела, отождествляются с межгосударственными отношениями. А это требует дальнейшего повышения роли государства. Между тем появление международного терроризма обяывает тем самым западные государства переосмыслить их внешнюю функцию и их способ дипломатического действия в неблагоприятном контексте. Это лишний раз подтвердила реакция мирового сообщества на террористический акт 11 сентября 2001 г. в США, после чего был создан единый фронт борьбы с угрозой и практикой терроризма.

Внутри политической системы любого государства терроризм приводит к дальнейшему усилению этатической функции. А это, если можно так сказать, является обратным эффектом террористических действий. Стратегия страха, которая во многом определяет смысл деятельности террористов, лишний раз в то же время свидетельствует о слабости власти, неспособной обеспечить безопасность индивидов. В итоге терроризм как бы вновь узаконивает традиционный авторитет, который в меньшей степени подвержен воздействиям террористов.

Следует сказать и о том, что терроризм способствует усилению пассивности политической сцены, которая оказывается неспособной по-настоящему утвердить свой авторитет в глазах сограждан. Добавим: терроризм разрушает политический порядок, который вынужден считаться с внеэтатическими формированиями, претендующими

на суверенитет, автономию и право определять независимым образом условия своего собственного действия и стратегию.

13.4. Государственный переворот

Насильственное разрушение политического порядка может осуществляться изнутри институционального пространства по инициативе элит. Такое разрушение материализуется в государственном перевороте. Последний двойным образом отличается от революции: он не требует формирования социального движения, а также мобилизации населения, во-первых, и, во-вторых, переворот осуществляется внутри политической сцены.

Переворот отличается также и от терроризма прежде всего в том, что он нацелен на взятие власти, а также в том, что переворот не предполагает утверждения контрлегитимности. Эта является дополнительной характеристикой, которая позволяет различать актеров государственного переворота от их мишени и легитимировать в последующем их действия. Фактически государственный переворот является следствием соперничества между фракциями властвующей элиты. Он нацелен на изменение ее внутреннего равновесия: переворот определяется прагматическими, а не идеологическими целями. Целями переворота может быть стремление повысить эффективность политического управления или, например, борьба с коррупцией.

Сравнительный метод применительно к государственному перевороту предполагает учет по крайней мере двух моментов. С одной стороны, требуется провести сравнение государственных переворотов с точки зрения факторов, способствующих их появлению, а с другой — с точки зрения идентичности актеров, которые в нем участвуют.

В том, что касается факторов государственного переворота, в политической науке были выдвинуты различные типы анализа. Наибольшее использование получил подход С. Хантингтона¹, связанный с анализом институционализации политических систем: в любом обществе властные отношения организуются на основе правил игры, качество которой определяются эффективностью и легитимностью.

¹ *Huntington S.P. Political Order in Changing Societies. New Haven, 1968.*

Неспособность политических институтов *адаптироваться* к новым ставкам (например, ведения военных действий, реализации процесса деколонизации или урегулирования восстаний или бунтов) или *осуществлять все более комплексный характер своей деятельности* для реализации новых политических ролей (таких структур, как современная бюрократия, армия, университет, пресса и т. д.) — все это неизбежно подвергает политическую систему риску, связанному с предоставлением тем или иным социальным актерам все большей свободы действий за пределами сложившихся правил политической игры. Их неспособность легитимизироваться, т. е. быть *принятыми* совокупностью социальных актеров и групп и быть *автономизированными* по отношению к некоторым социальным секторам, обрекает на риск недолговечности существования, малого кредита доверия со стороны общества. И потому они оказываются неприменимыми в контексте кризиса. Последний может приобретать форму прямой конфронтации между актерами, наделенными властными ресурсами. Это может подвигнуть некоторых из этих актеров к действиям, характерным для осуществления государственного переворота со стороны группы, наделенной большим властным ресурсом, чем другие группы. Речь в данном случае может идти об армии, что С. Хантингтон называет преторианским обществом.

В соответствии с концепцией С. Хантингтона, государственный переворот получает наибольшее распространение в неопатримониальных политических системах, которые характеризуются слабым уровнем их институционализации, но он может происходить в иных политических системах, отмеченных институционной слабостью. Пример тому — бо-напартизм во Франции, а в современной истории — перевороты в Латинской Америке.

Г. О'Доннел в своих анализах государственных переворотов отдает предпочтение социально-экономическому фактору. С его точки зрения, военный государственный переворот является способом оживления роли бюрократического авторитарного государства, противопоставляемого социальному и экономическому популизму.

В самом деле. Популистский политический порядок изначально стремится повысить народное потребление, укрепить власть профсоюзов, увеличить субсидии и пособия гражданам. Поэтому в глазах консервативных сил он рассматривается как виновник снижения экономических

показателей, увеличения задолженности и инфляции, а потому он представляется как фактор беспорядка и разрушения общества. В таком контексте экономическая элита, высшие чиновники и военные оказываются в качестве союзников. Их объединяет стремление ограничить влияние народных масс в общественную и политическую жизнь и желание вернуться к реальной реализации того, что получило наименование экономического либерализма. Особая роль при этом отводится государству как инструменту такой политики. Такая противоположность авторитарного и либерального подходов в политике выявилась во время военного государственного переворота в Аргентине в 1976 г. Военные, которые пришли к власти в итоге переворота выступали с позиций меньшего социального и экономического интервенционизма со стороны государства и проявления им большей твердости в вопросах отхода от популизма.

При всей убедительности такой гипотезы она, с точки зрения некоторых политологов, решительно отличаясь от институциональной гипотезы, не имеет универсального характера. Во всяком случае, она не учитывает в полной мере специфики переворотов в Африке, а тем более в средиземноморских странах Европы, а также в Боливии или Сирии, где влияние экономической переменной не было первостепенным.

И тем не менее экономическая интерпретация причин государственного переворота имеет двойное достоинство. Во-первых, она определяет и анализирует тип государственного переворота, а во-вторых, она освещает способ включения в политическую жизнь военного персонала. Во втором случае открывается возможность проводить сравнительный анализ по вопросам стратегии актеров и их идентичности как важного условия государственного переворота. А. Степан¹ изучал, например, по Бразилии изменения в группе высших офицеров, которые действуют вовсе не только в своих собственных интересах, а, скорее, из романтических настроений. Эти офицеры тем не менее были вынуждены идти на объединение на основах союза с экономической и технократической элитой в целях создания благоприятных условий для деятельности государства. Такая позиция не столько связана с определенной идеологией и ценностями, сколько связана с рациональным расчетом.

¹ *Stepan A. The military in Politics Changing Patterns in Brazil. Princeton, 1971.*

В чем заключается такой расчет? Он связан с необходимостью осуществления такой деятельности государства, которая была бы направлена против некоторых секторов гражданского общества. К тому же, силы, приходящие к власти в итоге государственного переворота, выступают с позиций необходимости проведения авторитарной модификации некоторых функций государства, в частности, в деле усиления роли армии в жизни общества. Такая констатация совпадает с позицией ряда авторов по вопросу военного государственного переворота под углом зрения идентичности и стратегии группы, которая его осуществляет.

С этой точки зрения преторианская логика, согласно С. Хантингтону, исходит из четырех характеристик военной элиты. Прежде всего следует учитывать обладание военной элитой значительными властными ресурсами, заложенными в ее организации и иерархии. Речь идет в данном случае об обладании инструментами насилия в отношениях с обществом. Уже только одно это обеспечивает превосходство военных политиков над другими группами в любой ситуации конфронтации в обществе. Это, к слову сказать, становится аргументом для заключения союза с другими элитами. Соединение армии и партии в Сирии, Ираке, Алжире или Египте соответствует данным анализа силовых отношений в этих обществах. И дает своеобразный ключ для объяснения политических событий. В первых трех названных нами странах военные поражения привели к возникновению кризиса в наследовании власти, что породило серию военных переворотов.

Далее. Армия обладает известной автономией в обществе, что позволяет ей в определенных ситуациях брать на себя инициативу овладения властью: она не связана с ежедневным управлением, не находится в подчинении клиентелистских сетей, в меньшей степени связана с категориальными требованиями, независима от социальных групп и классов. В отличие от других социальных сил армия в большей степени свободна в определении целей и действий по преобразованию в своих интересах социального и политического порядка. Это сказалось во Франции в период разрешения алжирского вопроса, в постфранкистской Испании во время неудавшегося переворота 1981 г., а также в Египте в 1952 г., когда произошло выступление свободных офицеров.

Наконец, в развивающихся обществах армия становится полюсом в осуществлении модернизации. Это происходит, с одной стороны, потому, что правящая группа заинтересована в экономической и технологической модернизации с точки зрения производства военной техники, а с другой — военная элита более чувствительна к оценке моделей развития зарубежных стран и стремится преодолеть отставание своей страны на основе усвоения зарубежного опыта.

Эта последняя черта определяет специфику преторианского процесса в развивающихся обществах. Как в символическом, так и в организационном плане заимствования, осуществляемые военной элитой, приводят к маргинализации традиционных элит и части политического персонала. Идеология военной элиты чаще всего обращена к националистической тематике западного происхождения. Это связано с тем, что, опираясь на такую идеологию, военные стремятся определить свои политические действия и характер своего правления. Соединение идей модернизации и национализма проявляются в кемализме, насеризме или движениях путчистов в Африке. Это объясняет включение армии в политические формирования, например, партии Баас в Сирии и Ираке, Фронта Национального Освобождения в Алжире. Такое соединение модернизации и национализма проводится также с учетом социальной дифференциации, в которой проявляется тенденция отделения в мусульманском мире преторианского движения от исламистских движений. Пример М. Каддафи здесь является показательным: опираясь на арабский национализм религиозного толка, определяя приоритет в лице модернизации, которая призвана положить конец традиционной правящей династии, он утвердил политический порядок, нацеленный против империализма, против феодалов и собственников, а также обращенный к исламу. Военные элиты, связанные с идеями и практикой модернизации, не могут, однако, объединить вокруг себя недовольных социальным изменением. Решение такой задачи удастся, к примеру, осуществить религиозным движениям, например исламистам. Последние, как показывает практика, могут сформировать социальные движения, а преторианские действия в этих странах ограничиваются только завоеванием власти, после чего их мобилизационная способность опирается только на харизму лидера.

Все эти элементы позволяют сделать некоторые выводы. Самуэль Файнер¹, например, приходит к выводу о том, что военное вмешательство в политическую игру зависит от степени организации общественного мнения. Государственный переворот характеризуется им как способ выражения и политических действий, которые осуществляются вне общественного мнения. Автор указывает, что государственный переворот происходит в тех обществах, где нет общественного мнения, а возможность для образования социального движения крайне мала. Указанная ситуация характерна для стран Африки и зоны Карибского бассейна. Следует сказать и о том, что государственные перевороты происходят в обществах, где утвердилась сильная деполитизация и существует сильное политическое отчуждение, лишаящее политическую систему легитимности и затрудняющее формирование социальных движений. Этот феномен очевиден в странах Юго-Восточной Азии, Латинской Америки, а также в некоторых мусульманских странах (государственный переворот генерала Мошарафа в 1999 г. в Пакистане). Эпизодически государственные перевороты могут иметь место в странах, где общественное мнение существует, но является сегментированным или поляризованным, что приводит иногда к параличу институциональных механизмов (Веймарская республика, Франция в 1958 г., Греция в 60-е гг.). Вероятно, на этом уровне лучше вырисовывается граница, которая отделяет революционное движение, ориентация которого определяется стремлением включения движений общественного мнения в политическую игру.

13.5. Революции

Сравнение революционных феноменов поднимает важную проблему: еще больше, чем другие формы политического выражения, каждая революция характеризуется своей множественностью.

Политические революции — явление Нового времени. До XVIII в. революций в полном значении этого слова не было. Как отмечает Х. Арндт, первыми революциями, осуществлявшимися под знаменем свободы, стали американская и французская революции конца XVIII в. Тогда

¹ *Finer S. The Man on Horseback. Boulder (Col.), Pinter, 1988.*

же термин «революция» приобрел современное значение. Первоначально он возник в астрономии и означал закономерное, регулярное вращение звезд, не подверженное изменениям и не зависящее от воли человека. В XVIII столетии, когда слово «революция» было заимствовано политической философией, оно имело смысл прямо противоположный современному. Под революциями понимали возвращение к ранее отвергнутому порядку, состоянию, циклическую смену форм правления.

Впервые термин «революция» в политическом контексте был использован для обозначения реставрации монархии, последовавшей в результате краха диктатуры Кромвеля и разгона Долгого парламента. Через несколько десятилетий появилось широко известное словосочетание «славная революция», под которой современники понимали не свержение королевской власти Стюартов, а, напротив, передачу ее Вильяму и Марии, т. е. реставрацию монархической власти во всех ее правах. С тех пор термин «революция» стал означать восстановление исконных порядков, утраченных или деформированных из-за деспотизма абсолютистской власти, а немного позднее — направленные против власти социально-политические перевороты.

Политическая мысль первоначально рассматривала революцию исключительно сквозь призму идеологизированного подхода, основоположником которого был Э. Берк, который с позиций консервативной идеологии на примере французской революции определил как общественное зло, обнажающее самые худшие, низменные стороны человеческой природы.

С совершенно иных позиций оценивали революцию идеологи раннего либерализма. Либеральная доктрина оправдывала революцию в том случае, когда власть нарушает условия общественного договора. А потому сторонники либерализма в качестве одного из основополагающих прав человека признавали право на восстание против власти.

В случае, когда власть проводит откровенно антинародную политику, населению ничего не остается другого, как силой изменить сложившееся положение вещей и отстранить от власти ее обладателей. Возможность такого развития событий, надо полагать, хорошо понимали французские революционеры XVIII в. В Декларации 1789 г. не случайно сопротивление угнетению рассматривается как «естественное и неотъемлемое» право человека. Конституция 1793 г. во Франции в этом вопросе пошла еще дальше,

высказавшись в поддержку права управляемых на восстание. А в Декларации 1793 г. записаны такие статьи:

Ст. 33. «Соппротивление угнетению является следствием других прав человека»;

Ст. 34. «Угнетение общества имеет место, даже когда один единственный человек угнетается. Угнетение против всего общества есть там, где все его члены угнетаются»;

Ст. 35. «Когда правительство нарушает права народа, восстание всего народа или части его является самым священным из прав и самым необходимым долгом».

В такой постановке вопроса сопротивление угнетению, включая и восстание, способно привести к существенному изменению распределения власти между управляющими и управляемыми. Последние выходят из прямой и полной зависимости от первых с помощью силы.

Правда, исторический опыт свидетельствует о том, что победа в таком противоборстве управляющих может обернуться утверждением такой формы власти, которая сродни деспотии¹.

Одну из первых теоретических концепций революции создал К. Маркс, для которого они являлись «локомотивами истории» и «праздником угнетенных». Причины революций он связывал с возникновением конфликтов внутри способа производства и между производительными силами и производственными отношениями. Этот конфликт может быть разрешен в эпоху социальной революции, под которой Маркс понимал длительный период перехода от одной общественно-экономической формации к другой. Кульминационный момент данного перехода — политическая революция.

Причины политических революций К. Маркс видел в классовой борьбе, именно ее он рассматривал в качестве главной движущей силы общественного развития вообще. В ходе политической революции более передовой социальной класс свержает класс реакционный и, используя механизм политической власти, производит назревшие перемены во всех сферах общественной жизни. По Марксу, высшим типом социально-политической революции является социалистическая революция, в ходе которой пролетариат свержает власть буржуазии и начинает переход к новому коммунистическому обществу².

¹ См.: Желтов В.В. Введение в политическую науку. С. 122–123.

² См. подробнее: *Политология: Учебник* / Под ред. В.А. Ачкасова, В.А. Гуртова. М., 2005. С. 457–464.

Помимо марксизма в XIX в. были выдвинуты и другие теоретические концепции революции. Примером этого может служить книга А. де Токвиля «Старый порядок и революция». Токвиль полагал, что революционные взрывы могут происходить не только в итоге ухудшения ситуации в обществе. Люди, по мнению мыслителя, привыкают к лишениям и терпеливо переносят их, если считают неизбежными. Но как только появляется надежда на улучшение, лишения воспринимаются уже как невыносимые. Следовательно, причиной революционных событий становится не сама по себе степень экономической нужды и политического гнета, а их психологическое восприятие. С точки зрения А. де Токвиля, так было накануне Французской революции 1789 г., когда массы французов стали воспринимать свое положение как невыносимое, хотя объективно ситуация во Франции в период правления Людовика XVIII была более благоприятной, чем в прешествующие десятилетия. Не сам по себе деспотизм абсолютной королевской власти, а попытка его смягчения спровоцировали революционное брожение.

Значительную ценность для проведения сравнительного анализа революций и, в частности, причин их возникновения имеет наследие в этом вопросе выдающегося российского социолога П.А. Сорокина, большую часть жизни прожившего в эмиграции. Еще в 1925 г. в книге «Социология революции» П.А. Сорокин предпринял попытку научного анализа революции. Он опирался в своем анализе на бихевиористскую методологию. С соответствии с этой методологией, любое социальное действие, включая и революционное действие, он рассматривал по формуле «стимул – реакция». Он полагал, что человеческое поведение определяется врожденными «базовыми» инстинктами (пищеварительный, собственнический, инстинкты свободы, индивидуального самосохранения и коллективного самосохранения), подавление которых приводит к революционному взрыву, особенно если это подавление распространяется на большую часть населения. В этом находит свое выражение «кризис низов», что может становиться побудительным мотивом для революционных действий масс. Но наряду с этим «кризисом низов» в преддверии революции дает о себе знать и «кризис верхов», который тоже является одной из важнейших причин революции. Проводя сравнительный анализ предреволюционных эпох, П.А. Сорокин отмечает

присущее им бессилие господствующих элит, неспособных выполнять элементарные функции власти, а тем более оказывать силовое противодействие революции.

Сравнение французской, русской и китайской революций в целях построения идеального типа современной революции является важным моментом анализа на базе сравнительного метода. Однако во второй половине XX в. появились новые возможности для проведения сравнительного анализа. В XIX и в первой половине XX в. революция отождествлялась обычно с революционной войной, в том числе и с войной за независимость. Однако события 1978 — 1979 гг. в Иране знаменовали собой появление «религиозной революции». Еще большей политической новацией стали мирные революции в Югославии, Грузии, а в 2004 г. и на Украине, которые открыли новую главу в политических преобразованиях.

Умножение моделей революций само по себе поставило под вопрос испытанные в прошлом модели анализа. Сказалось то, что усложнились сами условия проведения сравнения. Как мы уже отмечали, марксистская теория в последние десятилетия столкнулась со значительными трудностями, связанными с объяснением революций только экономическими факторами. Как известно, марксисты обострение социальных отношений в обществе рассматривали как предпосылку углубления классовой борьбы, которая достигала наибольшего размаха в условиях экономического кризиса. В таком подходе революция становилась почти механическим результатом активизации классовой борьбы, которая, в свою очередь, обостряется в кризисных ситуациях. На этом основании большинство марксистских теоретиков считали, что революция неизбежна в развитых капиталистических обществах и менее вероятна в менее развитых обществах в экономическом отношении.

Такой подход, по сути дела, исключал из анализа учет политических переменных в осмыслении революционных процессов и ослаблял возможности сравнения, сводя их только к законам однолинейной эволюции. В применении к некапиталистическим обществам это приводило к обедненному видению, т. к. постулировало экономический детерминизм, который мало применим за пределами развитых западных обществ.

Слабость марксистского анализа проявлялась в оценке крестьянских революций, которые нельзя объяснить только

экономическими причинами. В этих странах сказывается влияние сложившейся социальной солидарности, что чаще всего не удается учесть в классическом марксистском подходе.

Системный подход Чалмера Джонсона¹, связанный с традицией, идущей от Т. Парсонса, выявляет те же трудности. Этот подход характеризуется тем, что революции объясняются на основе идентификации их с кризисом интеграции в систему, что материализуется, в частности, растущим отделением ценностей от природы ее социоэкономического окружения. Кроме того, этот анализ не дает четкого определения самой революции, что во многом связано с недооценкой политических переменных, даже несмотря на то, что Ч. Джонсон обращает в своем подходе особое внимание на роль элит в революционном процессе.

Подход Джонсона плохо согласуется со сравнительным подходом. Опираясь на во многом абстрактную и общую для разных типов революций модель, системный подход стирает специфику каждого революционного процесса, нередко оставляя в стороне вопросы различий в социальных структурах сравниваемых обществ. Было бы большим упрощением относить Французскую революцию, китайскую революцию и исламскую революцию в Иране к одной и той же категории, если не учитывать, например, того, что каждая из этих трех революций интегрируется на свой манер во множественную траекторию политического развития. Каждая из указанных революций по-своему организуется и осуществляет действия, связанные с социальным и политическим протестом различных слоев общества.

Те же трудности встречаются и при объяснении революций тем, что в политической науке называется относительной фрустрацией. Согласно представлениям американских социологов Теда Гурра² и Джеймса Дэвиса³, революция является результатом рожденной надежды на социальное изменение и неуспеха в создании условий его осуществления⁴. И вновь, значит, можно выдвинуть претензии к

¹ Johnson C.A. *Revolutionary Change*. Boston, 1966.

² Gurr T.R. *Why Men Rebel*. Princeton, 1970.

³ Davis J. *Toward a theory of Revolution // American Sociological Review* (27), 1962.

⁴ См.: Желтов В.В., Шпак Л.Л. *Социально-политическое взаимодействие: прошлое и современность (Социологические этюды)*. Кемерово, 1997. С. 319–327.

уровню крайнего обобщения: эта модель не учитывает специфику сравниваемого объекта и плохо применима к проведению сравнения, ибо не учитывает природу социальных формирований и политической власти.

Указанные слабости могут быть преодолены при соблюдении трех условий: 1) точное и строгое определение революции; 2) учет политических переменных, которые позволяют выявить специфику каждого революционного способа преобразований; 3) использование исторической социологии, позволяющей вписывать каждый из этих способов в траекторию политического развития. В статье, помещенной в «Трактате политической науки», Франсуа Шазель¹ излагает проблемы, связанные с определением концепции революции. Используя определение Зигмунда Неуманна, Шазель рассматривает революцию как «радикальное, фундаментальное изменение в политической организации, социальной структуре, владении собственности в экономике и господствующем мифе о социальном порядке, что в своей совокупности выражает разрыв в непрерывности развития»².

В таком понимании понятие революции должно использоваться реже, чем это имеет место в действительности. Идея фундаментального изменения в социальной структуре — это редкая реальность. Она несовместима, например, с «дворцовой революцией». К этой категории относят войну за независимость в бывших колониальных странах, например, в Алжире, где освобождение приводит к трансформации общества и собственности. Кроме того, такая концепция исключает из понятия революции социальные движения, роль которых нередко не выходит за пределы политического возбуждения общества; революция 1830 г. во Франции; движения мессианического типа, приводящие к смене династии, в Китае, например, или «революция 1640 г.» в Англии не могут считаться революциями в приведенном нами выше смысле. Исламская революция в Иране привела, как известно, к очевидным политическим трансформациям, но она не изменила социально-экономического порядка, лишь частично затронула режим собственности, а изменения социальной структуры было связано с эмиграцией

¹ Chazel F. Les ruptures révolutionnaires // Grawitz M., Leca J. Traité de science politique. Vol. 2. P., 1985. P. 635–681.

² Ibid. P. 641–642; Neumann S. The International civil war // World Politics. Vol. 1. 1949. P. 333–334.

части старого правящего класса. На основе такого подхода Тед Скокпол¹ выдвинул различие между «социальной революцией» и «политической революцией». Первые приводят к изменениям социального и политического порядка, вторые — затрагивают лишь политический порядок.

И в том и в другом случае политическая переменная должна быть введена в объяснение. В таком подходе Чарльз Тилли² показал, что чисто социально-экономический анализ не мог учитывать неравенство в успехе в революционных действиях в различных обществах. Такой анализ привел к выводу о том, что революция является неизбежной при появлении в том или ином обществе определенного порога экономического кризиса, или которые переживают относительный минимум фрустрации. Революцию отличает значительное повышение способности в политической организации протестующих социальных актеров и уменьшение репрессивной способности государства. Это отражает кризис способов господства. Такое понимание, по сути дела, было сформулировано еще Лениным в русле марксистской теории, когда он указывал на особую роль политической организации авангарда рабочего движения как способа реализации революционных целей. Не удивительно, что большевики были убеждены в том, что революция скорее произойдет в России, нежели в Германии в силу преимущественного экономической трактовки причин революции.

При проведении анализа революционного развития в прежние годы, как известно, аналитики большое значение придавали вопросам развития кризиса государства и его легитимности, а также вопросу роли протестных фракций политических элит, их организации и мобилизационной способности. Такой подход нашел отражение при проведении анализа Французской революции в работах Дени Рише³ и Франсуа Фюре⁴, которые противостояли видению марксистского типа на революцию Альбера Матьеза⁵ и Альбера Собуля⁶. В частности, на пути переосмысления роли политического действия, индивида и события, активное

¹ Skocpol T. États et Révolutions sociales. P., 1985.

² Tilly C. From Mobilization to Revolution, Reading (Mass). Addison Wesley, 1978.

³ Richet D. La France moderne: l'esprit des institutions. P., 1985.

⁴ Furet F. Penser la Révolution française. P., 1978.

⁵ Mathiez A. La Révolution française. Vol. 3. P., 1948–1951.

⁶ Soboul A. Précis d'histoire de la Révolution française. P., 1982.

использование политической переменной, что характерно для нового подхода, — все это затрудняет выработку типологизации революций. Так, английская революция 1640 г. связана не только с союзом аристократии и торговой буржуазии, приведшему к изоляции династического центра. При анализе этой революции не меньшее значение имел также и выбор, осуществленный Стюартами, по поводу конфликта с парламентом, по вопросам религиозной политики, которая вступала в противоречие с интересами пуритан и в силу этого — с условиями союза между парламентариями и пуританами.

Такого типа типология находит отражение в работах, в которых авторы стремятся видеть историческую перспективу вне учета политических переменных. Как мы уже показали при характеристике современных политических режимов, Б. Мур связывал их появление с различными типами революционных процессов. Такая гипотеза была неопределенной, т. к. она связывала крестьянскую революцию с утверждением коммунистического режима, «революцию сверху» в Пруссии — с фашистским режимом, а буржуазную революцию во Франции или Англии — с демократическим режимом. Эта последняя категория была хрупкой, т. к. соединяла две разных революции — революцию 1789 г. с революцией 1640 г., — каждая из которых отличалась, по Б. Муру, силой крестьянской мобилизации, сильной в одном случае и слабой — в другом. Однако такая типология не учитывает природу самого государства. А ведь именно государство противодействовало сближениям различных социальных сил и оказывало прямое воздействие на характер и специфику революций и даже природу самого объяснения их.

А. де Токвиль с этой точки зрения открыл путь для объяснения соединения истории и политики. В «Старом порядке и революции» он сравнивает историю Франции и Англии, на основе чего строит свои объяснения того, почему французское общество перед революцией 1789 г. было ориентировано на жесткие и насильственные изменения, чего не было в Англии. Очевидно, что это является чисто политическим объяснением, т. к. автор противопоставляет французское и английское общество. Для первого было характерно институциональное сопротивление социальному изменению, тогда как для английского общества было характерно медленное отступление и постепенная адаптация

аристократического принципа к новым социальным и политическим условиям в стране. Однако, как справедливо отмечают французские политологи¹, необходимо остерегаться систематизации объяснения Токвиля, для которого характерна многокаузальная природа. При этом абсолютистское государство оказывается в центре диспозиции: для того чтобы выжить, монархия непрерывно усиливала централизацию, разрушала посреднические корпуса и содействовало тем самым разделению классов; выравнивание условий, связанных с социальным изменением, порождало напряжение в отношениях с политической системой и социальным порядком. К сказанному А. де Токвиль добавляет воздействие на состояние нравов философских доктрин, которое было тем более едким, чем больше носители этих нравов были отдалены от власти, богатства и социальной реальности.

Революция может анализироваться в сравнительном исследовании лишь при тщательном учете условий, в которых политика вырабатывается, автономизируется, а затем адаптируется к социальному изменению или, наоборот, порождает напряжения, а потом — использование средств насилия. Чем более силен экономический кризис или социальная фрустрация, тем больше сам тип государства и способ артикуляции управляющих и управляемых становятся дискриминирующими переменными, открывая путь для многообразия практического выражения типов революции и для известной множественности типов их объяснения.

Пристальное внимание к роли государства в революционных изменениях характерно для работ Т. Скокпола. Он, в частности, задается вопросом: почему социальная революция имела место в истории Франции, России или Китая, а не состоялась в Англии, Японии или Германии. Он выдвигает гипотезу, что революционный процесс осуществляется в аграрных странах, где складывается бюрократическое институционализированное государство, где политико-военный кризис играет роль спускового механизма в революционных преобразованиях. Это неизбежно приводит к усилению насильственной деятельности государства, что, в свою очередь, способствует росту революционных настроений крестьянства, отделению аристократии от буржуазии, а потому, согласно А. де Токвилю, к затруднению

¹ Cf. Denie B., Hermet G. Op. cit. P. 280.

адаптации государства к новым условиям и ослаблению его способностей регулирования социальных отношений в обществе. Революционный процесс, таким образом, берет начало в аграрной природе государства, в его агрессивных действиях, осуществляемых в интересах земельной аристократии. Причиной же революционного процесса, как правило, является неспособность государства обеспечить свое господство в обществе, что выражается в утрате поддержки со стороны аристократии, а также в неспособности получить поддержку от других социальных слоев.

Такой подход к анализу революций осуществляется на двух уровнях. С одной стороны, компаративисты анализируют социальную природу данного конкретного общества, ибо революционные процессы в основе своей основываются на решительной критике деятельности государства, основанной на репрессивном господстве. С другой стороны, компромиссы, на достижение которых вынуждено в революционной ситуации идти в своей политике государство, быстро выявляют его неспособность управлять социальным изменением и совершенствовать свою собственную организацию и деятельность.

Аграрный элемент в объяснении причин возникновения революции является существенным моментом. Это определяется тем, что аграрные государства, как показывает историческое развитие во многих странах, в значительной мере являются выражением компромисса между репрессивными действиями и известными трудностями, возникающими в процессе адаптации политики государства к изменению окружения. Вероятно, в этом пункте Т. Скокпол сумел успешно использовать элементы верификации своей гипотезы: с одной стороны, он обращает внимание на феодальную наследственность государства королевского режима во Франции в XVIII в., которая сочеталась с устойчивыми связями с земельной аристократией; а с другой — он указывает на слабость аристократии в Японии и политический характер отношений господства в этой стране, а также на сильную интеграцию прусской аристократии в немецком обществе и быстрое строительство гражданского общества в Англии, как результат союза буржуазии и аристократии.

Однако и эта объяснительная модель ставит ряд вопросов. Типология является спорной с многих точек зрения. Можно ли, с одной стороны, отождествлять революции французскую, русскую и китайскую только лишь на основе

их социальной природы, не учитывая временные рамки каждой из них, специфику их идеологии, политических моделей, на которые они ориентировались, и их культурное основание? Мы видели в предыдущей части как история каждой из указанных стран связана с характером протеста, что оказывало прямое воздействие на различные модели властных отношений в этих странах. А это превращает подход Т. Скокпола в искусственный в том, что касается артикуляции социального и политического. По тем же основаниям вводить российскую и китайскую империи, а также французскую монархию в единую категорию аграрных государств вряд ли оправдано, подобно тому как не очень-то оправданным является использование и критериев аристократии: «слабой» (Япония), «автономной» (Франция) или «интегрированной» (Пруссия).

Однако наиболее слабым местом аргументации Т. Скокпола является его ориентация на объяснение революции кризисом аграрных обществ. В этом пункте он даже превосходит марксистскую гипотезу, которая исходит из того, что кризис является конечной точкой в развитии капиталистических обществ. Рассматриваемый нами подход к аграрным обществам не освещает ни природу революционного процесса, ни тип тех социальных категории, которые способны мобилизоваться для борьбы.

Некоторые авторы стремились восстановить экономическую составляющую гипотезы. К ним относится, в частности, Д. Пэйдж¹. Он, в частности, стремится определить наиболее мобилизационные категории крестьянства в революционном процессе, для чего использует показатели доходов и типов собственности. Работы Эрика Вольфа² обладают с этой точки зрения преимуществом, т. к. стремятся объяснить революционную пружину аграрных обществ в социологических терминах. На примерах Мексики, России, Китая, Вьетнама, Алжира и Кубы Э. Вольф показывает, как переход к рыночным обществам преобразует саму природу земельных отношений: от поддержки коммунитарной интеграции, которая становится рыночной, а потому представляет угрозу для сложившихся социальных связей, осуществляется движение к перестройке самого способа социальной интеграции, что способствует развитию кризи-

¹ Paige J.M. *Agrarian Revolution*. New York; London; Milan, 1973.

² Wolf E.R. (ed.) *Religion, Power and Protest in Local Communities: the Northern Shore of Mediterranean*. Berlin, 1984.

са осуществления власти. В то же время такое изменение не может не затрагивать всю совокупность социальных отношений в стране, что еще более усиливает конфликт в обществе. В такой ситуации революционный процесс оценивается как оборонительная реакция перед лицом угроз по отношению к традиционным социальным формированиям и как постановка под вопрос центрального государства во имя этой же обороны. И тогда не только богатая часть крестьянства не имеет интереса к таким изменениям, но и фракция самых бедных, которая не обладает автономией и собственными ресурсами для того, чтобы участвовать в революционной мобилизации. Более того, даже и среднее крестьянство становится антиэтатическим и анархистским слоем общества.

Таким образом, выявление характера революционного подъема в аграрных обществах и роли крестьянства в нем становится основным элементом сравнительного анализа революций. Однако два аспекта остаются в тени при таком подходе. Несмотря на усилия Б. Мура и Т. Скокпола, использовавших универсалистскую концепцию, оставляют в тени отношения между крестьянством, другими социальными категориями и основными элементами, представленными на политической сцене. Каким бы большим ни было значение крестьянской идентичности, революции всегда характеризуются урбанизированным измерением. И это измерение не является простым продолжением бунта, о котором мы говорили выше, и который как таковой еще недостаточно глубоко изучен. Тем более, что недавние революции характеризуются, напротив, урбанизированным характером, выводящим революцию за пределы аграрного видения. Такой была, например, иранская революция 1978 – 1979 гг. Коммунитарное сопротивление в сельской среде как генератор толчка революции нужно, значит, рассматривать с учетом происходящих процессов в городах, а также с учетом миграции сельского населения.

И в этих процессах невозможно четкое управление в силу того, что социальная мобилизация наталкивается на реакцию новых слоев в городской ткани общества. Это поднимает проблему союза крестьянских слоев с городскими слоями, ориентированными на современность. Это в полной мере относится к студентам исламского мира, изучающих ядерную физику, или к мелким чиновникам, стремящимся сделать карьеру в центральной админи-

страции. В конечном счете в любом случае узловая точка анализа и сравнения революций связана с учетом условий, в которых могут заключаться союзы между социальными категориями, которые стремятся совершить социальное изменение, и теми, кто стремятся получить выгоды от него.

Авторы ряда работ, посвященных анализу революций, стремились выявить способ включения культурной переменной в объяснение революционного процесса. С точки зрения сравнительного анализа очевидно, что использование этой переменной позволяет различать *типы* революций. Пуританская или исламская природа революции, мессианская ориентация, буддистская или тайская составляющая такого движения, приводящая к смене имперской династии в Китае, представляют собой базу культурной типологии революций и являются средством выявления различий между религиозной революцией от революций, не имеющих религиозной оболочки. И тогда культурная переменная становится еще одним *объяснительным* фактором среди других.

Подход с учетом культурного фактора позволяет показать, как некоторые революции осуществляются благодаря мобилизации на основе религиозной символики и при помощи материальных инструментов мобилизации, имеющихся в распоряжении религиозных организаций. Однако не следует строить иллюзий: революция является религиозной только на основе двух формальных средств. Она отвечает определенным социально-политическим потребностям и объединяет религиозных актеров только на основе специфических политических данных: пуритане принимали участие в революции 1640 г. в Англии, т. к. имели тактическую потребность объединиться с парламентариями, потому что обоим им угрожали Стюарты; иранские священники появились на революционной сцене, потому что они были лишены политической властью всех своих материальных и символических преимуществ. Что касается использования религиозности как универсального объяснительного фактора, то он связан с общими принципами культурного объяснения политики, которые мы рассматривали выше. Использование культуры в объяснении революционных феноменов пока носит ограниченный характер, несмотря на то, что С. Эйзенштадт стремился показать, что более благоприятные условия формирова-

ния революционной ситуации находились в обществах, которые характеризуются культурой, отличающейся от трансцендентного порядка. Такая культура усиливает ориентацию на утверждение политических обязательств индивидов. Но такая гипотеза носит слишком общий характер для того, чтобы использовать культурную переменную в сравнении революционных процессов¹.

¹ Cf. Denie B., Hermet G. Op. cit. P. 282 – 283.

СОДЕРЖАНИЕ

Предисловие	3
-------------------	---

ЧАСТЬ I. ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ ОСНОВЫ СРАВНИТЕЛЬНЫХ ПОЛИТИЧЕСКИХ ИССЛЕДОВАНИЙ.....9

Глава 1. Сравнительный метод.....	11
-----------------------------------	----

1.1. Становление сравнительной политологии.....	14
---	----

1.1.1. «Традиционная» сравнительная политология.....	19
--	----

1.1.2. «Новая» сравнительная политология.....	25
---	----

2.1. Кризис классической компаративистики.....	39
--	----

2.1.1. Кризис универсализма.....	46
----------------------------------	----

2.1.2. Кризис объяснения.....	55
-------------------------------	----

2.1.3. Кризис связи с историей.....	73
-------------------------------------	----

3.1. Новые ориентации компаративистики	83
--	----

3.1.1. Возвращение культурного анализа	83
--	----

3.1.2. Использование стратегического анализа.....	98
---	----

3.1.3. Формализация сравнительного метода	110
---	-----

Глава 2. Теории и переменные сравнительного анализа	116
--	-----

2.1. Теоретики сравнительного метода	116
--	-----

2.1.1. От Платона до Токвиля: от институтов к нравам	118
--	-----

2.1.2. Школы сравнительных исследований: от М. Вебера к эволюционным теориям и парадигме зависимости.....	121
--	-----

2.2. Культурные переменные.....	128
---------------------------------	-----

2.2.1. Религия	130
----------------------	-----

2.2.2. Нерелигиозные аспекты культуры.....	138
--	-----

2.2.3. Вопрос социального капитала	144
--	-----

2.3. Экономические переменные.....	147
------------------------------------	-----

2.3.1. Политическая экономия тысячелетнего голода.....	147
--	-----

2.3.2. Воздействие аграрной и промышленной революций.....	151
---	-----

2.4. Политические переменные политики	155
---	-----

2.4.1. Принуждения пространства	156
---------------------------------------	-----

2.4.2. Мировое время	158
----------------------------	-----

2.4.3. Основные институты и политическое действие.....	159
--	-----

ЧАСТЬ II. ПОЛИТИЧЕСКАЯ ВЛАСТЬ КАК ОБЪЕКТ СРАВНЕНИЯ	163
Глава 3. Западная политическая динамика	169
3.1. Предварительное условие для возникновения государства	171
3.1.1. Управление продовольственными запасами и мобилизация ресурсов	173
3.1.2. Победа политического над религиозным	177
3.1.3. Две разновидности западного права перед лицом центральной власти	180
3.2. Утверждение плюрализма	185
3.2.1. Территориальное дробление: матрица плюрализма?	186
3.2.2. Возникновение индивидуалистического гражданства	190
3.2.3. Бифуркация западной политической концепции	199
3.3. Формирование современных режимов	208
3.3.1. Интерпретация Баррингтона Мура	209
3.3.2. Воздействие индустриализации	213
3.3.3. От оттеснения опасного класса к социальной демократии	217
3.3.4. Европейский тоталитаризм	223
Глава 4. Незападная политическая динамика	227
4.1. Политическое обязательство	227
4.1.1. Китайский этический порядок	228
4.1.2. Кастовый порядок	233
4.1.3. Мусульманский порядок tawhid	236
4.1.4. Имперский русский порядок	241
4.2. Организация политики	243
4.2.1. Китайская империя	244
4.2.2. Галактическая индийская система	249
4.2.3. Мусульманский город	252
4.2.4. Российская империя	257
4.3. Дестабилизирующая динамика	260
4.3.1. Кризисы в китайской модели	261
4.3.2. Кризисы в индийской модели	265
4.3.3. Кризисы в мусульманской модели	267
4.3.4. Кризисы в российской модели	270

Глава 5. «Сиротская» политическая динамика.....	274
5.1. Неадаптированное, но необходимое государство	277
5.1.1. Социология импорта политических моделей.....	279
5.1.2. Выработка политики	286
5.1.3. Неопатримониальное государство.....	289
5.2. Конфигурация власти.....	300
5.2.1. Парламентаризм как призрак	306
5.2.2. Популистское господство	311
5.2.3. Современный бюрократический тоталитаризм.....	318
5.3. «Демократические переходы»	322
5.3.1. Концепция «третьей волны демократизации»	324
5.3.2. Анализ проблематики перехода к демократии в странах Латинской Америки	328
5.3.3. Транзитологический подход к становлению демократии	332

ЧАСТЬ III. СРАВНИТЕЛЬНОЕ ПОЛИТИЧЕСКОЕ ВЫРАЖЕНИЕ

339

Глава 6. Институциональное политическое выражение	342
6.1. Правила игры	343
6.2. Создание стороннических систем	348
6.3. Идеология как важный индикатор сравнения партий	354
6.3.1. Либеральные партии	355
6.3.2. Консервативные партии.....	359
6.3.3. Крайне правые политические партии	364
6.3.4. Христианско-демократические партии	367
6.3.5. Социал-демократические партии.....	369
6.3.6. Регионалистские и экологические партии.....	374
6.4. Политические переменные и сравнительный анализ партий.....	378
6.5. Кризис политических партий	385
Глава 7. Заинтересованные группы	394
7.1. Организационные основы заинтересованных групп	396
7.2. Институциональные заинтересованные группы	397
7.3. Ассоциативные заинтересованные группы	399

7.4. Организация заинтересованных групп: влияние публичных властей.....	406
7.5. Заинтересованные группы и политическая система.....	409
7.6. Ресурсы и способы действия заинтересованных групп.....	413
7.7. Плюрализм, олигархия или неокорпоративизм?	414
Глава 8. Избиратели, выборы, избирательные системы	422
8.1. Избиратели	423
8.1.1. Избиратель и избирательная система	424
8.1.2. Типология политического участия.....	426
8.2. Содержание институционального выражения политического участия	430
8.3. Способы голосования.....	444
8.3.1. Принцип свободы голосования.....	444
8.3.2. Принцип справедливости.....	447
8.3.3. Принцип большинства	454
8.4. Кандидаты, электоральные кампании: от селекции к избранию	456
Глава 9. Парламенты	466
9.1. Классификация парламентов.....	468
9.2. Функции парламентов.....	470
9.3. Организационная структура парламентов.....	474
9.4. Представительство и агрегация интересов	481
9.4.1. Парламент и группы интересов	481
9.4.2. Представительство и политические партии.....	482
9.5. Функция решения	489
9.5.1. Разделение труда в парламенте.....	490
9.5.2. Разделение задач между палатой и комиссиями	492
9.5.3. Территориальное разделение законотворчества	494
9.6. Организация труда и правила игры.....	495
9.6.1. Определение повестки дня	496
9.6.2. Законодательные комиссии.....	497
9.6.3. Организация дебатов в парламенте.....	499
9.7. Контрольные функции парламента	502
9.7.1. Традиционный контроль над исполнительной властью	502
9.7.2. Бюджетный и финансовый контроль	504
9.7.3. Контроль без санкций: запросы, интерpellации, расследования и слушания	506

Глава 10. Исполнительная власть	511
10.1. Дефиниция и типология исполнительной власти.....	511
10.1.1. Президентская исполнительная власть	512
10.1.2. Дуалистическая исполнительная власть	515
10.2. Правительство: определение и назначение министров	518
10.2.1. Выбор премьер-министра.....	518
10.2.2. Назначение министров	520
10.2.3. Социологический профиль министров	522
10.3. Правительственная иерархия.....	524
10.4. Руководство правительством	529
10.4.1. Коллегиальность и лидерство в парламентском режиме	531
10.5. Определение политики.....	536
10.5.1. Роль главы правительства	536
10.5.2. Коллективный выбор: советы и комитеты	539
Глава 11. Администрация	541
11.1. Структуры администрации.....	544
11.1.1. Центральные администрации	544
11.1.2. Периферийные администрации	547
11.1.3. Специализированные администрации	550
11.1.4. Администрация и производственная деятельность.....	553
11.2. Публичная функция администрации.....	554
11.2.1. Рекрутирование чиновников	556
11.2.2. Профессиональная подготовка чиновников.....	558
11.2.3. Карьера	559
11.2.4. Права и обязанности чиновников	560
11.3. Чиновники и политика.....	562
11.3.1. Соблазн изоляции.....	563
11.3.2. Риск взаимопроникновения: политика завоевывает администрацию.....	567
11.4. Контроль над администрацией.....	570
Глава 12. Надзираемое политическое выражение	574
12.1. Двойственность границ	575
12.2. От клиентелизма к электоральной дисциплине	578
12.2.1. Клиентелистское политическое выражение.....	578
12.2.2. От дисциплины голосования к авторитарным ограничениям	580

12.3. Авторитарная институционализация политического выражения.....	582
12.3.1. Выборы без выбора	582
12.3.2. Массовые организации и процедуры обрамления.....	587
12.3.3. Представление интересов и игра клик	592
12.4. Протест и оппозиция при диктатурах.....	594
12.4.1. Соглашательская и несоглашательская оппозиция	594
12.4.2. Политические рамки замещения.....	598
Глава 13. Внесистемное политическое выражение	601
13.1. Социальные движения.....	603
13.2. Политика снизу и народные способы политического действия.....	615
13.3. Терроризм	620
13.4. Государственный переворот.....	623
13.5. Революции	628